Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

~~2467~~

Проверено 1948 г.

ВРЕМЕННИКЪ
ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО
ЛИЦЕЯ.

Книга семьдесятъ восьмая.

78-24

Императорскаго Юридическаго Книгохранилища С.-Петербургск. Университета

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-лит. Э. Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. д.
1 9 0 0.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

семьдесятъ восьмой книги Временника Лицея.

Отчетъ о состояніи Демидовскаго Юридическаго Лицея за 1896-й годъ . . . . . 1—29

Вопросъ о Номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ. Орд. проф. *Н. С. Суворова*, окончаніе . . . . . 73—112

Исправительно-воспитательные институты въ Сѣверной Америкѣ. И. д. экстра-орд. проф. *А. А. Піонтковскаго* . . . . . 1—22

Гр. Л. Н. Толстой и Ф. Нитцше. Орд. проф. *В. Г. Щеглова*, окончаніе . . . . . 89—243 I—IV

Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Кандидатская диссертація *Н. Д. Кузнецова*, продолженіе . . . . . 241—360

Опытъ системы административнаго права. Орд. проф. *Э. А. Берендтса*, продолженіе . . . . . 73—112

Положеніе и права женщины въ семьѣ и обществѣ. Орд. проф. *В. Г. Щеглова*, продолженіе 81—88

Рѣчь, произнесенная передъ защитою магистерской диссертаціи (Ученія пандектъ о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ, объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, и сочиненія римскихъ землемѣровъ) въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 27 Ноября 1899 г., прив. доцента *В. А. Юшкевича* . . . 1—8

Юридическая библіографія № 52 . . . . . 1—48

LXXVIII книга вышла 15 марта 1900 года; въ ней 30 листовъ.

Редакція „Временника“ проситъ обратить вниманіе на ошибки, вкравшіяся при брошюровкѣ книги 76 въ размѣщеніи статей проф. В. Г. Щеглова—„Толстой и Нитцше“ и „Положеніе женщины“. Первая изъ означенныхъ статей (стр. 89—166) совсѣмъ не вошла въ составъ книги и помѣщается въ настоящей 78 кн. Вторая статья ошибочно распредѣлилась въ кн. 76 въ двухъ мѣстахъ: стр. 89—166 — подъ неправильно помѣченнымъ въ оглавленіи названіемъ „Толстой и Нитцше“ и, нѣсколько дальше, стр. 1—24 подъ настоящимъ ея заглавіемъ. До полнаго комплекта статьи о женщинѣ въ кн. 76 и 77 недостаетъ одного полулиста (стр. 81—88), который помѣщается въ настоящей книгѣ.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Демидовскаго Юридическаго Лицея

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ

за 1896-й годъ.

30 августа 1896 года исполнилось двадцать шесть учебныхъ годовъ со времени преобразованія въ Юридическій Демидовскаго Лицея (камеральнаго), открытаго первоначально, въ 1805 году, подъ именемъ „Демидовскаго Высшихъ наукъ Училища" на средства П. Г. Демидова.

Въ настоящемъ отчетѣ излагаются свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности Юридическаго Лицея а именно: 1) о должностныхъ лицахъ; 2) о дѣятельности Совѣта и Правленія; 3) объ учащихся; 4) объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.

1. Составъ Лицея.

А. Составъ Лицейскаго курса.

По Высочайше утвержденному 25 декабря 1874 года Уставу, въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ (§ 29) преподаются:

1) Богословіе для студентовъ православнаго исповѣданія.
2) Энциклопедія права и Институціи Римскаго права.
3) Всеобщая исторія права со включеніемъ Римскаго.
4) Исторія Русскаго права.
5) Международное право—публичное и частное.
6) Римское право.
7) Гражданское право.
8) Гражданское судопроизводство и Торговое право.
9) Государственное право со включеніемъ Административнаго.

10) Политическая Экономія и Наука о Финансахъ.

11) Уголовное право и Уголовное судопроизводство.

Сверхъ того, 1-мъ примѣчаніемъ къ штату Лицея, предоставлено ввести преподаваніе Церковнаго Законовѣдѣнія, которое и введено съ 1877/8 учебнаго года и съ того времени до 1-го декабря 1884 года отпускалась на содержаніе экстраординарнаго профессора дополнительная, сверхъ положенной по штату, сумма въ размѣрѣ 2000 рублей, но съ 1-го декабря 1884 года этотъ дополнительный кредитъ увеличенъ до 3000 рублей, такъ какъ наличный профессоръ Церковнаго Законовѣдѣнія (Суворовъ), пріобрѣтя по своей спеціальности степень доктора, назначенъ съ того времени ординарнымъ профессоромъ.

На основаніи утвержденныхъ 10 го сентября 1883 года Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія правилъ, всѣ указанныя Уставомъ науки распредѣлены были на четыре группы и студентамъ Лицея преподавалось:

Въ 1-й половинѣ 1896 года, т. е. во второй половинѣ 1895–96 учебнаго года.

	Число часовъ
На 1-мъ курсѣ:	
Богословіе (магистръ Богословія протоіерей Н. А. Тихвинскій)	3
Энциклопедія права (и. д. экстраординарнаго профессора В. Г. Щегловъ)	4
Институціи Римскаго права (и. д. доцента А. Е. Минервинъ)	3
Всеобщая Исторія права (и. д. экстраординарнаго профессора В. Г. Щегловъ)	3
Исторія Русскаго права, 1-я половина (заслужен. ордин. профессоръ С. М. Шпилевскій)	6
Исторія Римскаго права (и. д. доцента А. Е. Минервинъ	3
Итого .	22

Всеобщая Исторія права и Исторія Римскаго права (каѳедра вакантная) читались за особое, по 200 руб. за годовой часъ, вознагражденіе.

	Число часовъ
На 2-мъ курсѣ:	
Исторія Русскаго права, 2 я половина (и. д доцента М. А. Липинскій)	3
Римское право, 1 я половина (и. д. доцента М. М. Катковъ)	6
Государственное и Административное право (ординарный проф. Э. Н. Берендтсъ)	6
Политическая Экономія (приватъ-доцентъ А Р. Свирщевскій)	3
Наука о Финансахъ (приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій)	3
Итого . .	21
На 3 мъ курсѣ:	
Римское право, 2-я половина (ордин. проф. Н. С. Суворовъ)	4
Русское Гражданское право, 1 я половина (приватъ-доцентъ В. А. Юшкевичъ)	3
Церковное Законовѣдѣніе (орд. профессоръ Н. С. Суворовъ)	6
Уголовное право совмѣстно съ 4 мъ курсомъ (и. д. экстр. орд. проф. А. А. Піонтковскій)	4
Итого . .	17
На 4-мъ курсѣ:	
Гражданское право, 2 я половина (заслуженный ординар. профессоръ С М. Шпилевскій по 2 ч. и приватъ-доцентъ В. А. Юшкевичъ по 3 ч.)	5
Международное право (приватъ-доцентъ А. В. Шмидтъ) .	3
Торговое право (приватъ-доцентъ И. Я. Гурляндъ) . .	3
Гражданское судопроизводство (и. д. доцента М. А. Липинскій)	4
Уголовное судопроизводство (приватъ доцентъ Д. Н. Стефановскій)	8
Уголовное право совмѣстно съ 3-мъ курсомъ (и. д. экстр. орд. проф. А. А. Піонтковскій)	4
Итого . .	22

Гражданское судопроизводство (каѳедра вакантная) читалось за особое, по 200 рублей за годовой часъ, вознагражденіе.

Во второй половинѣ 1896 года, т. е. въ первой половинѣ 1896—97 учебнаго года, читалось:

На 1-мъ курсѣ:	Число часовъ
Богословіе (профессоръ, протоіерей Н. А. Тихвинскій) .	3
Энциклопедія права (ордин. профес. В. Г. Щегловъ) .	6
Институціи Римскаго права (и. д доцента А. Е. Минервинъ)	3
Всеобщая исторія права (ордин. проф. В. Г. Щегловъ) .	6
Исторія Русскаго права, 1 я половина (заслуж. ординарн. профес. С. М. Шпилевскій)	6
Исторія Римскаго права (и. д. доцента А. Е. Минервинъ)	3
Итого . .	24

Всеобщая исторія права и исторія Римскаго права (каѳедра вакантная) читались за особое, по 200 рублей за годовой часъ, вознагражденіе.

На 2-мъ курсѣ:	
Римское право, 1-я половина (ордин. проф. Н. С. Суворовъ)	4
Исторія Русскаго права, 2 я половина (и. д. доцента М. А. Лишинскій)	3
Политическая экономія (приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій)	3
Государственное и Административное право (ордин. проф. Э. Н. Берендтсъ)	6
Наука о Финансахъ (приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій)	3
Итого . .	19

На 3-мъ курсѣ:	
Русское Гражданское право 1 я половина (приватъ доцентъ С. П. Никоновъ)	5
Римское право, 2-я половина (и. д. доцента М. М. Катковъ)	6
Церковное Законовѣдѣніе (орд. проф. Н. С. Суворовъ) .	6
Уголовное право (и д. э. орд. проф. А. А. Піонтковскій)	4
Итого . .	21

На 4 мъ курсѣ:	Число часовъ
Гражданское право (приватъ-доцентъ В. А. Юшкевичъ) .	5
Международное право (приватъ-доцентъ А. В. Шмидтъ) .	3
Торговое право (приватъ-доцентъ И. Я. Гурляндъ) . .	3
Гражданское судопроизводство (и. д доцента М. А. Липинскій)	4
Уголовное судопроизводство (приватъ-доцентъ Д. Н. Стефановскій)	3
Итого . .	18

Гражданское судопроизводство (каѳедра вакантная) читалось за особое по 200 руб. за годовой часъ вознагражденіе.

Б. Личный составъ.

1.

На основаніи § 4 Высочайше утвержденнаго 25 декабря 1874 года устава Лицея имѣется въ немъ почетный попечитель изъ рода Демидовыхъ; въ настоящее время таковымъ состоитъ Титулярный Совѣтникъ Павелъ Александровичъ Демидовъ.

2. *Преподаватели.*

По Высочайше утвержденному 25 декабря 1874 года штату Демидовскаго Юридическаго Лицея полагается въ немъ:

Ординарныхъ профессоровъ	5
Экстраординарныхъ профессоровъ	5
Доцентовъ	3
Профессоръ Церковнаго Законовѣдѣнія . . .	1
Профессоръ Богословія . : . . .	1
Итого .	15

Къ 1-му Января 1896 года состояло на лицо:

Ординарныхъ профессоровъ, въ томъ числѣ и профессоръ Церковнаго Законовѣдѣнія	4
И. д. экстраординарныхъ профессоровъ . . .	1

Профессоръ Богословія	1
И. д. доцентовъ	3
Приватъ-доцентовъ	6
Итого .	15

По составу преподавателей въ отчетномъ году произошли слѣдующія перемѣны:

И. д. экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ энциклопедіи права *В. Г. Щегловъ*, послѣ защиты диссертаціи въ Харьковскомъ Университетѣ, удостоенъ этимъ Университетомъ степени доктора Государственнаго права и съ 17 апрѣля назначенъ ординарнымъ профессоромъ.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 1 мая, приватъ-доцентъ Московскаго Университета, магистръ сельско-хозяйственныхъ наукъ, кандидатъ юридическихъ наукъ Надворный Совѣтникъ *И. Н. Миклашевскій* назначенъ и. д. экстраординарнаго проф. по Политической Экономіи, а 18 іюня перемѣщенъ на каѳедру статистики въ Харьковскій Университетъ.

Кандидатъ юридическихъ наукъ *С. П. Никоновъ* окончившій курсъ въ институтѣ римскаго права при Берлинскомъ университетѣ, назначенъ съ 1 января 1896 года приватъ-доцентомъ при каѳедрѣ гражданскаго права.

3) Чиновники по учебно-административной и другимъ частямъ:

По Высочайше утвержденному 25 декабря 1874 года штату Лицея и по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 16-го февраля 1887 года, назначены въ немъ:

Директоръ изъ профессоровъ	1
Инспекторъ	1
Секретарь Совѣта и Правленія	1
Библіотекарь	1
Бухгалтеръ (онъ же казначей)	1
Экзекуторъ	1
Итого .	6

На лицо къ 1-му января 1897 года состояло:

Директоръ	1
Инспекторъ	1
Секретарь	1
Библіотекарь	1
Бухгалтеръ	1
Экзекуторъ	1
Итого .	6

Въ личномъ составѣ этихъ лицъ произошло измѣненіе: Бухгалтеръ и Казначей Лицея *С. Ф. Воскресенскій* перешелъ съ 1 іюля на должность помощника ревизора Контрольной Палаты въ Ташкентъ, а на его мѣсто съ того же числа перемѣщенъ помощникъ дѣлопроизводителя Ярославскаго Губернскаго Правленія *Д. Л. Меньшовъ.*

Нѣкоторые изъ служащихъ въ Лицеѣ, сверхъ штатныхъ своихъ должностей, исполняли постоянно или временно возлагаемыя на нихъ должности; такъ, на основаніи § 41 Устава Лицея, состояли, подъ предсѣдательствомъ Директора, членами Правленія: ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ (по назначенію г. Министра) и исправляющій должность экстраординарнаго профессора В. Г. Щегловъ (по выбору Совѣта).

Имянной списокъ всѣхъ служащихъ въ Лицеѣ прилагается при семъ подъ № 1 мъ.

II. Дѣятельность лицъ, принадлежащихъ къ составу Лицея.

1) *Дѣятельность совѣта:*

Совѣтъ Лицея, къ завѣдыванію котораго, на основаніи § 30 Устава, отнесены дѣла по учебной и ученой части, составляли: Директоръ какъ предсѣдатель, ординарные и экстраординарные профессоры; сверхъ того, согласно § 30 Устава, приглашались въ засѣданія доценты и приватъ доценты, которые имѣли голосъ равный съ членами Совѣта только: а) при рѣшеніи вопросовъ касающихся преподаваемой ими науки и б) при испытаніяхъ на степень кандидата и на званіе дѣйствительнаго студента.

Всѣхъ засѣданій совѣта въ отчетномъ году было обыкновенныхъ 12 и чрезвычайныхъ 4.

Журналы совѣтскихъ засѣданій, согласно § 40 Устава, по предварительномъ представленіи ихъ начальству Московскаго Учебнаго Округа, печатались въ оффиціальной части Временника Лицея.

Учебная дѣятельность Лицея выражалась главнымъ образомъ въ чтеніи лекцій по предметамъ, отнесеннымъ уставомъ къ области юридическаго преподаванія. Чтеніе лекцій, на основаніи § 35 Устава, велось въ отчетномъ году по всѣмъ каѳедрамъ, такъ что окончившимъ курсъ въ Лицеѣ въ 1896 году студентамъ преподавались всѣ науки, перечисленныя въ § 29 Высочайше утвержденнаго устава Лицея.

Дѣятельность преподавателей Лицея состояла: 1) въ разработкѣ и изложеніи порученной каждому изъ нихъ науки въ лекціяхъ, соотвѣтственно съ современнымъ состояніемъ ея и согласно съ программами, составленными каждымъ изъ нихъ, разсмотрѣнными Совѣтомъ и утвержденными Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія; причемъ ординарными профессорами читалось не менѣе 6 часовъ въ недѣлю, экстраординарными—не менѣе 4, профессоромъ Богословія и доцентами—не менѣе 3, что требуется инструкціей преподавателямъ, данной бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія (§ 1-й и 5-й); 2) въ повѣркѣ знаній и успѣховъ студентовъ на экзаменахъ; 3) въ учено-литературныхъ трудахъ и 4) въ мѣрахъ для предоставленія студентамъ возможности, тамъ гдѣ это необходимо, практически заниматься изучаемымъ предметомъ. Этимъ путемъ разъяснялись и дополнялись систематическіе курсы наукъ, доставлялась студентамъ возможность пріобрѣтать умѣнье обращаться съ научнымъ матеріаломъ; 5) въ разборѣ и оцѣнкѣ студенческихъ сочиненій. Такъ, по порученію Совѣта, преподаватели разсматривали письменныя (годовыя) работы студентовъ и кандидатскія разсужденія, представляя о послѣднихъ въ Совѣтъ письменные отзывы.

На основаніи этихъ отзывовъ Совѣтомъ, согласно § 58 Устава, въ 1896 году удостоены степени кандидата Юридическихъ наукъ слѣдующіе студенты, у коихъ по экзаменнымъ отмѣткамъ имѣлось въ общемъ выводѣ не менѣе $4^1/_2$ балловъ по всѣмъ предметамъ лицейскаго курса: 17 января—*Карасовъ Андрей, Кузнецовъ Николай* и *Казанцевъ Василій,* за сочиненія—первый „Значеніе свѣтской власти въ дѣлахъ церкви въ византійскій періодъ въ его историческомъ развитіи“, второй—„Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи“, по отзывамъ

ординар, проф. Н С. Суворова, а третій за сочиненіе „О консульской юрисдикціи на Востокѣ“ отзывъ приватъ доцента А. В. Шмидта. При этомъ сочиненіе Кузнецова Совѣтомъ опредѣлено напечатать. 2 марта *Орнштейнъ Борисъ* и *Петинъ Сергѣй* за сочиненія —первый „Договорное представительство въ гражданскомъ правѣ и процессѣ“ по отзыву ис. д. доцента М. А. Липинскаго, а второй—„Акціонерныя товарищества въ современномъ торговомъ оборотѣ“, по отзыву приватъ-доцента И Я. Гурлянда. 20 апрѣля *Добровольскій Григорій*, *Масленниковъ Константинъ*, *Крживо-кольскій Болеславъ и Мясниковъ Петръ* за сочиненія—первый «Опека и попечительство по русскому законодательству», второй—„О разводѣ по русскому праву,“ третій—„О вознагражденіи лицъ невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ“ и послѣдній—„Производство по дѣламъ, связаннымъ съ нарушеніемъ устава о питейномъ сборѣ“; отзывы о первыхъ двухъ заслуженнаго ординарнаго проф. С. М. Шпилевскаго, о третьемъ и. д. экстраордин. проф. А. А Піонтковскаго и о четвертомъ приватъ доцента Д. И. Стефановскаго. 30 мая *Иловайскій Владиміръ* и *Ивановъ Николай* за сочиненія—первый «Договоры въ пользу третьихъ лицъ» по отзыву орд. проф. Н С. Суворова и второй „Исправительныя заведенія для малолѣтнихъ преступниковъ“ по отзыву ис. д. экстраординарн. проф. А А. Піонтковскаго. 31 мая *Дмитріевъ Николай* за сочиненіе «Личныя и имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми по русскому праву», по отзыву приватъ-доцента С. П. Никонова. 26 августа *Соколовъ Владиміръ* и *Воробьевъ Павелъ* за сочиненія —первый „О фабричномъ законодательствѣ въ Россіи“ и второй „Административная юстиція“, по отзывамъ ордин. проф. Э. Н. Берендтса. 26 октября *Сидоровскій Александръ* за сочиненіе „Административная юстиція“ по отзыву ордин. проф. Э. Н. Берендтса и *Озерецкій Иванъ*—„Объ условномъ осужденіи или системѣ испытанія“ по отзыву испр. д. экстраорд. проф. А А. Піонтковскаго. 30 ноября *Лигскій Дмитрій* и *Ивановъ Михаилъ* за сочиненія первый „Исторія лѣснаго законодательства въ Россіи“ по отзыву ордин. проф. Э. Н. Берендтса и второй „Артели въ Россіи“ по отзыву приватъ-доцента И. Я. Гурлянда. 21 декабря *Новицкій Викторъ* и *Рабиновичъ Евна* за сочиненія первый „Краткій обзоръ личныхъ и имущественныхъ отношеній между родителями и дѣтьми по древне-русскому праву“ и второй „Личныя и имущественныя

отношенія супруговъ", по отзывамъ заслуженъ орд. проф. С М. Шпилевскаго.

Имѣвшихъ право окончить въ 1896 г. курсъ наукъ студентовъ въ Лицеѣ находилось 95, изъ которыхъ окончило курсъ 85 и осталось на 4-мъ курсѣ на 2-й годъ 10 Изъ окончившихъ курсъ студентовъ шестеро удостоены степени кандидата: *Дмитріевъ Николай, Лигскій Дмитрій, Матвѣевъ Александръ Свадковскій Николай, Спосскій Петръ* и *Ѳедосѣевъ Дмитрій*; двадцати двумъ дано, по ихъ балламъ (не менѣе $4^1/_2$ въ среднемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ лицейскаго курса) право на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій: *Барковскому Оскару, Бугельскому Александру, Бѣлецкому Николаю, Варламову Александру, Васильеву Владиміру, Васильеву Николаю, Виноградову Дмитрію, Виноградову Евгенію, Вологодскому Леониду, Декаполитову Петру, Добротину Николаю, Ивакину Николаю, Иванову Василью, Корніенко Ѳедору, Любомудрову Ѳедору, Писаренко Константину, Рахинскому Ѳедору, Рязановскому Ивану, Снѣжкову Ѳеоктисту, Соболевскому Клименту, Старухину Михаилу и Чукаловскому Ивану*; остальные 57 окончили курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, именно: *Азовкинъ Сергѣй, Байеръ Анатолій, Благонравовъ Василій, Блюмбергъ Александръ, Блюммеръ Иванъ, Боянусъ Александръ, Вальденбергъ Дмитрій, Варваринъ Николай, Вейднеръ Александръ, Ветчининъ Николай, Виллертъ Іоакимъ, Воробьевъ Николай, Воскресенскій Владиміръ, Головня Петръ, Горяиновъ Евгеній, Гранденбергъ Адольфъ, Дмитровъ Иванъ, Домбровскій Владиміръ, Дорнбушъ Александръ, Зиминъ Александръ, Ивановъ Иванъ, Ильницкій Матвѣй Кишкинъ Алексѣй, Ковалевскій Сергѣй, Корякинъ Григорій, Красильниковъ Константинъ, Кузьминъ Николай, Лапотниковъ Василій, Лопатинъ Леонидъ, Лузановъ Андрей, Макаровъ Глѣбъ, Македонскій Григорій, Маковскій Ѳедоръ, Манусовичъ Александръ, Марковъ Евсей, Миницкій Павелъ, Нелидовъ Сергѣй, Нечаевъ Вячеславъ, Оттоковъ Иванъ Осинскій Павелъ, Парадѣевъ Николай, Поляковъ Илья, Пынинъ Петръ, Синевъ Петръ, Скреге Иванъ, Смирновъ Николай, Старовѣркинъ Иванъ, Стопани Александръ, Сухининъ Леонтій, Тельпуговъ Антоній, Тодесъ Менаше, Холодовичъ Константинъ, Хорановъ Валентинъ, Цвѣтаевъ Николай, Чинновъ Митрофанъ, Шуббе Августъ* и *Юдичевъ Аркадій.*

Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, съ

ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія, утвержденъ 7 іюня Уставъ Ярославскаго Юридическаго Общества: Общество (по § 1-му) состоитъ при лицеѣ и имѣетъ цѣлію (§ 2) разработку теоретическихъ и практическихъ вопросовъ права и распространеніе юридическихъ знаній.

По случаю празднованія, 21 января, Императотскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ полувѣковаго юбилея отправленъ былъ Совѣтомъ Лицея въ Общество адресъ и для присутствованія на юбилейномъ торжествѣ командированъ былъ Лицеемъ орд проф. Э. Н. Берендтсъ.

Въ отчетномъ году Совѣтомъ Лицея командированы были за границу съ ученою цѣлью: съ 15 іюня по 15 августа нс. д. экстраордин. проф. *А. А. Піонтковскій*, съ выдачей пособія изъ спеціальныхъ средствъ 350 руб, приватъ доцентъ *А. Р. Свирщевскій* съ 20 мая по 20 сентября съ пособіемъ въ 400 р. и безъ пособія приватъ доцентъ *Д. Н. Стефановскій* на каникулярное время. Изъ нихъ г.г. Піонтковскому и Стефановскому дано было уполномочіе быть представителями отъ лицея на конгрессѣ уголовной антропологіи, бывшемъ въ началѣ августа въ Женевѣ.

Рѣчь на годичномъ торжественномъ актѣ Лицея 30 августа произнесена была ис д. экстраордин. проф. А. А Піонтковскимъ „О международномъ союзѣ криминалистовъ".

2) Мѣры для надзора за нравственностью студентовъ и для усиленія учебной дѣятельности, а равно и способы контроля надъ ихъ занятіями.

Инспекція на основаніи данныхъ ей инструкцій, наблюдала за нравственностью студентовъ, поведеніе которыхъ не приводило къ необходимости установленія особенныхъ мѣръ надзора за ними.

Способомъ контроля надъ занятіями студентовъ служили— наблюденіе за аккуратнымъ посѣщеніемъ ими лекцій, а также письменныя упражненія, которыя, на основаніи § 29 правилъ, давались студентамъ и состояли въ переводахъ, рефератахъ разборахъ судебныхъ казусовъ и самостоятельныхъ работахъ по источникамъ. Независимо отъ этихъ работъ обязательныхъ для каждаго желающаго перейти на слѣдующій курсъ студента, срокъ подачи коихъ опредѣленъ правилами къ 1-му февраля, даны были имъ еще, согласно § 32 правилъ, съ одобрѣнія Совѣта, по всѣмъ кеѳедрамъ темы для необязательныхъ сочиненій на соисканіе де-

нежныхъ премій. Денежныя преміи за сочиненія присуждены были въ отчетномъ году студентамъ: въ 50 р. *Гагену Владиміру* за сочиненіе „Эльберфельдская система призрѣнія бѣдныхъ", въ 25 р. *Ткаченко Дмитрію* — „Роль государственнаго управленія въ эпохи экономическихъ кризисовъ", по отзывамъ ордин. проф. Э. Н. Берендтса; въ 20 р *Спасскому Петру* за сочиненіе „Судебникъ 1468 г. короля Казиміра IV сравнительно съ Русской Правдою", по отзыву заслужен. ординарнаго профессора С. М. Шпилевскаго.

Серебряныя медали за сочиненія „О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ" присуждены были студентамъ *Позняковy Александру* и *Ширяеву Валеріану*.

Въ отчетномъ году для сочиненій на медали объявлены студентамъ темы: по энциклопедіи права прошлогодняя „Общая теорія объ обычномъ правѣ, провѣренная по матеріаламъ для описанія жит лей и мѣстностей Кавказа", изданнымъ Яновскимъ и новая по Институціямъ Римскаго права „Исторія порядка наслѣдованія безъ завѣщанія".

3) *Изданія Совѣта Лицея и особые труды преподавателей онаго.*

Въ отчетномъ году издано Совѣтомъ Лицея три книги „Временника" LXVIII, LXIX и LXX, вышедшія въ свѣтъ 15 апрѣля, 25 іюня и 25 октября. Въ нихъ, послѣ оффиціальнаго отдѣла (протоколы Совѣта, отчеты), помѣщено было: орд. проф. *Берендтсомъ* „Государственное хозяйство Швеціи"; проф Богословія протоіер *Тихвинскимъ* „Чтенія по православному христіанск му Богословію"; проф. *Щегловымъ* «Государственный Совѣтъ въ Россіи»; приватъ доцентомъ *Стефановскимъ* «Очеркъ теоріи относимости доказательствъ», и приватъ доцентомъ *Гурляндомъ* „Римскій юристъ Гай и его сочиненія". Авторъ послѣдняго сочиненія удостоенъ былъ Совѣтомъ Лицея золотой медали. Кромѣ того въ LXX книгѣ помѣщены программы лекцій: ордин. проф. Н. С. Суворовымъ по церковному праву, ордин. профес Э Н. Берендтсомъ по Государственному праву и приватъ доцентомъ В. А. Юшкевичемъ по Русскому Гражданскому праву — общая часть вещное и обязательственное право.

Въ особомъ отдѣлѣ Временника „Юридическая Библіографія", коей въ отчетномъ году вышли №№ 40—44, помѣщены разборы орд. проф *Щегловымъ* - одиннадцати, и д. экстраорд. проф. *Левинскимъ* — одного и приватъ-доцентомъ *Свирщевскимъ* — пяти сочиненій.

Ш. О занятіяхъ Правленія.

1) Число входящихъ и исходящихъ бумагъ вообще по Лицею и состоявшихся журнальныхъ постановленій Правленія.

Въ Совѣтъ Лицея, Правленіе онаго и на имя Директора поступило въ отчетномъ году отъ разныхъ мѣстъ и лицъ бумагъ 667, исходящихъ бумагъ отправлено 1092; постановленій правленія состоялось 189; ассигновокъ составлено: простыхъ 250, авансовыхъ 17 и оборотныхъ 7, итого 274. Выдано отпускныхъ билетовъ студентамъ 500 и льготныхъ бланокъ на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ 529.

2) О заключенныхъ подрядахъ и расходахъ по Лицею.

Правленіемъ Лицея, состоявшимъ въ отчетномъ году, подъ предсѣдательствомъ Директора, изъ двухъ членовъ: ординарныхъ профессоровъ Суворова и Щеглова, заключенъ былъ контрактъ съ крестьяниномъ Ефремомъ Лыжинымъ на очистку дымовыхъ трубъ и топку духовыхъ печей на 150 рублей.

Всѣ мелочные расходы по Лицею производились хозяйственнымъ образомъ по цѣнамъ ниже справочныхъ и вообще умѣреннымъ.

Наиболѣе же значительные расходы, произведенные въ отчетномъ году, были слѣдующіе: по ремонту зданія уплачено за окраску крыши крестьянину Гогину 700 р. ему же за отдѣлку трехъ помѣщеній 308 р. Кучумову за лѣсные матеріалы 251 р. 45 к., Лыжину за печныя работы 260 р, Горошкевой за желѣзные матеріалы 161 руб., за водопроводъ Тиле 168 р 60 к. и за починку желѣзной крыши Пузину 352 руб.; за дрова 1810 р. 92 к Изданіе Временника обошлось Лицею въ отчетномъ году 1029 р. 36 к.

3) Число освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій и количество поступившихъ за слушаніе лекцій суммъ.

Въ первой половинѣ 1896 г, т. е во второй половинѣ 1895—96 учебнаго года студентовъ въ Лицеѣ находилось 270, изъ нихъ 70 освобождены были отъ взноса платы по постановленіямъ Правленія Лицея Во второй половинѣ 1896 г, т е въ первой половинѣ 1896—97 учебнаго года, студентовъ было 240, изъ коихъ отъ платы освобождено было 67.

Въ числѣ вовсе не платившихъ за слушаніе лекцій студентовъ въ теченіи года было 20 Демидовскихъ стипендіатовъ и 7

студентовъ, находившихся на благотворительномъ иждивеніи которые не платятъ за слушаніе лекцій на основаніи Устава и правилъ Лицея

Суммы сбора за слушаніе лекцій въ отчетномъ году всего поступило 6590 руб, въ томъ числѣ недоимокъ за прежніе годы 60 руб.

Вѣдомость объ оборотахъ всѣхъ суммъ прилагается при семъ подъ № 2 мъ.

4) О стипендіатахъ Лицея.

Въ отчетномъ году имѣлись при Лицеѣ слѣдующія стипендіи: 20 Демидовскихъ по 200 руб, 6 имени ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА на проценты съ капитала Ярославскаго дворянства для недостаточныхъ студентовъ изъ дворянъ Ярославской губ., изъ коихъ одна въ 275 руб и 4 по 200 руб, и по одной: а) имени ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I го въ 162 руб, б) Генерала отъ Артиллеріи Глинки I-го въ 420 руб, в) Генералъ маіора И. И. Болтырева въ 245 руб., г) бывшаго Ярославскаго Архіепископа Леонида въ 90 руб.. д) статскаго совѣтника Д. Н. Соколова въ 63 руб. 70 коп, е) Ярославскаго купца А. Д. Топленинова на 103 руб и ж) Ярославской дворянки М. П. Макиной въ 78 руб

Кромѣ того, съ капитала Н. Н Демидова получается процентовъ въ годъ 377 руб. для содержанія, согласно положенію объ этомъ капиталѣ, въ интернатѣ Лицея двухъ стипендіатовъ и капиталъ въ 1000 руб, завѣщанный дѣвицей изъ дворянъ В. П. Рамбахъ, принятый съ разрѣшенія г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 11 декабря 1891 года, проценты съ котораго (38 руб. въ годъ), согласно завѣщанію Рамбахъ, выдаются бѣднѣйшимъ студентамъ по усмотрѣнію Директора Лицея

О стипендіяхъ Лицея прилагается вѣдомость подъ № 3 мъ.

5) *Попечительство о недостаточныхъ студентахъ Лицея.*

При Лицеѣ на основаніи § 7 Устава, состоитъ попечительство о недостаточныхъ студентахъ онаго. открытое съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія, послѣдовавшаго въ 28 день апрѣля 1871 года и дѣйствующее на основаніи особыхъ правилъ, утвержденныхъ бывшимъ Г Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12 іюня того же года

Въ теченіе 1896 года въ состоящее при Лицеѣ Попечи-

тельство о недостаточныхъ студентахъ поступило: а) членскихъ взносовъ, пожертвованій отъ разныхъ лицъ и учрежденій и случайныхъ поступленій 2654 р. 70 к.; б) процентовъ съ капитала Попечительства 554 руб и в) возвращено ссудъ 579 р. 94 к., а всего съ остаткомъ отъ 1895 года (въ 883 р 72 к.) 4673 р. 30 к.

Изъ этихъ денегъ было: а) внесено за слушаніе лекцій за 33 студентовъ 640 руб., б) выдано 265 единовременныхъ пособій 80 студентамъ на 1876 р. 65 к.; пособія выдавались въ размѣрѣ отъ 3 до 20 р смотря по надобности студентовъ; в) выдано заимообразно на разные сроки 36 ссудъ 28 студентамъ на 462 руб. 6 коп., ссуды давались въ размѣрѣ отъ 3-хъ до 20 р; г) уплачено за застраховку одного 5% съ выигрышами билета 2 руб. 60 коп.; д) выдано инспектору на погребеніе двухъ студентовъ 55 рублей и е) отчислено 10% изъ суммъ поступившихъ въ пользу Попечительства (за исключеніемъ возврата долговъ) на увеличеніе основнаго капитала Попечительства 497 р 71 коп Всего же израсходовано 3534 руб. 2 коп.

IV. Объ учащихся.

Число студентовъ Лицея въ 1896 году.

Къ 1 му января 1896 года студентовъ въ Лицеѣ находилось 269 изъ нихъ въ теченіе года выбыло по окончаніи курса 85 и не окончивъ курса 20, въ числѣ коихъ умерло 2; вновь принято на разные курсы въ отчетномъ году 74; затѣмъ къ 1 января 1897 г. студентовъ въ Лицеѣ находится 238.

Окончившіе курсъ въ отчетномъ году въ Лицеѣ студенты (85) по исповѣданіямъ: православнаго 74, католическаго 1. лютеранскаго 8 и іудейскаго 2, а по мѣсту рожденія изъ губерній: Ярославской 10, Владимірской и Тамбовской по 7, Курляндской 5, Казанской, Кіевской, Костромской и Петербургской по 4, Волынской, Донской, Екатеринославской, Курской, Лифляндской, Московской, Орловской Рязанской, Самарской, Смоленской, Томской, Херсонской и Черниговской по 2, Виленской, Воронежской Иркутской, Могилевской, Нижегородской, Пермской, Полтавской, Ставропольской, изъ Ташкента Тверской, Терской обл., Тобольской, Уральской области и Харьковской по 1.

Вновь поступившіе въ 1896 г. студенты Лицея (74), по мѣсту рожденія изъ губерній: Ярославской 5, Иркутской и Тав-

рической по 4, Бессарабской Донской, Кіевской Московской, Нижегородской по 3, Вологодской, Волынской Костромской, Курляндской, Лифляндской Орловской, Рязанской, Самарской, С. Петербургской Саратовской Симбирской, Тверской Тульской Харьковской и Черниговской по 2, Архангельской Астраханской, Витебской, Воронежской, Екатеринославской Казанской, Каменецъ-Подольской, Курской, Могилевской, Олонецкой, Полтавской, Смоленской, Тамбовской, Тобольской Херсонской и Эриванской по 1.

Изъ находящихся къ 1897 году въ Лицеѣ студентовъ (238) православнаго исповѣданія 210, католическаго 13, лютеранскаго 9, іудейскаго 3 и армяногригоріанскаго 3. По сословіямъ же подраздѣляются они такъ: дѣтей дворянъ и чиновниковъ 137, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи 12, духовнаго званія 19, купцовъ 2 й гильдіи 20, мѣщанъ и ремесленниковъ 38, крестьянъ 9, казаковъ 3.

Справка, съ подраздѣленіемъ тѣхъ же студентовъ на категоріи по положенію ихъ относительно отбыванія воинской повинности, прилагается подъ № 4.

5. Учебно-вспомогательныя учрежденія.

Къ 1 января 1896 г. въ библіотекѣ Лицея числилось 19499 названій сочиненій, 39201 томъ и 4913 брошюръ; въ теченіе года поступило 300 новыхъ названій, составляющихъ 781 томъ и 75 брошюръ.

Общій составъ библіотеки къ 1 января 1897 г. опредѣляется въ 19.799 названій, 39982 тома и 4988 брошюръ, въ томъ числѣ изданій на русскомъ языкѣ 5629 названій, 15336 томовъ и 1216 брошюръ.

Большая часть книгъ пріобрѣтена за деньги. Поставщикомъ русскихъ изданій былъ главнымъ образомъ Ярославскій книгопродавецъ И. А. Холщевниковъ; заграничныя изданія пріобрѣтались преимущественно чрезъ книжный магазинъ Бера и К° во Франкфуртѣ на Майнѣ, съ которымъ Лицей имѣетъ дѣло съ самаго своего преобразованія.

Кромѣ того, поступили безплатно изданія, присланныя отъ кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Государственнаго Контроля, Министерствъ: Народнаго Просвѣщенія,

Финансовъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, отъ Оберъ Прокурора св Синода, Главнаго Тюремнаго Управленія, Попечителя Кавказскаго учебнаго округа, Комитета Съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита, а также книги, пожертвованныя бывшимъ Прокуроромъ Ярославскаго Окружнаго Суда С. С. Хрулевымъ и авторами: Е. И. Якушкинымъ, Н Д Сергѣевскимъ, Э Н Берендтсомъ и В. А. Юшкевичемъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить изданія полученныя въ обмѣнъ на Временникъ Лицея и наконецъ собственныя изданія Лицея: его Временникъ (книги 68 69 и 70) и Юридическую Библіографію (вып 43—48).

За книги и пересылку ихъ уплачено въ отчетномъ году 740 руб. 74 коп.; за переплеты книгъ заплачено мѣстнымъ переплетчикамъ 240 р. 62 коп Такимъ образомъ общая сумма расхода на библіотеку въ 1896 г. исчисляется въ 981 р. 36 к.; со времени же преобразованія Лицея на библіотеку израсходовано всего 116.162 руб. 23 коп.

Въ учебное время библіотека была открыта во всѣ присутственные дни съ 10 час. утра до 2 часовъ дня въ лѣтніе же каникулярные мѣсяцы—одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ. Не считая книгъ, читавшихся въ самомъ помѣщеніи библіотеки, за годъ было выдано для пользованія на дому: профессорамъ и чиновникамъ Лицея 1417 томовъ, стипендіатамъ готовящимся къ профессорскому званію 73 тома, студентамъ Лицея 2196 томовъ. Кромѣ того, изъ студенческаго отдѣла библіотеки, находящагося въ завѣдываніи Инспектора студентовъ, въ теченіе года выдано до 1100 книгъ.

Приложеніе № 1-й.

ИМЯННОЙ СПИСОКЪ

лицъ, состоящихъ на службѣ къ 1 января 1897 года въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Должность, чинъ, имя, отчество и фамилія.	Откуда родомъ, изъ какого состоянія, лѣта, вѣроисповѣданіе, имѣетъ ли семейство.
1) Директоръ Лицея, заслуженный Ординарный профессоръ по Исторіи Русскаго права, Тайный Совѣтникъ, Сергѣй Михайловичъ *Штилевскій.*	Московской губерніи, изъ дворянъ 63 лѣтъ, исповѣданія православнаго имѣетъ семейство.
2) Ординарный профессоръ по Церковному Законовѣдѣнію, Статскій Совѣтникъ, Николай Семеновичъ *Суворовъ.*	Костромской губ. изъ духовнаго званія, 48 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.
3) Профессоръ Богословія, Протоіерей Николай Андреевичъ *Тихвинскій*	Ярославской губ, изъ духовнаго званія, 70 лѣтъ, исповѣданія православнаго, вдовый.
4) Ординарный профессоръ по Государственному и Административному праву, Коллежскій Асессоръ, Эдуардъ Николаевичъ *Берендтсъ.*	Петербургской губ., 36 лѣтъ, изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ, исповѣданія евангелическо — лютеранскаго, имѣетъ семейство.
5) Ординарный профессоръ по Энциклопедіи права и Институціямъ Римскаго права, Статскій Совѣтникъ Владиміръ Георгіевичъ *Щегловъ.*	Тамбовской губ. изъ духовнаго званія, 43 лѣтъ исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
6) И. д. экстраординарнаго профессора по Уголовному праву. Коллежскій Секретарь Андрей Антоновичъ *Піонтковскій.*	Херсонской губ., изъ потомственныхъ почетныхъ гражданъ, 33 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.
7) И. д. доцента по исторіи Русскаго права, Коллежскій Совѣтникъ Маріинъ Александровичъ *Липинскій.*	Виленской губ., изъ дворянъ, 42 лѣтъ, исповѣданія евангелическо лютеранскаго, имѣетъ семейство.

Съ котораго времени въ учебной службѣ и должности.	Какую имѣетъ ученую степень.	Сколько получаетъ содержанія въ годъ.
		Жалованья профессорскаго 2400 р., столовыхъ 300 р., добавочнаго жалованья по должности Директора 1500 р. и пенсіи 1681 р. 20 к. Пользуется казен. квартирой.
Въ учебной службѣ съ 27 февраля 1861 г., въ настоящей должности съ 7 іюня 1885 года.	Доктора Государственнаго права	
Въ учебной службѣ съ 10 марта 1873 г., въ настоящей должности съ 1 декабря 1884 г.	Доктора Каноническаго права	Жалованья 2400 р Столовыхъ 300 р. Квартирныхъ 300 р
Въ учебной службѣ съ 7 ноября 1849 г., въ настоящей должности съ 26 октября 1891 г.	Магистра Богословія.	Жалованья 1600 р. Столовыхъ 200 р. Пенсіи 800 р. Пользуется казенной квартирой.
Въ учебной службѣ съ 1 іюня 1891 года, въ настоящей должности съ 25 апрѣля 1895 г.	Доктора Финансоваго права.	Жалованья 2400 р Столовыхъ 300 р. Квартирныхъ 300 р.
Въ учебной службѣ съ 15 іюля 1884 года, въ настоящей должности съ 17 апрѣля 1885 г.	Доктора Государственнаго права.	Жалованье 2400 р. Столовыхъ 300 р. Квартирныхъ 300 р
Въ учебной службѣ съ 1 января 1889 г., въ настоящей должности съ 7 апрѣля 1895 г.	Магистра Уголовнаго права.	Жалованья 1600 р. Столовыхъ 200 р. Квартирныхъ 200 р.
Въ учебной службѣ съ 1 іюня 1876 г., въ настоящей должности съ 1 января 1879 г.	Кандидата Юридическихъ наукъ.	Жалованья 900 р. Столовыхъ 150 р. Квартирныхъ 150 р

Должность, чинъ, имя, отчество и фамилія.	Откуда родомъ, изъ какого состоянія, лѣта, вѣроисповѣданіе, имѣетъ ли семейство
8) И. д. доцента по Иституціямъ Римскаго права, Надворный Совѣтникъ, Александръ Евграфовичъ *Минервинъ*.	Ярославской губ., изъ духовнаго званія, 53 лѣтъ исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
9) И. д. доцента по Римскому праву, Михаилъ Меѳодіевичъ *Катковъ*	Московской губ., изъ дворянъ, 36 лѣтъ. исповѣданія православнаго, холостъ.
10) Приватъ доцентъ по Политической экономіи и Финансовому праву, Александръ Рафаиловичъ *Свирщевскій*	Московской губ., изъ дворянъ, 35 лѣтъ исповѣданія православнаго, холостъ.
11) Приватъ-доцентъ по Международному праву, Александръ Васильевичъ *Шмидтъ*.	Московской губ. изъ дворянъ, 39 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство
12) Приватъ-доцентъ по Торговому праву Илья Яковлевичъ *Гурляндъ*.	Кіевской губ., сынъ личнаго почетнаго гражданина, 29 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.
13) Приватъ-доцентъ по Гражданскому праву Коллежскій Асессоръ, Викторъ Адамовичъ *Юшкевичъ*.	Псковской губ. дворянинъ 30 лѣтъ, исповѣданія православнаго, холостъ.
14) Приватъ доцентъ по Уголовному Судопроизводству Коллежскій Асессоръ, Дмитрій Николаевичъ *Стефановскій*.	Московской губ., изъ дворянъ, 35 лѣтъ исповѣданія православнаго, холостъ.
15) Приватъ-доцентъ по Гражданскому праву, Сергѣй Павловичъ *Никоновъ*.	Вятской губерніи, изъ дворянъ, 34 лѣтъ, исповѣданія православнаго, имѣетъ семейство.

Съ котораго времени въ учебной службѣ и должности.	Какую имѣетъ ученую степень.	Сколько получаетъ содержанія въ годъ.
Въ учебной службѣ съ 1 іюля 1878 г., въ настоящей должности съ 13 сентября 1888 г.	Кандидата Юридическихъ наукъ.	Жалованья 900 р. Столовыхъ 150 р. Квартирныхъ 150 р
Въ учебной службѣ и должности съ 20 сентября 1890 г.	Кандидата Юридическихъ наукъ.	Жалованья 900 р. Столовыхъ 150 р. Квартирныхъ 150 р.
Съ 16 августа 1890 г.	Кандидата Юридическихъ наукъ.	Содержаніе за 6 лекцій въ недѣлю въ размѣрѣ 1800 р
Съ 24 ноября 1890 г.	Кандидата Юридическихъ наукъ.	Содержаніе за 3 лекціи въ недѣлю въ размѣрѣ 1200 р.
Съ 16 февраля 1894 г.	Кандидата Юридическихъ наукъ.	Содержаніе за 3 лекціи въ недѣлю въ размѣрѣ 1200 р.
Съ 16 августа 1894 г.	Окончилъ курсъ въ Берлинскомъ Институтѣ Римскаго права.	Содержаніе за 5 лекцій въ недѣлю въ размѣрѣ 2000 р.
Съ 6 октября 1894 г.	Кандидата Юридическихъ наукъ.	Содержаніе за 3 лекціи въ недѣлю въ размѣрѣ 1200 р.
Съ 1 января 1896 г.	Кандидата Юридическихъ наукъ.	Содержаніе за 5 лекцій въ недѣлю въ размѣрѣ 2000 р.

Приложеніе № 2.

ВѢДОМОСТЬ

объ оборотахъ суммъ по Демидовскому Юридическому Лицею

за 1896 годъ.

Суммъ ассигнованныхъ отъ Государствен. Казначейства.	Остатковъ отъ 1895 года.		въ 1896 году. Приходъ.		Расходъ.		Остатокъ къ 1897 году.	
	Р	К.	Р.	К.	Р.	К	Р	К.
По § 12 ст. 1.	„	„	37827	„	36677	88	1149	12
2.	„	„	8142	68	8142	68	„	„
3.	„	„	4269	95	4269	13	„	82
По § 5 ст. 1.	„	„	882	92	882	92	„	„
По § 14 ст. 2.	„	„	300	„	300	„	„	„
По § 20 . .	„	„	114	58	114	58	„	„
Пожертвованныхъ.								
Документами	52685	„	84447	„	200	„	136932	„
Наличными .	3328	40	5870	42	7209	22	1989	60
Сбора за слушаніе лекцій и экономич. суммъ.								
Документами	50400	„	2700	„	„	„	53100	„
Наличными .	4347	29	9037	55	12624	96	759	88
На содерж. въ интернатѣ частн. воспитан.								
Наличными .	28	15	800	„	797	71	30	44
Переходящ. суммъ.								
Документами	950	„	100	„	900	„	150	„
Наличными .	75	42	34	40	107	92	1	90
Всего. Документами	104635	„	87247	„	1100	„	190182	„
Всего. Наличными .	7779	26	67279	50	71127	„	3931	76

Приложеніе № 3.

ВѢДОМОСТЬ

о стипендіяхъ существовавшихъ при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ и о числѣ лицъ пользовавшихся ими

въ 1896 году.

Наименоване стипендій.	Въ 1896 году было назначено.			Общая сумма выданныхъ въ 1896 году стипендій		Изъ какихъ источниковъ производится выдача.
	Число стипендій.	Размѣръ стипендій.				
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Демидовыхъ . . .	20	200	„	4000	„	Изъ Государственнаго Казначейства.
Ярославскаго дворянства	5	200	„	733	„	Изъ спеціальныхъ средствъ.
Его же	1	275	„	137	50	
Генерала отъ артиллеріи Глинки 1 го	1	420	„	420	„	
Генералъ - Маіора Болдырева . . .	1	245	„	193	72	
Ярославскаго купца Топленинова . .	1	108	„	108	„	
Статскаго Совѣтника Соколова . .	1	60	70	26	50	
Ярославскаго Архіепископа Леонида	1	90	„	90	„	
Имени Императора Александра *I*. .	1	162	„	162	„	
Имени Н. Н. Демидова	2	188	50	377	„	
Ярославской дворянки Макиной . .	1	78	„	78	„	
Дѣвицы изъ дворянъ В. П. Рамбахъ .	1	38	„	„	„	

Приложеніе № 4.

СПРАВКА

о числѣ студентовъ Демидовскаго Юридическаго Лицея къ 1897 году съ подраздѣленіемъ ихъ на группы по ихъ положенію въ отношеніи воинской повинности.

Всего студентовъ 238.

Изъ нихъ:

1) состоятъ на отсрочкѣ:	а) по вынутымъ жеребьямъ . .	140
	б) по заявленіямъ о желаніи отбыть повинность вольноопредѣляющимися .	39
2) Подлежатъ призыву, но недостигли еще призывного возраста		8
3) Ратниковъ ополченія по неспособности или льготамъ по семейному положенію		41
4) Состоятъ въ запасѣ арміи		8
5) Не подлежатъ призыву, изъ уроженцевъ Кавказа и Ташкента		2
	Итого .	238

Печатано по опредѣленію Совѣта Дем. Юрид. Лицея Директоръ *С. Шпилевскій.*

Ярославль. Тип. Губерн. Правленія.

всего менѣе послѣдняя категорія церквей ктиторскихъ, существовавшихъ на средства, данныя ктиторами, безъ какой либо субсидіи со стороны великой церкви, и очевидно для удовлетворенія частныхъ религіозныхъ потребностей ктиторовъ — собственниковъ церквей или ихъ потомковъ съ ихъ семействами и домочадцами. Церкви средней категоріи, какъ видно изъ словъ самого Юстиніана, были тоже ктиторскими; но, получая содержаніе отъ великой церкви и слѣдовательно состоя въ хозяйственной зависимости отъ нея, онѣ, съ одной стороны, имѣли публичный характеръ въ томъ смыслѣ, что предназначались къ удовлетворенію религіозныхъ потребностей не отдѣльныхъ какихъ либо ктиторскихъ фамилій, а съ другой стороны, не были приходскими храмами съ пріуроченными къ нимъ обособленными группами прихожанъ и тѣмъ лишь отличались отъ трехъ вышеназванныхъ филіальныхъ церквей, что имѣли при себѣ не временно или поочередно командируемое духовенство, а постоянное. Изъ всего этого нужно заключить что въ VI в. въ Константинополѣ приходовъ не было.—Выходя изъ „современнаго" понятія о приходахъ и приходскихъ священникахъ, какъ духовникахъ своихъ прихожанъ, проф. Павловъ и вообще о таинствѣ покаянія разсуждаетъ по „современному", упустивъ изъ вида свою ученую точку зрѣнія—историка-канониста. Современное понятіе о таинствѣ покаянія, какъ оно излагается въ нынѣшнихъ учебникахъ догматическаго богословія, руководитъ проф. Павловымъ и въ его историко-каноническомъ изслѣдованіи о покаянныхъ номоканонахъ. Отсюда объясняется цѣлый походъ, предпринятый почтеннымъ ученымъ противъ высказывавшагося мною не разъ положенія, что во времена трулльскаго собора духовниками обыкновенно были не имѣвшіе пресвитерскаго сана монахи, или, какъ я иначе выразилъ мою мысль, къ монахамъ обращались, какъ къ людямъ опытнымъ въ духовной жизни, независимо отъ того, имѣли

ли они священный санъ, или нѣтъ [1]). Во всѣхъ возраженіяхъ, направленныхъ противъ этого положенія, замѣчается одно и тоже—отсутствіе правильной исторической точки зрѣнія у оппонента. По его мнѣнію, я не то отрицаю существованіе таинства покаянія во времена трулльскаго собора, не то замаскировываю свое отрицаніе, однимъ словомъ, по его образному выраженію, „плыву между Сциллой и Харибдой". По поводу того, что въ 102 трул. я нахожу указаніе не на духовниковъ, о которыхъ ни слова, ни намека нѣтъ здѣсь, а единственно на епископовъ, дѣйствующихъ въ открытомъ церковномъ судѣ, съ другой же стороны добавляю, что этимъ, конечно, не говорится того, чтобы во время трулльскаго собора никакой духовнической практики не существовало, „пораженный" моимъ разсужденіемъ, проф. Павловъ производитъ мнѣ форменный допросъ. — Что же, однако, этимъ говорится, спрашиваетъ онъ? Повидимому то, что, наряду съ епископами, органами дисциплинарной и вмѣстѣ сакраментальной власти вязать и рѣшить, проявлявшими эту власть въ сферѣ открытаго церковнаго суда (in foro externo), существовали еще органы той же власти, которые дѣйствовали ею in foro interno, т. е. на тайномъ судѣ исповѣди? Но все это только повидимому, ибо, что касается епископовъ, то принадлежащая имъ дисциплинарная и вмѣстѣ сакраментальная власть вязать и рѣшать, если вѣрить заявленію Суворова, что публичнаго покаянія въ духѣ Василія В. и древнихъ каноновъ во время трулльскаго собора уже не существовало, должна была оставаться въ состояніи бездѣйствія. Значитъ единственною формою проявленія этой власти оставалась только глухо упомянутая проф. Суворовымъ духовническая практика. Въ чьихъ же рукахъ находилась тогда эта практика? Въ рукахъ епископовъ, освобожденныхъ теперь

---

[1]) Къ вопросу о западн. вліяніи стр. 122.

проф. Суворовымъ отъ занятій дѣлами, какихъ требовала прежняя дисциплина церковныхъ покаяній? Но этого онъ нигдѣ прямо не высказываетъ, да и не могъ высказать, такъ какъ извѣстно, что епископы и безъ того обременены были множествомъ церковно-административныхъ дѣлъ, которыя не дозволяли имъ самимъ быть духовниками *всѣхъ* (курсивъ проф. Павлова) своихъ пасомыхъ, хотя, конечно, *всѣ* (курсивъ его же) нуждались въ благодатной помощи, подаваемой вѣрующимъ въ таинствѣ покаянія. Въ рукахъ монаховъ, не имѣвшихъ пресвитерскаго сана? Но отъ этого прямо отказывается самъ проф. Суворовъ, называя исповѣдь предъ монахами церковно-бытовымъ явленіемъ, а какъ явленіе бытовое, она, стало-быть не имѣла сакраментальнаго характера и такимъ образомъ должна была отличаться отъ современной духовнической практики, которую вѣдь нельзя иначе представлять себѣ какъ проявленіемъ сакраментальной власти вязать и рѣшить in foro interno, и которая слѣдовательно могла быть только дѣломъ пресвитеровъ—духовниковъ и развѣ только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ—самихъ епископовъ (стр. 470 – 472).

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ нашего почтеннаго ученаго я вижу сплошное недоразумѣніе, источникъ котораго кроется въ томъ, что онъ обсуживаетъ историческія явленія не съ исторической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія современной догматическо-богословской конструкціи таинства покаянія.

Начнемъ съ употребленнаго проф. Павловымъ латинскаго термина: forum internum. Замѣтимъ кстати, что въ своемъ первомъ изданіи „Номоканона при большомъ требникѣ“ нашъ ученый издатель заходилъ еще изрѣдка въ область исторіи западнаго церковнаго права (напр. по вопросу о соблюденіи тайны исповѣди), въ новомъ же своемъ изданіи онъ опасливо отстранилъ себя отъ всякаго соприкосновенія съ западомъ,

думая объяснить всѣ церковно-историческія явленія сохранившимися данными изъ восточной церковной жизни, не принимая въ соображеніе того, что дѣлалось на латинскомъ западѣ; но предъ forum internum онъ, очевидно, не удержался отъ соблазна. Спрашивается, однако, зналъ ли самъ латинскій западъ во времена трулльскаго собора этотъ латинскій терминъ и съ нимъ ли исключительно связывалъ то понятіе о таинствѣ покаянія, которое позднѣе формулировано было на соборахъ флорентинскомъ и тридентскомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно бы было найдти у Морина въ его „Историческомъ комментаріѣ о совершеніи таинства покаянія", или въ моихъ прежнихъ изслѣдованіяхъ [1]).

Спрашивается далѣе: если публичнаго покаянія въ духѣ Василія В. и древнихъ каноновъ во время трулльскаго собора уже не существовало, то слѣдуетъ ли отсюда, что епископская дисциплинарная и сакраментальная власть должна была, по моему мнѣнію, оставаться „въ состояніи бездѣйствія"? Вѣдь проф. Павловъ очень хорошо знаетъ, что я отрицаю существованіе не публичнаго епископскаго суда съ публичнымъ покаяніемъ, а публичнаго покаянія въ томъ видѣ, какой оно имѣло въ древнихъ канонахъ, съ постепеннымъ восхожденіемъ отъ низшей степени къ высшей. Я не отрицаю, что епископъ могъ держать открытый судъ надъ преступниками противъ церковнаго порядка и подвергать покаянію; я отрицаю только, чтобы покаяніе проходилось въ тѣхъ формахъ, какія опредѣлены были древними канонами. Равнымъ образомъ не отрицаю и того, что епископъ могъ принимать добровольную тайную исповѣдь грѣшниковъ и подвергать тайному покаянію. Да если бы даже кому либо вздумалось доказывать прямо, что власть епископа оставалась въ бездѣйствіи, то и въ такомъ случаѣ вопросъ о томъ, часто или

---

[1]) См. напр. О церков. наказаніяхъ. стр. 81.

рѣдко осуществлялъ онъ свою власть, дѣйствовалъ онъ или бездѣйствовалъ,—есть вопросъ факта, который долженъ быть разрѣшаемъ съ помощію историческихъ данныхъ, такъ какъ догматическая конструкція таинства покаянія тутъ никакой помощи оказать не можетъ. Если напр. на изслѣдователя русской церковной исторіи такъ назыв. бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ, нѣкоторые царскіе указы изъ второй половины XVII в., или сочиненіе Посошкова производятъ такое впечатлѣніе, что исповѣдь далеко не была у насъ обычнымъ явленіемъ въ народной жизни, то отсюда никто не будетъ заключать, что въ русской церкви когда либо отрицалось таинство покаянія, или утверждалось когда либо, что не *всѣ* нуждаются въ благодатной помощи, подаваемой вѣрующимъ въ таинствѣ покаянія. Для большей ясности и вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы избѣжать повтореній, такъ какъ мнѣ и ранѣе приходилось высказываться по поводу спорныхъ теперь между мною и профессоромъ Павловымъ вопросовъ, я позволю себѣ припомнить почтенному моему противнику нѣкоторые тезисы, извлеченные изъ моей докторской диссертаціи [1]), которую и онъ самъ благосклонно считаетъ „болѣе зрѣлымъ и обдуманнымъ", чѣмъ другіе мои труды, очевидно, по его мнѣнію, незрѣлые и необдуманные.

Тезисъ 2-й: „Тайная исповѣдь въ періодъ вселенскихъ соборовъ не распространялась обязательно на всѣ грѣхи всѣхъ христіанъ; какъ необходимое условіе прощенія всѣхъ грѣховъ всѣхъ христіанъ, и въ этомъ смыслѣ, какъ церковный институтъ, тайная исповѣдь установилась во время позднѣйшее періода вселенскихъ соборовъ".

Тезисъ 3-й: „Таинство покаянія, связывавшееся въ первые три вѣка съ публичнымъ церковнымъ покаяніемъ, которое поэтому имѣло двѣ стороны—дисциплинарную и са-

---

[1]) Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Ярославль. 1884.

крамментальную, втеченіе періода вселенскихъ соборовъ стало связываться и съ тайною исповѣдью, по мѣрѣ распространенія послѣдней въ практикѣ на счетъ публичнаго церковнаго покаянія. Исключительная связь таинства съ тайною исповѣдью утвердилась во время позднѣйшее періода вселенскихъ соборовъ".

Тезисъ 4-й: „Тайная исповѣдь, унаслѣдовавшая отъ публичнаго церковнаго покаянія его сакраментальный характеръ, унаслѣдовала вмѣстѣ съ тѣмъ и его судебно-дисциплинарный характеръ, окончательно, однако, уже по истеченіи періода вселенскихъ соборовъ".

Отсылая желающихъ провѣрить эти мои тезисы къ самой книгѣ, изъ которой они извлечены, я прибавлю еще къ нимъ много разъ высказывавшееся и доказывавшееся мною положеніе, что тайная исповѣдь поставлена, какъ необходимое условіе допущенія къ Св. Тайнамъ, также уже по истеченіи періода вселенскихъ соборовъ. Къ тому, что высказывалось мною ранѣе по этому пункту [1]), я приведу лишь одно мѣсто изъ 3 бесѣды Златоуста на посланіе къ ефесянамъ. Проповѣдникъ обличаетъ какъ тѣхъ, которые „просто, какъ случится, больше по обычаю и заведенному порядку, чѣмъ по разумному желанію и сознанію пріобщаются Тѣла Христова", особенно въ извѣстныя времена года, напр. втеченіе четыредесятницы и въ день богоявленія, такъ и тѣхъ, которые „безстыдно стоятъ" на литургіи вѣрныхъ, не причащаясь. Первымъ онъ говоритъ:

„Время не даетъ права приступать къ столь великому таинству: не праздникъ богоявленія и не четыредесятница дѣлаютъ достойными сего, но свѣтлость и чистота души... Припомни, съ какимъ страхомъ приступали къ участію въ древнихъ жертвоприношеніяхъ? Чего они не дѣлали и не употребляли предварительно? Когда бы и гдѣ бы они ни при-

[1]) См. Объемъ дисц. суда, стр. 97. Къ вопросу о тайной исповѣди, стр. 29 и сл.. Ср. А. *И. Алмазова*, Тайная исповѣдь, II, гл. 4-я.

носили свои жертвы, они всегда напередъ очищались; ты же, приступая къ жертвѣ, которой ангелы трепещутъ, опредѣляешь совершеніе этого дѣла извѣстнымъ временемъ! Какъ предстанешь ты послѣ сего предъ судилище Христово,—ты, который нечистыми устами и руками осмѣливаешься принимать Тѣло Его? Ты и царя не осмѣлишься облобызать, когда изо рта у тебя дурной запахъ; какъ же ты съ зловонной душой дерзаешь лобызать Царя небеснаго? Такой поступокъ есть явное для Него оскорбленіе. Скажи пожалуй, дерзнулъ ли бы ты съ неумытыми руками приступить къ жертвѣ? Не думаю. Напротивъ ты скорѣе рѣшишься вовсе не приступать, чѣмъ приступить съ нечистыми руками. А между тѣмъ, въ маломъ показывая столь великую осмотрительность, ты приступаешь и дерзаешь касаться (великой жертвы), имѣя нечистую душу?.... Великую вижу здѣсь несообразность. Въ другія времена, бывая въ душѣ чище, вы однакоже не пріобщаетесь; въ Пасху же, хотя бы на вашей совѣсти лежало тяжкое преступленіе, вы пріобщаетесь. О обычай! О предразсудокъ"!

Послѣднимъ проповѣдникъ говоритъ:

„Если ты недостоинъ причащенія, то недостоинъ и участія (въ литургіи вѣрныхъ), и значитъ—въ молитвахъ. Ты слышишь, какъ діаконъ (κύρυξ) возглашаетъ: елицы въ покаяніи (ὅσοι ἐν μετανοίᾳ) изыдите всѣ. Которые не пріобщаются, тѣ въ покаяніи; если и ты въ покаяніи, то ты не долженъ пріобщаться; ибо не причащающійся бываетъ изъ числа кающихся. Для чего послѣ этого діаконъ говоритъ: немогущіе молиться должны выйдти вонъ, а ты продолжаешь безстыдно стоять? Но ты вѣдь состоишь не въ отдѣленіи ихъ (кающихся), а въ отдѣленіи могущихъ пріобщаться. И однакоже не обращаешь на это никакого вниманія и какъ бы считаешь это дѣло ничтожнымъ" [1]).

---

[1]) Цитируется по русск. переводу бесѣдъ на посл. къ ефес., сдѣланному при спб. дух. академіи. Спб. 1858, ч. I, стр. 48—51.

Итакъ, проповѣдникъ требуетъ, чтобы всѣ присутствующіе на литургіи причащались—разъ они не состоятъ въ разрядѣ кающихся—, но причащались съ подобающимъ расположеніемъ души, а не только лишь по обычаю или по заведенному порядку. Зачѣмъ бы говорить о всемъ этомъ, если бы, какъ въ наше время, причащенію Св. Таинъ предшествовала, какъ неизбѣжное условіе, тайная исповѣдь въ грѣхахъ предъ духовникомъ? О тѣхъ, кто *приступаетъ* къ Св. Тайнамъ съ нечистою совѣстію, съ нечистыми руками и устами, проповѣдникъ не могъ бы говорить такъ, какъ онъ говоритъ, если бы они предъ причащеніемъ исповѣдали свои грѣхи, а если бы и въ сознаніи самого проповѣдника представлялось необходимымъ предварительное очищеніе совѣсти исповѣдью предъ духовникомъ, онъ не преминулъ бы напомнить объ этомъ. Къ тѣмъ, кто стоитъ до конца литургіи и *не приступаетъ* къ Св. Тайнамъ, точно также проповѣдникъ не могъ бы держать такую рѣчь, какую онъ держитъ, если бы они исповѣдывались ранѣе въ своихъ грѣхахъ. Требуя притомъ, чтобы всякій, не находящійся въ разрядѣ публично кающихся, приступалъ къ причащенію за каждою литургіей, онъ тѣмъ самымъ даетъ видѣть, что исповѣдь, столь частая и всеобщая, была даже и фактически невозможна. А отсюда для нашего спора съ проф. Павловымъ слѣдуетъ, что возраженія его, насколько они внушены мыслію, что „епископъ не могъ быть духовникомъ *всѣхъ* своихъ пасомыхъ, хотя, конечно, *всѣ* нуждались въ благодатной помощи, подаваемой вѣрующимъ въ таинствѣ покаянія“, скрываютъ въ себѣ историческую ошибку. Исповѣдь не считалась еще *обязательною* для всѣхъ и каждаго даже и предъ принятіемъ Св. Таинъ. А что добровольно могли обращаться къ епископу лица, совѣсть которыхъ обременена была тяжкими грѣхами, и что епископъ, хотя бы и „обремененный множествомъ церковно-административныхъ дѣлъ“, не могъ отка-

зать кающемуся въ принятіи его исповѣди, когда кающійся къ нему именно обращался, — этого ни я не отрицаю, ни проф. Павловъ не можетъ отрицать. Вѣдь напр. тотъ же Златоустъ къ себѣ именно приглашалъ людей съ обремененною грѣхами совѣстію: „приходи ко мнѣ, и я исцѣлю тебя“, а въ 1 письмѣ своемъ къ папѣ Иннокентію разсказываетъ, что врагъ его Ѳеофилъ александрійскій, начавъ незаконный процессъ противъ него, разрѣшилъ тѣхъ, кого *Златоустъ*, какъ епископъ, лишилъ общенія [1]).

То, что́ я положительно утверждаю, и что́ удостовѣряется фактами исторіи, это — то, что люди, *добровольно*, а не въ силу судебнаго осужденія и не въ силу какого либо каноническаго предписанія, желавшіе снять тяжесть съ своей совѣсти и найдти себѣ душевное успокоеніе, стали обращаться къ монахамъ, чтимымъ за святость жизни. И такъ какъ духовническая практика монаховъ явилась не въ силу установленнаго церковнымъ правительствомъ порядка (какъ на западѣ, см. ниже) а путемъ обычая, то я и назвалъ ее церковно-бытовымъ явленіемъ. Считали ли добровольные паціенты монаховъ исповѣдь предъ ними сакраментальною, или не сакраментальною, неизвѣстно: всего вѣроятнѣе, что они вовсе не задавались этимъ вопросомъ. Равнымъ образомъ прощалъ ли Богъ грѣхи тѣмъ людямъ, которые единственно изъ чувства раскаянія, а не по чьему либо предписанію, являлись къ монаху, раскрывали предъ нимъ раны души своей и, получивъ отъ него епитимію, усердно исполняли ее и возвращали себѣ миръ душевный, объ этомъ ни я не знаю, ни проф. Павловъ, вѣроятно, не можетъ высказаться рѣшительно ни въ утвердительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Приписывали ли себѣ сами монахи вяжущую и разрѣшаю-

---

[1]) По новому изданію твореній Св. Іоанна Златоуста при Спб. дух. акад. т. III, кн. 2-е, стр. 552.

щую власть, или, правильнѣе сказать, съ какого времени они стали приписывать себѣ ее, тоже неизвѣстно,— объ этомъ будетъ рѣчь еще ниже. За достовѣрное нужно принять, однако, что кто исповѣдывался предъ монахомъ, не шелъ уже потомъ на исповѣдь къ „приходскому священнику", такъ что исповѣдь предъ монахами, какъ церковно-бытовое явленіе, хотя бы она и не была сакраментальною, или, иначе, не была составною частію таинства покаянія, исключала „сакраментальную духовническую практику", которую проф. Павловъ желалъ бы видѣть въ рукахъ „приходскихъ священниковъ" во времена трулльскаго собора.

Выше объяснено, какія затрудненія встрѣчаетъ для себя гипотеза проф. Павлова о непосредственномъ преемствѣ приходскихъ священниковъ покаянному пресвитеру (послѣ упраздненія этой должности) въ духовнической практикѣ. За время, болѣе близкое къ трулльскому собору, почтенный профессоръ нашелъ уже возможнымъ указать на два документальныя доказательства отстаиваемой имъ „безспорной истины": на свидѣтельство Іоанна. игумена раиѳскаго (изъ начала VII в.) и на свидѣтельство Анастасія Синаита, патріарха антіохійскаго (приблизительно около полустолѣтія спустя). Первый въ схоліяхъ своихъ на „Лѣствицу" Іоанна синайскаго, говоритъ, что, исповѣдуя свои грѣхи *Божіимъ священникамъ*, мы удостоиваемся получать разрѣшеніе и отпущеніе. Проф. Павловъ не скрываетъ отъ себя, что схоліи Іоанна раиѳскаго извѣстны пока только въ латинскомъ переводѣ; но опустилъ изъ вида, что въ схоліяхъ же Іоанна раиѳскаго описывается древнецерковное публичное покаяніе по степенямъ [1]), такъ что неизвѣстно, о какомъ покаяніи и о какихъ священникахъ могъ говорить Іоаннъ раиѳскій. А

---

[1]) См. *Morinus*, Commentar. historicus de administratione sacramenti poenitentiae, lib. VI, c. 1, n. 4.

что латинскій переводчикъ подъ sacerdotes Dei не необходимо долженъ былъ понимать приходскихъ священниковъ, всего же скорѣе имѣлъ въ виду епископовъ, объ этомъ нужно заключать изъ обычнаго церковнаго словоупотребленія. Мнѣ уже приходилось [1]) указывать на отмѣченный Филлипсомъ [2]) фактъ, что въ западной церковной литературѣ до VI в. слово: „sacerdos", когда оно стоитъ одно, всегда означаетъ епископовъ,—пресвитеры хотя и назывались sacerdotes, но всегда съ добавленіемъ: „sacerdotes secundi ordinis", или „in secundo ordine".

Свидѣтельство Анастасія Синаита я также не могу, при всемъ моемъ желаніи, признать рѣшительнымъ доказательствомъ отстаиваемой проф. Павловымъ „безспорной истины". Слова, приписываемыя Минемъ (въ его изданіи патрологіи) и, вслѣдъ за нимъ, проф. Павловымъ Анастасію Синаиту, встрѣчаются въ рукописяхъ въ различныхъ редакціяхъ, то съ указаніемъ, то безъ указанія на священный санъ тѣхъ „духовныхъ мужей" (πνευματικοὶ ἄνδρες), предъ которыми должна совершаться исповѣдь то безъ обозначенія имени автора, то съ приписаніемъ ихъ Анастасію Синаиту, то съ приписаніемъ авторства лицу гораздо позднѣе жившему—Петру Хартофилаксу (XI в.) [3]). Находить, поэтому, въ словахъ Анастасія Синаита историческое свидѣтельство для опредѣленной эпохи чрезвычайно затруднительно. Пусть даже оно дѣйствительно принадлежитъ Анастасію Синаиту и до—трулльской эпохѣ и пусть оно говоритъ не просто о духовныхъ мужахъ, а о священникахъ и подъ священниками разумѣетъ именно пресвитеровъ, а не епископовъ (хотя еще и у канонистовъ XII в. и въ позднѣйшей исторіи востока живетъ мысль, что вяжущая и разрѣшающая власть принадлежитъ собственно

---

[1]) Объемъ дисц. суда, стр. 102 прим. 2.

[2]) *Phillips*, Kirchenrecht, I, 282, примѣч. 29.

[3]) См. Къ вопросу о тайной исповѣди, стр. 56 и 57 въ примѣч.

однимъ епископамъ, изъ пресвитеровъ же только отдѣльнымъ лицамъ по особому полномочію); но развѣ Анастасій Синаитъ не разрушаетъ всего дѣла рукъ нашего почтеннаго канониста? На вопросъ, хорошо ли исповѣдывать грѣхи мужамъ духовнымъ, Анастасій отвѣчаетъ: *весьма хорошо и полезно*, но не тѣмъ, которые дѣйствуютъ неискусно и грубо и своею неразумною снисходительностію, или, напротивъ неблаговременнымъ и неразсудительнынъ протяженіемъ епитимій могутъ сдѣлать тебя безчувственнымъ презрителемъ ихъ или лѣнивымъ и безпечнымъ; итакъ, если *найдешъ искуснаго врача*, исповѣдайся предъ нимъ, какъ предъ Богомъ.— Во-первыхъ, что за странный вопросо-отвѣтъ о томъ, *хорошо ли и полезно ли* исповѣдываться, съ нашей современной точки зрѣнія, когда нѣтъ никакихъ сомнѣній, что таинство покаянія необходимо для всѣхъ, и что оно соединяется именно съ тайною исповѣдью? Въ-вторыхъ, зачѣмъ было *искать* искусныхъ врачей, обѣгая неискусныхъ, если бы „духовническая практика“ была въ рукахъ приходскихъ священниковъ, какъ утверждаетъ профессоръ Павловъ, — все равно, всѣ ли приходскіе священники, по общему правилу, принимали исповѣдь, или только нѣкоторые изъ нихъ особо уполномочивались архіереемъ на это дѣло? Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нечего было искать и различать искусныхъ отъ неискусныхъ врачей, а между тѣмъ Анастасій Синаитъ прибавляетъ еще нѣчто весьма непріятное для проф. Павлова. На вопросъ, что же дѣлать, если я *не найду* такого мужа? Анастасій отвѣчаетъ: „исповѣдайся Богу, втайнѣ осуждая себя и говоря: Боже, ты одинъ знаешь, что я грѣшникъ и недостоинъ всякаго снисхожденія, но спаси меня ради милости Твоей“. Вотъ чѣмъ можетъ закончиться безуспѣшное отыскиваніе искуснаго духовнаго врача по Анастасію Синаиту! По моему мнѣнію, отсюда весьма немногое можно извлечь въ пользу „безспорной истины“ о нахожденіи

духовнической практики въ рукахъ приходскихъ священниковъ — духовниковъ, хотя проф. Павловъ и утверждаетъ, что, „на основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ Іоанна раиѳскаго и Анастасія Синаита, мы можемъ составить себѣ *ясное и безошибочное представленіе* о томъ, что такое была *духовническая практика* въ собственномъ смыслѣ этого слова (т. е. не бытовая въ моемъ смыслѣ, а сакраментальная въ смыслѣ проф. Павлова) во времена трулльскаго собора“.

Едва ли не болѣе ясное представленіе о *практикѣ*, современной трулльскому собору, можно составить на основаніи другихъ историческихъ данныхъ, болѣе достовѣрныхъ, чѣмъ сомнительныя и мало доказывающія свидѣтельства Іоанна раиѳскаго и Анастасія Синаита. Возьмемъ напр. CXLI новеллу Юстиніана. Императоръ, въ виду распространившейся между жителями столицы содоміи, взываетъ къ нимъ не прогнѣвлять Бога, который, по своему безконечному милосердію и долготерпѣнію, щадитъ еще грѣшниковъ, ожидая покаянія, но, какъ праведный судья, покараетъ ихъ въ день гнѣва, какъ нѣкогда покаралъ Содомъ. Императоръ приглашаетъ не только перестать на будущее время отъ гнусныхъ дѣйствій, которыя даже животными не совершаются, но и принести въ предстоящіе святые дни истинное покаяніе (μετανοῆσαι δικαίως), припасть съ молитвою къ Богу, *заявить* (προσαγγεῖλαι) блаженнѣйшему *патріарху* свою болѣзнь, принять отъ него *способъ излѣченія* и, согласно Писанію, принести *плодъ покаянія*, чтобы всеблагій Богъ, по богатству Своего милосердія, и насъ удостоилъ своей милости, присовокупляя, что онъ и магистратамъ (архонтамъ) предписалъ произвести изслѣдованіе о виновныхъ. Въ заключеніе императоръ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что тѣ, которые знаютъ за собою грѣхъ, но грѣшить не перестаютъ и, не заботясь о спасеніи своей души, къ патріарху съ самообвиненіемъ не являются, будутъ подвергнуты болѣе тяжкимъ

наказаніямъ, какъ уже недостойные никакого снисхожденія, и что, съ цѣлію привлеченія ихъ къ отвѣтственности, будетъ вестись тщательное изслѣдованіе. Естественно было бы ожидать, что императоръ напомнитъ грѣшникамъ, чтобы они покаялись своимъ духовнымъ отцамъ, исповѣдавъ имъ грѣхи свои; между тѣмъ о духовныхъ отцахъ онъ не говоритъ ни слова, а говоритъ о явкѣ къ патріарху и не для исповѣди въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее проф. Павловъ, а для самообвиненія, за которымъ должно послѣдовать принесеніе плодовъ покаянія, не явившимся же угрожаетъ, по обнаруженіи ихъ виновности путемъ дознанія и слѣдствія, уголовными наказаніями. Естественно же было бы, далѣе, ожидать, чтобы въ тѣхъ новеллахъ и соборныхъ канонахъ, которыми или воспрещается или разрѣшается совершеніе священнодѣйствій въ домовыхъ церквахъ, было оговорено или распространеніе запрещенія и дозволенія на принятіе исповѣди священниками домовыхъ церквей, или изъятіе исповѣди изъ общаго запрещенія и дозволенія. Въ нов. LVIII Юстиніана воспрещается совершеніе въ домовыхъ моленныхъ священнаго тайнодѣйствія (τὴν ἱερᾶν ἐπιτελεῖν μυσταγωγίαν), или, какъ въ другомъ мѣстѣ точнѣе обозначено, священной ли- (τῆς ἱερᾶς λειτουργίας), развѣ лишь когда будутъ особо делегированы епископомъ духовныя лица для совершенія богослуженія въ домовыхъ храмахъ. Въ нов. CXXXI гл. 8 воспрещается учреждать богослуженіе въ своемъ домѣ или имѣніи безъ клириковъ, подчиненныхъ мѣстному епископу. Изъ 31 прав. трул. собора видно затѣмъ, что юстиніановскіе законы были забыты, такъ что пришлось возобновить ихъ, причемъ къ юстиніановскому запрещенію совершенія литургіи соборъ добавилъ еще запрещеніе совершенія крещенія въ молитвенныхъ храминахъ, находящихся внутри домовъ, безъ дозволенія мѣстнаго епископа [1]). Въ правилѣ 59-мъ тотъ же

[1]) При Юстиніанѣ, вѣроятно не было надобности оговаривать запрещеніе

соборъ желаетъ, повидимому, безусловно воспретить совершеніе крещенія въ молитвенницахъ, внутри дома обрѣтающихся, и предписываетъ, чтобы хотящіе удостоиться пречистаго просвѣщенія къ каѳолическимъ церквамъ [1]) приходили и тамъ сего дара сподоблялись. Но, очевидно и 59 правило должно быть истолковываемо въ томъ смыслѣ, что запрещается духовнымъ лицамъ молитвенныхъ домовъ, или домовыхъ храмовъ, совершеніе крещенія безъ особаго дозволенія или уполномоченія отъ епископа. Въ прав. 12-мъ двукрат. соб. 861 г., возобновляется воспрещеніе трулльскаго собора и опредѣляется, чтобы самое назначеніе литургисающихъ въ молитвенныхъ храминахъ, въ домѣ находящихся, исходило отъ мѣстнаго епископа. Напротивъ въ новеллахъ Льва Мудраго указанныя запрещенія отмѣнены. Въ новеллѣ IV говорится, что на будущее время могутъ не только священники „каѳолическихъ церквей", но и духовенство домовое священнодѣйствовать и совершать таинства (ἱερᾶσθαι καὶ μυσταγωγεῖν), а изъ новеллы XV видно, что подъ священнодѣйствіемъ и тайнодѣйствіемъ понималось литургическое священнодѣйствіе съ принесеніемъ безкровной жертвы, почему императоръ въ указанной XV новеллѣ счелъ нужнымъ особо оговорить дозволеніе совершенія крещенія во всѣхъ молитвенныхъ домахъ. Какой выводъ можно извлечь изъ всѣхъ этихъ данныхъ? Ни тѣ, кто запрещаетъ, ни тотъ, кто дозволяетъ литургисать и крестить въ домовыхъ храмахъ, ни слова не говорятъ о принятіи исповѣди. Въ сочиненіи: „Къ вопросу о западн. вліяніи" [2]) я высказалъ слѣдующее: если бы соборъ трулльскій

крещенія въ молитвенныхъ домахъ, потому что еще живо сохранялись воспоминанія древности, когда крещеніе было торжественнымъ актомъ, который пріурочивался къ извѣстнымъ великимъ праздникамъ и совершался въ главномъ храмѣ.

[1]) Были ли эти „каѳолическія церкви" временъ трулльскаго собора приходскими церквами въ нынѣшнемъ смыслѣ, неизвѣстно.

[2]) Стр. 125, 126 и 130.

(въ извѣстномъ намъ 102 пр.) говорилъ о духовникахъ, то онъ не могъ бы удовольствоваться молчаливымъ подтвержденіемъ покаяннаго номоканона, какъ желаетъ думать проф. Павловъ, а по меньшей мѣрѣ долженъ бы былъ установить руководящія точки зрѣнія по вопросу, кто имѣетъ право быть духовникомъ, и кто имѣетъ власть вязать и рѣшить, съ осужденіемъ тѣхъ, кто присвояетъ себѣ неподобающую власть. Но онъ не устанавливаетъ этихъ точекъ зрѣнія, потому что не о томъ говоритъ: онъ говоритъ только о епископахъ, какъ имѣющихъ власть, и дисциплинарную, и сакраментальную, въ духѣ древней церковной дисциплины.... Исповѣди предъ монахами, какъ бытоваго явленія, соборъ не коснулся, потому что, если бы коснулся его, то, первымъ дѣломъ, долженъ бы былъ поставить его подъ церковно-правительственный контроль и указать, кто можетъ быть компетентнымъ духовникомъ, и кто, напротивъ, не долженъ брать на себя выслушиванія исповѣди и разрѣшенія отъ грѣховъ". Проф. Павловъ находитъ, что я „какъ-то смутно объясняю причину, почему трулльскій соборъ не коснулся этого явленія", и представляетъ свое объясненіе, которое, очевидно, не должно страдать „смутностью". Такъ какъ соборъ вовсе „не коснулся" этого дѣла, говоритъ онъ, то отсюда слѣдуетъ-де только, что *не было къ тому и повода*, другими словами: никто еще не смотрѣлъ на монаховъ, не имѣющихъ священническаго сана, какъ на компетентныхъ духовниковъ, т. е. уполномоченныхъ не только выслушивать исповѣдь, но и разрѣшать отъ грѣховъ. Сказанное о монахахъ, пожалуй, и справедливо, какъ ниже разъяснится, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что церковное правительство не смотрѣло на нихъ, какъ на лицъ, осуществляющихъ вяжущую и разрѣшающую власть. Однако, вѣдь и безъ монаховъ было довольно поводовъ „коснуться" исповѣди предъ духовниками и указать, кто компетентенъ принимать исповѣдь. Тотъ же трулльскій

соборъ нашелъ же нужнымъ разъяснить, кто компетентенъ совершать крещеніе. А исповѣдь и особенно нуждалась бы въ разъясненіи, такъ какъ, при „отыскиваніи“ искусныхъ врачей, вѣрующій могъ бы обратиться и къ домовому духовенству. Въ XII в. канонисты, усматривавшіе въ 102 пр. трул. уже не только епископовъ, а и тѣхъ, кто дѣйствуетъ по порученію епископовъ въ принятіи исповѣди (δέχεσθαι λογισμούς), нашли же нужнымъ настаивать на томъ, чтобы духовникъ получалъ особое полномочіе отъ епископа на духовничество. Почему же трулльскій соборъ не нашелъ нужнымъ ни на полученіи грамотъ духовниками не настаивать, ни вообще какимъ бы то ни было образомъ регулировать вопросъ о компетентности духовника? Причина, какъ кажется, существовала болѣе ясная и понятная, чѣмъ та, которая указывается проф. Павловымъ. Соборъ трулльскій не говоритъ ни слова объ исповѣди и духовникахъ потому, что и въ сознаніи церковнаго правительства таинство покаянія и власть вяжущая и разрѣшающая не связывались еще съ тайною исповѣдью. Соборъ все еще стоитъ на древнецерковной точкѣ зрѣнія, что таинство покаянія связывается съ публичнымъ покаяніемъ, по суду церковному налагаемымъ. Не смотря на паденіе публичнаго покаянія въ смыслѣ правилъ IV в., эта точка зрѣнія продолжала переживать. Вотъ почему соборъ и не могъ понимать подъ „принявшими отъ Бога власть вязать и рѣшить“ кого либо другаго, кромѣ епископовъ, хотя Вальсамонъ и объясняетъ, съ точки зрѣнія своего времени, будто бы тутъ имѣется въ виду „мѣстный епископъ, и тотъ, кому поручено будетъ отъ него δέχεσθαι λογισμούς“. Въ XII в. уже вполнѣ выяснилось, что власть вяжущая и разрѣшающая осуществляется именно въ тайной исповѣди, а не въ публичномъ покаяніи, по суду церкви налагаемомъ, которое, если и примѣнялось къ преступникамъ и не сдѣлалось номинальнымъ, то болѣе и болѣе по-

лучало характеръ чисто судебнаго акта, съ теченіемъ исторіи отрѣшившагося отъ таинства. Къ XII в. уже распространились покаянные номоканоны, регулировавшіе именно практику духовниковъ при тайной исповѣди и подводившіе тайную исповѣдь предъ духовникомъ подъ тѣ каноны, въ которыхъ говорилось о публичномъ покаяніи. Это подведеніе усвоено было и канонистами, которые не замѣчали, что подобное подведеніе возможно было иногда лишь съ величайшею натяжкою. Каноны 6, 7 и 52 карѳаг. соб., имѣвшіе въ виду публичное покаяніе за церковныя преступленія и примиреніе или разрѣшеніе епископомъ *послѣ отбытія опредѣленнаго покаянія*, пресвитеру же предоставлявшіе примирять или разрѣшать кающихся *только съ особаго дозволенія епископа, да и то лишь въ случаѣ опасной болѣзни кающагося и при отсутствіи въ тоже время епископа*,—переносились на тайное покаяніе или на тайную исповѣдь предъ духовникомъ, такъ что отсюда вытекало бы, что пресвитеръ можетъ получить дозволеніе отъ епископа на принятіе исповѣди только въ случаѣ опасности смерти кающагося (точнѣе бы было сказать даже: проходящаго назначенное ему покаяніе) и при отлучкѣ на это время епископа. А между тѣмъ времена были уже не тѣ, что въ V или даже въ VII вв.: исповѣдь *всѣми* христіанами *всѣхъ* грѣховъ, съ распространеніемъ ея даже на *дѣтей* (о чемъ говорятъ канонисты, и о чемъ *никогда ни одинъ изъ предшествовавшихъ соборовъ и отцовъ не говорилъ*[1]), дѣлалась общимъ христіанскимъ обычаемъ, какъ бытовое явленіе, вызванное потребностію самихъ вѣрующихъ, а не церковно-правительственными регулятивами. По поводу моего выраженія[2]), что канонисты XII в., перенося древніе каноны о публичномъ покаяніи и прими-

---

[1]) Ср. А. И. Алмазовъ, Тайная исповѣдь, II, 327 и сл.

[2]) Къ вопросу о западн. вліяніи, стр. 131 и ср. Объемъ дисц. суда, стр. 153, 160—166, а также Къ вопросу о тайной исповѣди, стр. 154—155.

реніи кающихся на тайную исповѣдь предъ духовниками, договаривались до несообразностей въ родѣ той, что епископъ лишь одинъ можетъ выслушивать исповѣдь, пресвитеръ же только въ случаѣ опасной болѣзни кающагося и при отсутствіи въ тоже время епископа, да и въ этомъ случаѣ только по особому дозволенію епископа, проф. Павловъ обѣщалъ [1]) показать, что канонисты такой несообразности не высказывали, но, къ сожалѣнію, я не вижу, чтобы обѣщаніе было выполнено почтеннымъ ученымъ [2]).

---

[1]) Номокан. стр. 471 примѣч. 1: „какъ *увидимъ*, канонисты такой несообразности не высказывали".

[2]) Я не могу принять за исполненіе обѣщанія то, что говорится на стр. 479. Вслѣдъ за гипотетическимъ разсужденіемъ, что уже *ко временамъ* трулльскаго собора твердо установилось воззрѣніе (значитъ въ болѣе раннія времена бывало и иначе?), въ силу котораго власть вяжущая и разрѣшающая, во всѣхъ видахъ ея проявленія, признавалась неразрывно связанною только съ архіерейскимъ саномъ, такъ что священники могли быть духовниками не иначе, какъ *по особому избранію и порученію епископовъ*, проф. Павловъ продолжаетъ: „каноническое основаніе этого воззрѣнія толкователи церковныхъ правилъ XII в. указываютъ въ трехъ правилахъ карѳаг. соб. 419 г. (6, 7 и 52 по счету нашей книги правилъ), по которымъ публично кающіеся грѣшники могли быть разрѣшаемы отъ епитиміи и принимаемы въ полное церковное общеніе только тою властью, которая предавала ихъ таковому покаянію, т. е. епископами, и только въ отсутствіе епископовъ, *или по особому ихъ порученію*,—пресвитерами. Проф. Павловъ неточно передалъ смыслъ и указанныхъ трехъ каноновъ, и толкованій къ нимъ канонистовъ. Если бы каноны и канонисты въ толкованіяхъ къ этимъ канонамъ дѣйствительно говорили объ *особомъ избраніи и порученіи*, которое бы уполномочивало избраннаго принимать исповѣдь отъ всѣхъ и каждаго и при всякихъ обстоятельствахъ, то несообразности не было бы. Но несообразность именно въ томъ и заключается, что указанные каноны допускаютъ *возможность самаго порученія или дозволенія* пресвитеру совершить примиреніе *только при исключительныхъ обстоятельствахъ*, когда проходящій покаяніе опасно заболѣетъ, а епископъ будетъ въ отлучкѣ, да и тутъ еще пресвитеръ по приличію (εἰκότως) долженъ спросить епископа (даже и отсутствующаго) и съ вѣдома лишь епископа примирить или разрѣшить больного. Вальсамонъ добавляетъ, что если, по обстоятельствамъ, нельзя будетъ спросить (архіерей можетъ находиться въ продолжительной отлучкѣ, а больному грозить опасность смерти), тогда пресвитеръ можетъ разрѣшить, и не спрашиваясь епископа. Но развѣ и съ такой добавкой можно было примѣнять карѳагенскіе каноны, не знающіе никакого генеральнаго или общаго полномочія не только на принятіе исповѣди отъ всѣхъ здоровыхъ (о чемъ совсѣмъ и не говорится въ канонахъ, а рѣчь идетъ о ли-

Выше было уже замѣчено, что нашъ почтенный ученый, къ невыгодѣ для себя, не удостоиваетъ принять въ соображеніе какіе либо факты изъ исторіи покаянія на латинскомъ западѣ, между тѣмъ какъ мнѣ не разъ приходилось показывать, какую важность имѣютъ факты изъ западной церковной жизни для объясненія церковно-историческихъ явленій на востокѣ [1]). На западѣ и не учреждалась и не упразднялась должность покаяннаго пресвитера, какъ единственнаго уполномоченнаго епископа въ области покаянной дисциплины, и не было такого момента, когда бы въ этой области обнаружился пробѣлъ. И до, и послѣ упраздненія на востокѣ должности покаяннаго пресвитера, западный епископъ самъ дѣйствовалъ, а приблизительно въ 70-хъ годахъ V в. при *главныхъ римскихъ церквахъ* поставлены были особо уполномоченные пенитенціаріи (между тѣмъ какъ на востокѣ ничего подобнаго не было). И вотъ вначалѣ VII в. мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ фактомъ. Въ 610 г., при папѣ Бонифаціѣ IV, составился въ Римѣ соборъ, на которомъ были осуждены жалобы и объявлены неосновательными аргументы бѣлаго духовенства, направлявшіеся къ тому, чтобы доказать, что монахи, какъ умершіе для міра и живущіе для Бога, недостойны священнической власти и слѣдовательно не могутъ быть уполномочиваемы ни къ наложенію покаянія, ни къ совершенію крещенія, ни къ разрѣшенію отъ грѣховъ. Ссылаясь на авторитеты св. Григорія, Августина (учителя англосаксовъ), Мартина паннонскаго и Бенедикта нурсійскаго, соборъ опредѣлилъ, что, напротивъ, монахи—священники, достойно получившіе священство и изображающіе собою ан-

---

цахъ, проходящихъ покаяніе, т. е. раньше уже исповѣдавшихся или изобличенныхъ предъ епископомъ и притомъ заболѣвшихъ), но и на примиреніе,— примѣнять къ такимъ временамъ, когда тайная исповѣдь дѣлалась общею христіанскою потребностію, распространяясь даже и на дѣтей?

[1]) См. Объемъ дисц. суда, гл. I и II; Къ вопросу о тайн испов. стр. 182 и сл.

гельскій чинъ, предпочтительно способны осуществлять должность связыванія и разрѣшенія [1]). Въ виду этого факта и принимая во вниманіе разные позднѣйшіе факты, указанные мною въ моихъ прежнихъ изслѣдованіяхъ, можно, какъ полагаю, придти къ нѣкоторымъ небезынтереснымъ выводамъ. Въ Римѣ монашество явилось позднѣе, чѣмъ на востокѣ; монашество на западъ вообще пересажено было съ востока и, безъ всякаго сомнѣнія, съ востока же принесло съ собой обычай принимать исповѣдь въ грѣхахъ; только въ Римѣ сразу же эта исповѣдь включена была въ церковно-правительственный порядокъ, тѣмъ болѣе что она соединилась съ открытымъ прохожденіемъ покаянія по канонамъ, такъ какъ публичное покаяніе вообще на западѣ поддерживалось гораздо строже, чѣмъ на востокѣ. Поэтому на западѣ никогда и въ позднѣйшее время не было контроверсъ о томъ, можетъ ли лицо, не имѣющее духовнаго сана, принимать исповѣдь, подобно тому какъ и изъ содержанія постановленія собора 610 г. не усматривается, чтобы противники монаховъ, или соборъ, стаявшій на сторону монаховъ, допускали мысль объ исповѣди предъ монахами, не имѣющими священнаго сана. И никакихъ слѣдовъ существованія на западѣ въ какую либо эпоху обычая исповѣдываться предъ простыми монахами историками не замѣчено. Скорѣе изъ свидѣтельства Алкуина и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, приведенныхъ въ моихъ изслѣдованіяхъ, фактовъ, можно заключить лишь о томъ, что не для всѣхъ ясною представлялась необходимость исповѣди вообще предъ кѣмъ бы то ни было, такъ какъ многіе считали достаточною непосредственную исповѣдь предъ Богомъ. Вторженіе монашества въ область покаянной дисциплины не обошлось, однако, безъ вспышки недовольства

---

[1]) *Mansi*, Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, tom X, p. 504—505.

въ средѣ бѣлаго духовенства, хотя монахи дѣйствовали не самовольно, а по уполномоченію отъ епископовъ. И за всѣмъ тѣмъ, исторія церковной жизни на западѣ, какъ опять таки разъяснено въ моихъ прежнихъ изслѣдованіяхъ, показываетъ, что, не смотря на раннее включеніе исповѣди предъ монахами въ церковно-правительственный порядокъ, собственно-духовническая практика, отрѣшенная отъ публично-покаянной дисциплины, сложилась не на основаніи оффиціальныхъ церковныхъ уставовъ, а на основаніи пенитенціаловъ, съ которыми церковное правительство вступило даже въ борьбу, какъ съ книжонками, quorum incerti sunt auctores. certi errores, а поставленіе таинства покаянія въ исключительную связь съ тайною исповѣдью, точное догматическое формулированіе понятія объ этомъ таинствѣ и распространеніе обязательности покаянія на всѣ грѣхи всѣхъ христіанъ совершились уже далеко за предѣлами періода древнихъ вселенскихъ соборовъ. Перенесемся теперь мыслію на востокъ. Приходскіе священники, по словамъ проф. Павлова, унаслѣдовали послѣ покаяннаго пресвитера принятіе исповѣди и сдѣлались духовниками для всѣхъ, нуждавшихся въ благодатной помощи. Хотя, какъ было выше разъяснено, нѣтъ никакихъ фактовъ, которыми можно бы было подкрѣпить гипотезу объ уполномоченіи епископомъ приходскихъ священниковъ принимать исповѣдь, даже о самомъ существованіи приходскихъ священниковъ, и нѣтъ возможности доказать включеніе исповѣди предъ духовниками въ церковно-правительственный порядокъ; однако допустимъ, что доказательства хранятся еще гдѣ нибудь въ архивахъ, скрываясь пока отъ науки. Но рано-ли поздно-ли—монашество вторглось въ кругъ должностныхъ дѣйствій приходскаго духовенства. Ниже мы увидимъ, что проф. Павловъ, не могущій отрицать распространенности монашескаго духовничества (такъ-какъ отрицать ее невозможно) старается отодвинуть это явленіе къ временамъ, позд-

нѣйшимъ трулльскаго собора. Забудемъ на время, что наблюдаемое на западѣ къ концу VI в. принятіе исповѣди монахами должно указывать на востокъ, какъ на мѣсто возникновенія обычая исповѣдываться предъ монахами, и что въ памятникахъ восточной монашеской жизни, какъ напр. въ Лавсаикѣ, уже рано встрѣчаются примѣры хожденія на исповѣдь къ монахамъ не только мірянъ, а даже и мірскихъ священниковъ, которые могли получать отъ монаха-духовника, въ видѣ епитиміи, ни болѣе ни менѣе, какъ изверженіе изъ сана [1]). Но если восточное бѣлое духовенство до трулльскаго собора потому не жаловалось на вторженіе монаховъ въ духовническую практику, что не имѣло поводовъ къ тому, такъ какъ, по мысли проф. Павлова, безраздѣльно владѣло этой практикой, то все таки непонятно, какимъ образомъ послѣ трулльскаго собора оно отнеслось спокойно къ притязаніямъ монашества. Столь же непонятно, какимъ образомъ востокъ, начавъ съ молчаливаго, по выраженію проф. Павлова, признанія на трулльскомъ соборѣ системы, на которой построены были покаянные номоканоны, впослѣдствіи сталъ относиться къ ней съ неодобреніемъ. Процессъ отдѣленія таинства покаянія отъ открытаго церковнаго суда, который на западѣ изслѣдователи могутъ прослѣдить въ его стадіяхъ, для изслѣдователя восточнаго церковнаго права остается совершенно не разгаданнымъ, а между тѣмъ даже и такіе изслѣдователи, которые стараются отыскать церковно-историческія свидѣтельства о существованіи въ первые вѣка тайной исповѣди, какъ сакраментальной, не могутъ сказать, что публично-покаянной дисциплинѣ не усвоялась сакраментальная сила. Дѣло, мнѣ кажется, можно объяснить болѣе естественно, чѣмъ при помощи разныхъ „вполнѣ естественныхъ и даже исторически-необходимыхъ“ гипотезъ проф. Павлова. Испо-

---

[1]) См. напр. Къ вопросу о тайной исповѣди, стр. 91, 92).

вѣдь на востокѣ предъ монахами стала бытовымъ явленіемъ гораздо раньше трулльскаго собора; но она не включалась въ церковно-правительственный порядокъ. Она не могла вызывать никакихъ жалобъ въ средѣ бѣлаго духовенства, потому что это послѣднее, не получавшее ни общаго, ни особеннаго полномочія на принятіе тайной исповѣди въ тайныхъ грѣхахъ, не смотрѣло на это дѣло, какъ на принадлежащее къ кругу его должностной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятны такія свидѣтельства, какъ приводившееся мною ранѣе правило съ именемъ Епифанія кипрскаго [1]), изъ котораго видно, что принятіе исповѣди и разрѣшеніе отъ грѣховъ вообще не причислялись къ функціямъ простого священника: о священникѣ, выполнившемъ опредѣленную ему епитимію (μετὰ τὴν ἔκπτωσιν τῶν ἐπιτιμίων, ἤγουν ἐκπλήρωσιν) и вступающемъ снова въ права священнодѣйствія, говорится, что онъ снова получаетъ власть кадить, благословлять, пріобщать вѣрующихъ, читать Евангеліе, крестить, благословлять браки, освящать воду, но о исповѣди и о разрѣшеніи грѣховъ не упоминается. Нечего и говорить о томъ, что никакихъ постановленій или распоряженій правительства, которыми бы связывалось таинство покаянія съ тайною исповѣдью предъ духовникомъ, не было издано. И если уже гораздо позднѣе трулльскаго собора начинаютъ приниматься мѣры противъ духовничества монаховъ, то не по жалобамъ бѣлаго духовенства, которое не имѣло никакого повода видѣть въ монахахъ конкуррентовъ, потому что въ глазахъ даже такихъ церковно-оффиціальныхъ лицъ, какъ патріархъ Маркъ александрійскій, представлялось просто на просто неспособнымъ къ принятію исповѣди, а по иниціативѣ церковнаго правительства. Въ покаянныхъ номоканонахъ ду-

---

[1]) См. Къ вопросу о тайной исповѣди, стр. 17, прим. 2, гдѣ приведенъ греческій текстъ этого правила.

ховникъ представляется носителемъ власти вяжущей и разрѣшающей, а между тѣмъ монахи-духовники могли не имѣть даже священнаго сана. Въ сочиненіи: „Къ вопросу о западномъ вліяніи“ и проч. я выразился, что монахи обыкновенно не имѣли священнаго сана, и проф. Павловъ „пораженъ“ этимъ выраженіемъ; но поразительнаго тутъ ничего нѣтъ, если принять въ соображеніе, что жаждущіе духовнаго врачеванія стремились къ лицамъ, прославленнымъ святою жизнію—къ отшельникамъ, къ столпникамъ, въ которыхъ нѣтъ никакого основанія предполагать духовный санъ, да и въ монастыряхъ сами настоятели, по словамъ Вальсамона (къ 6 пр. карѳаг.), не говоря о простыхъ монахахъ, могли не имѣть духовнаго сана. Можно думать, что монахи, принимая исповѣдь и опредѣляя епитиміи, не вдругъ пришли къ мысли о разрѣшеніи отъ грѣховъ, да и послѣ того какъ пришли къ этой мысли, церковное правительство не обращало вниманія на духовническую практику монаховъ. Церковная исторія востока краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ усилія оффиціальныхъ органовъ направлены были на разрѣшеніе христологическихъ вопросовъ и на борьбу съ ересями, такъ что дисциплина жизни христіанской отступала далеко на задній планъ. Недаромъ впродолженіе чуть не 250 л., протекшихъ со времени халкидонскаго собора до трулльскаго, не было никакого церковнаго законодательства, кромѣ императорскаго, да и то ко времени трулльскаго собора стало забываться. Трулльскій соборъ въ своемъ, сравнительно съ другими соборами, обширномъ законодательствѣ возстановлявшій упавшую на востокѣ дисциплину и стоявшій на древнецерковной точкѣ зрѣнія сліянія таинства покаянія съ публично-покаянной дисциплиной, тѣмъ болѣе могъ обойдти тайную исповѣдь, что сами монахи, вѣроятно, не выступали еще такъ притязательно, какъ позднѣе во времена иконоборства, т. е. дѣйствовали какъ духовные врачи, не приписы-

вая себѣ власти вяжущей и разрѣшающей. А отсюда получался бы лишь новый доводъ противъ существованія номоканона Іоанна Постника въ дотрулльскую эпоху.

Утверждая, что, втеченіе многихъ вѣковъ, таинство покаянія связывалось съ публично-покаянной дисциплиной, а не съ тайной исповѣдью предъ духовникомъ, я вовсе не думаю колебать современную богословско-догматическую конструкцію таинства покаянія, какъ это и раньше заявлялось мною [1]), а говорю только, что подъ точку зрѣнія современной догматики нельзя подгонять церковно-историческія явленія. Что внѣшняя сторона таинствъ подвергалась историческимъ измѣненіямъ, противъ этого, мнѣ кажется, и спорить нельзя. Такъ извѣстно, что таинство, которое позднѣе стало называться мѵропомазаніемъ, въ древности совершалось черезъ возложеніе рукъ. Что въ бракѣ не только богослужебный чинъ или ритуалъ складывался втеченіе долгаго времени, но и самая сущность таинства могла быть понимаема различно, объ этомъ хорошо извѣстно и самому А. С. Павлову, какъ видно изъ его изслѣдованія о 50-й главѣ Кормчей книги. А различіе между современнымъ греческимъ и „современнымъ русскимъ“ духовникомъ показываетъ, что и теперь еще возможна различная постановка духовничества: иное дѣло, когда оно входитъ въ кругъ настырскихъ обязанностей каждаго священника, какъ таковаго, связывается съ посвященіемъ въ пресвитеры и осуществляется *властію Господа и Бога нашего Іисуса Христа*, дарованною священнику въ посвященіи, и иное дѣло, когда оно съ посвященіемъ не получается а основывается на особой полномочной грамотѣ отъ архіерея. Вспомнимъ разсужденіе Вальсамона: превознося должность хартофилакса (который, по сану своему, былъ обыкновенно не пресвитеромъ, а діакономъ), сравни-

---

[1]) Къ вопросу о тайной исповѣди, стр. 194, 195.

тельно съ должностію протекдика, канонистъ говоритъ, что хартофилаксъ, во-первыхъ, самъ получаетъ отъ епископа, какъ Петръ отъ Господа, власть связывать и разрѣшать на землѣ съ тѣмъ послѣдствіемъ, что связанное и разрѣшенное имъ будетъ связано и разрѣшено на небѣ, и во-вторыхъ сообщаетъ туже власть уполномочиваемымъ имъ іереямъ и монахамъ, каковая власть собственно дана Всесвятымъ Духомъ *только епископамъ* (ср. еще Никифора хартофил.). Очевидно, это совсѣмъ не тотъ кругъ идей, въ которомъ вращается современное русское понятіе о духовникѣ. Прибавимъ къ этому еще немалое различіе въ формулѣ разрѣшенія отъ грѣховъ между современнымъ чиномъ исповѣди на востокѣ и у насъ [1]). Вспомнимъ наконецъ причащеніе, которое даже послѣ того какъ оно отдѣлилось отъ общественныхъ столовъ и агапъ, не вдругъ приняло ту форму, въ которой теперь принимаются Св. Тайны вѣрующими. Въ 101 пр. трул. говорится: „аще кто хощетъ во время литургіи причаститися пречистаго Тѣла и едино съ нимъ черезъ причастіе быти, руки да слагаетъ во образъ креста и тако да приступаетъ и да пріемлетъ общеніе благодати; ибо изъ злата или иного вещества, *вмѣсто руки*, нѣкія *вмѣстилища* устроющихъ для пріятія божественнаго дара и *посредствомъ оныхъ* пречистаго общенія сподобляющихся, отнюдь не одобряемъ, яко *предпочитающихъ Божію образу вещество бездушное и подчиненное рукамъ* человѣческимъ“. Не будемъ останавливаться на мотивахъ, вызвавшихъ возникновеніе того обычая, о которомъ говорится въ 101 трул. и въ толкованіяхъ къ нему канонистовъ [2]), а также о томъ, одобрялся ли

---

[1]) См. Къ вопросу о тайн. испов. стр. 118 и 119 и у А. И. Алмазова, Тайная исповѣдь въ правосл. восточной церкви, т. I, Одесса, 1894, стр. 151—154, 547, 548. 576.

[2]) Зонара говоритъ: „Нѣкоторые, конечно изъ благоговѣнія и почтенія къ Божественнымъ Дарамъ, сдѣлавъ вмѣстилища изъ золота, или изъ другаго

онъ когда нибудь церковью. Важнѣе для насъ то, что порядокъ принятія Пречистаго Тѣла Христова, который самимъ соборомъ желается, какъ единственно правильный, въ настоящее время непонятенъ для насъ: соборъ требуетъ, чтобы Тѣло Христово принималось не въ какое либо вмѣстилище, замѣняющее руки, *а въ самыя руки*, и слѣдовательно изъ рукъ уже переходило въ уста причащающихся) [1]).

многоцѣннаго вещества, принимали пречистое Тѣло Господне и такимъ образомъ причащались Его; соборъ не принялъ этого, хотя дѣлалось по благоговѣнію, ибо человѣка, какъ почтеннаго, образомъ Божіимъ и сдѣлавшагося тѣломъ Христа и храмомъ Божіимъ по слову божественнаго апостола Павла, онъ почитаетъ выше всякой чувственной вещи". Вальсамонъ говоритъ: „Въ тѣ времена нѣкоторые богатые люди изъ презрѣнія, какъ кажется, къ бѣднѣйшимъ, приготовляя изъ золота или изъ какого нибудь другаго вещества вмѣстилища, подъ видомъ благоговѣнія и страха Божія, пользовались ими, *какъ бы руками*, и принимали въ нихъ, во время святаго пріобщенія, Пречистое Тѣло Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Вначалѣ, можетъ быть, это и было придумано нѣкоторыми изъ благоговѣнія, такъ какъ могли думать, что рука, касающаяся нѣкоторыхъ неприличныхъ и недостойныхъ предметовъ, недостойна для принятія Господняго Тѣла. Но съ теченіемъ времени это благоговѣніе обратилось въ душевную пагубу, поелику дѣлавшіе это искали предпочтенія предъ бѣднѣйшими и иначе какъ нибудь тщеславились. Итакъ, поелику отцамъ показалось, что въ этомъ лежитъ причина многихъ соблазновъ, притомъ и оскорбительно для нашего тѣла, созданнаго по образу Божію, то они сказали, что... никто не долженъ *предпочитать ему* бездушныхъ и служебныхъ вещей, сдѣланныхъ изъ золота и изъ какихъ либо другихъ веществъ" и проч.

[1]) Аристинъ, правда, говоритъ въ толкованіи на это же самое правило, что желающій причаститься долженъ *сложить руки крестообразно и принимать устами*, но онъ, очевидно, имѣетъ въ виду современный ему порядокъ, а не тотъ, о которомъ говорится въ 101 трул.. Да и во времена канонистовъ едва ли еще не въ видѣ общаго правила держался прежній порядокъ. Объ этомъ нужно заключать изъ слѣдующихъ словъ Вальсамона: „не удивляйся и не спрашивай о причинѣ, по которой *въ нѣкоторыхъ церквахъ* святое Тѣло Христово *преподается* мірянамъ (т. е. въ уста), а *не вручается имъ согласно съ мыслію сего правила*, ибо правая вѣра и страхъ Божій и несомнительное благоговѣніе предали это, а не недостоинство мірянъ" (Μὴ θαυμάσῃς δὲ μηδὲ ἐρωτήσῃς τὴν αἰτίαν, δι' ἣν ἔν τισιν ἐκκλησίαις μεταδίδοται τοῖς λαϊκοῖς τὸ ἅγιον σῶμα τοῦ χριστοῦ, καὶ οὐκ ἐγχειρίζεται τούτοις κατὰ τὴν τοῦ κανόνος περίληψιν. πίστις γὰρ ὀρθὴ, καὶ φόβος Θεοῦ καὶ εὐλάβεια ἀνύποντος τοῦτο παρέδωκεν, οὐχ' τὸ τῶν λαϊκῶν ἀνάξιον).

Не смѣю надѣяться, но желалъ-бы, чтобы приведенные факты подѣйствовали успокоительно на почтеннаго А. С. Павлова, „поражающагося“ моимъ заявленіемъ, что, въ эпоху трулльскаго собора, таинство покаянія связывалось съ открытымъ церковнымъ судомъ, и что тайную исповѣдь въ грѣхахъ отъ добровольно кающихся принимали монахи, обыкновенно не имѣвшіе пресвитерскаго сана.

V.

Проф. Павловъ утверждаетъ, будто моя увѣренность въ томъ, что, во времена трулльскаго собора, духовниками обыкновенно были монахи, не имѣвшіе пресвитерскаго сана, основывается единственно на завѣдомо подложномъ посланіи Іоанна Дамаскина (VIII в.) объ исповѣди и власти вязать и рѣшить. По этому поводу почтенный Алексѣй Степановичъ, къ сожалѣнію, наговорилъ много лишняго, отъ чего онъ могъ бы воздержаться, такъ что я теперь вынужденъ поговорить особо о названномъ документѣ. Что *не единственно* на немъ утверждаются мои положенія, объ этомъ послѣ всего вышеизложеннаго считаю излишнимъ распространяться. Затѣмъ, если говоря о *завѣдомой подложности* его, проф. Павловъ желалъ сказать этимъ выраженіемъ, что я самъ хорошо *знаю о подложности* и выдаю читателю *подложный документъ за подлинный*, то мнѣ остается только поблагодарить г. профессора за его доброе мнѣніе о моихъ нравственныхъ качествахъ. Если же проф. Павловъ обмолвился и употребилъ выраженіе: „завѣдомо подложный“ вмѣсто: „несомнѣнно подложный“, то я имѣю сильныя сомнѣнія въ томъ, что проф. Павлову кажется „несомнѣннымъ“. Но объ этомъ послѣ. Іоаннъ Дамаскинъ (или, какъ проф. Павловъ говоритъ, псевдо—Дамаскинъ) отвѣчаетъ въ своей ἐπιστολή на вопросъ, который предлагался на разрѣшеніе и разныхъ другихъ лицъ въ той или другой формѣ: „можно ли испо-

вѣдывать грѣхи монахамъ, не имѣющимъ священства"? Вопрошатель Іоанна Дамаскина (или псевдо—Дамаскина) прибавляетъ, что поводомъ къ возбужденію имъ этого вопроса послужили рѣчи, которыя ему приходилось слышать, что „власть вязать и рѣшить дана однимъ священникамъ". Отвѣтъ, данный авторомъ ἐπιστολῆς въ утвердительномъ смыслѣ, говоритъ проф. Павловъ, „настолько пришелся по вкусу нашему ученому канонисту (т. е. мнѣ), что онъ не только привелъ его почти въ полномъ переводѣ, но и снабдилъ обширнымъ историческимъ комментаріемъ, въ которомъ псевдо—Іоаннъ Дамаскинъ представляется отличнымъ знатокомъ церковной исторіи, а его сочиненіе весьма важнымъ историческимъ документомъ, по которому можно прослѣдить процессъ послѣдовательнаго перехода власти вяжущей и разрѣшающей отъ однихъ органовъ къ другимъ,—перехода, оговаривается комментаторъ (т. е. я) *не въ дѣйствительности*, а въ сознаніи и представленіяхъ людей" [1]). Что документъ, о которомъ идетъ рѣчь, пришелся *по вкусу* мнѣ, объ этомъ, какъ кажется, не было основанія говорить. Я приводилъ всѣ извѣстные мнѣ, факты и свидѣтельства, относящіеся къ неразработанной у насъ исторіи покаянной дисциплины на востокѣ [2]),—и что нельзя было обѣгать и замалчивать данный документъ, это теперь наилучшимъ образомъ доказано проф. Павловымъ: не изложи я его содержанія, онъ и теперь оставался бы неизвѣстнымъ для русскаго читателя, такъ какъ не сталъ бы излагать его содержанія проф. Павловъ, которому онъ, очевидно, *не по вкусу*. „Отличнымъ знатокомъ церковной исторіи" автора ἐπιστολῆς я не называлъ, но са-

---

[1]) Номоканонъ, стр. 475—476.

[2]) Это сдѣлано мною въ изслѣдованіи: „Объемъ дисц. суда" и проч. и въ дополнительномъ къ нему: Къ вопросу о тайной исповѣди и проч. Въ этомъ послѣднемъ и изложено содержаніе того документа, о которомъ идетъ рѣчь, на стр. 58—68.

мую эту ἐπιστολή дѣйствительно называлъ и называю любопытнымъ и важнымъ историческимъ документомъ. Авторъ (когда бы онъ ни жилъ, въ VIII или въ XII в.) знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ представляли себѣ въ его время процессъ послѣдовательнаго перехода власти вяжущей и разрѣшающей (отъ апостоловъ, получившихъ ее отъ Самого Господа, къ епископамъ, отъ епископовъ къ пресвитерамъ, отъ пресвитеровъ къ монахамъ). Проф. Павловъ спрашиваетъ: если сочиненіе псевдо-Дамаскина знакомитъ насъ не съ *дѣйствительными* историческими фактами, а только съ *представленіями* людей о томъ, какъ должны были совершаться эти факты, то какимъ образомъ оно можетъ быть признано весьма важнымъ источникомъ свѣдѣній объ исторической дѣйствительности? Еще бы не важнымъ! Если бы напр. въ архивахъ нашлось произведеніе какого нибудь русскаго книжнаго человѣка изъ конца XV в., въ которомъ бы авторъ излагалъ послѣдовательное движеніе какого нибудь историческаго процесса, и нынѣшняя наука нашла бы, что авторъ излагалъ свои представленія, а не дѣйствительность, то, все же, произведеніе его осталось бы важнымъ историческимъ документомъ,—важнымъ покрайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что знакомило бы насъ съ представленіями конца XV в. и ближайшаго предшествующаго времени. А если бы оказалось, что изображеніе автора въ большей или меньшей степени потверждается и другими, дошедшими до насъ, данными относительно этого ближайшаго времени, то хотя бы онъ и не привелъ изъ предшествующихъ вѣковъ „ни одного свидѣтельства, согласнаго съ его личными взглядами“, произведеніе его во всякомъ случаѣ должно считаться настолько важнымъ историческимъ документомъ, что современный изслѣдователь, не изъ желанія удовлетворить своему „вкусу“, а по долгу ученаго, обязанъ принять его во вниманіе. Проф. Павловъ доказываетъ подложность посланія Іоанна Дамас-

кина аргументами, извлеченными изъ Лекеня (Le Quien), ученаго издателя твореній Іоанна Дамаскина, присоединяя къ нимъ и нѣкоторыя собственныя соображенія. Относительно лекеневскихъ аргументовъ не мѣшало бы имѣть въ виду то, что было раньше замѣчено мною (Къ вопросу о тайн. испов. стр. 188 въ примѣч.), что католическіе ученые прямо заинтересованы въ томъ, чтобы доказать, что церковь не испытывала никакого поступательнаго движенія въ вопросѣ объ исповѣди и покаяніи, такъ что къ аргументамъ ихъ слѣдовало бы относиться съ извѣстною критическою осторожностію. Первый лекеневскій аргументъ состоитъ въ томъ, что Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ несомнѣнно подлинномъ сочиненіи о ересяхъ осуждаетъ въ ученіи мессаліанъ, какъ ересь, то, что приписывается ему самому въ сочиненіи объ исповѣди. Между тѣмъ ученіе мессаліанское и ученіе, проводимое въ посланіи объ исповѣди, *совсѣмъ не тоже самое.* Мессаліяне отвергали принципіально не только участіе священника, но и всякое принесеніе плодовъ покаянія, тотчасъ же объявляя приходящихъ къ нимъ грѣшниковъ (повидимому преступниковъ, которыхъ бы слѣдовало подвергнуть публичному покаянію) чистыми отъ всякаго грѣха. Напротивъ, въ посланіи съ именемъ Дамаскина краснорѣчиво доказывается необходимость исповѣди, понесенія епитимій, посредничества врача и добраго совѣтника, такъ что даже католическій ученый [1]) вынужденъ былъ сознаться, что если не считать немногихъ, какъ онъ выразился, парадоксовъ, имѣющихъ свой источникъ въ преувеличенной оцѣнкѣ монашества, посланіе съ именемъ Дамаскина содержитъ въ себѣ превосходныя замѣчанія объ исповѣди. *Лично* авторъ посланія склоняется притомъ къ той мысли, что, для выслушанія исповѣди и для разрѣшенія отъ грѣховъ, требуется *іерархическій санъ*: пе-

---

[1]) *Klee,* Die Beichte, 1828, стр. 143.

ужели тутъ есть что нибудь похожее на мессаліанскую ересь? А если автору посланія санъ одинъ, самъ по себѣ, не представляется достаточнымъ или управомочивающимъ къ принятію исповѣди, и напротивъ выдвигается на первый планъ святость жизни духовнаго врача, то авторъ посланія въ сущности стоитъ на той же самой точкѣ зрѣнія, на которой стоятъ отстаиваемые проф Павловымъ отвѣты Анастасія Синаита. Ѳеодоръ же Студитъ, почти современникъ Дамаскина, вѣроятно не подозрѣваемый проф. Павловымъ относительно его ортодоксіи, говоритъ даже меньше въ пользу іерархической исповѣди, чѣмъ авторъ посланія съ именемъ Дамаскина: послѣдній вообще считаетъ необходимымъ для духовника іерархическій санъ (хотя и не всякаго носителя сана считаетъ способнымъ къ принятію исповѣди, а только добродѣтельнаго), тогда какъ Ѳеодоръ Студитъ духовно-іерархическаго сана не считаетъ безусловно необходимымъ для духовника, допуская, что, въ отсутствіе пресвитеровъ, не неприлично и простому монаху давать епитиміи.

Другой аргументъ, почерпаемый проф. Павловымъ у западныхъ ученыхъ, даже и понять довольно трудно. Сущность аргумента состоитъ въ слѣдующемъ: Іоаннъ, патріархъ антіохійскій, жившій въ концѣ XI в. и „мысливший о монахахъ согласно съ псевдо-Іоанномъ Дамаскинымъ“ (такъ что, какъ мы увидимъ, этого самаго патріарха Іоанна проф. Павловъ и считаетъ авторомъ разсматриваемаго посланія), свидѣтельствуетъ, что, уже около 400 лѣтъ тому назадъ, монахи достигли того, что стали принимать исповѣдь, налагать епитиміи и давать разрѣшеніе. Отсюда-де слѣдуетъ, что происхожденіе обычая исповѣдываться предъ монахами патріархъ относитъ ко временамъ иконоборства, между тѣмъ какъ псевдо-Дамаскинъ утверждаетъ, что право монаховъ быть духовниками засвидѣтельствовано богодухновенными писаніями древнихъ отцовъ монашества. Но, вопервыхъ, мною было уже

замѣчено (Къ вопросу о тайн. испов. стр. 187 въ прим.) что хронологическая дата, устанавливаемая притомъ приблизительно лицомъ, жившимъ черезъ 400 лѣтъ послѣ датируемаго факта, не можетъ претендовать на безусловную историческую достовѣрность. Вовторыхъ, даже и по точному ариѳметическому расчету отъ конца XI в. на 400 лѣтъ назадъ приходятся не времена иконоборства, а болѣе раннія (конца VII в.) и пожалуй предшествующія даже трулльскому собору. Что времена иконоборства не прошли безслѣдно для преувеличенной оцѣнки значенія монашества, охотно допускаю и въ этомъ смыслѣ я говорилъ въ выше цитированномъ изслѣдованіи, что сознаніе монахами ихъ заслугъ по защитѣ православія противъ иконоборства могло лишь послужить для нихъ поводомъ отстаивать за собою исключительное право духовничества, съ властію вяжущею и разрѣшающею притомъ, а не вновь создать не существовавшій до того времени порядокъ. Преувеличенное значеніе монашества съ достаточною ясностію выступаетъ уже у Псевдо-Діонисія Ареопагита, который постриженіе въ монашество склоненъ считать *таинствомъ*, и даже высшимъ изъ таинствъ [1]). Да наконецъ, если авторъ посланія съ именемъ Дамаскина и патріархъ Іоаннъ антіохійскій несогласны одинъ съ другимъ въ указаніи исторической даты происхожденія обычая исповѣдываться предъ монахами, то какимъ образомъ это разногласіе могло бы служить аргументомъ противъ подлинности произведеній котораго либо изъ двухъ, несогласныхъ между собою, авторовъ? Авторъ посланія съ именемъ Дамаскина несомнѣнно стоитъ на болѣе правильной исторической точкѣ зрѣнія, производя обычай исповѣдываться у монаховъ къ писаніямъ древнихъ отцовъ монашества, чѣмъ Іоаннъ антіохійскій, если приписывать послѣднему мысль, которую при-

---

[1]) Ср. *Harnack*, Lehrbuch der Dogmengeschichte, B. II, 1888, стр. 437 и ср. стр. 426 въ примѣч. 1-мъ.

писываетъ ему проф. Павловъ, о возникновеніи названнаго обычая во времена иконоборства. Что же касается собственныхъ симпатій проф. Павлова къ хронологической датѣ Іоанна антіохійскаго, то нужно только удивляться непослѣдовательности нашего почтеннаго ученаго: самъ же онъ старается всѣми мѣрами отстоять подлинность номоканона Іоанна Постника, составленнаго монахомъ подъ руководствомъ другаго монаха въ концѣ VI в., а на сей разъ, опираясь на свидѣтельство Іоанна антіохійскаго, желаетъ отнести возникновеніе обычая исповѣдываться у монаховъ ко временамъ иконоборства.

Къ приведеннымъ аргументамъ проф. Павловъ присоединяетъ еще третій, уже повидимому не заимствованный у западныхъ ученыхъ: авторъ посланія высказываетъ мысли, поражающія своею странностію и прямымъ противорѣчіемъ съ общецерковнымъ догматическимъ ученіемъ о совершителяхъ таинства покаянія, такъ что непозволительно смотрѣть на сочиненіе псевдо-Дамаскина, какъ на выраженіе голоса древней вселенской церкви о томъ, кому собственно принадлежитъ означенная духовная власть. Такъ напр. авторъ утверждаетъ, что не всѣ епископы получили отъ апостоловъ власть вязать и рѣшить, а только тѣ, которые были непосредственными преемниками апостоловъ на ихъ каѳедрахъ, монахи же получаютъ эту власть вмѣстѣ съ постриженіемъ (стр. 477). Здѣсь опять мы видимъ нежеланіе проф. Павлова стать на историческую точку зрѣнія. Онъ, очевидно, выходитъ изъ той мысли, что все, что ни сказалъ бы тотъ или другой св. отецъ, должно быть непремѣнно „голосомъ вселенской церкви". Іоаннъ Дамаскинъ выражалъ голосъ вселенской церкви по вопросу о иконопочитаніи, потому что церковь высказалась въ томъ же смыслѣ, въ какомъ высказывался по этому вопросу св. отецъ. И напротивъ отсюда не слѣдуетъ, чтобы и по всякимъ другимъ вопросамъ мнѣніе Дамаскина было

выраженіемъ голоса вселенской церкви. Исторія представляетъ немало примѣровъ такихъ мнѣній и сужденій отцовъ церкви, которыя остались ихъ собственными мнѣніями и сужденіями, не поддержанныя голосомъ вселенской церкви. Они могутъ оказаться даже некорректными съ точки зрѣнія современной догматики, потому что высказывались въ такое время, когда церковные догматы еще не были опредѣлены съ категорическою ясностію. Не ходя далеко за примѣрами, возьмемъ того же св. Іоанна Дамаскина и нѣсколько позднѣе жившаго св. Ѳеодора Студита, который такъ же, какъ и Іоаннъ Дамаскинъ, былъ выразителемъ голоса вселенской церкви по вопросу о иконопочитаніи. Мнѣ уже приходилось указывать (Къ вопросу о тайн. испов. стр. 191) на то, что Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ изложеніи православной вѣры—единственномъ опытѣ догматики, который оставила намъ церковная древность, и который можетъ быть сравниваемъ съ нынѣшними катихизисами—упоминаетъ только о двухъ таинствахъ, а Ѳеодоръ Студитъ, насчитывая шесть таинствъ, къ числу этихъ шести относитъ постриженіе въ монашество и чинопослѣдованіе погребенія умершихъ. Скажетъ ли о нихъ проф. Павловъ, что они „выражали голосъ вселенской церкви“? Навѣрное не скажетъ. А что касается въ частности взгляда на постриженіе въ монашество, какъ на таинство, то этотъ взглядъ можетъ сослужить хорошую службу и изслѣдователю исторіи тайной исповѣди на востокѣ. Если постриженіе въ монашество есть таинственное посвященіе, которое псевдо-Діонисій Ареопагитъ склоненъ считать даже наивысшимъ таинствомъ, то тѣмъ легче понять, какимъ образомъ духовническая практика на востокѣ оказалась въ рукахъ монаховъ.

Вообще, по моему мнѣнію, до сихъ поръ не указано никакихъ рѣшительныхъ основаній къ отрицанію подлинности и дѣйствительной принадлежности св. Іоанну Дамаскину то-

го „посланія объ исповѣди и о власти вязать и рѣшать“, которое дошло до насъ и издано въ патрологіи Миня (т. XCV ser. gr.) съ именемъ названнаго святого. Проф. Павловъ, выставивъ свою вышеизложенную аргументацію противъ подлинности, считаетъ „позволительнымъ высказать догадку“, что сочиненіе псевдо-Дамаскина принадлежитъ упоминавшемуся ранѣе Іоанну, патріарху антіохійскому. Какимъ образомъ этотъ патріархъ Іоаннъ, относящій возникновеніе обычая исповѣдываться у монаховъ ко временамъ иконоборства, могъ, съ явнымъ самопротиворѣчіемъ, возводить тотъ же обычай къ богодухновеннымъ писаніямъ первыхъ отцовъ монашества, остается неизвѣстнымъ. Затѣмъ, почему „поражающія своею странностію“ разсужденія автора посланія, неумѣстныя, по мнѣнію проф. Павлова, въ лицѣ Іоанна Дамаскина, возможны для *патріарха,* да еще нѣсколькими вѣками позднѣе жившаго, тоже осталось неяснымъ. Какъ *монахъ,* Іоаннъ антіохійскій, говоритъ проф. Павловъ, могъ имѣть преувеличенныя представленія о церковномъ значеніи монашества, а какъ *патріархъ* такого города, епископы котораго были преемниками Петра, могъ сказать, что власть вязать и рѣшить дана только епископамъ церквей, основанныхъ лично апостолами. Но еще умѣстнѣе было говорить такъ *монаху—не патріарху,* уроженцу того же антіохійскаго діэцеза (каковъ былъ Іоаннъ Дамаскинъ). Одно мѣсто въ посланіи, гдѣ говорится, что авторъ былъ ученикомъ опытнаго духовнаго отца, который хотя самъ и не получилъ отъ людей посвященія, но ученику своему приказалъ принять по установленной формѣ и то посвященіе, которое люди даютъ, вполнѣ согласуется съ извѣстными намъ біографическими данными относительно св. Іоанна Дамаскина, который дѣйствительно имѣлъ санъ пресвитера [1]). Чтобы патріархъ могъ

[1]) *Herzog*, Abriss der gesammten Kirchengeschichte, Th. II, Erlangen, 1879, S. 15.

выражаться подобнымъ образомъ о своемъ патріаршемъ посвященіи, едва ли можно утверждать съ какимъ либо вѣроятіемъ.

Вооружаясь противъ подлинности посланія съ именемъ Іоанна Дамаскина, проф. Павловъ желаетъ отодвинуть монашеское духовничество къ позднимъ временамъ, такъ чтобы времена до трулльскаго собора остались, такъ сказать, чистыми отъ вторженія монашества, а это послѣднее ему необходимо для того, чтобы поддержать мысль о нахожденіи духовнической практики въ рукахъ приходскихъ священниковъ. Эта мысль, однако, не мѣшаетъ ему искать возникновенія покаянныхъ номоканоновъ въ монашеской средѣ, такъ что въ концѣ концовъ вся его аргументація направлена къ тому, чтобы отстоять существованіе номоканона Іоанна Постника ко временамъ трулльскаго собора. Разбирая и взвѣшивая эту аргументацію, я могъ убѣдиться лишь въ тщетности усилій нашего почтеннаго ученаго въ указанномъ направленіи. Новая постановка, которую онъ далъ спорному вопросу оригинальнымъ объясненіемъ 3 пр. Вас. В, и 102 пр. трул., оказалась безплодною для его цѣлей. Никакихъ научныхъ основаній не существуетъ къ тому, чтобы связывать съ именемъ Іоанна Постника, или даже съ „временами Іоанна Постника“, не только появленіе номоканона, но и „окончательное установленіе системы смягченныхъ церковныхъ епитимій, по отношенію къ тайнымъ грѣхамъ, открываемымъ на исповѣди“.

Странно, что у насъ до сихъ поръ оставался безъ всякой исторической оцѣнки фактъ, довольно давно уже оглашенный въ западной наукѣ. Часть вины въ этомъ упущеніи, разумѣется, я долженъ взять и на себя, поскольку и мнѣ приходилось не разъ разсуждать о т. н. номоканонѣ Іоанна Постника; но вина падаетъ также и на всѣхъ дру-

гихъ русскихъ ученыхъ, трактовавшихъ о томъ же предметѣ. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie“, 29 Iahrgang, Heft 1, Leipzig, 1886, проф. Гельцеръ (Gelzer) издалъ похвальное слово константинопольскаго патріарха Каллиста въ честь преподобнаго отца нашего Іоанна Постника и монастыря св. Камня (τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Καλλίστου ἐγκώμιον ἐις τὸν ὅσιον πατέρα ἡμῶν Ἰωάννην τὸν νηστευτὴν καὶ ἔπαινος εἰς τὴν σεβασμίαν μονὴν τῆς ἁγίας πέτρας). Изъ предисловія ученаго издателя оказывается, что составитель этого энкоміона есть патріархъ Каллистъ (1350—1354 и 1355—1362), и что тутъ дѣло идетъ не объ извѣстномъ вселенскомъ патріархѣ Іоаннѣ Постникѣ, а о соименномъ монахѣ—аскетѣ, процвѣтавшемъ при императорѣ Алексѣѣ Комненѣ и патріархѣ Николаѣ Грамматикѣ (1084—1111). Рукопись извлечена изъ парижскаго кодекса № 767 (раньше № 1829) національной библіотеки. Предметъ рѣчи патріарха—прославленіе монастыря Петры (одного изъ знаменитѣйшихъ въ столицѣ) и его святыхъ. Монастырь принадлежалъ къ числу многихъ, посвященныхъ имени Іоанна Крестителя. Основателемъ мужскаго монастыря Петры, какъ видно изъ рѣчи, былъ Іоаннъ Постникъ, каппадокійскій монахъ, въ царствованіе Алексѣя Комнена. Петра сдѣлалась притягательнымъ пунктомъ для множества монаховъ, и рѣчь даетъ намъ видѣть, что изъ этого пункта исходила грандіозная реформа восточнаго монашества, которую Гельцеръ сопоставляетъ съ западнымъ движеніемъ, вызвавшимъ нищенствующіе ордена. Монашество Постника основано на нестяжательности и на единственномъ Камнѣ—Христѣ. По свидѣтельству Каллиста, многочисленными учениками Іоанна дѣйствительно и соблюдалась практически нищета. Послѣ Іоанна Крестителя, Постникъ называется вторымъ ктиторомъ (δεύτερος κτήτωρ) монастыря. Онъ происходилъ изъ знатной фамиліи византій-

скаго сенаторскаго рода и до вступленія въ монастырь занималъ высокую должность; богатства свои онъ употребилъ на разныя благотворительныя цѣли.

Не смѣю судить, насколько безошибочны палеографическія данныя, на основаніи которыхъ старшія рукописи номоканона Постника ученые относятъ къ X в.. Но полагаю, что въ разнообразныхъ надписаніяхъ позднѣйшихъ покаянныхъ номоканоновъ и канонаріевъ имя этого позднѣйшаго Іоанна Постника играло немаловажную роль. Многіе покаянные уставы надписываются, какъ извѣстно, именемъ не патріарха Іоанна Постника, а Іоанна монаха, или преподобнаго отца нашего Іоанна Постника. Не тѣмъ ли объясняется и эпитетъ „ученика Василія Великаго", что Іоаннъ Постникъ былъ *каппадокійскій* монахъ, начавшій подвизаться въ той странѣ, которою нѣкогда управлялъ и для которой составилъ монашескія правила Василій Великій, архіепископъ Кесаріи каппадокійской въ Понтѣ? Не объ этомъ ли Іоаннѣ Постникѣ говорилъ и патріархъ Николай Грамматикъ, неодобрительно отзываясь о его *κανονικόν*, какъ книгѣ снисходительной, погубившей многихъ? Іоаннъ Постникъ могъ быть строгимъ монахомъ—нестяжателемъ и въ тоже время практически снисходительнымъ къ прегрѣшеніямъ человѣческимъ. Отъ другихъ предположеній воздерживаюсь. Еще одно слово. Проф. Павлова слишкомъ соблазняетъ то обстоятельство, что въ позднѣйшихъ работахъ я иногда отступаю отъ мнѣній, высказывавшихся въ болѣе раннихъ трудахъ. Что же? Охотно сознаюсь, что упорствовать въ прежнихъ ошибкахъ не въ *моемъ* „вкусѣ".

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
35	2 сверху	епитимійскихъ	епитимійныхъ
36	19 сверху	чрезъ приложеніе предпи-санныхъ вречествъ	чрезъ приложеніе предпи-санныхъ врачевствъ
39	2 – 3 снизу	заканчиваемъ	заканчиваетъ
41	15 сверху	свна	сана
63	7 снизу	Студинъ	Студитъ
65	11 снизу	по имени	по имени
67	1 снизу	предшествовали	преемствовали
70	20 сверху	или безъ грамоты)?	или безъ грамоты?)
84	10 сверху	если найдешъ	если найдешь
85	13 сверху	раноскаго	раненскаго
86	13 снизу	священной ли-	священной литургіи

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ

ИНСТИТУТЫ

ВЪ

Сѣверной Америкѣ.

А. А. Піонтковскаго,
и. д. Экстраординарнаго Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1897.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

въ

Сѣверной Америкѣ.

Карательныя учрежденія С. Америки представляютъ изъ себя въ высшей степени пеструю картину. Организація ихъ не покоится на какомъ-либо единомъ началѣ. Не только каждый штатъ С. Америки организуетъ ихъ своеобразно, но даже въ одномъ и томъ же штатѣ они не построены по одному и тому же типу. На ряду съ карательными учрежденіями, напоминающими собою, по господствующимъ въ нихъ порядкамъ, худшія европейскія, встрѣчаются здѣсь учрежденія, представляющіяся попыткой построенія тюремнаго механизма на новыхъ началахъ, попыткой преобразованія тюрьмы въ исправительно-воспитательный институтъ.

Эти послѣднія учрежденія, рѣзко выдѣляясь по присущимъ имъ особенностямъ въ ряду другихъ американскихъ и европейскихъ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Они представляются ничѣмъ инымъ какъ новымъ способомъ практическаго разрѣшенія одной изъ трудныхъ, одной изъ сложныхъ и въ тоже время одной изъ существенныхъ задачъ карательной дѣятельности—исправленія преступнаго люда, приспособленія его къ условіямъ общежитія.

Обрисовкѣ этихъ учрежденій и посвящаются нижеслѣдующія строки.

I.

Образованіе Сѣверо-американскихъ исправительно-воспитательныхъ институтовъ началось въ послѣднее двадцатилѣтіе. Несмотря на такой незначительный промежутокъ времени, С. Америка владѣетъ уже нѣсколькими такими институтами (въ Нью-Йоркѣ, Массачузетѣ, Пенсильваніи, Минессоттѣ и друг. штатахъ). Старѣйшимъ изъ этихъ институтовъ, послужившимъ образцомъ для другихъ, представляется институтъ, основанъ въ 1876 году, по иниціативѣ извѣстнаго тюрьмовѣда Brockway а, въ штатѣ Нью-Йоркъ близь Эльмиры.

Эльмирскій институтъ расположенъ въ живописной мѣстности. На устройство его затрачена коллосальная сумма (1885564, 62 долл.), благодаря чему сооружены удобныя зданія, снабженныя всѣми необходимыми приспособленіями и могущія вмѣстить въ себѣ болѣе 1000 человѣкъ (въ 1894 году содержалось 1378 чел.). Завѣдываніе институтомъ ввѣрено и находится нынѣ въ рукахъ Brockway-а.

Преслѣдуя исключительно исправительныя цѣли, направляя свои усилія на уничтоженіе присущихъ преступникамъ дурныхъ наклонностей и прививку имъ наклонностей, гармонирующихъ съ требованіями честной и трудовой жизни, Эльмирскій институтъ открываетъ свои двери только для опредѣленной категоріи преступныхъ агентовъ; онъ ограничивается пріемомъ лицъ, характеръ, возрастъ и прошлое которыхъ не возбуждаютъ какихъ-либо серьезныхъ сомнѣній въ возможности достиженія исправительныхъ цѣлей; онъ принимаетъ только лицъ мужескаго пола въ возрастѣ отъ 16—30 лѣтъ, появляющихся впервые на поприщѣ преступной дѣятельности (рецидивисты допускаются въ институтъ только въ исключительныхъ случаяхъ).

Продолжительность пребыванія въ Эльмирскомъ институтѣ находится въ зависимости отъ достиженія исправительныхъ

цѣлей, а не опредѣляется заранѣе; она носитъ поэтому неопредѣленный характеръ, хотя, впрочемъ, не можетъ превышать той продолжительности, которая полагается по закону за совершенное заключеннымъ преступное дѣяніе.

Въ интересахъ достиженія исправительныхъ цѣлей, заключенные Эльмирскаго института подчиняются особому воздѣйствію, характерными чертами котораго представляются, на ряду съ заботой о физическомъ развитіи и здоровьѣ заключенныхъ, пріученіе ихъ къ труду, развитіе ихъ интеллектуальныхъ способностей, развитіе и укрѣпленіе въ нихъ нравственныхъ началъ и снабженіе ихъ свѣдѣніями профессіональнаго характера, необходимыми въ житейской борьбѣ за существованіе. Весь механизмъ Эльмирскаго института направленъ на созданіе для заключенныхъ условій, могущихъ благотворно отразиться на ихъ физическомъ и духовномъ я, развить въ нихъ человѣческое достоинство, привычки къ честной и трудовой жизни и убить преступныя наклонности.

Всѣ заключенные въ Эльмирскомъ институтѣ раздѣляются на три группы, три класса: второй или переходной, въ который первоначально поступаютъ всѣ вновь прибывшіе [1]), первый или высшій, въ который переводятся изъ втораго отличившіеся своими успѣхами, поведеніемъ и трудолюбіемъ,

---

[1]) Примѣч. Всякій вновь прибывшій подвергается на одинъ или два дня одиночному заключенію, чтобы имѣть возможность подумать о своемъ положеніи; съ него снимается фотографія: его изслѣдуетъ врачъ; онъ посылается въ баню и получаетъ установленную одежду; съ нимъ бесѣдуетъ директоръ и старается изучить его характеръ, присущія ему особенности (это изученіе, имѣющее въ глазахъ эльмирской администраціи въ высшей степени серьезное значеніе, дополняется послѣдующими наблюденіями и тщательнымъ ознакомленіемъ съ прошедшимъ преступника: образомъ жизни его родителей, характеромъ окружавшаго его общества, его занятіями и домашнимъ образомъ жизни, а также уясненіемъ вопроса, не обладалъ ли онъ склонностью къ спиртнымъ напиткамъ); его знакомятъ съ порядками, господствующими въ институтѣ; ему объясняютъ его обязанности, его права, условія освобожденія и проч.; ему стараются показать, что обманъ, притворство, скрытность ни къ какимъ плодотворнымъ для него результатомъ привести не могутъ.

и съ пребываніемъ въ которомъ связывается возможность полученія свободы, и, наконецъ, третій или низшій, въ который зачисляется худшій слой обитателей института. Переводъ изъ втораго класса въ первый, изъ перваго или втораго въ третій находится въ зависимости отъ характера дѣятельности заключеннаго; доброкачественность же этой дѣятельности опредѣляется количествомъ полученныхъ заключеннымъ марокъ за поведеніе, трудолюбіе и школьныя занятія: полученіе по 9 марокъ въ мѣсяцъ въ теченіе шести мѣсяцевъ (три марки за поведеніе, три за усердіе къ работѣ и три за успѣхи въ школѣ) влечетъ за собою переводъ изъ переходнаго класса въ первый; полученіе въ такой же періодъ времени такого же количества марокъ въ первомъ классѣ создаетъ для получившихъ ихъ возможность освобожденія, между тѣмъ какъ дурное поведеніе, неуспѣхи въ школьныхъ занятіяхъ и работѣ влекутъ за собою лишеніе ранѣе пріобрѣтенныхъ марокъ, переводъ изъ высшаго класса въ низшій. Съ переходомъ изъ низшаго класса въ высшій связывается видоизмѣненіе и улучшеніе положенія заключеннаго (разрѣшеніе свиданій, предоставленіе права полученія и отсылки писемъ, измѣненіе костюма, нѣкоторое улучшеніе пищи и проч.); самымъ же существеннымъ преимуществомъ, связаннымъ съ этимъ переходомъ, представляется возможность полученія свободы: заключенные перваго класса послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ этомъ классѣ и полученія въ этотъ періодъ опредѣленнаго количества марокъ, свидѣтельствующаго объ ихъ исправленіи, могутъ быть освобождены изъ заключенія по распоряженію администраціи института [1]). При

---

[1]) Примѣч. Вопросъ объ освобожденіи изъ института разрѣшается дирекціей — высшимъ административнымъ органомъ института, состоящимъ изъ пяти частныхъ лицъ, избираемыхъ губернаторомъ и сенатомъ на пять лѣтъ; при разрѣшеніи этого вопроса дирекція руководствуется заключеніемъ директора института.

освобожденіи ихъ, заботятся о пріисканіи для нихъ соотвѣтствующихъ занятій (о пріисканіи занятій заботится администрація института и какихъ-либо особенныхъ затрудненій въ этомъ отношеній не встрѣчаетъ). Освобожденіе первоначально носитъ условный характеръ. Заключенный освобождается на честное слово на шесть мѣсяцевъ (этотъ періодъ можетъ быть продленъ по усмотрѣнію администраціи института). Въ этотъ періодъ освобожденный подчиняется надзору администраціи института, представляетъ ей ежемѣсячные отчеты о своей дѣятельности и, по ея распоряженію, можетъ быть снова возвращенъ въ институтъ. Такое распоряженіе, конечно, можетъ имѣть мѣсто только, если дѣятельность освобожденнаго представляется не безупречной; если же она вполнѣ удовлетворительна, то условное освобожденіе замѣняется окончательнымъ освобожденіемъ, освобожденному на честное слово даруется абсолютная свобода, при чемъ тѣ изъ освобожденныхъ, которые по какимъ-либо независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ лишатся занятій, принимаются снова въ институтъ, гдѣ остаются въ качествѣ гостей впредь до пріисканія подходящихъ занятій.

Возможность полученія свободы, поставленная въ виду принятія классификаціонной и марочной системъ всецѣло въ зависимость отъ заключеннаго, отъ его самодѣятельности, имѣетъ въ виду содѣйствіе и содѣйствуетъ развитію и усиленію этой самодѣятельности (полученіе свободы—заманчивая для заключеннаго перспектива), вызываетъ въ заключенномъ стремленіе избавиться отъ присущихъ ему недостатковъ и такимъ образомъ создаетъ въ лицѣ заключеннаго надежнаго союзника въ дѣлѣ осуществленія тѣхъ задачъ, ради которыхъ функціонируетъ весь механизмъ Эльмирскаго института.

Поддерживая и развивая въ заключенныхъ стремленіе къ исправленію, Эльмирскій институтъ воплощаетъ въ себѣ самыя благопріятныя условія для осуществленія этого стремленія.

Самыя строгія требованія гигіены находятъ себѣ примѣненіе въ институтѣ. Помѣщенія для заключенныхъ не заставляютъ желать чего-либо лучшаго. Спальни (въ распоряженіи каждаго заключеннаго имѣется отдѣльная камера, снабженная всѣмъ необходимымъ, и, только на случай переполненія, въ камерахъ помѣщается по два человѣка), мастерскія, школа вмѣщаютъ въ себѣ достаточное количество воздуха, освѣщаются газомъ и отапливаются зимою паромъ. Еженедѣльно заключенные посѣщаютъ баню и получаютъ чистое бѣлье. Питаніе ихъ вполнѣ удовлетворительно и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ. Ежедневно имъ дается завтракъ, обѣдъ и ужинъ [1]), при чемъ предоставляется право не только пользоваться хлѣбомъ въ неограниченномъ количествѣ, но также и требовать увеличенія отпускаемыхъ имъ порцій (что́ дозволяется только заключеннымъ перваго и втораго класса); уменьшеніе же пищи, хотя бы и по соображеніямъ дисциплинарнаго свойства не допускается (другихъ дисциплинарныхъ взысканій, кромѣ лишенія пріобрѣтенныхъ марокъ, либо перемѣщенія изъ высшаго класса въ низшій, въ Эльмирскомъ институтѣ почти не знаютъ и надобности въ установленіи ихъ не встрѣчаютъ [2]), но допускается видоизмѣненіе послѣдней сообразно

---

[1]) Примѣч. На завтракъ заключенные перваго и втораго классовъ получаютъ мясо, картофель, хлѣбъ и кофе, заключенные же третьяго класса—тѣ же блюда, кромѣ кофе; на обѣдъ всѣмъ заключеннымъ отпускается то супъ, мясо и хлѣбъ (три раза въ недѣлю), то тушеная баранина съ хлѣбомъ (два раза въ недѣлю), то мясо со свеклой и хлѣбомъ (разъ въ недѣлю), то, наконецъ, ростбифъ съ подливкой и хлѣбомъ (разъ въ недѣлю); кромѣ того заключеннымъ перваго класса иногда даютъ компотъ, фрукты и печеные плоды, а также ежедневно кофе, заключеннымъ же втораго класса отпускаютъ кофе, но только четыре раза въ недѣлю; на ужинъ заключеннымъ перваго класса отпускается соусъ, хлѣбъ и чай съ сахаромъ, заключеннымъ втораго класса—хлѣбъ и чай съ сахаромъ, заключеннымъ же третьяго класса—только хлѣбъ. Въ общемъ, по свидѣтельству Morice Yvon, питаніе заключенныхъ въ Эльмирскомъ институтѣ сходно съ питаніемъ французскихъ солдатъ.

[2]) Примѣч. Оффиціальное изслѣдованіе характера дѣятельности эльмир-

потребностямъ заключеннаго: вялость, инертность, малоуспѣшность въ работѣ и обученіи обусловливаются не рѣдко физическими особенностями заключеннаго; видоизмѣнить, уничтожить эти особенности значитъ побороть серьезныя препятствія въ дѣлѣ приспособленія заключеннаго къ условіямъ общежитія; въ интересахъ уничтоженія этихъ особенностей и подчиняютъ въ Эльмирскомъ институтѣ страдающихъ ими особому режиму, т. е., спеціальной культурѣ, даютъ имъ особую, сообразно указаніямъ врача, пищу, заставляютъ ихъ періодически принимать ванны и проч. (производимые въ этомъ отношеніи съ 1886 г. опыты увѣнчались успѣхомъ). Наконецъ, къ средствамъ, содѣйствующимъ физическому развитію заключенныхъ, слѣдуетъ отнести и введенныя, въ виду сокращенія продуктивнаго труда, военныя упражненія.

Наряду съ заботой о физическомъ развитіи и усовершенствованіи заключенныхъ, въ Эльмирскомъ институтѣ обращаютъ особенное вниманіе на развитіе и усовершенствованіе ихъ духовнаго я и пользуются въ этомъ отношеніи такими могучими средствами какъ трудъ и образованіе.

Ежедневно, кромѣ воскресенья и праздничныхъ дней, заключенные работаютъ. Трудъ организованъ по хозяйственному способу. Онъ раздѣляется на трудъ продуктивный и инструктивный.

Продуктивный трудъ направленъ на производство мебели, желѣзныхъ издѣлій, трубокъ и проч.; ежедневно ему посвящается не болѣе восьми часовъ (въ послѣднее время продолжительность этого труда понижена съ восьми на пять часовъ); работы производятся въ общихъ мастерскихъ; бесѣды во время работъ, смѣхъ и проч. безусловно воспрещены.

ской администраціи, вызванное обвиненіями послѣдней въ злоупотребленіяхъ, главнымъ образомъ, дисциплинарными взысканіями, такихъ злоупотребленій не обнаружило. бывшіе рѣдкіе случаи примѣненія тѣлесныхъ наказаній (къ лицамъ, неподдающимся никакимъ мѣрамъ исправительнаго воздѣйствія) не выражались въ какой-либо вредной для здоровья формѣ (См. Bulletin de la Société Générale des Prisons, 1895 стр. 301).

Что же касается инструктивнаго труда, то на него обращается особенное вниманіе; при посредствѣ этого вида труда стремятся обогатить заключеннаго техническими познаніями, научить его ремеслу и выработать въ немъ привычку къ ремеслу; при этомъ исходятъ изъ вполнѣ правильнаго воззрѣнія, что научить преступника ремеслу и развить въ немъ привычку къ этому ремеслу значитъ дать ему въ руки могучее орудіе для борьбы честнымъ образомъ за свое существованіе.

Наряду съ обогащеніемъ заключенныхъ техническими познаніями обращаютъ особенное вниманіе на ихъ образованіе. Постановка дѣла образованія заключенныхъ въ Эльмирскомъ институтѣ представляется образцовой.

Могучимъ орудіемъ въ этомъ дѣлѣ является школа, въ которой преподаваніе не ограничивается однимъ элементарнымъ обученіемъ (чтеніе, письмо, ариѳметика), а распространяется далеко за предѣлы послѣдняго: алгебра, геометрія, географія, исторія, химія, физіологія, литература, англійскій языкъ, философія, политика, законовѣдѣніе — вотъ главнѣйшіе предметы, входящіе въ составъ школьнаго преподаванія. Всѣ эти предметы преподаются, конечно, въ популярной формѣ. Заключенные знакомятся только съ основными началами, имѣющими, главнымъ образомъ, практическое значеніе. Результаты этого преподаванія блестящи: кругозоръ заключенныхъ расширяется, вырабатываются въ нихъ культурныя привычки, интеллектъ ихъ на столько развивается, что они, напримѣръ, съ большимъ пониманіемъ изучаютъ и комментируютъ творенія Шекспира.

Наряду со школой дѣлу образованія заключенныхъ служитъ богатая библіотека Эльмирскаго института, вмѣщающая въ себѣ 3970 томовъ, 650 журналовъ и 240 иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ изданій. Эта сокровищница не представляетъ изъ себя сокровищницы, богатствами которой никто не пользуется: обитатели Эльмирскаго института читаютъ и

читаютъ съ большимъ интересомъ не только беллетристическія произведенія, но и произведенія историческаго, научнаго и философскаго содержанія; каждый заключенный прочитываетъ въ годъ въ среднемъ 26 книгъ.

Наконецъ, однимъ изъ оригинальныхъ средствъ, содѣйствующихъ духовному развитію заключенныхъ, представляется издающаяся въ Эльмирскомъ институтѣ газета (The Summary [1]).

Газета состоитъ изъ восьми страницъ. Въ ней, на ряду съ сообщеніями, касающимися выдающихся событій, имѣвшихъ мѣсто заграницею, въ Америкѣ, а равно и въ самомъ институтѣ, помѣщаются оригинальныя статьи, принадлежащія перу авторитетныхъ лицъ, либо статьи, заимствованныя изъ лучшихъ журналовъ и посвященныя этическимъ, политическимъ, экономическимъ, педагогическимъ, литературнымъ и др. вопросамъ. Въ ней иногда помѣщаются статьи, написанныя заключенными. Экземпляры этой газеты, выходящей разъ въ недѣлю, распредѣляются каждое воскресенье между заключенными перваго и втораго классовъ.

Всѣми этими средствами забота о духовномъ развитіи заключенныхъ не ограничивается. Для заключенныхъ устраиваются литературно-музыкальныя вечера, въ которыхъ они принимаютъ живое участіе не только въ качествѣ зрителей, но и въ качествѣ исполнителей, выступая съ докладами, рефератами, принимая участіе въ чтеніяхъ, въ исполненіи музыкальныхъ пьесъ; имъ читаются лекціи по вопросамъ практической морали; они присутствуютъ при богослуженіи; наконецъ, директоръ института стремится лично воздѣйствовать на нихъ путемъ бесѣдъ съ ними.

Таковы характерныя особенности механизма Эльмирскаго института.

---

[1]) Примѣч. Газета въ Эльмирскомъ институтѣ возникла по иниціативѣ одного изъ заключенныхъ (литератора по профессіи). См. Bulletin de la Société Générale des Prisons, 1891, стр. 152.

Изучая этотъ механизмъ [1]), нельзя не признать, что въ немъ мастерски скомбинировано все, могущее служить дѣлу физическаго и духовнаго развитія заключеннаго, дѣлу его возрожденія, дѣлу его исправленія; неудивительно поэтому, что результаты функціонированія этого механизма вполнѣ удовлетворительны: по статистическимъ даннымъ, собраннымъ со времени основанія Эльмирскаго института по 1894 годъ, исправленіе преступниковъ, сообразно вычисленіямъ Brockway-а, достигается почти въ 82 случаяхъ на сто (81, 8%) [2]).

II.

Успѣшное функціонированіе Эльмирскаго института обратило на него всеобщее вниманіе и послужило толчкомъ къ развитію аналогичныхъ ему институтовъ въ другихъ штатахъ Сѣверной Америки.

Первымъ штатомъ, поспѣшившимъ устроить такой институтъ, представляется Массачузетсъ. Въ 1886 году въ Конкордѣ открывается исправительно-воспитательный институтъ, построенный по образцу Эльмирскаго.

Конкордскій институтъ предназначается для содержанія тѣхъ преступниковъ, которые, по мнѣнію суда, нуждаются въ исправительномъ воздѣйствіи и могутъ быть исправленными. Законъ не ограничиваетъ въ этомъ отношеніи судейскаго усмотрѣнія ни тяжестью учиненнаго злодѣянія, ни характеромъ прошлаго преступника, а лишь только его возрастомъ: въ Конкордскій институтъ не могутъ быть заклю-

---

[1]) См. подробности соч. Winter-а „Die New-Yorker Staatliche Besserungsanstalt zu Elmira". Berlin, 1890.

[2]) Примѣч. Хотя эти вычисленія претендовать на абсолютную точность не могутъ, однако они, какъ исходящія отъ лица вполнѣ компетентнаго и лично слѣдившаго за дальнѣйшей жизнью освобожденныхъ изъ института, не могутъ не служить ручательствомъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, достигаемыхъ институтомъ.

чены лица, имѣющія болѣе 40 лѣтъ; всякій же преступникъ мужскаго пола, не достигшій этого возраста (новичекъ ли онъ въ области преступной дѣятельности или рецидивистъ, учинилъ ли онъ тяжкое злодѣяніе или легкое—безразлично) можетъ быть помѣщенъ въ институтъ.

Продолжительность пребыванія въ институтѣ не можетъ быть болѣе пяти лѣтъ; для заключенныхъ же за незначительные проступки (напр., пьянство) maximum этой продолжительности не можетъ превышать двухъ лѣтъ.

Заключенные раздѣляются, какъ и въ Эльмирскомъ институтѣ, на три класса, и переходъ изъ одного класса въ другой ставится въ зависимость отъ количества полученныхъ ими марокъ [1]).

Заключенные, пробывшіе въ первомъ классѣ отъ 3—5 мѣсяцевъ и оказавшіеся въ своемъ поведеніи безупречными, могутъ быть условно освобождаемы. Освобожденіе даруется только тогда, когда образуется увѣренность, что оно не представляется опаснымъ для интересовъ общежитія; для уясненія же этого послѣдняго обстоятельства изучается личность преступника, его прошлое и изслѣдуется, представляется ли для него возможность при наличности данныхъ условій содержать себя честнымъ трудомъ. Условно-освожденный подчиняется спеціальному надзору, и на него возлагается обязанность исполнять указанныя для него условія (воздерживаться отъ спиртныхъ напитковъ, не посѣщать кабаковъ, игорныхъ домовъ, не сходиться съ людьми подозрительными, уважать законы, вести честный и трудовой образъ жизни и представлять періодически отчеты о своей дѣятельности). Надзоръ продолжается до истеченія срока наказанія; несоблюденіе указанныхъ условій влечетъ за собою вторичное заключеніе въ институтъ.

---

[1]) См. Passez. Le Roformatory de Concord (Revue pénitentiaire, № 1, 1897, стр. 103).

Заключенные въ Конкордскомъ институтѣ окружаются такими же благопріятными для ихъ физическаго и духовнаго развитія и совершенствованія условіями какъ и въ Эльмирскомъ; трудовымъ началомъ и образованіемъ—могучими въ этомъ отношеніи средствами—пользуются здѣсь въ широкихъ размѣрахъ.

Продуктивный трудъ приноситъ значительный доходъ, такъ что представляется возможнымъ покрыть часть издержекъ на содержаніе заключенныхъ; онъ распадается на нѣсколько отраслей: сапожное дѣло, портняжье дѣло, производство мебели, часовыхъ цѣпочекъ.

Что же касается инструктивнаго труда, то организація его образцовая; существуютъ ремесленныя школы, въ которыхъ подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ заключенные обучаются различнаго рода ремесламъ, знакомятся съ новыми методами, съ послѣдними усовершенствованіями въ области того или иного ремесла.

Особенное вниманіе въ Конкордскомъ институтѣ обращается на духовное развитіе и усовершенствованіе заключенныхъ. Пять разъ въ недѣлю по три часа въ день заключенные проводятъ въ школѣ. Ежедневно съ ними ведутся бесѣды религіознаго содержанія, еженедѣльно имъ читаются лекціи, по воскресеніямъ произносятся проповѣди. Имъ предоставляется возможность пользоваться богатой библіотекой, имѣющейся при институтѣ (библіотека заключаетъ въ себѣ приблизительно 5000 томовъ); для нихъ устроена читальня, въ которой находятся лучшіе журналы; для нихъ издается газета „Our Paper“ (эта газета успѣла пріобрѣсти себѣ широкій кругъ читателей и внѣ стѣнъ института); наконецъ, для нихъ устраиваются клубы, имѣющіе цѣлью пріучить ихъ къ культурнымъ развлеченіямъ и тѣмъ самымъ парализовать въ нихъ вкусъ къ грубымъ и пошлымъ удовольствіямъ.

Членами этихъ клубовъ могутъ быть только заключенные

перваго класса и тѣ изъ заключенныхъ втораго класса, которые вели себя безупречно въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; члены избираются балотировкой; собранія происходятъ безъ присутствія представителей администраціи института (если они иногда и присутствуютъ, то только въ качествѣ гостей) подъ предсѣдательствомъ одного изъ заключенныхъ перваго класса; на собраніяхъ, которыя, обыкновенно, происходятъ два раза въ недѣлю, читаютъ рефераты, декламируютъ стихотворенія, поютъ, играютъ на тѣхъ или иныхъ музыкальныхъ инструментахъ, и все здѣсь такъ просто и непринужденно, что никто, кто случайно посѣтилъ бы эти собранія, не повѣрилъ бы, замѣчаетъ Ашроттъ [1]), что онъ находится среди заключенныхъ (многіе изъ заключенныхъ присутствуютъ на этихъ собраніяхъ въ свѣтлыхъ галстухахъ и съ гвоздикой въ петличкѣ сюртука).

Вообще, нельзя не замѣтить, что присущая карательнымъ учрежденіямъ вредная монотонность въ Конкордскомъ институтѣ совершенно отсутствуетъ: заключенные здѣсь пользуются сравнительно большой свободой; жизнь ихъ строится по образцу жизни свободныхъ людей, но въ то же время, въ интересахъ устраненія могущихъ произойти отъ этого злоупотребленій, надъ ихъ головой виситъ угроза въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій, въ качествѣ которыхъ фигурируютъ переводъ изъ высшаго класса въ низшій, карцеръ (свѣтлый) и продленіе времени пребыванія въ институтѣ.

Сравнительно большая свобода, которой пользуются заключенные въ Конкордскомъ институтѣ, не отражается вредно на осуществленіи преслѣдуемыхъ институтомъ задачъ: по свидѣтельству директора института, M. Scott-a, въ 80 случаяхъ на 100 удается исправить преступника, приспособить его къ условіямъ общежитія [2]).

---

[1]) Aschrott, Aus dem Strafen und Gefängnisswesen Nordamerikas.

[2]) Revue pénitentiaire, № 1, 1897, стр. 113.

Благодаря такимъ утѣшительнымъ результатамъ, Конкордскому институту удалось завоевать себѣ всеобщую симпатію. Институты, подобно Конкордскому и Эльмирскому, начинаютъ все болѣе и болѣе развиваться на сѣверо-американской почвѣ. Съ 1889 г. такіе институты существуютъ въ штатахъ Миннесота и Пенсильванія; устройство ихъ проектируется и въ другихъ штатахъ.

Миннесота—чуть ли не единственный западный штатъ, владѣющій исправительно-воспитательнымъ институтомъ этого рода. Основанный въ этомъ штатѣ въ 1889 году исправительно-воспитательный институтъ находится въ трехъ миляхъ отъ С. Клуда. Онъ построенъ по типу одиночныхъ тюремъ и предназначается для лицъ мужескаго и женскаго пола въ возрастѣ отъ 16—30 лѣтъ (совмѣщеніе подъ однимъ кровомъ лицъ мужескаго и женскаго пола признано неудобнымъ, вслѣдствіе чего въ настоящее время заботятся объ устройствѣ отдѣльнаго помѣщенія для лицъ женскаго пола). Его цѣль—уничтожить въ заключенныхъ дурныя привычки, направить заключенныхъ къ добру и воспитать на столько, чтобы они въ состояніи были владѣть своими страстями, стать полезными членами общежитія. Продолжительность пребыванія въ немъ носитъ, какъ и въ Эльмирскомъ институтѣ, неопредѣленный характеръ. Трудъ и образованіе представляются существенными средствами для достиженія исправительныхъ цѣлей: заключенные занимаются наружными работами—обработкой и добываніемъ камня, посѣщаютъ школу (программа школьныхъ занятій пока ограничивается элементарнымъ обученіемъ), пользуются, и надо замѣтить, усердно библіотекой института, заключающей въ себѣ 900 томовъ; для нихъ съ 1891 года учрежденъ клубъ.

Что же касается Пенсильваніи, то такого рода институтъ открытъ въ 1889 году въ Гунтингдонѣ.

Этотъ институтъ, построенный по образцу Эльмирскаго,

принимаетъ преступниковъ въ возрастѣ отъ 15—25 лѣтъ. Особенное вниманіе въ немъ обращается на обученіе заключенныхъ ремесламъ. Школьное преподаваніе не ограничивается однимъ элементарнымъ обученіемъ; въ школѣ института преподаются и математика, и физіологія, и исторія, и законовѣдѣніе. При институтѣ имѣется библіотека, заключающая въ себѣ 2250 томовъ, издается газета „Reformatory Record", и съ 1891 года учрежденъ клубъ „Literary Societies".

Таковы карательныя учрежденія новаго типа [1]), ставшія развиваться въ послѣднее время на сѣверо-американской почвѣ.

III.

Сѣверо-американскіе исправительно-воспитательные институты—совершенно новое и въ высшей степени отрадное явленіе въ современной постановкѣ дѣла борьбы съ преступностью. Они представляются ничѣмъ инымъ какъ особаго рода *спеціальными* учрежденіями, предназначенными исключительно для борьбы съ опредѣленной группой преступныхъ агентовъ, для борьбы съ тѣмъ слоемъ преступнаго люда, который нуждается въ исправленіи и можетъ быть исправленнымъ.

Такихъ спеціальныхъ учрежденій современныя европейскія карательныя системы не знаютъ (исправительно-воспитательные пріюты, нѣсколько напоминающіе собою эти учрежденія, предназначаются для борьбы только съ юнымъ преступнымъ людомъ, но не съ взрослымъ). Хотя современнымъ карательнымъ системамъ извѣстно нѣсколько видовъ кара-

---

[1]) См. Elliott. Die neuen Bestrebungen im Gefängnisswesen der Vereinigten Staaten von Nordamerica 1895.

тельныхъ учрежденій (каторжныя тюрьмы, исправительные дома, тюрьмы, арестные дома и проч.), тѣмъ не менѣе каждый изъ этихъ видовъ не предназначается спеціально для борьбы съ опредѣленнымъ слоемъ преступнаго люда, для борьбы съ преступниками, обладающими тѣми или иными психо-физическими свойствами и особенностями, а является особой формой наказанія за преступныя дѣянія опредѣленной тяжести; вслѣдствіе этого въ одномъ и томъ же карательномъ учрежденіи нерѣдко содержатся и подчиняются одному и тому режиму лица, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга по своей психо-физической структурѣ, нерѣдко содержатся въ одномъ и томъ же карательномъ учрежденіи и закоренѣлые злодѣи, и профессіональные преступники, и новички въ области преступной дѣятельности.

Такое положеніе представляется серьезнымъ недостаткомъ современной организаціи дѣла борьбы съ преступнымъ людомъ; оно отражается въ высшей степени вредно на результатахъ этой борьбы, такъ имъ игнорируется приспособленіе карательнаго воздѣйствія къ характеру и особенностямъ преступнаго люда; между тѣмъ установленіе соотвѣтствія между характеромъ карательнаго воздѣйствія и характеромъ и особенностями преступнаго люда—необходимое условіе успѣшной борьбы съ этимъ людомъ: преступный людъ слагается изъ крайне разнообразныхъ элементовъ, успѣшно воздѣйствовать на эти элементы единообразными средствами невозможно.

Въ интересахъ устраненія этого недостатка, необходимо установленіе нѣсколькихъ видовъ карательныхъ средствъ, предназначенныхъ каждый въ отдѣльности для борьбы съ опредѣленной группой преступнаго люда; въ виду же того, что преступный людъ, сообразно современнымъ изысканіямъ, слагается то изъ лицъ, окончательно потерянныхъ для общества, прикрѣпившихся, т. е., навсегда къ преступной дѣ-

ятельности, то изъ лицъ, временно заблудшихся, могущихъ еще быть возвращенными къ честной и трудовой жизни, встрѣчается необходимость въ созданіи спеціальныхъ карательныхъ средствъ, имѣющихъ въ виду поставленіе преступниковъ въ невозможность проявлять во внѣ присущія имъ преступныя наклонности, съ одной стороны, и въ установленіи спеціальныхъ средствъ, имѣющихъ въ виду приспособленіе преступнаго люда къ условіямъ общежитія, съ другой стороны; въ виду же того, наконецъ, что приспособленіе преступнаго люда къ условіямъ общежитія, сообразно характеру и особенностямъ этого люда, можетъ быть достигнуто то путемъ устрашенія (подавленія преступныхъ наклонностей, противупоставленія имъ болѣе сильнаго сдерживающаго импульса), то путемъ исправленія (уничтоженія преступныхъ наклонностей, видоизмѣненія психо-физической структуры преступника), представляется необходимымъ существованіе спеціальныхъ карательныхъ средствъ, преслѣдующихъ цѣли устрашенія, и спеціальныхъ средствъ, преслѣдующихъ исправительныя цѣли.

Образованіемъ сѣверо-американскихъ исправительно-воспитательныхъ институтовъ положено начало развитія спеціальныхъ карательныхъ средствъ этого послѣдняго рода, средствъ, предназначенныхъ для исправленія преступнаго люда, и тѣмъ самымъ начало устраненія указаннаго выше недостатка современнаго построенія карательныхъ системъ.

Образованіемъ этихъ институтовъ положена въ основу построенія карательныхъ системъ вообще и тюремныхъ учрежденій въ частности классификація преступнаго люда, и съ этой точки зрѣнія появленіе этихъ институтовъ представляется въ высшей степени знаменательнымъ въ прогрессивномъ развитіи не только тюремнаго дѣла, но и всего дѣла борьбы съ преступностью.

Предназначенные спеціально для исправленія преступнаго

люда, эти институты снабжены всѣми средствами, необходимыми для осуществленія этой цѣли: въ нихъ совмѣщено все, могущее содѣйствовать физическому и духовному развитію заключеннаго.

Не останавливаясь подробно на уясненіи и оцѣнкѣ организаціи этихъ институтовъ, нельзя не отмѣтить трехъ основныхъ особенностей въ этой организаціи, имѣющихъ общее, а не мѣстное значеніе, и заслуживающихъ серьезнаго вниманія: a) неопредѣленности продолжительности заключенія, b) своеобразнаго построенія прогрессивной системы и c) широкой постановки дѣла образованія заключенныхъ.

a) При современной постановкѣ дѣла борьбы съ преступностью возлагается на судебные органы обязанность точно установить въ обвинительномъ приговорѣ размѣръ продолжительности потребнаго въ данномъ конкретномъ случаѣ лишенія свободы. Между тѣмъ опредѣленіе этого размѣра представляется для судебныхъ органовъ, въ особенности при преслѣдованіи исправительныхъ цѣлей, неразрѣшимой задачею: какъ врачъ, посылая своего паціента въ больницу, не въ состояніи заранѣе опредѣлить продолжительности пребыванія въ больницѣ, необходимаго для излѣченія, такъ и судья не въ состояніи заранѣе опредѣлить продолжительности пребыванія въ карательномъ учрежденіи, потребнаго для исправленія заключеннаго; вслѣдствіе этого опредѣленіе въ судебномъ приговорѣ продолжительности заключенія носитъ крайне произвольный характеръ и отражается вредно на дѣлѣ борьбы съ преступностью: преступники освобождаются изъ карательныхъ учрежденій, по наступленіи указаннаго въ судебномъ приговорѣ срока, не зависимо отъ того, исправились ли они или нѣтъ, а равно и продолжаютъ содержаться въ карательныхъ учрежденіяхъ до истеченія указанаго въ судебномъ приговорѣ срока, хотя бы въ наступившемъ ихъ исправленіи и не существовало никакаго сомнѣнія.

Въ интересахъ устраненія этого печальнаго явленія, въ послѣднее время въ уголовно-правовой литературѣ и на международныхъ конгрессахъ стали все настойчивѣе и настойчивѣе раздаваться голоса (Крэпелинъ, Ферри, Гарофало, Листъ, Ванъ-Гамель и друг.) за устраненіе категорическаго опредѣленія продолжительности заключенія въ обвинительномъ приговорѣ и поставленіе этой продолжительности въ зависимость отъ результатовъ карательнаго воздѣйствія, за проведеніе идеи неопредѣленности заключенія [1]).

Эта идея неопредѣленности продолжительности заключенія, успѣвшая уже отчасти проникнуть въ жизнь то подъ видомъ условнаго освобожденія, то примѣнительно къ опредѣленію продолжительности пребыванія юныхъ преступниковъ въ исправительныхъ пріютахъ, нашла себѣ сравнительно полное примѣненіе въ сѣверо-американскихъ исправительно-воспитательныхъ институтахъ и вылилась здѣсь въ форму, устраняющую возможность проявленія какого бы то ни было произвола, связаннаго съ ея реализаціей и могущаго вредно отразиться на интересахъ свободы личности: закономъ опредѣленъ конечный предѣлъ возможной продолжительности заключенія, а освобожденіе заключенныхъ поставлено въ зависимость отъ авторитетнаго голоса администраціи карательнаго учрежденія, находящейся въ рукахъ вполнѣ свѣдующихъ, опытныхъ и безупречныхъ лицъ.

Воспринявъ идею неопредѣленности продолжительности заключенія, сѣверо-американскіе исправительно-воспитательные институты во очію показали своимъ успѣшнымъ функціонированіемъ возможность реализаціи этой идеи, ея плодотворность, ея цѣлесообразность.

---

[1]) Примѣч. Идея неопредѣленности продолжительности заключенія проводилась еще въ 1870 году на конгрессѣ въ Цинцинати. Она имѣетъ горячихъ сторонниковъ и защитниковъ среди американскихъ криминалистовъ и тюрьмовѣдовъ (Francis Wayland, Brockway)

b) Классификацiонная и марочная системы, принятыя сѣверо-американскими исправительно-воспитательными институтами, представляются, собственно говоря, существенными частями системы, извѣстной подъ именемъ прогрессивной или англо-ирландской.

Воспринимая начала прогрессивной системы, сѣверо американскiе исправительно-воспитательные институты отказались однако отъ проведенiя этой системы въ той формѣ, въ какую она вылилась на англо-ирландской почвѣ. Они восприняли, т.е., душу этой системы и создали особую форму ея выраженiя. Они устранили, вопреки англо-ирландскому образцу, одиночное заключенiе какъ начальную стадiю отбытiя наказанiя (1—2 дневное помѣщенiе въ одиночную камеру такой стадiей признано быть не можетъ), и вполнѣ основательно: для ознакомленiя съ характеромъ и особенностями заключеннаго не зачѣмъ прибѣгать къ его изолированiю, устрашающiйся же моментъ при преслѣдованiи исправительныхъ цѣлей играетъ второстепенную роль, вслѣдствiе чего создавать спецiальныя средства для его выраженiя надобности не представляется.

Отбросивъ такимъ образомъ одиночное заключенiе какъ совершенно излишнiй аксессуаръ (для исправительныхъ цѣлей оно абсолютно не пригодно), сѣверо-американскiе исправительно-воспитательные институты сохранили только тѣ элементы прогрессивной системы, которые, парализуя пагубное воздѣйствiе заключенныхъ другъ на друга и развивая ихъ самодѣятельность, представляются необходимыми условiями для осуществленiя исправительныхъ задачъ.

c) Въ современныхъ европейскихъ карательныхъ учрежденiяхъ дѣло интеллектуальнаго и моральнаго образованiя заключенныхъ играетъ второстепенную роль. Даже въ образцовыхъ карательныхъ учрежденiяхъ главное вниманiе обращается на проведенiе трудоваго начала; школьное же преподаванiе широкаго развитiя до сихъ поръ не получило, библiотеки

находятся въ зачаточномъ состояніи, о лекціяхъ и литературныхъ вечерахъ, о клубахъ и газетѣ, (попытки изданія тюремной газеты дѣлались только въ невшательской тюрьмѣ съ 1866 года) почти нѣтъ и помину.

Иное дѣло въ сѣверо-американскихъ исправительно-воспитательныхъ институтахъ. Наряду съ развитіемъ инструктивнаго труда, знакомящаго съ тѣмъ или инымъ видомъ ремесла, здѣсь пользуются всевозможными средствами для нравственнаго и интеллектуальнаго развитія заключенныхъ, придаютъ дѣлу этого развитія значеніе первостепенной важности, что совершенно основательно, такъ какъ при посредствѣ одного трудоваго начала исправленіе заключенныхъ не можетъ быть вполнѣ достигнуто. Трудовое начало, правда, дѣлаетъ многое (оно пріучаетъ къ труду, даетъ извѣстный навыкъ), но, во всякомъ случаѣ, оно не можетъ само по себѣ окончательно уничтожить порочныхъ наклонностей и привычекъ, представляющихся плодотворной почвой для преступной дѣятельности; для этого нужны особыя средства; этому можетъ служить съ успѣхомъ интеллектуальное и моральное образованіе заключенныхъ.

Организація дѣла этого образованія въ сѣверо-американскихъ исправительно-воспитательныхъ институтахъ носитъ своеобразный характеръ, который обусловливается, конечно, особымъ культурнымъ состояніемъ С. Америки. О такой организаціи этого дѣла въ европейскихъ карательныхъ учрежденіяхъ, въ особенности, въ карательныхъ учрежденіяхъ тѣхъ странъ, гдѣ народное образованіе, къ сожалѣнію, стоитъ на крайне низкой ступени развитія, врядъ ли можно помышлять; на эту организацію можно смотрѣть только какъ на идеалъ, къ частичному хотя бы осуществленію котораго слѣдуетъ, по мѣрѣ возможности, стремиться.

Таковы существенныя особенности сѣверо-американскихъ исправительно-воспитательныхъ институтовъ.

Эти особенности, представляющіяся необходимымъ условіемъ для достиженія при посредствѣ карательнаго воздѣйствія исправительныхъ цѣлей, придаютъ этимъ институтамъ особый отпечатокъ, доселѣ неизвѣстный характеръ.

Появленіе этихъ институтовъ знаменуетъ собою начало новой эры въ развитіи тюремнаго дѣла, начало образованія карательныхъ учрежденій новаго типа—учрежденій, совмѣщающихъ въ себѣ все, могущее служить дѣлу возрожденія преступнаго человѣка.

Представляясь выраженіемъ этого новаго типа карательныхъ учрежденій, сѣверо-американскіе исправительно-воспительные институты, точно свѣтлые маяки, блещутъ на темномъ фонѣ современнаго тюремнаго дѣла, показывая тотъ путь, на который должна быть, въ интересахъ достиженія исправительныхъ задачъ, направлена тюремная реформа.

видитъ ничего утѣшительнаго и полезнаго для блага людей въ господствѣ такого научнаго міровоззрѣнія въ современномъ обществѣ. „Особенное уваженіе къ ученымъ, перевѣсъ мандариновъ никогда не означаетъ что-либо хорошее. На ряду съ развитіемъ религіи сожалѣнія, демократіи, замѣны войны третейскими судами и равноправности женщинъ этотъ фактъ —признакъ утомленія, паденія всей жизни человѣчества“ [1]). Нитцше находитъ, что астрономическія открытія сдѣлали человѣка совершенно ничтожнымъ существомъ во вселенной [2]). Но и, помимо сродства современной науки съ аскетическими идеалами, ея настоящее состояніе и представители не нравятся Нитцше, въ глазахъ котораго вся философія въ теченіе своего двухтысячелѣтняго существованія—одно сплошное заблужденіе, рядъ предразсудковъ разныхъ философовъ. Нитцше иронизируетъ надъ открытіями Э. Канта въ теоріи познанія и нравственной жизни человѣка, суевѣріемъ Шопенгауэра и логиковъ, считаетъ, между прочимъ, празднымъ самый вопросъ о свободѣ воли у человѣка, у котораго есть только сильная или слабая воля [3]). Содержаніе всей философіи должно составлять ученіе о развитіи въ человѣкѣ сильной воли къ жизни [4]). Причина заблужденій философовъ кроется въ томъ, что они отдаютъ въ дѣлѣ познанія міра преимущество разуму предъ внѣшними чувствами человѣка, которыя вполнѣ правильно показываютъ все, что на происходитъ на самомъ дѣлѣ съ разными предметами. Поэтому имени науки заслуживаютъ только знанія, основанныя на свидѣтельствѣ чувствъ; все остальное, обозначаемое этимъ именемъ науки, не—наука, а уродливое ея изображеніе. Тако-

---

[1]—[2]) Ibidem, 189—190 s.

[3]) См. ниже разсужденія Нитцше о свободѣ воли.

[4]) Ienseits d. Gut und Böse, 9—37 s. Въ „Götzendämmerung“ Нитцше замѣчаетъ, что „изъ рукъ философовъ не вышло ничего реальнаго: все, что они ни выдумали,—уродливыя понятія“ (16 s.).

вы: метафизика, теологія, психологія, теорія познанія, логика, математика. Вторая важная ошибка философовъ—смѣшеніе причины съ слѣдствіемъ: они ставятъ въ началѣ то, чему мѣсто въ концѣ. Это—общія, „высшія“ понятія, какъ масштабы всѣхъ вещей—существующее, безусловное, доброе, истинное, совершеннѣйшее, Богъ, какъ основная причина, источникъ бытія всего міра [1]). Это великое заблужденіе, по словамъ Нитцше, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ привычекъ человѣчества и называется имъ порчей разума со стороны представителей религіи и морали. Они говорятъ: „дѣлай то-то и то-то и ты будешь счастливъ“. Но добродѣтель человѣка—слѣдствіе его счастья, продолжительной жизни и богатаго потомства точно также, какъ роскошь и пороки не причина паденія народовъ, а, наоборотъ, его неизбѣжныя послѣдствія. Всякій недостатокъ въ отдѣльныхъ людяхъ, партіяхъ—результатъ вырожденія инстинктовъ, измельчанія воли. Нитцше считаетъ также „великимъ заблужденіемъ“ законъ причинности, принятый современной наукой. Корень этого закона—въ ложномъ убѣжденіи, что сознаніе человѣка, его духъ, воля—причина всѣхъ вещей. Но весь внутренній міръ полонъ обманчивыхъ образовъ и представленій, въ числѣ которыхъ находится взглядъ на волю и мотивацію дѣйствій человѣка: воля только сопровождаетъ человѣческія дѣйствія, въ которыхъ она не всегда и проявляется. Точно такой же второстепенный и случайный характеръ въ дѣятельности людей имѣютъ и мотивы ихъ поступковъ. Понятіе вещи—только отраженіе вѣры въ „я“, какъ причину. Нитцше объясняетъ давно сложившуюся въ людяхъ привычку „воображаемой причинности“ стремленіемъ найти всегда на мѣстѣ причины явленія что-либо успокоивающее извѣстное, пережитое, но ни въ какомъ случаѣ не новое,

---

[1]) Götzendämmerung, 17—19 s.

недозволенное, чуждое [1]). Къ понятію воображаемой причинности относится вся сфера религіи и морали, гдѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ смѣшивается причина съ слѣдствіемъ [2]). Въ ряду „заблужденій“ философовъ Нитцше ставитъ еще заблужденіе свободной воли, „ученіе о которой выдумано съ цѣлью наказывать людей, виновныхъ въ нарушеніи религіозныхъ или юридическихъ предписаній. Теперь, когда самыя понятія вины и наказанія изгоняются совсѣмъ изъ міра и философы стремятся очистить отъ нихъ исторію, духовную жизнь, общественные институты и природу, въ нашихъ глазахъ совершенно неправильно мнѣніе, что есть нравственный міровой порядокъ, въ которомъ понятія вины и наказанія играютъ главную роль“ [3]).

Нитцше рѣшительно отвергаетъ всѣ попытки философовъ вывести существованіе міра изъ понятія „я“, отрицаетъ возможность какого-либо другаго, загробнаго міра, противоположнаго земной жизни, старается объяснить, какъ „истинный міръ, видимый нами“, сталъ наконецъ басней, сопровождая свою „исторію заблужденія“ пластическими описаніями“ [4]). Свое собственное научное міровоззрѣніе Нитцше изо-

---

[1]) Ibidem, 32—37 s. Христіанинъ, замѣчаетъ Нитцше, думаетъ постоянно о своемъ „грѣхѣ“, банкиръ о „дѣлахъ“, дѣвушка о своей любви.

[2]) Ibidem. Нитцше даетъ своеобразное объясненіе разнообразнымъ явленіямъ религіозно-нравственной жизни, „непріятныхъ и пріятныхъ общихъ чувствъ“ (37—39 s.).

[3]) Götzendämmerung, 30—40 s.

[4]) 1) Истинный міръ, достижимый для мудраго, живетъ въ немъ (Древнѣйшая форма идеи у Платона). 2) Истинный міръ теперь недостижимъ, но обѣщанъ мудрымъ, добродѣтельнымъ—раскаявшимся грѣшникамъ (Прогрессъ идеи, которая дѣлается болѣе утонченной, обманчивой, непонятной). 3) Истинный міръ недостижимъ, недоказанъ, но представляется въ видѣ утѣшенія, обязанности, императива (Закатъ древняго солнца, скрытаго въ облакахъ и сомнѣніи: идея стала совсѣмъ утонченной, блѣдной). 4) Истинный міръ недостижимъ, неизвѣстенъ и поэтому ни къ чему не обязываетъ, ни въ чемъ не утѣшаетъ (Сѣрое утро. Первый зѣвокъ разума. Пѣтушиное пѣніе позитивизма). 5) „Истинный міръ“ сдѣлался безполезной, излишней, спорной идеей, которую мы упи-

бражаетъ въ слѣдующихъ чертахъ. Качества, свойства человѣка не даны ему Богомъ, не пріобрѣтены въ обществѣ, не наслѣдованы отъ его родителей и предковъ; не самъ человѣкъ вырабатываетъ ихъ своей дѣятельностью. Никто не можетъ отвѣчать, что человѣкъ созданъ съ тѣми или другими наклонностями, находится въ тѣхъ или другихъ условіяхъ. Онъ живетъ въ мірѣ не въ виду тѣхъ или другихъ цѣлей („идеала человѣка", его „счастья, нравственнаго совершенства"). Въ мірѣ, какъ цѣломъ, нѣтъ никакихъ цѣлей: онъ существуетъ самъ по себѣ [1]). Всякій аскетическій идеалъ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: при стремленіи къ нему „употребляютъ силу, чтобы заглушить всѣ ея источники", направляются противъ того, что полезно человѣческому тѣлу—удовольствія, красоты, ищутъ боли, мученій, несчастій, всякихъ лишеній, самопожертвованія, агоніи жизни [2]). Существующая христіанская мораль является въ глазахъ Нитцше противорѣчіемъ природѣ человѣка, ея отрицаніемъ. Христіанство объявило войну всѣмъ страстямъ человѣка (чувственности, гордости, властолюбію, корыстолюбію, мести и друг.), нападаетъ на корни самой жизни, природы человѣка. Всякая противоестественная мораль осуждаетъ инстинкты человѣка, которые, наоборотъ, господствуютъ въ морали здоровой. При трудности проблеммы о другой жизни и невозможности ея разрѣшенія сама дѣйствительная, настоящая жизнь заставляетъ найти ей оцѣнку, но не сплошное ея сужденіе. Современная мораль проповѣдуетъ слабую, усталую, падающую жизнь въ противоположность съ очаровы-

---

чтожаемъ (Свѣтлый день. Завтракъ. Возвращеніе здраваго смысла и веселья. Стыдъ Платона. Страшный шумъ всѣхъ свободныхъ душъ). 6) Вмѣстѣ съ истиннымъ міромъ уничтоженъ и кажущійся (Полдень. Мигъ кратчайшей тѣни. Конецъ долгаго заблужденія. Высшій пунктъ человѣчества. Начинается Заратустра. Ibidem, 22—23 s.).

[1]) Götzendämmerung, 40—41 s.

[2]) Genealogie der Moral, 142—143 s.

вающимъ богатствомъ типовъ, роскошью разнообразныхъ жизненныхъ формъ и ихъ измѣненій [1]). Признакъ паденія—бороться съ инстинктами, въ развитіи которыхъ только заключается счастье человѣка, цѣль всей его жизни, въ которой нѣтъ ничего, напоминающаго о безъисходномъ и отчаянномъ положеніи людей. Судьбу народа и человѣчества рѣшаетъ то, начинается ли она надлежащимъ образомъ—признаніемъ или отрицаніемъ главнаго въ человѣкѣ—тѣла. Поэтому греческая цивилизація была великимъ историческимъ событіемъ, цивилизація же христіанскихъ народовъ, думающая только о душѣ и пренебрегающая тѣломъ,—великое несчастье для человѣчества [2]).

Въ предисловіи къ одному изъ своихъ сочиненій („Genealogie der Moral") Нитцше описываетъ весь мучительный процессъ исканія истины въ, занимавшемъ его съ ранней молодости, вопросѣ о происхожденіи христіанской „морали сожалѣнія", любви къ ближнему. Долго онъ сомнѣвался въ томъ, какое значеніе имѣютъ обычныя понятія о добрѣ и злѣ, полезны они или вредны человѣческому благополучію. Выражается ли въ нихъ бѣдность, вырожденіе жизни или, наоборотъ, ея полнота, сила, мужество, надежда на лучшее будущее? Послѣ большихъ колебаній и трудовъ Нитцше пришелъ къ оригинальнымъ выводамъ какъ относительно происхожденія морали, такъ и ея сущности. Мы остановимся немного подольше на этихъ взглядахъ Нитцше, такъ рѣзко отличающихся отъ моральныхъ воззрѣній гр. Толстого.

Нѣтъ нравственныхъ явленій, замѣчаетъ Нитцше, а есть только моральное ихъ толкованіе [3]), которое онъ и производитъ. Мораль была всегда прокустовымъ ложемъ [4]). Существенное въ каждой системѣ морали—это ея принудительный ха-

---

[1]—[2]) Götzendämmerung, 25, 28—29, 67, 101 s.
[3]) Jenseits von Gut und Böse, 100 s.
[4]) Genealogie d. Moral, 95 s.

рактеръ, сохраняющійся продолжительное время и въ извѣстномъ направленіи. Необходимымъ средствомъ дисциплины человѣческаго духа является произволъ, тираннія, рабство: въ морали проповѣдуется ненависть къ чрезмѣрной свободѣ, нужда въ ограниченномъ горизонтѣ, стѣсненіе перспективы. Во всѣ времена, какъ только появились люди, существовали ихъ союзы (роды, общины, племена, народы, государства, церкви), въ которыхъ всегда большое число людей повиновалось меньшему. Этотъ стадный инстинктъ послушанія родителямъ, учителямъ, законамъ, общественному мнѣнію переходитъ по наслѣдству и выражается теперь въ европейскомъ обществѣ въ „моральномъ лицемѣріи" повелителей, отдающихъ приказанія въ качествѣ представителей древнихъ или высшихъ предписаній (Бога, конституціи, права, закона). Стадный человѣкъ пользуется теперь особеннымъ уваженіемъ; онъ—какъ бы единственно дозволенный родъ человѣка, надѣленный качествами, которыя дѣлаютъ его полезными стаду: общественнымъ смысломъ, благожелательностью, прилежаніемъ, умѣренностью, скромностью, состраданіемъ. Нитцше утверждаетъ, что пока мораль имѣетъ такой характеръ, полезна обществу, нельзя говорить о любви къ ближнему, которая замѣняется въ этомъ случаѣ страхомъ предъ нимъ: всѣ сильныя и опасныя для общества наклонности, какъ хищничество, корыстолюбіе, месть и др. порицаются, какъ безнравственныя стремленія. Наоборотъ, противоположныя наклонности удостоиваются особенной похвалы. Все, что возвышаетъ отдѣльное лицо надъ стадомъ и внушаетъ ближнему страхъ (высокій и независимый разумъ, сильная воля и т. п.) называется *зломъ*. Наоборотъ, скромное, обыкновенное настроеніе, *посредственность* всякаго рода вмѣняется въ особую честь каждому ихъ обладателю. Изъ тысячи складокъ совѣсти современной Европы раздается повелительный голосъ стаднаго страха: „мы желаемъ быть въ полной безо-

пасности". Все, что мы сейчасъ называемъ хорошимъ, *добрымъ*—выраженіе этого стаднаго инстинкта въ человѣкѣ. Современная европейская мораль—нравственность стаднаго звѣря, которая опирается на религію, отражается въ политическихъ и общественныхъ учрежденіяхъ и должна привести неизбѣжно къ общему вырожденію человѣка, его окончательному превращенію въ настоящаго стаднаго звѣря [1]).

Происхожденіе морали, различіе между понятіями „добро" и „зло" не имѣетъ, по мнѣнію Нитцше, никакого отношенія къ отличію альтруистическихъ и эгоистическихъ дѣйствій человѣка: такой неразрывный контрастъ между двумя родами этихъ понятій (добрый—альтруистическій, злой—эгоистическій) происходитъ уже въ эпоху паденія аристократической морали, господства стаднаго инстинкта въ обществѣ. Сначала „добрые" были знатные, сильные, высокопоставленные люди въ противоположность низшимъ, обыкновеннымъ людямъ, черни. Этотъ „пафосъ знатности и дистанціи", продолжительное и доминирующее основное чувство господства высшихъ въ отношеніи къ низшимъ—источникъ противоположности понятій „хорошій" и „дурной". Нитцше отвергаетъ взглядъ Г. Спенсера, что понятія „добра" и „зла" сливаются съ незабвенными представленіями человѣчества о пользѣ, цѣлесообразности и вредѣ и нецѣлесообразности извѣстныхъ дѣйствій людей. Повсюду, утверждаетъ Нитцше, понятія „знатный", „благородный"—основное понятіе, изъ котораго развивается понятіе „добраго" въ смыслѣ духовнаго превосходства (seelisch-vornehm), между тѣмъ какъ понятія „обыкновенный", низкій переходятъ въ понятіе „худого". Понятіе „добраго" означаетъ человѣка высшаго ранга, превосходство его въ силѣ, человѣка богатаго, обладающаго истиной, первоначально члена дворянскаго сословія благо-

---

[1]) Ienseits von Gut und Böse, 116—139 s.

роднаго [1]). Въ древнѣйшихъ жреческихъ кастахъ понятія „добраго“ и „злого“ сливались съ понятіями „чистый“ и „нечистый“, которыя также означали разницу между высшимъ (жреческимъ) и низшимъ сословіемъ (чернью). Нитцше не находитъ словъ, чтобы изобразить весь вредъ господства въ человѣчествѣ этихъ древнѣйшихъ жреческихъ кастъ со всѣми имъ предписаніями постовъ, вегетаріанства, половаго воздержанія, враждебной всѣмъ чувствамъ, метафизикой, наклонностью къ гипнотизированію и исчезновенію въ Нирванѣ. Сужденія жрецовъ о цѣнности вещей на самомъ дѣлѣ радикально противоположны рыцарско-аристократической морали, которая предполагаетъ сильное развитіе чувственности и цвѣтущее здоровье вмѣстѣ со всѣми условіями ихъ сохраненія (войной, охотой, танцами, приключеніями, турнирами). Жрецы были злѣйшими, но безсильными врагами всего этого. Весь вредъ, причиненный на землѣ знатнымъ, сильнымъ, господамъ не можетъ сравняться съ тѣмъ, что сдѣлали евреи,—этотъ жреческій народъ, который отомстилъ своимъ врагамъ радикальной переоцѣнкой всѣхъ вещей. Вопреки аристократической морали (добрый—знатный, сильный, красивый, счастливый) евреи установили, что добрые только несчастные, бѣдные, безсильные, низшіе, единственно достойные спасенія—страдающіе, больные, лишенные всѣхъ благъ міра, ненавидимые всѣми. Наоборотъ, знатные, сильные—злые, жестокіе, порочные, безбожные люди, осужденные на вѣчное проклятіе. Евреи начали „возстаніе рабовъ въ морали“, которое продолжается болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Ихъ пророки слили въ одно понятіе слова: „богатый, безбожный, злой, насильственный, чувственный“ и въ первый разъ за-

---

[1]) Нитцше находитъ филологическое доказательство своей мысли въ обозначеніи у древнихъ грековъ и римлянъ членовъ высшаго сословія, дворянства терминами ἀγαθός и bonus, указывающими на высшее ихъ происхожденіе, и κακός и malus—членовъ низшаго сословія (Genealogie d. Moral, 24—25 s.).

пятнали именемъ постыднаго слово „міръ“ [1]). Изъ корня этого дерева ненависти евреевъ выросла новая любовь, рабская, стадная мораль. Въ противоположность аристократической морали съ ея тріумфомъ человѣческой личности рабская мораль отрицаетъ ее. Знатный человѣкъ обладаетъ открытымъ, довѣрчивымъ характеромъ, чувствуетъ себя дѣятельнымъ, сильнымъ существомъ, человѣкъ мести—молчаливая, скрытная натура; онъ хочетъ униженія, смиренія. Нитцше находитъ, что эта раса знатныхъ состоитъ изъ хищныхъ, бѣлокурыхъ звѣрей, которые время отъ времени нуждаются въ проявленіи, разнузданности своихъ дикихъ инстинктовъ. Въ этомъ отношеніи одинаковы: римское, арабское, германское, японское дворянство, гомеровскіе герои, скандинавскіе викинги. Эта дерзость знатныхъ расъ, бѣшеная, нелѣпая, внезапная, невѣроятность ихъ предпріятій, равнодушіе и презрѣніе къ безопасности, тѣлу, жизни, ихъ бурная веселость, страсть къ разрушенію и жестокость при побѣдахъ придали имъ въ глазахъ потерпѣвшихъ нарицательное имя варваровъ, готовъ и вандаловъ. Предполагая, что смыслъ всякой культуры превратить хищнаго зрѣря—человѣка въ нѣжнаго, цивилизованнаго, домашняго звѣря, необходимо признать всѣ эти реакціонные и мстительные инстинкты, съ помощью которыхъ были побѣждены знатные роды, истинными орудіями культуры. Однако, представители заглушенныхъ и стремящихся къ освобожденію инстинктовъ, потомки всякаго европейскаго и неевропейскаго рабства, всего доарійскаго населенія въ отдѣльности представляютъ собою регрессъ человѣчества. Эти „орудія культуры“—стыдъ человѣчеству, протестъ противъ культуры вообще! Нитцше напоминаетъ о, чувствуемомъ всѣми, страданіи при видѣ господства ничѣмъ неистѣлимой посредственности во всѣхъ областяхъ европей-

---

[1]) Ienseits von Gut und Böse, 126—127 s.

ской общественной жизни и всеобщей тоскѣ и ожиданіи появленія болѣе совершенныхъ, сильныхъ и счастливыхъ экземпляровъ человѣческаго рода, которые могли бы укрѣпить вѣру въ человѣка. Онъ предвидитъ большую опасность отъ этого всеобщаго измельчанія и уравненія, которыя съ каждымъ шагомъ въ жизни европейскаго общества дѣлаются все болѣе и тревожнѣе. Нитцше возмущается ходячимъ воззрѣніемъ, вмѣняющимъ въ заслугу безсильнымъ ихъ слабость: это — мудрость плохаго разбора, которую имѣютъ даже насѣкомыя [1]). Требовать отъ сильнаго, чтобы онъ ничѣмъ не обнаруживалъ своей силы также нелѣпо, какъ ожидать отъ слабаго проявленій силы, могущества. Жизнь въ мірѣ состоитъ въ безпрерывномъ движеніи. Тысячи лѣтъ происходитъ на землѣ борьба между противоположной оцѣнкой „добра" и „зла", начавшаяся въ древнемъ мірѣ. Римляне были сильнѣйшимъ, знатнѣйшимъ на землѣ народомъ. Евреи, наоборотъ, были жреческимъ народомъ, обладавшимъ геніальною національною моралью, людьми, которые выдавались своимъ мстительнымъ характеромъ. Римъ, обвинявшій своихъ враговъ — евреевъ въ ненависти къ человѣческому роду, былъ побѣжденъ ими. Въ эпоху возрожденія произошло блестящее оживленіе классическаго идеала, но вслѣдъ за тѣмъ онъ поблекъ посреди новаго тріумфа бурнаго движенія черни (въ Германіи и Англіи) — реформаціи и для классическаго Рима насталъ прежній гробовой покой. Въ политическихъ событіяхъ XVII и XVIII стол. побѣда надъ классическимъ идеаломъ народнаго (еврейскаго) движенія сопровождалась шумнымъ одушевленіемъ и великимъ ликованіемъ массы. Но въ тоже время античный идеалъ неожиданно выступилъ предъ изумленными

---

[1]) Genealogie d. Moral, 42—43 s. Нитцше изображаетъ въ сильной драматической сценѣ, какъ „на землѣ фабрикуются идеалы", присвоивая всѣмъ добродѣтелямъ христіанской морали своеобразное толкованіе, согласное съ собственными воззрѣніями Нитцше (45—47 s.).

глазами человѣчества. въ неслыханномъ великолѣпіи, и еще разъ раздался сильный и настоятельный голосъ за привиллегію меньшинства противъ стремленій большинства къ уравненію и униженію всѣхъ людей [1]). Гёте былъ попыткой возвратить людей къ эпохѣ возрожденія, естественности [2]). Послѣднимъ остаткомъ порывовъ на другой путь явился Наполеонъ I, въ которомъ воплотилась загадка идеала человѣческой силы и могущества [3]).

Нитцше убѣжденъ, что каждое возвышеніе человѣческаго типа было до сихъ поръ дѣломъ аристократическаго общества и такъ будетъ всегда, пока оно сохранитъ увѣренность въ необходимости различія между слоями въ общественной жизни, разнообразія индивидуальностей у людей и рабства въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Начало всякой новой культуры на землѣ ознаменовывалось нападеніемъ хищныхъ и знатныхъ, обладающихъ непочатымъ запасомъ сильныхъ желаній и воли, на слабыя, мирныя расы, которыя занимались скотоводствомъ или торговлею, или дряхлыя культуры, въ которыхъ остатки жизненной силы исчезали въ блестящихъ фейерверкахъ порока и сильнаго подъема духа. Нитцше видитъ зерно хорошей и здоровой аристократіи, оправданіе ея существованія въ ея вѣрѣ, что всѣ жертвы, приносимыя ей массой, и самое общество предназначены только для развитія высшаго рода людей. Утверждать, что основнымъ принципомъ общественной жизни является удержаніе отъ взаимной вражды и проведеніе идеи равенства значитъ въ глазахъ Нитцше провозглашать паденіе и разрушеніе самой жизни, которая всегда заключается въ присвоеніи, завладѣніи слабымъ, его притѣсненіи, жестокости: жизнь—воля къ силѣ. Всѣ эти черты взаимныхъ отношеній людей отнюдь не

---

[1]) Götzendämmerung, 103—104 s,
[2-3]) Genealogie d. Moral, 18—54 s.

характеризуютъ только примитивную, грубую, несовершенную организацію общества: эксплуатація слабаго сильнымъ—органическая необходимость въ жизни вообще [1]). Альтруистическая мораль современнаго европейскаго общества—плохой признакъ: она означаетъ начало конца, указываетъ на паденіе инстинктовъ. Мы не стали нравственнѣе оттого, что представляемъ собою людей, склонныхъ къ мягкому, нѣжному обращенію другъ съ другомъ, готовыхъ щадить и помогать другимъ, обладающихъ разнообразными гуманными стремленіями, способными возбудить гомерическій смѣхъ въ современникахъ Цезаря Борджіа. Каждая неэгоистическая мораль подъ видомъ дружбы къ людямъ представляетъ собою на самомъ дѣлѣ одинъ вредъ болѣе высшимъ, сильнымъ, привиллегированнымъ. Нитцше считаетъ признакомъ полуварварства всѣ добродѣтели современнаго человѣка (скромность, благодарность, терпѣніе, мужество, самопожертвованіе) и демократическое смѣшеніе всѣхъ сословій и расъ. Наблюдаемому смягченію нравовъ Нитцше противопоставляетъ суровую жестокость обычаевъ, какъ результатъ излишка жизненности въ людяхъ. Сильныя времена и аристократическія культуры смотрятъ съ презрѣніемъ на сожалѣніе, любовь къ ближнему: эти качества въ такія эпохи считаются выраженіемъ недостатка въ самоуваженіи, чувства собственнаго достоинства. Значеніе историческихъ періодовъ опредѣляется наличностью въ нихъ положительныхъ силъ и въ этомъ отношеніи по сравненію съ эпохой возрожденія—послѣднимъ великимъ временемъ—наше время слабая, ничтожная эпоха; всѣ наши

---

[1]) Ienseits von Gut und Böse, 235—238 s. Жестокость—черта высокой культуры. Чувства римлянъ на аренѣ, восторги мучимыхъ христіанъ, восхищеніе испанцевъ при видѣ костровъ и боя быковъ, аскетическія религіозныя бичеванія финикіянъ и вообще всякія попытки подавить чувственность, угрызенія совѣсти—все это коренится въ одномъ и томъ же чувствѣ жестокости (ibidem, 186—189 s., Genealogie d. Moral, 71—75 s.).

добродѣтели—послѣдствіе нашей слабости [1]). А между тѣмъ упадокъ современной жизни, быстрое уменьшеніе силъ, организующихъ общество, раздѣляющихъ его на сильныхъ и слабыхъ возводится современной соціологіей въ идеалъ общественной жизни. Представитель этого направленія въ соціологіи Гербертъ Спенсеръ—такой же декадентъ, какъ и выставляемый имъ общественный идеалъ—грядущая побѣда альтруизма [2]).

Есть, заключаетъ свои разсужденія о морали Нитцше, два ея типа: *мораль господъ и мораль рабовъ.* Нравственныя воззрѣнія возникаютъ или среди господствующихъ классовъ общества или подчиненныхъ, зависимыхъ, рабовъ. Въ первомъ случаѣ возвышенное состояніе душъ властвующихъ—признакъ, отличающій ихъ высшій рангъ. Знатный человѣкъ смотритъ съ презрѣніемъ на низшую массу народа, людей трусливыхъ, мелочныхъ, думающихъ лишь о своихъ ничтожныхъ интересахъ, унижающихся предъ всѣми, нищенствующихъ льстецовъ, лжецовъ [3]). Мнѣніе властнаго человѣка опредѣляетъ цѣну всѣмъ вещамъ. Въ этой морали самообожанія на первомъ планѣ стоитъ чувство полноты, необычайнаго могущества, сознаніе богатства, излишка силъ. Знатный человѣкъ помогаетъ несчастному, но не изъ сожалѣнія къ нему, а лишь вслѣдствіе порыва, вытекающаго изъ избытка силъ. Мужественный и могущественный человѣкъ далекъ отъ взгляда, что самопожертвованіе нравственно: вѣра въ самого себя, гордость, вражда и ироническое отношеніе къ безпомощности—черты морали господъ, въ глазахъ которыхъ только тотъ пользуется почетомъ, кто владѣетъ собою, знаетъ

---

[1]) Götzendämmerung, 82—88 s.

[2]) Ibidem.

[3]) Основной догматъ въ воззрѣніяхъ всякой аристократіи, что простой народъ лживъ. Поэтому члены древне-греческой аристократіи называли себя единственно „правдивыми, честными, истинными“ (Ienseits der Gut und Böse, 240 s.).

время, когда говорить и молчать, кто строгъ и суровъ къ себѣ [1]). Глубокое уваженіе предъ возрастомъ и обычаями, предками, способность и обязанность къ продолжительной благодарности и мести по отношенію къ себѣ равнымъ, утонченность въ мщеніи и дружбѣ—типическія черты морали господъ, противоположной „современнымъ идеямъ", чуждой имъ совершенно. Поэтому-то эту мораль такъ трудно открыть среди этихъ идей и въ жизни современнаго общества [2]). Здѣсь есть только одинъ типъ сильнаго, но болѣзненнаго человѣка, который принужденъ жить при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Это—типъ преступника, которому недостаетъ простора для развитія его инстинктовъ сильнаго человѣка, его живѣйшихъ природныхъ стремленій, добродѣтелей. На нихъ смотрятъ теперь со страхомъ, подозрительно. Невозможность проявлять открыто свои вкусы и слѣдовать своимъ наклонностямъ заставляетъ сильнаго человѣка прибѣгать къ осторожности, хитрости, держитъ его въ постоянномъ напряженіи. Безпрерывная опасность, въ которой онъ находится, преслѣдованіе его за всякое проявленіе своихъ инстинктовъ возбуждаетъ въ немъ самомъ недовѣріе и вражду къ нимъ. Такъ въ нашемъ ненормальномъ обществѣ съ его мягкими нравами и господствомъ посредственности человѣкъ съ естественными наклонностями неизбѣжно вырождается въ преступника [3]). Современное государство борется цѣлымъ рядомъ средствъ (наказаніемъ и др.) противъ всѣхъ старыхъ инстинктовъ дикаго, свободнаго человѣка, у котораго они за невозможностью внѣшняго проявленія обращаются внутрь.

---

[1]) „Жестокое сердце вложилъ Вотанъ мнѣ въ грудь" говоритъ о себѣ одинъ изъ гордыхъ викинговъ въ древней скандинавской сагѣ. „Кто не имѣетъ такого сердца въ юности, тотъ никогда не будетъ имѣть его", прибавляетъ сага (Ienseits etc., 240 s.).

[2]) Ibidem, 239—240 s.

[3]) Götzendämmerung, 97—98 s.

Противъ такого человѣка возбуждается въ обществѣ вражда, его преслѣдуютъ, на него нападаютъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого насильственнаго отдѣленія людей отъ ихъ прошлой, звѣриной жизни, объявленіе войны старымъ ихъ инстинктамъ, удовлетвореніе которыхъ доставляло имъ ранѣе такъ много наслажденія, предписываніе имъ новаго жизненнаго быта вызываетъ въ людяхъ страданія, болѣзнь. Этотъ скрытый, насильно сдерживаемый инстинктъ свободы (воли къ силѣ)—источникъ происхожденія „худой совѣсти", самопожертвованія, въ которомъ выражается жестокая наклонность человѣка къ собственному мученію и бичеванію [1]).

Другой типъ морали—рабская мораль, въ которой понятіе о добродѣтеляхъ противоположно взгляду на нихъ въ морали господъ. Въ рабской морали предпочитаются качества, которыя могутъ облегчить страдающимъ ихъ жизнь на землѣ: сожалѣніе, готовность къ помощи, теплое сердце, терпѣніе, прилежаніе, смиреніе, дружба. Поэтому рабская мораль—нравственность исключительно утилитарнаго (полезнаго) характера. Въ рабской морали только возникаетъ противоположность между добромъ и зломъ. Всѣ добродѣтели сильныхъ людей—зло въ глазахъ рабовъ, возбуждающее въ нихъ страхъ: добрый по морали рабовъ—совершенно добродушный, безопасный человѣкъ, легко поддающійся всякому обману. Рабская мораль также предъявляетъ требованія свободы, счастья, но удовлетвореніе ихъ происходитъ здѣсь совершенно другимъ путемъ, нежели въ морали господъ, которымъ только доступна любовь, какъ страсть: ея изобрѣтеніе приписывается провансальскимъ рыцарямъ—поэтамъ [2]). Нитцше провозглашаетъ эгоизмъ необходимымъ качествомъ души сильнаго, который считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, что-

---

[1]) Genealogie d. Moral, 95—101 s.
[2]) Ienseits von Gut und Böse, 242—243 s.

бы люди низшаго рода, слабые, безсильные служили ему и жертвовали собою въ его пользу [1]). Цѣнность эгоизма, значеніе его въ жизни зависитъ, замѣчаетъ Нитцше, оттого, на сколько онъ помогаетъ развитію жизни. Эгоизмъ пріобрѣтаетъ необыкновенную важность, когда при его помощи создаются наиболѣе благопріятныя условія для всей жизни индивидуума. При небрежномъ отношеніи къ требованіямъ эгоизма наступаетъ вырожденіе инстинктовъ общества: въ немъ начинаютъ господствовать разные пороки,—нужда въ сильныхъ и частыхъ возбужденіяхъ, свойственныхъ истощеннымъ натурамъ [2]). Повсюду въ Европѣ теперь наблюдается, по словамъ Нитцше, эта болѣзненная чувствительность и воспріимчивость къ страданіямъ, господствуетъ формальный культъ страданія, поддерживаемый религіей и философіей. Чувствуется всѣми нужда въ сильныхъ людяхъ, которыхъ недостаетъ во всѣхъ областяхъ народной жизни. Въ каждой изъ важныхъ жизненныхъ проблеммъ неизбѣжно подразумѣвается стремленіе современнаго человѣка къ развитію своей личности; нѣкоторыя попытки къ разрѣшенію этихъ проблеммъ называемыя „убѣжденіями", ничто иное, какъ ступень къ познанію собственной природы. Таковъ, напримѣръ, такъ называемый женскій вопросъ [3]).

Нитцше рѣзко возстаетъ противъ современнаго движенія въ европейскомъ обществѣ въ пользу женщинъ, ихъ образованія и расширенія гражданскихъ правъ, вообще развитія ихъ самостоятельности и независимости отъ мужчинъ (эмансипаціи). Желать сдѣлать женщину самостоятельной и съ этой цѣлью просвѣщать мужчинъ о женской природѣ—одно изъ худшихъ послѣдствій извращенія всего европейскаго общества, всеобщаго распространенія въ немъ чувства непа-

---

[1]) Ibidem, 251—252 s.

[2]) Götzendämmerung, 33 s.

[3]) Ienseits von Gut und Böse, 270, 266—267 и 191 s.

висти. Въ женщинѣ такъ много постыднаго, что до сихъ поръ сдерживалось въ ней лишь страхомъ передъ мужчиной: она педантична, поверхностна, мелочна, притязательна, необузданна, нескромна, беззаботна, легкомысленна, жадна къ наслажденіямъ! Нитцше считаетъ признакомъ дурного вкуса стремленіе женщинъ къ образованію, которое до сихъ поръ, къ счастью, было дѣломъ мужчинъ, ихъ особенной къ тому способности. Если женщина обнаруживаетъ склонность быть ученой, то это означаетъ, что не все въ порядкѣ въ ея природѣ. Даже лучшая женщина обнаруживаетъ интересъ къ литературѣ только мимоходомъ и если кто-либо замѣчаетъ ея литературныя занятія [1]). Неплодовитость женщины сопровождается всегда наклонностью къ вкусамъ мужчины [2]). Нельзя вѣрить всему тому, что сами женщины пишутъ о своей жаждѣ просвѣщенія. Скорѣе всего въ этомъ желаніи быть образованными выражается, свойственная женщинамъ, наклонность нравиться мужчинѣ и властвовать надъ нимъ. Женщина не любитъ истину; ея главное искусство—притворяться, лгать; первое дѣло для нея—украшать себя всѣми способами. Мы мужчины должны сознаться, что намъ въ женщинахъ нравится этотъ инстинктъ и искусство казаться прекрасными и притворяться. Наша серьезность представляется намъ почти глупостью подъ обаяніемъ взглядовъ и милыхъ наивностей женщины. Мужчины до сихъ поръ видѣли въ женщинахъ птичекъ, спускающихся съ недосягаемой высоты въ клѣтки, которыя необходимо запирать, чтобы онѣ оттуда не улетѣли. Все современное движеніе въ пользу женщинъ, равнаго съ мужчинами ихъ воспитанія, сравненія правъ и обязанностей обоихъ половъ клеймится со стороны Нитцше, какъ типическое выраженіе недалекаго ума мужчинъ и демократическихъ на-

---

[1]) Götzendämmerung, 3 s.

[2]) Ienseits von Gut und Böse, 105 s.

клонностей всей общественной жизни. Благодаря побѣдѣ промышленнаго духа надъ воинственными и аристократическими стремленіями, современная женщина также хочетъ пріобрѣсти хозяйственную и юридическую самостоятельность. Въ дѣйствительности, однако, вмѣсто прогресса замѣчается регрессъ въ положеніи женщины. Со времени французской революціи вліяніе женщины стало во всѣхъ дѣлахъ гораздо незначительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ она начала добиваться разныхъ правъ [1]). Эмансипація женщины—любопытный фактъ, свидѣтельствующій объ увеличивающемся ослабленіи и истощеніи инстинктовъ въ природѣ женщины: теперь она должна потерять устойчивость на почвѣ, гдѣ ей всегда принадлежало первенство, у мужчины же исчезнетъ вѣра въ особенное, идеальное назначеніе женщины, вѣра въ „вѣчно-женственный" элементъ ея природы. Наоборотъ, на женщину мужчина вынужденъ будетъ теперь смотрѣть, какъ на какого-то дикаго и нѣжнаго звѣря, который нуждается въ его защитѣ и пощадѣ. Нитцше иронизируетъ надъ подражаніемъ со стороны европейской женщины разнымъ попыткамъ мужчинъ привить ей спеціальныя свойства своей природы. „Хотятъ, чтобы женщина читала газеты, занималась политикой, литературой, портятъ ея нравы болѣзненной и опаснѣйшей изъ всѣхъ родовъ новѣйшей нѣмецкой музыкой и дѣлаютъ изъ нея истеричное существо, неспособное къ главному своему призванію—родить сильныхъ дѣтей". Вообще желаютъ культивировать женщину и изъ „слабаго пола" образовать сильный, совершенно забывая, что культивированіе человѣка шло всегда рука объ руку съ болѣзненностью, ослабленіемъ силы воли, что наиболѣе сильныя и вліятельныя женщины (напр., мать Напо-

---

[1]) Три знаменитыхъ французскихъ женщины начала XIX стол.—Роланъ, Сталь и Ж. Зандъ—въ глазахъ Нитцше только три комическихъ фигуры, лучшій аргументъ противъ женской эмансипаціи и самостоятельности (Ienseits v. Gut und Böse, 193 s.).

леона I) обязаны большимъ вліяніемъ и властью надъ мужчинами своей силѣ воли". Нитцше считаетъ свойствами женской природы хищническую, хитрую, кошачью ловкость, наивность въ эгоизмѣ, дикость, непонятность и неуловимость всѣхъ ея желаній и добродѣтелей. Мужчина до сихъ поръ боялся и сожалѣлъ женщину, какъ страдающій, нуждающійся въ любви и осужденный на разочарованіе, опасный, но изящный звѣрокъ [1]).

Самъ Нитцше рекомендуетъ дать просторъ въ женщинѣ чувственнымъ, инстинктивнымъ наклонностямъ ея природы, которыя находятъ удовлетвореніе въ бракѣ: въ каждомъ истинномъ бракѣ, основанномъ на сердечной взаимной привязанности супруговъ, исчезаетъ различіе между цѣломудріемъ и чувственностью. Поэтому, между прочимъ, немалая заслуга Лютера заключается въ томъ, что онъ имѣлъ мужество обнаружить свои чувственныя наклонности [2]). Зависимое положеніе женщины въ обществѣ обусловливается инстинктомъ материнства, проявляющимся въ бракѣ [3]). Неспособная къ дружбѣ, женщина знаетъ только одну любовь. Она—рабыня и тиранъ по природѣ [4]). Поэтому, женщина на Востокѣ и даже въ древней Греціи, отъ Гомера до Перикла, была предметомъ владѣнія и исключительной собственности мужчины [5]). Нитцше смотритъ и на современную женщину съ той же восточной точки зрѣнія. Въ современномъ бракѣ онъ видитъ одинъ изъ признаковъ паденія европейской культуры. Смыслъ брака заключается въ отвѣтственности семей за выборъ супруговъ, принципіальной нерасторжимости брака и юридической отвѣтственности мужа. Бракъ представляетъ собою общественный институтъ, разсчитанный

---

[1]) Ibidem, 191—200 s.
[2]—[3]) Genealogie d. Moral, 116 и 133 s.
[4]) Also sprach Zarathustra, 78 s.
[5]) Ienseits von Gut und Böse, 196 s.

на продолжительное существованіе и обладающій опредѣленной организаціей. Истинное основаніе брака—половой инстинктъ, стремленіе къ власти надъ женщиной и дѣтьми со стороны мужчины [1]). Въ глазахъ Нитцше женщина только мать и хозяйка [2]). Женщина для мужчины опасная игрушка: она должна служить ему въ дни отдыха отъ напряженной войны. Жена должна повиноваться и родить мужу дѣтей [3]).

Происхожденіе права и государства связывается у Нитцше съ, указываемою имъ, противоположностью между моралью господъ и рабовъ. Источникъ права—борьба сильныхъ, могущественныхъ противъ реактивныхъ, мстительныхъ чувствъ и идей, которыя сдерживаются въ извѣстныхъ размѣрахъ закономъ—повелительнымъ предписаніемъ о томъ, что можетъ быть дозволено, какъ справедливое, и запрещено, какъ противорѣчащее справедливости, интересамъ сильныхъ. Право—только средство къ созданію великаго и могущественнаго цѣлаго—государства, но не учрежденіе, предназначенное для осуществленія начала равенства: право съ послѣднимъ значеніемъ принципъ, опасный для жизни общества, посягательство на будущность людей, знакъ ихъ утомленія и неминуемаго исчезновенія [4]). Поэтому и современное западно-европейское демократическое государство возбуждаетъ въ Нитцше одно только презрѣніе и гнѣвъ. Всѣ современныя общественныя учрежденія никуда не годны и въ числѣ ихъ новое демократическое государство—форма паденія политической организаціи общества [5]), измельчанія, униженія людей. Все демократическое движеніе въ европейскомъ обществѣ—плодъ господства христіанской религіи и морали. Поэтому

---

[1]—[2]) Ienseits v. Gut und Böse, 193—194, 196 s., Götzendämmerung, 91—92 s.
[3]) Also sprach Zarathustra, 92, 99—100 s.
[4]) Genealogie d. Moral, 83—85, 137 s.
[5]) Götzendämmerung, 91 s.

Нитцше отворачивается отъ новой демократіи, какъ примитивной общественной формы; въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ дѣлаются безпрерывныя попытки внушить стаду мудрыхъ европейцевъ мысль о томъ, что имъ принадлежитъ власть, которая на самомъ дѣлѣ въ рукахъ небольшаго числа предводителей этого стада, какъ „первыхъ слугъ своего народа“ или „орудій общаго благосостоянія“ [1]). Государство въ глазахъ Нитцше—чудовище, созданное для уничтоженія народовъ: въ немъ перепутаны всѣ понятія о добромъ и зломъ. Истинная жизнь людей начинается только тамъ, гдѣ прекращается государство [2]). Нитцше не нравится общее стремленіе европейскихъ народовъ къ сохраненію мира. Онъ—самый горячій сторонникъ *войны*, которую объявляетъ всѣмъ современнымъ чувствамъ, идеямъ и учрежденіямъ [3]). Нитцше вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу возбужденіе вражды въ современномъ обществѣ и вооружается противъ христіанскаго „мира души“. Отрекаются отъ истинной жизни, если отказываются отъ войны, которая была всегда плодомъ глубокой мудрости великихъ людей. „Миръ души“,—просто недоразумѣніе, по мнѣнію Нитцше, который видитъ въ немъ начало усталости, первую тѣнь наступающаго вечера, предвѣстника освобожденія отъ перенесенной болѣзни, знакъ удовлетворенной страсти, старческую слабость воли, желаній или, наконецъ, выраженіе зрѣлости въ созданіи, дѣятельности, достиженіи свободной воли [4]). Понятіе свободы употребляется Нитцше только для обозначенія власти воинственныхъ инстинктовъ въ мужчинѣ надъ мирными стремленіями разныхъ родовъ людей. Всякій свободный человѣкъ

---

[1]) Ienseits von Gut und Böse, 130, 136 s.

[2]) Also sprach Zarathustra, 65—68 и 190 s.

[3]) „Война—одно изъ средствъ переоцѣнки всѣхъ вещей“. Поэтому одно изъ своихъ послѣднихъ сочиненій Нитцше называетъ „великимъ объявленіемъ войны всему обычному, вѣковому міровоззрѣнію“ (Götzendämmerung, Vorwort).

[4]) Götzendämmerung, 26—27 s.

непремѣнно воинъ. Высшій его типъ нужно искать тамъ, гдѣ встрѣчается наибольше силы, сопротивленія, но только не въ обществѣ съ „либеральными учрежденіями“ [1]). Нитцше призываетъ всѣхъ къ продолжительной войнѣ, которой люди „болѣе обязаны, нежели любви къ ближнему. Не сожалѣніе, но мужество спасало до сихъ поръ несчастныхъ“ [2]).

Нитцше иронизируетъ надъ любовью къ отечеству, иногда вспыхивающею у современныхъ европейскимъ народовъ, „часами національныхъ волненій, патріотической тоски и всякихъ обычныхъ чувствительныхъ моментовъ“. Несимпатичны Нитцше и другія черты современной европейской жизни, какими она отличается отъ жизни нецивилизованныхъ народностей. Позади демократическаго политическаго движенія въ Европѣ совершается безпрерывно огромный процессъ сближенія всѣхъ европейцевъ, ихъ возрастающая независимость отъ условій климата, расы и вообще опредѣленной среды. Демократизированіе Европы направляется къ созданію рабскаго типа людей [3]). Современный рабочій вопросъ—совершенная нелѣпость: изъ рабочихъ типа китайцевъ хотятъ сдѣлать господъ [4]). Во всѣхъ европейскихъ странахъ распространена болѣзнь воли. Нитцше располагаетъ ихъ въ этомъ отношеніи въ извѣстномъ порядкѣ. Сначала идетъ Франція, гдѣ болѣзнь воли развилась до крайней степени. Затѣмъ немного сильнѣе ея Германія, особенно на сѣверѣ. Далѣе идетъ Англія. Наибольшей степени силы развитія воля достигла въ Россіи. Она—единственная, много обѣщающая въ Европѣ сила, крѣпкое, единое государство, противоположное остальнымъ мелкимъ европейскимъ государствамъ [5]). Нитцше высказываетъ большія опасенія за дальнѣйшее существованіе

---

[1]) Ibidem, 89—90 s.
[2]) Also sprach Zarathustra, 62—64 s.
[3]) Ienseits von Gut und Böse, 204—208 s.
[4]—[5]) Götzendämmerung, 93, 91 s.

западно-европейскихъ странъ, живущихъ подъ вѣчнымъ страхомъ нападенія со стороны могущественной Россіи. Чтобы освободить Европу отъ этой большой опасности, нужны не одни только войны въ Индіи и всякія политическія осложненія въ Азіи, но также, главнымъ образомъ, и то, чтобы Европа рѣшилась разъ навсегда покончить съ системой раздробленія ея на мелкія государства и создать одну, господствующую надъ всей Европой, касту, въ которой воплотилась бы единая воля. Теперь не время для политики мелкихъ государствъ: ближайшее столѣтіе—эпоха борьбы за всемірное господство, новый воинственный періодъ, въ которой Европа уже вступила въ настоящемъ столѣтіи [1]).

Характеризуя общественную жизнь отдѣльныхъ западно-европейскихъ народовъ, Нитцше, прежде всего, отказывается признать, установившуюся за нѣмцами, репутацію глубокаго ума, который скорѣе отличается порывами къ неизвѣстному, неясному, неопредѣленному. „Нѣмецъ не только существуетъ, онъ развивается. Понятіе развитія—нѣмецкая выдумка, которая вмѣстѣ съ нѣмецкой музыкой и пивомъ прививаетъ нѣмецкіе вкусы ко всѣмъ европейскимъ народамъ“. Нѣмецкая наука тяжеловѣсна и отвлеченна; нѣмецкое искусство безвкусно. Англія лишена способности къ философіи; она—страна, гдѣ господствуютъ новыя плебейскія идеи. Современная Франція—мѣсто возвышенной культуры, всѣхъ чаръ скептицизма и высшей школы вкуса для всей Европы. Философія Шопенгауэра сдѣлалась теперь во Франціи какъ-бы національной, какъ и взгляды Гегеля, воплотившіеся въ историческихъ трудахъ Тэна. Три обстоятельства обусловливаютъ превосходство французовъ надъ другими европейскими народами. Это, во первыхъ, способность къ артистическому воодушевленію, привязанность къ формѣ въ искусствѣ. Кромѣ

---

[1]) Ienseits von Gut und Böse, 154—156 s.

того, культура Франціи отличается морализирующимъ характеромъ и. наконецъ, самая натура француза представляетъ собою удачное соединеніе южнаго темперамента и сѣверной разсудочности [1]). Независимо отъ этихъ національныхъ качествъ главныхъ европейскихъ народностей, у всѣхъ нихъ проявляются одна и таже, рѣзко осуждаемая Нитцше, склонность, къ осуществленію идеи равенства, которая означаетъ конецъ справедливости: неравное никогда не можетъ сдѣлаться равнымъ [2]). Съ особенной силой онъ нападаетъ на всякія современныя соціалистическія и политическія теоріи и конституціи, въ которыхъ Нитцше видитъ одно изъ слѣдствій разложенія и паденія европейскаго общества [3]).

Но если Нитцше не удовлетворяютъ ни современное общее, нравственно-соціальное міровоззрѣніе, ни весь строй жизни европейскаго общества, то что же онъ предлагаетъ ему взамѣнъ такъ рѣзко и рѣшительно отвергаемыхъ имъ общеевропейскихъ идей и учрежденій? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ положительныя воззрѣнія самого Нитцше, высказываемыя имъ мимоходомъ при критикѣ взглядовъ и институтовъ европейскаго общества, и особое его, извѣстное намъ, сочиненіе: „Also sprach Zarathustra". Человѣкъ въ глазахъ Нитцше въ одно и тоже время твореніе и творецъ: въ его природѣ—матерія, хаосъ, разные обрывки, безсмыслица и, однако, онъ самъ творецъ своей силы, величія, мощи [4]). Онъ надѣленъ творческою способностью создавать представленія о мірѣ. Вся его тѣлесная и духовная жизнь только разнообразная игра всякаго рода влеченій, страстей, инстинктовъ нашей природы. Въ этихъ инстинктахъ—корень нравственности для истиннаго, сильнаго духомъ и тѣломъ че-

---

[1] и [3]) Ienseits von Gut und Böse, 208—227 и 136—137 s., Götzendämmerung, 88 s.

[2]) Götzendämmerung, 102 s.

[4]) Ienseits von Gut und Böse, 181 s.

ловѣка, который гордъ и презираетъ жалкую толпу слабыхъ рабовъ и стремится подчинить ихъ себѣ при помощи права и государства. Сильный человѣкъ самъ опредѣляетъ, что такое добро и зло, потому что онъ знаетъ, что ему полезно или вредно. Сильный духомъ не нуждается въ сверхестественномъ мірѣ, вѣра въ который произошла изъ безсилія угнетенныхъ и страдающихъ, ихъ неспособности овладѣть этимъ міромъ, приспособить его къ своимъ цѣлямъ [1]). Образцомъ такихъ сильныхъ людей были древніе, жизнерадостные греки и римляне, которые давали полный просторъ всѣмъ влеченіямъ и страстямъ, инстинктамъ своей природы. Они были сильны духомъ и тѣломъ, такъ какъ ихъ мораль, вытекающая изъ инстинктовъ природы человѣка, его жажды жизни [2]), давала имъ сознаніе могущества, превосходства надъ массою дѣйствительныхъ рабовъ. Новая, христіанская мораль, обезпечивающая толпѣ господство надъ лучшимъ меньшинствомъ, должна быть оставлена для блага дальнѣйшей цивилизаціи общества. Послѣдняя должна совершаться въ интересахъ наиболѣе сильныхъ и энергичныхъ людей, богато одаренныхъ отъ природы и способныхъ добиться признанія своего превосходства надъ массой. Ко вкусамъ такого рода людей нужно приспособить всю общественную жизнь со всѣми ея учрежденіями. Въ обществѣ долженъ установиться взглядъ, что совершенство человѣка и задача всей его жизни заключается не въ служеніи невѣдомымъ высшимъ цѣлямъ (аскетическимъ идеаламъ), а развитіи всѣхъ инстинктовъ человѣческой природы. Наука и искусство должны спуститься съ заоблачныхъ высотъ на землю и заняться здѣсь реальными потребностями

---

[1]) Also sprach Zarathustra, 38—39 s.

[2]) „Основная черта эллинскаго инстинкта—его воля къ жизни“, которая выражается въ мистеріяхъ Діонисія: „въ нихъ торжествуетъ вѣчная жизнь, вѣчное ея возвращеніе, глубочайшій инстинктъ жизненности“ (Götzendämmerung, 112—113 s.).

людей, развить въ нихъ любовь къ жизни. Семейная жизнь можетъ быть дозволена только энергичнымъ людямъ съ сильно развитыми инстинктами и способностью добиться самостоятельнаго и независимаго положенія въ обществѣ. Право и государство предназначаются для однихъ только сильныхъ духомъ и тѣломъ. Такъ какъ люди неравны въ своихъ силахъ, инстинктахъ и стремленіяхъ, то поэтому должны быть неравны и ихъ права и обязанности. Поэтому современному государству слѣдуетъ оставить всякія заботы о благосостояніи народныхъ массъ. Подобное демократическое направленіе въ дѣятельности европейскаго государства—признакъ вырожденія, упадка современной культуры.

„Мы новые люди, замѣчаетъ Нитцше, наслѣдники угрызеній совѣсти, самовольныхъ мученій, къ которымъ люди привыкли въ продолженіе тысячелѣтій. Человѣкъ слишкомъ долго относился къ своимъ естественнымъ наклонностямъ подозрительно, видѣлъ въ нихъ одно злое, исполненіе котораго вызывало въ немъ мученія совѣсти. Необходимо добиться того, чтобы, наоборотъ, эти ея угрызенія появлялись у людей при всякихъ неестественныхъ склонностяхъ, при всякаго рода призывахъ къ прежнимъ идеаламъ, инстинктамъ, враждебнымъ жизни, природѣ человѣка. Но, спрашиваетъ Нитцше, къ кому должны быть обращены эти наши надежды, кто въ состояніи произвести такое коренное измѣненіе въ чувствахъ, понятіяхъ и учрежденіяхъ? Для достиженія этой цѣли нужны люди особаго рода, которыхъ едва-ли можно встрѣтить въ текущемъ столѣтіи, люди, закаленные въ войнахъ и побѣдахъ, и привыкшіе къ приключеніямъ, опасностямъ, болямъ, завоеванію. Отъ нихъ требуется привычка къ рѣзкому горному воздуху, зимнимъ непогодамъ, крѣпкое здоровье“ [1]). Нитцше возлагаетъ большія надежды на настоя-

---

[1]) Genealogie der Moral, 110—112 s.

щихъ философовъ, которые послѣ тяжелой предварительной работы могутъ потрудиться надъ созданіемъ новыхъ цѣнностей въ разныхъ областяхъ (логической, художественной, моральной). Эти „истинные философы явятся въ этомъ случаѣ властными законодателями: они опредѣлятъ долгъ каждаго и назначеніе человѣка, овладѣютъ прошедшимъ, возмутся творческой рукой за будущее, пользуясь всѣми нужными для этого средствами“ [1]). Нитцше увѣренъ, что рано или поздно, но въ болѣе лучшія времена сравнительно съ настоящею тяжелою эпохой долженъ появиться человѣкъ „великой любви и презрѣнія, творческій духъ, который освободитъ людей отъ ихъ проклятія, наложеннаго на нихъ прежними идеалами, отъ нигилизма и возвратитъ людямъ надежду на настоящую жизнь на землѣ. Типъ этого сильнаго человѣка грядущаго, который отрѣшится отъ современныхъ религіозныхъ, моральныхъ и всѣхъ обычныхъ понятій, обычаевъ и учрежденій и будетъ жить только согласно съ инстинктами своей природы,—„сверхчеловѣкъ“ (Übermensch), *Заратустра* [2]).

Этотъ Заратустра—мудрецъ, жившій десять лѣтъ на горѣ въ гордомъ уединеніи и размышленіяхъ о судьбахъ людей и затѣмъ спустившійся къ нимъ, чтобы научить новой жизни, гдѣ каждый могъ бы быть единственнымъ господиномъ и судьею всѣхъ своихъ мыслей, всего поведенія. Заратустра въ сопровожденіи орла и змѣи, эмблемъ гордости и мудрости, и своихъ учениковъ ходитъ по землѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ поучаетъ людей, какъ имъ устроить этотъ новый образъ своей жизни, внушаетъ имъ безпрерывно, что они должны забыть все, чѣмъ люди жили до сихъ поръ, и выработать изъ себя сильныхъ духомъ и тѣломъ и свободныхъ личностей съ энергичной волей, рѣши-

---

[1]) Ienseits von Gut und Böse, 161—162 s.
[2]) Genealogie der Moral, ibidem.

мостью развить всѣ инстинкты и влеченія своей природы и жить только согласно съ ними. Настоящее время—лишь переходная эпоха къ періоду, когда настанетъ царство „сверхчеловѣка“ [1]). Человѣческій духъ долженъ пережить три превращенія: изъ верблюда, на котораго навалена вся тяжесть обычныхъ понятій и нравовъ, сдѣлаться львомъ, сила и мужество котораго нужна людямъ, чтобы обезпечить себѣ свободу и создать новыя цѣнности, и, наконецъ, стать ребенкомъ, подобно ему забыть все прошедшее и начать, играя, новую жизнь [2]). Люди должны прислушаться къ искреннимъ и частымъ голосамъ здороваго тѣла, не презирать его во имя души,—его орудія, а, наоборотъ, признавать его требованія и исполнять ихъ, предаваться всѣмъ удовольствіямъ и страстямъ, веселиться беззаботно, смѣяться, пѣть пѣсни, танцовать. Проводя свою жизнь въ наслажденіяхъ, люди должны отворачиваться отъ „проповѣдниковъ смерти“, которые внушаютъ имъ презрѣніе къ плоти и постоянно напоминаютъ о страданіяхъ и смерти. Цѣломудріе не всегда добродѣтель: часто изъ за нея проглядываетъ чувственность. Взгляды на то, что хорошо или дурно, чрезвычайно разнообразны на землѣ: но всюду самъ человѣкъ создаетъ мѣру вещей, самъ оцѣниваетъ ихъ. У человѣчества нѣтъ какой-либо единой цѣли [3]). Труденъ путь того, кто берется за созданіе новыхъ цѣнностей! Но Заратустра идетъ этой тяжелой дорогой и учитъ людей оставаться вѣрными землѣ, не убѣгать отъ ея радостей въ призрачную, туманную даль общепринятыхъ представленій о невѣдомой жизни. Не любовь къ ближнему онъ внушаетъ людямъ, а любовь къ отдаленнѣйшему, будущему (сверхчеловѣку). Нельзя питать сожалѣнія къ тому, что должно быть уничтожено. Заратустра не

) Also sprach Zarathustra, 5—26 s.

[2]—[3]) Also sprach Zarathustra. 29—32, 40—47, 59—61, 74, 80—83 s.s.

любитъ представителей религіи—проповѣдниковъ состраданія къ ближнему, смиренія, униженія, восхваляющихъ страданія, мученія грѣшниковъ и обѣщающихъ загробныя награды за добродѣтель [1]). Много есть разныхъ взглядовъ на то, что такое добродѣтель, и, не смотря на это, всѣ считаютъ себя добродѣтельными. Вѣрятъ въ справедливость, какъ одну изъ этихъ добродѣтелей. На самомъ дѣлѣ люди не равны и не должны быть равны другъ другу. Заратустра—свѣтъ среди ночного мрака; его духъ—пѣснь любящаго, жажда любви. Онъ стремится къ жизни, любитъ ее только, хотя въ немъ и появляется иногда сомнѣніе, зачѣмъ жить и вообще стоитъ-ли жить? Умираютъ мечты юности, ея невинныя утѣхи и незабвенныя радости. Остается одно безсмертное въ человѣкѣ, неизмѣняющееся съ годами: это—его воля, неистощимый источникъ жизни, стремленіе къ истинѣ, творчеству новаго міра. Рядомъ съ повелѣвающими должны находиться и тѣ, которые желали бы повиноваться имъ, признавать въ нихъ своихъ господъ. Нужна творческая воля для разрушенія существующихъ понятій о добромъ и зломъ и созданія новаго рода цѣнностей. Во всѣхъ образованныхъ странахъ масса всякихъ остатковъ прошедшаго, религіозныхъ воззрѣній и обычаевъ. Люди лицемѣрятъ, когда они выказываютъ презрѣніе къ земному, которое они любятъ всѣми инстинктами своей природы [2]). Человѣкъ любитъ жизнь, какъ солнце—источникъ всего живаго на землѣ. Земля имѣетъ кору,

---

[1]) „Сверхчеловѣкъ“ Нитцше—полная противоположность современному христіанину во взглядахъ на задачи всей земной жизни. Поэтому Нитцше и ставитъ себѣ цѣль дать совершенно другую оцѣнку всѣмъ вещамъ, которую онѣ имѣютъ въ христіанскомъ міровоззрѣніи (см. „Antichrist“ и друг. сочиненія Нитцше).

[2]) „Самымъ лучшимъ было бы для меня, говоритъ лицемѣръ, взирать на жизнь безъ всякихъ желаній, чувствовать себя счастливымъ отъ такого равнодушнаго ея созерцанія, любить землю подобно, отдаленной отъ нея, лунѣ и только взорами наблюдать всѣ земныя красоты“ (Also sprach Zarathustra, 175 s.).

у которой есть особыя болѣзни. Одна изъ нихъ—человѣкъ. Заратустра не нашелъ настоящихъ, цѣльныхъ людей на землѣ, а только ихъ части, на которыя они раздроблены какъ бы послѣ губительнаго сраженія. Единственный зритель, надѣленный желаніями и творецъ будущаго, былъ самъ Заратустра съ его мечтами о сверхчеловѣкѣ, предварительной подготовкѣ къ его появленію. Полный загадокъ и горечи, путешествовалъ онъ повсюду, питая ненависть ко всему мелочному ходу жизни народовъ. Заратустра скорѣе желалъ бы слышать шумъ, громъ, бурю, нежели эту подозрительную тишину [1]). Все обычное ученіе о счастьи и добродѣтели внушаетъ ему одно презрѣніе: подъ добродѣтелью понимаютъ то, что дѣлаетъ людей нѣжными и скромными. Но это—жалкая посредственность. Слишкомъ много пощады, самопожертвованія, любви къ ближнему въ людяхъ! Заратустра увѣщеваетъ ихъ любить лишь самихъ себя—и смѣется надъ всякимъ сожалѣніемъ. Всѣ смотрятъ на него, какъ на дикаго и чуждаго людямъ и поэтому одинокаго, отшельника, который тѣмъ не менѣе не видитъ ничего дурного, порочнаго въ развитіи чувственности въ людяхъ, властолюбія и здороваго себялюбія, свойственныхъ сильнымъ натурамъ. Люди страдаютъ подъ тяжестью разныхъ странныхъ словъ и ложной оцѣнки вещей, отъ которой Заратустра освободитъ ихъ своимъ новымъ ученіемъ, разбудитъ отъ вѣковой спячки своею проповѣдью о добрѣ и злѣ. Настоящій человѣкъ не имѣетъ самостоятельныхъ цѣлей въ своей жизни: онъ только переходъ къ новой зарѣ, сверхчеловѣку. Заратустра даетъ людямъ новыя заповѣди, научаетъ ихъ не щадить своего ближняго и любить грядущаго, отдаленнаго. До сихъ поръ не знали, а только мечтали о звѣздахъ и будущемъ, не зна-

---

[1]) Also sprach Zarathustra, 87—90, 108—111, 84—86, 123—135, 140—143, 181, 149—165, 170, 175, 178, 188, 201—204, 219—240 s.s.

ли и о томъ что хорошо и дурно. Лучшій, благородный, сильный желаетъ и долженъ господствовать надъ народомъ: въ обществѣ людей всегда есть нужда въ властителѣ [1]). Будьте жестоки и безпощадны ко всѣмъ—такова заповѣдь Заратустры людямъ: только жестокій—истинно благородный [2]). Человѣку нужно худшее въ виду его блага: все злѣйшее—его лучшая сила и основаніе для созданія новаго добра. Заратустра называетъ себя учителемъ вѣчнаго возрожденія всѣхъ вещей въ мірѣ, а также и человѣка. Тоскливое чувство и жалобы Заратустры разрѣшаются пѣніемъ и танцами въ честь жизни, невинной, нетерпѣливой, подвижной, изобрѣтательной, и—вѣчности. Заратустра слышитъ затѣмъ отчаянный призывъ къ помощи, идетъ на этотъ крикъ и встрѣчается съ цѣлымъ рядомъ людей, которые спѣшатъ къ нему, желая поучиться новой жизни. Онъ встрѣчаетъ сначала предсказателя, потомъ двухъ королей, изъ которыхъ одинъ выражаетъ горячее желаніе, чтобы поскорѣе явился на землѣ могущественный, сильный человѣкъ [3]). Другой король восхваляетъ войну, какъ источникъ жизни на землѣ. Старый волшебникъ искалъ истиннаго, простаго, мудраго, великаго человѣка, Заратустру, который неожиданно самъ набрелъ потомъ на добросовѣстнаго изслѣдователя мудрости человѣческаго духа. Къ Заратустрѣ же приходитъ извѣрившійся, послѣдній представитель религіи (папа), который надѣется найти въ Заратустрѣ послѣдняго набожнаго и святаго человѣка, незнакомаго съ тѣмъ, что дѣлается во всемъ мірѣ [4]). Въ своемъ путешествіи Заратустра приходитъ въ долину, извѣстную подъ именемъ—„змѣиной смер-

---

[1]) Ibidem, 243—245, 247—248, 253, 265—266, 271—276, 279—281, 285—287, 291 s. и 305 s.

[2]) Ibidem, 308 s., ср. Götzendämmerung, Anhang: „Hammer redet".

[3]) Нѣтъ большаго несчастія на землѣ, какъ если сильнѣйшіе люди—не первые между всѣми: тогда наступаетъ господство черни и ея добродѣтелей (354 s.).

[4]) Also sprach Zarathustra, 315, 317—318, 320—335, 345, 347, 351—355, 357—360, 369, 371—372 s.

ти“: здѣсь были однѣ голыя скалы, никакой растительности, ничего живаго. Только старыя зеленыя змѣи приходятъ умирать въ это ужасное мѣсто. Здѣсь же живетъ „ненавидимый всѣми“ человѣкъ, котораго никто не видитъ, кромѣ Бога. Но сознаніе этой зависимости отъ Него тяжело „ненавистному человѣку“, который сталъ поэтому атеистомъ. Когда Заратустра увидалъ его, то почувствовалъ сожалѣніе, которое такъ долго Заратустра пытался уничтожить въ себѣ. Но онъ подавилъ въ себѣ сожалѣніе и сердце его снова стало жестоко: сильному духу сомнѣніе недоступно. Заратустрѣ встрѣтился еще странствующій нищій, который когда-то былъ богачемъ, но оставилъ свое богатство и искалъ счастья среди не людей, а животныхъ. Возвратившись въ свою хижину, Заратустра нашелъ тамъ всѣхъ, кто встрѣчался ему на пути, привѣтствовалъ своихъ гостей—„высокихъ людей“ и продолжалъ съ ними бесѣды о высшемъ, сильномъ человѣкѣ, котораго не признаетъ чернь съ ея ожиданіями всеобщаго равенства [1]). Послѣ нѣсколькихъ сценъ, въ которыхъ выразились разные протесты со стороны тѣхъ или другихъ гостей Заратустры противъ его ученія, обширная книга о немъ заканчивается побѣдоноснымъ, торжествующимъ сознаніемъ самого Заратустры, что совершились всѣ перемѣны, нужныя для появленія сверхчеловѣка: спала съ людей тяжесть обычныхъ понятій и вѣрованій, явился левъ и близко появленіе дѣтей Заратустры. Теперь онъ, „страстный и сильный, покинулъ свою хижину, подобно солнцу, выходящему изъ туманныхъ горъ“ [2]).

Когда появится этотъ, желанный Нитцше, Заратустра, неизвѣстно. Но онъ убѣжденъ, что пришествіе въ міръ „сверхчеловѣка“ неминуемо. Каждая женщина должна меч-

---

[1]) Ibidem, 378—387, 401—426 s.

[2]) Also sprach Zarathustra, 427—472 s.

тать лишь о томъ, чтобы сдѣлаться его матерью [1]). Прообразы „сверхчеловѣка“ Нитцше видитъ въ выдающихся историческихъ личностяхъ (напр., въ Наполеонѣ I и др.) [2]). „Великіе люди, замѣчаетъ онъ, необходимы; но они появляются случайно и всегда сильнѣе, старше, умнѣе своего времени. Но только великія эпохи,—конецъ ихъ знаетъ такихъ людей“ [3]). Такое время настанетъ для человѣчества, когда оно, отказавшись отъ своихъ настоящихъ понятій и учрежденій, возвратится къ природѣ, естественной жизни человѣка съ свободной, плодотворной игрой всѣхъ его силъ и инстинктовъ [4]). Таково пониманіе прогресса у Нитцше, который не допускаетъ мысли объ его возможности при господствѣ въ европейскомъ обществѣ христіанской религіи и морали, такъ противоположныхъ всѣмъ идеаламъ Нитцше: христіанство возстаетъ противъ всякихъ привиллегій, оно—евангеліе бѣдныхъ, угнетенныхъ, безсмертная религія любви [5]). Величіе прогресса соразмѣряется, по мнѣнію Нитцше, съ количествомъ того, что жертвуется для него. Поэтому онъ называетъ прогрессомъ, если все человѣчество будетъ принесено въ жертву для того, чтобы появился одинъ сильный духомъ и тѣломъ человѣкъ [6]). Но пока станетъ возможнымъ его появленіе, каждый больной объявляется Нитцше паразитомъ общества, котораго врачи не должны лѣчить. Каждый пусть имѣетъ мужество гордо жить, пока это возможно, и также гордо, свободно и радостно умереть въ присутствіи дѣтей и постороннихъ свидѣтелей въ сознаніи, что онъ достигъ того, что могъ, умираетъ въ надлежащее время, послѣ испытан-

---

[1]) Ibidem, 92 s.
[2]) Genealogie d. Moral, 53 s.
[3]) Götzendämmerung, 96—97 s.
[4]) Ibidem, 101—102 s.
[5]) Ibidem, 47 s.
[6]) Genealogie der Moral, 86—87 s.

ной борьбы за свое существованіе. Свободный въ своей жизни, человѣкъ долженъ быть свободенъ и въ своей смерти [1]).

V.

Мы познакомились съ общимъ характеромъ философскихъ, нравственныхъ и всѣхъ соціальныхъ воззрѣній графа Толстого и Ф. Нитцше, такъ рѣзко различающихся во взглядахъ на задачи жизни человѣка и высшіе идеалы всей будущей цивилизаціи общества. Возникаетъ естественно вопросъ, какъ могли появиться въ наше время двѣ эти моральныхъ системы, совершенно противоположныя другъ другу и, что еще болѣе удивительно, какъ каждая изъ нихъ нашла въ обществѣ массу горячихъ сторонниковъ—въ тоже время противниковъ другой? Уже одинъ рѣзкій контрастъ нравственныхъ взглядовъ Толстого и Нитцше наводитъ на мысль, что европейское общество конца XIX вѣка переживаетъ какой-то особенный, критическій періодъ своей жизни, когда людей не удовлетворяютъ тѣ культурныя ея формы, въ которыхъ они живутъ въ настоящее время. А между тѣмъ, эта общественная жизнь Европы такъ богата всякаго рода благами, духовными и матеріальными, что ими можетъ быть удовлетворенъ самый изысканный вкусъ любого европейца! Всѣ эти блага достались обществу не даромъ, цѣною вѣковаго, непрестаннаго труда, который въ XIX ст. подъ вліяніемъ необыкновеннаго успѣха въ развитіи естественныхъ наукъ принялъ самыя разнообразныя формы. Не отстало отъ матеріальнаго прогресса развитіе въ современной Европѣ науки, разныхъ формъ искусства, общественныхъ и политическихъ учрежденій. Умъ человѣка поднялся на необыкновенную высоту въ своихъ вѣчныхъ поискахъ за истиной. Ему сдѣлались

---

[1]) Götzendämmerung, 83—84 s., Also sprach Zarathustra, 101—104 s.

доступны тайны мірозданія, бывшія для человѣчества загадкой цѣлые десятки столѣтій. Въ произведеніяхъ искусства въ XIX ст. европейское общество владѣетъ неисчерпаемымъ источникомъ благородныхъ чувствъ и возвышенныхъ стремленій къ идеаламъ правды, добра и красоты. Вся современная общественная жизнь предоставляетъ человѣку самый широкій просторъ въ развитіи всѣхъ силъ его природы, даетъ ему всѣ средства для достиженія самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ цѣлей. Но такое, повидимому, совершенно здоровое и жизнерадостное существо, каковъ современный европеецъ, не радуютъ, окружающія его, блестящія формы общественной жизни, въ которой онъ принимаетъ самъ такое видное, дѣятельное участіе. Его начинаетъ утомлять вѣчная работа надъ накопленіемъ матеріальныхъ благъ, неустанная погоня за ними, которая не сопровождается справедливымъ, равномѣрнымъ участіемъ въ нихъ всѣхъ людей. Въ современномъ человѣкѣ поднимается и все болѣе и болѣе заявляетъ о себѣ чувство полной неудовлетворенности окружающимъ его общественнымъ бытомъ, такъ далекимъ отъ идеаловъ равенства и свободы, провозглашенныхъ въ качествѣ основаній общественнаго быта еще сто лѣтъ тому назадъ. Все текущее столѣтіе прошло въ неудачныхъ, безплодныхъ попыткахъ провести въ жизнь эту идею о равной свободѣ всѣхъ людей, какъ необходимое условіе для достиженія разнообразныхъ, жизненныхъ ихъ цѣлей. Вмѣсто ожидаемаго примиренія на этой общей почвѣ интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ Европа присутствуетъ предъ картиной все болѣе и болѣе обостряющихся отношеній между представителями капитала и труда, заставляющихъ многихъ ученыхъ и политиковъ искать спасенія въ однихъ только экономическихъ реформахъ, которыя не въ состояніи, однако, оправдать возлагаемыя на нихъ надежды. Политическія бури первой половины XIX ст. смѣнились во вторую его половину грознымъ

соціальнымъ вопросомъ, трудно разрѣшимымъ при современныхъ условіяхъ общественной жизни. Каждый дальнѣйшій шагъ въ дѣятельности общества открываетъ предъ нимъ въ перспективѣ сильно и неудержимо надвигающіеся на него разнаго рода жизненные вопросы, требующіе скораго и настоятельнаго разрѣшенія. Всѣ они для современнаго человѣка обобщаются въ одинъ общій, роковой для него, вопросъ о томъ, къ чему онъ долженъ стремиться въ своей дѣятельности, которая сплошь и рядомъ оказывается ничтожной, безплодной для примиренія идеальнаго представленія о человѣкѣ въ смыслѣ ученія о нравственности христіанства и современной науки морали съ дѣйствительною жизнью, борьбой въ ней разнообразныхъ, противоположныхъ интересовъ? Мыслящій человѣкъ нашей эпохи жадно прислушивается къ мнѣніямъ авторитетныхъ людей, предлагающихъ ему то или другое разрѣшеніе волнующаго его вопроса, и чѣмъ ни рѣзче расходятся, рекомендуемыя ему, новыя формы общественной жизни съ современными, тѣмъ бо́льшее вниманіе онъ обращаетъ на нихъ въ надеждѣ *разомъ* покончить со всѣми своими сомнѣніями и увидать на дѣлѣ исполненіе своихъ страстныхъ упованій на общее благосостояніе и счастье. Несомнѣнно также, что вниманіе современнаго европейскаго общества къ взглядамъ Толстого и Нитцше вытекаетъ еще изъ того обстоятельства, что эти два философа-моралиста придерживаются совершенно различныхъ, противоположныхъ міровоззрѣній. Одинъ (Толстой) проповѣдуетъ альтруистическую мораль, мечтаетъ о торжествѣ христіанской заповѣди о любви къ ближнему, о побѣдѣ надъ всѣми, противорѣчащими ей, понятіями и учрежденіями. Другой (Нитцше) отрицаетъ и эту мораль самопожертвованія, и всѣ, основанныя на ней, понятія и учрежденія современнаго общества, оправдываетъ въ тѣхъ и другихъ всѣ отступленія въ сторону развитія языческаго, эгоистическаго начала и надѣется на

побѣду его въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ надъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Отсюда понятно, почему одна часть современнаго общества, вѣрящая въ настоящія религіозно-нравственныя воззрѣнія и убѣжденная въ ихъ превосходствѣ и неминуемомъ осуществленіи въ будущемъ, примыкаетъ къ симпатичнымъ ей взглядамъ гр. Толстого. Всѣ же люди, нераздѣляющіе этихъ оптимистическихъ воззрѣній, сами съ наклонностями, привычками въ духѣ идей Нитцше и увѣренные при видѣ многочисленныхъ фактовъ изъ современной общественной жизни въ необходимомъ преобладаніи себялюбивыхъ стремленій человѣка надъ альтруистическими его наклонностями, такіе люди естественно склоняются въ сторону рѣзкой критики всего современнаго быта и самостоятельныхъ понятій и соціальныхъ плановъ Нитцше, такъ оригинальныхъ по своему содержанію и особенно формѣ. Такъ можно объяснить тотъ фактъ, какимъ образомъ при однихъ и тѣхъ же условіяхъ жизни общества возникли, такъ сильно различающіяся другъ отъ друга, нравственныя воззрѣнія гр. Толстого и Ф. Нитцше и почему имена и взгляды обоихъ этихъ писателей-моралистовъ сдѣлались необыкновенно популярными.

Общность соціальныхъ условій, при которыхъ возникли моральныя системы Толстого и Нитцше, отразилась на многихъ *сходныхъ* чертахъ ихъ нравственнаго міровоззрѣнія. И Толстой, и Нитцше одинаково задались цѣлью пересмотрѣть весь запасъ нравственныхъ понятій, въ которыхъ европейское общество напрасно ищетъ источника исцѣленій отъ одолѣвающихъ его всякаго рода бѣдствій. Въ лицѣ обоихъ этихъ писателей воплощается пытливый, одолѣваемый сомнѣніями, вѣчно ищущій истины умъ европейца конца XIX ст., который сознаетъ всю необходимость выдти изъ лабиринта, бросающихся въ глаза, противорѣчій въ общественной жизни между нравственными и соціальными его идеалами и дѣй-

ствительными въ ней порядками. На эти противорѣчія наводятъ Толстого и Нитцше ихъ первоначальныя литературныя занятія, дѣятельность въ области искусства, въ произведеніяхъ котораго всегда отражается вся жизнь съ ея лучшими и худшими сторонами. Но Толстой и Нитцше скоро замѣтили, что искусство не можетъ дать отвѣта на тѣ важнѣйшіе вопросы жизни, на которыхъ оба они остановили свое вниманіе. Поэтому и тотъ, и другой обращаются за отысканіемъ фундамента для предполагаемаго ими зданія новой морали и созданія ея самой къ философіи, издавна занимавшейся изученіемъ вѣчныхъ загадокъ человѣческой и міровой жизни. Изъ всѣхъ многочисленныхъ философовъ XIX ст. наши писатели-моралисты избрали себѣ въ учителя Шопенгауэра, во взглядахъ котораго отразились ярко всѣ особенности общественной жизни Запада въ XIX ст. Каждый изъ нихъ взялъ наиболѣе важную на его взглядъ сторону въ общемъ ученіи Шопенгауэра и съ его помощью предпринялъ работу рѣшительной и безпощадной критики всѣхъ понятій и учрежденій европейскаго общества, начиная съ религіозныхъ. И Толстой, и Нитцше отрицательно относятся къ современному пониманію христіанства, оба отвергаютъ сверхестественный элементъ въ религіи, признавая въ тоже время общественное значеніе христіанства, какъ необходимаго и драгоцѣннаго средства для удовлетворенія потребности массы въ жизненномъ идеалѣ. Вмѣсто, отвергнутой ими, религіи европейскаго общества каждый изъ нихъ создаетъ теперь свою особенную религію, связанную съ представленіемъ объ улучшеніи только земной жизни людей, ихъ благосостояніи, счастьи. Порицанію обоихъ философовъ подвергаются и современная наука, искусство, семейная жизнь, юридическія и политическія учрежденія. И Толстой, и Нитцше указываютъ на безпрерывныя колебанія, шаткость современныхъ понятій о добрѣ и злѣ, какъ источникъ цѣлаго ряда ненормальныхъ явле-

ній, тяжелаго положенія отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ классовъ. Оба они недовольны состояніемъ современной науки и искусства и взглядами общества на женщину, его заботами объ ея духовномъ развитіи и самостоятельности въ обществѣ. И Толстой, и Нитцше признаютъ за правомъ и государствомъ только значеніе историческихъ учрежденій, которыя въ, проэктируемомъ ими, будущемъ обществѣ будутъ излишними. И тотъ, и другой--философы дѣйствительности, на изученіи которой каждый изъ нихъ строитъ собственное міровоззрѣніе на сущность жизни, какъ безпрерывное движеніе къ совершенству. Толстой вмѣстѣ съ Нитцше вѣритъ въ прогрессъ человѣческаго рода, но идеалъ его будущаго различенъ, даже противоположенъ у каждаго изъ нихъ. Оба они одинаково выставляютъ на видъ контрастъ между древней и новой культурой европейскаго общества, причемъ симпатіи Нитцше всецѣло на сторонѣ античной цивилизаціи (Грековъ и Римлянъ), а гр. Толстой мечтаетъ о возвращеніи людей къ начальной эпохѣ европейской культуры, первымъ вѣкамъ христіанства. Но въ вопросѣ о томъ, *какъ* должна быть устроена вся жизнь европейскаго общества въ недалекомъ будущемъ, какія должны быть произведены въ ней измѣненія, наши моралисты совершенно расходятся.

Существенное *различіе* между Толстымъ и Нитцше въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что первый кладетъ въ основу своей морали христіанское ученіе, хотя и своеобразно имъ понятое. Нитцше же открываетъ походъ противъ христіанства и его морали, противопоставляя ему свою мораль античнаго образца. Толстой громитъ современное общество за весь языческій порядокъ его жизни. Нитцше нападаетъ на него за то, что въ жизни европейскаго общества привилась христіанская мораль смиренія, терпѣнія, состраданія и самоотверженія,—добродѣтелей, чуждыхъ любимому Нитцше языческому міру. Толстой и Нитцше предлагаютъ

европейскому обществу двѣ разныхъ дороги: первый призываетъ его идти впередъ по пути безпрерывно развивающагося самоотверженія, совершеннаго отказа отъ личнаго счастья, всѣхъ благъ современной культуры, отвращающихъ человѣка отъ достиженія этого высшаго нравственнаго идеала. Второй увѣряетъ, что общество можетъ сохранить всю существующую культуру, но только изгнавши изъ нея этотъ христіанскій идеалъ самоотверженія, который мѣшаетъ созданію общественнаго строя, гдѣ могли бы найти мѣсто всѣ проявленія человѣческихъ влеченій, страстей, самое широкое развитіе всѣхъ силъ природы человѣка. Для графа Толстого вся жизнь современнаго общества съ ея наукой, искусствомъ, семейной жизнью, юридическими и политическими порядками—только тормазъ для примѣненія христіанскаго идеала любви къ ближнему: вся она, по словамъ Толстого, основана на насиліи, которое противорѣчитъ истинному пониманію христіанскаго ученія. Наоборотъ, Нитцше оставляетъ въ современной жизни все, что изгоняетъ изъ нея Толстой, но съ условіемъ, чтобы всѣ общественныя учрежденія были полезны только сильнымъ духомъ и тѣломъ, отдѣльнымъ личностямъ, но не всей народной массѣ въ томъ или другомъ государствѣ. Съ ея именемъ у Нитцше связывается неразрывно представленіе о толпѣ жалкихъ, ничтожныхъ, больныхъ и несчастныхъ людей, какомъ-то лишнемъ хламѣ, ненужномъ балластѣ въ современной жизни, который только препятствуетъ появленію въ ней лучшихъ экземпляровъ человѣческой природы. Но могущественный, сильный народъ долженъ господствовать надъ слабымъ. Толстой готовъ сохранить въ своемъ проэктируемомъ обществѣ *науку и искусство*, которыя должны перестать служить интересамъ однихъ только праздныхъ и богатыхъ людей, какъ теперь, и помогать всему народу въ улучшеніи всѣхъ условій матеріальной и духовной его жизни. Нитцше осуждаетъ науку и искусство

какъ разъ за то, что они много еще думаютъ объ этомъ народѣ, и предлагаетъ представителямъ науки и искусства позаботиться только объ интересахъ и удовольствіяхъ сильныхъ и богатыхъ людей и народовъ. Толстой считаетъ современную *музыку* за средство развитія чувственности въ богатыхъ и праздныхъ людяхъ и поэтому изгоняетъ ее изъ жизни. Нитцше музыка какъ разъ пріятна тѣмъ, что она поощряетъ эту чувственность въ людяхъ съ развитыми инстинктами и страстями. Его Заратустра постоянно танцуетъ и поетъ пѣсни, гдѣ восхваляется эта здоровая чувственность, незнающая никакихъ предѣловъ и ограниченій, кромѣ потребности къ удовлетворенію влеченій физической природы человѣка. Нитцше только противъ такого рода музыкальныхъ произведеній, въ которыхъ слышатся голоса съ невѣдомой, загробной стороны, отражаются идеальныя представленія о ней художниковъ (аполлоновское искусство). Красота, изящество, пластичность образовъ искусства должна носить чувственный характеръ, „обѣщать счастье человѣку“ (діонисіевское искусство). Предъ взорами Толстого постоянно стоитъ его идеалъ нравственнаго усовершенствованія личности, ради котораго онъ готовъ пожертвовать всѣми удобствами современной городской жизни, которая только развращаетъ людей, совѣтуетъ всѣмъ переселяться въ деревню и вступать здѣсь въ непосредственное, любовное общеніе съ простымъ народомъ—воплощеніемъ всевозможныхъ добродѣтелей. Нитцше ужасаетъ одна мысль о возможности разрушенія современной городской цивилизаціи и возвращенія людей къ примитивному, сельскому быту, смѣшеніи въ безразличную массу сильныхъ съ слабыми, лучшихъ съ худшими. Толстой страстно полемизируетъ противъ войны, изображаетъ въ художественныхъ образахъ всѣ тяжелыя ея послѣдствія для жизни людей. Для Нитцше же война—удѣлъ храбрыхъ и сильныхъ мужчинъ, которые должны бороться съ слабыми и покорить ихъ себѣ. Толстой предназначаетъ

семью для тихой, наполненной личными привязанностями жизни, гдѣ женщина могла бы выполнить съ успѣхомъ свою естественную роль матери и воспитательницы своимъ дѣтей. Нитцше думаетъ не о мирной, идиллической жизни людей, а о войнѣ сильныхъ съ слабыми даже въ семьѣ, гдѣ сильный— мужчина долженъ подчинить себѣ слабую женщину, заставляя ее отказаться отъ мысли о равенствѣ съ мужчиной и оставляя только одну мечту сдѣлаться со временемъ матерью „сверхчеловѣка". Поэтому Нитцше не осуждаетъ человѣчество на неизбѣжную гибель, какъ это дѣлаетъ Толстой, а предсказываетъ впереди блестящую будущность поколѣнію сильныхъ, мужественныхъ человѣческихъ личностей. Съ этою цѣлью браки у Нитцше заключаются для поощренія чувственныхъ наклонностей въ людяхъ, которыя Толстой старается искоренить въ нихъ всѣми мѣрами въ виду нравственнаго ихъ совершенствованія. Наконецъ, для Толстого право и государство—учрежденія, возникшія изъ преобладанія сильныхъ надъ слабыми, постоянно поддерживали и теперь служатъ только богатымъ и поэтому подлежатъ упраздненію въ идиллическомъ „Царствѣ Божіемъ", которое осуществится тогда на землѣ. Нитцше признаетъ такое же происхожденіе права и государства, какъ и Толстой, но затѣмъ мирится съ ними и поручаетъ имъ миссію помогать развитію новой аристократіи, сильныхъ личностей и появленію въ будущемъ ихъ типа—„сверхчеловѣка". Вся мораль Нитцше проникнута стремленіемъ развить всю человѣческую личность со всѣми ея потребностями до крайнихъ предѣловъ этого развитія; все нравственное міровоззрѣніе Толстого исходитъ изъ его убѣжденія, что отдѣльный человѣкъ долженъ направить всѣ свои усилія на нравственное усовершенствованіе своей личности, долженъ пожертвовать всѣмъ благу общества, народа.

Таковъ рѣзкій контрастъ морально-общественныхъ идеаловъ графа Толстого и Ф. Нитцше, изъ которыхъ каждый

съ своей точки зрѣнія жестоко нападаетъ на всю жизнь современнаго общества. Очевидно, что взятая въ отдѣльности критика Толстого или Нитцше не страшна обществу, которое видитъ въ ней только одностороннее, доходящее до крайняго преувеличенія, развитіе основныхъ взглядовъ того и другаго писателя. Каждый легко усмотритъ въ воззрѣніяхъ Толстого и Нитцше противопоставленіе двухъ противоположныхъ, морально-общественныхъ идеаловъ и, сочувствуя обоимъ моралистамъ въ ихъ обличеніяхъ современнаго общества въ разныхъ недостаткахъ, въ тоже время не можетъ согласиться цѣликомъ съ тѣмъ или другимъ философомъ-моралистомъ. Такъ всякій сознаетъ справедливость упрековъ Толстого и Нитцше въ формальномъ лицемѣрномъ отношеніи большинства людей къ христіанскимъ обязанностямъ, равнодушномъ, только механическомъ выполненіи почти всѣми религіозныхъ обрядовъ, въ которомъ отсутствуетъ истинно религіозное чувство. Всѣ мы знаемъ, какъ эта, умерщвляющая всякій искренній, живой порывъ къ добру, религіозная обрядность парализуетъ часто выполненіе великихъ, безсмертныхъ нравственныхъ завѣтовъ Основателя христіанской религіи. Намъ также симпатично требованіе Толстого отъ всѣхъ христіанъ, чтобы они стремились къ нравственному совершенствованію, а не подчинялись своимъ страстямъ, не заботились исключительно о развитіи чувственныхъ наклонностей своей природы. Но мы не можемъ согласиться съ Толстымъ, что христіанская мораль, понятая имъ противно христіанской религіи, должна остаться безъ всякаго фундамента, безъ догматическаго ученія, сохраняющагося въ церкви, что христіанскую вѣру въ Бога, какъ Высшее живое и личное Существо, можно замѣнить представленіемъ о какомъ-то безличномъ, мертвомъ, міровомъ разумѣ, который и не можетъ поэтому дать людямъ живой законъ любви. Тѣмъ болѣе намъ кажется противорѣчащею здравому смыслу,

указаніямъ исторіи, всему складу жизни европейскаго общества и нашему личному сознанію мысль Нитцше, что христіанская религія должна быть изгнана изъ общества, гдѣ она будто бы мѣшаетъ появленію сильныхъ личностей своими заботами о благѣ слабыхъ. Религіозныя представленія о Божествѣ, и отношеніи къ Нему міра и человѣка не имѣютъ ничего общаго съ, возникающими въ узкой области имущественной жизни человѣка, отношеніями кредитора къ должнику. Появленіе такого рода юридическихъ отношеній—фактъ уже развитаго общественнаго быта,—неизвѣстно примитивной жизни людей, которыя, однако, уже имѣютъ извѣстныя религіозныя представленія. Культъ предковъ произошелъ изъ почитанія дикарями, а затѣмъ жителями древнихъ, историческихъ государствъ (восточныхъ, греческихъ и римскаго) умершихъ предковъ, пользовавшихся при своей жизни особымъ уваженіемъ за высокія, духовныя и тѣлесныя, качества. Культъ мертвыхъ, выразившійся въ принесеніи жертвъ на ихъ могилахъ родственниками умершихъ и вѣрованіи древнихъ въ вліяніе ихъ на судьбу живыхъ,—одна изъ древнихъ религій, отличная по своему основному характеру отъ антропоморфизма—обожествленія древними греками и римлянами разныхъ, хорошихъ и дурныхъ, свойствъ и качествъ человѣческой природы. Если мы къ этимъ двумъ древнимъ религіямъ (культу предковъ и антропоморфизму) присоединимъ еще болѣе распространенную въ древности религію физической природы, которая состояла въ обожествленіи разныхъ силъ природы, то этотъ фактъ исконнаго существованія и разнообразія религій служитъ лучшимъ доказательствомъ глубокой потребности человѣка въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, которая не исчезаетъ и впослѣдствіи съ развитіемъ цивилизаціи общества, а, наоборотъ, принимаетъ здѣсь болѣе возвышенную форму. Уже въ первобытныхъ религіяхъ замѣтно присутствіе сверхестественнаго элемента, вѣрованіе въ живое, личное Бо-

жество, которое Само открываетъ о себѣ человѣку. Такой характеръ откровенія имѣли, напримѣръ, восточныя религіи. Человѣкъ представляетъ обыкновенно всю свою жизнь въ зависимости отъ Высшей Силы, съ Которой онъ находится въ постоянномъ общеніи и отъ Которой исходятъ предписанія, одобренія или порицанія его поведенія. Нарушеніе религіозныхъ предписаній влечетъ за собою представленіе о *грѣхѣ* и обязанности примиренія съ Богомъ, умиротворенія своей совѣсти посредствомъ молитвъ, религіозно-нравственныхъ подвиговъ, жертвъ.

Всѣ эти общія черты религіи (вѣра въ общеніе человѣка съ живымъ, личнымъ Божествомъ, сверхестественное откровеніе—догматическое ученіе о Богѣ—и освященіе имъ человѣческаго поведенія) находятся во всѣхъ міровыхъ религіяхъ, начиная съ религій всѣхъ первобытныхъ обществъ. Дикари населяютъ божествами, духами, привидѣніями небо, воздухъ, воду, всѣ окружающіе ихъ предметы, надѣляютъ одушевляемые ими предметы своими собственными качествами и въ своемъ поведеніи сообразуются съ воображаемой волей боговъ, которую истолковываютъ жрецы. Всѣ божества восточныхъ народовъ, какъ и древнихъ грековъ и римлянъ, были высшія существа, личныя божества, оставившія послѣ себя откровенія своимъ почитателямъ (Будда у индусовъ, Зороастръ у персовъ, Озирисъ и Изида у египтянъ, Конфуцій у Китайцевъ, Зевесъ у грековъ, Юпитеръ у римлянъ). Тотъ же характеръ личнаго отношенія человѣка къ Высшему Существу, личному, живому Богу представляетъ собою христіанская религія съ ея возвышеннымъ откровеніемъ о Божествѣ (догматическимъ ученіемъ) и высшею моралью, санкціонированною вѣрой въ Бога, какъ высшаго Судью и Мздовоздаятеля. Даже позитивистъ О. Контъ, отрицавшій весь сверхестественный элементъ въ религіи, требовалъ отъ своихъ послѣдователей почитанія „Человѣчества“, какъ высшаго, живаго су-

щества, способнаго внять обращеннымъ къ нему молитвамъ при богослуженіи. Въ теченіе всей исторіи человѣчества мы встрѣчаемся съ жертвами Богу, сначала кровавыми (людьми, животными), потомъ денежными: въ нихъ выражалось всегда сознаніе грѣховности, желаніе примиренія съ оскорбленнымъ божествомъ и моленіе о защитѣ въ безпомощномъ состояніи человѣка и обезпеченіи ему всякаго рода благъ, счастья на землѣ. Отсюда вытекаетъ потребность въ богослуженіи, религіозныхъ обрядахъ, которые существуютъ во всѣхъ религіяхъ. Необходимымъ посредникомъ между Богомъ и людьми является особый классъ лицъ—жрецы, духовенство, пользовавшееся въ древнихъ государствахъ, особенно на Востокѣ, громаднымъ вліяніемъ на всю общественную жизнь. Поэтому-то Нитцше такъ сильно нападаетъ на древнія жреческія касты съ ихъ моралью воздержанія отъ проявленія инстинктовъ человѣческой природы, за господство которыхъ въ жизни человѣка такъ ратуетъ Нитцше. Во всей древности господствовалъ, восхваляемый имъ всѣми способами, культъ сильныхъ личностей и народовъ, царствовала, желанная Нитцше, аристократія въ смыслѣ деспотическаго господства надъ массою отдѣльныхъ знатныхъ и могущественныхъ лицъ, родовъ, племенъ и народовъ. Отъ грубаго произвола, жестокаго эксплоатированія населенія всѣми этими экземплярами сильныхъ личностей во вкусѣ Нитцше массы народа стонали цѣлые вѣка, страдали и погибали въ безпощадной борьбѣ за существованіе, на которую ихъ обрекало рабское подчиненіе повелителямъ разныхъ именъ и положенія. „Раса хищныхъ, бѣлокурыхъ звѣрей“ находила наслажденіе въ „бѣшеной, нелѣпой, внезапной страсти къ разрушенію и жестокости, разнузданности своихъ дикихъ инстинктовъ“. Неизвѣстно, до какихъ предѣловъ дошла бы эта разнузданность, жестокость и совершенное презрѣніе знатныхъ и сильныхъ людей къ интересамъ массы и ея стремленіямъ. Исторія только говоритъ намъ, что христіанство появилось

въ такой моментъ въ жизни человѣчества, когда въ римской имперіи господствовали подобныя сильныя личности, нестѣснявшіяся въ проявленіи своихъ грубыхъ, животныхъ влеченій, когда громадныя массы рабовъ служили прихотямъ гордыхъ и высокомѣрныхъ римскихъ гражданъ, напоминавшихъ собою „сверхчеловѣка“ Нитцше своимъ полнымъ пренебреженіемъ къ участи несчастныхъ рабовъ и служеніемъ культу плоти, своимъ страстямъ. Древнему обществу грозило полное разрушеніе и паденіе и оно было спасено только христіанствомъ, возвѣстившимъ для громадныхъ массъ рабовъ начала братства, равенства всѣхъ предъ Богомъ. Вмѣсто себялюбиваго преслѣдованія людьми своихъ цѣлей христіанство поставило основаніемъ взаимныхъ отношеній людей любовь къ ближнему, которая цѣлые вѣка, медленно проникала въ жизнь людей, пока въ послѣднее столѣтіе не сдѣлалась главнымъ источникомъ прогресса въ европейскомъ обществѣ. Всѣ важнѣйшія реформы въ немъ на пользу народныхъ массъ, совершенныя за это время, могутъ быть объяснены лишь громаднымъ запасомъ въ обществѣ альтруистическихъ чувствъ, въ которомъ значительная доля принадлежитъ христіанской любви къ ближнему. Безъ нея трудно понять, почему наиболѣе сильные и богатые общественные классы поступаются своими правами и привиллегированнымъ положеніемъ въ обществѣ въ пользу низшихъ классовъ народа, охотно идутъ на встрѣчу ихъ стремленіямъ къ развитію своего матеріальнаго благосостоянія и пріобрѣтенію гражданскихъ и политическихъ правъ, равныхъ съ правами высшихъ классовъ [1]). Независимо отъ различія общественныхъ классовъ, христіанство допускаетъ семейную жизнь со всѣми ея идеалами, а также и жизнь человѣка въ обществѣ и государствѣ.

---

[1]) Блестящія доказательства всего важнаго вліянія христіанства на ходъ европейской цивилизаціи см. въ книгѣ *Бенжамена Кида:* „Соціальная эволюція“. Изданіе Поповой. Спб. 1897.

Христіанство же, чего не хочетъ признать Нитцше, возвысило вообще человѣческую личность, внушаетъ ей сознаніе о высокихъ, нравственныхъ задачахъ человѣческой жизни, ради осуществленія которыхъ люди сдерживаютъ себя въ проявленіи чувственности, развитіи эгоистической наклонности своей природы. Нравственное ученіе христіанства, недостаточное примѣненіе котораго одна изъ главныхъ причинъ разнообразныхъ бѣдствій въ современной общественной жизни, христіанская мораль находится въ неразрывной связи съ христіанскимъ догматическимъ ученіемъ о Богѣ. Этотъ фактъ связи догмы съ моралью наблюдается одинаково во всѣхъ религіяхъ. Такъ примитивная религія—обоготвореніе силъ природы и человѣка; первобытная мораль—освященіе господства въ жизни людей грубыхъ, животныхъ стремленій, ихъ инстинктовъ, мораль Нитцше, способная возвратить людей къ эпохѣ варварства, давно пережитой ими, но едва ли заставить ихъ мечтать о страстно ожидаемомъ Нитцше царствѣ „сверхчеловѣка". Религія буддистовъ, наиболѣе распространенная и теперь въ Азіи, заключается въ вѣрѣ въ безпредѣльную пустоту, совершенное небытіе (Нирвану), ничтожество всего міра. Отсюда мораль буддизма состоитъ въ полномъ отреченіи отъ міра и его интересовъ, заглушеніи всѣхъ желаній и стремленій, въ вѣрѣ въ *Карму*—неизбѣжныя послѣдствія нашего образа дѣятельности въ прошлой и настоящей жизни [1]). Въ христіанствѣ Богъ—высшій образецъ, идеалъ духовнаго совершенства для людей; христіанская мораль—любовь къ Богу и ближнимъ, въ которой выражается стремленіе людей приблизиться къ этому идеалу. Христіанская мораль проповѣдуетъ не паденіе жизни, а ея высшее, нравственное возрожденіе; она даетъ людямъ типъ крѣпкой

---

[1]) См., переведенную Толстымъ, буддійскую сказку „Карма" въ 14 т. его сочиненій.

нравственными силами и развитіемъ человѣческой личности, совершенно неизвѣстный древнему, языческому міру. Нитцше, для котораго понятіе морали сливается съ представленіемъ о господствѣ въ жизни человѣка однихъ грубыхъ, животныхъ влеченій человѣческой природы, не знаетъ нравственной свободы человѣка, которая заключается въ его независимости отъ рабскаго подчиненія этимъ инстинктамъ и самостоятельности въ преслѣдованіи нравственныхъ идеаловъ, духовнаго совершенствованія личности. Нитцше, очевидно, не имѣетъ понятія о сущности морали, когда онъ приписываетъ ей принудительный характеръ, который отсутствуетъ въ истинной морали, обыкновенно сопровождаетъ проявленія въ обществѣ идеи права и дѣятельности государственной власти и свойственъ развѣ только „морали господъ", непривыкшихъ обращать вниманіе на какіе либо протесты подчиненныхъ имъ „рабовъ". Контрастъ между моралью господъ и рабовъ у Нитцше—пластическая картина противоположности между древнимъ и новымъ міромъ, въ которой, однако, первый представленъ въ искусственномъ, ложномъ освѣщеніи, а на послѣдній наложены слишкомъ густыя и мрачныя тѣни и краски. Древняя аристократія держала массу народа въ настоящемъ „рабскомъ" подчиненіи себѣ: послѣдняя была на самомъ дѣлѣ „стадомъ", предназначеннымъ служить прихотямъ и вкусамъ „господъ". Только эти всесильные и, незнающіе ни въ чемъ преграды своему произволу, господа считали себя обладателями міра и возводили всѣ проявленія своей необузданной чувственности (развратъ, властолюбіе, корыстолюбіе, месть и проч.) въ „добро". Все же, что стояло на пути къ удовлетворенію этихъ инстинктовъ „господъ", являлось въ ихъ глазахъ „зломъ". Далеко не всегда знатные, могущественные люди въ древности были вмѣстѣ съ тѣмъ „добрыми" въ смыслѣ духовнаго превосходства, которое чаще попадалось въ средѣ низшихъ, непривиллегированныхъ людей и даже настоящихъ рабовъ.

Съ появленіемъ христіанства измѣнился въ корнѣ взглядъ на то, что такое добро и зло, появилась истинная мораль, какъ идеалъ нравственнаго совершенствованія, стремленіе къ которому обязательно для *всѣхъ* людей. Теперь на первомъ планѣ стоятъ не нѣсколько отдѣльныхъ лицъ или отдѣльный классъ общества, интересамъ котораго обречена безповоротно служить вся народная масса, встрѣчающая за эту рабскую преданность одно только высокомѣрное презрѣніе и жестокое обхожденіе со стороны сильныхъ. Интересы всей массы, ранѣе гонимой, страдающей, и притомъ не одни матеріальные, но, главнымъ образомъ, интересы высшаго рода— духовное ея совершенство—развитіе во всѣхъ людяхъ чувства, идеи долга и нравственныхъ качествъ, такъ презираемыхъ Нитцше, милосердія, состраданія, любви къ ближнему—такова сущность новой, христіанской морали, сдѣлавшейся залогомъ возрожденія всей послѣдующей жизни людей, ихъ оживившихся надеждъ на возможное счастье на землѣ. Для достиженія этихъ высокихъ нравственныхъ задачъ оказались не менѣе, если только не болѣе нужными высокій и независимый разумъ и твердая, энергичная воля, которые Нитцше присвоиваетъ только своей „морали господъ". Осуществленіе нравственныхъ идеаловъ жизни человѣка требуетъ отъ него глубокаго ихъ пониманія и неуклоннаго, напряженнаго слѣдованія по разъ намѣченному пути: эти же качества человѣческой личности, очевидно, не совмѣстимы съ представленіемъ о *посредственности*, какъ нравственномъ идеалѣ современнаго европейскаго общества. Отсутствіе нравственныхъ идеаловъ въ человѣкѣ или же неустойчивое, случайное вниманіе къ задачамъ нравственной жизни происходитъ обыкновенно вслѣдствіе преобладанія въ человѣкѣ влеченій, страстей, забвенія о своемъ достоинствѣ, общемъ всѣмъ людямъ. Новая христіанская мораль считаетъ такую жизнь порочною, *злою*, потому что при ней человѣкъ возвра-

щается къ жизни животныхъ, отъ которой онъ ушелъ такъ далеко въ теченіе исторіи человѣчества, и забываетъ о высшихъ, духовныхъ задачахъ своей дѣятельности. Всякое уклоненіе отъ нравственныхъ идеаловъ чувствуется *совѣстью* человѣка, живымъ въ немъ голосомъ, направляющимъ на правильный путь личнаго совершенствованія и заставляющимъ сдерживать чрезмѣрное развитіе грубыхъ, животныхъ стремленій человѣческой природы. Мученія совѣсти являются у человѣка при отступленіи отъ нравственнаго закона, но не при пожертвованіи собою на пользу другихъ, которое доставляетъ человѣку чувство нравственнаго удовлетворенія, высшій родъ земного счастья. На почвѣ, такъ восхваляемой Нитцше, языческой „морали господъ" выросло одно презрѣніе къ человѣку, если только онъ не въ состояніи отомстить за насиліе надъ нимъ. Создался цѣлый *институтъ рабства*, опозорившій древнюю цивилизацію и продолжавшій не малое время тормозить своими остатками въ средніе вѣка развитіе христіанской цивилизаціи. Что рабъ былъ не человѣкъ, а только „одушевленное орудіе" въ хозяйственной жизни свободнаго человѣка—его господина, вещь, которую можно было употреблять на что угодно, это извѣстно всякому, кто интересовался жизнью древнихъ народовъ. Общеизвѣстны также и многочисленные примѣры жестокаго, безчеловѣчнаго обращенія съ рабами ихъ господъ, незнавшихъ границъ въ изобрѣтеніи мученій и казни, неугодившихъ имъ въ чемъ-либо, несчастныхъ рабовъ. Можно сказать словами самого же Нитцше, что античная мораль „нападала на корни самой жизни, природы человѣка" въ огромной массѣ зависимаго населенія для того, чтобы сохранить, правда, сильнѣйшіе, но ни сколько не лучшіе въ духовномъ отношеніи экземпляры отдѣльныхъ людей или общественныхъ классовъ и народовъ. Жизнь всѣхъ древнихъ народовъ, восточныхъ (индусовъ, персовъ, китайцевъ и др.) и древнихъ грековъ и римлянъ ха-

рактеризуется тѣмъ же постояннымъ господствомъ вражды, мести въ взаимныхъ сношеніяхъ государствъ и преобладаніемъ личныхъ, эгоистическихъ интересовъ могущественныхъ представителей власти или членовъ господствующихъ классовъ. Здѣсь царствовала таже „мораль господъ", забывавшихъ ради удовлетворенія своихъ личныхъ вкусовъ о благѣ массы людей, дѣйствительно угнетенныхъ и страдающихъ подъ невыносимымъ игомъ разнаго рода „господъ". Но ни религія, ни мораль въ древности не жалѣли этихъ несчастныхъ, лицъ и народовъ, обреченныхъ на погибель и погибавшихъ въ невыносимыхъ мученіяхъ отъ непосильныхъ трудовъ на пользу „хищныхъ звѣрей—знатныхъ и властныхъ господъ".

Новая мораль европейскаго общества спасаетъ, какъ замѣчаетъ и самъ Нитцше, всѣхъ людей одинаково отъ отчаянія при личныхъ несчастіяхъ, внушаетъ мужество при ихъ перенесеніи, даетъ людямъ истинный „миръ души", какъ залогъ истиннаго счастья на землѣ. Христіанская религія—религія любви, по сознанію Нитцше, предлагаетъ, по словамъ же Нитцше, могучее средство для смягченія человѣческихъ страданій—любовь къ ближнему, которая несовмѣстима съ местью, совершенно исключаетъ ее, какъ проявленіе грубой, животной природы человѣка, зло его жизни. Нравственные идеалы христіанства такъ высоки, а, нужныя для ихъ осуществленія, силы человѣка и его жизнь такъ ограничены, что представленіе о необходимости загробной жизни, гдѣ возможно это достиженіе, является неразлучнымъ съ понятіемъ христіанства, какъ и другихъ религій съ извѣстною высотою нравственныхъ воззрѣній (напр., въ буддизмѣ). Самъ Нитцше, такъ много думающій о земной жизни, невольно наталкивается на вопросъ о смыслѣ этой жизни человѣка, сознаетъ, что онъ не можетъ разрѣшить задачу своей земной жизни, которая такимъ образомъ должна продол-

жаться за гробомъ. Но изъ такого взгляда на земную жизнь нельзя заключить, какъ это дѣлаетъ Нитцше, что христіанство — религія аскетовъ, требующая совершеннаго отказа отъ земныхъ радостей, полнаго отреченія отъ всѣхъ благъ: оно только указываетъ человѣку высшій, нравственный идеалъ его жизни и предостерегаетъ его отъ излишняго увлеченія земными, преходящими благами, которое тормозитъ нравственное усовершенствованіе личности. Достижимый только нѣкоторыми единичными личностями, аскетическій идеалъ нравственнаго совершенства не обязателенъ для всѣхъ христіанъ, которые должны заботиться лишь о томъ, чтобы измѣнчивые, случайные интересы земной жизни не отвлекали ихъ отъ стремленія къ вѣчному и постоянному благу — высшему добру и правдѣ. Нитцше правъ, когда онъ утверждаетъ, что смыслъ античной цивилизаціи въ особенномъ развитіи культа тѣла, животной стороны природы человѣка, а существенная черта новой цивилизаціи — развитіе духовной части его натуры въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Но за этой духовной стороной признано людьми высшее значеніе въ новое время; ея развитію новые европейскіе народы обязаны сильнымъ подъемомъ своего матеріальнаго благосостоянія, которое въ равной мѣрѣ дѣлается все болѣе и болѣе доступнымъ всѣмъ классамъ общества по мѣрѣ поднятія уровня ихъ нравственнаго и умственнаго развитія и послѣдующаго, неминуемаго пріобщенія ихъ къ благамъ цивилизаціи. Въ духовной жизни новаго европейскаго общества на первомъ планѣ стоитъ нравственный, альтруистическій идеалъ, приближеніе къ которому представляется людямъ необходимымъ условіемъ личнаго счастья, высшаго совершенства всѣхъ духовныхъ силъ человѣческой личности.

Толстой не отрицаетъ такъ рѣшительно, какъ Нитцше, христіанскую религію вмѣстѣ съ ея моралью. Онъ даже называетъ изложеніе своихъ нравственныхъ воззрѣній „своей

религіей", которая, однако, не имѣетъ ничего общаго ни съ религіей вообще, ни тѣмъ болѣе съ христіанствомъ. Въ „религіи" Толстого нѣтъ догматическаго (откровеннаго) ученія о Богѣ, причинѣ происхожденіи міра и положенія въ немъ человѣка. Не находимъ мы въ его „религіи" санкціи человѣческаго поведенія, религіознато освященія, обязанности выполнить нравственное ученіе Толстого. Все оно вмѣстѣ съ „его заповѣдями" оказывается шаткимъ, произвольнымъ, такъ что трудно повѣрить, чтобы нашлись люди, ожидающіе отъ случайнаго примѣненія морали Толстого въ какомъ либо мѣстѣ отдѣльными лицами водворенія общаго райскаго благополучія на землѣ, какъ на это, повидимому, надѣется самъ Толстой. Онъ отвергаетъ также и, необходимую во всякой религіи, обрядовую сторону вмѣстѣ съ неизбѣжными представителями религіи въ обществѣ, посредниками между людьми и Божествомъ—духовенствомъ. „Религія" гр. Толстого далека отъ христіанства: онъ отвергаетъ христіанское ученіе, какъ божественное откровеніе о Богѣ, объ І. Христѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, всю догматическую сторону (Никейскій символъ вѣры), а также и обрядовую—необходимость богослуженія. Толстой выбрасываетъ также изъ своей „религіи" ученіе о церкви, какъ хранительницѣ истиннаго пониманія христіанскаго ученія, чудеса, таинства. Путемъ совершенно произвольнаго толкованія Свящ. писанія Толстой доходитъ до такого взгляда, что ученіе І. Христа есть не болѣе, какъ „пониманіе жизни", изъясненіе того, что весь смыслъ ея состоитъ въ обезпеченіи человѣку его матеріальнаго благосостоянія посредствомъ исполненія „заповѣдей" Толстого, особенно же главной между ними—заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ. Однако, мораль Толстого взята имъ не изъ евангелія, хотя онъ и увѣряетъ въ противномъ, отыскивая свои „заповѣди" въ нагорной проповѣди І. Христа. Эти „заповѣди", какъ мы видѣли, были извѣстны Толстому гораздо раньше его рѣшенія

взяться за изученіе евангелія съ цѣлью „отдѣлить въ немъ ложь отъ истины".

Все нравственное ученіе Толстого—естественный выводъ изъ его общаго, философскаго ученія, которое представляется механическимъ соединеніемъ, страннымъ, удивительнымъ смѣшеніемъ самыхъ разнообразныхъ понятій и теорій, принадлежащихъ какъ древнимъ, такъ и наиболѣе распространеннымъ современнымъ философамъ. Такъ взглядъ Толстого на Божество, какъ высшій, безличный міровой разумъ, очевидно, взятъ имъ у Гартмана, напоминаетъ собою, кромѣ того, представленіе Платона о существованіи въ невѣдомомъ, надзвѣздномъ мірѣ идей—матерей, какъ вѣчныхъ образцовъ всего видимаго міра: Толстой утверждаетъ, что Богъ воплощается, живетъ въ людяхъ; каждый человѣкъ поэтому сынъ Бога и, слѣдовательно, всѣ люди обладаютъ божественной природой. Это воззрѣніе Толстого о воплощеніи Божества въ людяхъ наводитъ на мысль о восточномъ, пантеистическомъ міровоззрѣніи, по которому весь міръ—само Божество, являющееся въ немъ только въ разныхъ формахъ. Свои взгляды на природу человѣка Толстой позаимствовалъ отчасти у Аристотеля, буддистовъ, Конта, но еще болѣе у своего любимаго учителя, Шопенгауэра [1]). Аристотель признаетъ существованіе въ мірѣ идеи—формы вещи—и матеріи: Толстой также различаетъ разумную (идейную) часть природы человѣка—его сознаніе, разумѣніе жизни, и вещество, животную оболочку человѣческой души, животную личность. Человѣкъ въ его погонѣ за личнымъ счастьемъ—жалкое, мимолетное и призрачное существо—таковъ взглядъ на человѣка буддистовъ и вмѣстѣ съ ними и нашего философа. Не трудно убѣдиться, что Толстой только повторяетъ слова Конта и Шопенгауэра, когда онъ

---

[1]) Толстой подражаетъ Шопенгауэру въ отрицаніи всего догматическаго ученія христіанства и во взглядѣ на І. Христа, какъ только Мудреца, Учителя.

говоритъ, что люди всѣ эгоисты, стремятся лишь къ своему личному счастью, и что имъ нужно для этого же своего счастья забыть себя совершенно, любить не своихъ близкихъ, а всѣхъ людей, сожалѣть страждущихъ. Разумное сознаніе говоритъ человѣку, замѣчаетъ Шопенгауэръ, о невозможности достигнуть личнаго блага, ничтожности личности, ея преходящей жизни и неизбѣжности страданія для всѣхъ людей. Сознаніе у людей измѣнчиво; неизмѣненъ, одинаковъ у нихъ одинъ характеръ, врожденный всѣмъ людямъ (у Толстого свойство нашей природы — любить другихъ). Личность не должна, увѣряетъ Контъ, имѣть собственнаго счастья; она обрекается имъ всецѣло на подчиненіе цѣлямъ человѣчества, на исключительное служеніе обществу. Самоотверженная любовь къ другимъ для избавленія ихъ отъ страданій—такова же задача дѣятельности человѣка по Шопенгауэру и Толстому. Всѣ три философа видятъ идеалъ счастливой жизни человѣка въ возможно большемъ ограниченіи своихъ потребностей, съуженіи духовныхъ стремленій, всякихъ проявленій личнаго начала въ наукѣ, искусствѣ, существующихъ только для блага всего общества. Съ точки зрѣнія разума, господствующаго въ мірѣ, мертвая матерія, все чувственное является источникомъ зла, которое заражаетъ всю духовную жизнь человѣка. Вотъ еще новое основаніе для Толстого отрицать всѣ формы внѣшней жизни людей—науку, искусство, семью, собственность, право и государство,—разъ онѣ служатъ тѣлеснымъ, личнымъ цѣлямъ человѣческой личности! Все, что не истинно, то противорѣчитъ закону разума. Поэтому его выполненію препятствуютъ: гнѣвъ, клятва, судъ, войны, нарушеніе цѣломудрія, и вообще всякое насиліе. Отсюда—заповѣди Толстого съ ихъ отрицательнымъ характеромъ и отсутствіе въ его морали положительной заповѣди. Къ мысли объ этихъ „заповѣдяхъ“ Толстой пришелъ еще посредствомъ ученія Шопенгауэра, который выставляетъ состраданіе главнымъ основа-

ніемъ нравственности. Только сострадательный человѣкъ можетъ дѣйствовать по правилу, предлагаемому Шопенгауэромъ въ руководство нравственной дѣятельности человѣка: „никому не вреди, всякому помогай, сколько можешь“. Такой человѣкъ не можетъ допустить мести за причиненное зло, не въ состояніи платить зломъ за зло и сопротивляться ему насиліемъ. Онъ будетъ избѣгать всѣхъ формъ зла и насилія: гнѣва, суда, клятвы, войны, нарушенія цѣломудрія. Для Шопенгауэра животная природа человѣка, не смотря на всю ея мимолетность и призрачность, основаніе жизни человѣка, поэтому сохраненіе здоровья и пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ—существенное въ дѣятельности человѣка. Также и Толстой считаетъ обезпеченіе всѣмъ людямъ матеріальнаго довольства главною цѣлью ихъ дѣятельности. Поэтому онъ такъ усиленно рекомендуетъ физическій трудъ, какъ полезный тѣлу и уму каждаго человѣка и уничтожающій раздѣленіе людей на богатыхъ и бѣдныхъ, которое препятствуетъ одинаковому и достаточному удовлетворенію матеріальныхъ нуждъ всѣхъ людей. Это, желанное Толстымъ, матеріальное равенство людей возможно лишь, по его представленію, при превращеніи современной городской жизни въ сельскую жизнь людей на лонѣ природы, гдѣ въ общеніи съ ней исчезнутъ всѣ лишнія потребности, всѣ утѣхи чувственности, праздныя мечты и забавы мужчинъ и женщинъ и каждый изъ нихъ исполнитъ свое естественное назначеніе въ жизни. Въ стремленіи Толстого доставить всѣмъ людямъ путемъ личнаго физическаго труда на ихъ пользу возможность избѣжать страданій и получить наслажденіе, достигнуть счастья, можно видѣть отраженіе идей извѣстнаго ученаго, Герберта Спенсера, который такъ много сдѣлалъ для выясненія альтруистическаго характера современной морали. Не безъ вліянія на образъ мыслей Толстого осталась распространенная теорія Дарвина о развитіи всего существующаго, его прогрессѣ, со-

вершенствованіи. Толстой также увѣренъ въ возможности такого безпрерывнаго движенія, развитія людей, цѣль котораго „осуществленіе закона единенія всего, живущаго въ духѣ любви и истины“. Это представленіе о цѣли міроваго прогресса принадлежитъ Гартману, который защищалъ взглядъ, что міръ существуетъ для расширенія области сознательнаго разума, единенія всѣхъ существъ міра, безконечнаго ихъ просвѣщенія. Каждый человѣкъ своими дѣлами, самоотверженіемъ можетъ заслужить безсмертіе въ потомствѣ—мысль, которая одинаково встрѣчается какъ у Конта, такъ и у Толстого. Послѣдній вмѣстѣ съ своимъ главнымъ учителемъ, Шопенгауэромъ, усиленно рекомендуетъ людямъ идеалъ аскетическаго самоуничтоженія, послѣ того какъ люди исполнятъ законъ разума, любви къ людямъ. Наконецъ, по общему, основному характеру нравственныя воззрѣнія Толстого сходны съ взглядами современной *независимой школы морали* (Гюйо и др.). Эта школа думаетъ обосновать систему морали, помимо всякихъ отвлеченныхъ представленій о Высшемъ Существѣ, назначеніи міра и человѣка, на одномъ изученіи духовной жизни человѣка на землѣ.

Такой смѣшанный, сборный характеръ общаго, основнаго міровоззрѣнія Толстого, въ связи съ которымъ находится и вся его мораль, заставляетъ насъ признать только самое отдаленное и чисто внѣшнее ея отношеніе къ христіанскому ученію о нравственности. Присвояя своимъ „заповѣдямъ“, несвойственный имъ, эпитетъ евангельскихъ, Толстой и въ этомъ случаѣ подражаетъ Шопенгауэру, котораго Нитцше недаромъ называетъ „наслѣдникомъ христіанской точки зрѣнія на мораль“ за его проповѣдь состраданія къ несчастнымъ, страдающимъ людямъ. Попытаемся разобраться въ этой пестрой путаницѣ, своего рода амальгамѣ не христіанскихъ, а, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ, своеобразныхъ мнѣній и разсужденій Толстого объ основаніяхъ и цѣли нравственной жизни человѣка.

Толстой проповѣдуетъ, повидимому, христіанское начало любви къ ближнему, какъ главную цѣль и содержаніе нравственной дѣятельности людей. Но источникъ этой любви у него—Богъ, какъ безличный, безсознательный міровой разумъ, который поэтому не можетъ установить такого высокаго закона для людей: изъ безличнаго, безсознательнаго не можетъ выдти разумное, общепонятное правило ихъ дѣятельности, отличающееся чертами высшаго, идеальнаго характера и требующее для своего примѣненія разумнаго, сознательнаго къ нему отношенія людей. Безсознательный міровой разумъ не могъ создать міръ съ его законосообразностью и цѣлесообразностью, не въ состояніи и указать человѣку смыслъ его существованія на землѣ. Законъ любви Толстого, если бы онъ все-таки возникъ помимо такого представленія о Божествѣ, не можетъ служить общеобязательнымъ правиломъ человѣческаго поведенія: всякая мораль нуждается въ *санкціи*, освященіи ея какимъ-либо авторитетомъ (Богомъ, народомъ, государствомъ), отчетливомъ сознаніи того, почему она должна быть осуществлена. Но такой санкціи у морали Толстого нѣтъ: приводимыя имъ соображенія въ пользу своего взгляда объ обязательномъ выполненіи „закона любви“ скорѣе лишаютъ его всякаго общаго значенія и превращаютъ въ пустую формулу, мертвую букву. Трудно представить себѣ, какъ этотъ законъ любви къ людямъ можетъ быть выполненъ ими, какъ существами, по взгляду Толстого, призрачными, лишенными самостоятельности и свободной воли, „дифференціалами исторіи“. Тѣже люди въ ученіи Толстого—„воплощенныя божества“, которыя, слѣдовательно, не нуждаются въ религіи и нравственныхъ обязанностяхъ. Почему человѣкъ долженъ любить ближнихъ, изъ ученія Толстого не видно. Изъ него скорѣе можно заключить, что разъ люди должны думать лишь о своемъ земномъ, главнымъ образомъ, матеріальномъ благополучіи, то имъ всего естественнѣе, выгоднѣе жить для себя,

а не для другихъ. Толстой имѣетъ самое превратное представленіе о природѣ человѣка, въ которомъ съ перваго и до послѣдняго момента его сознательной жизни сохраняется мысль, что онъ—одно и тоже лицо. Всегда человѣкъ чувствуетъ себя *личностью*, обладающею разумомъ, нравственнымъ чувствомъ (совѣстью) и свободной волею; постоянно онъ стремится къ удовлетворенію при совмѣстной жизни съ другими людьми въ своей дѣятельности коренныхъ потребностей своей природы въ религіи, морали, наукѣ, искусствѣ. Характеръ человѣка не есть что либо неизмѣнное; онъ приходитъ въ міръ не съ заранѣе готовымъ отношеніемъ къ нему, которое вырабатывается постепенно, развивается въ извѣстномъ направленіи его нравственной дѣятельности. Въ природѣ человѣка любить сначала себя, а потомъ уже и другихъ. Христіанское ученіе освящаетъ эту предпочтительную любовь къ себѣ, послѣ любви къ Богу, и предписываетъ любить ближнихъ (сначала родителей, дѣтей и проч.) по образцу этой любви къ себѣ. Любить другихъ даже и невозможно безъ любви къ самому себѣ. Каждый долженъ позаботиться о томъ, чтобы приготовить себя на служеніе ближнимъ, а это немыслимо безъ заботъ о своемъ существованіи, о развитіи всѣхъ силъ своей природы, какъ и обладанія разнаго рода благами (матеріальными и духовными). Мы любимъ, прежде всего, нашихъ родителей, жену или мужа, дѣтей, родныхъ, друзей, а потомъ уже и всѣхъ остальныхъ людей. Любовь ко всѣмъ людямъ у Толстого—платоническое пожеланіе такой любви, предполагающее отказъ отъ естественныхъ нашихъ влеченій къ наиболѣе близкимъ намъ по плоти и духу людямъ. Человѣкъ не всегда можетъ думать только о помощи другимъ людямъ, когда онъ самъ такъ часто нуждается въ ихъ помощи (во время дѣтства, болѣзней, старости). Мы и не должны любить ближнихъ, облегчать имъ страданія, если они, какъ увѣряетъ насъ Толстой, нужны

человѣку для того, чтобы при ихъ посредствѣ убѣдиться въ невозможности личнаго счастья. Но если бы мы, все-таки, захотѣли помогать людямъ, то эта помощь можетъ выразиться не въ одномъ только *физическомъ трудѣ*, который не у всякаго спорится въ рукахъ и далеко не всегда можетъ приносить пользу другимъ. Нашимъ ближнимъ болѣе полезны наши заботы объ ихъ умственномъ развитіи (умственный трудъ), а также добрые совѣты и дѣла (трудъ нравственный). Толстой противорѣчитъ себѣ, когда онъ такъ восхваляетъ физическій трудъ, какъ панацею отъ всякихъ общественныхъ золъ: Толстой противъ мнѣнія Зола о благотворномъ значеніи труда для счастья людей и рекомендуетъ примкнуть къ мнѣнію китайскаго мудреца Лаодзи, предлагающаго *недѣланіе*, прекращеніе дѣлъ, которыя не нужны для искорененія бѣдствій людей. Значитъ, Толстой, слѣдуя этому рецепту Лаодзи, совѣтуетъ самую ограниченную сферу труда, гдѣ, однако, долженъ примѣняться его универсальный „законъ любви".

Эта любовь къ другимъ людямъ не тоже у Толстого, что христіанская любовь къ ближнему, какъ живое, жизненное правило взаимныхъ отношеній людей, охватывающее всю ихъ жизнь. Онъ даже не считаетъ ее „заповѣдью" вопреки прямому указанію евангелія. Толстой признаетъ христіанское ученіе о любви къ Богу и ближнему выраженіемъ сущности христіанства, положительнымъ ученіемъ Христа, которое, однако, „не нужно разъяснять". Эта христіанская любовь къ ближнему въ ученіи Толстого—только идеальное представленіе о лучшемъ, совершеннѣйшемъ образѣ жизни людей въ проэктируемомъ имъ обществѣ. Вмѣсто нея онъ предлагаетъ въ руководство людямъ какое-то отвлеченное правило о фантастической любви ко всѣмъ людямъ и притомъ въ формѣ *пяти* отрицательныхъ заповѣдей. Всѣ эти заповѣди (не клянись, не судись, не разводись, не воюй и не сопротивляйся злу насиліемъ)—разнообразныя формы этой послѣдней, корен-

ной заповѣди, которая, по словамъ Толстого, выражаетъ всю сущность христіанскаго ученія. Толстой, значитъ, забываетъ, что онъ туже сущность христіанства видитъ въ любви къ Богу и ближнему и въ тоже время выдаетъ свои „заповѣди“ за *повертки* съ истиннаго пути, въ указаніи котораго не нуждается истинно вѣрующій въ ученіе Христа. Выходитъ, что „заповѣди“ Толстого нужны не всякому, и притомъ число подобныхъ „повертокъ“ съ истинной дороги добра въ сторону зла можетъ быть увеличено произвольно. Въ духѣ ученія Толстого, напр., можетъ быть еще предписано: „не одурманивайся виномъ или табакомъ, не занимайся мнимой наукой и искусствомъ, не предавайся чувственности“ и т. д. Всѣ заповѣди Толстого—отрицательныя предписанія, изъ которыхъ нельзя вывести опредѣленнаго правила положительной дѣятельности для человѣка. Въ нихъ рекомендуется человѣку „не дѣлать“, удерживаться отъ цѣлаго ряда поступковъ, но какъ изъ такого „недѣланія“ вытекаетъ самоотверженная любовь къ людямъ, этого Толстой не разъясняетъ. Трудно понять, какая связь существуетъ между любовью къ людямъ—положительной и несомнѣнной евангельской заповѣдью и, произвольно выставляемыми, Толстымъ отрицательными его заповѣдями? Какъ выполненіе чисто отрицательныхъ нравственныхъ предписаній можетъ быть идеаломъ нравственнаго совершенства и въ тоже время возможною степенью его достиженія въ наше время? Впрочемъ, самъ Толстой признаетъ, что онъ даетъ только однѣ отрицательныя заповѣди въ своей морали и въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній [1]) показываетъ, что главная заповѣдь, основаніе нравственной дѣятельности людей—это не его „пять заповѣдей“, а любовь къ ближнему, какъ положительное правило въ жиз-

---

[1]) Въ сказкахъ: „Чѣмъ люди живы“, „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“, „Два старика“.

ни людей. Рекомендуя свои „заповѣди“ въ руководство всѣмъ людямъ, Толстой совсѣмъ забываетъ условія, среди которыхъ они теперь живутъ. Онѣ совершенно невыполнимы въ средѣ, лишенной всего, безъ чего немыслима жизнь человѣческой личности. Нельзя себѣ представить жизнь людей внѣ извѣстныхъ формъ общественности (собственности, права и государства), гдѣ только признается личность человѣка, охраняются ея права и представляются всѣ средства для достиженія ея цѣлей. Безъ собственности въ смыслѣ не владѣнія членами своего тѣла, въ принадлежности которыхъ каждому никто никогда не сомнѣвался, а внѣшнихъ предметовъ, всякаго рода благъ (матеріальныхъ и духовныхъ) немыслимо удовлетвореніе не только матеріальныхъ потребностей человѣка, но и развитіе всѣхъ духовныхъ силъ его природы. Безъ помощи права и государства онъ безсиленъ въ борьбѣ съ природой и осужденъ на то, чтобы видѣть неосуществленными самыя важнѣйшія стремленія своей личности, завѣтные ея идеалы. Впрочемъ, можно выполнить всѣ заповѣди Толстого, но въ тоже время остаться совершенно безнравственнымъ человѣкомъ. Такъ человѣкъ можетъ не воевать (по трусости, льготѣ по воинской повинности), не судиться (вслѣдствіе особеннаго положенія въ обществѣ), не клясться (по отсутствію для этого поводовъ), соблюдать нравственную чистоту (по болѣзни, истощенію, старости) и не сопротивляться злу насиліемъ (по полному безсилію или потому, что предъ такимъ человѣкомъ и безъ того всѣ преклоняются). Но въ тоже время такой „толстовецъ“ можетъ быть человѣконенавистникомъ, эксплоататоромъ чужаго труда и вреднымъ членомъ общества во многихъ отношеніяхъ. Заповѣди Толстого примѣнимы въ извѣстной мѣрѣ развѣ только въ обществѣ съ грубыми, примитивными нравами и развитіемъ, гдѣ нужны прямые запрёты извѣстныхъ безнравственныхъ поступковъ. Такой рядъ запрётовъ, сходныхъ съ заповѣдями Толстого, далъ

Будда своимъ послѣдователямъ. Такой же отрицательный характеръ, какъ извѣстно, имѣютъ десять заповѣдей Моисея, которыя въ христіанствѣ восполнены положительною заповѣдью о любви къ Богу и ближнимъ. Наши духоборцы и молокане, со взглядами которыхъ ученіе Толстого имѣетъ много общаго, также не присягаютъ, отказываются отъ военной службы, уплаты податей и налоговъ и стремятся жить подобно первымъ христіанамъ. Вслѣдствіе пренебреженія къ этимъ необходимымъ условіямъ современнаго соціальнаго быта духоборцы поставили себя въ тяжелое и безвыходное положеніе, на которое въ настоящее время обратило вниманіе, отвергаемое ими, правительство.

Едва-ли, однако, современное общество согласилось бы жить, подобно духоборцамъ, при тѣхъ же совершенно элементарныхъ условіяхъ, въ простой обстановкѣ, гдѣ нѣтъ даже намека на возможность пользованія всѣми благами современной культуры, сокровищами знанія, искусства и всей развитой общественной жизни европейскихъ государствъ. Толстой даетъ образецъ жизни людей по его заповѣдямъ или, точнѣе, согласно съ заповѣдью о любви къ ближнему въ своемъ разсказѣ: „Ходите въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть“. Всѣ члены христіанской общины (въ I в. по Р. Х.) живутъ „въ любви и согласіи, чувствуя себя членами одного всемірнаго братства, признавая свое ничтожество и покорность власти“. Въ этой общинѣ нѣтъ частной собственности, кромѣ собственности на члены своего тѣла, и всѣ отношенія людей основаны на послѣдовательномъ проведеніи принципа непротивленія злу насиліемъ [1]). Члены общины имѣютъ самые простые, неприхотливые вкусы, ограниченныя желанія; всѣ они ведутъ такую полную самоотверженія жизнь, которая была возможна въ первоначальное время восторга и необычайнаго одушев-

---

[1]) См. XIV ч. соч. Толстого.

ленія, охватившаго массу страдающихъ и угнетенныхъ людей при евангельской вѣсти о новой и лучшей жизни, такъ далекой отъ тяжелыхъ, невыносимыхъ условій общественнаго быта массы въ концѣ языческаго міра.

Толстой совершенно расходится съ Нитцше въ своемъ взглядѣ на *сопротивленіе злу насиліемъ.* Нитцше требуетъ сопротивленія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно помочь человѣку стать сильной личностью, утверждаетъ, что лишь насиліемъ люди добились важнѣйшихъ благъ цивилизаціи. Толстой, наоборотъ, рѣшительно отрицаетъ всякаго рода насиліе надъ человѣкомъ, какъ несогласное съ сущностью христіанства и объявляетъ право и государство формами такого насилія, подлежащими упраздненію во имя любви къ людямъ. Самъ Толстой, однако, отказывается объяснить, что такое зло въ мірѣ и откуда оно въ немъ явилось? Съ нѣкоторыми формами зла Толстой знакомитъ насъ въ своихъ произведеніяхъ. Такъ мы знаемъ, что здоровье человѣка—благо, изъ за сохраненія котораго онъ долженъ бороться съ болѣзнями и тѣлесными страданіями по инстинкту самосохраненія. Это *зло физическое.* Но есть зло, болѣе вредное для человѣка—его страсти, чрезмѣрное развитіе въ немъ чувственности. Противъ этого *нравственнаго зла* Толстой призываетъ людей бороться всѣми мѣрами. Самую же борьбу человѣка съ его страстями (грѣхами) предписываетъ ему Евангеліе, согласно которому человѣкъ долженъ сопротивляться всѣми силами всякому соблазну, не останавливаясь ни предъ какими жертвами [1]). Евангеліе повелѣваетъ намъ въ тоже время прощать всякія личныя обиды [2]) и также предписываетъ извинять личныя, взаимныя оскорбленія, если толь-

---

[1]) Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя (Матѳея, V, 29).

[2]) А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую (39).

ко изъ нихъ не вытекаетъ зла—грѣха [1]). Толстой думаетъ, что наша обязанность бороться съ страданіями другихъ съ цѣлью облегчить ихъ и что подобная борьба можетъ доставить намъ счастье. Слѣдовательно, противленіе злу (страданіямъ) и не всегда однимъ *добромъ* необходимо по ученію самого Толстого, который предпринялъ давно уже подобную борьбу противъ всякаго зла въ современномъ обществѣ въ своихъ произведеніяхъ и тѣмъ обнаружилъ попытку сдѣлать нѣкоторое насиліе надъ его взглядами, привычками, всѣмъ образомъ жизни. Толстой отрицаетъ, чтобы мы имѣли право прекратить насиліе при видѣ нападеній на себя, нашихъ близкихъ или чужихъ людей, увѣряетъ насъ, что насильникъ самъ устыдится нашей беззащитности и уйдетъ отъ насъ со стыдомъ, какъ ушли изъ царства Ивана дурака, напавшіе на него, воины, которымъ сдѣлалось „гнусно" обижать несопротивляющихся имъ жителей. Мы согласны съ Толстымъ, что если мы должны любить ближнихъ, то, очевидно, во имя этой любви къ нимъ обязаны удерживаться отъ насилія по отношенію ко всякому человѣку, хотя бы онъ и жестоко обидѣлъ насъ. Такова евангельская заповѣдь, во имя которой мы должны избѣгать отпора при нападеніи на насъ самихъ и нашихъ ближнихъ: всякій насильникъ есть нашъ ближній. Мы должны, по примѣру Толстого, увѣщавать обидчика, представить ему всю безнравственность его поведенія, во имя любви къ нашему ближнему избѣгать всякаго насилія надъ нимъ. Толстой думаетъ, что насиліемъ мы лишимъ ближняго возможности раскаяться впослѣдствіи въ причиненномъ злѣ („Крестникъ", сказка). Но любовь къ людямъ, даже нашимъ врагамъ—совершеннѣйшій идеалъ нравственной жизни людей, къ кото-

---

[1]) Всякій, гнѣвающійся на брата своего *напрасно*, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему: *рака* (пустой человѣкъ), подлежитъ синедріону (верховному судилищу (22).

рому человѣкъ стремится цѣлые десятки столѣтій и все еще очень далекъ отъ приближенія къ нему. Требуя отказа отъ сопротивленія злу насильственными средствами, Толстой, подобно Руссо, вѣритъ въ нравственное совершенство человѣческой природы, котораго въ ней нѣтъ, убѣжденъ, что каждый изъ насъ всегда готовъ, въ состояніи пожертвовать собою злобѣ нашихъ враговъ. Толстой забываетъ о томъ, какъ сильно говоритъ въ насъ инстинктъ самосохраненія въ случаяхъ нападенія на насъ самихъ (напр., въ случаѣ самообороны) и какъ велико въ насъ негодованіе противъ обидчика за, попираемое въ нашихъ глазахъ, право личной неприкосновенности ближняго, нарушеніе его свободы. Вся исторія человѣчества наполнена проявленіями всякаго рода насилія именно вслѣдствіе господства въ людяхъ зла, чрезмѣрнаго развитія эгоизма въ разнообразныхъ его формахъ, противъ котораго люди боролись издавна, не покладая рукъ. Каннибальство, грабежъ, рабство отдѣльныхъ лицъ, порабощеніе классовъ, племенъ и цѣлыхъ народовъ, безпощадная, ожесточенная война между ними, въ которой исчезали народы и цѣлыя цивилизаціи, личная и родовая месть—таковы, восхваляемыя Нитцше, первоначальныя формы насилія, которыя исчезаютъ постепенно, медленно подъ вліяніемъ послѣдующаго развитія общества и государства. Такъ государство беретъ въ свои руки наказаніе преступника, которое изъ мести за оскорбленіе божества превращается потомъ въ возстановленіе, попранной преступникомъ, высшей справедливости, подавленіе въ немъ злой воли и устрашеніе. Въ наше время наказаніе преслѣдуетъ гуманную цѣль исправленія преступника, какъ „болѣзненнаго“, ненормальнаго человѣка (не только по Нитцше). Преступника теперь уже не подвергаютъ ужаснымъ пыткамъ, обычнымъ въ средневѣковыхъ судахъ. Исчезаетъ изъ уголовныхъ кодексовъ дуэль и смертная казнь, этотъ высшій видъ насилія надъ личностью. Но ни современное уголовное

право, ни все общество не видятъ въ преступникѣ типъ сильнаго человѣка Нитцше, въ которомъ его инстинкты сдерживаются угрозой наказанія и самими наказаніями во имя интересовъ всего общества; послѣднее прибѣгаетъ теперь и къ болѣе мягкимъ средствамъ и нерѣдко вмѣсто наказанія лѣчитъ преступника. Древнія касты (въ Индіи и Египтѣ)—грубая форма групповаго насилія надъ отдѣльною личностью—смѣнились въ античномъ мірѣ (у древнихъ грековъ и римлянъ) и средніе вѣка наслѣдственными сословіями, а въ текущемъ столѣтіи свободными общественными классами. Человѣческая личность въ древности порабощалась всецѣло государствомъ, которое дозволяло себѣ во имя сначала религіозныхъ требованій, а потомъ блага государства всякое насиліе надъ личностью, которое теперь смѣнилось взглядомъ, что личность человѣка—центръ общественной жизни, ея свобода, счастье—цѣль дѣятельности государственной власти. Въ древности человѣкъ воспитывался для цѣлей государства, ради которыхъ допускались всякія формы насилія надъ молодымъ поколѣніемъ. Въ новое время человѣка воспитываютъ ради него самого; всѣ силы его природы развиваются воспитаніемъ съ цѣлью самостоятельнаго пользованія ими въ послѣдующей общественной дѣятельности; отношенія къ молодому поколѣнію его воспитателей основываются на гуманныхъ началахъ. Теперь считаютъ педагогической аксіомой мысль о вредѣ тѣлесныхъ наказаній дѣтей, которое только ихъ развращаетъ, а не исправляетъ. Таже мысль о высокомъ достоинствѣ человѣческой личности проникаетъ всю систему современнаго образованія, въ которой стремятся достигнуть наибольшей степени умственнаго развитія молодаго поколѣнія, предлагаются для этой цѣли всѣ, выработанные наукой, средства, методы и предоставляется учащейся молодежи самый широкій просторъ въ выборѣ школъ того или другаго рода согласно своимъ наклонностямъ, призванію, условіямъ

личной жизни и представленіямъ о дальнѣйшемъ ея направленіи.

И Толстой, и Нитцше, какъ мы видѣли, оба недовольны современнымъ состояніемъ *науки и искусства.* Толстой упрекаетъ представителей науки и искусства за то, что они заботятся очень много объ интересахъ однихъ богатыхъ и праздныхъ классовъ общества и слишкомъ мало обращаютъ вниманія на жизнь, нужды и страданія бѣдныхъ, низшихъ классовъ населенія, для которыхъ оказываются совершенно излишними книги, печатаемыя теперь въ такомъ огромномъ количествѣ, и разныя художественныя произведенія. Толстой доказываетъ, что современная наука въ обществѣ (соціологія) оправдываетъ раздѣленіе всѣхъ людей на богатыхъ и бѣдныхъ ученіемъ объ обществѣ, какъ организмѣ, жизнь котораго заключается въ раздѣленіи труда между его членами. Одни изъ этихъ членовъ общества—организма—заняты умственной, духовной работой, другіе мускульной, физической, первые должны въ качествѣ руководителей властвовать, а послѣдніе подчиняться имъ ради сохраненія и дальнѣйшаго развитія всего общества. Такова современная научная теорія О. Конта и Г. Спенсера, взгляды которыхъ опираются на теорію Дарвина о борьбѣ живыхъ существъ и людей за существованіе, какъ основномъ законѣ всей міровой жизни. По взглядамъ всѣхъ этихъ ученыхъ одинъ высшій классъ праздныхъ и богатыхъ людей, которому удалось взять верхъ въ борьбѣ надъ низшими классами народа, требуетъ отъ послѣднихъ, чтобы они кормили его за то, что эти представители науки и искусства предлагаютъ людямъ физическаго труда ненужныя имъ вещи. Все значеніе современной науки состоитъ лишь въ томъ, что она „раздаетъ дипломы на праздность“ сословію ученыхъ и художниковъ. На самомъ дѣлѣ ни наука, ни искусство не дали такъ много человѣчеству, какъ это принято думать. Тол-

стой говоритъ съ презрѣніемъ о современныхъ представителяхъ науки и искусства, освободившихъ себя отъ обязанности трудиться на пользу народа настоящимъ образомъ [1]). Всѣ успѣхи, сдѣланные въ нашъ вѣкъ наукой, по словамъ Толстого, поразительны, удивительны, необычайны, но по особенной, несчастной случайности, признаваемой и людьми науки, эти научные успѣхи не улучшили, а скорѣе ухудшили положеніе большинства, рабочихъ, низшихъ классовъ населенія. Каждое изъ научныхъ изобрѣтеній (желѣзныя дороги, телефоны, телескопы, стихи, романы, театры, балеты, симфоніи, оперы, картинныя галлереи и т. п.) не только не приноситъ пользы народу, но нерѣдко лишаетъ его заработка, усиливаетъ его зависимость отъ богатыхъ людей и въ лучшемъ случаѣ недоступно рабочему люду. Представители науки и искусства ставятъ себѣ цѣлью служить правительствамъ и капиталистамъ, а не нуждамъ народа. Всѣ ученые заняты своими жреческими занятіями, изучаютъ клѣточку, протоплазму, спектральные анализы звѣздъ, пересчитали два милліона букашекъ, а пища, питье, хозяйственныя орудія крестьянина остались все тѣже, какъ и нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Мы произвели пропасть людей въ великихъ писателей, собрали картинныя галлереи, изучили до тонкости школы искусствъ, но ничего не прибавили къ народнымъ легендамъ, сказкамъ, былинамъ, пѣснямъ. Современный техникъ, механикъ могутъ работать только съ большимъ капиталомъ и съ

---

[1]) „Мы такъ привыкли, говоритъ Толстой, къ тѣмъ выхоленнымъ или разслабленнымъ нашимъ представителямъ умственнаго труда, что намъ представляется дикимъ, чтобы ученый или художникъ пахалъ или возилъ навозъ. Намъ кажется, что все погибнетъ, и вытрясется въ телѣгѣ вся его мудрость и опачкаются въ навозѣ тѣ великіе художественные образы, которые онъ носитъ въ своей груди. Но намъ не кажется страннымъ, что служитель и учитель истины половину своего времени проводитъ въ сладкой ѣдѣ, куреніи, болтовнѣ, либеральныхъ сплетняхъ, чтеніи газетъ, романовъ и посѣщеніи театровъ („О назначеніи науки и искусства“ XIII ч., 171 стр.).

эксплоатаціей рабочаго. Врачу нужно безчисленное количество дорогихъ приспособленій, лѣкарствъ, инструментовъ и они могутъ лѣчить только людей, которые все могутъ достать себѣ. Даже учить народъ, согласно современной наукѣ, можно лишь при тяжелыхъ для него условіяхъ, такъ какъ образцовыя, какъ и всякія элементарныя школы требуютъ для своего устройства большихъ денегъ, добываемыхъ съ того же народа [1]).

Еще дальше отъ народа, чѣмъ наука, современное искусство. Тратятъ милліоны на поощреніе искусствъ, а произведенія искусства и непонятны, и ненужны народу. Живописецъ для изготовленія своихъ великихъ произведеній нуждается въ дорого стоющей мастерской. Писателю, сочинителю, кромѣ удобствъ помѣщенія и всѣхъ сладостей жизни нужны для той же цѣли путешествія, дворцы, кабинеты, библіотеки и т. п. Толстой предлагаетъ людямъ искусства служить своими силами народу, отрѣшившись отъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ и низкихъ вкусовъ массы [2]). Но Толстой не отрицаетъ науки и искусства, которыя также необходимы людямъ, какъ и пища, питье, одежда. Онъ только противъ привиллегированнаго положенія представителей науки и искусства въ обществѣ, которые „представляютъ здѣсь маленькій кружокъ людей, имѣющихъ монополію занятій и извратившихъ самыя понятія науки и искусства, потерявшихъ смыслъ своего призванія и занятыхъ только тѣмъ, чтобы забавлять и спасать отъ удручающей тоски свой малень-

---

[1]) Ibidem, 148—179 стр.

[2]) Скажите живописцу, чтобы онъ писалъ безъ студіи, натуры, костюмовъ и рисовалъ бы пятикопѣечныя картины; онъ скажетъ, что это значитъ отказаться отъ искусства, какъ онъ понимаетъ его. Скажите музыканту, чтобы онъ игралъ на гармоніи и училъ бы бабъ пѣть пѣсни; скажите поэту, сочинителю, чтобы онъ бросилъ свои поэмы и романы и сочинялъ пѣсенники, исторіи, сказки, понятныя безграмотнымъ людямъ—они скажутъ, что вы сумасшедшій (Ibidem, 181 стр.).

кій кружокъ дармоѣдовъ". Наука въ смыслѣ всего знанія, пріобрѣтеннаго человѣчествомъ, всегда была и есть, и безъ нея немыслима жизнь. Но эта истинная наука—знаніе того, въ чемъ состоитъ назначеніе, истинное благо всѣхъ людей. Такова была наука Конфуція, Будды, Сократа, Магомета и др. Безъ нея нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ и всѣ остальныя знанія и искусства становятся, какъ они сдѣлались и у насъ, праздной и вредной забавой. По словамъ Толстого, современная позитивная наука совсѣмъ забыла объ ученіи великихъ учителей человѣчества, которые стремились всегда къ тому, чтобы помирить требованія людей, блага личной жизни съ совѣстью и разумомъ и тѣмъ помочь выработкѣ новыхъ формъ жизни, болѣе близкихъ къ запросамъ разума и совѣсти. Также и современное искусство, у котораго когда то была одна и таже цѣль и содержаніе, какъ и у науки, служило ученію о жизни, теперь сдѣлалось ремесломъ, доставляющимъ людямъ пріятное. Теперь уже оказываются ненужными всѣ великіе дѣятели науки и искусства. Вмѣсто нихъ появился особый цехъ, каста ученыхъ и художниковъ, которые усовершенствованнымъ способомъ заготавливаютъ всю необходимую человѣчеству пищу. Теперь надѣлали столько великихъ людей и наукъ, что даже трудно запомнить одни ихъ имена и названія. На самомъ дѣлѣ вся наша наука и искусство—огромный мыльный пузырь, особаго рода суевѣріе, произведенія празднаго ума и чувства, имѣющія цѣлью щекотать и забавлять такіе же праздные умы и чувства. Толстой рекомендуетъ для пониманія истиннаго смысла жизни отказаться отъ положительной философіи, глубокихъ знаній и обратиться въ состояніе ребенка или знаменитаго философа Декарта, объявившаго, что онъ сомнѣвается во всемъ, кромѣ собственнаго существованія. Наши наука и искусство непонятны народу, потому что не имѣютъ въ виду его блага. Дѣятельность

въ области науки и искусства тогда только плодотворна, когда она не знаетъ правъ, а лишь однѣ обязанности. Мыслитель и художникъ долженъ страдать вмѣстѣ съ людьми для того, чтобы найти спасеніе или утѣшеніе; ихъ удѣлъ—страданіе и самоотверженіе [1]).

Въ повѣсти: „Ходите въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть" Толстой изображаетъ противоположность современнаго, языческаго пониманія науки и искусства и истиннаго, христіанскаго на нихъ воззрѣнія. Устами язычника христіане обвиняются въ томъ, что они не признаютъ наукъ и искусствъ: при отсутствіи у нихъ частной собственности они не имѣютъ средствъ для поддержанія и развитія наукъ и искусствъ. Все ихъ ученіе приводитъ къ первоначальному состоянію, дикости. Они не могутъ служить человѣчеству науками и искусствами и, не зная ихъ, отрицаютъ, считаютъ излишними статуи, театры, музеи. Устами христіанина—Памфилія Толстой упрекаетъ язычниковъ въ томъ, что они изъ науки и искусства сдѣлали потѣху, годную только для увеселенія праздныхъ людей. „Ваши ученые, говоритъ Памфилій Юлію—язычнику, употребляютъ свои способности на измышленіе новыхъ средствъ для усовершенствованія пріемовъ войны, то есть, убійства и изобрѣтенія новыхъ способовъ наживы, обогащенія однихъ на счетъ другихъ. Вы воздвигаете статуи въ честь сильныхъ и жестокихъ изъ вашихъ тирановъ; на театрахъ даютъ представленія, восхваляющія преступную любовь. Музыка служитъ для потѣхи богачей, объѣдающихся и опивающихся на своихъ роскошныхъ пирахъ. Живопись примѣняется къ изображенію въ домахъ разврата такихъ картинъ, на которыхъ не можетъ, не краснѣя, взглянуть, человѣкъ трезвый или неодурманенный животной страстью.

---

[1]) Ibidem, 180—196; ср. статью: „Ручной трудъ и умственная дѣятельность", 259—265 стр. XIII т. сочинен. Толстого.

Мы же требуемъ отъ науки и искусства того же, чего и отъ всѣхъ человѣческихъ занятій, чтобы въ нихъ осуществилась таже дѣятельность любви къ Богу и ближнимъ, которою проникнуты всѣ дѣла христіанина. Мы признаемъ за дѣйствительную науку только такія знанія, которыя помогаютъ намъ жить лучше, и искусство мы уважаемъ только тогда, когда оно очищаетъ наши помыслы, возвышаетъ душу, укрѣпляетъ наши силы, необходимыя для трудовой любовной жизни. Такія знанія мы не упускаемъ случая развивать въ себѣ и нашихъ дѣтяхъ; мы читаемъ и изучаемъ писанія, завѣщанныя намъ мудростью людей, жившихъ до насъ, поемъ стихи, пишемъ картины, и стихи и картины ободряютъ нашъ духъ и утѣшаютъ насъ въ минуту печали".

Нитцше осуждаетъ современную науку и искусство за ея отвлеченный, идеалистическій характеръ, увлеченіе существующими философско-моральными идеями и пренебреженіе инстинктами человѣческой природы. Подобный упрекъ совершенно понятенъ съ точки зрѣнія Нитцше съ его апоѳеозомъ чувственности въ образѣ Заратустры. Онъ согласенъ съ страстною проповѣдью этого философа, жаждущаго возврата человѣчества къ античной жизни, гдѣ всѣ инстинкты человѣческой природы царствовали повсюду на усладу и торжество одного небольшаго сравнительно слоя общества на счетъ цѣлой массы настоящихъ рабовъ и разнаго рода зависимыхъ людей. Новое время поставило новые идеалы, личные и общественные; оно не возводитъ въ особый культъ господство инстинктовъ, которымъ отводится надлежащее, второстепенное мѣсто въ жизни личности, теперь задающейся болѣе высокими задачами, поставленными христіанствомъ и современной моралью, наукой и государствомъ. Девятнадцатому столѣтію досталась на долю нелегкая забота доказать на дѣлѣ всю могучую энергію „сильной воли", проявляющейся въ дѣятельности человѣческой личности, блестящими примѣ-

рами которой богата вся новая исторія человѣчества съ XV по XVIII вѣкъ. Ученіе о свободной волѣ не выдумано, какъ это утверждаетъ Нитцше, философами съ предвзятою цѣлью имѣть основанія наказывать виновныхъ въ нарушеніи религіозныхъ или юридическихъ предписаній. Въ этомъ замѣчаніи Нитцше вѣрно лишь то, что религія и право обращаются къ человѣку, какъ существу, которое не находится всецѣло въ безусловной зависимости отъ грубыхъ, чувственныхъ порывовъ, безсознательныхъ влеченій и страстей. По представленію христіанской религіи и европейскаго права человѣкъ—самостоятельная и свободная личность, сама вырабатывающая всѣ свои идеалы, моральные и соціальные; отъ собственныхъ же ея усилій, энергичной дѣятельности зависитъ и осуществленіе всякаго рода жизненныхъ стремленій и плановъ, какъ это доказывается окружающею дѣйствительностью. Поэтому понятія отвѣтственности за свои поступки, вины того или другаго члена общества въ нарушеніи одного изъ существенныхъ требованій (религіозныхъ, моральныхъ и др.), условій общежитія и, сообразнаго съ виной, наказанія за уклоненіе отъ этихъ условій—одни изъ элементарныхъ понятій въ современной общественной жизни, весь нормальный ходъ которой немыслимъ при ихъ игнорированіи. Но, наказывая преступника, общество поступаетъ по правилу относительной справедливости, возможной при наличныхъ силахъ человѣка и состояніи самого общества. Общество въ лицѣ государства не беретъ на себя непосильной роли полнаго воздаянія за совершенное преступленіе; оно вѣритъ только, что въ мірѣ существуетъ высшій, нравственный порядокъ, въ которомъ рано или поздно найдетъ награду всякій похвальный поступокъ и будетъ наказанъ дурной.

Въ области личной жизни воля, энергія человѣка направлена на борьбу съ чувственными влеченіями его природы въ томъ случаѣ, если они мѣшаютъ осуществленію высшихъ ду-

ховныхъ стремленій человѣческой природы. Ея инстинкты, чрезмѣрное развитіе которыхъ тормозитъ нравственное совершенствованіе личности, играютъ второстепенную роль въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаній. Наши внѣшнія чувства, такъ поддающіяся, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, всякаго рода извращеніямъ (иллюзіямъ и галлюцинаціямъ), не могутъ поэтому правильно показывать все, что происходитъ въ внѣшнемъ мірѣ. Нитцше возстаетъ противъ господства разума во всей философіи, попытокъ многочисленныхъ философовъ, древнихъ и новыхъ, разрѣшить основные вопросы человѣческой жизни о происхожденіи міра, положеніи въ немъ человѣка, смыслѣ его жизни и др. Онъ называетъ заблужденіями многія важныя пріобрѣтенія философіи—ея представленія о человѣческой личности, „я", о законѣ причинности, обвиняетъ философовъ въ смѣшеніи причины съ слѣдствіемъ и представляетъ образно „исторію заблужденій" людей, конецъ которой совпадаетъ съ появленіемъ Заратустры. Но человѣчество обязано разуму человѣка всѣми успѣхами своихъ знаній о природѣ и самомъ себѣ. Не одни внѣшнія чувства, а, главнымъ образомъ, разумъ помогъ Нитцше создать его своеобразную философію, и ослабленіе чрезмѣрной дѣятельности его разума было причиной его настоящаго безотраднаго и почти безнадежнаго состоянія, полной зависимости отъ однихъ инстинктовъ его природы. При помощи разума человѣкъ началъ понимать окружающія его явленія, въ которыхъ онъ сталъ отыскивать извѣстную внутреннюю связь. Законъ причинности—не „великое заблужденіе", а найденный разумомъ человѣка, доступный ему способъ объясненія міровыхъ явленій, благодаря которому человѣкъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ въ видимомъ мірѣ и въ немъ самомъ. Стараясь отыскать связь явленій, каждый думаетъ найти что-либо до сихъ поръ не „пережитое и знакомое" ему, а новое, неизвѣстное, въ безпрерывномъ стремленіи къ которому человѣческа-

то духа—источникъ постояннаго движенія его впередъ къ отысканію законовъ природы. Разумъ помогъ человѣку въ укрѣпленіи взгляда, что есть Верховный Источникъ всего существующаго, о которомъ такъ много говорятъ всѣ религіи міра, особенно же христіанская: безъ глубокаго убѣжденія въ существованіи Бога немыслима истинная мораль, высшіе, альтруистическіе идеалы человѣческой личности, осуществленіе ихъ въ жизни. Высшее счастье для человѣка — чувство нравственнаго удовлетворенія отъ сознанія совершеннаго долга, обязанности служить ближнему, слѣдовательно, результатъ не „вырожденія инстинктовъ и измельчанія воли", какъ думаетъ Нитцше, а напротивъ высшаго ея напряженія и развитія вслѣдствіе труднаго для человѣка рѣшенія подчинить свои инстинкты высшимъ побужденіямъ, мотивамъ. Только въ области матеріальной жизни отсутствуютъ сознательныя побужденія, безъ которыхъ не обходится ни одинъ актъ въ духовной дѣятельности человѣка. Обыкновенно онъ ставитъ самъ цѣли въ своей личной и общественной жизни и при ихъ преслѣдованіи выбираетъ между различными, представляющимися ему, путями наиболѣе цѣлесообразный, удобный, сообразный съ заранѣе намѣченнымъ,—общимъ направленіемъ всей дѣятельности человѣка. На эту дѣятельность вліяютъ до извѣстной степени наслѣдственныя наклонности, которыя, однако, видоизмѣняются сначала воспитаніемъ, а потомъ и собственною волею человѣка въ извѣстномъ, желательномъ ему духѣ. Не связываютъ совершенно человѣка и тѣ или другія условія, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ. Обычная ссылка на „среду", яко бы парализующую волю человѣка, означаетъ просто недостатокъ въ немъ характера, способности энергично и послѣдовательно проводить свои планы въ самую жизнь. Въ жалобахъ на „заѣдающую среду" нужно видѣть неудачную попытку оправдать свое безсиліе и уступки разнымъ влеченіямъ и постороннимъ соображеніямъ,

чуждымъ людямъ съ ясно и твердо поставленными цѣлями въ жизни и неуклоннымъ, часто вопреки „обстоятельствамъ", ихъ осуществленіемъ. Странно слышать, что человѣкъ существуетъ въ мірѣ невѣдомо для чего или, вѣрнѣе, только для безусловнаго подчиненія однѣмъ темнымъ силамъ своей матеріальной природы, торжество которыхъ въ жизни человѣка указывало бы только на то, что онъ недалеко ушелъ отъ состоянія животнаго, отказавшись отъ возможности всесторонняго развитія духовныхъ своихъ силъ, хотя о непрекращающемся его ходѣ говоритъ вся долгая исторія человѣческихъ исканій истины и правды. Если слѣдовать взглядамъ Нитцше, придется уничтожить всякое различіе между истиной и ложью вмѣстѣ съ исчезновеніемъ равницы между „истиннымъ міромъ и кажущимся", міромъ идеальныхъ представленій о высшихъ задачахъ человѣческой жизни и областью напрасныхъ попытокъ осуществить идеалы человѣка, которыя парализуются часто наблюдаемымъ перевѣсомъ въ жизни человѣка, такъ любимыхъ Нитцше, инстинктовъ его природы. Изъ всѣхъ разсужденій Нитцше о современной наукѣ вѣрно лишь его замѣчаніе о стремленіи многихъ ученыхъ (позитивистовъ) замѣнить религіозную вѣру въ Бога представленіемъ о вѣчной истинѣ, законахъ міровыхъ явленій, которымъ всѣ они подчиняются безусловно. Нитцше правъ, когда онъ утверждаетъ, что подобная замѣна понятій не упраздняетъ религію, какъ въ этомъ увѣрены позитивисты, а только искажаетъ ее именно потому, что ставитъ на мѣстѣ Высшаго, личнаго Существа общія отвлеченныя, мертвыя понятія, которыми нельзя объяснить всей живой дѣйствительности.

Взгляды гр. Толстого на *науку и искусство* произошли изъ недостаточнаго, неправильнаго представленія его о духовной природѣ человѣка, о роли въ обществѣ науки и искусства, и ложнаго воззрѣнія на народъ, подъ которымъ онъ разумѣетъ одни низшіе его классы, простой народъ (кресть-

янъ). Личность человѣка въ философіи Толстого—призрачное, несамоостоятельное существо, также какъ и у Нитцше, лишенное стремленія къ отысканію истины и обреченное Толстымъ на одно безпрерывное самопожертвованіе на пользу другихъ, устройство ихъ матеріальнаго, обиходнаго быта. Человѣкъ является у Толстого лишеннымъ всякой личной духовной жизни, гдѣ могло бы найти мѣсто удовлетвореніе вѣчныхъ требованій и запросовъ человѣческаго духа. Нашъ философъ не хочетъ признавать, вложенную въ человѣческую природу и ничѣмъ неискоренимую, жажду знанія человѣкомъ законовъ всего существующаго, объясненія имъ всѣхъ міровыхъ явленій, помимо всякихъ практическихъ соображеній о непосредственной пользѣ отъ примѣненія пріобрѣтенныхъ знаній о природѣ. Неотдѣлима отъ человѣческой природы и потребность въ изученіи проявленій *идеи красоты* въ мірѣ и человѣческихъ отношеніяхъ. Толстой отвергаетъ, давно установившееся въ теченіе исторіи умственнаго развитія человѣчества, различіе между такъ называемыми *чистыми*, *основными* науками, занятыми теоретическими изслѣдованіями о законахъ жизни вселенной и самого человѣка, и *техническими*, *прикладными науками*, имѣющими дѣло съ примѣненіемъ, добытыхъ чистыми науками, знаній къ удовлетворенію потребностей человѣческой природы. Успѣхъ послѣдняго рода наукъ прямо обусловливается развитіемъ наукъ основныхъ. Такъ, напримѣръ, необыкновенный прогрессъ въ области промышленности и всего матеріальнаго быта въ европейскомъ обществѣ XIX-го столѣтія объясняется ранѣе небывалымъ, быстрымъ развитіемъ естественныхъ наукъ въ XVII—XVIII-мъ в.в. Всѣ нападенія Толстого на О. Конта и всю современную, позитивную науку обличаютъ въ немъ совершенное незнакомство съ взглядами Конта, его позитивной философіей и дѣйствительною ролью позитивной науки въ современной общественной жизни. Толстой приписываетъ Конту теорію объ обще-

ствѣ, какъ организмѣ, въ которомъ одни члены (высшіе, богатые классы общества) занимаются умственнымъ трудомъ, нисколько ненужнымъ другимъ членамъ организма — низшимъ классамъ, обреченнымъ на одинъ тѣлесный, физическій трудъ. Но, прежде всего, органическая теорія принадлежитъ вовсе не О. Конту, а появилась въ нѣмецкой наукѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст.—въ философіи Шеллинга и Гегеля и развилась затѣмъ въ самостоятельную научную теорію въ органической школѣ Краузе, имѣющей видныхъ представителей среди ученыхъ всѣхъ почти европейскихъ странъ. Къ сторонникамъ органической теоріи принадлежитъ и Г. Спенсеръ, выработавшій свои взгляды независимо отъ О. Конта. Органическая теорія происхожденія міра нашла сильную опору въ теоріи Дарвина о развитіи всего міра при помощи закона наслѣдственности, борьбы за существованіе и приспособляемости разныхъ видовъ къ жизненнымъ условіямъ. Однако, сущность, плохо понятаго Толстымъ, ученія О. Конта заключается въ совершенно другомъ взглядѣ на общество. Толстой самъ придумалъ выводы изъ этого ученія, чтобы только подыскать основаніе для своихъ собственныхъ измышленій. Въ представленіи Толстого сливаются въ одно и экономическая теорія народонаселенія Мальтуса, и эволюціонная теорія Дарвина и Спенсера, и „органическая“ теорія Конта. Конечно, между взглядами всѣхъ этихъ ученыхъ, появившихся почти въ одно и тоже время, есть нѣкоторыя общія точки соприкосновенія, но иногда очень отдаленныя, какъ, напримѣръ, между воззрѣніемъ Мальтуса о замѣчаемой несоразмѣрности увеличенія населенія съ средствами пропитанія [1]), и теоріей Конта объ обществѣ, подъ которымъ онъ разумѣетъ всѣхъ людей, вообще человѣчество, а не отдѣльные

---

[1]) Мальтусъ утверждаетъ, что населеніе обыкновенно увеличивается въ геометрической пропорціи, а средства пропитанія только въ ариѳметической, т. е., что людей больше на свѣтѣ, чѣмъ пищи для нихъ.

народы. Уже одинъ этотъ взглядъ Конта на общество, какъ механическое, а не органическое соединеніе людей, показываетъ, что его мысли направлены на совершенно иной путь, оставленный безъ вниманія Толстымъ.

Контъ думалъ создать науку объ обществѣ путемъ изученія законовъ соціальныхъ явленій, которые впервые и указаны имъ. Изъ числа этихъ законовъ одинъ и главнѣйшій— законъ послѣдовательности, прогресса общественныхъ явленій [1]) не только не освящаетъ существовавшаго издавна, помимо всякихъ теорій, въ обществѣ раздѣленія на классы, но прямо открываетъ въ исторической перспективѣ полную вѣроятность сближенія между людьми разныхъ классовъ на почвѣ общихъ интересовъ. Конта занимала много мысль о томъ, какъ связать въ одно цѣлое разнообразныя отрасли знанія, которыхъ въ XIX-мъ вѣкѣ стало такъ много вслѣдствіе все болѣе и болѣе увеличивающейся спеціализаціи, развитія особыхъ наукъ о тѣхъ или другихъ родахъ міровыхъ явленій. Собрать воедино всѣ, добытые отдѣльными науками, выводы, чтобы составить такимъ образомъ общее, научное, положительное міросозерцаніе, основывающееся только на реальныхъ данныхъ, представлялось Конту такимъ труднымъ дѣломъ, что онъ предложилъ заняться имъ ученымъ, которые бы могли спеціально посвятить ему свои силы. Но этотъ классъ, проектированный Контомъ, не составлялъ бы какого-то привиллегированнаго цеха ученыхъ, занятія которыхъ были бы совершенно безплодны для всего общества. Если бы мысль Конта была осуществлена, то, прежде всего, получилась бы та несомнѣнная для всѣхъ польза, что прекратилась бы страшная путаница въ понятіяхъ, которая составляетъ, по словамъ Конта, „настоящее бѣдствіе современ-

---

[1]) Другой соціальный законъ, открытый О. Контомъ, заключается въ сосуществованіи, взаимодѣйствіи всѣхъ соціальныхъ явленій извѣстной исторической эпохи и, вытекающемъ отсюда, общемъ, основномъ ихъ характерѣ.

наго общества". Тогда могли бы исчезнуть трудно примиримая теперь разница и противоположность въ воззрѣніяхъ представителей разныхъ отраслей знанія, наукъ естественныхъ, математическихъ, общественныхъ и др.: всѣ выводы этихъ наукъ были бы соединены въ одну общую систему, гдѣ они объяснялись бы одной основной, руководящей идеей, способной сдѣлаться надежнымъ компасомъ и маякомъ и при дальнѣйшемъ развитіи знаній. Но пусть гр. Толстой успокоится и перестанетъ смущать довѣрчивые умы читателей его сочиненій своими нападками на современную науку и на самомъ дѣлѣ невинныя занятія ученыхъ! Въ обществѣ нѣтъ того класса ученыхъ, который для непонятныхъ и безполезныхъ ему занятій заставляетъ работать на себя цѣлую массу народа! Раздѣленіе общества на классы произошло въ незапамятныя времена первоначальной, доисторической жизни людей подъ вліяніемъ такихъ условій совмѣстной жизни людей, которыя не перестали дѣйствовать и въ послѣдующія историческія эпохи. Такъ первыми классами въ первобытномъ обществѣ сдѣлались жрецы и войны, такъ какъ религія тогда была главнымъ элементомъ жизни людей, а война—первымъ ихъ занятіемъ. Тѣ и другіе къ тому же являлись и первыми поземельными владѣльцами если только не было общей собственности во всемъ примитивномъ обществѣ. Всѣ же хозяйственныя работы и занятія ремеслами доставались на долю низшей, обыкновенно зависимой массы населенія, гдѣ встрѣчалось много и настоящихъ рабовъ. Такъ въ самомъ началѣ общественной жизни людей произошло раздѣленіе ихъ на высшіе и низшіе классы, помимо какихъ-либо искусственныхъ, предвзятыхъ научныхъ теорій, о которыхъ тогда не могло быть даже и рѣчи! Въ послѣдующую, историческую эпоху—въ восточныхъ государствахъ различіе между высшими и низшими классами общества выразилось въ чрезвычайно рѣзкихъ формахъ. На верху стояли могущественный классъ

жрецовъ и рядомъ съ ними, а иногда и надъ ними, сильные, восточные монархи, неограниченные ничѣмъ въ проявленіи своего произвола, всякихъ капризовъ и прихотей по отношенію къ сплошной массѣ рабскаго населенія—низшихъ классовъ народа.

Различіе между общественными классами сохранилось и въ античномъ мірѣ, у древнихъ грековъ и римлянъ: и у этихъ народовъ сказывалась разница между положеніемъ группы людей, облеченныхъ властью и обладающихъ религіозными тайнами, знаніями и богатствомъ, и всѣмъ остальнымъ простымъ населеніемъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Эти различія между слоями общества, высшимъ и низшимъ, существовали въ средѣ только всего свободнаго населенія греческихъ государствъ и римскаго. Имъ, кромѣ того, была извѣстна и, отмѣченная нами, противоположность между свободными гражданами государства и рабами, которая въ античномъ мірѣ немного смягчилась по сравненію съ Востокомъ, но не исчезла: безъ массы рабовъ, занятыхъ хозяйственными интересами своихъ господъ, была бы немыслима жизнь древнихъ грековъ и римлянъ, ихъ досугъ, необходимый для занятій политическими дѣлами и созерцательной, умственной жизни. Институтъ рабства исчезъ въ новое время подъ вліяніемъ христіанскихъ идей о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ и германскихъ понятій о свободѣ человѣческой личности; но вмѣсто него осталась и существовала долго тяжелая форма подчиненія массы народа высшимъ классамъ общества—крѣпостное право, которое тяготѣло надъ населеніемъ средневѣковыхъ феодальныхъ государствъ. Крѣпостные—земледѣльцы и ремесленники—отправляли въ пользу своихъ феодальныхъ господъ (въ Германіи) и сеньоровъ (во Франціи) многочисленныя повинности, платили имъ и государству разнообразные налоги и сборы и проводили всю свою тяжелую, безъ всякаго просвѣта, жалкую

жизнь въ однихъ физическихъ трудахъ, результатами которыхъ пользовались другіе, высшіе классы западно-европейскаго общества—дворянство и духовенство. Измѣненіе отношеній между общественными классами наступило подъ вліяніемъ развитія науки, которой въ значительной мѣрѣ европейское общество обязано тѣмъ, что въ немъ были подорваны основы феодальнаго строя и на мѣстѣ рухнувшаго средневѣковаго быта возникло новое общество со всѣми его учрежденіями, доступными всѣмъ классамъ.

Только отъ односторонняго, близорукаго взгляда на роль науки въ жизни людей ускользаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что наука приносила имъ пользу съ тѣхъ поръ, какъ только появились первыя попытки устроить совмѣстную жизнь людей, которые обязаны наукѣ всей своей обстановкой, жизненными удобствами и всѣмъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Благодаря тяжелому и мучительному труду человѣческаго ума, питаніе дикаря сырыми или плохо обработанными продуктами земли, растеніями, мясомъ животныхъ смѣнилось со временемъ пищею культурнаго человѣка, принаровленною не только къ необходимымъ, но даже и утонченнымъ его вкусамъ. Жалкія одѣянія дикарей, довольствовавшихся самодѣльными костюмами изъ шкуръ, убитыхъ ими, животныхъ и растеній, замѣнились удобной и иногда роскошной одеждой культурныхъ людей, которые стали жить не въ первобытныхъ шалашахъ, незащищавшихъ обитателя отъ стихій природы, а въ домахъ, устроенныхъ по правиламъ архитектуры, приспособленныхъ ко всѣмъ нуждамъ и потребностямъ культурной жизни. Только благодаря научнымъ открытіямъ, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ нужно поставить изобрѣтеніе, ненужныхъ Толстому, денегъ, произошли значительныя измѣненія въ экономическомъ быту народныхъ массъ, которыя на Западѣ Европы живутъ въ наше время такъ, какъ въ средніе вѣка жили средніе, а еще ранѣе и высшіе классы общества въ

нѣкоторыхъ странахъ. Великія изобрѣтенія новаго времени въ области свѣта, пара, электричества совершили громадный переворотъ въ развитіи промышленности, торговли и взаимныхъ сношеніяхъ людей, многочисленныя благодѣянія котораго чувствуются и народными массами. Кромѣ того, наука вмѣстѣ съ религіей издавна была главнымъ источникомъ умственнаго и нравственнаго развитія общества. Изобрѣтеніе книгопечатанія, въ пользѣ котораго сомнѣвается гр. Толстой, дало толчекъ распространенію знаній во всемъ средневѣковомъ обществѣ, гдѣ до этого времени они были доступны лишь небольшой кучкѣ людей, ютившейся въ монастыряхъ. Съ распространеніемъ знаній сдѣлалось возможнымъ болѣе глубокое и полное примѣненіе истинъ христіанскаго ученія, которое тормозилось деспотизмомъ средневѣковыхъ государей, ихъ насиліями, рабствомъ цѣлой массы людей. Наука въ лицѣ *гуманистовъ* (XVI—XVII в.) провозгласила начало уваженія къ личности челокѣка, развитіе которой задерживалось всѣми мѣрами въ своихъ интересахъ властолюбивымъ папствомъ. Римскіе папы боялись науки, какъ огня, такъ какъ они хорошо сознавали, что ихъ власть надъ западно-европейскими народами основана только на невѣжествѣ народныхъ массъ. Поэтому папы мѣшали развитію науки, не стѣсняясь прибѣгать къ насилію для того, чтобы задержать просвѣщеніе народа. Извѣстна участь знаменитаго астронома Галилея, открывшаго движеніе земли около солнца: онъ былъ посаженъ въ темницу и долженъ былъ подписать отреченіе отъ своихъ еретическихъ мыслей. Галилей не захотѣлъ подчиниться этому насилію; не подчинилась папамъ и наука, которая продолжала обогащаться разными открытіями. Подъ вліяніемъ необыкновеннаго развитія астрономіи должно было исчезнуть вѣковое заблужденіе людей, воображавшихъ себя царями всей вселенной, въ которой они вмѣстѣ съ землей заняли теперь очень скромное мѣсто. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, вопреки мнѣнію

Нитцше, человѣкъ возвысился въ своихъ понятіяхъ о Творцѣ вселенной при видѣ безчисленныхъ міровъ небесныхъ свѣтилъ, разсѣянныхъ въ необозримыхъ, необъятныхъ ея пространствахъ. Открытіе многочисленныхъ законовъ міровыхъ явленій естественными науками разсѣяло вѣру въ волшебство, магію, некромантію, гаданія и также укрѣпило въ сознаніи людей вѣру въ величіе и могущество Творца. Теперь стали немыслимыми жестокія, возмутительныя казни тысячи лицъ, обвиняемыхъ въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ сатаной и поэтому сжигаемыхъ на кострѣ. Наука же избавила человѣчество отъ позорныхъ убійствъ массами „еретиковъ" вѣрными служителями католической церкви (іезуитами). Умственное движеніе въ Германіи (XVI—XVII в.), особенно же просвѣтительная французская философія XVIII ст. возвысили понятіе о человѣческой личности и тѣмъ способствовали разрушенію средневѣковаго, феодальнаго общественнаго строя, основаннаго исключительно на привиллегіяхъ, произволѣ и господствѣ высшихъ классовъ надъ низшими.

На развалинахъ средневѣковаго строя возникло въ XIX ст. новое общество, въ которомъ наука заняла первое мѣсто среди творческихъ силъ въ жизни народа. Человѣческій духъ продолжаетъ неутомимо работать надъ созданіемъ условій общественной жизни, благопріятныхъ для достиженія разнообразныхъ цѣлей человѣческой личности. Конечно, нельзя отвергать того факта, что отъ постепеннаго накопленія знаній о законахъ природы и человѣка выигрывали долго одни высшіе классы общества, съумѣвшіе хорошо устроить всю свою жизнь съ помощью науки, обставить ее всѣми удобствами и даже предметами роскоши. Но на тѣже высшіе классы европейскаго общества легла, ясно сознаваемая, ими теперь тяжелая забота о просвѣщеніи народныхъ массъ и поднятіи ея матеріальнаго благосостоянія. Много предстоитъ впереди напряженной, но плодотворной по своимъ результатамъ, ра-

боты европейскому обществу и правительствамъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать образованіе во всѣхъ его видахъ общедоступнымъ, пріобщить народныя массы къ научнымъ сокровищамъ и сблизить науку съ жизнью, гдѣ она могла бы служить непосредственно народнымъ нуждамъ. Толстой до извѣстной степени правъ, когда онъ упрекаетъ современную науку въ томъ, что она служитъ болѣе высшимъ классамъ общества, занимается разными отвлеченными вопросами, неимѣющими непосредственнаго отношенія къ нуждамъ простого народа. По-крайней мѣрѣ, справедливо, что наши русскіе крестьяне до сихъ поръ живутъ въ той же примитивной, жалкой матеріальной обстановкѣ, въ какой ихъ предки жили нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ. Но на Западѣ Европы низшее, рабочее населеніе городовъ и селъ живетъ въ болѣе лучшихъ условіяхъ матеріальной жизни, болѣе имѣетъ средствъ пользоваться всѣми техническими открытіями при удовлетвореніи своихъ нуждъ и также въ состояніи вѣрно оцѣнить всю пользу знаній о природѣ и обществѣ, которыя получаются имъ при посѣщеніи школъ, публичныхъ лекцій и самостоятельномъ чтеніи классическихъ произведеній литературы и разнаго рода научныхъ сочиненій. Мысль о необходимости просвѣщенія всей массы народа проникла въ западныхъ странахъ такъ глубоко въ сознаніе общества, что въ немъ на нашихъ глазахъ возникло, сначала въ Англіи, а потомъ и на континентѣ въ высшей степени оригинальное учрежденіе „распространеннаго народнаго университета“, въ которомъ принимаютъ самое дѣятельное участіе виднѣйшіе представители западно-европейской науки. Тоже движеніе къ распространенію знаній среди народа замѣчается и въ нашемъ отечествѣ, гдѣ вмѣстѣ съ постепеннымъ увеличеніемъ всякаго рода школъ (высшихъ спеціальныхъ, среднеучебныхъ заведеній, особенно техническихъ и народныхъ школъ) развивается, особенно за послѣднее время, популярная научная литература. Въ ней

дѣлаются общедоступными выводы современной науки по разнымъ ея отраслямъ, изученіе которыхъ свидѣтельствуетъ о выражаемой со всѣхъ сторонъ жаждѣ знанія и его необходимости для многихъ практическихъ нуждъ народа. Привилась къ русской жизни, способная удовлетворить въ извѣстной степени замѣтно оживившейся въ ней потребности въ знаніяхъ, и идея „распространеннаго университета“ [1]).

Съ такими серьезными стремленіями нашего общества къ самообразованію совершенно не вяжется глумленіе Толстого надъ умственнымъ трудомъ, „работой головой“, которую онъ осмѣиваетъ въ сказкѣ объ „Иванѣ дуракѣ“, восхваляя въ тоже время физическій трудъ [2]). „Головой можно выработать больше, чѣмъ руками“, во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ рѣчь идетъ не о насущномъ только кускѣ хлѣба, но и обезпеченіи людямъ лучшихъ условій матеріальныхъ условій ихъ жизни, особенно же устройствѣ всякаго рода общественныхъ учрежденій, обусловливающихъ всестороннее развитіе силъ человѣческой природы и удовлетвореніе всѣхъ его потребностей. Одна физическая работа безъ умственнаго труда не можетъ, какъ показываетъ много примѣровъ изъ жизни простаго народа, вывести людей изъ состоянія дикости и безпросвѣтнаго мрака суевѣрія и невѣжества и дать имъ счастливую жизнь. Еще болѣе мы считаемъ неумѣстнымъ въ дѣлѣ просвѣщенія выдавать за современную науку каррикатурное ея изображеніе, которое мы находимъ въ „Плодахъ просвѣщенія“ гр. Толстого. Еще никто не представлялъ серьезно всю

---

[1]) Такъ, напр., въ обѣихъ столицахъ образовались два кружка ученыхъ и публицистовъ, поставившихъ себѣ задачей устройство публичныхъ лекцій, выработку энциклопедическихъ программъ для самообразованія и облегченія домашнихъ занятій науками, входящими въ кругъ, систему самообразованія. Въ одномъ изъ русскихъ университетовъ (харьковскомъ) открыты общеобразовательные публичные курсы. Профессора университетовъ читаютъ публичныя лекціи по наиболѣе интересующимъ общество вопросамъ.

[2]) Сочиненія Толстого, XII ч., 159—163 стр.

науку въ видѣ какой-то теоріи о спиритизмѣ или микробахъ, понятій о нихъ, сшитыхъ бѣлыми нитками, плохо составленныхъ и усвоенныхъ извѣстнымъ кружкомъ праздныхъ лицъ. Толстой выводитъ въ „Плодахъ просвѣщенія“ такихъ представителей науки, которые знакомы съ нею поверхностно и занимаются ею отъ нечего дѣлать (проф. Кругосвѣтловъ, Петрищевъ, Сохатовъ и др.), или же дѣлаютъ науку предметомъ недостойныхъ насмѣшекъ и праздной, пустой забавы (сынъ Звѣздинцева). Такого рода „наука“ можетъ доставить случай потѣшиться надъ господами и извлечь изъ нихъ для себя выгоды, какъ это сдѣлала горничная Звѣдинцевыхъ, Таня. Но эта наука, конечно, не нужна народу, который съ удивленіемъ и насмѣшкой смотритъ (въ лицѣ трехъ мужиковъ), какъ господа забавляются такимъ пустымъ дѣломъ [1]). Нападать на современную науку, отрицать ее потому только, что въ ней есть много неустановившихся теорій, разнаго рода нерѣшенныхъ вопросовъ, значитъ отвергать въ человѣкѣ, коренящіеся въ его природѣ, вѣчные запросы человѣческаго духа о происхожденіи міра, человѣка и смыслѣ его жизни, который такъ усердно ищетъ самъ графъ Толстой и находитъ его, съ своей точки зрѣнія, съ помощью той же науки. Истинная наука не имѣетъ ничего общаго съ нелѣпыми о ней представленіями какой-либо кучки праздныхъ и сытыхъ людей: умственный трудъ, необходимый для занятій ею, какъ прекрасно замѣчаетъ и Толстой, трудное, тяжелое дѣло, требующее постояннаго напряженія всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ человѣка, пожертвованій своимъ временемъ, здоровьемъ, а иногда и жизнью. Мы знаемъ скромныхъ тружениковъ науки, которые проводятъ всю свою жизнь въ кабинетахъ, лабораторіяхъ, зараженныхъ міазмами, буквально губятъ свое здоровье и жизнь въ неусыпныхъ тру-

---

[1]) Соч. Толстого, XIII т., 373—490 стр.

дахъ изъ за искренней преданности идеѣ истины и самоотверженной любви къ людямъ. Были всегда и есть и теперь великіе работники мысли, спасающіе своими теоретическими открытіями, добытыми путемъ, опасныхъ для ихъ жизни, опытовъ милліоны людей отъ неминуемой смерти (Дженнеръ, Пастеръ, Ру и др.). Но самоотверженіе—великій подвигъ, доступный немногимъ, и требовать его отъ всѣхъ людей значитъ надѣлять человѣческую природу одними высшими, нравственными качествами, на ряду съ которыми есть въ ней и разнаго рода недостатки и слабости, встрѣчающіеся и среди представителей науки. Поэтому-то Толстой такъ строгъ къ *медикамъ*, которые, по его словамъ, не спасаютъ людей отъ смерти, а только съ важной миной жрецовъ науки, пренебрегая часто стыдливостью паціентовъ, дѣлаютъ видъ, что они лѣчатъ разныя болѣзни, въ которыхъ на самомъ дѣлѣ ничего не понимаютъ [1]). Считаетъ ненужными, излишними медицину и медиковъ и Нитцше, который вмѣняетъ въ обязанность врачамъ не лѣчить больныхъ—паразитовъ общества, неспособныхъ къ дальнѣйшему развитію своихъ инстинктовъ. Однако, не всѣ же больные непремѣнно умираютъ и все искусство врача обыкновенно бываетъ направлено на то, чтобы возвратить своимъ паціентамъ здоровье и, значитъ, возможность продолжать жизнь по рецепту Нитцше, если только они жили по нему ранѣе, или предпочитаютъ жить позже. Современная медицина и ея представители не задаются такими вопросами, а во имя человѣколюбія считаютъ своимъ долгомъ сдѣлать все возможное для возвращенія силъ всякому больному, какова бы ни была его болѣзнь и надежда на выздоровленіе; врачи борятся съ нею всѣми средствами, указываемыми наукой, и они, конечно, не виноваты въ томъ, что медицинскія науки такъ еще несовершенны,

---

[1]) См. „Крейцерову Сонату“ (XIII т. соч. Толстого, 567—568, 572—573 стр.).

что даютъ въ руки мало вѣрныхъ медикаментовъ, исцѣляющихъ отъ разнаго рода опасныхъ для жизни болѣзней. Серьезный, знающій и гуманный врачъ никогда не позволитъ себѣ ни дѣлать „важную мину жреца науки", ни оскорблять безъ нужды чувства стыдливости паціентовъ, которымъ къ тому же не до того, чтобы слѣдить за соблюденіемъ приличій, разъ дѣло идетъ, быть можетъ, о самой ихъ жизни. Теперь уже открыты не только причины многихъ, наиболѣе губительныхъ для здоровья, болѣзней (заразительныхъ: дифтерита, чумы, бѣшенства, сибирской язвы и др.), но и найдены надежныя средства ихъ излеченія. Поэтому нельзя сказать, что современная медицина безсильна совсѣмъ въ излеченіи болѣзней и врачи берутся за дѣло, въ которомъ они ничего не понимаютъ. Тамъ же, гдѣ медицина пока еще мало сказала о средствахъ излеченія болѣзни, нерѣдко спасаетъ больного отъ смерти искренняя любовь и преданность къ своему дѣлу гуманнаго врача, который забываетъ о себѣ у постели трудно больнаго и испытываетъ живѣйшее, нравственное удовольствіе, если ему удастся спасти больнаго отъ грозящей ему, иногда неминуемой смерти.

Современная наука думаетъ не объ одномъ только сохраненіи и развитіи тѣлесныхъ силъ, здоровьи человѣка. Для нея не менѣе важны и нравственныя его силы, изслѣдованіемъ которыхъ занимается *этика*—наука о нравственности, извѣстная еще въ глубокой древности. Китайскій мудрецъ Конфуцій, особенно же греческіе философы Платонъ и Аристотель первые обратили вниманіе на первостепенную роль нравственнаго элемента въ человѣческой жизни и первые же дали ученіе о нравственности, какъ высшемъ жизненномъ идеалѣ человѣка, которому должны подчиняться остальныя цѣли его жизни. Но представленія древнихъ греческихъ философовъ о морали имѣли аристократическій характеръ, были разсчитаны на различіе грековъ—свободныхъ только лю-

дей—отъ всѣхъ остальныхъ народовъ (варваровъ) и рабовъ. Истинно нравственную жизнь могли вести, по взгляду Платона и Аристотеля, только одни греки, обладавшіе всѣми качествами сильныхъ людей съ развитыми инстинктами и духовными силами и способными вести жизнь въ духѣ политическихъ и общественныхъ идеаловъ древности. Новая европейская мораль построена на понятіи о человѣческой личности, присущихъ ей нравственныхъ силахъ, одинаково свойственныхъ всѣмъ людямъ безъ различія національности и какихъ-либо другихъ ограниченій (по религіи, происхожденію, общественному классу и проч.). Великому *Э. Канту* принадлежитъ безсмертная заслуга геніальнаго обоснованія нравственнаго закона, открытаго имъ въ человѣческой природѣ въ видѣ повелительнаго предписанія нашей совѣсти слѣдовать *добрымъ* побужденіямъ и избѣгать *злыхъ* мотивовъ въ своей дѣятельности. Напрасно иронизируетъ надъ Кантомъ въ этомъ случаѣ Нитцше, который самъ не отвергаетъ важнаго значенія совѣсти въ жизни людей, но лишь желаетъ измѣнить ея содержаніе въ духѣ общаго своего міровоззрѣнія. Графъ Толстой—вѣрный послѣдователь нравственныхъ воззрѣній Шопенгауэра—въ тоже время сторонникъ и всего ученія Канта, ученикомъ котораго былъ Шопенгауэръ. Главная моральная идея Толстого о совершенномъ пожертвованіи собою на пользу ближняго до полнаго забвенія своей личности—тотъ же голосъ совѣсти, нравственнаго закона, который Кантъ представляетъ въ видѣ безусловнаго предписанія человѣку слѣдовать голосу совѣсти въ своей нравственной дѣятельности. Подобно Канту, Толстой представляетъ человѣка способнымъ къ тому, чтобы забыть о своей животной природѣ ради высшей, нравственной идеи, но затѣмъ, повидимому, неожиданно приходитъ, вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ, къ признанію потребностей тѣлесной природы главною цѣлью человѣческой дѣятельности. Такова и на самомъ дѣлѣ должна быть всякая попытка при-

мѣненія на практикѣ слишкомъ общаго, отвлеченнаго и суроваго нравственнаго требованія Канта, предоставленнаго одному „разумѣнію" самого человѣка помимо другихъ природныхъ, религіозныхъ и общественныхъ, основаній морали. Сводя всю нравственную дѣятельность къ одной заботѣ о матеріальномъ благосостояніи людей, Толстой въ тоже время забываетъ для этой послѣдней цѣли о всѣхъ наукахъ, кромѣ этики, и обвиняетъ современную опытную, положительную науку въ томъ, въ чемъ она не виновата. Дѣло въ томъ, что позитивное направленіе въ современной наукѣ имѣетъ своею цѣлью лишь отысканіе законовъ видимыхъ міровыхъ явленій. Оно не касается тѣхъ вѣчныхъ вопросовъ человѣческаго духа о конечныхъ причинахъ всѣхъ явленій, цѣляхъ и назначеніи человѣческой жизни, которые составляли издавна предметъ безпрестанныхъ изысканій для ихъ рѣшенія мудрецами всего міра. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ—дѣло религіи, философіи, этики. Превратить въ этику всѣ науки или же выбросить изъ области личной жизни человѣка всѣ знанія положительнаго характера, какъ науки чистыя или *основныя*, такъ и *прикладныя*, техническія значитъ, съ одной стороны, отказаться отъ удовлетворенія коренной потребности природы человѣка объяснить себѣ окружающія его міровыя явленія и собственную природу, а съ другой пренебречь всѣми, добытыми чистыми науками, законами міровыхъ явленій для наиболѣе лучшаго обезпеченія своего личнаго и общественнаго благосостоянія, о которомъ такъ много думаетъ самъ графъ Толстой.

Признавая за истинную науку одну только этику, Толстой долженъ, по крайней мѣрѣ, оставить право на существованіе за *наукой о правѣ*, которая находится въ тѣсной связи съ ученіемъ о нравственности: право—выраженіе нравственныхъ идеаловъ эпохи и въ тоже время могущественное средство осуществленія ихъ на ряду съ другими цѣлями че-

ловѣческой личности (научными, эстетическими и пр.). Между тѣмъ, Толстой, относится съ презрѣніемъ къ наукѣ права, присвоивая ей кличку „размѣнной кассы исторіи". Это названіе юриспруденціи обнаруживаетъ въ его авторѣ полное незнакомство съ задачами, содержаніемъ науки о правѣ и ея отраслями. Главный ея предметъ—право, подъ понятіе котораго подходятъ всѣ обязательныя правила (нормы) отношеній людей въ общественной жизни, существующія здѣсь съ цѣлью помочь имъ въ всестороннемъ удовлетвореніи потребностей человѣческой природы. Источникомъ юридическихъ предписаній является или народъ (обычное право) или государство (законъ). Наука права изучаетъ право, какъ необходимое общественное явленіе, коренящееся въ человѣческой природѣ, изслѣдуетъ роль права въ жизни людей и формы проявленія идеи права въ исторіи всего человѣчества. Общее понятіе права вырабатывалось постепенно въ теченіе не только всей христіанской эры лѣточисленія, но еще задолго до нея (на Востокѣ, въ древней Греціи и Римѣ). Въ каждую эпоху исторіи вносились въ это понятіе права извѣстные элементы, которыми оно дополнялось и развивалось. Поэтому исторія права, въ которой изучается этотъ продолжительный процессъ развитія права, представляется одной изъ отраслей юридическаго знанія, знакомство съ которой необходимо для правильнаго пониманія того, что такое право. Его понятіе со всѣми общими признаками и особенными чертами, отличающими право отъ другихъ общественныхъ правилъ (морали, обычаевъ, приличій и друг.), выясняется въ философіи права, а изложеніемъ положительнаго, дѣйствующаго права въ обществѣ, различныхъ юридическихъ учрежденій въ немъ (семьи, имущества, наслѣдства, государства) занимаются положительныя юридическія науки. Такимъ образомъ, назвать всю юридическую науку „размѣнной кассой исторіи" значитъ не понимать того, что такое право и какая его роль

въ жизни людей, не знать, что за наука юриспруденція и, наконецъ, имѣть самое превратное представленіе объ исторической наукѣ вообще, особенно же—исторіи права.

Гр. Толстой смотритъ на *искусство* исключительно съ нравственной точки зрѣнія, какъ мы видѣли, чрезвычайно возвышенной, но только подрывающей дѣйствительное моральное вліяніе на общество произведеній искусства, неподходящихъ подъ воззрѣнія Толстого на его задачи въ общественной жизни. Недоволенъ произведеніями современнаго искусства и Нитцше, который ждетъ отъ нихъ воплощенія страстей человѣка, поклоненія его инстинктамъ, прославленія плоти, поощренія развитію чувственности. Нитцше желалъ бы, чтобы въ мірѣ царствовало одно веселье и вѣчная радость людей не омрачалась никогда никакими намеками на лишенія, печали, смерть. Аполлоновскому искусству съ его отвлеченными идеалами онъ противопоставляетъ діонисіевское съ его любовью въ могучій инстинктъ жизни въ людяхъ. Толстой вѣритъ въ неминуемое торжество добрыхъ наклонностей въ людяхъ при преслѣдованіи ими нравственныхъ идеаловъ и поэтому опасается будить въ человѣкѣ страсти произведеніями современнаго искусства. По его мнѣнію, они только потакаютъ низменнымъ вкусамъ богатыхъ и праздныхъ классовъ и не приносятъ народу никакой пользы. Въ „Крейцеровой сонатѣ“ Толстой въ виду сохраненія нравственной чистоты въ людяхъ совѣтуетъ упразднить совсѣмъ *музыку* [1]) и рекомендуетъ всѣмъ представителямъ искусства подумать о простомъ народѣ, посвятить ему свои силы и произведенія.

---

[1]) „Музыка дѣйствуетъ, говоритъ Толстой, не возвышающимъ, а принижающимъ и раздражающимъ душу образомъ. Она переноситъ человѣка въ то состояніе, въ которомъ находился тотъ, кто писалъ музыку. Она гипнотизируетъ слушателей и принуждаетъ ихъ дѣлать то, что угодно исполнителю музыкальнаго произведенія. Она вызываетъ несоотвѣтственное ни мѣсту, ни времени чувство и энергію и поэтому дѣйствуетъ губительно, заставляетъ женъ измѣнять своимъ мужьямъ“. (Соч. Толстого, XIII т., 593—594 и 600—601 стр.).

Самъ Толстой подалъ имъ къ тому примѣръ, когда издалъ цѣлый рядъ сказокъ и легендъ, воспроизводящихъ разныя народныя преданія и суевѣрія [1]). Едва ли, однако, кто можетъ утверждать, что подобная служба народу Толстого, какъ художника, полезнѣе его прежней (до „Исповѣди") литературной дѣятельности, такъ рано имъ покинутой ради дѣятельности проповѣдника—моралиста. Только искреннимъ увлеченіемъ этою новою ролью, которая такъ всегда прельщала Толстого, можно объяснить его невниманіе къ высокому, облагораживающему умъ и сердце человѣка, значенію искусства въ его жизни. Въ истинныхъ произведеніяхъ искусства, образцомъ которыхъ служатъ литературныя произведенія самого же Толстого (до „Исповѣди"), воплощаются обыкновенно тѣ или другіе морально-общественные идеалы, или же, какъ у Гоголя, предаются публичному позору разнообразные нравственные недостатки людей. На такомъ общественномъ характерѣ произведеній искусства основана воспитательная роль лучшихъ беллетристическихъ сочиненій, благотворное вліяніе на все міровоззрѣніе и нравы общества, какое оказываютъ на нихъ сценическія представленія драматическихъ піэсъ, трагедій, комедій, хорошее исполненіе серьезныхъ музыкальныхъ произведеній, посѣщеніе музеевъ и картинныхъ галлерей съ классическими образцами искусства. Всякій изъ насъ знаетъ по себѣ, какъ хорошо дѣйствуетъ на душу серьезная *музыка* (Бехтовена, Моцарта, Гайдна, Листа, Глинки и друг.), которая возвышаетъ человѣка надъ обычною жизнью съ ея мелочными, ежедневными заботами, заставляетъ забыть, хотя не надолго, всю горечь тяжелыхъ жизненныхъ испытаній, будитъ въ душѣ человѣка лучшія, благородныя чувства, смягчаетъ нравы общества. Точно такое

---

[1]) Таковы сказки: „Свѣчка", „Три старца", „Какъ чертенокъ крошку выкупалъ" (XII т. соч. Толстого).

же впечатлѣніе получается при внимательномъ чтеніи лучшихъ литературныхъ произведеній, принадлежащихъ великимъ міровымъ поэтамъ (Шекспиру, Гёте, Шиллеру, Пушкину, Гоголю, самому же Толстому и мн. др.), какъ и созерцаніи дивныхъ произведеній живописи, скульптуры и архитектуры, оставшихся отъ древнихъ грековъ или созданныхъ творческой фантазіей новыхъ художниковъ. Изящная, пластическая форма такихъ классическихъ произведеній искусства удовлетворяетъ чувству прекраснаго, потребности человѣка осуществить во внѣ идею красоты; скрытая подъ ея формой въ произведеніяхъ искусства, мысль художника дѣйствуетъ на умъ и сердце человѣка и совершаетъ въ его воззрѣніяхъ и поведеніи измѣненія, желательныя для нравственнаго развитія и полезныя въ равной мѣрѣ каждому отдѣльному лицу и всему обществу. Конечно, среди произведеній искусства есть немало и такихъ, которыя разсчитаны прямо на грубые вкусы толпы и удовлетвореніе однѣхъ чувственныхъ наклонностей человѣка. Такими произведеніями богаты почти всѣ виды современнаго искусства: поэзія—литература, музыка, живопись, скульптура. Во всѣхъ нихъ можно найти произведенія, гдѣ доведено до крайности натуралистическое направленіе, всего менѣе способное возбудить въ людяхъ презрѣніе и отвращеніе отъ нравственныхъ недостатковъ и развить въ нихъ добрыя чувства и мысли. Такого рода произведенія искусства въ духѣ идей Нитцше, его культа чувственности въ человѣкѣ, и противъ нихъ справедливо вооружается Толстой, привлекая къ себѣ въ этомъ случаѣ симпатіи всѣхъ истинно образованныхъ людей. Мы только не можемъ согласиться съ нимъ, что даже серьезныя музыкальныя произведенія, какъ напр., „Крейцерова соната“, дѣйствуютъ на человѣка раздражающимъ образомъ и побуждаютъ людей совершать безнравственные поступки. Въ одной изъ повѣстей ранняго періода своей литературной дѣятель-

ности („Семейное счастье") Толстой прекрасно изображаетъ, какое благотворное, умиротворяющее дѣйствіе произвела серьезная музыка на отношенія супруговъ, начавшія измѣняться къ худшему послѣ ряда счастливыхъ лѣтъ. Даже самое заключеніе брака супруговъ въ „Семейномъ счастьи" произошло подъ вліяніемъ впечатлѣній, навѣянныхъ на жениха художественнымъ исполненіемъ его невѣстой произведенія одного изъ извѣстныхъ европейскихъ композиторовъ. Музыка помирила, начинавшихъ охладѣвать другъ къ другу, супруговъ и закрѣпила снова ихъ союзъ сознаніемъ, отнынѣ связавшей ихъ, общности интересовъ, желаній и заботъ о дѣтяхъ. Въ „Крейцеровой сонатѣ" музыка дѣйствительно раздражаетъ мужа, Позднышева, возбуждаетъ его подозрительность и ревность и даже заставляетъ его рѣшиться на ужасный поступокъ. Но „Крейцерова соната" Толстого даетъ картину ненормальнаго брака и мы должны остановиться на ней подольше при разборѣ и оцѣнкѣ взглядовъ на современный бракъ и женщину обоихъ философовъ, гр. Толстого и Ф. Нитцше.

VI.

„Крейцерова соната"—литературное произведеніе послѣдняго періода дѣятельности гр. Толстого—привлекла при своемъ появленіи исключительное вниманіе всего европейскаго образованнаго общества и возбудила въ немъ самые оживленные толки и споры. Всѣ увидѣли въ „Крейцеровой сонатѣ" прекрасную иллюстрацію къ взглядамъ Толстого на бракъ (его заповѣдь: „не разводись, соблюдай нравственную чистоту до брака и въ бракѣ"). Но въ тоже время читатели были поражены рѣзкимъ осужденіемъ въ ней не только современнаго брака въ высшихъ, образованныхъ классахъ, но и, принятаго у нихъ, воспитанія и даже всего образа ихъ жизни, посвященнаго, по словамъ Толстого, однимъ поблажкамъ

чувственности, сплошному удовлетворенію инстинктамъ человѣческой природы. Впечатлѣніе отъ „Крейцеровой сонаты“ на общество получилось необыкновенное: Толстой сразу пріобрѣлъ славу всемірнаго писателя, которой онъ до сихъ поръ не пользовался. Авторъ „Крейцеровой сонаты“ былъ заваленъ письмами, въ которыхъ, между прочимъ, спрашивали, совѣтуетъ ли графъ вступать въ бракъ, не рекомендуетъ ли онъ безусловное удержаніе отъ него въ виду неизбѣжной погибели всего человѣческаго рода, предсказываемой Толстымъ въ „Крейцеровой сонатѣ“. Ея читателей, видимо, напугала мысль автора, что родъ человѣческій долженъ исчезнуть, какъ скоро будетъ достигнута его цѣль—благо, добро, соединеніе всѣхъ воедино любовью,—и что одно изъ средствъ къ достиженію этой цѣли—уничтоженіе страстей, особенно же самой сильной между ними—плотской любви, безъ которой немыслимы существующія теперь отношенія между полами и самый бракъ [1]). Въ отвѣтъ на многочисленные запросы Толстой написалъ „Послѣсловіе къ Крейцеровой сонатѣ“, въ которомъ разъяснилъ главныя ея мысли и отношеніе ихъ къ своему понятію христіанскаго ученія. Сущность этихъ разъясненій сводится къ тому, что Толстой совѣтуетъ соблюдать нравственную чистоту въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами какъ до брака, такъ въ извѣстное время и въ самомъ бракѣ. Супруги не должны преслѣдовать въ бракѣ одно удовлетвореніе чувственности, обязаны соблюдать взаимную вѣрность, видѣть въ дѣтяхъ не помѣху къ наслажденіямъ, а радоваться ихъ рожденію и воспитывать ихъ такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ выходили люди съ разумными цѣлями въ жизни, а не изнѣженныя, откормленныя животныя съ развитой въ нихъ воспитаніемъ одной чувственностью. Наконецъ, Толстой настаиваетъ на томъ, чтобы за-

---

[1]) XIII т. соч. Толстого, 298—299 стр.

ключеніе брака вызывалось не однимъ лишь чувственнымъ влеченіемъ другъ къ другу мужчины и женщины, поддерживаемымъ разными искусственными мѣрами (искусствомъ, особенно поэзіей, музыкой, модными нарядами, празднымъ образомъ жизни). Молодымъ людямъ лучше воздерживаться отъ брака, такъ какъ плотская любовь—служеніе себѣ—противорѣчитъ христіанскому ученію о любви, служеніи Богу и людямъ, а также идетъ въ разрѣзъ и съ прогрессомъ человѣчества, всегда шедшимъ отъ распущенности къ большему и большему цѣломудрію. Если же люди вступили въ бракъ, то Толстой вмѣняетъ имъ въ обязанность служить Богу въ этой ограниченной области дѣятельности тѣмъ, чтобы воспитывать дѣтей и въ тоже время стремиться къ освобожденію отъ соблазна, чистымъ, братскимъ отношеніямъ между мужемъ и женой [1]).

Въ противоположность воззрѣніямъ Толстого на бракъ Нитцше смотритъ на него, какъ на общественный институтъ, который основанъ на половомъ инстинктѣ, нерасторжимый союзъ, заключаемый съ цѣлью дать обществу поколѣніе сильныхъ духомъ и тѣломъ людей. Нитцше поэтому совѣтуетъ дать широкій просторъ развитію чувственныхъ наклонностей, особенно же въ женщинѣ, которая должна повиноваться своему мужу и мечтать лишь о томъ, чтобы когда-либо сдѣлаться матерью „сверхчеловѣка". Чувственность должна преобладать въ отношеніяхъ между супругами даже въ бракахъ, основанныхъ на духовной, взаимной сердечной ихъ привя-

---

[1]) Ibidem, Послѣсловіе. Вопросъ о бракѣ Толстой обсуждаетъ еще въ своемъ сочиненіи: „Въ чемъ моя вѣра", гдѣ рѣчь идетъ о томъ, допускаетъ ли христіанство разводъ? Толстой рѣшаетъ его отрицательно, прибѣгая для этого къ совершенно произвольному толкованію разныхъ мѣстъ Св. Писанія. (См. у Гусева: „Основныя религіозныя начала гр. Л. Толстого", 3-я глава). Въ небольшомъ разсказѣ: „Франсуаза" Толстой изображаетъ всѣ ужасныя послѣдствія проституціи, такъ распространенной въ современномъ европейскомъ обществѣ (XIV т. соч. Толстого).

занности. Нитцше, значитъ, оправдываетъ и всѣ, такъ рѣзко осуждаемыя Толстымъ, средства поощренія чувственности въ современномъ воспитаніи дѣтей и взаимныхъ отношеніяхъ половъ до брака и, какъ слѣдствіе сильнаго развитія чувственности въ бракѣ, нарушеніе вѣрности другъ другу обоими супругами.

Изъ взглядовъ на бракъ Толстого и Нитцше, которые стоятъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, на двухъ крайнихъ точкахъ, полюсахъ, наибольшее вниманіе современнаго общества привлекаютъ возвышенныя представленія Толстого, такъ гармонирующія съ моральными идеалами европейцевъ. Едва ли что можно возразить противъ требованія Толстымъ нравственной чистоты въ взаимныхъ отношеніяхъ между полами, какъ и его взгляда на бракъ, какъ высшій, нравственный союзъ, вступленіе въ который должно обусловливаться не однимъ чувственнымъ влеченіемъ, а взаимнымъ и равнымъ уваженіемъ и любовью мужчины и женщины. Святость и ненарушимость такого брака должна сохраняться во всю жизнь супруговъ. Въ повѣсти: „Ходите въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть“ Толстой выясняетъ вполнѣ свое понятіе объ истинномъ христіанскомъ бракѣ, который онъ противополагаетъ языческому браку, практикуемому въ современномъ обществѣ. Человѣкъ любитъ въ женщинѣ, говоритъ Толстой словами христіанина Памфилія, свое наслажденіе отъ сближенія съ нею, а не человѣка, подобнаго себѣ, и потому вступаетъ въ бракъ ради своего наслажденія. Всякій же бракъ, имѣющій въ основѣ одно личное благо, не можетъ не быть причиной раздора. Поэтому въ языческомъ мірѣ, гдѣ люди думаютъ не о воспитаніи въ себѣ чувства любви къ братьямъ, а только возбужденіи страстной любви къ женщинѣ, изъ за нея возникаютъ споры и раздоры между соперниками. Они бьются другъ съ другомъ, какъ животныя, чтобы пріобрѣсть самку. Поэтому бракъ у нихъ на-

силіе въ той или другой степени, которое нерѣдко является скрытымъ въ томъ случаѣ, когда тотъ, кто женится на дѣвушкѣ, нелюбящей его или любящей другого, заставляетъ страдать ее, не жалѣетъ ее, лишь бы удовлетворить своей любви. Но человѣкъ не только животное, но еще и существо съ разумной природой. И если онъ употребляетъ разумъ на служеніе своей животной природѣ, онъ поступаетъ хуже животнаго, доходитъ до насилія, кровосмѣшенія. Человѣкъ долженъ употребить разумъ на обузданіе въ себѣ животнаго, чтобы достигнуть нужнаго ему блага. Христіанскій бракъ возможенъ, когда предметъ плотской любви уже прежде есть предметъ братской любви къ человѣку. Плотская любовь допускается въ христіанскомъ бракѣ, но только подъ условіемъ, чтобы въ основаніи ея лежали уваженіе и любовь людей другъ къ другу. Толстой объясняетъ, какъ можетъ возникнуть эта взаимная любовь людей: они не должны думать о личномъ наслажденіи красотой, но избѣгать всякихъ соблазновъ, ведущихъ къ этому, обязаны размышлять объ обязанностяхъ уваженія и любви къ ближнему. Если люди воспитаютъ въ себѣ это чувство, тогда любовь къ людямъ возметъ верхъ надъ соблазномъ красоты, побѣждаетъ его и уничтожаетъ раздоръ, происходящій изъ половыхъ отношеній. Что отношенія между людьми могутъ быть основаны, помимо чувственнаго половаго влеченія, на одномъ уваженіи и любви, это доказывается примѣромъ отношеній родныхъ — отца съ дочерьми, матери съ сыновьями, братьевъ съ сестрами. Всѣ они другъ для друга предметъ не личнаго удовольствія, а родственной любви. Половое чувство въ нихъ могло бы проснуться, если бы они узнали, что между ними нѣтъ родства, но и тогда это чувство было бы слабо, такъ какъ оно сдерживалось бы чувствомъ любви къ матери, дочери, сестрѣ. Поэтому же и въ каждомъ мужчинѣ можетъ быть воспитано такое же родственное чувство ко всѣмъ женщи-

намъ, на почвѣ котораго потомъ выростетъ и чувство супружеской любви [1]).

Таковъ истинный, христіанскій бракъ по Толстому. *Каковъ не долженъ быть бракъ*, каковы вообще браки въ современномъ образованномъ обществѣ, примѣръ ихъ Толстой даетъ въ „Крейцеровой сонатѣ". Бракъ четы Позднышевыхъ былъ съ самого начала основанъ на одномъ чувственномъ влеченіи сначала жениха къ невѣстѣ, а потомъ мужа къ женѣ, которая вышла замужъ безъ настоящей любви къ своему супругу. Толстой указываетъ, откуда вытекаетъ этотъ лишь чувственный характеръ отношеній мужчины къ женщинѣ въ богатыхъ и образованныхъ классахъ общества, когда онъ описываетъ, какъ проводитъ время и какимъ грубымъ, животнымъ удовольствіямъ предается здѣсь юноша. Отсюда же понятно, почему устанавливается обыкновенно легкомысленный взглядъ на отношенія къ женщинѣ не только у него, но даже и у болѣе взрослыхъ, солидныхъ людей въ обществѣ на естественныя послѣдствія темперамента и возраста молодаго человѣка. Народная пословица: „быль молодцу не въ укоръ" примѣняется въ такихъ случаяхъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Обыкновенно родители, сами сплошь и рядомъ виноватые въ грѣхахъ своей молодости, снисходительны къ юношѣ, прощаютъ ему похожденія въ качествѣ Донъ-Жуана, находятъ имъ оправданіе въ общепринятыхъ взглядахъ общества [2]). Истощенный физически и развращенный

---

[1]) Соч. Толстого, дополненіе къ XIII ч., 41—53 стр.

[2]) „Я, вѣдь, ни отъ кого отъ старшихъ не слыхалъ, чтобы то,—что я дѣлалъ, было дурно. Да и теперь никто не услышитъ. Правда, есть это въ заповѣдяхъ, но заповѣди вѣдь нужны только на то, чтобы отвѣчать на экзаменѣ батюшкѣ, да и то не очень нужны, далеко не такъ, какъ заповѣдь объ употребленіи *ut* въ условныхъ предложеніяхъ. Отъ людей старшихъ, которыхъ я уважалъ, я слышалъ, что мои борьбы и страданія утишатся послѣ этого, что для здоровья это будетъ хорошо. Отъ товарищей же слышалъ, что въ этомъ есть нѣкоторое молодечество, „невинная забава для молодого человѣка". Доктора увѣряютъ, что это нужно для здоровья и родители охотно имъ вѣрятъ, не по-

нравственно въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ, юноша начинаетъ подумывать о женитьбѣ, подыскивая чистую, невинную и непремѣнно красивую дѣвушку, которая только можетъ быть ему женой [1]). Невѣста Позднышева была красива, обладала стройной фигурой, и онъ рѣшилъ, что она „верхъ нравственнаго совершенства и достойна быть его женой". Толстой дѣлаетъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній по поводу того, какъ вслѣдствіе укоренившейся въ обществѣ привычки поощрять всѣми способами чувственную склонность мужчины къ женщинѣ обращается особенное вниманіе на то, чтобы наряжать дѣвушекъ съ цѣлью выставить ихъ красоту въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ [2]). Такъ среди всѣхъ этихъ условій жизни, развившихъ въ Позднышевѣ одну чувственную сторону, онъ женится на понравившейся дѣвушкѣ. Отсутствіе всякихъ нравственныхъ и умственныхъ связей между ними сказалось уже ранѣе заключенія брака въ ту пору,

---

дозрѣвая того, что съ перваго момента паденія въ юношѣ исчезаетъ *навсегда* простое, чистое, братское отношеніе къ женщинѣ и остается одно физическое къ ней влеченіе". (XIII т. соч. Толстого, 281—283 стр.).

[1]) „Удивительное дѣло, какая полная бываетъ иллюзія того, что красота есть добро. Красивая женщина говоритъ глупости, ты слушаешь и не слышишь глупости, а слышишь умное. Она говоритъ, дѣлаетъ гадости, а ты видишь что-то милое. Когда же она не говоритъ ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сейчасъ же увѣряешься, что она чудо какъ умна и нравственна". (Ibid., 285 с.).

[2]) „Мы мужчины только не знаемъ, и не знаемъ потому, что не хотимъ знать,—женщины же знаютъ очень хорошо,—что самая возвышенная, поэтическая, какъ мы ее называемъ, любовь, зависитъ не отъ нравственныхъ достоинствъ, а отъ физической близости и притомъ прически, цвѣта, покроя платья. Всякая опытная кокетка предпочтетъ скорѣе быть изобличенной въ присутствіи того, кого она прельщаетъ, во лжи, жестокости, даже распутствѣ, нежели показаться при немъ въ дурно сшитомъ и некрасивомъ платьѣ. Женщины, особенно прошедшія мужскую школу, очень хорошо знаютъ, что разговоры о высокихъ предметахъ разговорами, а что мужчинѣ нужно только тѣло и все то, что выставляетъ его въ самомъ обманчивомъ, но привлекательномъ свѣтѣ. Я, говоритъ Позднышевъ, влюбился, какъ всѣ влюбляются. И все было на лицо: и восторги, и умиленія, и поэзія. Въ сущности же эта моя любовь была произведеніемъ, съ одной стороны, дѣятельности мамаши и портнихъ, съ другой—избытка поглощавшейся мной пищи при праздной жизни". Современный

когда Позднышевъ былъ женихомъ [1]). Въ первые же дни брака стало ясно для обоихъ новобрачныхъ, какъ мало общаго между ними, какая пропасть раздѣляла ихъ другъ отъ друга [2]). Позднышевы постоянно ссорились по самому ничтожному поводу и эти ссоры съ краткими перерывами, примиреніями на почвѣ чувственныхъ отношеній продолжались все время совмѣстной ихъ жизни, постепенно „усиливаясь и ожесточаясь“ [3]).

Между Позднышевыми не было никакой симпатіи, кото-

бракъ, по словамъ Толстого, капканъ, много хуже прежнихъ браковъ, которые устраивались родителями въ старину у китайцевъ, индѣйцевъ, японцевъ, русскихъ крестьянъ. Теперь же „дѣвы сидятъ, а мужчины, какъ на базаръ, ходятъ и выбираютъ.... Похаживаютъ, посматриваютъ, очень довольны, что это такъ все для нихъ устроено. Глядь, не поберегся—хлопъ, тутъ и есть“. Толстой увѣренъ, что всѣ матушки заняты ловлею жениховъ для своихъ дочерей, всѣ разговоры которыхъ о разныхъ высокихъ предметахъ одинъ обманъ. „Ахъ, происхожденіе видовъ, какъ это интересно! Ахъ, Лили очень интересуется живописью! А вы будете на выставкѣ? Какъ поучительно! А на тройкахъ, а спектакль, а симфонія? Ахъ, какъ замѣчательно! Моя Лили безъ ума отъ музыки. А вы почему не раздѣляете ея убѣжденія? А мысль одна: „возьми, возьми мою Лили! Нѣтъ меня“! (Ibidem, 287—291 стр.).

[1]) „Говорить бывало, когда мы остаемся одни, ужасно трудно. Какая-то это была Сизифова работа. Только выдумаешь, что сказать, скажешь, опять надо молчать, придумывать. Говорить не о чемъ было. Все, что можно было сказать о жизни, ожидавшей насъ, устройствѣ, планахъ—было сказано, а дальше что? Вѣдь, если бы мы были животныя, то такъ бы и знали, что говорить намъ не полагается; а тутъ, напротивъ, говорить надо, и нечего, потому что занимаетъ не то, что разрѣшается разговорами“ (Ibidem, 295 стр.).

[2]) Вмѣсто любви—„союза душъ“ между Позднышевыми установились холодныя и враждебныя отношенія, которыя прерывались по временамъ періодами „влюбленія“. Но „влюбленность истощалась удовлетвореніемъ чувственности“ и снова они оказывались „въ дѣйствительномъ отношеніи другъ къ другу, какъ два совершенно чуждые другъ друга эгоисты, желающіе получить себѣ, какъ можно больше удовольствія одинъ черезъ другаго“ (Ibidem, 301 стр.).

[3]) „Ссоры начинались изъ такихъ поводовъ, что невозможно бывало послѣ, когда онѣ кончались, вспомнить изъ за чего. Разсудокъ не поспѣвалъ *поддѣлать* подъ постоянно существующую враждебность другъ къ другу достаточныхъ поводовъ. Но еще поразительнѣе была недостаточность предлоговъ примиренія. Я удивлялся, откуда бралось наше озлобленіе другъ къ другу, а дѣло было совершенно ясно: озлобленіе это было ничто иное, какъ протестъ человѣческой природы противъ животнаго, которое подавляло его“ (303—304 стр.).

рая возникаетъ въ брачной жизни изъ однородныхъ, общихъ *духовныхъ* интересовъ супруговъ гораздо болѣе, нежели изъ чувственныхъ ихъ отношеній. Не связало тѣсно нашу чету и появленіе дѣтей, которыя были для нея не „благословеніемъ Божіимъ, радостью" родителей, а однимъ лишь „мученіемъ" [1]). Позднышевы, очевидно, не любили дѣтей, не были готовы на пожертвованіе для нихъ своимъ временемъ, здоровьемъ: иначе они старались бы не избѣгать страданій изъ за дѣтей, а терпѣливо переносили бы ихъ, черпая источникъ утѣшенія въ взаимной общей любви и сознаніи необходимыхъ заботъ о дѣтяхъ. Сама Позднышева была еще „чадолюбива" и берегла хоть здоровье дѣтей. Но Позднышевъ не чувствовалъ никакой любви къ своимъ дѣтямъ, которыя служили для обоихъ лишнимъ поводомъ къ раздору [2]). Такъ исчезла для Позднышевыхъ, занятыхъ больше своими личными ощущеніями и чувствами, возможность любви къ дѣтямъ—глав-

---

[1]) „Большинство матерей такъ прямо и чувствуютъ, а иногда нечаянно прямо такъ и говорятъ. Спросите у большинства матерей нашего круга достаточныхъ людей, онѣ вамъ скажутъ, что отъ страха того, что дѣти ихъ могутъ болѣть и умирать, онѣ не хотятъ имѣть дѣтей, не хотятъ кормить, если уже родили, для того, чтобы не привязаться и не страдать. Онѣ это прямо и смѣло говорятъ, воображая, что эти чувства происходятъ въ нихъ отъ любви къ дѣтямъ. Онѣ не замѣчаютъ того, что этимъ разсужденіемъ онѣ прямо отрицаютъ любовь и утверждаютъ только свой эгоизмъ. Но и осудить такихъ матерей за эгоизмъ не поднимется рука, когда вспомнишь все то, что онѣ перемучаются отъ здоровья дѣтей въ нашей господской жизни. Это была, продолжаетъ Позднышевъ о своей семейной жизни, какая-то вѣчная опасность, постоянно такое положеніе, какъ на гибнущемъ кораблѣ. Моя жена сама страшно мучилась и казнилась постоянно съ дѣтьми, ихъ здоровьемъ и болѣзнями. Со всѣхъ сторонъ она слышала и читала безконечно разнообразныя и постоянно смѣняющіяся правила о томъ, какъ лѣчить и какъ воспитывать, ростить дѣтей. Вся жизнь съ дѣтьми была для жены, а потому и для меня, не радость, а мука. Правильной, твердой семейной жизни не было" (314—317 стр.).

[2]) „Дѣти были для насъ не только новымъ поводомъ къ раздору, но и орудіемъ борьбы, мы какъ будто дрались другъ съ другомъ—дѣтьми. Я дрался больше Васей, старшимъ, а она—Лизой. Когда же дѣти стали подростать, они стали союзниками, которыхъ мы привлекали каждый на свою сторону" (318—319 стр.).

ной и прочной связи между супругами, которая обыкновенно замѣняетъ „влюбленность“ первыхъ, молодыхъ годовъ брачной жизни и крѣпко соединяетъ мужа съ женой на всю ихъ остальную жизнь [1]). Позднышевы не любили дѣтей, не любили и другъ друга и поэтому „отношенія ихъ становились все враждебнѣе и враждебнѣе“. Они перестали соглашаться и понимать другъ друга; по поводу самыхъ простыхъ дѣлъ, особенно же о дѣтяхъ, каждый изъ нихъ оставался при своемъ мнѣніи [2]). Въ обыденныхъ ихъ отношеніяхъ не стало никакого снисхожденія другъ къ другу, взаимной уступчивости, какъ это наблюдается въ семьяхъ, гдѣ мужъ жалѣетъ, любитъ жену и готовъ простить ей нѣкоторую горячность характера, а жена, съ своей стороны, также идетъ на встрѣчу желаніямъ мужа и охотно извиняетъ его недостатки. Позднышевъ замѣтилъ одну главную черту въ своей семейной жизни, достаточно характерную для оцѣнки общаго ея направленія. Въ отношеніяхъ его къ женѣ наступали періодическіе приливы любви и злобы, которые были одинаково продолжительны: „энергическій періодъ любви—длинный періодъ злобы, болѣе слабое проявленіе любви—короткій періодъ злобы. Чтобы не видать бѣдственности своего положенія, Позднышевы старались забыться въ занятіяхъ—она хозяйствомъ, обстановкой, нарядами своими и дѣтей, ихъ ученіемъ и здоровьемъ. У Позднышева было свое: пьянство, служба, охота, карты“ [3]). Значитъ, если занятія его жены имѣли нѣкоторый смыслъ, были полезны для семьи, то образъ жизни самого Поздны-

---

[1]) Эту мысль Толстой доказываетъ въ, упомянутой нами, его повѣсти: „Семейное счастье“.

[2]) „Она считала себя всегда, вѣроятно, совершенно правой передъ мной, а ужъ я для себя былъ всегда святъ передъ нею въ своихъ глазахъ. Вдвоемъ мы были обречены на молчаніе или же на пустые разговоры. Выходили стычки и выраженіе ненависти за кофе, скатерть, пролетку, за всѣ дѣла, которыя не имѣли для обоихъ никакой важности“ (319 стр.).

[3]) Ibidem.

шева внѣ службы былъ способенъ отсутствіемъ всякихъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ только еще болѣе развить въ немъ враждебное чувство къ женѣ, которая платила ему тою же монетою [1]). Въ Позднышевѣ осталось только одно чувственное влеченіе къ женѣ, которое усилилось послѣ того, какъ она перестала родить и, какъ нерѣдко бываетъ въ такихъ случаяхъ, пополнѣла и похорошѣла, какъ „послѣдняя красота лѣта“ [2]).

Теперь въ мужѣ начинается развиваться ревность, такъ естественная въ бракахъ, основанныхъ на одной физіологической подкладкѣ, при отношеніяхъ супруговъ, чуждыхъ всякаго довѣрія и взаимной любви. Позднышевъ начинаетъ замѣчать, какое „безпокойство“ среди мужчинъ производила „вызывающая красота“ его жены. Ему стало представляться, что переставши родить дѣтей, она „опомнилась и увидѣла, что есть цѣлый міръ Божій съ его радостями, который она не понимала и забыла: ее воспитали въ томъ, что есть въ мірѣ только одно достойное вниманія—любовь. Она вышла замужъ, получила кое-что изъ этой любви, но также и много разочарованій, страданій и неожиданную муку - дѣтей. Теперь же она обрадовалась и ожила для любви, но не съ огаженнымъ ревностью и всякою злобою мужемъ. Ей стала нужна, думалъ Позднышевъ, другая, чистенькая, новенькая любовь“ [3]). Позднышевъ дѣлаетъ мучительное для него открытіе, что его жена „стала заниматься дѣтьми меньше, а собой, своей наружностью больше и снова съ увлеченіемъ взялась за заброшенное совершенно фортепіано“ [4]). Случай-

---

[1]) „Мы были два ненавидящихъ другъ друга колодника, связанныхъ одною цѣпью, отравляющіе жизнь другъ друга и старающіеся не видѣть этого. Я еще не зналъ тогда, что 0,99 супружествъ живутъ въ такомъ же аду, какъ и я жилъ, и что это не можетъ быть иначе“ (320 стр.).

[2]) 323 стр.

[3]—[4]) Ibidem, 323—327 стр.

ное знакомство Позднышевыхъ съ молодымъ человѣкомъ дворянскаго круга, музыкантомъ Трухачевскимъ было толчкомъ къ давно уже подготовлявшейся катастрофѣ въ семейной ихъ жизни, закончившейся такъ трагически. Самъ Позднышевъ объясняетъ, что онъ убилъ свою жену не потому, что защищалъ свою честь, почему его и оправдали въ судѣ, а потому, что „между ними была та страшная пучина, страшное напряженіе взаимной ненависти другъ къ другу, при которой перваго повода достаточно было для произведенія кризиса“ [1]). Незадолго до встрѣчи съ Трухачевскимъ семейная жизнь Позднышевыхъ обратилась въ чистый адъ; по временамъ между ними происходили страшныя ссоры. Позднышевъ описываетъ одну изъ нихъ, окончившуюся попыткой его жены отравиться опіемъ [2]). Знакомство съ Трухачевскимъ возбудило въ Позднышевѣ всю подозрительность и недовѣрчивость его къ женѣ и ихъ новому знакомому. Позднышевъ началъ мучиться тѣми отношеніями между мужчиной и женщиной, которыя допускаются свѣтскими условіями [3]). Послѣдовалъ снова взрывъ ревности Позднышева, тяжелая сцена между супругами съ благополучнымъ, впрочемъ, концомъ. Наступившій миръ былъ послѣдней отсрочкой предъ неминуемой катастрофой. Самъ Позднышевъ ускоряетъ её своей поѣздкой по дѣламъ службы, предпринятой имъ съ намѣреніемъ возвратиться внезапно домой и, заставши жену съ Трухачевскимъ, наказать ее, какъ измѣнницу. Позднышевъ описываетъ подробно все свое путешествіе, въ теченіе кото-

---

[1]) Ibidem, 327 стр.

[2]) 329—331 стр.

[3]) „Одно изъ самыхъ мучительныхъ отношеній для ревнивцевъ (а ревнивцы всѣ въ нашей общественной жизни), это извѣстныя свѣтскія условія, при которыхъ допускается самая большая и опасная близость между мужчиной и женщиной. Надо сдѣлаться посмѣшищемъ людей, если препятствовать близости на балахъ, близости докторовъ съ своей паціенткой, близости при занятіяхъ искусствомъ, живописью, а главное музыкой“ (337 стр.).

раго его ни на минуту не оставляла ревнивая мысль о несомнѣнной измѣнѣ ему жены. Его не останавливаетъ отъ исполненія ужаснаго своего плана даже мысль о дѣтяхъ, отъ которыхъ онъ въ порывѣ ревности готовъ былъ отказаться совсѣмъ [1]). Только тогда, когда все было уже кончено, въ минуту предсмертнаго свиданія съ сильно страдающей женой Позднышевъ созналъ, какое возмутительное преступленіе онъ совершилъ [2]). Чувство невознаградимой утраты овладѣло имъ, когда Позднышевъ увидалъ свою жену мертвою [3]).

Разборъ всѣхъ отношеній Позднышевыхъ съ момента ихъ знакомства и до смерти Позднышевой приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ нихъ ничего не было, кромѣ физическаго влеченія мужчины къ женщинѣ, которое скоро смѣнилось сначала естественнымъ пресыщеніемъ, а потомъ—взаимной враждой и ненавистью, а со стороны Позднышева еще и ревностью, которая и довела его до совершенія преступленія. Убійство имъ жены по одному подозрѣнію въ ея измѣнѣ—совершенно послѣдовательный и неизбѣжный выводъ изъ всего общаго характера взаимныхъ отношеній Позднышевыхъ, въ которыхъ недоставало, необходимаго для семейной жизни, нравственнаго элемента, ничто не сдерживало и не смягчало злобу и вражду, быстро возраставшую между ними, и, наоборотъ, гдѣ было все, что вызывало ненависть, поддерживало ожесточенныя чувства въ обоихъ супругахъ безъ всякой

---

[1]) 339—342, 347—354, 357—358 стр.

[2]) „Я взглянулъ, на дѣтей, на ея съ подтеками разбитое лицо и въ первый разъ забылъ себя, свои права, свою гордость, въ первый разъ увидалъ въ ней человѣка. И такъ ничтожно мнѣ показалось все то, что оскорбляло меня—вся моя ревность, и такъ значительно то, что я сдѣлалъ, что я хотѣлъ припасть лицомъ къ ея рукѣ и сказать: прости! но не смѣлъ“.

[3]) „Только тогда, когда я увидалъ мертвое лицо, я понялъ все, что я сдѣлалъ. Я понялъ, что я, я убилъ ее, что отъ меня сдѣлалось то, что она была была живая, движущаяся, теплая, а теперь стала неподвижная, восковая, холодная, и что поправить этого никогда, нигдѣ, ничѣмъ нельзя. Тотъ, кто не пережилъ этого, тотъ не можетъ понять“..... (367—368 стр.).

надежды на ихъ искреннее примиреніе и счастливую жизнь. „Крейцерова соната“—рѣзкій протестъ Толстого противъ браковъ, подобныхъ браку Позднышевыхъ; въ ней доказывается невозможность семейной жизни при исключительномъ господствѣ въ ней чувственныхъ влеченій супруговъ. Толстой требуетъ, чтобы отношенія между мужчиной и женщиной до брака и въ самомъ бракѣ были основаны на соблюденіи нравственной чистоты проникнуты истинно христіанской, братской любовью, независимой отъ половаго раздѣленія людей на мужчинъ и женщинъ. Очевидно, что это, предлагаемое Толстымъ, правило взаимныхъ отношеній между ними, новое примѣненіе одного и того же его взгляда на любовь ко всѣмъ людямъ помимо кровной близости или отдаленности ихъ отношеній къ каждому изъ насъ, тотъ же „законъ любви“, который Толстой выдаетъ за христіанское ученіе о нравственной дѣятельности людей. И въ этомъ случаѣ онъ надѣляетъ природу людей несвойственною ей способностью отдѣлять свою психическую жизнь отъ физическихъ наклонностей человѣческой натуры. Толстой увѣренъ, что одинъ разумъ въ состояніи подчинить эти послѣднія отвлеченному, идеальному чувству братской любви и воспитать въ человѣкѣ это чувство на столько, чтобы онъ не могъ поддаваться, на самомъ дѣлѣ трудно одолимому, особенно въ молодости, инстинктивному влеченію мужчины къ женщинѣ. Приводимый Толстымъ въ доказательство его взгляда, примѣръ отношеній отца къ дочери, сына къ матери, братьевъ къ сестрамъ мало убѣдителенъ: всѣ эти отношенія основываются на нравственномъ воззрѣніи объ ихъ возвышенности, святости, сложившемся подъ вліяніемъ, возросшаго вѣками и вошедшаго въ плоть и кровь общества, запрещенія брачныхъ союзовъ между кровными родственниками. Было время въ исторіи человѣчества, когда подобнаго рода браки считались не только дозволенными, но даже освящались религіей и всѣми нравами обще-

ства. Примѣрами такихъ браковъ между близкими родственниками, заключеніе которыхъ клеймится въ современномъ обществѣ именемъ разврата и возмущаетъ наше нравственное чувство, богата жизнь не только первобытнаго общества, но и восточныхъ (Персіи, Египта, Іудеи и др.) и античныхъ государствъ (древней Греціи и Рима). Въ раннюю эпоху исторіи общества наблюдается даже полное отсутствіе брака (гетеризмъ), а затѣмъ появленіе браковъ поліандрическихъ (многоженства) и полигеническихъ (многоженства). Періоду господства въ обществѣ моногамической семьи (единобрачія) съ властью мужа надъ женой и дѣтьми предшествовало время, когда мать была во главѣ семьи и родство считалось по матери, такъ что тогда отецъ не былъ родня дочери, мать сыну, братъ сестрѣ (по отцу) и браки между ними были въ порядкѣ вещей. Теперь мы видимъ обратное явленіе въ семейной жизни общества и эта перемѣна воззрѣній общества на родъ и характеръ отношеній даже между близкими родственниками показываетъ, на сколько условно самое понятіе „родственной любви“ Толстого, которую онъ хочетъ воспитать въ людяхъ искусственнымъ путемъ и вопреки могучему, дѣйствующему во многихъ случаяхъ неотразимо, половому инстинкту. Самъ Толстой замѣчаетъ, какъ этотъ инстинктъ начинаетъ обнаруживаться въ людяхъ, связанныхъ между собою узами кровнаго родства, немедленно, лишь они убѣдятся, что между ними нѣтъ родства. Рѣдко, но иногда бываютъ случаи, когда даже между родными сила половаго инстинкта беретъ верхъ надъ родственными чувствами и привычками. Что бы не говорилъ Толстой, какъ бы онъ не убѣждалъ людей выбросить этотъ инстинктъ изъ своей жизни во имя высшаго, нравственнаго идеала, этотъ инстинктъ размноженія будетъ всегда дѣйствовать въ жизни людей на ряду съ инстинктомъ самосохраненія. Первый изъ этихъ двухъ коренныхъ инстинктовъ человѣческой природы лежитъ въ

основаніи возникновенія семьи, съ которой началась и самая общественная жизнь людей. Толстой даетъ въ „Крейцеровой сонатѣ“ художественное воспроизведеніе всѣхъ крайностей проявленія инстинкта размноженія, несдерживаемаго взаимнымъ уваженіемъ и любовью супруговъ и родителей къ дѣтямъ. Это признаніе личнаго достоинства и любовь другъ къ другу требуются для семейной жизни христіанскимъ ученіемъ, которое видитъ въ бракѣ тѣсный, нравственный и физическій, союзъ мужчины и женщины. При недостаткѣ этихъ необходимыхъ условій бракъ теряетъ весь свой смыслъ. Но Толстой требуетъ, чтобы всякій бракъ, даже такой, какъ—Позднышевыхъ, былъ нерасторжимъ. Онъ не допускаетъ случаевъ, когда вслѣдствіе, напримѣръ, рѣзкаго различія характеровъ или безнравственнаго поведенія одного изъ супруговъ разводъ является единственнымъ спасеніемъ для невиннаго супруга, а иногда и для обоихъ. Между тѣмъ какъ послѣдующій бракъ можетъ дать кому-либо изъ нихъ такое полное счастье, котораго онъ не имѣлъ въ первомъ бракѣ.

Отъ постоянно напряженныхъ, невыносимыхъ и враждебныхъ отношеній супруговъ въ бракахъ позднышевскаго типа всегда страдаютъ несчастныя дѣти, которыя лишаются, такъ нужной имъ, нѣжной заботливости и горячей любви родителей. Въ „Крейцеровой сонатѣ“ Толстой затрогиваетъ и, тѣсно связанный съ вопросомъ о семьѣ, важный вопросъ о *воспитаніи* дѣтей въ образованныхъ классахъ, обыкновенно направленномъ на развитіе, главнымъ образомъ, чувственныхъ наклонностей, пріобрѣтеніе манеръ и всего менѣе внушеніе добрыхъ привычекъ и религіозно-нравственныхъ началъ. „Я, говоритъ о себѣ Позднышевъ, былъ воспитанъ въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ, какъ огурцы на парахъ, выгоняются влюбляющіеся молодые люди. Наша возбуждающая, излишняя пища при совершенной физической праздности есть не что

иное, какъ систематическое разжиганіе похоти“ [1]). Естественныя послѣдствія такого чрезмѣрнаго развитія въ дѣтяхъ чувственности при недостаткѣ сдерживающихъ нравственныхъ привычекъ—это тѣ ненормальныя отношенія между мужчинами и женщинами, которыя такъ прекрасно изображаются Толстымъ въ „Крейцеровой сонатѣ“. Здѣсь же высказывается имъ рѣзкое осужденіе, распространеннаго въ современномъ обществѣ, взгляда на необходимость для женщины *образованія* (средняго и высшаго). Толстой утверждаетъ, что нельзя вѣрить искренности мужчинъ, которые хлопочутъ о томъ, чтобы доставить женщинамъ, равное съ ними, образованіе, а на самомъ дѣлѣ смотрятъ на женщину только, какъ на „орудіе наслажденія“ [2]). Сама женщина сознаетъ это ходя-

---

[1]) Соч. Толстого, XIII т., 289 стр. Тѣже мысли о современномъ воспитаніи дѣтей онъ высказываетъ въ „Первой ступени“. „Нельзя безъ ужаса видѣть говоритъ здѣсь Толстой, воспитаніе нѣкоторыхъ дѣтей въ нашемъ мірѣ. Только злѣйшій врагъ могъ бы такъ старательно прививать ребенку тѣ слабости и пороки, которые прививаются ему родителями, въ особенности матерями. Дѣтямъ сознательно прививаютъ привычки изнѣженности, физической праздности и роскоши. Нѣтъ привычки воздержанія и самообладанія, недостаетъ благоразумія; человѣкъ не пріученъ къ труду, сосредоточенному вниманію, выдержкѣ, увлеченію дѣломъ, умѣнью исправить испорченное, радости совершенія. Вся система современнаго воспитанія, какъ и общественная жизнь, проникнуты мыслью, что воздержаніе и самоотреченіе не нужны для того, чтобы быть добрымъ, что можно, предаваясь объяденію, наряжанію, физической праздности, даже блуду, быть вполнѣ хорошимъ, полезнымъ человѣкомъ“ (Дополненіе къ XIII-й ч., 113—116 стр.; ср. 119—124 стр.).

[2]) „Толкуютъ о свободѣ, правахъ женщины, о какомъ-то новомъ женскомъ образованіи, которое на самомъ дѣлѣ всегда будетъ соотвѣтствовать взгляду на нее мужчины, который видитъ въ женщинѣ лишь орудіе наслажденія. Поэты говорятъ въ стихахъ о „винѣ, женщинѣ и пѣснѣ“. Тоже и въ живописи и скульптурѣ и всей общественной жизни, гдѣ мужчины увѣряютъ, что они уважаютъ женщинъ, уступаютъ ей почетное мѣсто въ собраніяхъ, признаютъ за нею разныя права, а въ дѣйствительности они только притворяются, и женщина-приниженная, развращенная раба, а мужчина все такой же развращенный рабовладѣлецъ. Освобождаютъ женщину на курсахъ и въ палатахъ, а смотрятъ на нее, какъ на предметъ наслажденія. Гимназіи и курсы не могутъ измѣнить этого взгляда мужчинъ на женщинъ и женщинъ на самихъ себя. Перемѣнится это только тогда, когда женщина будетъ считать высшимъ положеніемъ—положеніе дѣвственницы, а не такъ, какъ теперь, высшее состояніе человѣка—сты-

чее о ней мнѣніе и пользуется всѣми средствами для того, чтобы воздѣйствовать на чувственность мужчинъ, покоряетъ ихъ и „пріобрѣтаетъ страшную власть надъ людьми“ [1]). Конечно, замѣчаетъ Толстой, это не та „дѣйствительная, истинная власть надъ ними женщины, которая пріобрѣтается ею, когда она исполняетъ законъ своей жизни—рожденіе дѣтей, а власть искусственная женщины надъ мужчиной, развращенной имъ, опустившейся до него и потерявшей, какъ и онъ, всякій разумный смыслъ жизни“. Изъ этой ошибки вытекаетъ, по мнѣнію Толстого, и та „удивительная глупость, которая называется правами женщинъ. Такъ называемый женскій вопросъ возникъ и могъ возникнуть только среди мужчинъ, отступившихъ отъ закона настоящаго труда: женщины, убѣдившись въ этомъ послѣднемъ, также не пожелали нести тяжесть своего настоящаго труда и потребовали участія въ мнимомъ трудѣ мужчинъ богатаго класса“. Толстой призываетъ современныхъ женщинъ изъ богатыхъ классовъ, которыя сильно вліяютъ на общественное мнѣніе, къ „спа-

---

домъ, позоромъ. А пока же этого нѣтъ, идеалъ всякой дѣвушки, какое бы ни было ея образованіе,—будетъ все-таки тотъ, чтобы привлечь къ себѣ какъ можно больше мужчинъ. А то, что одна побольше знаетъ математики, а другая умѣетъ играть на арфѣ, это ничего не измѣнитъ. Теперь главная задача женщины умѣть обворожить мужчину. Въ дѣвичьей жизни это нужно для выбора, въ замужней для властвованія надъ мужемъ“ (XIII т., 307—310 стр.).

[1]) „Женщина дѣйствуетъ на чувственность мужчины черезъ чувственность, покоряетъ его такъ, что онъ только формально выбираетъ, а въ дѣйствительности выбираетъ она. А разъ овладѣвъ этимъ средствомъ, она уже злоупотребляетъ имъ. Вся роскошь жизни требуется и поддерживается женщинами. Милліоны людей, поколѣнія рабовъ гибнутъ въ каторжномъ трудѣ на фабрикахъ только для прихоти женщинъ. Какъ царицы, онѣ держатъ въ плѣну рабства и тяжелаго труда 0,9 рода человѣческаго. А все отъ того, что ихъ унизили, лишили ихъ равныхъ правъ съ мужчинами. И вотъ онѣ мстятъ воздѣйствіемъ на нашу чувственность, уловленіемъ насъ въ свои сѣти, прямо вызывающими чувственность, украшеніями своего тѣла, которыя допускаются для женщинъ въ нашемъ обществѣ. Это все равно, что разставить по гуляньямъ, по дорожкамъ всякіе капканы—хуже! Отчего азартныя игры запрещены, а женщины въ вызывающихъ чувственность нарядахъ не запрещены? Онѣ опаснѣе въ тысячу разъ“? (ibid., 292—294 стр.).

сенію своихъ мужей, братьевъ и дѣтей, всѣхъ людей нашего міра отъ золъ, которыми онъ страдаетъ". Но спасутъ міръ, вѣритъ Толстой, не тѣ женщины, которыя „заняты своими таліями, турнюрами, прическами и плѣнительностью для мужчинъ или которыя ходятъ на разные курсы и говорятъ о психомоторныхъ центрахъ и дифференціаціи, а тѣ, которыя прямо, сознательно подчиняются вѣчному, неизмѣнному закону своей жизни, зная, что тягость и трудъ этого подчиненія есть назначеніе ихъ жизни" [1]). Толстой краснорѣчиво доказываетъ, что истинное назначеніе женщины ея призваніе быть матерью и воспитательницей своихъ дѣтей и въ выполненіи этихъ ея обязанностей должна состоять вся дѣятельность женщины [2]). „Идеальная женщина по мнѣ, замѣчаетъ Толстой, будетъ та, которая усвоивъ высшее міросозерцаніе того времени, въ которомъ она живетъ, отдается

---

[1]) Соч. Толстого, XIII, ч., 237—238 стр. („Такъ что же намъ дѣлать"?).

[2]) „Вы, женщины и матери, сознательно подчиняющіяся закону Бога, вы однѣ знаете въ нашемъ несчастномъ, изуродованномъ, потерявшемъ образъ человѣческій, кругу настоящій смыслъ жизни. Вы однѣ знаете счастье любви къ мужу, составляющее начало новаго счастья любви къ ребенку. Вы однѣ знаете истинный, Богомъ положенный, трудъ и награды, блаженство, которое онъ даетъ, когда вы съ радостью ждете приближенія и усиленія самыхъ страшныхъ мученій. Вы знаете это и тогда, когда вы безъ отдыха, безъ перерыва беретесь за другой родъ трудовъ и страданій—кормленія,—при которомъ вы сразу отказываетесь и покоряете своему чувству самую сильную потребность сна, которая, по пословицѣ, милѣй отца и матери, и мѣсяцы, годы не спите подъ рядъ ни одной ночи, а иногда, и часто, не спите напролетъ и цѣлыя ночи, а съ затекшими руками одиноко ходите, качаете, разрывающаго вамъ сердце, больнаго ребенка. Вы знаете, что если вы настоящая мать, что мало того, что никто не видѣлъ вашего труда, вашего подвига, не хвалилъ васъ за него, а только находилъ, что это такъ и нужно, но что и тѣ, для кого вы трудились, не только не благодарятъ, но часто мучаютъ, укоряютъ васъ. Такая мать *сама родитъ, сама выкормитъ*, сама будетъ, прежде всего другого, кормить и готовить пищу дѣтей, и шить, и мыть, и учить своихъ дѣтей, и спать, и говорить съ ними, потому что въ этомъ она полагаетъ свое дѣло въ жизни. Только такая мать не будетъ искать внѣшнихъ обезпеченій въ деньгахъ своего мужа, въ дипломахъ дѣтей, а будетъ воспитывать въ нихъ способность самоотверженнаго несенія труда съ тратой и опасностью жизни" (ibidem., 238—242 стр.).

своему женскому, непреодолимо вложенному въ нее, призванію,—родитъ, выкормитъ и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей по усвоенному ей міросозерцанію. Для того же, чтобы усвоить себѣ высшее міросозерцаніе, нѣтъ надобности посѣщать курсы, а нужно только прочесть Евангеліе и не закрывать глазъ, ушей и, главное, сердца". Толстой думаетъ, что „незамужнія женщины могутъ принять участіе въ многообразномъ мужскомъ трудѣ; въ немъ можетъ участвовать и всякая женщина, отрожавшись, если у ней есть силы. Помощь женщины въ этомъ трудѣ очень драгоцѣнна, но видѣть молодую женщину, готовую къ дѣторожденію и занятую мужскимъ трудомъ, все равно, что видѣть драгоцѣнный черноземъ, засыпанный щебнемъ для плаца или гулянья".

Взгляды Нитцше на женщину, семью, воспитаніе дѣтей и женскій вопросъ во многомъ сходны съ убѣжденіями Толстого. Оба они одинаково ставятъ на первомъ планѣ материнскія обязанности женщины, отъ которыхъ такъ уклонились современныя европейскія женщины. И тотъ, и другой смотрятъ на бракъ, какъ необходимое общественное учрежденіе, сдѣлавшееся теперь шаткимъ вслѣдствіе стремленія женщинъ къ самостоятельности и независимости отъ мужчинъ. Оба философа требуютъ поэтому заключенія брака въ зависимости отъ согласія старшихъ членовъ семьи, объявляютъ бракъ нерасторжимымъ учрежденіемъ, признаютъ главенство мужчины въ семьѣ необходимымъ условіемъ ея нормальнаго устройства. Наконецъ, все въ тѣхъ же видахъ возстановленія правильнаго взгляда на естественную, материнскую и воспитательную, роль женщины въ общественной жизни и Толстой, и Нитцше вооружаются противъ современнаго движенія въ пользу женскаго образованія. Значитъ, такъ велико зло, да такой степени паденія и разложенія дошла семейная жизнь въ европейскомъ обществѣ, что въ оцѣнкѣ это-

го факта, опаснаго для дальнѣйшаго его развитія, сошлись два такихъ, противоположныхъ по своему міровоззрѣнію, философа, какъ Толстой и Нитцше! Но первый имѣетъ, повидимому, болѣе возвышенное представленіе о женщинѣ, чѣмъ второй. Толстой рѣзко осуждаетъ мужчинъ изъ высшаго, образованнаго класса за то, что они смотрятъ на женщину больше, какъ на самку, предметъ забавы, нежели на человѣка. Между тѣмъ какъ Нитцше самъ старается утвердить существующій въ обществѣ взглядъ и выражаетъ полное недовѣріе къ желаніямъ современной женщины быть образованной, которыя противорѣчатъ всей ея природѣ, низшей сравнительно съ мужчиной. Женщина должна остаться въ своихъ интересахъ „слабымъ поломъ"; иначе она потеряетъ все свое обаяніе и вліяніе на мужчину. Женщина—раба для мужчины, хотя и опасная, но нужная ему „игрушка" въ дни отдыха отъ его напряженныхъ трудовъ.

Въ разсужденіяхъ Толстаго о назначеніи женщины, какъ матери-кормилицы и воспитательницы своихъ дѣтей, многіе, особенно сами женщины, возмущаются рѣшительнымъ его заявленіемъ, что въ этой лишь области ихъ личной жизни и должна сосредоточиться вся ихъ дѣятельность, и что для выполненія этихъ естественныхъ обязанностей женщины ей не нужны высшіе курсы, гдѣ она получаетъ много совсѣмъ излишнихъ свѣдѣній, безъ которыхъ женщина всегда можетъ обойтись. Толстой несомнѣнно правъ, когда онъ указываетъ на, предназначеную природой женщины, ея обязанность быть матерью и воспитательницей своихъ дѣтей. Эта обязанность, правда, соединена со многими тяжелыми заботами и лишеніями всякаго рода, но въ тоже время полна высокаго, нравственнаго значенія и совершенно заслуживаетъ общаго и глубокаго уваженія и преклоненія мужчинъ предъ такими истинными матерями своихъ дѣтей. Нельзя ничего возразить противъ прекрасныхъ и прочувствованныхъ словъ Толстого о та-

кихъ матеряхъ, которыя оказываютъ своими самоотверженными трудами ни съ чѣмъ несравнимую, безцѣнную услугу своимъ дѣтямъ, а въ лицѣ ихъ и всему обществу, гдѣ впослѣдствіи имъ придется дѣйствовать въ тѣхъ или другихъ областяхъ его жизни. Чтобы выполнить это свое призваніе, женщина, очевидно, нуждается въ образованіи и, притомъ, не поверхностномъ, а довольно солидномъ: въ ея рукахъ судьба всего молодаго поколѣнія, отъ правильнаго воспитанія котораго зависитъ все направленіе общественной жизни, сохраненіе и развитіе всѣхъ общественныхъ идеаловъ. Незначительное ихъ развитіе, невысокое качество, а иногда и полный недостатокъ вѣрныхъ воззрѣній въ обществѣ на задачи дѣятельности, смыслъ человѣческой жизни много обусловливается недоступностью образованія во всѣхъ его родахъ для многихъ женщинъ, надѣленныхъ при господствующихъ взглядахъ и нравахъ качествами и чертами характера, которыя такъ рѣзко выставилъ Нитцше, какъ будто бы свойственныя женской природѣ, неизмѣнныя ея особенности. При ограниченномъ кругозорѣ понятій, отсутствіи серьезнаго образованія, которое могло бы обезпечить женщинѣ извѣстную самостоятельность и независимость въ обществѣ, ей остается одинъ путь, такъ строго порицаемый Толстымъ. Она должна стремиться выдти во что бы то ни стало замужъ за человѣка съ обезпеченнымъ, прочнымъ положеніемъ въ обществѣ, чтобы такимъ образомъ получить возможность занять въ немъ рядомъ съ мужемъ почетное мѣсто и освободить себя отъ иначе неизбѣжныхъ думъ о мучительномъ добываніи мало доступныхъ для нея, скудныхъ средствъ къ жизни. Толстой осуждаетъ женщинъ за ихъ стремленіе участвовать въ фальшивомъ, мнимомъ трудѣ „мужчинъ". Мы уже знаемъ, что это за трудъ, о которомъ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ. Мы могли видѣть, на сколько невѣрны общія представленія Толстого о современной наукѣ и искусствѣ, которые мало вино-

ваты въ, приписываемомъ имъ, вредномъ вліяніи на все общественное устройство и жизнь. Толстой забываетъ, что многихъ женщинъ влечетъ къ образованію неудержимо таже потребность въ свѣтѣ истины, которая заставляетъ и мужчинъ отдаваться до самозабвенія занятіямъ наукой или искусствомъ. При нѣкоторыхъ, хорошо сознаваемыхъ обществомъ, недостаткахъ постановки преподаванія въ русскихъ женскихъ гимназіяхъ стѣны ихъ буквально не могутъ вмѣстить дѣвушекъ изъ разныхъ классовъ, которыя желаютъ получить среднее образованіе. Тотъ же фактъ переполненія кандидатками наблюдается и на высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ, не смотря на то, что эти курсы не даютъ какихъ-либо правъ. Возникшій на нашихъ глазахъ, женскій медицинскій институтъ оказался на первыхъ же порахъ тѣснымъ и недоступнымъ для многихъ, желающихъ поступить въ него; такъ велико было число кандидатокъ, изъ которыхъ начальство института увидѣло себя вынужденнымъ сдѣлать строгій выборъ! Все это такіе неоспоримые факты, которые наглядно свидѣтельствуютъ о прочномъ стремленіи русскихъ женщинъ къ образованію и полномъ имъ сочувствіи со стороны правительства и всего русскаго образованнаго общества. Въ гимназіяхъ, на высшихъ, особенно же медицинскихъ курсахъ, женщины получаютъ много знаній, необходимыхъ для матери и воспитательницы, и, кромѣ того, нужныхъ въ семейной жизни при небогатомъ мужѣ и прямо для народа (обученія дѣтей въ народныхъ школахъ, лѣченія крестьянъ врачами—женщинами).

Не всѣ женщины, особенно въ среднемъ кругу общества, о которомъ Толстой совсѣмъ забываетъ, выходятъ замужъ: заключеніе браковъ въ наше время все болѣе и болѣе затрудняется тяжелыми экономическими условіями жизни въ среднемъ классѣ общества. Поэтому-то женщинѣ этого класса нужно подумать самой о пріобрѣтеніи самостоятельнаго и независимаго положенія въ обществѣ, немысли-

маго безъ наличности извѣстныхъ знаній, систематическаго образованія. Такъ называемый женскій вопросъ—на самомъ дѣлѣ есть, главнымъ образомъ, вопросъ о пріобрѣтеніи женщиной матеріальной и духовной самостоятельности и независимости, на которую она имѣетъ безспорное право въ силу только того факта, что женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина. Именно въ такомъ смыслѣ понимается теперь женскій вопросъ во всемъ мірѣ, начиная отъ Сѣверной Америки, гдѣ женщины заняли въ обществѣ положеніе, почти равное съ мужчинами, и оканчивая Россіей съ ея первымъ въ Европѣ женскимъ медицинскимъ институтомъ, которому могутъ позавидовать женщины другихъ европейскихъ странъ. Взглядъ Толстого на женщину только, какъ на мать и воспитательницу своихъ дѣтей, противорѣчитъ его-требованію братскаго равенства между мужчинами и женщинами, которое должно существовать, по его представленію, въ видѣ необходимаго условія для заключенія брака и сохраняться и въ самомъ бракѣ. Если онъ будетъ имѣть характеръ такого союза съ соблюденіемъ начала равенства въ взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ, то нѣтъ резона отказывать женщинѣ въ ея стремленіяхъ и къ такому же образованію, какое получаютъ мужчины въ современномъ обществѣ. Нитцше не желаетъ равенства въ воспитаніи, образованіи, одинаковыхъ правъ и обязанностей для женщинъ и мужчинъ, потому что во всемъ этомъ онъ видитъ проявленіе демократическаго движенія, такъ ненавистнаго Нитцше, противорѣчащаго его культу сильныхъ личностей (мужчинъ).

Съ своеобразными особенностями міровоззрѣнія Толстого находится также въ связи его взглядъ на женщину, какъ „драгоцѣнный черноземъ, засыпанный теперь щебнемъ“ всевозможныхъ общественныхъ наслоеній, а также современнаго движенія въ пользу уравненія правъ женщинъ съ мужчинами. Толстой ставитъ на первомъ планѣ въ жизни людей интере-

сы *рода*, пренебрегаетъ личностью, которая въ его глазахъ только необходимое орудіе для достиженія общественнаго блага. Отсюда понятно, почему женщина должна выполнить, помимо и прежде всего, свою главную функцію, обязанность въ обществѣ способствовать размноженію населенія, быть матерью и воспитательницей своихъ дѣтей. Вся судьба женщины въ связи съ судьбою рода, общества, всего человѣчества. Послѣднее стремится осуществить цѣль своей жизни, достигнуть блага, добра, общаго мира и любви. Но на пути къ этой цѣли стоятъ страсти, особенно же половая, плотская любовь. Съ ея устраненіемъ люди соединятся воедино, цѣль человѣчества будетъ осуществлена и его не станетъ на землѣ. Поэтому-то нужно воздерживаться отъ чувственной любви даже въ бракѣ. Но тогда, какъ же женщина можетъ выполнить свое назначеніе въ обществѣ быть матерью и воспитательницей своихъ дѣтей? Таковъ безъисходный кругъ (circulus vitiosus), въ который попадаетъ Толстой, въ одно и тоже время требующій отъ современнаго общества болѣе возвышеннаго взгляда на женщину, какъ на такого же человѣка, какъ и мужчина, и проповѣдующій, что женщинѣ не нужны высшіе курсы, современное образованіе, излишнее ей, какъ матери и воспитательницѣ дѣтей! На образованіе взгляда у Толстого на женщину произвели, надо думать, большое вліяніе его наблюденія надъ жизнью простого народа, русскихъ крестьянъ, въ быту которыхъ женщина и на самомъ дѣлѣ мать и кормилица своихъ дѣтей и незамѣнимая помощница мужу въ его хозяйственныхъ дѣлахъ. Всякому, однако, извѣстно положеніе женщины въ крестьянской семьѣ, гдѣ сплошь и рядомъ женщинамъ приходится выносить на себѣ, кромѣ обязанностей материнства и хозяйственныхъ заботъ, еще и грубое обращеніе мужа при апатичномъ равнодушіи къ его возмутительнымъ поступкамъ родныхъ, сосѣдей и остальныхъ жителей деревни или села. Не-

мудрено, что при такихъ условіяхъ женщина-крестьянка, которую обыкновенно ея родители выдаютъ замужъ безъ ея спроса, обращается въ жалкое, забитое существо, всего менѣе способное быть „сестрой“ своему мужу и вызвать съ его стороны уваженіе и любовь. Крестьянская среда мало располагаетъ къ развитію, желательныхъ Толстому, нормальныхъ отношеній между мужемъ и женою, замѣнѣ чувственныхъ отношеній между ними духовными, „братскими“. Здѣсь нельзя искать образца для супружеской жизни въ образованныхъ классахъ общества, которую Толстой желаетъ реформировать въ духѣ своего возвышеннаго представленія о бракѣ, требованія нравственной чистоты отъ обоихъ супруговъ. Это требованіе, выставленное вмѣстѣ съ Толстымъ скандинавскими писателями (Бернсономъ, Стриндбергомъ и др.), находитъ сочувствіе во всемъ европейскомъ обществѣ, которое видитъ въ немъ признаніе за женщиной права на, одинаковое съ мужчиной, уваженіе личнаго ея достоинства и духовной самостоятельности женщины, немыслимой безъ матеріальной ея независимости отъ мужчины.

Толстой и Нитцше держатся совершенно одинаковыхъ взглядовъ на происхожденіе *права и государства*: и то, и другое возникло, по ихъ мнѣнію, изъ одного физическаго насилія наиболѣе могущественныхъ, высшихъ классовъ общества надъ низшими, слабыми его слоями. Во имя заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ, исполненіе которой—единственное средство для избавленія современнаго общества отъ всѣхъ его бѣдствій, Толстой требуетъ уничтоженія права и государства путемъ общественнаго мнѣнія, постепеннаго проникновенія въ сознаніе общества этой идеи о непротивленіи злу насиліемъ. Онъ убѣжденъ, что люди могутъ обойтись безъ ихъ помощи даже при современныхъ условіяхъ общественнаго быта въ европейскихъ странахъ, гдѣ существуютъ самыя разнообразныя формы насилія (присяга, уплата податей, участіе

гражданъ въ управленіи, судѣ, военной службѣ и друг.). Весь современный европейскій, юридическій и политическій, строй поддерживаетъ, по словамъ Толстого, одни интересы высшихъ классовъ на счетъ низшихъ, выгоденъ только первымъ и не можетъ быть измѣненъ къ лучшему ни наукой, ни какими-либо реформами въ экономической и всей остальной жизни современнаго общества. Нитцше также возстаетъ противъ реформаторскихъ плановъ всякаго рода, распространенныхъ въ западно-европейскомъ государствѣ. Всѣмъ своимъ демократическимъ строемъ это государство до такой степени ненавистно ему, что Нитцше называетъ его „чудовищемъ“ и желаетъ упраздненія государства во имя истиннаго блага людей, то есть, блага сильныхъ личностей. Нитцше не можетъ даже слышать, что современное право и государство стремятся къ осуществленію начала свободы и равенства въ общественныхъ отношеніяхъ и считаетъ современное европейское государство, игнорирующее интересы сильныхъ, формой паденія, измельчанія, униженія людей.

Таковы вкратцѣ воззрѣнія Толстого и Нитцше на право и государство [1]), также одностороннія, какъ и все міровоззрѣніе обоихъ этихъ философовъ, неоправдываемыя ни исторіей, ни дѣйствительною современной жизнью европейскихъ народовъ. Въ глубокой древности право и государство служили интересамъ высшихъ, сильныхъ, отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ группъ, власть которыхъ освящалась религіей, правомъ побѣдителей надъ побѣжденными и другими условіями тогдашней общественной жизни. Цѣлые народы лежали вѣка въ прахѣ предъ азіатскими деспотами, незнавшими никакихъ границъ для исполненія своихъ чудовищныхъ прихотей и капризовъ и необузданнаго дикаго произвола. И въ теченіе исторіи древнихъ грековъ, особенно же

---

[1]) Подробности см. выше, 3—4 главы.

римлянъ мы замѣчаемъ тоже подчиненіе со стороны низшихъ классовъ общества высшимъ, въ рукахъ которыхъ была сосредоточена вся политическая власть. Средневѣковое, феодальное право и государство освящало господство высшихъ классовъ западно-европейскаго общества надъ массою населенія. Въ основѣ дѣятельности новаго европейскаго права и государства лежитъ, какъ справедливо замѣчаетъ Нитцше, и чего не хочетъ признать Толстой, высокая, альтруистическая идея объ общемъ благѣ, забота о развитіи всѣхъ народныхъ силъ, обезпеченіи матеріальнаго благосостоянія всего народа и духовномъ его прогрессѣ. Современное право и государство ставятъ себѣ задачей всестороннее развитіе свободы человѣческой личности; во имя этой ея свободы они защищаютъ слабаго отъ произвола сильнаго и налагаютъ на гражданъ извѣстныя обязанности, необходимыя для ихъ безопасности и благосостоянія. Толстой правъ, когда онъ говоритъ, что „признаніе жизни каждаго человѣка священной первое и единственное основаніе всякой нравственности“ и, прибавимъ мы, и всей современной общественной жизни, гдѣ государствомъ предпринятъ цѣлый рядъ всякихъ реформъ съ цѣлью обезпеченія всѣмъ людямъ законной свободы. Нитцше возмущается одной мыслью о покровительствѣ со стороны государства, оказываемомъ имъ одинаково всѣмъ гражданамъ, и поэтомуонъ объявляетъ его излишнимъ въ своемъ проектируемомъ обществѣ изъ „сверхчеловѣковъ“. Обвиненіе Толстого, что государство поддерживаетъ только интересы однихъ высшихъ классовъ современнаго общества въ ущербъ низшимъ опровергается тѣмъ широкимъ участіемъ, которое первые при помощи государства принимаютъ въ настоящее время въ судьбѣ послѣднихъ, улучшеніи ихъ положенія въ обществѣ. Толстой утверждаетъ, что властвуютъ всегда злые и надъ добрыми, но тогда зачѣмъ злымъ будутъ сопротивляться добрые, которые къ тому же и не будутъ никогда нападать на нихъ? Если же всѣ

люди, которымъ досталась какая-либо часть государственной власти, скоро становятся добрыми, то тѣмъ болѣе нѣтъ резона говорить о противленіи злу, да еще насиліемъ! На самомъ дѣлѣ, какъ это доказываетъ самъ Толстой, многіе изъ числа власть имѣющихъ заняты заботами о благѣ, подчиненныхъ имъ, отдѣльныхъ лицъ, классовъ, всего народа, какъ, съ другой стороны, въ средѣ того же народа находится не мало людей съ злыми наклонностями, какъ это прекрасно доказывается самимъ Толстымъ въ его „Власти тьмы". Бороться правительству съ проявленіями этихъ злыхъ наклонностей, невѣжествомъ народной массы нужно какъ въ интересахъ ея самой, такъ и того часто неизгладимаго вреда, который наносится такимъ трудно искоренимымъ зломъ всему обществу. Если бы всѣ люди были добры, тогда не нужно было бы ни тюремъ, ни всякаго рода другихъ наказаній. Присутствіе и часто преобладаніе злыхъ наклонностей въ людяхъ надъ добрыми парализуетъ даже частичное примѣненіе заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ [1]). Наивно думать, подобно Толстому, что современное общество можетъ обойтись безъ помощи государства при защитѣ отъ злыхъ людей и охраненіи отъ разныхъ видовъ насилія надъ личностью, преслѣдуемыхъ энергично современнымъ государствомъ. Для предупрежденія зла оказывается недостаточно правилъ человѣколюбія, состраданія къ ближнему и чувства братства, на отсутствіе которыхъ въ современной жизни жалуется самъ Толстой. Тѣмъ болѣе странно слышать его увѣренія, что всѣ многочисленныя и раснообразныя цѣли современнаго сложнаго общественнаго быта могутъ быть достигнуты разрознен-

---

[1]) Это хорошо доказалъ случай, происшедшій въ андреевской колоніи, гдѣ сдѣланъ былъ опытъ примѣненія ученія Толстого: одинъ смѣтливый крестьянинъ изъ среды этой колоніи присвоилъ себѣ поддевку одного изъ членовъ и не захотѣлъ возвратить ее хозяину, ссылаясь къ великому и общему смущенію на заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ (Гусевъ, назв. соч., 93—94 стр.).

ными, слабыми силами отдѣльныхъ лицъ безъ содѣйствія государства, котораго нельзя миновать современному обществу, если только оно думаетъ идти впередъ, къ возможно широкому обезпеченію благосостоянія народныхъ массъ.

Современное европейское государство много работаетъ надъ тѣмъ, чтобы смягчить, сознаваемыя обществомъ, противорѣчія между общественными классами, создавшіяся на западѣ на экономической почвѣ исторически. Такъ называемый рабочій вопросъ, въ которомъ Нитцше видитъ „нелѣпость", возникъ изъ постепенно сложившагося различія интересовъ представителей денежнаго капитала и труда. Правительства европескихъ странъ принимаютъ цѣлый рядъ важныхъ мѣръ къ разрѣшенію этого вопроса, устраненія наболѣвшаго зла со всѣми его тяжелыми послѣдствіями для быта низшихъ, рабочихъ массъ населенія. И на этотъ разъ, какъ и вообще во многихъ другихъ случаяхъ дѣятельности современнаго государства, дѣло идетъ о поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня и матеріальнаго благосостоянія рабочихъ классовъ, а не превращеніи ихъ въ господъ по типу „сверхчеловѣка" Нитцше, тѣмъ болѣе не о созданіи изъ рабочихъ „рабскаго типа людей", такъ ненавидимаго тѣмъ же Нитцше. Вся дѣятельность современнаго государства по отношенію къ низшимъ массамъ населенія сводится къ облегченію ихъ положенія, созданію такихъ условій общественнаго быта, при которыхъ стало бы возможнымъ развитіе и удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей рабочаго люда. Наконецъ, государство обезпечиваетъ ему и возможность получать образованіе во всѣхъ его видахъ и тѣмъ принять участіе въ пользованіи высшими благами культуры (науки, искусства и др.). Краснорѣчивое описаніе Толстымъ непримиримыхъ, на его взглядъ, противорѣчій между провозглашаемымъ всюду началомъ равенства всѣхъ людей и дѣйствительнымъ неравенствомъ ихъ положенія, богатства и несовмѣстимостью

разныхъ профессій въ обществѣ обличаетъ въ нашемъ философѣ-реформаторѣ все тоже увлеченіе своими совершенно отвлеченными, неосуществимыми соціальными планами. Онъ не хочетъ знать различія общественныхъ классовъ, о необходимомъ, историческомъ образованіи которыхъ мы уже говорили. Мало того. Толстой представляетъ высшіе классы общества непременно праздными, утопающими въ роскоши, удовольствіяхъ и обязательно угнетающими низшіе классы народа, всегда трудящіеся, нуждающіеся и страдающіе. Мы знаемъ, что Толстой называетъ празднымъ трудомъ высшихъ, образованныхъ классовъ въ области науки, искусства, противъ какихъ на самомъ дѣлѣ необходимыхъ потребностей человѣческой природы онъ возстаетъ въ этомъ случаѣ. Такой же праздный трудъ въ глазахъ Толстого и работа на фабрикахъ, заводахъ, на которыхъ на самомъ дѣлѣ приготовляется большинство вещей, нужнымъ самимъ же рабочимъ. По мнѣнію Толстого, которое проповѣдуется въ одномъ изъ современныхъ экономическихъ направленій, только одинъ трудъ источникъ богатства, которое состоитъ еще изъ капитала (денегъ, земли, разныхъ вещей) и зависитъ отъ содѣйствія труду человѣка со стороны силъ природы. Современные образованные классы не только не думаютъ объ угнетеніи низшихъ, рабочихъ классовъ, а наоборотъ энергично работаютъ надъ тѣмъ, чтобы удовлетворить ихъ нуждамъ, смягчить и устранить страданія несчастныхъ и пріобщить трудящіяся массы къ пользованію благами современной культуры, доставить наслажденіе всѣми ими.

Толстой порицаетъ людей состоятельныхъ классовъ общества за то, что они принимаютъ услуги лицъ отъ низшихъ, домашнихъ своихъ слугъ: каждый долженъ, по его мнѣнію, служить себѣ самъ. Несомнѣнно, что безъ подобныхъ услугъ возможно обойтись въ обществѣ, гдѣ вся жизнь исчерпывается удовлетвореніемъ простыхъ, неприхотливыхъ

потребностей примитивнаго быта. Наоборотъ, тамъ, гдѣ кромѣ этихъ потребностей есть еще разнаго рода духовные интересы, существуютъ ради удовлетворенія разнообразныхъ и сложныхъ потребностей культурнаго быта и разныя отрасли труда, въ такомъ обществѣ немыслимо, чтобы каждый дѣлалъ все, ему необходимое: иначе останется много недостигнутыхъ цѣлей, неразрѣшенныхъ запросовъ ума, неоправданныхъ надеждъ сердца, тяжелыхъ сомнѣній и разочарованій въ жизни. Толстому также не нравятся разныя профессіи въ современномъ обществѣ, въ которыхъ выражается дѣятельность государства; онъ отвергаетъ всякое участіе отдѣльныхъ лицъ въ управленіи и судѣ; такимъ путемъ создается, отмѣчаемое имъ, „государственное противорѣчіе". Но, прежде всего, совершенно невѣрно представленіе Толстого о законахъ, исходящихъ отъ государственной власти, какъ какомъ-то соединеніи правилъ, сплошь нарушающихъ „требованія разумности, истинности и справедливости". Напротивъ, законы въ современномъ государствѣ возникаютъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго и тщательнаго изученія самой жизни общества, рѣшительнаго убѣжденія законодателя въ томъ, что извѣстные интересы, нужды народа требуютъ настоятельнаго удовлетворенія, которое они и находятъ въ издаваемыхъ законахъ. Примѣненіе ихъ къ жизни обыкновенно пріурочено къ тѣмъ или другимъ особеннымъ условіямъ, также совершается при соблюденіи справедливости. Призваніе отдѣльныхъ лицъ въ ряды администраторовъ, противъ котораго возстаетъ Толстой, дѣлается въ виду достиженія общественныхъ цѣлей. Задача администраціи — водвореніе законности въ общественныхъ отношеніяхъ, устраненіе всякаго изъ нихъ насилія, за которое слѣдуетъ для каждаго гражданина, не исключая и органовъ административной власти, наказаніе по приговору суда. Есть случаи, когда насиліе является даже необходимостью въ дѣятельности администраціи, которая обязана при-

мѣнять его съ цѣлью сохраненія личности человѣка. Такой характеръ имѣютъ, напр., мѣры, принимаемыя властью относительно дѣтей, съумасшедшихъ, расточителей. Толстой противъ *суда и присяги* („не судись, не клянись"), которые допускаются христіанскимъ ученіемъ и относятся къ важнѣйшимъ отправленіямъ общественной жизни. Присяга, клятва употребляется въ различныхъ случаяхъ государственной жизни, извѣстна съ незапамятныхъ временъ въ человѣческомъ обществѣ и признана вѣковымъ опытомъ человѣчества за одно изъ необходимыхъ условій сохраненія общежитія. Присяга— торжественное обѣщаніе предъ Богомъ и людьми сохранить свято и ненарушимо основы общежитія въ видахъ общаго блага, выполнить добросовѣстно требованія власти, какъ коллективной силы, на обязанности которой лежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы всѣ общественныя отношенія людей проникались справедливостью. Поэтому чиновникъ при поступленіи на государственную службу клянется въ томъ, что онъ по совѣсти выполнитъ обязанности, принимаемыя имъ по отношенію къ государству, присяжный засѣдатель присягаетъ въ томъ, что онъ будетъ судить обвиняемыхъ въ нарушеніи законовъ общежитія по правдѣ, какъ повелѣваетъ ему совѣсть, воинъ,—что всѣми силами готовъ даже, въ случаѣ необходимости, пожертвовать за него своею жизнью. Судъ въ различныхъ его формахъ (судъ коронный, судъ присяжныхъ, третейскіе суды и др.) также служитъ идеѣ правды, стремится водворить справедливость въ общественныхъ отношеніяхъ, какъ это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что въ Англіи существуетъ цѣлая іерархія „судовъ справедливости". Путемъ теоретическихъ изслѣдованій со стороны древнихъ и новыхъ мыслителей и продолжительнаго жизненнаго опыта люди дошли до непоколебимаго сознанія, что безъ суда невозможно самое существованіе общества [1]), въ которомъ тогда исчезла

[1]) Одна изъ новыхъ школъ въ правовѣдѣніи—школа естественнаго права

бы всякая увѣренность въ безопасности личности и ея имущества. Дѣятельность судьи, какъ и администратора, поставлена въ законныя рамки, препятствующія имъ злоупотреблять своею властью. Судья, отправляя свои обязанности согласно съ закономъ и своей совѣстью, не совершаетъ никакого насилія надъ обвиняемымъ, а только помогаетъ тому, что въ обществѣ становится меньше злыхъ людей, преступная дѣятельность которыхъ мѣшаетъ правильному развитію общества. Справедливые приговоры судей полезны и самимъ преступникамъ, которымъ они помогаютъ исправиться, получить возможность вернуться со временемъ въ общественную жизнь, нормальный ходъ которой они нарушили своими преступленіями. Къ этой цѣли наказанія принаровлена въ настоящее время цѣлая система всякаго рода исправительныхъ учрежденій въ европейскихъ странахъ.

Вообще нужно замѣтить, что примѣненіе силы, принужденія въ общественной жизни допускается современной наукой права и практикой только въ извѣстныхъ, ограниченныхъ случаяхъ. Вмѣсто долго существовавшаго, возникшаго исторически, взгляда на право, какъ принудительное правило въ общественной жизни людей, теперь устанавливается такой взглядъ на право, по которому сущность его ищутъ въ тѣсной связи права съ духовно-нравственной природой человѣка, его нравственными идеями. На принужденіе же въ правѣ смотрятъ, какъ не на главный признакъ, исчерпывающій все его содержаніе и значеніе въ жизни, а лишь условіе осуществленія, примѣненія права въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ столкновеніе эгоистическихъ интересовъ членовъ общества. Тогда государство-органъ права—выступаетъ во имя идеи общаго блага съ своей принудительной властью,

---

считала нужду людей въ судѣ, который могъ бы разбирать ихъ споры, одной изъ главныхъ причинъ возникновенія общежитія.

чтобы сдержать въ надлежащихъ границахъ проявленія эгоизма людей, возстановить нарушенное имъ правильное теченіе общественной жизни и обезпечить развитіе личности человѣка, его свободы. Такой взглядъ на нравственный элементъ въ правѣ и дѣятельности государственной власти совпадаетъ съ требованіями Толстого, чтобы общественная жизнь людей опредѣлялась высшими идеалами правды и справедливости. Онъ только не желаетъ признать такого значенія за современнымъ правомъ и государствомъ, которымъ на самомъ дѣлѣ принадлежитъ великая роль въ проведеніи въ жизнь „принциповъ свободы и братства". Одного ихъ исповѣданія слишкомъ мало даже для надежды, что эти начала, за которыя ратуетъ давно въ обществѣ не одинъ Толстой, когда-либо проникнутъ въ жизнь людей. Имъ нужна самая широкая помощь со стороны права и государства, которую они и оказываютъ людямъ въ борьбѣ со всякаго рода препятствіями къ достиженію разнообразныхъ, жизненныхъ цѣлей личности. Но такимъ отрицательнымъ направленіемъ настоящая дѣятельность права и государства далеко не исчерпывается: ихъ главное назначеніе въ современной общественной жизни оказать самое широкое, положительное содѣйствіе людямъ тамъ, гдѣ ихъ единичныхъ усилій недостаточно для достиженія многочисленныхъ потребностей современнаго сложнаго быта. „Общеніе и передача мыслей" между людьми немыслимы безъ поддержки государства, которое беретъ на себя устройство необходимыхъ для этого учрежденій. Современное государство—незамѣнимое ничѣмъ орудіе культуры общества въ широкомъ смыслѣ этого слова: оно вмѣстѣ съ правомъ приходитъ на встрѣчу самымъ настоятельнымъ нуждамъ общества, особенно же низшихъ его классовъ, среди которыхъ неустанными заботами государства распространяется мало помалу матеріальное благосостояніе вмѣстѣ съ поднятіемъ нравственнаго и умственнаго развитія народныхъ массъ.

VII.

Гр. Толстой съ своею проповѣдью мертваго, пассивнаго отношенія людей ко всѣмъ, одолѣвающимъ ихъ со всѣхъ сторонъ, формамъ зла осуждаетъ человѣческую личность на механическое, слѣпое подчиненіе обществу. Онъ отвергаетъ въ самомъ корнѣ мысль о возможности самостоятельной, энергичной дѣятельности человѣка въ обществѣ, его непрерывной *борьбы* со всѣми, выступающими въ жизни человѣка, препятствіями на пути къ исполненію всѣхъ его жизненныхъ плановъ. Нитцше требуетъ этой борьбы отъ каждаго сильнаго духомъ и тѣломъ человѣка во имя права такой, могущественной его личности. Въ этомъ случаѣ онъ, очевидно, примыкаетъ къ извѣстной теоріи Дарвина о борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ, какъ могучихъ факторахъ, условіяхъ мірового развитія. Отголоскомъ этой теоріи, все великое научное значеніе которой признано теперь не только въ естественныхъ, но и общественныхъ наукахъ, является въ наукѣ права взглядъ виднѣйшаго изъ современныхъ ученыхъ юристовъ, *Р. ф. Іеринга* на борьбу за право, которою характеризуется вся его исторія. Возставая противъ воззрѣнія исторической школы права на мирное образованіе права, безпрепятственное его развитіе въ народной жизни, Іерингъ доказываетъ, что всѣ важныя пріобрѣтенія культуры достались человѣчеству путемъ ожесточенной борьбы. Такъ, напр., было уничтожено рабство и, остатокъ его въ новой исторіи, крѣпостное право, за всѣми людьми признаны равенство и свобода, появилась свобода совѣсти, торговли и промышленности. На самомъ дѣлѣ всѣ эти важныя историческія событія произошли не изъ физической борьбы отдѣльныхъ лицъ, классовъ и народовъ, возмущенныхъ насиліемъ и возставшихъ за свои попранныя права. Никакія возстанія рабовъ въ древности (напр., подъ предво-

дительствомъ Спартака въ Римѣ) не могли уничтожить рабства, корень котораго находился въ то время въ особенныхъ условіяхъ всей жизни древняго общества. Точно также не упразднили крѣпостного права продолжительныя крестьянскія войны въ средніе вѣка (во Франціи, Англіи и Германіи). Напротивъ, послѣ всякаго возстанія рабовъ или крѣпостныхъ противъ своихъ господъ власть послѣднихъ надъ ними усиливалась еще болѣе и отношенія господъ къ зависимымъ отъ нихъ людямъ дѣлались болѣе жестокими, безпощадными. Рабство и крѣпостное право исчезли изъ исторіи человѣчества подъ вліяніемъ идеи христіанства о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ, идей гуманистовъ (въ Италіи, Германіи и Франціи въ XVI—XVII в.) о свободѣ человѣческой личности отъ оковъ, связывавшаго средневѣковое общество, католическаго міровоззрѣнія, реформаціоннаго движенія (XVII в.) и просвѣтительной французской философіи (XVIII в.). Крѣпостное право было упразднено въ Пруссіи Фридрихомъ Великимъ еще до первой французской революціи. Въ Россіи отмѣна крѣпостного права совершилась на нашихъ глазахъ также мирнымъ путемъ (въ 1861 г.), актомъ дѣятельности императора Александра II-го, благородныя стремленія котораго нашли живое сочувствіе въ средѣ образованнаго русскаго общества.

Свобода совѣсти или вѣроисповѣданія также результатъ продолжительнаго вліянія разнообразныхъ идей на сознаніе человѣчества. Узко національная религія древности, гдѣ каждый народъ имѣлъ свою религію, только почитаемую имъ за единственно-истинную, исключала возможность свободы ея исповѣданія внѣ границъ того или другаго государства, гдѣ она не признавалась даже за религію. Христіанство, провозгласившее начало равенства всѣхъ людей въ вѣрѣ въ Единаго Бога, положило начало свободѣ совѣсти въ европейскомъ обществѣ. Но очень долго, въ теченіе тысячелѣтняго

средневѣковаго періода высокое христіанское ученіе искажалось властолюбивымъ папствомъ, преслѣдовавшимъ подъ его эгидой личныя цѣли, стремившимся къ полному господству надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Нетерпимымъ папствомъ пущены были въ дѣло всякіе обманы и средства насилія: пытки, костры, убійства отдѣльныхъ лицъ, войны между народами. Варфоломѣевская ночь (во Франціи), тридцатилѣтняя война (въ Германіи), кровавая дѣятельность Торквемадо и святой инквизиціи (въ Испаніи) и ордена іезуитовъ (во всей Европѣ)—таковы были формы насилія, совершаемаго папствомъ надъ совѣстью европейскихъ народовъ. Въ ихъ памяти чистѣйшее христіанское ученіе о любви къ людямъ соединилось, благодаря дѣятельности папства, невольно съ самыми ужасными видами насилія, въ которомъ христіанство не было повинно ни на іоту. Если бы нравственныя идеи христіанства не были затемнены густымъ дымомъ, пылавшихъ на огромномъ пространствѣ, костровъ, на которыхъ сжигались святой инквизиціей еретики и вѣдьмы, если бы она не замучивала въ невыразимыхъ пыткахъ враговъ папства, не проливала рѣки крови „во славу Бога“ (ad Dei gloriam), во имя будто бы ученія Христа, и оно распространилось и было понято людьми въ истинномъ его видѣ, не произошло бы въ новой исторіи человѣчества массы насилій и бѣдствій, долго омрачавшихъ жизнь людей. Свобода совѣсти, возможность для каждаго открыто исповѣдывать свою религію и участвовать въ богослуженіи установилась въ европейскомъ обществѣ уже въ XVIII—XIX в. Когда вмѣстѣ съ предварительною побѣдой государственной власти надъ папствомъ (въ XV—XVII в.) прекратилась ожесточенная братоубійственная борьба между представителями христіанскихъ вѣроисповѣданій (католическаго и протестантскаго), тогда подъ вліяніемъ умственнаго движенія новаго времени образовалось представленіе о свободѣ личности, въ понятіе которой вош-

ла и свобода ея совѣсти. Наконецъ, и свобода торговли и промышленности—плодъ также не борьбы, насилія, а послѣдовательнаго развитія, общественнаго и политическаго, европейскаго общества въ теченіе многихъ вѣковъ. Этого рода свобода была совсѣмъ неизвѣстна въ эпохи безпрерывной борьбы между народами и общественными классами. Она была немыслима въ древности съ ея презрѣніемъ къ личному, физическому труду, оставленному на долю рабовъ, невозможна и въ средніе вѣка при всякаго рода стѣсненіяхъ и насиліяхъ надъ личностью и обществомъ со стороны западно-европейскаго полицейскаго государства XVI—XVII в. и феодальныхъ, высшихъ сословій общества. Только съ разрушеніемъ феодальнаго строя и образованіемъ на его развалинахъ новаго общества, въ основу котораго были положены начала юридическаго равенства всѣхъ людей и признанія ихъ личной свободы, могло начаться и безпрепятственное, свободное экономическое развитіе европейскихъ народовъ, выразившееся въ необычайныхъ успѣхахъ среди нихъ промышленности и торговли.

Такъ, можно сказать, исчезало постепенно изъ жизни людей то, что проводилось насиліемъ и, наоборотъ, осталось все, что вліяло на нихъ мирнымъ образомъ, развивалось въ сознаніи людей по мѣрѣ уясненія высокихъ нравственныхъ началъ христіанства и умственнаго и матеріальнаго прогресса европейскихъ народовъ. Великія идеи древнихъ философовъ (Платона и Аристотеля), гуманистовъ, (Эразма, Гуттена, Раблэ и др.), реформаціи (Лютера), астрономовъ (Галилея, Коперника), новыхъ философовъ (Декарта, Бэкона, Канта, Дарвина, Конта, Спенсера), политическихъ мыслителей (Монтескье, Вольтера и др.), экономистовъ (А. Смита, Рикардо и др.), какъ и идеи міровыхъ поэтовъ художниковъ: Байрона, Шекспира, Шиллера, Гёте, Гоголя, Тургенева, самого гр. Толстого оказали могущественное вліяніе на умы современниковъ и способствовали нравственному и матеріальному развитію человѣчества неизмѣримо

больше всякихъ войнъ, борьбы и насилій. Всякія формы насилія, которыми пользовались въ своихъ эгоистическихъ, корыстныхъ разсчетахъ отдѣльныя лица, общественные классы и цѣлые народы, не приносили пользы всему человѣчеству, которое всегда проигрывало въ такихъ случаяхъ. Насильственные перевороты въ общественной жизни (революціи) никогда не оказывали благодѣтельнаго вліянія на развитіе общаго благосостоянія людей. Вмѣстѣ съ разрушенными внезапно общественными учрежденіями исчезаетъ безслѣдно для будущихъ поколѣній масса благъ цивилизаціи (матеріальныхъ и духовныхъ), доставшихся людямъ цѣною большаго и напряженнаго труда и надолго задерживается прогрессивное развитіе общества во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому устраненіе всякихъ формъ насилія составляетъ издавна идеалъ человѣческаго благополучія. Тѣ пріобрѣтенія европейской культуры, которыя многими писателями приписываются первой французской революціи, на самомъ дѣлѣ составляютъ результатъ предшествовавшаго продолжительнаго развитія европейскаго общества, которое начинается появленіемъ христіанства, подготовляется разными событіями новой исторіи общества (XV—XVII в.) и выражается особенно рельефно въ гуманистическомъ и реформаціонномъ движеніи, перешедшемъ въ XVIII в. въ просвѣтительную философію (въ Германіи и Франціи). Всѣ люди мечтаютъ уже немало времени о томъ, чтобы основать всю свою жизнь на началахъ правды и справедливости, идеяхъ равенства и свободы, внесенныхъ уже въ сознаніе европейскаго общества. Гр. Толстой ратуетъ за такой же мирный идеалъ жизни людей, но въ страстномъ увлеченіи своими общественными планами, своею проповѣдью и непротивленіи злу насиліемъ закрываетъ глаза предъ дѣйствительными фактами, не хочетъ признать за современнымъ правомъ и государствомъ ихъ великой культурной миссіи на томъ основаніи, что они когда-то служили насилію однихъ

народовъ, классовъ и отдѣльныхъ лицъ надъ другими. Вся исторія человѣчества представляетъ отрадную картину поступательнаго движенія впередъ, постепеннаго ограниченія эгоизма человѣка (личнаго, семейнаго, національнаго), медленнаго, но несомнѣннаго проникновенія всѣхъ сторонъ общественной жизни альтруистическими идеалами [1]). Поэтому Толстой правъ, когда онъ, глубоко вѣря въ неизбѣжное торжество нравственной идеи христіанства о любви къ ближнему даже и не въ отдаленномъ будущемъ, возлагаетъ такія большія надежды на освобожденіе людей отъ всякихъ личныхъ бѣдъ и общественныхъ золъ путемъ мирнаго осуществленія этой идеи, помимо какихъ-либо попытокъ устранить ихъ посредствомъ насильственнаго разрушенія современныхъ общественныхъ формъ. Особенно сильно вооружается Толстой противъ высшей формы насилія—*войны*, которая противорѣчитъ, по его убѣжденію, христіанскому сознанію, христіанской заповѣди о любви ко всѣмъ людямъ, ихъ братству. Поэтому онъ ставитъ запрещеніе воевать даже въ числѣ своихъ пяти заповѣдей („не воюй").

Согласно съ этой заповѣдью, мы должны, говоритъ Толстой, любить всѣхъ людей одинаково, не оказывать никакого предпочтенія своему народу предъ другими народами, не жертвовать за свое отечество, родину жизнью, когда оно вовлекается въ столкновеніе съ другими народами. Мы уже знаемъ, на сколько невозможна такая одинаковая любовь ко всѣмъ людямъ безразлично, вмѣсто которой на самомъ дѣлѣ существуютъ привязанности сначала между наиболѣе близкими людьми, а потомъ какъ патріотами, связанными съ на-

---

[1]) См. мою названную брошюру (Право и нравственность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ), 3-ю главу. Самъ Толстой указываетъ на рядъ фактовъ изъ современной общественной жизни, свидѣтельствующихъ объ изчезновеніи изъ нея разныхъ формъ „насилія" и водвореніи гуманности въ общественныхъ отношеніяхъ.

ми общностью происхожденія, единствомъ религіи, нравовъ, языка, экономическаго, юридическаго и политическаго быта. Этотъ патріотизмъ, любовь къ своему народу, отечеству имѣетъ глубокіе корни въ сѣдой странѣ, незапамятной дали ряда вѣковъ, когда среди самыхъ разнообразныхъ условій постепенно образуется та или другая народность, создается крѣпко сплоченный общественный союзъ съ своеобразнымъ складомъ общаго міровоззрѣнія и особеннымъ, общественнымъ и политическимъ строемъ. Каждый родится и живетъ среди своего роднаго народа, любитъ его за достоинства, снисходитъ къ его недостаткамъ, которые въ тоже время и его собственныя качества, и готовъ защищать грудью свое отечество отъ всякихъ на него нападеній. Во всей древности патріотическія чувства были развиты до крайней степени: тогда каждое изъ государствъ (на Востокѣ и въ древней Греціи и Римѣ) создавалось подъ вліяніемъ исключительныхъ условій, — имѣло собственную, національную религію, которая неотразимо вліяла на все устройство общества и государства. Каждый изъ древнихъ народовъ считалъ себя обладателемъ единственно истинной религіи и, освященныхъ ею, лучшихъ общественныхъ учрежденій. Всякій гражданинъ готовъ былъ поэтому на всевозможныя жертвы для блага своего народа, которое было неизмѣримо выше интересовъ отдѣльныхъ лицъ, даже поглощало ихъ безъ остатка. Благо отечества — первый законъ общественной жизни, говорили римляне (salus publici prima lex est), выражая этимъ основное ея правило, характеризующее всю жизнь древнихъ народовъ. Такая страстная, беззавѣтная любовь къ своей родинѣ, изъ за которой люди забывали обыкновенно о своихъ личныхъ интересахъ, вызывала разобщенность между отдѣльными народами и государствами, заставляла каждаго изъ нихъ вести замкнутую, изолированную жизнь, внушала имъ неусыпную заботу оберегать ревниво всякое покушеніе на ея основы со стороны другихъ сосѣднихъ народовъ. Это рѣзкое различіе между

древними народами и государствами было одной изъ главныхъ причинъ частыхъ и ожесточенныхъ войнъ между ними, нерѣдко губившихъ одного, а иногда и обоихъ непримиримыхъ соперниковъ.

Съ появленіемъ христіанства сглаживается постепенно это различіе національныхъ вѣрованій и создается постоянное общеніе всѣхъ народовъ на почвѣ общихъ, культурныхъ интересовъ. Съ тѣхъ поръ замѣчается стремленіе къ уменьшенію воинъ, поводъ къ которымъ долженъ былъ исчезать мало помалу съ распаденіемъ средневѣковаго, феодальнаго строя и объединеніемъ европейскихъ народовъ въ текущемъ столѣтіи общепризнанными идеями равенства и свободы всѣхъ людей, ставшими основаніемъ европейской общественной жизни. Всѣми европейскими народами дума о сохраненіи постояннаго мира овладѣла такъ сильно, что государи, поставившіе себѣ задачей своей политической дѣятельности это соблюденіе мирныхъ отношеній между государствами, пріобрѣтаютъ въ сознаніи благодарныхъ народовъ неувядаемую, безсмертную славу. Таковъ былъ покойный Александръ III, заслужившій себѣ непрестанными заботами объ европейскомъ мирѣ имя „Миротворца". Теперь уже мало государственныхъ людей, которые, подобно Мольтке, считали бы войну полезною для народнаго блага: исторія сохранила въ поученіе грядущимъ поколѣніямъ такъ много доказательствъ неисчислимаго вреда войнъ для блага, счастья людей, что доказывать ихъ пользу въ настоящее время было бы верхомъ нелѣпости. Поэтому симпатіи европейскаго общества болѣе на сторонѣ Толстого, такъ горячо, хотя и довольно рѣзко, отстаивавшаго интересы мира, нежели—Нитцше съ его открытымъ объявленіемъ войны всему европейскому міровоззрѣнію и современному общественному строю. Всѣ ученія современныхъ мыслителей и политическихъ дѣятелей направлены на то, чтобы, если не прекратить навсегда войны, то,

по крайней мѣрѣ, уменьшить случаи, когда онѣ могутъ быть допущены и, кромѣ того, обставить самое веденіе войны такими благопріятными условіями, при которыхъ было бы возможно гуманное обращеніе съ непріятелями. Не напрасны и безцѣльны, какъ увѣряетъ Толстой, труды разнообразныхъ конгрессовъ и конференцій, собирающихся для опредѣленія отношеній государствъ во время веденія войнъ: къ ихъ рѣшеніямъ въ интересахъ общаго сохраненія мира прислушиваются внимательно представители государствъ и принимаютъ къ руководству въ случаѣ наступленія войны. Число послѣднихъ постепенно сокращается. Въ настоящее время немыслимы войны изъ за различій въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, какъ это было въ древности, или же—того или другого христіанскаго вѣроисповѣданія, что происходило въ средніе вѣка. Прекратились войны изъ за династическихъ интересовъ. Только особенныя, временныя условія международной жизни въ европейскомъ обществѣ и внутренней—въ нѣкоторыхъ изъ западно-европейскихъ государствъ создали такъ называемый *милитаризмъ*, заставили всѣ государства содержать громадныя арміи и тратить большія суммы на дорого стоющее ихъ вооруженіе. Сознаніе всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій для общественнаго благосостоянія отъ такого напряженнаго состоянія въ взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ державъ не оставляетъ ни на минуту выдающихся современныхъ мыслителей и политиковъ. Они не могутъ преодолѣть чувства ужаса при одной мысли о страшной, губительной войнѣ, которая можетъ вспыхнуть между европейскими народами и разрушить всю, дорого стоившую, имъ цивилизацію.

Напрасно Толстой укоряетъ современное общество въ томъ, что оно допускаетъ противорѣчіе между христіанскимъ ученіемъ и происходящими войнами. Оно столько же виновато въ этомъ противорѣчіи, сколько и ученые, якобы „измышляю-

щіе, усовершенствующіе пріемы войны" [1]). Химическія открытія приносятъ, прежде всего, пользу людямъ тѣмъ, что удовлетворяютъ разнымъ ихъ потребностямъ [2]). Если же тѣже открытія примѣняются и къ военнымъ цѣлямъ, то это дѣлается съ цѣлью обезпеченія лучшей защиты при тѣхъ политическихъ обстоятельствахъ, противъ которыхъ общество совершенно безсильно. Сознаніе указаннаго Толстымъ этого международнаго противорѣчія несомнѣнно существуетъ въ европейскомъ обществѣ, какъ объ этомъ говоритъ и самъ Толстой. Именно поэтому-то всѣ государства и избѣгаютъ старательно всякихъ поводовъ къ войнѣ, отъ которой ихъ останавливаютъ, между прочимъ, соображенія о быстрой и неизбѣжной погибели при наступленіи войны многочисленныхъ армій вслѣдствіе громадныхъ запасовъ у всѣхъ государствъ всякихъ разрушительныхъ средствъ. Достаточно вспомнить, напримѣръ, о начатой и скоро окончившейся на нашихъ глазахъ греко-турецкой войнѣ, которая была допущена европейскими державами послѣ цѣлаго ряда попытокъ къ примиренію противниковъ. Всѣ онѣ внимательно слѣдили за всѣми фазами этой войны, не дозволяя болѣе сильной сторонѣ (Турціи) раздавить болѣе слабую (Грецію), произнесли рѣшительное *veto* въ моментъ, когда послѣдняя уже была не въ состояніи бороться, и даже предоставили въ интересахъ общественнаго мира и угнетеннаго населенія Турціи право побѣжденному противнику— Греціи предписывать свои условія недовольному побѣдителю. Противъ той же Турціи назадъ тому двадцать лѣтъ выступила Россія на защиту славянскихъ народностей на балканскомъ полуостровѣ, пожертвовала ради ихъ спасенія отъ ставшаго невыносимымъ гнета турокъ сотнями тыся-

---

[1]) См. соч. Толстого, XIV ч., 57 стр.

[2]) Такъ, напр., динамитъ — это страшное на войнѣ по своей разрушительной силѣ вещество приноситъ большую пользу при устройствѣ туннелей, желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей сообщенія.

чи людей и милліонами денегъ и обезпечила освобожденнымъ такою большою цѣною славянамъ возможность самостоятельной, политической и общественной, жизни. Подобныя войны, предпринимаемыя во имя высшихъ идей, не только не осуждаются народами, но считаются ими благородными жертвами для блага народовъ, всей цивилизаціи человѣчества. Каждый дальнѣйшій шагъ къ ея развитію—побѣда мирныхъ, культурныхъ стремленій у людей надъ прежними, воинственными ихъ наклонностями, которыя принесли народамъ и государствамъ такъ много бѣдъ и несчастій. Но въ тоже время они должны признать съ грустью, что вѣчный миръ—неосуществимая мечта благородныхъ умовъ человѣчества, идеалъ международной жизни государствъ. Пока эгоизмъ будетъ брать перевѣсъ надъ альтруизмомъ въ жизни людей, неизбѣжны столкновенія между ними, какъ въ внутренней жизни каждаго изъ государствъ, такъ и въ международныхъ ихъ отношеніяхъ. Но въ тоже время никогда не исчезнетъ изъ жизни людей любовь къ отечеству, которую Толстой такъ рѣшительно отвергаетъ, а Нитцше обозначаетъ разными ироническими названіями. Послѣдній самъ высказываетъ большія опасенія за цѣлость западно-европейскихъ странъ при сосѣдствѣ могущественной Россіи, предъ силой крѣпостью и которой онъ преклоняется. Паническій страхъ предъ этимъ „единственнымъ“ въ этомъ отношеніи въ Европѣ государствомъ заставляетъ Нитцше предложить мелкимъ европейскимъ государствамъ странный проэктъ соединенія ихъ въ какую-то касту, которая могла бы господствовать надъ всей Европой.

Оставляя въ сторонѣ всѣ эти напрасные, ничѣмъ неоправдываемые страхи и опасенія нѣмецкаго философа, мы видимъ въ этомъ торжественномъ призывѣ Нитцше западно-европейскихъ государствъ къ воинственной политикѣ выраженіе одной и той же общей мысли всего его философско-моральнаго міровоззрѣнія, которое такъ рѣзко расходится съ

общепринятыми взглядами. Нитцше желаетъ, чтобы и въ области международной жизни государствъ образовался тотъ же „сверхчеловѣкъ“, фантастическій образъ котораго постоянно носится предъ его глазами. Въ страстномъ, нетерпѣливомъ отрицаніи всѣхъ понятій и воззрѣній современнаго общества, его религіи, морали, науки, искусства и всего общественнаго строя Нитцше переноситъ всеобщую, безпощадную борьбу за свой идеалъ о сильномъ человѣкѣ изъ внутренней жизни каждаго государства въ область взаимныхъ отношеній всѣхъ европейскихъ государствъ. Въ своихъ заботахъ о поколѣніи могучихъ духомъ и тѣломъ личностей Нитцше объявляетъ ихъ эгоизмъ единственнымъ основаніемъ своей морали и всей общественной жизни, откуда должно быть, по его мнѣнію, удалено все, что только напоминаетъ о слабости, безпомощности, ничтожествѣ человѣка. Въ противоположность этой дарвиновской теоріи Нитцше о необходимости жестокой борьбы за существованіе, въ которой слабыя особи обречены на неминуемую погибель, Толстой выставляетъ въ качествѣ общественнаго идеала высшую, альтруистическую идею христіанства, которою смягчаются въ дѣйствительной жизни напряженныя и враждебныя отношенія людей. Толстой вѣритъ непоколебимо, что люди не „звѣри“ разныхъ видовъ (просто звѣрь-философъ, бѣлокурые звѣри, раса знатныхъ, аристократы), въ жизни которыхъ господствуютъ одни грубые инстинкты, эгоистическія стремленія, а духовныя, нравственно разумныя существа, преслѣдующія въ своей дѣятельности высокіе, нравственные идеалы правды, истины, добра, справедливости и красоты. Эти идеалы альфа и омега цивилизаціи общества, смыслъ которой заключается въ всестороннемъ развитіи личности человѣка, обезпеченіи ему при помощи права и государства всѣхъ условій для этого развитія въ области матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ личности.

Осуществленіе альтруистическаго идеала, внесеніе его въ

жизнь общества, гдѣ онъ признается, за исключеніемъ Нитцше, всѣми остальными, во многомъ противоположными другъ другу моралистами за высшій принципъ человѣческаго поведенія, немыслимо при пассивномъ, мертвомъ подчиненіи личности, одолѣвающимъ ее со всѣхъ сторонъ, всякаго рода бѣдствіямъ. Только на почвѣ энергическаго и безпрерывнаго труда на благо другихъ, борьбы за добро противъ всѣхъ формъ зла въ общественной жизни мирными, моральными средствами (убѣжденіемъ, личнымъ примѣромъ, общественнымъ мнѣніемъ, дѣятельностью права и государства) возможно дѣйствительное примѣненіе заповѣди Толстого о непротивленіи злу, тѣсно связанной съ главною заповѣдью христіанскаго ученія о любви къ ближнему. Толстой соединяетъ успѣхъ своего альтруистическаго ученія съ стремленіями большинства въ современномъ обществѣ къ обезпеченію своего благосостоянія. Нитцше претитъ одна мысль объ этомъ всеобщемъ благѣ массы людей, презираемыхъ имъ за „рабскія“ чувства и мысли. У него не выходитъ изъ ума представленіе о явной для него гибели всего оригинальнаго, выдающагося въ области мысли и жизни среди этого, нивеллирующаго всякія индивидуальныя различія, демократическаго направленія европейской и общественной жизни. Нитцше не хочетъ обратить вниманія на то, что въ этомъ современномъ движеніи въ сторону признанія и развитія блага народной массы заключается вѣрный залогъ поднятія низкаго уровня ея матеріальнаго и духовнаго состоянія и послѣдующаго появленія въ большомъ количествѣ оригинальныхъ личностей, сильныхъ духомъ, но не только однимъ почти тѣломъ, какъ этого хочетъ особенно Нитцше. По представленію Толстого, вся жизнь людей должна проходить въ безпрерывномъ рядѣ подвиговъ самопожертвованія, исключающаго возможность, необходимаго для такого направленія въ дѣятельности людей, другого не менѣе живучаго начала въ человѣческой природѣ, — эгоистиче-

ской ея наклонности. Нашъ русскій философъ совсѣмъ изгоняетъ эгоизмъ изъ жизни людей, не хочетъ и думать о какомъ-либо личномъ ихъ счастьи, представленіе о которомъ при всей необходимости для нихъ альтруистическаго поведенія не можетъ обойтись безъ удовлетворенія, такъ презираемой Толстымъ, „животной личности“ человѣка. Нитцше, наоборотъ, заполняетъ всю его жизнь самыми грубыми проявленіями одного эгоизма людей, среди которыхъ выдѣляется группа лицъ съ наибольшимъ, беззастѣнчивымъ его развитіемъ на счетъ всей остальной массы. Онъ возводитъ въ всеобщій законъ жизни общества, въ которой происходитъ постоянное соревнованіе, соперничество между отдѣльными лицами, классами и народами во всѣхъ областяхъ ихъ дѣятельности, открытое, безпощадное истребленіе болѣе слабыхъ сильными. Толстой, наоборотъ, стоитъ все время на сторонѣ слабыхъ, требуетъ отъ сильныхъ неустанной заботы о низшихъ классахъ народа, вмѣняетъ въ обязанность первымъ измѣнить въ корнѣ весь свой образъ жизни, бросить города со всѣми ихъ развращающими соблазнами и опроститься, слиться съ народомъ, вступить съ нимъ и природой въ непрерывное общеніе, спуститься до его уровня понятій, привычекъ и всего образа жизни. Толстой желаетъ устранить изъ дѣятельности людей всякое, даже благородное соревнованіе между ними, безъ котораго невозможно на самомъ дѣлѣ развитіе силъ человѣческой личности и удовлетвореніе его потребностей. Онъ осуждаетъ всѣхъ людей на мертвую неподвижность, устраняетъ ихъ отъ участія въ культурной жизни современнаго общества. Въ обществѣ, построенномъ по образцу ученія Толстого, не можетъ быть мѣста ничему выдающемуся въ области мысли, искусства, экономической и политической жизни. „Толстовцы“ должны все время думать, прежде всего, о самомъ существенномъ въ жизни человѣка—о матеріальномъ благосостояніи, одинаковомъ для всѣхъ членовъ общества.

Нѣкоторый образецъ деревенской жизни, которую Толстой такъ усиленно рекумендуетъ образованнымъ классамъ общества, онъ даетъ въ своей „Власти тьмы", гдѣ мужикъ Акимъ олицетворяетъ собою традиціонное міровоззрѣніе русскаго народа съ его любовью къ правдѣ, чуткою совѣстью, убѣжденіемъ въ святости труда, ненарушимости уклада семейной жизни и боязнью перемѣны старозавѣтнаго, деревенскаго быта на новый, соблазнительный и развращающій, образъ городской жизни [1]. Представитель городской цивилизаціи въ „Власти тьмы", сынъ Акима, фабричный Никита, поощряемый своей матерью, Матреной въ легкомысленномъ отношеніи къ женщинамъ, не любитъ трудиться и не желаетъ бросить своего празднаго и разгульнаго образа жизни, не слушаетъ увѣщаній отца, который въ негодованіи уходитъ отъ Никиты въ деревню [2]. Но тотъ же Акимъ приходитъ въ восторгъ, когда Никита кается при всемъ народѣ въ своихъ тяжелыхъ преступленіяхъ, совершенныхъ среди приволья праздной и сытой жизни [3]. За исключеніемъ этихъ свѣтлыхъ сторонъ народной жизни, которыя Толстой рисуетъ въ „Власти тьмы", вся она—художественное изображеніе безпросвѣтнаго мрака, дикихъ суевѣрій и глубокаго невѣжества, въ которымъ живетъ, такъ любимый имъ, простой русскій народъ. Вся почти жизнь крестьянина проходитъ въ томительно-однообразномъ физическомъ трудѣ изъ за насущнаго куска хлѣба, кромѣ заботы о которомъ у людей есть и болѣе высшія, духовныя потребности. Подобный образецъ слишкомъ скромной, трудолюбивой и въ тоже время ограниченной, ничтожной духовной жизни крестьянина не можетъ соблазнить современнаго культурнаго человѣка, который не найдетъ себѣ полнаго удовлетворенія, счастья въ бѣдности, темнотѣ и грубости крестьянскаго быта. Сами крестьяне въ

---

[1]—[2]) Соч. Толстого, XII, 520—524 и 543—544 с. [3]) ibidem. 614—616 с.

лицѣ лучшихъ своихъ представителей пытаются выдти изъ своего невыносимаго положенія и находятъ въ такихъ своихъ стремленіяхъ крѣпкую поддержку въ современныхъ мыслителяхъ и государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ. Толстой представляетъ жизнь крестьянъ въ какомъ-то свѣтломъ, идиллическомъ видѣ, забываетъ, какъ однообразенъ, тяжелъ и часто изнурителенъ трудъ крестьянина лѣтомъ при невыносимой жарѣ, осенью при безпрерывныхъ дождяхъ и вѣтрахъ, зимою при снѣжныхъ вьюгахъ и сильныхъ морозахъ. Крестьянинъ спитъ крѣпко, но не всегда достаточно для подкрѣпленія силъ своего организма; лѣтомъ во время полевыхъ работъ крестьянамъ приходится вставать съ зарей и спѣшить въ поле, работать здѣсь тоже до зари. Крестьянинъ обладаетъ и хорошимъ аппетитомъ, но его пища обыкновенно скудная, неудобоваримая, вредная и невыносимая непривычнымъ желудкомъ городского жителя. Наконецъ, все здоровье крестьянъ поставлено въ постоянную опасность отъ всевозможныхъ болѣзней, развивающихся въ изобиліи среди примитивныхъ, суровыхъ и грубыхъ, условій матеріальнаго деревенскаго быта. Толстой, совѣтуя общее переселеніе изъ городовъ въ деревню, рекомендуетъ раздѣлять здѣсь рабочій день на „упряжки“, чередовать мускульный трудъ съ умственнымъ и нравственнымъ. Но такимъ образомъ не только не уничтожится „ложное раздѣленіе труда“, безъ котораго даже нельзя себѣ и представить жизнь современнаго общества, но, если бы случилось такое невозможное событіе, изчезла бы всякая вѣроятность удовлетворенія потребностей человѣка, у котораго бы не хватило силъ и способностей на такую разнородную дѣятельность.

Вся чрезмѣрная любовь Толстого къ народу и его походъ противъ городской жизни, безъ которой на самомъ дѣлѣ немыслима культура европейскаго общества и все дальнѣйшее ея развитіе, напоминаютъ намъ подобный же страст-

ный протестъ, знакомаго Толстому съ университетскихъ годовъ, *Ж. Ж. Руссо* противъ цивилизаціи европейскаго общества въ XVIII в. и его сантиментальныя, буколическія мечты о жизни всѣхъ людей на лонѣ природы, сельской идилліи, гдѣ былъ бы данъ широкій просторъ развитію природныхъ добрыхъ качествъ человѣка, проявленіямъ непосредственнаго его чувства. Но, возставая противъ цивилизаціи въ той ея формѣ, въ какой она существовала въ XVIII в., Руссо не отрекался совершенно отъ матеріальныхъ и духовныхъ ея благъ, какъ это дѣлаетъ Толстой. Руссо желалъ только ихъ равнаго распредѣленія между всѣми людьми, ожидалъ послѣдовательнаго до крайности развитія въ обществѣ полной, незнающей никакихъ ограниченій, свободы человѣка, которую Толстой допускаетъ, наоборотъ, у него въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Но и у Толстого, какъ и Ж. Ж. Руссо, и у Нитцше съ его проповѣдью возврата къ природѣ (инстинктамъ человѣка), фантастичны, несбыточны представленія о новомъ общественномъ строѣ, новыхъ его формахъ, напоминаютъ одну изъ соціальныхъ утопій или романовъ, появлявшихся во всѣ критическія времена общественной жизни человѣчества. Таковы, напр., были: „Государство“ Платона, „Утопія“ Томаса Мура, „Царство солнца“ Кампанеллы и, получившее большую извѣстность также въ современномъ обществѣ“, „Черезъ 100 лѣтъ“ Беллами. Появленіе подобныхъ сочиненій указывало всегда на, сознаваемую обществомъ, ненормальность его устройства, возникшую въ немъ нужду въ новыхъ идеалахъ общественной жизни, опредѣленное формулированіе которыхъ можетъ быть только дѣломъ отдаленнаго будущаго. На сколько далекъ, предлагаемый Толстымъ, планъ новаго общественнаго порядка отъ современнаго европейскаго, на это указываетъ и его собственное сознаніе въ трудности и даже невозможности въ настоящее время, хотя бы только приступить къ измѣненію

современной общественной жизни въ духѣ его идей (см. выше, въ „Бесѣдѣ досужихъ людей“). Таже мысль о почти непреодолимыхъ препятствіяхъ на пути къ ихъ осуществленію руководитъ Толстымъ въ то время, когда онъ совѣтуетъ людямъ „недѣланіе“, остановку всѣхъ ихъ обычныхъ дѣлъ, освобожденіе отъ „суеты жизни“, которая выставляетъ свои требованія независимо отъ всѣхъ теорій и не ждетъ, пока будутъ осуществлены эти теоріи. Во всемъ міровоззрѣніи Толстого, всѣхъ его соціальныхъ планахъ выдается глубоко симпатичная вѣра въ могущество и торжество высокихъ нравственныхъ идей въ исторіи человѣчества, сказывается непоколебимое убѣжденіе въ творческой силѣ великихъ нравственныхъ, альтруистическихъ идеаловъ въ жизни людей, отъ энергичнаго стремленія къ которымъ зависитъ и исполненіе ихъ надеждъ на обновленіе всей жизни, дѣйствительное освобожденіе отъ безчисленныхъ, одолѣвающихъ отовсюду, всякихъ золъ. Во взглядахъ Толстого, которые излагаются имъ обыкновенно въ художественныхъ образахъ, невольно и навсегда западающихъ въ душу читателя, европейское общество видитъ отраженіе всѣхъ своихъ сомнѣній, колебаній, надеждъ и разочарованій въ возможномъ для человѣка достиженіи его личныхъ и общественныхъ идеаловъ.

Современное общество склоняется болѣе въ сторону идей Толстого, нежели Нитцше, потому что все, хотя и безотрадное, міровоззрѣніе Толстого проникнуто альтруистическимъ характеромъ, заключаетъ требованіе благосостоянія всей народной массы, интересы которой стоятъ на первомъ планѣ въ новое время, особенно въ текущемъ столѣтіи, составляютъ злобу дня во всей Европѣ. Но и бодрящіе, жизнерадостные взгляды Нитцше при всей рѣзкости ихъ формы и рѣшительнаго отрицанія имъ обычныхъ воззрѣній и общественныхъ учрежденій также не остаются безъ вниманія мыслителей. Въ лицѣ Нитцше справедливо видятъ крайне нервную, впечатлительную, болѣзненную натуру, страдающую

отъ сознаваемыхъ имъ разнообразныхъ жизненныхъ противорѣчій его философски-моральнымъ представленіямъ объ основаніяхъ общественнаго устройства. Нитцше не одинокъ въ своемъ протестѣ противъ униженія въ современномъ обществѣ личности и борьбѣ за права меньшинства, избранныхъ индивидовъ, выдающихся своими особенными, личными качествами. Предшественникомъ Нитцше, такимъ же рѣшительнымъ противникомъ толпы и горячимъ защитникомъ сильныхъ духомъ и тѣломъ личностей былъ *Максъ Штирнеръ,* воззрѣнія котораго поразительно напоминаютъ не только по общему своему характеру, но даже и многимъ подробностямъ философско-моральные взгляды Нитцше [1]). И Штирнеръ, и Нитцше стремятся одинаково выразить, стоящее въ жизни общества рядомъ съ демократическимъ въ немъ движеніемъ, не менѣе настоятельное требованіе обезпечить руководящую роль въ общественной жизни избранному меньшинству, лучшимъ представителямъ ума, обширныхъ знаній, высокаго моральнаго и художественнаго развитія, глубокаго политическаго таланта и всякихъ вообще личныхъ дарованій. Противоположныя во всѣхъ отношеніяхъ, моральныя и общественныя воззрѣнія Нитцше и Толстого выдвинули, подчеркнули рѣзко контрастъ между эгоизмомъ и альтруизмомъ въ природѣ человѣка, отдѣльнымъ лицомъ и всѣмъ обществомъ, избраннымъ меньшинствомъ, „героями“ и народной массой, толпой. Установить равновѣсіе между интересами меньшинства и всей остальной народной массы издавна было великой задачей общественной жизни людей. Во всей древности преобладало

---

[1]) Сочиненіе Штирнера: „Der Einzige und sein Eigenthum“ появилось въ 1845 г. О Штирнерѣ см. книгу *R. Schellwien:* „Max Stirner und Friedriech Nietzsche“. 1892. Штирнеръ, какъ и Нитцше, ставитъ человѣческую личность, ея мощь и силу во главѣ всѣхъ нравственныхъ и общественныхъ понятій и явленій, выводитъ изъ „я“ человѣка, господства эгоизма въ личности отрицаніе морали, права, государства и всѣхъ общественныхъ учрежденій, такъ или иначе связывающихъ человѣка въ исключительномъ проявленіи эгоистическихъ наклонностей его природы (8—22 стр.).

надъ массой меньшинство, сильное больше тѣломъ, его инстинктами, нежели духомъ, личности въ духѣ идей Нитцше. Съ появленіемъ христіанства выступаютъ на міровую, историческую сцену интересы большинства, признанные сначала въ области религіозной жизни и отвлеченной мысли, а въ текущемъ столѣтіи ставшіе насущными требованіями всей жизни общества въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ. Но обезпеченіе всѣхъ интересовъ народной массы, развитіе ея благосостоянія немыслимо при полномъ раствореніи въ ней, исчезновеніи всѣхъ личныхъ и дарованій, отличій, пониженіи всего, выдающагося въ области мысли и практической дѣятельности. Даже гр. Толстой, такъ много думающій о благѣ народа, послѣ разныхъ попытокъ доказать ничтожество усилій отдѣльной личности для созданія новаго общественнаго строя, „Царства Божія" на землѣ приходитъ въ заключеніе къ убѣжденію въ могущественномъ вліяніи *личной морали*, необходимомъ проникновеніи *отдѣльныхъ лицъ* нравственными идеями, исполненіи ими заповѣди о непротивленіи злу въ разныхъ ея формахъ.

Нитцше идетъ далѣе Толстого въ своей страстной полемикѣ противъ современнаго альтруистическаго міровоззрѣнія и подобнаго же общаго направленія всей общественной жизни. Онъ прямо пренебрегаетъ всѣми предшествующими, историческими данными, которыя доказываютъ постепенное и неуклонное развитіе альтруистическихъ идей и учрежденій въ европейской цивилизаціи. Поэтому-то въ философіи Нитцше облекаются нерѣдко въ такую непривлекательную, фантастическую и часто грубую форму вполнѣ правильныя мысли о великой, руководящей роли въ обществѣ лучшаго, избраннаго меньшинства, талантливыхъ людей, съумѣвшихъ путемъ энергическаго и постояннаго труда развить свои силы въ какой-либо области человѣческой дѣятельности. Предъ взорами Нитцше постоянно стоитъ, правда, величественный и во многомъ симпатичный, но уже пережитый давно людьми образъ античной жизни со всѣми особен-

ными ея чертами. Современное общество можетъ поучиться у древнихъ грековъ и римлянъ многому въ области знанія, политической и даже моральной жизни, но только не презрѣнію къ человѣческой личности въ народной массѣ, ея порабощенію небольшой группѣ свободныхъ гражданъ въ античныхъ государствахъ. Мы можемъ сочувствовать протесту Нитцше противъ господства въ жизни мелочныхъ, обыденныхъ, ничтожныхъ интересовъ, желать вмѣстѣ съ нимъ развитія сильной, энергичной воли у людей, удаленія изъ жизни общества всякихъ препятствій къ развитію идеи свободной и независимой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и индивидуальной по своимъ силамъ и способностямъ, личности. Но онъ не въ состояніи убѣдить насъ разстаться съ мыслями, чувствами, настроеніемъ, въ которыхъ воспитывался цѣлый рядъ поколѣній раньше насъ и выросли и мы сами, отказаться отъ образа жизни, всѣхъ учрежденій, завѣщанныхъ предками и единственно возможныхъ при данныхъ условіяхъ общественнаго быта. Мы не въ состояніи забыть, что мы живемъ въ вѣкъ всеобщаго признанія идеи общаго равенства и индивидуальной свободы человѣческой личности краеугольнымъ камнемъ всего общественнаго зданія.

Ни философія и мораль Нитцше, ни нравственное міровоззрѣніе Толстого не могутъ разрѣшить великой соціальной проблеммы, доставшейся XIX столѣтію въ наслѣдіе отъ прежнихъ вѣковъ. Взятыя въ отдѣльности, моральныя системы того и другого философа слишкомъ односторонни, исключаютъ одна другую. Принятіе какой-либо изъ нихъ обществомъ означало бы, если рѣчь идетъ о Нитцше, невозможный теперь поворотъ назадъ, къ античнымъ временамъ, эпохѣ господства въ жизни грубаго эгоизма отдѣльныхъ лицъ, меньшинства на счетъ народныхъ массъ. На второмъ пути, усиленно рекомендуемомъ гр. Толстымъ, общество ожидаетъ лишеніе всей, дорого стоившей ему, культуры во имя идеи блага народа, массы для

которой лучшее будущее можетъ заключаться лишь въ пріобщеніи ея къ этимъ благамъ. Философія и мораль Нитцше, выраженныя въ такихъ причудливыхъ формахъ,—саркастическая улыбка Мефистофеля надъ напрасными усиліями современниковъ освободиться изъ подъ невыносимаго для нихъ гнёта многихъ условныхъ мнѣній, обычаевъ, всего привычнаго склада жизни и подняться на недосягаемую для нихъ высоту страстно желаннаго идеала, всесторонне развитой и свободной человѣческой личности. Фантастическій образъ „сверхчеловѣка", Заратустры—поэтическое воплощеніе страстнаго призыва со стороны Нитцше европейскаго общества къ созданію типа героическихъ личностей, которыя могли бы вести за собою все общество силою обаянія своихъ выдающихся по оригинальности убѣжденій и энергичной дѣятельности. Современникамъ Толстого глубоко симпатична его роль проповѣдника вѣчныхъ истинъ: добра, правды, справедливости, его настойчивое требованіе, чтобы этими истинами была проникнута вся жизнь людей, всего народа. Толстой ошибается во многомъ, но его ошибки происходятъ изъ искренняго желанія раскрыть противорѣчія нашей жизни, мѣшающія ея нормальному ходу, и отыскать ея смыслъ въ области нравственныхъ идеаловъ личности. Платоническія мечты Толстого о „Царствѣ Божіемъ" на землѣ, исчезновеніи изъ жизни людей эгоизма и универсальномъ распространеніи альтруистическихъ началъ въ человѣчествѣ—обманчивый миражъ, волшебная фата-моргана, являющаяся въ пустынѣ утомленному, безсильному и одинокому путнику, которому черезъ короткое мгновеніе приходится снова остаться наединѣ съ своими несбывшимися надеждами, среди душныхъ песковъ знойной пустыни, съ той же неутолимой жаждой въ груди. Мораль Толстого не оставляетъ человѣку даже послѣдняго утѣшенія Фауста въ его безплодныхъ исканіяхъ счастья, успокоительнаго сознанія, что счастье можетъ быть когда-либо достигнуто на землѣ, гдѣ „толстовцамъ" приходится покупать его такой дорогой цѣною.

Будущему XX столѣтію предстоитъ рѣшить великую соціальную задачу, вѣковую историческую загадку, предъ которой человѣчество стояло не одинъ разъ въ своей жизни въ грустномъ и тяжеломъ раздумьи: должны ли люди вмѣстѣ съ Нитцше возвратиться къ древнимъ, языческимъ идеаламъ, полному господству избраннаго меньшинства надъ толпой, или же, наоборотъ, продолжать, начатое давно, дѣло нравственнаго обновленія человѣчества путемъ альтруистическихъ началъ, проповѣдуемыхъ усиленно гр. Толстымъ. Разумъ и сердце человѣка, многовѣковой опытъ историческаго прошлаго и весь строй настоящей общественной жизни говорятъ за то, что лучшіе, избранные люди не пойдутъ ни по одной изъ крайнихъ дорогъ, указываемыхъ Нитцше и Толстымъ, а изберутъ наиболѣе вѣрный, прямой, *средній* путь гармоническаго соединенія идеи человѣческой личности съ интересами общества, предпочтутъ, правда, трудную, самоотверженную, но и благодарную работу въ разныхъ сферахъ жизни на пользу народныхъ массъ, поднятія уровня ихъ умственнаго и нравственнаго развитія и обезпеченія матеріальнаго благосостоянія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

(1—24 стр.).

Общія черты современной общественной жизни. Графъ Л. Н. Толстой и Ф. Нитцше — видные представители двухъ крайнихъ направленій въ міровоззрѣніи европейскаго общества. Отношеніе къ взглядамъ Толстого русскаго и западно-европейскаго общества. Внутренняя связь между литературными и философскими произведеніями гр. Толстого и, пережитыми имъ, событіями личной жизни, его возрастами. Вліяніе дѣтства, отрочества и юности Толстого на первоначальное образованіе его общихъ взглядовъ. Университетскіе годы и отношеніе Толстого къ наукѣ. Жизнь въ деревнѣ и первыя разочарованія. Впечатлѣнія отъ пребыванія Толстого на Кавказѣ и въ Севастополѣ. Поѣздка за границу и мнѣніе о прогрессѣ общества. Педагогическія теоріи Толстого. Его дѣятельность въ качествѣ народнаго учителя и мирового посредника. Философско-моральные взгляды Толстого въ «Войнѣ и мирѣ» и «Аннѣ Карениной». Содержаніе «Исповѣди».

ВТОРАЯ ГЛАВА.

(24—47 стр.).

Противоположность ученія Христа «ученію мира» и условія земного счастія людей (статья Толстого: «Въ чемъ счастье?»). Необходимость матеріальной помощи со стороны общества бѣдному люду (ст.: «О переписи въ Москвѣ») путемъ личнаго, физическаго труда и въ непосредственной, близкой съ народомъ жизни въ деревнѣ. Порядокъ этой жизни (ст.: «Такъ что же намъ дѣлать?»). Понятіе религіи и ея виды. Сущность христіанства. Отношеніе религіи къ морали. Три рода нравственности. Христіанская мораль (ст.: «Противорѣчія эмпирической нравственности»). Особенная необходимость для благосостоянія людей ручного труда, преимущественно земледѣльческаго (ст.: «Ручной трудъ и умственная дѣятельность» и «Трудолюбіе или торжество земледѣльца»). Проповѣдь воздержанія отъ одурманивающихъ веществъ—вина, табаку и проч. (ст.: «Для чего люди

одурманиваются?» и «Праздникъ просвѣщенія 12-го Января»)—и мясной пищи (ст.: «Первая ступень»).

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

(47—71 стр.).

Исторія ученія о непротивленіи злу насиліемъ. Мнѣніе Толстого о критикахъ этого ученія въ его редакціи (русскихъ и иностранныхъ). Почему онъ самъ предлагаетъ только отрицательныя заповѣди? Противорѣчія нашей жизни съ христіанскимъ сознаніемъ (экономическое, государственное и международное). Отрицаніе Толстымъ государства и права, какъ противорѣчащихъ христіанскому ученію. Факты изъ современной общественной жизни, указывающіе на исчезновеніе въ немъ насилія, которое издавна господствуетъ въ обществѣ. Призывъ всѣхъ людей къ измѣненію своей жизни въ духѣ идей Толстого (его сочиненіе: «Царство Божіе внутри васъ»). Походъ противъ войны (ст.: «Времена близки»). Ложность взгляда на спасительность энергичнаго труда для счастья людей, которое можетъ быть достигнуто только тѣмъ, что они оставятъ жизненную суету, бросятъ свои обычныя дѣла (ст.: «Недѣланіе»). Препятствія при исполненіи ученія Толстого (ст.: «Бесѣда досужихъ людей»). Образецъ общественнаго быта по этому ученію (повѣсть: «Ходите въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть»).

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

(71—122 стр.).

Общій очеркъ философско-моральнаго міровоззрѣнія гр. Толстого. — *Фридрихъ Нитцше* и его сочиненія. Два періода въ образованіи философско-моральныхъ взглядовъ Нитцше. Его воззрѣнія на искусство и его роды (аппполоновское и діонисіевское). Вліяніе философіи Шопенгауэра на Нитцше. Отношенія его къ исторической наукѣ и общепринятымъ взглядамъ и обычному складу жизни. Разрывъ Нитцше съ философіей Шопенгауэра и созданіе собственнаго міровоззрѣнія. Взглядъ Нитцше на происхожденіе религіи; его критика «аскетическихъ идеаловъ» въ религіи, современномъ искусствѣ, наукѣ и особенно морали. Теорія Нитцше о происхожденіи морали въ исторіи человѣчества. Характеристика «морали господъ» и «рабской морали». Взгляды Нитцше на женщину и ея назначеніе въ современной семьѣ, государство и право и международныя отношенія государствъ (войну). Общія черты міровоззрѣнія Нитцше (по его сочиненію: «Такъ сказалъ Заратустра»).

ПЯТАЯ ГЛАВА.

(122—186 стр.).

Причины появленія въ современномъ обществѣ, совершенно противоположныхъ другъ другу, взглядовъ гр. Толстого и Нитцше. Сходныя черты въ ихъ міровоззрѣніи. Различія между морально-общественными идеалами Толстого и Нитцше. Критическій разборъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній гр. Толстого и Нитцше, особенно же—«Заповѣдей» Толстого. Заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ въ ученіи Нитцше и гр. Толстого. Критика ихъ взглядовъ на состояніе науки въ современномъ европейскомъ обществѣ. Историческія доказательства благодѣтельнаго вліянія науки на благосостояніе общества. Оцѣнка «Плодовъ просвѣщенія» Толстого. Медицина и медики въ представленіи Нитцше и Толстого. Отношеніе послѣдняго къ этикѣ (наукѣ о морали) и наукѣ о правѣ. Общія замѣчанія о взглядахъ обоихъ философовъ на искусство.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

(186—220 стр.).

Впечатлѣніе «Крейцеровой сонаты» Толстого на общество. Разъясненіе ея смысла (заповѣди: «не разводись») самимъ Толстымъ (въ «Послѣсловіи къ Крейцеровой сонатѣ»). Нитцше о сущности брака. Образецъ истиннаго брака по Толстому (пов.: «Ходите въ свѣтѣ, пока свѣтъ есть»). Какимъ бракъ не долженъ быть? Изложеніе и разборъ «Крейцеровой сонаты». Общія замѣчанія о взглядахъ Толстого на бракъ. Черты современнаго воспитанія въ образованныхъ классахъ (по: «Крейцеровой сонатѣ», «Первой ступени», «Такъ что же намъ дѣлать?»). Образованіе женщинъ по представленію Толстого и Нитцше. Замѣчанія по поводу рѣшенія женскаго вопроса обоими философами. Разборъ ихъ взглядовъ на право и государства и характеръ современныхъ отношеній между общественными классами (экономическаго, государственнаго противорѣчія). О заповѣдяхъ Толстого: «не клянись» и «не судись». Истинная роль принужденія въ правѣ и дѣятельности государственной власти. Ея задачи въ современной общественной жизни.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

(221—243 стр.).

Историческія доказательства постепеннаго исчезновенія всякихъ формъ насилія изъ общественныхъ отношеній. Разборъ заповѣди Толстого: «не

воюй». Отношеніе взглядовъ Толстого и Нитцше къ теоріи Дарвина о борьбѣ за существованіе, какъ важнѣйшемъ условіи образованія и жизни всякаго общества. Борьба за существованіе въ дѣйствительной его жизни въ настоящее время. Образецъ простой, деревенской жизни по Толстому (въ «Власти тьмы»). Сходство его взглядовъ съ планами общественнаго устройства у Руссо, Нитцше, Платона, Т. Мура и др. Замѣчанія объ общемъ характерѣ морально-общественныхъ теорій гр. Толстого и Ф. Нитцше, ихъ примѣнимости въ жизни современнаго общества и значеніи для его будущаго.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница	строка[1]): снизу	сверху напечатано:	надо читать:
30	6	помощь,	помочь,
35	3	напечатаніемъ,	напечатанія,
54	3	Золя,	Зола,
118	5	ссоей,	своей,
142	6	религіозпато,	религіознаго,
166	13	равницы,	разницы,
196	9	начинается,	начинаетъ,
211	14	Бернсономъ,	Бьёрнсономъ,
240	-	и дарованій, отличій,	дарованій и отличій,

[1]) Счетъ строкъ безъ петита.

нахамъ, потому что послѣдніе присылались изъ чужихъ краевъ безъ одобренія архіереевъ, которыхъ, какъ и бѣлыхъ священниковъ, тогда не было [1]). Іезуитскій новиціатъ въ Полоцкѣ не только, конечно, былъ оставленъ, но іезуитамъ разрѣшено умножать его богоугодныя заведенія въ другихъ мѣстахъ съ католическимъ населеніемъ. По мѣрѣ же того, какъ монахи, выходящіе изъ новиціата, будутъ увеличивать число заведеній, Сенату предписывалось передавать ему имѣнія, прежде состоявшія въ его владѣніи [2]).

Вмѣстѣ съ этимъ для ослабленія вліянія начальника Римско-Католическаго департамента выборъ засѣдателей въ департаментъ былъ предоставленъ епархіямъ. Каждая епархія должна была избирать изъ своего духовенства одного засѣдателя на три года [3]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Католическомъ Департаментѣ Юстицъ-Коллегіи было повелѣно свѣтскимъ членамъ быть по крайней мѣрѣ „двумъ“ [4]).

Добившись полнаго расположенія правительства [5]) и удаленія митрополита, іезуиты тѣмъ свободнѣе стали вліять и на общее управленіе Римско-Католической церковью въ Россіи. Мѣсто митрополита въ Католическомъ Департаментѣ за-

---

[1]) Петербургскій Главный Архивъ. „Изображеніе происшествій въ духовенствѣ Западнаго послѣдованія“....

[2]) Указъ Сенату 12 Окт. 1800 г., т. XXVI № 19597.

[3]) Указъ Сенату 11 Окт. 1800 г., № 19595. Ibid.

[4]) Указъ Сенату 29 Дек. 1800 г., № 19706. Ibid.

[5]) Примѣч. Покровительство Павла I-го іезуитамъ пошло еще дальше. По просьбѣ ихъ государь началъ заботиться объ интересахъ ихъ ордена даже въ Турціи и выражалъ желаніе, чтобы папа возстановилъ этотъ орденъ въ Россіи. Согласно его желанію, „для пользы католической религіи въ имперіи, образованія и воспитанія исповѣдующихъ ее подданныхъ государя, а также для искорененія вредныхъ правилъ противныхъ религіи, верховной власти и обществу“ 7 Марта 1801 г. папа издалъ бреве. Этимъ бреве іезуитамъ дозволялось соединяться въ одну конгрегацію подъ названіемъ общества Іисусова и заниматься воспитаніемъ юношества. Но бреве должно было имѣть силу лишь въ Россіи, а не внѣ ея предѣловъ. (Бреве напечатано въ соч. Морошкина „Іезуиты въ Россіи“ ч. I гл. IV).

нялъ его коадъюторъ Бениславскій—сторонникъ іезуитовъ. Вскорѣ же подъ несомнѣннымъ вліяніемъ іезуитовъ правительство издало новый законодательный актъ по вопросамъ управленія римско-католическими дѣлами [1]), обозначенный въ Полномъ собраніи законовъ подъ названіемъ „Высочайше утвержденные пункты объ управленіи римско-католическаго духовенства въ Россіи“ и помѣченные 11 Декабря 1800 г. Лишь только начинаешь изучать этотъ новый актъ, какъ сейчасъ же замѣчается измѣненіе въ направленіи Екатерины и противорѣчіе съ прежними узаконеніями. Епископъ далеко уже не является полнымъ начальникомъ въ своей епархіи; для монаховъ же какъ будто и вовсе не существуетъ епархіальной власти. Правила своего ордена, провинціалы, Римско-Католическій департаментъ—вотъ подъ какимъ вліяніемъ должна была протекать теперь монастырская жизнь. Почти все содержаніе пунктовъ посвящено вопросамъ управленія монастырями и обнаруживаетъ какую-то особенную заботливость правительства о монахахъ. Пункты раздѣлялись на 23 статьи. Первая, какъ и въ Регламентѣ, подтверждала распространеніе правъ Верховной власти и на духовенство. Согласно наставленію Апостола, духовенство должно было повиноваться ей и по совѣсти, слѣдовательно „быть послушно начальству во всѣхъ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ и исполнять волю, предписывающую соблюдать также права и догматы своей вѣры“. Содержаніемъ первой статьи составители пунктовъ, повидимому, хотѣли сразу же бить въ глаза направленіемъ новаго закона по вопросу о правахъ Верховной власти и тѣмъ какъ будто замаскировать нѣкоторыя дальнѣйшія постановленія, которыя на практикѣ далеко не всегда могли приводить къ полному уваженію правъ Верхов-

---

[1]) Петербургскій Главный Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ. „Изображеніе происшествій въ духовенствѣ Западнаго послѣдованія“.

ной власти. Бѣлое духовенство и монахи обязывались, кромѣ того, точно исполнять законныя распоряженія своихъ начальствъ. Но въ случаѣ жалобы на нихъ бѣлое и черное духовенство вопреки ст. 2 Регламента должно было поступать неодинаково. Бѣлому духовенству слѣдовало обращаться къ епархіальному архіерею, а при неудовлетвореніи жалобы послѣднимъ въ Католическій Департаментъ. Монахи же по церковнымъ правиламъ должны были жаловаться согласно устройству своего ордена на низшихъ высшимъ, но для вящаго въ монашескомъ собраніи спокойствія церковными законами подъ наказомъ запрещено прибѣгать съ жалобами къ начальству не своего ордена. Епископамъ Пункты рекомендовали помнить, что они приняли этотъ санъ не ради роскоши и излишества, но „къ трудолюбію и попеченію для прославленія имени Всевышняго". Во истину не надобно, сказано въ 3 ст., сомнѣваться, что народъ, взирая на нихъ, какъ на своихъ пастырей и видя, что они ищутъ не мірской суеты, но спасенія душъ и блаженства будущей жизни, „охотнѣе поселитъ въ себѣ духъ святой вѣры и невинной жизни". Поэтому архіепископамъ и епископамъ, получающимъ опредѣленные доходы, воспрещалось владѣть въ своей или другихъ епархіяхъ приходами или стараться объ этомъ. Положеніе консисторіи для разбора по духовнымъ законамъ принадлежащихъ ей дѣлъ оставалось такимъ, какъ и по Регламенту. Точно также Пункты не измѣняли правилъ о церковномъ и монастырскомъ имуществѣ и признавали ихъ общимъ достояніемъ духовенства, но, конечно, ни въ одной статьѣ не говорилось уже о наблюденіи за монастырскимъ имуществомъ со стороны епархіальныхъ архіереевъ, какъ значилось, наприм., въ ст. 19 Регламента. Монахи, разъясняла ст. 9, какъ видно по церквамъ и зданіямъ не всуе обращаютъ свои доходы, а во славу Всевышняго и на украшеніе мѣстъ. Поэтому отдача отчетовъ низшимъ, а

отъ этихъ высшимъ начальникамъ должна была происходить по древнимъ монастырскимъ правиламъ. Епархіальные же архіереи обязывались лишь наблюдать, чтобы доходы бѣлаго духовенства: прелатовъ, канониковъ, плебановъ и проч. употреблялись бы не на роскошь и излишества, а согласно церковнымъ правиламъ на необходимыя надобности. Что касается управленія монастырями, то Пункты особенно старались установить его независимость и предоставляли каждому ордену по своимъ правиламъ избирать для себя настоятелей или высшимъ начальникамъ низшихъ начальниковъ. По избраніи настоятеля монахи должны были обращаться за утвержденіемъ его къ провинціалу своего ордена. Сами же провинціалы должны были избираться или назначаться по правиламъ ордена, а объ утвержденіи ихъ орденъ представлялъ Департаменту, а послѣдній Сенату. Провинціаламъ слѣдовало ежегодно доставлять въ Департаментъ подробные списки о всѣхъ настоятеляхъ, а также доносить ему о всѣхъ перемѣнахъ въ этомъ до присылки новыхъ списковъ. Не упоминая нигдѣ объ участіи епархіальныхъ архіереевъ при выборахъ въ монастыряхъ, Пункты въ статьѣ 8 прямо воспрещали архіереямъ вмѣшиваться въ эти выборы подъ предлогомъ, что имъ трудно знать постановленія и правила каждаго ордена, а вмѣсто этого архіереямъ слѣдовало заниматься управленіемъ бѣлаго духовенства и строго смотрѣть за ихъ поступками и поведеніемъ. Настоятели должны были наблюдать за сохраненіемъ монахами своихъ обѣтовъ, виновныхъ въ нарушеніи ихъ стараться исправлять, а о не повинующихся сообщать провинціалу. При смѣнѣ настоятели обязывались давать подробный отчетъ своимъ преемникамъ. Для поддержанія порядка въ монастыряхъ провинціаламъ слѣдовало одинъ разъ, а въ случаѣ нужды и чаще, посѣщать и осматривать монастыри своего ордена, входить въ хозяйственныя распоряженія и наблюдать за точнымъ испол-

неніемъ орденскихъ правилъ. Начальникамъ орденовъ разрѣшалось пересылать монаховъ по монастырямъ своего ордена изъ одной епархіи въ другую съ билетами гражданскаго начальства, а сношенія ихъ по этому предмету съ епархіальными архіереями признаны неудобными, потому что это будто повлекло бы замѣшательство и остановку въ теченіи монастырскихъ распоряженій. Безъ вѣдома же своего начальства монахамъ воспрещалось отлучаться изъ монастыря, иначе епархіальные архіереи должны были отправлять ихъ обратно въ монастырь. Кромѣ того, архіереи не должны были давать монахамъ въ управленіе приходовъ, чтобы не дать имъ случая преступить черезъ это ихъ обѣты нищеты, не должны были позволять имъ носить одежды бѣлаго духовенства, потому что съ такой перемѣной „перемѣнялись и примѣрные монашескіе нравы". Употребляющихъ же такое одѣяніе слѣдовало по правиламъ Тридентскаго собора отсылать въ монастыри ихъ ордена. Допущеніе къ монашескимъ обѣтамъ должно было совершаться по орденскимъ правиламъ и постановленіямъ Тридентскаго собора. Чтобы нечувствительнымъ образомъ не могъ вселиться въ монахахъ развратъ, орденскимъ и монастырскимъ начальникамъ слѣдовало заботиться, чтобы духовныя размышленія по обыкновенію каждаго ордена соблюдались безъ упущенія. Нѣкоторое вмѣшательство въ монашескія дѣла со стороны архіерея Пункты дозволяли въ томъ случаѣ, если какой-нибудь орденъ паче чаянія не исполнилъ бы своихъ обязанностей. Тогда, по ст. 13, долгомъ епархіальнаго епископа будетъ „предостерегать и увѣщевать начальствующихъ этого ордена". Кромѣ того, когда въ монастыряхъ, гдѣ находятся архимандриты или въ свѣтскихъ церквахъ епископы, суффраганы и митрою удостоенные аббаты, откроется подобное мѣсто, то архіереи по избраніи заслуженнаго и примѣрной жизни кандидата должны были представлять о немъ Департаменту, который затѣмъ

входилъ съ рапортомъ въ Сенатъ. Духовенству воспрещалось говорить на каѳедрѣ или издавать сочиненія о дѣлахъ политическихъ, особено о государственномъ правленіи. Въ иное отношеніе къ епархіальному архіерею Пункты ставили женскіе монастыри. По прежнимъ церковнымъ правиламъ они могли участвовать въ ихъ управленіи, но не входить ни въ какія распоряженія и касаться монастырскихъ имѣній и капиталовъ. По этимъ предметамъ управленіе женскихъ монастырей должно было происходить на томъ же основаніи, какъ и мужскихъ.

Относительно управленія бѣлымъ духовенствомъ Пункты предоставляли архіепископамъ и епископамъ право посѣщать и осматривать приходскія церкви или поручать этотъ осмотръ другому. Такимъ же образомъ архіереи могли поступать и съ монастырями, посѣщеніе которыхъ разрѣшено имъ Тридентскимъ соборомъ. Никому изъ бѣлаго духовенства, согласно церковнымъ правиламъ, архіереи не могли давать въ управленіе болѣе одного прихода и никто изъ нихъ не могъ стараться объ этомъ. Статьей 21 власть архіереевъ и надъ бѣлымъ духовенствомъ ограничивалась обязанностью не нарушать, согласно Тридентскому собору, право ктиторства, признанное въ церкви съ V вѣка. Одобреніе ктиторами лицъ на приходскія мѣста въ ктиторскихъ владѣніяхъ архіереи должны были принимать во вниманіе. Послѣдней 23 ст. архіепископамъ и епископамъ во всемъ, что можетъ служить къ общей и церковной пользѣ и что не выходитъ изъ предѣловъ власти, соединенной съ ихъ саномъ, предоставлялось подавать проекты въ Юстицъ-Коллегіи Римско-Католическій департаментъ. А это учрежденіе должно было ихъ разсматривать и съ своимъ мнѣніемъ представлять потомъ на утвержденіе Сената [1]).

---

[1]) Пункты объ управленіи римско-католическимъ духовенствомъ въ Россіи, 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXV № 19684.

Такъ разрушались нѣкоторыя начала, положенныя Екатериной въ основаніе организаціи управленія въ Россіи римско-католическими дѣлами. Но что касается собственно вопроса объ участіи въ этомъ управленіи Римскаго Двора, то Павелъ не отмѣнилъ установленнаго на этотъ предметъ закона Екатерины. Непостоянство характера государя, допускавшаго слишкомъ большія увлеченія какъ своими антипатіями, такъ и симпатіями, едва-ли само по себѣ могло бы гарантировать Россіи во всемъ прежній порядокъ отношеній къ папѣ, къ которому Павелъ выражалъ явное расположеніе. Но въ первую половину своего царствованія государь очень благоволилъ къ Сестренцевичу и могъ пользоваться плодами удачнаго выбора Екатерины. Въ знакъ своего благоволенія къ митрополиту государь сдѣлалъ его кавалеромъ двухъ старшихъ русскихъ орденовъ и возвелъ въ званіе Великаго Каппелана ордена св. Іоанна Іерусалимскаго [1]). Кромѣ того теперь для Сестренцевича, если и не удалось добиться кардинальскаго достоинства, то, по крайней мѣрѣ, было выхлопотано право ношенія кардинальской одежды. Въ буллѣ 1799 года, изданной по этому случаю, папа Пій VI распространялъ право ношенія пурпуровой одежды и на преемниковъ митрополита [2]). Повидимому, именно благодаря вліянію Сестренцевича, который не былъ склоненъ смѣшивать католицизмъ съ папизмомъ [4]), начавшіяся было притязанія

---

[1]) Петербургскій Главный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. „Изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія“.

[2]) Петербургскій Главный Архивъ. Eglise catholique en Russie. Lettre du ci devant secretaire du mitropolitain, № 25. Сравн. Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Сношенія съ папами, St—Siége связка I. Дѣла 1798 г. Janvier—October, note 1 мая.

[3]) Примѣч. Въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ находится еще другая записка, собственноручно писанная Сестренцевичемъ и представленная государю. Записка носитъ названіе: *De l'Election des Papes* и обозначена 1-мъ Сентября 1798 года. Въ ней Сестренцевичъ, ссылаясь на историческіе примѣры, обращаетъ вниманіе государя на порядокъ избранія папъ и отмѣчаетъ, что

со стороны Рима и не достигли цѣли. Во вторую же половину царствованія, послѣ удаленія Сестренцевича, сохраненію закона Екатерины содѣйствовали, повидимому, лишь благопріятныя обстоятельства. При соображеніи матеріала, собраннаго историками по вопросу о іезуитахъ въ Россіи во времена Павла, какъ-то сама собой напрашивается мысль, что не случись съ іезуитами бѣда со стороны папы, противъ котораго они должны были тогда отстаивать свои права на существованіе и уже, конечно, не стараться поддерживать его вліяніе въ Россіи, то Римъ при помощи іезуитовъ могъ бы въ тѣ времена добиться многаго, и можетъ быть самое управленіе римско-католическими дѣлами въ Россіи сложилось бы нѣсколько иначе.

Для разъясненія отношеній русскаго правительства Павла I-го къ Риму остановимъ вниманіе на слѣдующемъ: Учредить въ С.-Петербургѣ своего постояннаго представителя и тѣмъ какъ бы вознаградить себя въ нежелаемыхъ уступкахъ по вопросамъ организаціи управленія римско-католическими

въ первые вѣка христіанства папы избирались народомъ и клиромъ и получали посвященіе съ согласія императоровъ. Затѣмъ Сестренцевичъ разъясняетъ предѣлы власти папы относительно епископовъ. Не отрицая, что папа есть главный охранитель догматовъ религіи и глава католической церкви, верховный судья религіозныхъ споровъ и обвиненій епископовъ, одинъ имѣющій право канонизовать святыхъ и т. д., Сестренцевичъ говоритъ, однако, что назначеніе митрополита совершается государемъ, а папа лишь въ знакъ духовнаго единства даетъ согласіе на его посвященіе. Митрополитъ по церковнымъ правиламъ посвящаетъ епископовъ-суффрагановъ, причемъ отсылаетъ въ Римъ только подписанныя епископами присягу и исповѣданіе. Черезъ каждые 5 лѣтъ митрополитъ, какъ знакъ единенія со св. Престоломъ, отправляетъ папѣ донесенія, въ которыхъ объясняетъ случаи и поводы къ диспенсаціи, сдѣланной епископами въ ихъ епархіяхъ относительно принятыхъ легкомысленно торжественныхъ обѣтовъ, а также относительно браковъ въ родствѣ и свойствѣ 2-й степени и свойствѣ 1-й. Въ разныхъ же другихъ отношеніяхъ распорядительная власть въ епархіяхъ принадлежитъ самимъ епископамъ. Они могутъ пользоваться всей своей юрисдикціей по дѣламъ управленія епархіями, насколько дозволяется это государственными законами. (St—Siége IV. Связка I. Сношенія съ папами).

дѣлами въ Россіи, принадлежало къ числу мыслей, отъ которыхъ Римъ отказывается лишь вынужденный силою обстоятельствъ. Попытка къ этому, не удавшаяся при Екатеринѣ, теперь была сдѣлана снова. Поздравляя Павла I-го съ восшествіемъ на престолъ, папа въ грамотѣ своей говорилъ [1]), что онъ надѣялся на допущеніе Екатериной отправленія къ ней чрезвычайнаго папскаго посла архіепископа Фивскаго, а послѣ ея смерти надѣется на него, особенно въ виду ихъ личнаго знакомства, и уповаетъ, что папскій посолъ не только будетъ принятъ, но и будетъ пріятенъ государю. Къ отправленію посла папа указывалъ на двѣ причины: первая и главная, чтобы изъ поздравленія, приносимаго столь почетно, „весь свѣтъ могъ бы явственно видѣть, какое и сколь великое мнѣніе имѣетъ папа о возведеніи Павла I на Высочайшую между смертными степень и сколь усердно и дружественно почитаетъ папа добродѣтель и славу государя". Другой же причиной выставлялось, чтобы „при твоемъ Величествѣ, писалъ папа, былъ нѣкто, нашими словами возбуждающій царское твое милосердіе къ католическимъ подвластнымъ тебѣ народамъ", чтобы оные по прежнему могли пребывать въ своей вѣрѣ свободно и „наслаждаться всѣмъ принадлежащимъ до ихъ религіи". Народы же эти, прибавлялъ папа, пребудутъ покорными государю.

Назначенный папою въ качествѣ чрезвычайнаго посла архіепископъ Фивскій Литта, опираясь на находившагося при русскомъ Дворѣ брата своего, Малтійскаго полномочнаго министра, пользовавшагося большимъ расположеніемъ императора, вскорѣ и отправился въ Россію. По сообщеніи объ этомъ со стороны Малтійскаго министра Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ распорядилась о торжественномъ пріемѣ папска-

---

[1]) Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Lettres de Cabinet. связка I, Сношенія съ папами. Грамота Римскаго папы Павлу I, 7 Янв. 1797 г.

го посла [1]). Кромѣ принесенія поздравленія государю Литта долженъ былъ придти къ соглашенію о новыхъ распредѣленіяхъ епархій и вообще добиться вліянія на церковныя дѣла русскихъ католиковъ. Прибывъ въ Москву, гдѣ былъ тогда Дворъ по случаю коронаціи государя, Литта хотѣлъ поскорѣе приступить къ исполненію возложенныхъ на него порученій. 17 Апрѣля 1797 г. онъ представилъ Императорскому министерству ноту съ изложеніемъ наиболѣе существенныхъ предметовъ своей миссіи, которые считалъ одинаково важными, какъ для религіи, такъ и для государства, и о которыхъ просилъ довести до свѣдѣнія государя [2]). Представленные государю предметы миссіи были изложены Литтою въ 14 пунктахъ. Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находятся копій съ этого документа съ соотвѣтствующими замѣчаніями на нѣкоторые пункты государя, писанными по его повелѣнію на оригиналѣ Статсъ-Секретаремъ Обрешовымъ. Въ виду характеристичности этихъ замѣчаній по вопросу объ отношеніи къ Риму русской правительственной власти того времени, мы и скажемъ о нихъ нѣсколько словъ:

Въ первомъ пунктѣ папа проситъ не только поддерживать права римско-католическаго исповѣданія въ Россіи, предоставленныя ему со временъ Петра Великаго, но и даровать новыя благодѣянія для сохраненія въ цѣлости догматовъ, іерархіи, церковной дисциплины и учрежденій.

На это Павелъ отвѣчалъ: „какъ государь получилъ, такъ и сохранитъ“.

2) Въ п. 2 напоминается объ обѣщаніи русскаго правительства, сдѣланнаго въ трактатахъ Варшавскомъ и Гродненскомъ и манифестѣ Екатерины, оставить жителей присоеди-

---

[1]) Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Ministére, Rome, связка I. Сношенія съ папами. Дѣла 1797 г. Январь—Мартъ и St—Siége IV, связка I.

[2]) Note архіепископа Фивскаго St—Siége IV, связка I. Сношенія съ папами. Дѣла 1797 г. Avril—Decembre.

ненныхъ отъ Польши земель in statu quo предоставленіемъ полной свободы вѣры и правъ на имущества, какъ это было въ моментъ присоединенія земель къ имперіи. Папа выражаетъ надежду, что новый государь благоволитъ утвердить все это за своими подданными обоихъ обрядовъ.

Замѣчаніе государя: „Тоже".

3) Въ случаѣ какихъ либо притѣсненій католическому исповѣданію, нарушенію правъ духовенства и т. п., что, по мнѣнію папы, можетъ произойти лишь противъ желанія правительства, столь ясно уже объявившаго свою волю относительно католицизма, папа надѣется на принятіе со стороны государя нужныхъ мѣръ для возстановленія всего въ прежнемъ положеніи.

„Напрасно онъ симъ занимается".

4) Папа разъясняетъ, что и относительно управленія Римско-католическою церковью остается въ силѣ общепризнанный католиками принципъ главенства папы, что папа есть глава и источникъ всякой духовной власти и что законные пастыри своей церкви суть епископы, получающіе полномочія и каноническое утвержденіе отъ св. Престола. Надѣясь на сохраненіе въ цѣлости католической вѣры и единства дисциплины, папа проситъ государя гарантировать число епископовъ обоихъ обрядовъ соотвѣтственно количеству католическихъ подданныхъ.

„Что было и есть, то и останется".

5) Съ этой цѣлью государю представляется списокъ разныхъ епархій обоихъ обрядовъ, которыя или цѣликомъ или частью вошли въ предѣлы имперіи и указывается, что въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ епархіи зависѣли отъ архіепископовъ, находящихся нынѣ въ Австріи.

„Подчинить всѣхъ уніатскихъ поповъ одному".

6—10) Въ случаѣ какихъ-либо нарушеній правъ епископовъ или положенія церквей или притѣсненія католиче-

скаго исповѣданія возстановленіе прежняго порядка папа ввѣряетъ добрымъ намѣреніямъ и мудрости государя. Онъ проситъ затѣмъ, насколько возможно, сохранить устройство епархій въ ихъ теперешнемъ видѣ, что будетъ вполнѣ согласно съ правилами и порядками Католической церкви и очень удобно для исполненія, такъ какъ освободитъ отъ многихъ хлопотъ и издержекъ, сопряженныхъ съ переустройствомъ епархій. Если по мнѣнію правительства потребовались бы какія-либо измѣненія въ устройствѣ епархій соотвѣтственно новымъ предѣламъ имперіи и пользамъ церкви, то папа готовъ дать на это свое согласіе, несмотря на склонность церковныхъ правилъ не допускать легко перемѣнъ въ пространствѣ епархій. Архіепископъ Фивскій, сказано въ п. 7, уполномоченъ Его Святѣйшествомъ условиться объ этомъ съ Императорскимъ министерствомъ. Предлагая свое распредѣленіе епархій согласно существующему, папа проситъ его упрочить.

Противъ нѣкоторыхъ изъ этихъ пунктовъ прямо написано „оставить безъ отвѣта“, а другіе просто обойдены молчаніемъ.

11) Папа разъясняетъ, что для церковнаго мира и единенія очень важно сохраненіе іерархическихъ правъ въ такомъ видѣ, чтобы никакой епископъ не могъ пользоваться своей юрисдикціей безъ уполномочія св. Престола и каноническаго постановленія и чтобы епископъ не узурпировалъ права и власть другаго, за что соборами опредѣлены строгія наказанія. При убѣжденіи, что государь для блага имперіи не перестанетъ поддерживать католическую религію въ чистотѣ вѣры и цѣлости церковнаго управленія, папа проситъ объ установленіи на будущее время правилъ какъ для вакантныхъ каѳедръ, такъ и о поставленіи новыхъ епископовъ и объ отправленіи ими своей юрисдикціи въ епархіяхъ. Вообще папа ходатайствуетъ, чтобы ничего не совершалось

вопреки правиламъ и законамъ церкви, въ ущербъ религіи и къ соблазну католическихъ подданныхъ.

„Въ семъ случаѣ государь то сдѣлать прикажетъ, что покажется ему полезнымъ“.

12) Соборы постановили, что по смерти епархіальнаго начальника каѳедральный капитулъ избираетъ викарія или администратора, который остается облеченнымъ юрисдикціей до момента полученія новымъ епископомъ полномочій отъ св. Престола и каноническаго постановленія. По вопросу о лицахъ на вакантныя каѳедры для папы не будетъ бо́льшаго удовлетворенія какъ видѣть на нихъ прелатовъ достойныхъ и пользующихся довѣріемъ и благоволеніемъ Е. И. В. На этотъ предметъ, а также для установленія правилъ на будущее время, архіепископу Фивскому даны особыя инструкціи для переговоровъ съ русскимъ правительствомъ. Вообще св. отецъ имѣетъ самое большое желаніе постоянно сообразоваться съ намѣреніями Е. И. В.

Въ п. 13) идетъ рѣчь о монашескихъ орденахъ. Существованіе ихъ признается полезнымъ и для государства. Слѣдуя евангельскимъ совѣтамъ, говорилъ Литта, ордена эти стремятся къ совершенствованію себя и возбуждаютъ къ этому своимъ примѣромъ и другихъ. Кромѣ того ордена посвящаютъ себя разнаго рода полезной для народа дѣятельности: проповѣди, обученію и воспитанію, уходу за больными и другимъ дѣламъ любви. Поэтому св. отецъ поручаетъ этотъ институтъ покровительству и благоволенію Е. И. В.

Противъ этихъ строкъ замѣчено: „государь и самъ не оставитъ заниматься сими статьями“.

Папа проситъ затѣмъ обезпечить всѣмъ монашескимъ орденамъ прочное и полезное существованіе въ имперіи съ сохраненіемъ ихъ устройства. Поэтому поводу для соглашенія съ Императорскимъ министерствомъ архіепископъ Фивскій получилъ частныя инструкціи.

„Не его дѣло и для того оставить безъ отвѣта“.

14) Религіозность и чувство правды, присущія государю, даютъ св. Престолу крѣпкую увѣренность въ сохраненіи въ предѣлахъ Россіи церковныхъ имуществъ и разныхъ учрежденій для пользы католиковъ обоихъ обрядовъ. Въ случаѣ какихъ-либо нарушеній въ этомъ папа не сомнѣвается, что государь найдетъ способы къ соотвѣтствующему вознагражденію.

Послу св. Престола, архіепископу Фивскому, вмѣнялось въ обязанность поскорѣе довести до свѣдѣнія Е. И. В. все вышеизложенное, которое представляетъ собой предварительныя сообщенія и общія положенія, касающіяся его миссіи.

Въ концѣ подписано: A Moscou 17 Avril 1797 г. Laurent Archevêque de Thèbes [1]).

Нунцій остался въ Россіи и мало-по-малу началъ вмѣшиваться въ управленіе римско-католическими дѣлами, присваивая себѣ даже права юрисдикціи надъ латинскимъ духовенствомъ въ имперіи. Какое положеніе хотѣлъ занять нунцій относительно управленія римско-католическими дѣлами въ Россіи, достаточно обрисовываютъ, наприм., нѣкоторыя дѣла, возникшія по этому управленію уже въ царствованіе Александра I. Нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ папскій посолъ самъ собой выдалъ дипломы на аббатскія достоинства [2]). Кромѣ этого нунцій считалъ себя въ правѣ дѣлать распоряженія по вопросамъ объ управленіи монастырями и церковнымъ имуществомъ греко-уніатскаго обряда [3]), а так-

---

[1]) Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. St. Siége. Сношенія съ папами, связка I. Дѣла 1797 года.

Примѣч. Въ Петербургскомъ же Главномъ Архивѣ въ Дѣлахъ „Eglise Catholique en Russie. Affaires ecclesiastiques en general“ № 23 находится бумага за подписью Директора Департамента Духовныхъ Дѣлъ А. Тургенева, представляющая краткое указаніе по пунктамъ на содержаніе ноты нунція Литты 17 Апрѣля 1797 года.

[2]) Сенатскій указъ 28 Мая 1804 года, 1-е Полн. Собр. Зак., т. XXVIII-й № 21308 и указъ 9 Ноября 1803 года, т. XXVII № 21033.

[3]) Сенатскій указъ 1 Марта 1804 года, т. XXVIII № 21193.

же позволялъ себѣ объявлять въ письмѣ изъ Петербурга къ Базиліанскому провинціалу, что Римская конгрегація о распространеніи вѣры въ отвѣтъ на поступившія туда просьбы о дозволеніи уніатамъ въ Россіи переходить въ католицизмъ, опредѣлила распространить позволеніе это не только на уніатскій народъ, но и на его священниковъ [1]). Подобное поведеніе нунція, конечно, не могло не вызвать разные безпорядки въ управленіи римско-католическими и греко-уніатскими дѣлами, что и видно изъ разнаго рода дѣлъ, о которыхъ скажемъ въ слѣдующей главѣ. Государь выразилъ недовольство поведеніемъ Литты, повелѣлъ Сестренцевичу наблюдать за его дѣйствіями, а затѣмъ запретилъ нунцію являться ко двору [2]). Въ 1799 году государь далъ на имя митрополита указъ, въ которомъ разъяснялъ, что изданныя правительствомъ распоряженія „достаточны къ благоуспѣшному управленію дѣлъ безъ всякаго посторонняго вліянія папскихъ буллъ и посланій“, которыя тѣмъ менѣе считались нужными, что самая власть, отъ коей они проистекаютъ, по настоящему положенію обстоятельствъ пребываетъ въ недѣйствіи [3]).

Вмѣстѣ съ этимъ было подтверждено правило указа 1798 г. о представленіи на Высочайшее разсмотрѣніе папскихъ буллъ, и, кромѣ того, митрополиту и другимъ зависящимъ отъ него властямъ было повѣлено управлять ввѣренными имъ паствами и дѣлами „на единственномъ основаніи Нашихъ узаконеній и истекающихъ отъ Насъ Высочайшихъ повелѣній“ [4]).

Папскій посолъ, конечно, не оставилъ безъ возраженія новый указъ государя, такъ какъ увидѣлъ въ немъ наруше-

---

[1]) Сенатскій указъ 25 Октября 1807 года, т. XXIX № 22659.

[2]) Іезуиты въ Россіи, Морошкина ч. I гл. 2.

[3]) Примѣч. Въ это время Римская область была занята французскими войсками и папа Пій VI принужденъ былъ оставить Римъ. (Л. Ранке „Римскіе папы въ послѣднія четыре столѣтія“. Т. II кн. VIII. Спб. 1874 г.).

[4]) Указъ Сестренцевичу 17 Марта 1799 года 1-е Полное Собран. Законовъ т. XXV № 18892.

ніе правъ Римскаго престола. По поводу этого Императорское министерство вручило нунцію записку съ нѣкоторыми разъясненіями на основаніи указа 17 Марта 1799 года, которыя могутъ характеризовать отношенія русскаго правительства того времени къ вопросу объ участіи Рима въ управленіи римско-католическими дѣлами въ Россіи [1]). 1) Все, что касается, писало Министерство, свѣтскихъ дѣлъ (ce qui concerne le temporel) Римско-католической церкви въ Россіи, будетъ безъ изъятія подчинено гражданской юрисдикціи.

2) Власть Римскаго Первосвященника должна ограничиваться единственно духовными дѣлами, т. е. поддержаніемъ уставовъ, обрядовъ и догматовъ Католической церкви, отъ чего зависитъ единство между главой и членами.

3) Только этихъ предметовъ и должны касаться всѣ буллы, которыя папы будутъ присылать къ епископамъ Римско-католической церкви въ Россіи.

4) Для бо́льшей увѣренности, что никакая булла никогда не нарушитъ предписанныхъ границъ, устанавливается правило, чтобы каждый католическій подданный, желающій испросить буллу, получалъ на это предварительное разрѣшеніе Е. И. В. и чтобы прежде допущенія такихъ буллъ въ имперіи они представлялись Императору, и на нихъ каждый разъ должна быть наложена visa.

Недовольство государя поведеніемъ нунція наконецъ привело къ тому, что государь рѣшилъ прекратить нунціатуру Литты и повелѣлъ ему удалиться изъ Россіи. Въ указѣ по этому поводу отъ 23 Апрѣля 1799 года на имя ген. Беклешова было сказано, что государь нашелъ ненужнымъ всегдашнее пребываніе при дворѣ папскаго посла, а еще тѣмъ менѣе правленіе его Католическою церковью въ имперіи.

---

[1]) Петербургскій Главный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Eglise Catholique en Russie. Affaires ecclesiastiques en general. № 15.

Начальство же надъ духовенствомъ поручалось митрополиту Сестренцевичу, который долженъ былъ послать объ этомъ извѣщеніе во всѣ епархіи. Кромѣ того, генералу Беклешову предписывалось наблюдать, чтобы, несмотря на изгнаніе папы изъ Рима и странствованіе его по разнымъ мѣстамъ, онъ не отправлялъ къ духовенству бывшихъ Польскихъ земель „буллъ, могущихъ произвести недоумѣніе и клонящихся къ присвоенію себѣ власти управлять онымъ краемъ". Подобныя папскія повелѣнія не могли быть допускаемы къ исполненію безъ предварительнаго Высочайшаго утвержденія [1]).

По вопросу объ организаціи управленія уніатскими дѣлами Павелъ I уже съ самаго начала значительно разошелся съ направленіемъ предшествующаго царствованія. Своими распоряженіями по этимъ дѣламъ онъ искусственно поддержалъ унію, которая, какъ видѣла Екатерина, не далека была отъ того, чтобы слиться съ православіемъ. Авторъ одного католическаго изданія [2]), говоря о событіяхъ царствованія Павла I, замѣчаетъ, что съ наступленіемъ этого царствованія благодаря духу справедливости, присущему государю, и неутомимымъ стараніямъ посла св. Престола (Литты), Уніатская церковь въ Россіи отчасти снова вернулась къ жизни. Одновременно съ указомъ 28 Апрѣля 1798 года о новомъ распредѣленіи католическихъ епархій вышелъ указъ объ учрежденіи новыхъ епархій греко-уніатскаго исповѣданія, которымъ устанавливалось три уніатскія епархіи: епископство Бржестское, епископство Луцкое и архіепископство Полоцкое съ Лисовскимъ во главѣ [3]). Такое увеличеніе безъ достаточной нужды числа уніатскихъ епархій уже само по себѣ не могло быть полезнымъ дѣлу соединенія уніи съ пра-

---

[1]) Указъ ген. Беклешову, т. XXV № 18949.

[2]) Vicissitudes de l'Eglise Catholique des deux rites en Pologne et en Russie. Paris 1843 г. T. I Première partie § 2.

[3]) Указъ Сенату 28 Апр. 1798 г. т. XXV № 18503.

вославіемъ, но ему еще болѣе могло вредить позволеніе [1]) удаленному Екатериною изъ тѣхъ мѣстъ уніатскому митрополиту Ростоцкому и уніатскимъ епископамъ спокойно пребывать въ городахъ или монастыряхъ ихъ закона, гдѣ они изберутъ. Вообще же по вопросамъ управленія церковной жизнью уніатовъ: монашествующихъ, школъ, разныхъ учрежденій и проч. было предписано вполнѣ руководствоваться указомъ о епархіяхъ римско-католическихъ. Но что касается Римско-католическаго Департамента, этого центральнаго учрежденія способнаго оказывать вліяніе на всѣ церковныя, какъ католическія, такъ и уніатскія дѣла, то представители уніатовъ въ него не были допущены. Такимъ образомъ уніаты вполнѣ отдавались во власть римскаго католицизма, который, конечно, всего менѣе былъ расположенъ содѣйствовать переходу уніи въ Православіе. Указъ 20 Декабря 1800 года по вопросу объ участіи уніатовъ въ Римско-католическомъ Департаментѣ говорилъ: „а уніаты, такъ какъ они присоединенные или къ намъ или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ не могутъ имѣть“ [2]).

При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, трудно было ожидать, чтобы католики оставили уніатовъ въ покоѣ и не старались бы окончательно совращать ихъ въ свое исповѣданіе. Для прекращенія этого правительству не разъ приходилось напоминать о незаконности подобныхъ совращеній и о строгомъ за нихъ наказаніи [3]). Кромѣ этого католицизмъ во многихъ мѣстахъ стремился вернуть въ унію населеніе, уже присоединившееся ранѣе къ Православной церкви, въ чемъ немалое участіе принадлежало Базиліанамъ. Православные епископы Житомірскій и Бѣлорусскій принуждены были даже доносить объ этомъ св. Синоду. Синодъ сдѣлалъ сноше-

---

[1]) Сравн. Сенатскій указъ 1 Февр. 1800 г., т. XXVI № 19263.
[2]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXVI № 19760.
[3]) Сравн. Указъ Сената 12 Янв. 1799 г., т. XXV № 18818.

ніе съ Сенатомъ и предложилъ нѣкоторыя мѣры къ искорененію зла, а Сенатъ 1 Февраля 1800 г. постановилъ отправить указъ Римско-католическому Департаменту, чтобы онъ предписалъ подвѣдомственнымъ ему духовнымъ особамъ слѣдовать правиламъ предложеннымъ Синодомъ: не совращать вновь въ унію принявшихъ православіе и отнюдь не препятствовать переходамъ изъ уніи въ православіе подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія [1]).

Вслѣдствіе попытокъ со стороны католицизма снова обращать въ унію жителей въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, принявшихъ уже православіе, Павелъ I въ первый же годъ своего царствованія издалъ манифестъ, въ которомъ ясно высказалъ отношеніе свое къ этому предмету: „Государь, разъяснялъ манифестъ, поставилъ себѣ въ священный долгъ обезпечить каждому свободу исповѣданія вѣры, охранять всѣми мѣрами Православную вѣру и наблюдать, чтобы каждый обращался въ предѣлахъ званію и состоянію его предписанныхъ, исполняя свои обязанности и удаляясь всего тому противнаго, яко разрушающаго порядокъ и спокойствіе въ обществѣ". Въ виду же употребленія во зло свободою вѣры со стороны католическаго духовенства и помѣщиковъ, выражавшагося въ притѣсненіи православныхъ священниковъ и насильственномъ отторженіи людей въ унію, государь повелѣвалъ прекратить всѣ эти беззаконныя дѣйствія подъ страхомъ строгаго наказанія, а также отнюдь не препятствовать добровольному обращенію къ Православной церкви изъ другихъ исповѣданій. Такое направленіе Высочайшей воли должно было быть всенародно объявлено въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ какъ въ православныхъ, такъ и въ другихъ церквахъ [2]).

По управленію дѣлами протестантскаго исповѣданія цар-

---

[1]) Указъ Сената, т. XXVI № 19263.

[2]) Манифестъ 18 Марта 1797 года, т. XXIV № 17879.

ствованіе Павла, повидимому, не внесло ничего новаго, измѣняющаго прежнее устройство. Въ Первомъ Полномъ Собраніи Законовъ попадаются указы, свидѣтельствующіе, что Юстицъ-Коллегія Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ Дѣлъ по прежнему принимала участіе въ управленіи протестантскими дѣлами[1]).

Нѣсколько болѣе слѣдовъ оставило по себѣ царствованіе Павла въ распоряженіяхъ по дѣламъ третьяго иностраннаго христіанскаго исповѣданія Армяно-Григоріанскаго.

Чѣмъ значительнѣе становилось число армянъ въ Россіи, тѣмъ большее значеніе получали церковныя ихъ дѣла для Армянскаго патріаршаго престола. Поэтому у армянскихъ католикосовъ сдѣлалось уже обыкновеніемъ по вступленіи на престолъ новыхъ русскихъ государей просить ихъ о продолженіи благоволенія и о подтвержденіи духовной власти патріарха надъ армянами въ Россіи. Къ Павлу I-му съ такой просьбой обратился „пребывающій въ Великой Арменіи во градѣ Вагаршанестѣ честнѣйшій Лука, патріархъ всего армянскаго народа“. Патріархъ Лука прислалъ съ архіепископомъ Іосифомъ „листъ“, въ которомъ поздравлялъ государя со вступленіемъ на престолъ и, по примѣру своего предшественника, просилъ о всемилостивѣйшемъ продолженіи покровительства находившимся въ Россіи армянамъ и о пожалованіи его патріарха грамотою, „дабы она могла быть содержана въ тамошнемъ престольномъ его храмѣ Эчміадзинѣ на вѣчную память милости и благоволенія“ государя. Кромѣ того, патріархъ прибавлялъ просьбу, чтобы русскіе армяне, по духовнымъ дѣламъ состоящіе въ его вѣдомствѣ, оставались бы въ немъ и на будущее время и чтобы кромѣ архіепископа Іосифа, находящагося въ Имперіи „для управленія по духовенству обитаю-

---

[1]) Сравн. Высочайшая резолюція на докладъ Сената 30 Марта 1797 года, т. XXIV № 17896. Указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ 21 Апр. 1797 г. Ibid. № 17927.

щими въ Россіи армянами“ и впредь опредѣляемый надъ ними архіепископъ „былъ, по избранію его патріарха и его преемниковъ съ должнымъ отъ него или преемниковъ его свидѣтельствомъ“ [1]). 26 Февраля 1798 года въ отвѣтъ на это Павелъ далъ Жалованную грамоту патріарху Лукѣ и всему армянскому народу. Сообразуясь съ намѣреніями прежнихъ государей, выраженными въ грамотахъ 1724, 1726 и 1768 годовъ, Павелъ согласился на всѣ просьбы патріарха Луки и подтвердилъ духовную власть его надъ русскими армянами, а также и права въ Россіи патріаршаго архіепископа Іосифа. Вмѣстѣ съ этимъ патріарху были отправлены канцлеромъ кн. Безбородко письмо и обычные подарки отъ Высочайшаго имени и, кромѣ того, повторено [2]) данное, какъ мы видѣли, еще Екатериной, повелѣніе русскому посланнику въ Константинополѣ оказывать пособіе присылаемымъ туда по дѣламъ духовнымъ повѣреннымъ Эчміадзинскаго католикоса.

Въ 1799 году Павелъ подтвердилъ грамоту Екатерины 1779 года армянамъ, вышедшимъ изъ Крыма и поселившимся въ Азовской губерніи въ новооснованномъ городѣ Нахичевани [3]).

Въ 1799 же году на просьбы армянъ разныхъ обществъ были даны имъ жалованныя грамоты, которыми не только утверждались всѣ прежнія права и преимущества ихъ, какими они „наравнѣ съ Нашими вѣрноподданными отъ Насъ и предковъ Нашихъ издревле наслаждаются, но и для возбужденія въ нихъ вящей ревности къ трудолюбію и продолженію начатыхъ ими полезныхъ заведеній, и для внушенія охоты къ подражанію и въ прочихъ иностранныхъ поселен-

---

[1]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXV № 18402.

[2]) Секретное отношеніе Блудова къ гр. Паскевичу 15 Марта 1829 г. Свѣдѣнія, собранныя Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Акты, собранные Кавказской Археографической Коммиссіей, т. VII № 221.

[3]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXV № 18811.

цахъ“ предоставлялись армянскимъ обществамъ разныя выгоды и преимущества, благо ихъ устрояющія. Въ этихъ грамотахъ подробнѣе опредѣлялось и устройство ихъ церковной жизни. Въ жалованной грамотѣ на права и преимущества обществу армянъ Дербентскихъ и Москурскихъ [1]) въ п. 4, подтверждалась полная свобода армянскаго исповѣданія въ Россіи, дозволялось строить монастыри, церкви, колокольни и другія церковныя зданія, подтверждалась зависимость ихъ по дѣламъ духовнымъ единственно отъ власти патріарха Луки и намѣстника его въ Россіи архіепископа Іосифа, къ паствѣ котораго должны были относиться всѣ армянскія общества въ Россіи, а духовенство ихъ принимать отъ него рукоположеніе. При увеличеніи же числа переселяющихся армянъ должно было умножиться и количество ихъ церквей. Поэтому, „для смотрѣнія за благочиніемъ церковнымъ, сужденія духовныхъ и мірскихъ лицъ по дѣламъ духовнымъ“ утверждалась находящаяся въ Астрани Армянская Духовная Консисторія со штатомъ изъ одного предсѣдательствующаго архимандрита, 3 членовъ изъ протоіереевъ, 2 секретарей и 4 канцелярскихъ служителей для письменныхъ дѣлъ. Въ вѣдомствѣ этой консисторіи должны были находиться церкви, приходы и мірскіе люди въ Петербургѣ, Москвѣ, Астрахани, Кизлярѣ, Моздокѣ, крѣпости Георгіевской и Можарахъ или городѣ св. Креста, Нахичевани, во всей Крымской области, въ Григоріополѣ и въ губерніяхъ присоединенныхъ отъ Польши. Въ каждомъ же изъ этихъ городовъ должно было быть по особому духовному Правленію, назначенному отъ него же, архіепископа. Сама же Консисторія, какъ и всѣ церкви и приходы армянскіе въ Россіи, должна быть по ихъ церковнымъ правиламъ въ непосредственномъ управленіи архіепископа Іосифа подъ зависимостью патріарха Араратскаго. Точ-

---

[1]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXV № 19166.

но такимъ же образомъ было сказано объ управленіи армянскими церковными дѣлами въ Жалованной грамотѣ обществу армянъ Астраханскихъ, Кизлярскихъ и Моздокскихъ (п. 1) [1]), въ Жалованной грамотѣ армянамъ Григоріополя (п. 5) [2]) и въ Жалованной грамотѣ армянамъ гор. Стараго Крыма (п. 4) [3]). Въ послѣдней кромѣ того армянамъ, обитающимъ въ Тавридѣ, для богослуженія въ городѣ Ѳеодосіи повелѣвалось назначить изъ прежде бывшихъ тамъ армянскихъ церквей 3 приходскія церкви, да монастырь Успенскій на горѣ съ принадлежащей къ нему землей, которыя должны были содержаться иждивеніемъ армянскаго общества. При распредѣленіи же по церквамъ числа прихожанъ слѣдовало соблюдать узаконенія, установленныя для Россійскихъ приходовъ (п. 2). Всѣ эти грамоты помѣчены 28 Октября 1799 года.

Въ Апрѣлѣ (18) 1800 года Павелъ подтвердилъ Жалованную грамоту 1779 года, данную Екатериной II Римско-католическому обществу Крымскихъ армянъ [4]).

Въ царствованіе Павла началось участіе русскихъ государей и въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ избраніе Верховнаго армянскаго патріарха. До сихъ поръ утвержденіе Верховнаго патріарха зависѣло, какъ мы уже говорили, отъ персидскаго и турецкаго правительствъ. Въ предѣлахъ Персіи находилось много армянъ и самый патріаршій престолъ, но не мало армянъ находилось также и въ Турціи, и потому естественно участіе правительствъ этихъ странъ въ дѣлѣ назначенія армянскихъ католикосовъ. Но со времени Екатерины все болѣе и болѣе стало возрастать число армянъ и въ Россіи. Поэтому теперь русское правительство не хотѣло уже довольствоваться лишь подтвержденіемъ духовной власти

---

[1]) Ibid., т. XXV № 19169.
[2]) Ibid., т. XXV № 19167.
[3]) Ibid., т. XXV № 19168.
[4]) Ibid., т. XXVI № 19389.

надъ русскими армянами вновь назначеннаго безъ его участія патріарха, но признало нужнымъ принимать въ избраніи патріарха болѣе активное участіе. Такое убѣжденіе русскаго правительства успѣло уже вполнѣ установиться ко времени смерти патріарха Луки. Какъ только поднялся вопросъ о выборѣ ему преемника, правительство Павла I обнаружило желаніе участвовать въ этомъ дѣлѣ наравнѣ съ Портой и предписало русскому посланнику въ Константинополѣ принять соотвѣтствующія мѣры и хлопотать о предоставленіи патріаршества архіепископу Іосифу, князю Аргутинскому-Долгорукову. Между тѣмъ, въ Эчміадзинѣ при первомъ собраніи духовенства Іосифъ не былъ включенъ въ число кандидатовъ. Объясняли это впослѣдствіи тѣмъ, что избиратели не смѣли зачислить въ кандидаты Іосифа, какъ участвовавшаго въ войнѣ Россіи противъ Турціи, а ограничились тѣмъ только, что означили его достойнымъ патріаршества. Одинъ изъ кандидатовъ на патріаршество, архіепископъ Давидъ, былъ посланъ съ пригласительнымъ листомъ, въ Константинополь, гдѣ наиболѣе вліятельные армяне хотѣли тогда же имѣть его патріархомъ преимущественно передъ другими кандидатами. Но въ Эчміадзинѣ вскорѣ состоялось второе собраніе духовенства, на которомъ кандидатами въ патріархи были объявлены титулярный патріархъ въ Константинополѣ Даніилъ, архіепископъ Ефремъ и архіепископъ Іосифъ [1]). Общество Царегрaдскихъ армянъ хотѣло было возвести на патріашество Даніила, но вслѣдствіе настояній русскаго посланника Тамары должно было согласиться на избраніе Іосифа, въ пользу котораго Порта и выдала фирманъ [2]). Къ Іосифу была

---

[1]) Свѣдѣнія объ армянскихъ церковныхъ дѣлахъ, сообщенныя при отношеніи Блудова къ Паскевичу 21 Октября 1829 г. Акты Кавказской Археографической Коммиссіи, т. VII № 226.

[2]) Историческая записка о патріархахъ Эчміадзинскаго престола. Свѣдѣнія, собранныя Министер. Иностр. Дѣлъ, Ibid. т. VII № 221.

Сравн. Отношеніе Россійскаго посланника при Портѣ т. с. Тамары къ

послана пригласительная грамота отъ всего духовенства. Кромѣ того, Іосифъ, какъ мы упоминали уже на основаніи переписки Блудова съ гр. Паскевичемъ, получилъ приглашеніе на патріаршество „отъ Грузинскаго царя и его наслѣдника, отъ Араратскихъ и Тифлисскихъ князей и отъ почетнѣйшихъ армянъ обще съ Эриванскимъ ханомъ“ и письмо отъ Константинопольскаго армянскаго общества [1]). Русское правительство съ своей стороны 28 Іюля 1800 года выдало архіепископу Іосифу первую утвердительную грамоту на достоинство Эчміадзинскаго Верховнаго армянскаго патріарха [2]).

По большомъ титулѣ грамота говоритъ: „Честнѣйшему Армянскому патріарху Іосифу и всѣмъ прочимъ честнымъ меликамъ, юзбашамъ и управителямъ и всему честному Армянскому народу Наша Императорскаго Величества милость и поздравленіе. Сею Нашею Императорскою грамотою объявляемъ, что какъ напредъ сего высокіе предки Наши блаженной и вѣчной славы достойные памяти Ихъ Величества Государь Императоръ Петръ Великій и Государыня Императрица Екатерина I-я и Любезнѣйшая Родительница Наша

архіепископу Іосифу 13 Августа 1800 г. Акты, относящіеся къ обозрѣнію исторіи армянскаго народа, ч. III отд. XI.

[1]) Акты Кавказ. Археогр. Коммиссіи, т. VII № 245.

[2]) Примѣч. Грамота на патріаршество Іосифу не попала въ Полное Собраніе Законовъ и даже не помѣщена въ такомъ сборникѣ актовъ по дѣламъ армянскимъ, какъ Акты, собранные Кавказской Археографической Коммиссіей. Нѣтъ ея и въ Актахъ, относящихся къ обозрѣнію исторіи армянскаго народа, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ собраніяхъ правительственныхъ распоряженій вообще. Прочесть же эту грамоту намъ удалось лишь въ Дѣлахъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ виду этого мы и сочли не лишнимъ привести здѣсь грамоту патріарху Іосифу цѣликомъ на основаніи выписки изъ Архива. Грамота эта хранится въ Архивѣ въ Дѣлахъ: „Сношенія Россіи съ Армянами. Договоры, жалованныя грамоты и учрежденія о торговлѣ“ 1667—1800 г.г. На оберткѣ дѣла, гдѣ находится грамота написано: № 13-й. „Грамота (печатная) Государя Императора Павла I данная Армянскому патріарху Іосифу и всѣмъ меликамъ, юзбашамъ и всему народу Армянскому, увѣрительная о неотъемлемой къ нимъ Монаршей милости и покровительствѣ, о утвержденіи его Іосифа въ чинѣ патріарха и о бытіи армянамъ въ Россіи живущимъ въ паствѣ онаго патріарха и его преемниковъ“.

Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна честный Армянскій народъ ради христіанства въ особливой Императорской милости содержать благоизволили, о чемъ и грамотами Ихъ Величествъ въ 1724-мъ, 1726-мъ и 1768-мъ годахъ къ тогдашнимъ Армянскимъ патріархамъ Исаію, Нестору и Симеону къ Юзбашамъ и управителямъ и ко всему честному Армянскому народу отправленными засвидѣтельствовано, да и отъ Насъ въ прошломъ 1798-мъ году Императорскою Нашею грамотою къ тамошнему патріарху Лукѣ тожъ подтверждено и всемилостивѣйше позволено обитающимъ въ Имперіи Нашей подъ высокою властью Нашею Армянамъ по духовнымъ обстоятельствамъ состоять въ его вѣдомствѣ и быть Армянскому архіепископу въ Имперіи Нашей для управленія по духовенству жительствующими у Насъ Армянами съ тѣмъ, чтобы впредь опредѣляемый надъ ними архіепископъ былъ по избраніи его патріарха и будущихъ по немъ патріарховъ съ должнымъ отъ него или преемниковъ его свидѣтельствомъ и что какъ оный честнѣйшій патріархъ отъ сея временныя жизни отъиде и на мѣсто его избранъ къ особой благоугодности Нашей съ согласія всего армянскаго народа въ патріархи честнѣйшій Іосифъ, бывшій предъ симъ Армянскимъ архіепископомъ и въ семъ санѣ по духовенству въ Имперіи Нашей подданными Намъ армянами управлявшій и оказавшій многими подвигами искреннее усердіе и преданность къ Императорскому Престолу Нашему, то Мы, сколько по примѣру высокоупомянутыхъ предковъ Нашихъ, а паче во изъявленіе особаго Нашего благоволенія къ толь усерднымъ его подвигамъ обнадеживая всегда содержать какъ его патріарха Іосифа, такъ и будущихъ по немъ преемниковъ Армянскаго патріаршаго престола, такожде Меликовъ, Юзбашей и управителей и весь честный Армянскій народъ въ особой Нашей Императорской милости и благоволеніи, соизволяемъ ему патріарху Іосифу и преемникамъ

его патріаршаго престола обрѣтающихся въ Имперіи Нашей Армянскаго народа и закона людей Намъ подданныхъ имѣть по духовнымъ обстоятельствамъ и церковнымъ обрядамъ въ его вѣдомствѣ по-прежнему и уповая, что не оставитъ онъ на мѣсто свое для управленія ими по духовенству избрать такого-жъ благонадежнаго архіепископа, который соблюдая такую-жъ къ Императорскому Престолу Нашему ревность и о ввѣренной ему паствѣ попеченіе, какія самъ онъ доселѣ оказалъ, Всемилостивѣйше позволяемъ, чтобъ присылаемый отъ него въ Имперію Нашу Армянскій архіепископъ или другаго сана духовныя особы были безпрепятственно принимаемы съ письменнымъ его патріаршимъ свидѣтельствомъ, безъ коего инако допускаемы быть не могутъ, о чемъ и учрежденнымъ отъ Насъ пограничнымъ Нашимъ начальникамъ указы даны. Въ прочемъ помянутаго честнѣйшаго патріарха Іосифа, почтенныхъ Меликовъ, Юзбашей и управителей и весь честный Армянскій народъ, а особливо въ Имперіи Нашей пребывающій и Намъ подданный, увѣряемъ о Нашей Императорской къ нимъ милости и покровительствѣ, кои навсегда неотъемлемы пребудутъ. Дана въ С.-Петербургѣ за Нашею Государственною Большою печатью Іюля 28 дня 1800 года".

На выдачу Портою фирмана Іосифу, согласно настоянію русскаго посланника, въ Россіи смотрѣли, какъ на признаніе за Россіей „права иниціативы въ утвержденіи армянскихъ патріарховъ" [1]). Новоизбранный патріархъ Іосифъ по распоряженіямъ русскаго правительства долженъ былъ торжественно отправиться въ Эчміадзинъ. 30 Октября 1800 г. Астраханскому военному губернатору Кнорринту по этому поводу былъ данъ особый Высочайшій указъ: „Всемилости-

---

[1]) Историческая записка о патріархахъ Эчміадзинскаго престола. Акты Кавказской Археографической Коммиссіи, т. VII № 221.

вѣйше уволивъ въ Араратъ находившагося при Дворѣ Нашемъ армянскаго архіепископа князя Аргутинскаго-Долгорукова, общимъ согласіемъ всѣхъ армянъ избраннаго нынѣ въ патріархи и Нами въ семъ его достоинствѣ утвержденнаго, повелѣваемъ для препровожденія его до Тифлиса дать пристойный конвой съ однимъ оберъ-офицеромъ казачьимъ, который ему же можетъ служить и вмѣсто пристава. По препорученіи же онаго патріарха Его Высочеству царю Грузинскому, означенному офицеру съ командою велѣть быть обратно" [1]). Затѣмъ патріарху Іосифу была дана грамота на имя грузинскаго царя Георгія, чтобы патріархъ былъ принятъ въ Тифлисѣ и отправленъ въ Араратъ съ почестями [2]). Кромѣ того, Іосифъ получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ государь изъявлялъ ему свое благоволеніе, обѣщая его и на будущее время, и повелѣлъ получаемое Іосифомъ отъ казны жалованье обратить въ пожизненную пенсію и сверхъ того выдать ему въ Астрахани тысячу рублей на снабженіе нужнымъ въ пути экипажемъ [3]). Въ Тифлисѣ католикосъ Іосифъ дѣйствительно былъ принятъ съ почестями, но вскорѣ заболѣлъ здѣсь и послѣ девятидневной болѣзни скончался тамъ же, не успѣвъ доѣхать до Эчміадзина [4]).

По смерти патріарха Іосифа общее избраніе пало на Даніила, но у него явился соперникъ въ лицѣ архіепископа Давида. Права свои на занятіе патріаршаго престола Давидъ основывалъ на завѣщаніи покойнаго Іосифа и тѣмъ привлекъ

---

[1]) Акты, относящіеся къ обозрѣнію исторіи армянскаго народа ч. I отд. V.

[2]) Предписаніе Кнорринга ген. Лазареву 8 Янв. 1801 г. Акты Кавказской Археографической Коммиссіи, т. I № 658.

[3]) Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Армянскіе договоры и жалованныя грамоты 1800 года Іюля 28 дня № 13. Печатная копія съ Высочайшаго рескрипта 30 Октяб. 1800 года и Акты, относящіеся къ обозрѣнію исторіи армянскаго народа, ч. I, отд. V.

[4]) Рапортъ Лазарева Кнорингу 11 Февраля 1801 года и Всеподданнѣйшій рапортъ Кнорринга 18 Марта 1801 г. Акты Кавказск. Археогр. Коммис., т. I №№ 659 и 662.

на свою сторону русское правительство. Все это подало поводъ къ большимъ раздорамъ въ Армянской церкви.... но это приходится уже на время послѣ вступленія на престолъ Александра I-го *).

*) Примѣч. Въ заключеніе рѣчи о царствованіи Павла слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторое участіе въ дѣлахъ иностранныхъ исповѣданій принимало, повидимому, еще одно учрежденіе: „Контора Опекунства Иностранныхъ Поселенцевъ". Мы видѣли, что Екатериной II была открыта Канцелярія Опекунства Иностранныхъ, которая имѣла отношеніе и къ ихъ церковнымъ дѣламъ. Съ образованіемъ губерній на основаніи Учрежденія 1775 года дѣла въ Канцеляріи Опекунства были приведены къ окончанію, и 20 Апрѣля 1782 года Канцелярія вмѣстѣ съ Конторой ея въ Саратовѣ были закрыты [1]). Павелъ въ 1797 году возстановилъ Саратовскую Контору Опекунства Иностранныхъ [2]) и подчинилъ ее вѣдомству учрежденной при Сенатѣ Особой Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, Опекунства Иностранныхъ и Сельскаго Домоводства [3]). Кромѣ этого была и Контора Опекунства Новороссійскихъ Иностранныхъ Поселенцевъ [4]). Въ Первомъ Полномъ Собраніи Законовъ есть свѣдѣніе отъ 1809 года, что о священникахъ для поселенцевъ Херсонскій военный губернаторъ поручилъ войдти въ надлежащее соображеніе Главному Опекунской Конторы Судьѣ [5]), а онъ представилъ, „что на первый случай довольно двухъ священниковъ католическихъ и двухъ лютеранскихъ". Кромѣ того, наприм. § 7 „Инструкціи для внутренняго распорядка и управленія Новороссійскихъ Иностранныхъ колоній" отъ 16 Мая 1801 года [6]) указываетъ на участіе Конторы Опекунства и въ церковныхъ дѣлахъ поселенцевъ. Правда оба эти свѣдѣнія идутъ уже изъ слѣдующаго царствованія, но нѣкоторымъ участіемъ Конторы въ управленіи церковными дѣлами поселенцевъ, повидимому, ни-

[1]) Указъ Сенату 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXI № 15383.

[2]) Указъ Сенату 30 Іюня 1797 г. Ibid. № 18021 т. XXIV.

[3]) Указъ Сенату 4 Марта 1797 года, т. XXIV № 17865. Сравн. т. XXVII № 28857.

[4]) Высочайше утвержденный докладъ Сената 6 Апрѣля 1800 г., т. XXIV № 19372.

[5]) Выписка изъ журнала Комитета Министровъ 25 Авг., т. XXX № 23807.

[6]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXVI № 19873.

сколько не измѣнялся кругъ вѣдомства Конторы, установившійся еще и при Павлѣ I, и можно думать, что и тогда Контора Опекунства могла имѣть нѣкоторое отношеніе къ дѣламъ церковнымъ.

ГЛАВА IV.

ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I-го.

Учрежденіе министерствъ и Главнаго Управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

I.

Распоряженія правительства по управленію римско-католическими дѣлами. Комитетъ для составленія новаго Положенія. Положеніе для духовнаго и церковнаго правительства римско-католическаго закона 12 Ноября 1801 года. Римско-Католическая Духовная Коллегія. Состояніе управленія римско-католическими и греко-уніатскими дѣлами. Вопросъ объ орденскихъ генералахъ въ законахъ Екатерины II, Павла I-го и въ Положеніи 1801 года. Дѣло Фальковскаго. Проектъ новаго устава для католическаго духовенства Сестренцевича и его неудача. Отношеніе правительства къ вопросу объ управленіи духовно-учебной частью. Указъ объ учрежденіи при Виленскомъ Университетѣ Главной семинаріи. Распоряженія по управленію греко-уніатскими дѣлами и отношеніе этого управленія къ управленію дѣлами римско-католическими. Старанія уніатовъ измѣнить положеніе управленія ихъ дѣлами. Назначеніе уніатскихъ членовъ въ Коллегію. Учрежденіе Уніатскаго Департамента. Предметы, отнесенные къ вѣдомству Главнаго Управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій по дѣламъ католическимъ и уніатскимъ. Отношеніе новаго учрежденія къ управленію католическими дѣлами. Вопросъ о выборѣ членовъ въ Католическую Коллегію. Учрежденіе Полоцкой Іезуитской академіи. Мѣры правительства противъ іезуитовъ. Состояніе при новомъ учрежденіи управленія греко-уніатскими дѣлами. Отношеніе русскаго правительства къ вопросу о базиліанскихъ монастыряхъ въ Россіи. Подсудность римско-католическаго и греко-уніатскаго духовенства по дѣламъ уголовнымъ. Назначеніе постоянныхъ депутатовъ отъ духовенства при производствѣ слѣдствій. Учрежденіе Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ. Кругъ вѣдомства его по управленію римско-католическими и греко-уніатскими дѣлами. Отношеніе правительства Александра I-го къ вопросу объ участіи Рима въ управленіи католическими дѣлами. Учрежденіе постояннаго представителя Россіи при Римскомъ Дворѣ. Рескриптъ Бутурлину.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра Павловича высшія государственныя учрежденія рѣшено было подвергнуть значительному преобразованію. Съ 1802 и по 1811 годъ, какъ извѣстно, были установлены и окончательно обра-

зованы министерства. Министерства устраивались на принципѣ разграниченія вѣдомствъ [1]) съ главноуправляющимъ во главѣ. Задачею министерствъ было ввести болѣе соразмѣрности въ раздѣленіе государственныхъ дѣлъ, установить болѣе однообразія въ ихъ производствѣ, сократить и облегчить ихъ движеніе, означить съ точностью предѣлы власти и отвѣтственности и тѣмъ самымъ доставить исполнительному порядку болѣе способовъ къ скорому и точному исполненію законовъ [2]).

Во всемъ этомъ, какъ мы видѣли до сихъ поръ, не менѣе другихъ могло нуждаться и управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Кромѣ того, съ учрежденіемъ различныхъ министерствъ дѣла иностранныхъ исповѣданій должны были разсѣяться по многимъ вѣдомствамъ. Поэтому естественно было возникновеніе тогда и особаго высшаго государственнаго установленія для управленія собственно этими дѣлами, которыя въ то время все болѣе и болѣе, какъ увидимъ, привлекали къ себѣ вниманіе правительства и требовали его вмѣшательства. „Дѣла духовныя разныхъ другихъ исповѣданій (кромѣ греко-россійскаго), было сказано въ Манифестѣ 25 Іюля 1810 года, нынѣ разсѣянныя по разнымъ департаментамъ требуютъ совокупности“. Въ семъ уваженіи къ числу министерствъ присоединяется Главное Управленіе дѣлами разныхъ исповѣданій (§ 4) [3]). Въ кругъ новаго вѣдомства должны были входить „всѣ предметы, относящіеся къ духовенству разныхъ иностранныхъ религій и исповѣданій, исключая ихъ судныхъ дѣлъ, которыя по-прежнему имѣютъ по-

---

[1]) Сравн. Начала русскаго государственнаго права А. Градовскаго, т. II § 185, Спб. 1881 г.

[2]) Манифестъ о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ на особыя управленія и означеніе предметовъ каждому управленію принадлежащихъ 25 Іюля 1810 г 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXXI № 24307.

[3]) Сравн. Общее учрежденіе министерствъ, гл. I, т. XXXI № 24686.

ступать въ Правительствующій Сенатъ" (§ 13) [1]). Черезъ установленіе единства въ высшемъ управленіи дѣлами иностранныхъ исповѣданій царствованіе Александра I въ исторіи этого управленія должно быть отмѣчено особенной чертой. Такое единство при отдѣльномъ учрежденіи остается и до сихъ поръ, но только подъ другимъ названіемъ и нѣсколько инымъ отношеніемъ къ верховной власти. Но прежде чѣмъ повести рѣчь о предметахъ, отдѣленныхъ въ кругъ вѣдомства Главнаго Управленія, учрежденномъ почти уже въ половинѣ царствованія Александра I, а также и о дальнѣйшемъ преобразованіи Главнаго Управленія, мы сдѣлаемъ нѣкоторый обзоръ правительственныхъ распоряженій по дѣламъ каждаго изъ иностранныхъ исповѣданій. Такъ мы поступали уже и относительно другихъ царствованій, чтобы не ограничиваться сухимъ перечнемъ однихъ учрежденій и предметовъ ихъ вѣдомства, но чтобы представить хоть нѣсколько болѣе оживленную картину самаго управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій и тѣмъ лучше разъяснить его.

I. Дѣла римско-католическія и греко-уніатскія.

Въ манифестѣ 12 Марта 1801 года о кончинѣ Павла I и о вступленіи на престолъ императора Александра I было выражено желаніе управлять Россіей въ духѣ Екатерины II [2]). Но по крайней мѣрѣ относительно управленія католическими и уніатскими дѣлами это было далеко не вполнѣ соблюдено, и правительство Александра I-го особенно въ первое время скорѣе слѣдовало по пути, на который вступило правительство прошлаго царствованія.

Правда въ отношеніяхъ къ іезуитамъ въ новомъ государѣ замѣчалась какъ будто нѣкоторая перемѣна сравнительно съ его предшественникомъ. Это обнаруживается, наприм.,

---

[1]) Сравн. Общее учрежденіе министерствъ, гл. II § 15.

[2]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXVI № 19779.

изъ одного указа 1801 года по поводу управленія Петербургской католической церковью. Предоставленіе въ 1800 г. церкви въ распоряженіе іезуитовъ вызвало несогласія между прихожанами. Изъ нихъ одни просили новаго государя возвратить имъ въ управленіе церковные доходы, а другіе ходатайствовали о сохраненіи по указу 1800 года 12 Октября церкви за іезуитами. Но затѣмъ прихожане пришли къ соглашенію и на основаніи его послѣдовало Высочайшее утвержденіе постановленія Регламента 1769 года, что все общество прихожанъ имѣетъ неоспоримое право на собственность принадлежащую церкви съ тѣмъ однако, чтобы іезуиты были оставлены при полномъ управленіи доходами, но давали ежегодно отчетъ въ этомъ избраннымъ членамъ отъ общества. Кромѣ того, въ указѣ было прибавлено, что, „оставляя іезуитовъ какъ при отправленіи богослуженія въ церкви св. Екатерины, такъ и при существующемъ въ Полоцкѣ новиціатѣ, дозволяемъ имъ умножать свои заведенія только въ этомъ мѣстѣ“, а въ другихъ неиначе, какъ по предварительномъ донесеніи и полученіи Высочайшаго разрѣшенія. Поэтому указывалось, и имѣнія по Іезуитскаго во владѣніе ордена не отдавать, а также, не вводя іезуитовъ въ Виленскій университетъ, оставить его на прежнемъ основаніи и въ нынѣшнемъ благоустроенномъ его положеніи [1]).

Но несмотря на это, іезуиты, пріобрѣвшіе въ прошлое царствованіе столь большое вліяніе на управленіе католическими дѣлами и сумѣвшіе многое захватить въ свои руки, продолжали и теперь направлять это управленіе въ своихъ интересахъ. Подъ воздѣйствіемъ ихъ было издано и новое „Положеніе для духовнаго и церковнаго правительства римско-католическаго закона“. 16 Іюля 1801 года на имя генералъ-прокурора Беклешова [2]) послѣдовалъ рескриптъ, которымъ подъ

---

[1]) Указъ Сенату 11 Мая 1801 г., т. XXVI № 19865.

[2]) Сенатскій указъ 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXVII № 21033.

предсѣдательствомъ генералъ-прокурора для составленія положенія учреждался особый комитетъ. Комитетъ разсмотрѣлъ всѣ изданные законы по дѣламъ Римско-католической церкви въ Россіи, сочинилъ на основаніи ихъ проектъ Положенія для доклада Е. И. В. и представилъ мнѣнія о штатахъ Римско-Католической Коллегіи. Вмѣстѣ съ этимъ, комитетъ обсуждалъ вопросъ объ удаленіи Сестренцевича. Этотъ вопросъ могъ быть поднятъ тѣмъ болѣе, что новый государь вскорѣ по вступленіи на престолъ повелѣлъ учредить коммиссію, на которую возлагалось разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ вообще о сосланныхъ въ предшествующее царствованіе [1]). Комитетъ нашелъ, что удаленіе Сестренцевича, какъ совершившееся безъ суда, должно быть признано временнымъ, а потому не угодно-ли будетъ Е. И. В., полагалъ комитетъ, приказать митрополиту вступить въ управленіе епархіей и быть предсѣдательствующимъ членомъ въ Коллегіи съ полученіемъ полнаго жалованья [2]).

Въ число членовъ Комитета попалъ и представитель іезуитовъ Бышковскій, который старался отстаивать независимость монашескихъ орденовъ и возражать противъ возвращенія Сестренцевича [3]). Съ этой цѣлью іезуиты бросали въ глаза требованія каноническаго права и тѣмъ запутывали членовъ комитета и предсѣдателя его Беклешова, расположеннаго къ митрополиту, но не подготовленнаго разбираться въ вопросахъ каноническаго права, относительно котораго, какъ справедливо замѣчаетъ Морошкинъ, „опытный канонистъ легко можетъ доказать на опытѣ, что каноническое право есть оружіе обоюдо-острое, довольно ненадежное и

---

[1]) Русскій Архивъ 1867 г. № 4. Изъ записокъ гр. Е. Ѳ. Комаровскаго.

[2]) Высочайше утвержденный докладъ Сената 13 Ноября 1801 г. 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXVI № 20053.

[3]) Петербургскій Главный Архивъ. „Изображеніе происшествій“. Бышковскій былъ произведенъ Сестренцевичемъ въ каноники при учрежденіи Бѣлорусской епархіи.

предательное для тѣхъ, кто вздумаетъ единственно на немъ одномъ сражаться и опираться“ [1]). Не довольствуясь вліяніемъ на работы комитета черезъ Бышковскаго, іезуиты распространяли въ такомъ же духѣ записки. Одна изъ этихъ записокъ дошла и до самого государя. Въ ней указывалось, что причина несогласій и безпорядковъ среди католическаго духовенства заключалась въ слишкомъ большой власти предоставленной Сестренцевичу и что такой порядокъ вещей вообще вреденъ. Сестренцевичъ, какъ Архіепископъ Могилевскій, Митрополитъ римско-католическихъ церквей и начальникъ въ Департаментѣ Юстицъ-Коллегіи, по разъясненію записки, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всю власть, и обжаловавшіе рѣшенія при переносѣ дѣлъ изъ одной инстанціи въ другую всюду встрѣчали Сестренцевича. По каноническимъ правиламъ архіепископъ долженъ имѣть мѣстопребываніе въ Могилевѣ и предсѣдательствовать въ консисторіи, а если власть начальника Коллегіи опять будетъ соединена съ властью митрополита, то она снова дѣлается троякою и поведетъ къ прежнимъ послѣдствіямъ. Записку эту вмѣстѣ съ заключеніями комитета государь предоставилъ на обсужденіе Сената. Съ мнѣніемъ комитета о возстановленіи Сестренцевича въ правахъ митрополита Сенатъ согласился. Запискѣ же іезуитовъ онъ не придалъ значенія, на которое они разсчитывали. Вопреки запискѣ Сенатъ не усмотрѣлъ опасности соединенія нѣсколькихъ обязанностей въ лицѣ митрополита и высказалъ, что предсѣдательство въ Коллегіи всего приличнѣе поручить именно митрополиту, какъ главному всего духовенства правителю, въ епархіи котораго будетъ находиться и самое мѣстопребываніе Коллегіи. Вѣдь каждый архіерей и консисторія, разсуждалъ Сенатъ, будутъ подчиняться не митрополиту, но непосредственно Духовной

---

[1]) „Іезуиты въ Россіи“, ч. 2 гл. I Спб. 1870 г.

Коллегіи, устраиваемой по новому „Положенію“, а президентъ въ Коллегіи на основаніи Генеральнаго Регламента не можетъ рѣшить никакого дѣла безъ общаго согласія всей Коллегіи. Для этого требуется большинство голосовъ, и, только при равенствѣ ихъ, голосъ президента даетъ перевѣсъ. Въ дѣлахъ же своей епархіи митрополитъ судьей быть не долженъ. Вообще о злоупотребленіи властью со стороны удостоеннаго Высочайшей довѣренности митрополита, какъ предсѣдателя Коллегіи, замѣчалъ Сенатъ, нѣтъ опасеній.

Что же касается проекта Положенія, приготовленнаго комитетомъ подъ сильнымъ вліяніемъ іезуитовъ, то Сенатъ принялъ его, и проектъ получилъ силу закона. При составленіи его особенно были приняты во вниманіе указы Екатерины II 1795 года о новыхъ епархіяхъ и о независимости управленія ими отъ Архіепископа Могилевскаго, указъ 1798 года объ открытіи 6 католическихъ епархій и Высочайше утвержденные въ 1800 году Пункты объ управленіи римско-католическимъ духовенствомъ въ Россіи и изъ нихъ особенно тѣ, которые касались монашескихъ орденовъ. Кромѣ того, задачу новаго Положенія видѣли въ томъ, чтобы оно вышло „сближающимся къ образу государственнаго правленія и къ каноническимъ правамъ, на основаніи коего дѣла Римской церкви должны быть управляемы и распоряжаемы безъ всякой чуждой власти вліянія“ [1]).

На основаніи Положенія, Высочайше утвержденнаго 13 Ноября 1803 года, управленіе римско-католическими дѣлами должно было совершаться по слѣдующимъ правиламъ:

„Для дѣлъ духовныхъ и церковныхъ, относящихся къ догматамъ вѣры и не подлежащихъ суду мірянъ“, „Положеніе“ оставляло духовныя консисторіи, уже существовавшія

---

[1]) Петербургскій Главный Архивъ. Изображеніе происшествій въ духовенствѣ Западнаго послѣдованія; 1-е Полное Собр. Законовъ, т. XXVI № 20053 Высочайше утвержденный докладъ Сената.

въ епархіяхъ, а надъ ними вмѣсто Католическаго Департамента Юстицъ-Коллегіи учреждалась Главная Духовная Консисторія или Римско-Католическая Духовная Коллегія (§ 1). Предсѣдательствовать въ Коллегіи долженъ былъ Архіепископъ Могилевскій, а другими членами были одинъ епископъ и одинъ изъ прелатовъ инфулатовъ. На мѣста ихъ Коллегія должна была избирать по два кандидата и представлять о нихъ Сенату для внесенія доклада на Высочайшее утвержденіе. Кромѣ того, каждой изъ 6 епархій слѣдовало присылать въ Коллегію по одному прелату или канонику, выбираемыхъ капитуломъ черезъ каждые 3 года (§ 2) [1]). По штатамъ Коллегіи въ ней полагался также Прокуроръ [2]).

Какъ самой Коллегіи, такъ и епархіальмъ епископамъ, консисторіямъ и всему католическому духовенству предоставлялось руководствоваться законами и правилами ихъ церкви, наблюдая однако все, что запрещено и повелѣно указами „въ разсужденіи отношенія къ внѣшней власти и внѣшняго церковнаго сообщества, и охраняя по долгу присяги права самодержавной власти, государственныя узаконенія и Высочайшій интересъ“ (§ 3). Въ Коллегію должны были поступать жалобы на архіереевъ и апелляціи на консисторіи. По дѣламъ бракоразводнымъ, для которыхъ требуется два согласныхъ рѣшенія, участіе Коллегіи должно было выражаться въ томъ, что, послѣ постановленія перваго рѣшенія въ консисторіи, рѣшеніе это вмѣстѣ съ дѣломъ отсылалось въ Коллегію. Коллегія по выбору обѣихъ сторонъ, а при несогласіи ихъ, по собственному назначенію передавала дѣло консисторіи другой епархіи для учиненія второго рѣшенія. Если оно было согласно съ первымъ, то рѣшеніе исполнялось, а въ случаѣ разныхъ рѣшеній или при неудовольствіи сторонъ

---

[1]) 1-е Полное Собраніе Законовъ, т. XXVI № 20053.

[2]) Книга Штатовъ, ч. 2, отд. III и IV, т. XLIV. 1-е Полное Собраніе Законовъ.

Коллегія сама полагала уже окончательное рѣшеніе (§ 4). Параграфъ 5-й Положенія опредѣлялъ отношеніе монашескихъ орденовъ къ епархіальнымъ начальникамъ и Коллегіи. Монастырямъ предоставлялось во всемъ управляться по ихъ правиламъ и институтамъ и имѣть своихъ орденскихъ начальниковъ или провинціаловъ, монахамъ, однако, срого воспрещалось самовольно сноситься съ заграничными духовными властями, за что должны были отвѣчать ихъ начальники, которые „хотя и не суть подвластны архіереямъ", но вслѣдствіе общей ихъ духовной власти въ епархіи должны были обращаться къ нимъ въ нужныхъ случаяхъ, наприм., когда требовался переходъ или отлучка монаховъ. Орденскіе начальники не могли также уклоняться отъ епархіальнаго надзора и разныхъ напоминаній со стороны архіереевъ о предписанномъ законами порядкѣ, они должны были доносить епископу о достойныхъ вниманія происшествіяхъ въ монастыряхъ его епархіи, о состояніи монастырей, о ихъ имѣніяхъ, капиталахъ и вообще обо всемъ, что нужно знать архіерею, какъ начальнику епархіи, обязанному отвѣчать за нее передъ высшимъ правительствомъ. Не вступаясь въ монастырскія распоряженія и выборы, архіереи должны были однако въ случаѣ смерти орденскаго начальника доносить Коллегіи, которая и дѣлала распоряженія о выборѣ новаго начальника на законномъ основаніи, а затѣмъ по представленію епископа утверждала избраннаго. Епархіальный начальникъ обязанъ былъ по временамъ посѣщать монастыри, обозрѣвать его заведенія и особенно смотрѣть за преподаваніемъ наукъ въ ихъ училищахъ, относительно чего онъ властенъ отдавать согласныя съ законами приказанія. Епископъ могъ принимать жалобы на орденскихъ начальниковъ или провинціаловъ, входить въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ и въ случаѣ обнаруженія какихъ-либо неправильностей представлять дѣло Коллегіи, которая уже поступала по зако-

намъ (§ 5). Епархіальнымъ архіереямъ предписывалось соблюдать церковныя правила при опредѣленіи на приходскія мѣста и самимъ не владѣть приходами ни въ своихъ и ни въ другихъ епархіяхъ, а равно и никому изъ бѣлаго духовенства не давать болѣе одного прихода. Кромѣ того, они не должны были лишать ктиторовъ ихъ права при назначеніи духовныхъ лицъ въ мѣстахъ ктиторскихъ владѣній. Для замѣщенія свободныхъ мѣстъ архимандритовъ, епископовъ суффрагановъ и митрою удостоенныхъ аббатовъ епархіальные епископы обязывались обращаться въ Коллегію, а Коллегія представлять о нихъ Сенату для поднесенія доклада о нихъ Е. И. В. (§ 6). Монастырскія и церковныя имѣнія и капиталы Положеніе сохраняло въ цѣлости и признавало ихъ на правѣ казенныхъ имѣній (§ 7). Наконецъ Коллегія, какъ центральное учрежденіе, должна была имѣть черезъ епархіальныхъ начальниковъ полныя свѣдѣнія о монастыряхъ, церквахъ, духовенствѣ, имѣніяхъ, капиталахъ и т. п. и „о всякихъ достойныхъ уваженія происшествіяхъ, о которыхъ доносить такъ, какъ и по случающимся надобностямъ, о чемъ слѣдуетъ представлять Сенату“. При производствѣ и рѣшеніи дѣлъ Коллегія могла руководствоваться правилами церковными, наблюдая впрочемъ общій порядокъ, предписанный коллегіямъ Генеральнымъ Регламентомъ и другими узаконеніями (§ 8).

Такимъ образомъ, управленіе католическими дѣлами было направлено по пути, принятому въ прошлое царствованіе, т. е. съ ослабленіемъ значенія митрополита и съ ограниченіемъ епископской власти относительно монашескихъ орденовъ. Кромѣ того, самая задача, положенная въ основаніе новаго закона,—сблизить государственные интересы съ каноническимъ правомъ Римской церкви едва-ли была выполнима и способна была лишь внести неопредѣленность въ самое управленіе. Это особенно можно видѣть, наприм., изъ § 5 Положе-

нія, который старается разъяснить отношенія монашескихъ орденовъ къ епархіальнымъ начальникамъ. Вотъ какъ отзывался о Положеніи 1801 г. авторъ статьи „Изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія“, которое, повидимому, принадлежало перу самого Сестренцевича [1]). „Существенная польза, замѣчаетъ онъ, какая произведена въ исправленіи прежнихъ, въ 1800 году сочиненныхъ Бениславскимъ Пунктовъ, не простерлась далѣе того: 1 е, что зависимость монаховъ отъ епархіальныхъ архіереевъ осталась сомнительною и всякое даже предоставленное власти архіерейской взысканіе съ монастырей сдѣлалось неудобнымъ къ исполненію; 2-е, что вмѣсто того, чтобы назначить по указу 1797 года опредѣленіе въ Духовную Коллегію непремѣнныхъ отъ короны членовъ, по одной половинѣ изъ свѣтскихъ, а по другой изъ духовныхъ, устоялъ выборъ, какъ по Пунктамъ 1800 г. назначено, изъ каждой епархіи черезъ 3 года, дабы Бениславскому и Бышковскому тѣмъ удобнѣе было помѣщать тутъ единомысленныхъ себѣ и подпирать монашескіе институты, и 3-е, что двое сихъ духовныхъ получили бо́льшіе противъ другихъ оклады жалованья на счетъ убавки онаго у бѣдныхъ канцелярскихъ служителей“ [2]).

Въ своихъ возраженіяхъ противъ возстановленія Сестренцевича іезуиты старались держаться на почвѣ законности и бросали въ глаза требованія каноническаго права, на основаніи которыхъ митрополитъ не могъ быть возвращенъ, прежде чѣмъ папа не разрѣшитъ ему этого и заступившій его мѣсто Бениславскій не отречется отъ занимаемыхъ имъ должностей. Тогда Беклешовъ также нашелъ удобнымъ дѣйствовать по каноническому праву и устроилъ дѣло такъ, что Бениславскій въ присутствіи государя самъ сложилъ всѣ свои

---

[1]) Сравн. Морошкинъ. Іезуиты въ Россіи, ч. 2 гл. I.

[2]) Петербург. Главн. Архивъ. Eglise Catholique en Russie № 24.

права [1]). Послѣ этого Сестренцевичъ уже безъ нарушенія церковныхъ правилъ могъ вернуться изъ ссылки и въ 1801 году [2]) вмѣстѣ съ саномъ митрополита и архіепископа Могилевскаго снова принять на себя и званіе Предсѣдателя Римско-Католической Коллегіи. Но теперь къ митрополиту уже не вернулись его прежнія власть и вліяніе. Этому значительно препятствовали принятый порядокъ управленія и враждебная Сестренцевичу іезуитская партія, которая сохраняла еще свою силу и противилась вліянію его въ Коллегіи. Теченіе церковной жизни начало обнаруживать много безпорядковъ и неустройствъ, которые являлись, то какъ послѣдствіе нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій прошлаго царствованія, то какъ послѣдствіе неустойчивости и неопредѣленности направленія новаго царствованія, желавшаго согласить каноническія правила съ интересами государственными. Къ чему приводило измѣненіе правительствомъ направленія Екатерины II относительно римско-католическихъ дѣлъ и какъ шло самое управленіе этими дѣлами, особенно хорошо можно видѣть изъ сложнаго дѣла Фальковскаго, возникшаго въ самые первые годы новаго царствованія и тянувшагося нѣсколько лѣтъ. Въ Первомъ Полномъ Собраніи Законовъ [3]) по этому поводу есть Сенатскіе указы и Высочайше утвержденный докладъ Сената съ очень подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, на основаніи которыхъ можетъ быть уяснено и все дѣло Фальковскаго. Извѣстно, что въ латинскихъ монашескихъ орденахъ существуетъ званіе генераловъ или протоархимандритовъ. Эти генералы имѣютъ большую власть надъ монахами своего ордена. Они независимы отъ епархіальныхъ начальниковъ и непосредственно

---

[1]) „Іезуиты въ Россіи“, Морошкина, ч. 2 гл. I.

[2]) Петербургскій Главный Архивъ: „Изображеніе происшествій“.

[3]) Сенатскій указъ 9 Ноября 1803 г., т. XXVII № 21033. Сенатскіе указы: 17 Февраля 1804 г. и 1 Марта 1804 г., т. XXVIII №№ 21160 и 21193.

подчинены Риму. Имъ однимъ монахи даютъ обѣтъ повиновенія [1]). Съ переходомъ въ составъ Россіи областей съ католическимъ населеніемъ и монахами разныхъ орденовъ генералы ихъ въ большинствѣ орденовъ остались за границей и, какъ мы уже замѣчали, легко могли сдѣлаться лицами, черезъ которыхъ Риму было бы очень удобно добиться своихъ цѣлей, не совмѣстныхъ съ государственными интересами Россіи. Поэтому во всѣхъ законахъ, относящихся до управленія римско-католическими и уніатскими дѣлами, Екатерина II воспрещала всѣмъ католикамъ и уніатамъ признавать себя зависимыми отъ какой-либо заграничной духовной власти и имѣть съ нею какія-либо сношенія безъ вѣдома правительства. Наприм., въ указѣ 6-го Сентября 1795 года объ учрежденіи католическихъ епархій Пинской и Могилевской относительно монаховъ прямо установлено, что ордена ихъ должны зависѣть единственно отъ своихъ епархіальныхъ епископовъ и имъ воспрещается „избирать провинціальныхъ и генеральныхъ суперіоровъ и повиноваться ихъ повелѣніямъ“ (п. 7) [2]). Это же повелѣніе распространено было и на уніатскіе монастыри [3]). Точно также и въ законахъ Павла I, указѣ 1798 года объ образованіи 6 католическихъ епархій и въ Регламентѣ того же года, монашескіе ордена подчиня-

---

[1]) Сравн. Hierarchie de l'Eglise catholique dans l'Empire, см. выше стр. 233. По институтамъ орденовъ Августинскаго и Доминиканскаго (листъ 139 № 12) въ главѣ объ отлученіи отъ церкви есть статья, по которой монахи, безъ дозволенія своего начальства прибѣгающіе къ суду государей, навлекаютъ на себя отлученіе отъ церкви. Тридентскій соборъ (25 засѣданіе гл. 4 о монахахъ) предписываетъ монахамъ въ случаѣ апелляціи поступать такъ: „отъ настоятеля монастырскаго къ провинціалу, отъ провинціала къ генералу, отъ генерала къ протектору, а отъ него къ св. конгрегаціи и папѣ“. Правила эти были приведены Сенатомъ въ его докладѣ государю въ примѣръ того, что соблюденіе орденскихъ правилъ не осуществимо вполнѣ безъ нарушенія государственныхъ законовъ (т. XXVIII № 21193).

[2]) 1-е Полное Собраніе Законовъ, т. XXIII № 17379.

[3]) Ibid. № 17384.

лись епархіальнымъ архіереямъ, отъ которыхъ единственно и должны были зависѣть провинціалы и другіе монастырскіе начальники. Правда, Пунктами 1800 г. 11 Декабря власть епархіальныхъ архіереевъ надъ монахами была подорвана, и монашескіе ордена поставлены въ непосредственное отношеніе къ Римско-Католическому Департаменту, однако въ Пунктахъ не было никакой рѣчи объ участіи въ управленіи монастырями орденскихъ генераловъ. Равнымъ образомъ, и по закону 13 Ноября 1801 года, хотя власть епархіальныхъ архіереевъ надъ монахами оказалась и недостаточно опредѣленной, но она всетаки признавалась, какъ общая духовная власть въ епархіи. Во многихъ случаяхъ епископъ являлся передаточной инстанціей между Коллегіей и монастырями. Ему предписывалось принимать жалобы на орденскаго начальника или провинціала, разсматривать ихъ и въ случаѣ основательности жалобы или собственнаго усмотрѣнія представлять дѣло Коллегіи. Такимъ образомъ и Положеніе 1801 года не допускало никакихъ орденскихъ генераловъ. Поэтому, если бы въ предѣлахъ Россіи съ присоединеніемъ къ ней разныхъ областей и оказался бы генералъ какого-нибудь ордена, то по смыслу законовъ онъ долженъ былъ бы сложить съ себя это не допускаемое въ Россіи званіе. Во всѣхъ законодательныхъ актахъ русскаго правительства, какъ о главныхъ начальникахъ монаховъ, шла рѣчь лишь о провинціалахъ, которые сначала утверждались архіереями, а впослѣдствіи Коллегіей. „Генеральные же орденскіе выборы и генералы, правительству извѣстные, какъ свидѣтельствовалъ Сенатъ, со времени присоединенія Бѣлоруссіи въ Россіи не существовали“. Какъ возраженіе на это можно бы, повидимому, привести дозволеніе Екатерины II Іезуитамъ избрать себѣ Генеральнаго викарія. Но викарій этотъ какъ показываютъ изданные о немъ законы, далеко не былъ поставленъ въ положеніе обыкновенныхъ орденскихъ генераловъ. Над-

зоръ за нимъ, по указу 1782 г. 25 Іюня [1]), былъ порученъ епархіальному епископу съ тѣмъ, чтобы правила ордена были допускаемы лишь, поскольку они согласны съ государственными законами. Въ дополненіе къ этому указу Сенатъ разъяснилъ, чтобы іезуиты во избѣжаніе должнаго повиновенія епархіальному архіерею не ссылались по-прежнему на свои орденскія правила, „разумѣя, что нѣтъ для нихъ другихъ правилъ, какъ Высочайшіе Е. И. В. законы“ [2]).

Но большіе успѣхи достигнутые іезуитами въ Россіи, возстановленіе папой по желанію русскаго государя ордена ихъ въ Россіи съ назначеніемъ орденскимъ генераломъ полоцкаго іезуита Франциска Каре, замѣченное іезуитами въ высшихъ правительственныхъ сферахъ направленіе сблизить государственныя постановленія съ каноническими правилами,—все это могло питать надежды іезуитовъ и на дальнѣйшее постепенное измѣненіе въ ихъ интересахъ управленія римско-католической и греко-уніатской церковной жизнью. Сохранить въ Россіи званіе орденскихъ генераловъ вопреки государственнымъ узаконеніямъ и притомъ такъ, чтобы опытъ этого былъ совершенъ не надъ самими іезуитами, когда они могли бы очень рисковать своими собственными интересами, а надъ какимъ-нибудь другимъ орденомъ,—это значило-бы, конечно, сдѣлать большой шагъ впередъ по пути достиженія іезуитскихъ цѣлей. Попытка въ этомъ и дала поводъ къ возникновенію Дѣла Фальковскаго:

Съ присоединеніемъ къ Россіи областей Минской, Волынской и Литовской въ числѣ новыхъ подданныхъ оказался нѣкто Афанасій Фальковскій, который въ 1793—1794 годахъ съ утвержденія папы получилъ, будто-бы, званіе протоархимандрита или генерала Базиліанскаго ордена. Екате-

---

[1]) См. выше гл. III.

[2]) Высочайше утвержденный докладъ Сената 1 Марта 1804 г., т. XXVIII № 21193.

рина II, какъ мы видѣли, обѣщала новому краю полную свободу въ отправленіи вѣры [1]). На основаніи этого-то, какъ разъясняли базиліане, Фальковскій, по принесеніи присяги на вѣрность, дѣйствовалъ въ качествѣ начальника ордена до конца 1798 года, когда всѣ монашескіе ордена Регламентомъ Павла I были подчинены епархіальной власти. Но вотъ 11 Декабря 1800 г. получаютъ Высочайшее утвержденіе „Пункты". Этимъ новымъ закономъ, какъ понимали его базиліане, іезуиты и друг., „собственное правленіе орденовъ было возвращено". Сестренцевича тогда уже не было во главѣ управленія, а заступившій его мѣсто епископъ Бениславскій, одинъ изъ составителей новаго закона, не могъ, конечно, не стараться поскорѣе провести новый законъ въ жизнь и тѣмъ больше упрочить его существованіе. Бениславскій подстрекнулъ Фальковскаго открыто объявить себя въ званіи протоархимандрита Базиліанскаго ордена и, какъ на возможность осуществленія этого на практикѣ, Фальковскому былъ указанъ, повидимому, примѣръ іезуитовъ, которые уже получили главнаго начальника ордена. „Примѣръ этотъ, по замѣчанію Сестренцевича, двигаетъ, конечно, честолюбіемъ и въ другихъ монашескихъ начальникахъ. Около того времени было покушеніе о возстановленіи и между базиліанами должности протоархимандрита, что тоже самое значитъ, какъ и генералъ. 23 ордена монашескихъ числится, изъ которыхъ развѣ весьма немногихъ въ Россіи не находится, и въ каждомъ нельзя не быть безпокойнымъ головамъ, которые жадно желаютъ учиниться генералами не для пользы вѣры, но для того, чтобы прибрать въ свои руки тѣ знатныя имѣнія и доходы, которыми монастыри изобилуютъ" [2]). Фальковскій не устоялъ передъ заманчивой мыслью сдѣлаться генера-

---

[1]) См. выше гл. III.

[2]) Петербургскій Главный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ „Изображеніе происшествій въ духовенствѣ западнаго послѣдованія".

ломъ своего ордена и 16 Февраля 1801 года прислалъ въ Департаментъ донесеніе, въ которомъ писалъ: „увѣдомился онъ, что по Высочайшему повелѣнію изданы для духовнаго римско-католическаго закона, какъ бѣлаго, такъ и чернаго новые Пункты“. Ссылаясь на прежнее утвержденіе себя согласно орденскимъ правиламъ въ званіи протоархимандрита, Фальковскій заявлялъ, что, вступя въ обязанность управлять орденомъ, онъ не можетъ сложить ее, пока это не послѣдуетъ законнымъ образомъ. Черезъ 3 дня Департаментъ уже постановилъ дать знать Фальковскому указомъ, что на основаніи Пунктовъ 1800 года онъ „можетъ вступить въ управленіе своимъ орденомъ, если по установленіямъ онаго законно былъ избранъ, доколѣ отъ таковой должности законнымъ же порядкомъ опять смѣненъ не будетъ, а притомъ не приминулъ бы онъ по правиламъ своего ордена, собравъ капитулъ, приступить къ новымъ выборамъ, и о томъ учинилъ надлежащее распоряженіе съ тѣмъ, чтобы провинціаловъ было избрано столько, сколько существовало ихъ, по установленію ихъ ордена съ представленіемъ орденскимъ начальникамъ власти пересылать монаховъ изъ одной епархіи въ другую“. Черезъ нѣкоторое время Фальковскій въ новыхъ рапортахъ Коллегіи доносилъ, что въ базиліанскихъ монастыряхъ совершаются безпорядки, вызываемые особенно тѣмъ, что многіе лица неправильно получили отъ папскаго нунція Литты званія на архимандритскія и аббатскія достоинства и теперь стремятся принять ихъ на себя вопреки заведенному порядку. Такимъ лицомъ Фальковскій особенно выставлялъ бѣлорусскаго провинціала Новаковскаго, который и съ своей стороны обратился въ Департаментъ съ опроверженіемъ возводимыхъ на него обвиненій. По поводу этого Департаментъ нашелъ, что самымъ удобнымъ средствомъ къ водворенію порядка и справедливому разсмотрѣнію дѣлъ должно служить созваніе Генеральнаго капитула согласно

правиламъ ордена. Протоархимандриту Фальковскому было предписано распорядиться о созваніи Генеральнаго капитула на Сентябрь 1802 года, причемъ выборъ мѣстъ для капитула, „предупрежденіе препятствій и прочихъ къ тому споспѣшествующихъ распоряженій“, по опредѣленію Коллегіи 9 Іюня 1802 г., было предоставлено на усмотрѣніе Фальковскаго, согласно правиламъ ихъ ордена. Между тѣмъ, Фальковскій уже доносилъ Коллегіи что мѣстомъ для капитула, созываемаго на 8 Сентября, онъ предлагаетъ избрать Тороканскій монастырь въ Литовской губерніи, а предсѣдателемъ его уніатскаго епископа Булгака, потому что капитулъ долженъ былъ собраться въ предѣлахъ его епархіи. Кромѣ того, Фальковскій настаивалъ на присоединеніи бѣлорусскихъ монастырей къ Литовской провинціи [1]). Побужденіемъ къ этому, по объясненію Фальковскаго, служило будто-бы удобство управленія монастырями, но въ дѣйствительности, какъ утверждалъ Новаковскій, это было сдѣлано въ угоду Бениславскому, который по нерасположенію къ архіепископу Лисовскому и другимъ базиліанскимъ начальникамъ всегда стремился, чтобы Бѣлорусскую епархію подчинить другимъ епископамъ, а Лисовскаго удалить отъ начальствованія. Но очень могло быть, что стремленіе уничтожить Бѣлорусскую провинцію вытекало еще и изъ нѣсколько другихъ соображеній. Существованіе въ Россіи базиліанскаго протоархимандрита хотѣли, какъ мы уже замѣчали, обосновать на актахъ Екатерины II-й, будто-бы обезпечивающихъ это званіе въ областяхъ Минской, Волынской и Литовской, но такихъ обоснованій нельзя было дѣлать относительно Бѣлоруссіи, и потому уничтоженіе ея какъ отдѣльной провинціи могло изба-

---

[1]) Примѣч. Базиліанскій орденъ представлялъ три провинціи: Бѣлорусскую, Литовскую и Русскую, подъ которой разумѣлась бывшая Польская на Волыни. (Сравн. П. О. Бобровскаго „Русская Греко-уніатская церковь въ царствованіе Александра I-го“, гл. II стр. 22 и гл. IV стр. 133. Спб. 1890 года).

влять іезуитовъ и базиліанъ отъ попытокъ приводить другія доказательства необходимости существованія въ ней званія генерала ордена.

По полученіи указа Коллегіи, предоставлявшаго Фальковскому дѣйствовать относительно собранія капитула по его собственному усмотрѣнію, Фальковскій тѣмъ смѣлѣе приступилъ къ исполненію своихъ намѣреній. Но на распоряженія Фальковскаго въ Коллегію поступили протесты со стороны Новаковскаго и Лисовскаго. Они указывали на неправильность выбора мѣста для капитула, назначенія его предсѣдателя и друг. Новаковскій, кромѣ того, доказывалъ, что и самое присвоеніе себѣ званія протоархимандрита сдѣлано Фальковскимъ незаконно. Онъ не былъ избранъ, какъ утверждалъ, въ 1793 году и во всякомъ случаѣ не могъ получить согласія папы и самовольно вступилъ въ должность, несмотря на замѣчаніе Коллегіи, что это допустимо лишь при условіи его правильнаго избранія. Теперь Фальковскій требовалъ отъ Новаковскаго отчета по управленію Бѣлорусскими монастырями, „для чего и выданы ему два позва". По поводу всего этого въ Коллегіи произошло разногласіе. Часть членовъ нашла, что Фальковскій дѣйствительно поступилъ неправильно. Капитулъ долженъ былъ происходить въ Бржестѣ или городѣ по назначенію начальства, а не по распоряженію Фальковскаго. Правила предписываютъ предсѣдательствовать на капитулѣ митрополиту, а въ его небытность опредѣленіе президента принадлежитъ начальству. Фальковскій же самъ назначилъ предсѣдателемъ Булгака, подчиненный своего начальника. Наконецъ, вопросъ о соединеніи провинцій слѣдовало рѣшить на капитулѣ, а Фальковскій самъ уничтожилъ Бѣлорусскую провинцію, „имѣя ордеръ отъ члена Коллегіи епископа Бениславскаго, чтобы провинціала Новаковскаго оставить управлять той провинціей впредь до наступающаго капитула". На основаніи этого 14 Іюля 1802 г. состоялась

резолюція Коллегіи, которой созваніе капитула отсрочивалось до 1 Октября, мѣстомъ его назначался монастырь Бржестскій, а предсѣдателемъ луцкій епископъ Левинскій. Присоединенные же Фальковскимъ къ Литовской провинціи Бѣлорусскіе монастыри по-прежнему отдѣлялись къ Бѣлорусской. По дѣлу Новаковскаго Коллегія постановила, чтобы Фальковскій уничтожилъ выданные имъ „позывы", и никакого дѣйствія по нимъ не производилъ, а представилъ дѣло на разсмотрѣніе капитула. Но два члена Коллегіи, инфулатъ Бышковскій и каноникъ Супинскій, не согласились съ опредѣленіемъ Коллегіи 14 Іюля 1802 года и подали особыя мнѣнія. Они доказывали необходимость не измѣнять постановленія Коллегіи 9 Іюня 1802 года. Новый же указъ по этому поводу, по ихъ мнѣнію, могъ бы произвести разстройство въ орденѣ и нарушить 130 п. Высочайшаго Учрежденія о губерніяхъ [1]). Относительно Новаковскаго Бышковскій и Супинскій утверждали, что ему надо воспретить именоваться архимандритомъ пока не представитъ точныхъ доказательствъ о своемъ достоинствѣ, и что по правиламъ ордена онъ доженъ отвѣчать въ Архимандричьемъ Консульторскомъ судѣ. Прокуроръ Коллегіи Скржендзевскій присоединился къ особымъ мнѣніямъ. Считая ихъ правильными, прокуроръ не допустилъ къ исполненію опредѣленіе остальныхъ членовъ Коллегіи и подалъ рапортъ генералъ прокурору, который отъ министра юстиціи былъ доставленъ при ордерѣ къ оберъ-прокурору съ тѣмъ, чтобы предложить его на разсмотрѣніе Сената.

Въ это время уже дѣйствовало Положеніе 1801 года. Въ немъ, какъ мы видѣли, было сказано, что монастыри могутъ управляться по ихъ правиламъ и институтамъ (§ 5).

---

[1]) Въ Учрежденіяхъ для управленія губерній, ч. I гл. X стр. 130, сказано: „Одна палата не можетъ отмѣнить рѣшенія другой палаты, ни собственныхъ своихъ перевершивать". 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XX № 14392.

Повидимому это выраженіе въ связи съ общимъ направленіемъ Положенія и дало прокурору поводъ думать, что новый законъ утвердилъ орденскія правила и потому прокуроръ ссылался и на нихъ въ своемъ рапортѣ въ доказательство законности дѣйствій Фальковскаго. Для полученія же отчетовъ отъ Новаковскаго прокуроръ считалъ самымъ удобнымъ учредить на мѣстѣ особую коммиссію, а Новаковскаго удалить отъ должности провинціала, „приведя его къ должному по правиламъ повиновенію протоархимандритамъ“.

Между тѣмъ, Генеральный капитулъ былъ собранъ согласно распоряженіямъ Фальковскаго, т. е. 8 Сентября, въ Тороканскомъ монастырѣ и подъ предсѣдательствомъ епископа Булгака. Капитулъ избралъ новаго протоархимандрита Гусаковскаго, Новаковскаго же „за употребленіе въ свою пользу монастырскихъ доходовъ и за непорядочное житіе“ и двухъ другихъ ксендзовъ „за исканіе достоинства противъ монашескихъ обѣтовъ и за другіе поступки“ было постановлено предать Главному Орденскому Суду. Капитулъ уничтожилъ Бѣлорусскую, какъ хотѣлъ Фальковскій, провинцію и избранный провинціаломъ Лещинскій въ виду этого приступилъ къ перемѣнѣ чиновниковъ безъ утвержденія Коллегіи и тѣмъ причинилъ затрудненія архіепископу Лисовскому, который и донесъ обо всемъ Коллегіи. Объ обстоятельствахъ собранія капитула и его постановленіяхъ, какъ Гусаковскій, такъ и Булгакъ, 26 Сентября донесли Коллегіи. Но въ виду разногласій въ Коллегіи, Гусаковскій счелъ нужнымъ сдѣлать донесеніе и Сенату съ просьбою оставить въ силѣ постановленія Генеральнаго капитула. Въ Сенатъ обратился съ своей стороны и Новаковскій. Онъ заявлялъ, что Фальковскій самъ собой опредѣлилъ предсѣдателемъ капитула Булгака, искренняго своего друга, мѣстомъ для капитула избралъ собственное свое жилище Тороканы „уничтожилъ чиновниковъ, въ предвидѣніи намѣреніямъ его неполезныхъ, и

неизвѣстно каковою властью опредѣлилъ новыхъ, дабы таковымъ способомъ составить собраніе изъ тѣхъ, кои ему нравились, охранить себя отъ отвѣта за удержаніе нѣсколько лѣтъ протоархимандритской власти, а друзей своихъ и соучастниковъ отъ обстоятельнаго отчета; наконецъ уничтожилъ Бѣлорусскую провинцію, объявивъ ее несуществующей, чиновниковъ же изъ ней отторгнувъ, не призвалъ на капитулъ, вызывая противъ § 5 Положенія, начальниковъ изъ Галиціанскихъ монастырей". Хотя они и не явились, но Фальковскій собралъ на капитулъ другихъ, заступившихъ ихъ мѣсто съ правомъ голоса. Новаковскій просилъ признать капитулъ за „небывшій и неважный", потому что онъ не только былъ созванъ незаконно, но даже коснулся несвойственныхъ себѣ дѣлъ и нарушилъ многіе законы. Онъ просилъ затѣмъ объ оставленіи Бѣлорусскихъ монастырей Полоцкой, Софійской и Витебской архимандрій по прежнему отдѣленными отъ Литовскихъ. Вмѣстѣ съ этимъ Новаковскій доносилъ Сенату, что Лещинскій незаконно продалъ домъ въ Вильно, предназначенный для обученія юношества, подготовляющаго себя къ духовному званію уніатскаго обряда, а деньги, вырученныя отъ продажи дома, употребилъ неизвѣстно куда.

Со стороны Базиліанъ въ Сенатъ поступило прошеніе отъ повѣреннаго ихъ ордена, ксендза Ярошевскаго. Ярошевскій старался оправдать дѣйствія Фальковскаго и распоряженія Генеральнаго капитула и заявлялъ, что уже другой годъ избранный капитуломъ новый протоархимандритъ все еще не утвержденъ въ своемъ званіи, вслѣдствіе чего въ Литовской и Русской провинціяхъ „едва не доходятъ до величайшихъ замѣшательствъ". Далѣе Базиліане разъясняли обязанности протоархимандрита и отношеніе его къ Генеральному капитулу, при чемъ ссылались на свои орденскія правила и доказывали на основаніи ихъ необходимость званія протоар-

химандрита. Тамъ же, гдѣ этого званія не было, утверждали Базиліане, епископъ опредѣлялъ въ провинціалы лицъ, которые сумѣли ему угодить, и всякій настоятель монастыря старался не о мѣстѣ, не о соблюденіи орденскихъ правилъ, но искалъ милости у архіерея для возвышенія собственной особы. Поэтому монастыри въ Бѣлоруссіи пришли въ упадокъ и многіе богобоязненныя лица еще при Екатеринѣ II обратились въ Сенатъ съ жалобами. Между тѣмъ, въ провинціяхъ Литовской и Русской, въ которыхъ было званіе протоархимандрита, монастыри не находились въ такомъ печальномъ положеніи. Ссылаясь на „Пункты" 1800 г. и указъ Департамента 1801 года, которымъ Фальковскій возстановлялся въ своей должности, Базиліане выражали надежду, что въ виду новаго Положенія 1801 года, распространяющагося и на нихъ, протоархимандритъ будетъ утвержденъ въ своемъ званіи. Вѣдь въ докладѣ Сената, разсуждали Базиліане, сказано, что управленіе церковными дѣлами должно сближаться и съ каноническими правилами, и § 5 Положенія дозволяетъ орденамъ управляться по ихъ правиламъ и институтамъ. Слѣдовательно Базиліане, избравъ протоархимандрита, не нарушили Положенія 1801 года. Правда, въ немъ нигдѣ не говорится прямо о протоархимандритѣ, но вѣдь въ немъ сказано же объ орденскихъ начальникахъ, а таковымъ по институту Базиліанскаго ордена и является протоархимандритъ. Правда, Положеніе воспрещаетъ сношенія съ орденскими генералами, но вѣдь это относится до находящихся внѣ предѣловъ государства, а протоархимандритъ живетъ въ Россіи, и если бы такое пониманіе закона было не вѣрно, то вѣдь, наприм., и Іезуиты не избрали бы себѣ генерала, который утвержденъ же въ семъ званіи Е. И. В. Если бы ордену было повелѣно какимъ нибудь другимъ способомъ, а не капитуломъ, избирать для себя начальниковъ и провинціаловъ или, если бы ихъ назначали епископы, несомнѣн-

но эти начальники и провинціалы были бы избраны несогласно съ орденскими правилами, которыми Положеніе разрѣшаетъ руководствоваться, да кромѣ того епископы и немогутъ ихъ опредѣлять, потому что управленіе монастырями независимо отъ епархіальныхъ архіереевъ и вліяніе епископовъ простирается на нихъ лишь, какъ общая духовная власть въ епархіи. По § 3 Положенія, Коллегія должна наблюдать, чтобы избраніе совершалось законно, по правиламъ церкви, но что при этомъ могла бы дѣлать Коллегія, какъ не предписывать избирать начальниковъ по орденскимъ институтамъ?

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній и долголѣтняго существованія протоархимандрита, обезпеченнаго манифестомъ Екатерины II и Гродненскимъ трактатомъ, Базиліане просили Сенатъ утвердить распоряженія Генеральнаго капитула и тѣмъ самымъ освободить ихъ орденъ отъ угнетающихъ его несчастій и сдѣлать его „способнымъ къ государственному служенію“.

По разсмотрѣніи всего этого дѣла Сенатъ призналъ, что Римско-Католическая Коллегія, долженствующая руководствоваться не только каноническими правилами, но и государственными законами, нарушила послѣдніе, принявъ рапортъ отъ Фальковскаго, назвавшагося архимандритомъ и дала ему поводъ присвоить званіе протоархимандрита, т. е. генерала и главнаго начальника всѣхъ монаховъ Базиліанскаго ордена. Въ оправданіе своихъ дѣйствій она ссылалась на „Пункты“ 1800 г., но ни въ этомъ законѣ ни во всѣхъ другихъ, разъяснялъ Сенатъ, существованіе генераловъ не дозволяется. Точно также не дозволяется это и по Положенію 1801 г. Вообще же въ виду учрежденія Католической Коллегіи, собраніе въ Россіи генеральныхъ капитуловъ и установленіе главнаго начальника ордена, находящагося въ разныхъ епархіяхъ, „невмѣстны, потому что съ допущеніемъ ихъ разрушился бы порядокъ въ исполненіи государственныхъ поста-

новленій, въ Регламентѣ, Пунктахъ и Положеніи изображенныхъ". Кромѣ того, прокуроръ Коллегіи оставилъ безъ вниманія жалобы Новаковскаго на неправильныя дѣйствія Фальковскаго, и въ своемъ рапортѣ при заявленіи о необходимости утвердить капитулъ „приводилъ къ тому несоотвѣтственныя узаконенія". Поэтому Сенатомъ было постановлено уничтожить все производство Коллегіи и послѣдовавшія за нимъ распоряженія Фальковскаго по базиліанскому ордену, равно и другія незаконныя по монастырямъ римско-католическимъ; предписать Коллегіи, чтобы она отнюдь вновь не установляла никакихъ монашескихъ чиновъ, а всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ и начальникамъ монастырей подтвердила, чтобы „они въ случаѣ надобности въ избраніи провинціаловъ или другихъ начальниковъ поступали по точной силѣ изданныхъ узаконеній, каковое Сената по базиліанскому ордену положеніе должно быть распространено съ равной силой и дѣйствіемъ на все вообще католическое духовенство, состоящее подъ управленіемъ Коллегіи. Что же касается до полученія отчетовъ съ Новаковскаго по управленію Бѣлорусскими монастырями, то они должны быть отъ него потребованы и по § 5 Положенія представлены епархіальному уніатскому епископу, въ составѣ епархіи котораго считаются и монастыри базиліанскіе. Относительно доноса Новаковскаго по поводу продажи дома Лещинскимъ Сенатъ разъяснилъ, что по § 7 Положенія церковныя имущества считаются на правѣ казенныхъ имѣній и имъ должны защищаться, а въ § 5-мъ сказано, что о происшествіяхъ въ монастыряхъ нужно доносить архіерею, который можетъ принимать жалобы на провинціаловъ и другихъ начальниковъ. Поэтому Новаковскій долженъ доказывать на Лещинскаго по нахожденію имѣнія въ Бржестской епархіи епископу Булгаку, а отъ послѣдняго Коллегіи слѣдуетъ потребовать отвѣта, почему онъ не сообщилъ, если Лещинскій дѣйствительно поступилъ такъ. По

вопросу же о буллахъ, неправильно полученныхъ Новаковскимъ на званіе архимандрита, Сенатъ высказался, что, въ виду необходимости епархіальному архіерею знать о лицахъ въ его епархіи, Коллегія обязана спросить Полоцкаго архіепископа Лисовскаго или заступающаго его мѣсто, какимъ образомъ онъ произведенъ въ архимандриты и, если по буллам, то разсмотрѣть ихъ. Но такъ какъ существуютъ и другіе лица, неправильно выхлопотавшія разныя званія, то Коллегіи вмѣнялось въ обязанность поспѣшить собраніемъ о нихъ справокъ и произвести строгое изслѣдованіе, послѣ чего донести Сенату, „какія именно духовныя особы и на какія достоинства имѣютъ привилегіи не подтвержденныя Высочайшею властью“ [1]).

Когда Сенатскій указъ 9 Ноября 1803 года былъ полученъ въ Коллегіи, то изъ дальнѣйшаго отношенія къ нему нѣкоторыхъ членовъ Коллегіи и прокурора достаточно обнаруживается, въ какое состояніе грозило притти управленіе римско-католическими дѣлами при сильномъ вліяніи въ немъ іезуитовъ и какъ опасно было для спокойствія страны не имѣть за нимъ строгаго правительственнаго надзора черезъ людей вполнѣ преданныхъ государственнымъ интересамъ Россіи.

Исполненіемъ Сенатскаго указа Коллегія не спѣшила. 12 Ноября она постановила, учиня справку, доложить указъ въ другое время. 23 Ноября было опредѣлено послать указъ ко всѣмъ уніатскимъ и католическимъ архіереямъ и въ Могилевскую консисторію, а 26 Ноября рѣшено впослѣдствіи доложить объ обстоятельствахъ, кои должны быть исполнены въ указѣ по вопросу о буллахъ на разныя духовныя степени, чтобы и присутствующіе, сообразуясь каждый съ своими свѣдѣніями, тѣмъ скорѣе могли бы исполнить этотъ пунктъ указа. Но исполненіе резолюціи Коллегіи 23 Ноября было

---

[1]) Указъ Сената 9 Ноября 1803 года 1-е Пол. Собр. Законовъ, т. XXVII.

задержано прокуроромъ и въ такомъ положеніи дѣло оставалось до 23 Декабря 1803 года, когда прокуроръ предложилъ, чтобы „по открывающимся якобы важнымъ препятствіямъ и неудобностямъ къ исполненію указа по силѣ II-й главы Генеральнаго Регламента учинить Сенату представленіе для вторичнаго разсмотрѣнія дѣла". Къ предложенію прокурора присоединились члены Коллегіи Бениславскій, Бышковскій и прелатъ Скирневскій, которые написали особыя мнѣнія, представленныя Сенату вмѣстѣ съ предложеніемъ прокурора. Но большинство членовъ Коллегіи не согласилось съ прокуроромъ и подали Сенату свои возраженія. Между прочимъ прокуроръ утверждалъ, что Сенатъ уничтожаетъ генеральные орденскіе капитулы и ихъ начальниковъ вопреки Высочайшему указу, объявленному нынѣшнему генералу Іезуитскаго ордена Груберу 13 Августа 1802 года въ письмѣ къ нему гр. Кочубея. По поводу дѣла Лещинскаго прокуроръ объяснялъ, что домъ былъ проданъ самимъ епископомъ Булгакомъ по довѣренности отъ бывшаго нунція Литты съ вѣдома гражданскаго начальства. Что же касается задержки исполненія резолюціи Коллегіи 23-го Ноября, то прокуроръ предупреждалъ, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ по соглашенію съ Коллегіей. Точно также и Бениславскій съ Бышковскимъ въ оправданіе своихъ дѣйствій старались неправильно истолковывать статьи Пунктовъ и Положенія, ссылались на указъ 13 Августа 1802 года и считали его изъясненіемъ прежнихъ узаконеній, убѣждали Сенатъ, что церковныя правила, установившія званія протоархимандрита и опредѣлившія его обязанности, столь важны, что съ уничтоженіемъ этого званія орденское правленіе и дисциплина должны разрушиться. Но кромѣ того іезуиты пытались обратить въ свою пользу и указъ 26 Февраля 1797 г. объ учрежденіи Римско-Католическаго Департамента и именно тотъ пунктъ его, гдѣ было сказано, что производство дѣлъ въ Департаментѣ

должно происходить „на основаніи принадлежащихъ тѣмъ народамъ законовъ“ [1]).

Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ прокурора и нѣкоторыхъ членовъ Коллегіи Сенатъ усмотрѣлъ намѣреніе удалить католическіе и уніатскіе монастыри отъ надзора епархіальныхъ архіереевъ и возобновить ихъ полное самоуправленіе вопреки законамъ и общей пользѣ. Поэтому по нѣкоторымъ обстоятельствамъ Сенатъ призналъ необходимымъ поднести докладъ Е. И. В., а Коллегіи между тѣмъ строжайше предписать, чтобы указъ Сената 9 Ноября 1803 г. былъ исполненъ во всей точности и чтобы монахи „поступали по орденскимъ правиламъ, *елико сообразны они съ общими о католическомъ духовенствѣ узаконеніями и съ гражданскими постановленіями* и чтобы съ должною по ихъ обѣтамъ кротостью и смиреніемъ они пребывали въ предписанномъ законами повиновеніи: монахи у монастырскихъ начальниковъ или провинціаловъ; а послѣдніе не уклонялись бы отъ предостереженій и увѣщаній епархіальныхъ архіереевъ, яко главныхъ епархіальнаго духовенства начальниковъ“ [2]). Вмѣстѣ съ этимъ Сенату былъ предложенъ Министромъ Юстиціи и вопросъ объ удаленіи отъ службы прокурора Коллегіи, котораго министръ съ своей стороны постановилъ предать уголовному суду.

Въ своемъ докладѣ государю Сенатъ опровергалъ мнѣнія прокурора и членовъ, рѣшившихся возражать на Сенатскій указъ 9 Ноября, и разъяснялъ настоящій смыслъ законовъ. Правда, разсуждалъ Сенатъ, іезуиты получили указъ, дозволяющій имъ послѣ смерти Каре избрать по правиламъ ихъ ордена новаго генерала, но вѣдь нигдѣ нѣтъ рѣчи, чтобы указъ этотъ распространялся на прочіе ордена и отмѣнялъ бы собой прежніе законы, воспрещающіе составленіе

---

[1]) См. выше гл. III стр. 224.

[2]) Указъ Сената 17 Февраля 1804 года, т. XXVIII № 21160.

генеральныхъ капитуловъ и избраніе генераловъ. Если бы это было допустимо закономъ, то не зачѣмъ было бы іезуитамъ испрашивать Высочайшее соизволеніе на избраніе новаго генерала. „Проходя, докладывалъ Сенатъ, всѣ о римскомъ духовенствѣ Высочайшія постановленія, съ самаго начала умноженія католиковъ въ предѣлахъ Россіи и до днесь послѣдовавшія, Сенатъ вездѣ встрѣчаетъ предписанія, утверждающія епархіальнаго архіерея въ управленіи ввѣренной ему епархіей, яко пастыря порученнаго ему стада и перваго въ епархіи начальника, и подчиняющія ему по общему духовному управленію и самые монашескіе ордена съ ихъ начальниками или провинціалами, но напротивъ воспрещающія и устраняющія всякія внутреннія оными узаконеніями не установленныя власти“.

Далѣе Сенатъ разъяснялъ, что и въ Пунктахъ и въ Положеніи 1801 года нѣтъ ничего подтверждающаго заключенія Бениславскаго и Бышковскаго. Въ п. 7, гдѣ идетъ рѣчь о монастырскихъ настоятеляхъ, ничего не сказано о генералахъ орденовъ, а этого не могло бы быть, если-бы дѣйствительно допускалось существованіе монашескихъ чиновъ выше провинціаловъ. Пунктомъ же 13-мъ по соображенію Сената, изъясняется, что монастырскіе настоятели и провинціалы, только въ разсужденіи исполненія монахами обѣтовъ и въ исправленіи не исполняющихъ оныхъ должны поступать по законамъ и постановленіямъ своего ордена. Точно также и въ Положеніи § 3, хотя и повелѣно руководствоваться законами и правилами церкви, но тутъ же и прибавлено: „наблюдая при этомъ неупустительно все, что въ разсужденіи ко внѣшней власти и внѣшняго церковнаго сообщества указами запрещено и повелѣно“ и охраняя по долгу присяги права самодержавной власти, государственныя узаконенія и Высочайшій интересъ. Равнымъ образомъ и § 8 Положенія Коллегіи предписывается производить и рѣшать дѣла по прави-

ламъ церковнымъ, но сохранять при этомъ общій порядокъ, установленный для Коллегій Генеральнымъ Регламентомъ и другими узаконеніями. Подобно этому неправильно толкованіе Бышковскимъ въ свою пользу и указа 1797 г. 26 Февраля. Подъ „законами народовъ“ должно понимать не болѣе, „какъ тѣ правила, которыя государями или правительствомъ установлены; институтъ же и правила монашескихъ католическихъ орденовъ, происходя или отъ внѣшней власти, или отъ частныхъ людей, орденское только общество составляющихъ, не могутъ почитаться законами народовъ, а потому и относиться къ сему Высочайшему указу не можно“. Кромѣ этого Сенатъ ссылался и на нѣкоторые прежніе законы, отвергающіе существованіе орденскихъ генераловъ и приводилъ примѣры изъ орденскихъ правилъ въ доказательство невозможности выполненія ихъ безъ нарушенія государственныхъ законовъ. Изъ разсмотрѣнія всего дѣла Сенатъ вообще заключилъ, что члены Коллегіи и прокуроръ, осмѣлившіеся дѣлать возраженія Сенатскому указу и не уважать принятыхъ Сенатомъ за основаніе узаконеній, и тѣмъ „подкрѣплять противозаконныя дѣянія Фальковскаго, подаютъ поводъ и другимъ неблагонамѣреннымъ римско-католическимъ монахамъ къ нарушенію порядка въ управленіи ихъ законами предписаннаго“. Кромѣ того, удержаніе прокуроромъ исполненія указа Сената и возраженіе на него, какъ непринадлежащее всей Коллегіи, есть „одноличная его прокурора противозаконная дерзость и пренебреженіе правъ Сената“. Что же касается членовъ Коллегіи возражавшихъ на указъ Сената, то Сенатъ призналъ, что Скирневскій позволилъ еще себѣ дерзкое отношеніе къ Коллегіи, Бышковскій старался затруднять Сенатъ и Коллегію требованіемъ разсмотрѣть ненужныя бумаги и подалъ въ Сенатъ прошеніе съ оскорбительными для Новаковскаго словами, а Бениславскій уличенъ въ перепискѣ съ Фальковскимъ которая и послужила ему соблазномъ. На

основаніи всѣхъ этихъ соображеній Сенатъ опредѣлилъ прокурора предать Уголовному Суду, а солидарныхъ съ нимъ членовъ Коллегіи въ примѣръ прочимъ навсегда удалить отъ присутствія въ Коллегіи, сдѣлавъ имъ прежде въ Коллегіи строжайшій выговоръ. Въ виду назначенія Бениславскаго и Бышковскаго къ занимаемымъ ими мѣстамъ по Высочайшему повелѣнію Сенатъ просилъ государя соизволить на ихъ удаленіе [1]). Это положеніе Сената 1 Марта 1804 года получило Высочайшее утвержденіе.

Разсмотрѣнное дѣло Фальковскаго можетъ представлять хорошую иллюстрацію послѣдствій направленія, принятаго русскимъ правительствомъ по управленію римско-католическими дѣлами со времени Павла I-го и допустившаго неопредѣленность началъ, которыми должно было руководиться это управленіе. Изъ дѣла Фальковскаго видно также, какъ много потерялъ Сестренцевичъ въ своемъ вліяніи на католическую церковную жизнь и какое противодѣйствіе могла оказывать ему противная партія. Привыкшій давать совѣты Екатеринѣ II и руководившій до своей ссылки Павломъ I, Сестренцевичъ, естественно, и теперь не могъ не обратить вниманія высшаго правительства на печальное положеніе управленія Латинской церковью. Въ 1805 году митрополитъ подалъ Министру Юстиціи кн. Лопухину записку, гдѣ разъяснялъ непригодность многихъ членовъ Коллегіи для занимаемыхъ ими мѣстъ. Преслѣдуя исключительно свои епархіальные интересы, члены эти оказывались несправедливыми судьями въ церковныхъ дѣлахъ вообще, не знали гражданскихъ законовъ, которыми часто слѣдовало руководствоваться, а нѣкоторые изъ нихъ даже не понимали по русски, хотя дѣлопроизводство въ Коллегіи совершалось на русскомъ языкѣ. Поэтому Сестренцевичъ находилъ нужнымъ, чтобы

---

1) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXVIII № 21193.

члены Коллегіи не были избираемы епархіями, а какъ прежде въ Департаментѣ, назначались бы Высочайшими указами и чтобы число ихъ было уменьшено на половину. Кромѣ того, записка указывала на неопредѣленность самихъ законовъ, по которымъ должно было управлять. Вслѣдствіе разнообразія и противорѣчія многихъ правилъ, Коллегія и епархіальные начальники, по словамъ Сестренцевича, „часто встрѣчаются съ затрудненіями, недоумѣніями и сомнѣніями". По соглашенію съ кн. Лопухинымъ, Сестренцевичъ составилъ проектъ преобразованій по управленію католической церковной жизнью, развивая начала, принятыя русскими законами со времени присоединенія Бѣлоруссіи и до изданія „Пунктовъ". Такимъ образомъ новый уставъ долженъ былъ опять подчинить епископамъ монашескіе ордена, уничтожить права ктиторства и признать духовныя имѣнія общимъ достояніемъ духовенства. Управленіе имѣніями было предположено изъять изъ вѣдомства приходскихъ и монастырскихъ экономовъ и передать особой коммиссіи изъ двухъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ лицъ по утвержденію правительства. Эта коммиссія должна была распредѣлять получаемые доходы между духовенствомъ равномѣрно, смотря по надобностямъ и заслугамъ, остающіяся же отъ этого суммы вносить въ банкъ для составленія вспомогательнаго капитала по управленію Латинской церкви. Что касается собственно правъ митрополита, то, по проекту, ему слѣдовало предоставить давать разрѣшеніе браковъ въ нѣкоторыхъ недозволенныхъ степеняхъ родства, освобождать отъ монашескихъ обѣтовъ и посвящать епископовъ безъ сношенія съ Римомъ, какъ это дозволено папами Уніатскому митрополиту съ самаго введенія уніи. Хотя проектъ свой Сестренцевичъ держалъ въ тайнѣ, но противники его іезуиты сумѣли достать съ проекта полную копію. Это было достигнуто черезъ подкупъ писаря, который былъ при секретарѣ митрополита. Одинъ изъ іезуитовъ, членъ

Коллегіи Шантырь, хорошо выполнилъ эту задачу, пользуясь недостаткомъ средствъ у писаря особенно чувствительнымъ для него въ то время вслѣдствіе приключившейся съ нимъ болѣзни. Познакомившись съ проектомъ Сестренцевича, іезуиты черезъ того же Шантыря признали необходимымъ составить на проектъ подробное возраженіе, проводя преимущественно столь обыкновенную у нихъ мысль, что проектъ долженъ нарушить все каноническое право Католической церкви. Особенно въ дурномъ свѣтѣ хотѣли они представить государю положеніе митрополита о посвященіи имъ епископовъ безъ сношенія съ Римомъ и вообще стремленіе его устроить управленіе съ большей независимостью отъ папскаго престола. Подобныя стремленія іезуиты называли ересью, ведущей къ отступничеству отъ вѣры и „основанію другой Латинской церкви въ Россіи или правильнѣе не церкви, а секты со всѣми ея послѣдствіями“. Самого Сестренцевича іезуиты обвиняли, кромѣ того, въ крайнемъ властолюбіи и даже покушеніи противъ правъ самодержавной власти и для изслѣдованія его поступковъ находили нужнымъ учредить особую коммиссію. Черезъ оберъ-прокурора св. Синода кн. Голицына [1]) записки іезуитовъ были доведены до свѣдѣнія государя раньше, чѣмъ былъ представленъ ему Лопухинымъ проектъ Сестренцевича. Когда же Лопухинъ хотѣлъ доложить государю о проектѣ Сестренцевича, то Александръ I-й замѣтилъ, что проектъ уже извѣстенъ ему и онъ не раздѣляетъ заключающихся въ ней предположеній [2]). Вотъ какъ далеко могло простираться іезуитское вліяніе и разрушать несогласныя съ

---

[1]) Примѣч. О кн. А. Н. Голицынѣ историки часто отзываются очень неодобрительно. По словамъ Морошкина, наприм., „этотъ человѣкъ былъ не свѣдущъ и въ предметахъ той вѣры, интересы которой былъ призванъ оберегать“ и вообще не соотвѣтствовалъ важному званію оберъ-прокурора св. Синода.

[2]) „Іезуиты въ Россіи“, Морошкина ч. 2 гл. IV и „Римскій католицизмъ въ Россіи“, т. II гл. IX.

его интересами начинанія, которыя, однако, могли бы принести немалую пользу государству, сводя къ minimum'у вмѣшательство заграничной духовной власти въ церковную жизнь его подданныхъ.

Въ первые годы царствованія Александра I-го правительство обратило вниманіе и на вопросъ объ образованіи католическаго духовенства. Правда, въ епархіяхъ существовали семинаріи, число которыхъ простиралось даже до 14-ти, но какъ разъясняютъ историки, семинаріи эти не имѣли никакого опредѣленнаго учебнаго плана. Кругъ предметовъ, способъ преподаванія и воспитанія вполнѣ былъ предоставленъ на усмотрѣніе самого мѣстнаго духовенства. Отъ этого преподаваніе и воспитаніе шло схоластически [1]) и стремилось привить ученикамъ духъ замкнутой касты, не допуская ихъ до соприкосновенія съ дѣйствительной жизнью и людьми иныхъ интересовъ. Уже извѣстный намъ просвѣщенный проектъ преобразованія семинарій Сестренцевича, помѣщенный въ его запискѣ De l'hierarhie d' l'Eglise Catholique en Russie, не получилъ утвержденія. Въ 1803 году Сенатъ, по словамъ гр. Толстого, предоставилъ самимъ епархіальнымъ начальникамъ подъ наблюденіемъ Коллегіи заводить семинаріи, не установивъ для этого никакихъ руководящихъ правилъ. Это распоряженіе Сената, повидимому, вполнѣ гармонировало съ общимъ направленіемъ управленія Латинской церковью сообразоваться съ каноническими правилами, по которымъ согласно Тридентскому собору мѣстныя семинаріи должны были находиться въ полной власти епископовъ [2]).

---

[1]) По словамъ, наприм., Іосифа Сѣмашко, въ семинаріяхъ употреблялись книги, сочиненныя еще въ среднихъ вѣкахъ и наполненныя „злоупотребленіями, предразсудками и сумазбродствами" тогдашняго времени. (Записки Іосифа Митрополита Литовскаго, изданныя Академіей наукъ, т. I ч. 1. Спб. 1883 г.).

[2]) „Римскій католицизмъ въ Россіи" гр. Толстого, т. II-й гл. XI. Сравн. Бобровскій „Подготовленіе реформъ въ Русской Греко-уніатской церкви (1803—1827 г.г.)" Спб. 1883 г. По словамъ Бобровскаго, въ началѣ XIX столѣтія въ

Неудобство такого положенія дѣлъ для пользы Латинской церкви не могло не быть замѣчено и самими католиками. Для этого нужно было лишь не быть столь зараженными духомъ касты, какими всюду обнаруживаетъ себя католическое духовенство, и быть способнымъ лучше раздѣлять интересы церкви отъ интересовъ собственно духовенства, какъ отдѣльнаго сословія, а интересы эти, какъ показываетъ опытъ жизни, далеко не всегда могутъ совпадать. Такими лицами, не принадлежащими къ духовному званію, и явились кн. Чарторижскій и Чацкій. Благодаря ихъ стараніямъ правительство рѣшило учредить новое учебное заведеніе для духовенства подъ названіемъ Главной семинаріи [1]). Сенатомъ по этому поводу былъ поднесенъ Е. И. В. докладъ. Послѣ этого доклада и подъ вліяніемъ той „истины, что просвѣщеніе и благонравіе служителей вѣры имѣютъ великое вліяніе на нравы и просвѣщеніе народа“, 18 Іюля 1803 г. послѣдовалъ именной указъ Сенату, которымъ мысли и старанія Чарторижскаго и Чацкаго получали осуществленіе. Главная семинарія учреждалась при Виленскомъ университетѣ и предназначалась для образованія духовенства, какъ шести католическихъ такъ и 3 уніатскихъ епархій. Сумму, потребную на содержаніе новаго учебнаго заведенія, было повелѣно собирать ежегодно съ доходовъ монастырей обоего пола, имѣющихъ недвижимость или капиталъ, за исключеніемъ, однако, монастырей іезуитовъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Петербургѣ былъ учрежденъ особый комитетъ изъ сенаторовъ для устройства епархіальныхъ семинарій, пришедшихъ въ совершенный упадокъ. Въ проектѣ сенаторовъ поступившихъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія на содержаніе семинарій въ 3-хъ уніатскихъ и 6-ти католическихъ епархіяхъ было исчислено до 148000 рублей.

[1]) Проф. И. Жуковичъ полагаетъ, что самая мысль объ учрежденіи Главной семинаріи всего скорѣе принадлежала ректору преобразованнаго тогда Виленскаго университета Стройновскому столь много потрудившемуся и для ея осуществленія („Объ основаніи и устройствѣ Главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ“, Христіанское чтеніе 1887 г. № 3—4-й).

Распредѣленіе этой суммы по доходамъ монастырей и начертаніе правилъ объ ея доставленіи возлагалось на Римско-Католическую Коллегію, которая должна была разсмотрѣть и сколько каждой епархіи, соразмѣрно числу приходскихъ церквей, нужно было присылать клириковъ для обученія въ Главной семинаріи. Для составленія устава семинаріи по отношенію къ ея внутреннему устройству и плану ученія указъ учреждалъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ ректора университета изъ 3 профессоровъ Богословскаго отдѣленія, 2 членовъ Виленскаго кафедральнаго капитула и одного прелата уніатовъ. Проектъ устава отъ ректора черезъ попечителя университета долженъ былъ перейти къ министру народнаго просвѣщенія для поднесенія Е. И. В. [1]).

6-го Сентября 1806 года проектъ устава получилъ Высочайшее утвержденіе. Управленіе семинаріей уставъ возлагалъ на особый совѣтъ. Предсѣдателемъ совѣта былъ ректоръ Виленскаго университета, а членами 3 профессора богословія университета, избираемые общимъ университетскимъ собраніемъ, 2 члена Виленскаго кафедральнаго капитула избираемые капитуломъ, и одинъ уніатскій прелатъ, избираемый университетомъ изъ кандидатовъ, представленныхъ по одному отъ каждаго уніатскаго епископа. Для наблюденія за внутреннимъ устройствомъ семинаріи и для непосредственнаго надзора за ней уставъ учреждалъ должность регента или правящаго, избираемаго черезъ 3 года совѣтомъ семинаріи и утверждаемаго Коллегіей. О главныхъ нуждахъ семинаріи, о важнѣйшихъ случаяхъ и т. п. ректоръ университета именемъ совѣта семинаріи доноситъ попечителю, а послѣдній черезъ министра народнаго просвѣщенія сносится съ Коллегіей и полученное отъ министра разрѣшеніе предписываетъ исполнить совѣту. Коллегіи, кромѣ того, предоставлялось еже-

---

[1]) Указъ Сенату. 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXVII № 20853.

годно дѣлать осмотръ Главной семинаріи съ цѣлью, „чтобы въ воспитаніи молодыхъ клириковъ не могло вкрадываться что-либо несогласное съ правилами вѣры и званіемъ духовнаго“. Главная семинарія предназначалась для дальнѣйшаго образованія лучшихъ клириковъ, окончившихъ курсъ наукъ въ училищѣ и епархіальной семинаріи. По опредѣленному плану ученія всѣ клирики главной семинаріи должны были слушать курсы наукъ въ университетѣ и заниматься предписанными упражненіями. Въ самой же семинаріи преподавались: наука церковныхъ обрядовъ обоихъ исповѣданій, совершеніе таинствъ, церковный уставъ и пѣніе. Совѣту Главной семинаріи разрѣшалось на основаніи устава составлять частныя правила для исполненія [1]). Права и преимущества окончившихъ главную семинарію въ практической жизни установлялись предписаніемъ указа 18 Іюля 1803 г., чтобы черезъ 10 лѣтъ послѣ основанія Главной семинаріи никто изъ римско-католическаго духовенства не могъ быть, епископомъ, прелатомъ, каноникомъ, ассесоромъ коллегіи, офиціаломъ, судьею, проповѣдникомъ при соборахъ и другихъ городскихъ приходахъ, не обучаясь въ Главной Виленской семинаріи, исключая однако получившихъ степень доктора правъ или богословія Виленскаго университета или представившихъ ему на эти степени дипломы заслуживающія уваженія. Точно также и во всѣхъ монашескихъ орденахъ, кромѣ ордена Бонифратровъ или братьевъ милосердія, черезъ 10 лѣтъ никто изъ монаховъ не окончившихъ ученія въ Виленскомъ университетѣ или по крайней мѣрѣ изъ не испытанныхъ въ немъ и снабженныхъ свидѣтельствомъ о его значеніи, ни въ какомъ монастырѣ не можетъ быть ни проповѣдникомъ, ни священникомъ въ приходѣ, ни преподавать

---

[1]) Высочайше утвержденный уставъ Главной семинаріи для римско-католическаго духовенства при Императорскомъ Виленскомъ университетѣ, т. XXIX № 22264. 1-е Полное Собраніе Законовъ.

богословское ученіе въ обществѣ своего ордена или въ общемъ училищѣ, а равно не можетъ быть избранъ въ начальники ордена или монастыря (ст. 9 и 10).

Что же касается епархіальныхъ семинарій, то онѣ оставлялись въ „нынѣшнемъ ихъ существованіи", и указъ 1803 г. лишь повелѣвалъ епископамъ со своими капитулами принять нужныя мѣры къ приведенію ихъ въ лучшее состояніе, прибавляя однако, что „способъ ученія и воспитанія въ епархіальныхъ семинаріяхъ долженъ сообразоваться съ планомъ Главной семинаріи" (ст. 7) [1].

Лица, хлопотавшіе объ учрежденіи Главной семинаріи, были убѣждены, что „просвѣщеніе не можетъ быть отдѣлено отъ религіи и что духовенство не должно отставать отъ мірянъ, напротивъ должно итти впередъ" [2]. Къ числу такихъ лицъ, какъ мы видѣли, принадлежалъ и Сестренцевичъ. Онъ сочувствовалъ, конечно, и учрежденію высшаго учебнаго заведенія для духовенства. Но не такъ отнеслось къ этому большинство католическаго духовенства. Главная семинарія была поставлена независимо отъ мѣстной католической духовной власти, и это было вполнѣ естественно, такъ какъ она являлась высшимъ учебнымъ заведеніемъ для всѣхъ католическихъ епархій и даже для уніатскихъ. Несмотря на это католики сейчасъ же по обыкновенію принялись жаловаться, что учрежденіе ея не каноническое и что она поставлена въ слишкомъ большую связь съ университетомъ. Недовольство католиковъ вызывала и самая постановка преподаванія въ Главной семинаріи, которое, какъ пишетъ Іосифъ Сѣмашко, шло далеко не въ духѣ крайняго папизма

---

[1]) Ibid., т. XXVIII № 20853.

[2]) Замѣчанія Чарторыйскаго на объясненіе совѣта Главной семинаріи. П. Бобровскій „Русская Греко-уніатская церковь въ царствованіе Александра I". Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ, Спб. 1890 г. гл. VI-я стр. 283.

и не нравилось его приверженцамъ [1]). Монашескіе ордена особенно были недовольны ею, потому что имъ приходилось давать средства на содержаніе семинаріи, не имѣя участія въ управленіи ею. Во время войны 1812 г. ученіе въ семинаріи было прекращено, а затѣмъ католики стали употреблять самыя разнообразныя мѣры, чтобы семинарія не была открыта. Подъ этимъ вліяніемъ 1-й Департаментъ Римско-Католической Коллегіи представилъ кн. Голицину докладъ объ упраздненіи Главной семинаріи, какъ не приносящей никакой пользы и только обременяющей собой монастыри. По вопросу же объ образованіи духовенства Коллегія находила достаточными семинаріи епархіальныя, изъ которыхъ Виленская, по мнѣнію Коллегіи, по изучаемымъ въ ней наукамъ не уступала даже университету. Этотъ докладъ Коллегіи однако не былъ подписанъ Сестренцевичемъ. По поводу его Голицинъ снесся съ кн. Чарторыйскимъ, попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Послѣдній осмотрѣлъ Главную семинарію и предложилъ правленію университета высказать свои соображенія о пользѣ этого учрежденія, а совѣту Главной семинаріи дать объясненіе на докладъ Коллегіи. „Прискорбно видѣть, писалъ между прочимъ Совѣтъ, что учрежденіе, обязанное бдѣть надъ духовнымъ саномъ и которое должно стараться, чтобы сей санъ занималъ подобающее ему мѣсто, само желаетъ унизить оный санъ въ прежнее забвеніе и пренебреженіе, изъ которыхъ мудрыми постановленіями монарха онъ воздвигнутъ. И самое благосостояніе епархіальныхъ семинарій зависитъ отъ успѣха Главной семинаріи“. Чарторыйскій отстаивалъ существованіе Главной семинаріи. Голицинъ согласился съ нимъ и предписалъ Коллегіи изыскать способы и средства устранить разныя неудобства, особенно причиняемыя медленнымъ и неполнымъ по-

---

[1]) Записки Іосифа Сѣмашко, т. I ч. 1-я.

ступленіемъ отъ монастырей суммъ, назначенныхъ на содержаніе семинаріи. Затѣмъ были приняты мѣры и къ улучшенію преподаванія наукъ въ семинаріи [1]),—словомъ существованіе въ Россіи высшаго учебнаго заведенія для образованія католическаго духовенства благодаря заботамъ правительственной власти теперь было обезпечено.

Такъ подъ вліяніемъ потребностей жизни и въ интересахъ самой же Латинской церкви все болѣе и болѣе распространялось участіе правительства въ разныхъ вопросахъ управленія римско-католическими дѣлами.

Вопросъ о положеніи управленія греко-уніатской церковной жизнью также былъ поднятъ въ самомъ началѣ царствованія Александра I-го. Поводъ къ этому дали, повидимому, сами уніаты, да это было и вполнѣ естественно. Мы видѣли, что въ предшествующее царствованіе интересы уніатовъ не только были оставлены въ полномъ пренебреженіи, но даже вопреки условіямъ учрежденія уніи управленіе уніатскими дѣлами было отдано въ полное распоряженіе католицизма. Стремленіе новаго государя произвести реформы почти во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія легко могло побуждать всѣхъ недовольныхъ прежнимъ положеніемъ дѣлъ хлопотать о разныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ. Однимъ изъ такихъ лицъ оказался, повидимому, и уніатскій митрополитъ Ростоцкій. Онъ представилъ государю записку съ объясненіемъ, что постановленіе уніатскихъ епископовъ въ силу папской буллы должно непосредственно зависѣть отъ уніатскихъ митрополитовъ, которымъ „предоставлены навсегда и другія духовныя порученія“ [2]). Къ митрополиту и въ его консисто-

---

[1]) „Русская Греко-уніатская церковь при Александрѣ I“. П. Бобровскаго, гл. VII сравн. проф. Жуковича. „Объ основаніи и устройствѣ Главной семинаріи“. Христ. Чтен. 1887 г. №№ 3—4-й.

[2]) Сравн. Письмо архіепископа Лисовскаго къ князю Голицыну въ Іюнѣ 1805 г. Приложеніе XXXI къ соч. „Римскій католицизмъ“ гр. Толстого.

рію должны были поступать по апелляціи дѣла изъ епархіальныхъ консисторій; подъ предсѣдательствомъ митрополита или назначаемаго имъ епископа монашескіе ордена должны были избирать своихъ начальниковъ. Но въ указѣ 28 Апрѣля 1798 года, писалъ Ростоцкій, о власти уніатскаго митрополита ничего не сказано, и потому о поставляемыхъ уніатскихъ епископахъ, какъ и о латинскихъ, должно относиться въ Римъ съ просьбой о буллѣ на все, что слѣдуетъ получить епископу по каноническимъ правиламъ. Поэтому въ интересахъ лучшаго порядка между уніатскимъ духовенствомъ Ростоцкій считалъ необходимымъ, чтобы уніатскій митрополитъ былъ возстановленъ въ своемъ санѣ съ свойственной ему духовной властью и чтобы вмѣстѣ съ этимъ его Ростоцкаго возвратить въ прежнюю его епархію. Затѣмъ Ростоцкій ходатайствовалъ о дарованіи уніатамъ права имѣть своихъ засѣдателей въ Коллегіи по избранію митрополита, предоставить уніатскому монашеству свободу самому избирать для себя высшихъ и нисшихъ начальниковъ и свободу во всемъ, что касается до внутренняго управленія по ихъ ордену, и наконецъ чтобы уніаты въ исповѣданіи своей вѣры были ограждены отъ всѣхъ притѣсненій. Записку Ростоцкаго было повелѣно обсудить Сенату одновременно съ результатами трудовъ комитета для составленія Положенія 1801 г. Разсматривая прежнія законы объ управленіи уніатскими дѣлами, Сенатъ нашелъ, что закономъ 6-го Сентября 1795 г. оставшіеся въ уніи монастыри подчинены Бѣлорусскому архіепископу Лисовскому, а объ особѣ Ростоцкаго сказано, чтобы онъ избралъ себѣ для жизни Римъ или Петербургъ, лишь бы не области перешедшія отъ Польши. По указу же 1798 г., Ростоцкому и прочимъ епископамъ предоставлено только свобода пребывать въ городахъ и монастыряхъ ихъ закона, и по вопросамъ о церковномъ управленіи, монахахъ, школахъ и проч. повелѣно исполнять предписанія объ епар-

хіяхъ римско-католическихъ. Наконецъ указомъ 29-го Декабря 1800 года уніаты лишились права имѣть своихъ членовъ въ Римско-Католическомъ Департаментѣ Юстицъ-Коллегіи. На основаніи всего этого Сенатъ заключилъ, что епархіямъ уніатскимъ надлежитъ быть управляемымъ по Положенію 13 Ноября 1801 года, „состоя подъ Духовной Коллегіей, въ которой членовъ изъ уніатовъ не полагается“ [1]). Мнѣніе Сената было утверждено государемъ, и такимъ образомъ управленіе греко-уніатскими дѣлами также было направлено по пути прошлаго царствованія.

Вдумываясь въ докладъ Сената, представленный Александру I-му, нельзя не замѣтить, что Сенатъ, повидимому, слишкомъ формально отнесся къ разсмотрѣнію прежнихъ распоряженій правительства объ уніатахъ. Вѣдь едва-ли можно сомнѣваться, что для полнаго пониманія закона необходимо соображеніе объ обстоятельствахъ, при которыхъ и по поводу которыхъ законъ былъ изданъ. Иначе дѣйствительный смыслъ закона легко можетъ быть затемненъ желаніемъ толковать его въ ту или другую сторону.

Такъ, повидимому, на этотъ разъ и случилось съ Сенатомъ. Не принимая въ соображеніе положеніе церковныхъ дѣлъ уніатовъ при изданіи закона 6 Сентября 1795 г. сравнительно съ положеніемъ ихъ въ 1801 году, Сенатъ какъ будто упустилъ изъ виду цѣль закона Екатерины II-й. Мы говорили, что Екатерина считала унію явленіемъ временнымъ и искусственно вызваннымъ притязаніями римскаго католицизма. При переходѣ къ Россіи областей съ уніатскимъ населеніемъ государыня старалась вернуть его къ Православной церкви. Подъ вліяніемъ подобныхъ соображеній законъ 6 Сентября 1795 года воспретилъ пребываніе въ бывшихъ Польскихъ владѣніяхъ уніатскому митрополиту и епископамъ, отъ ко-

---

1) Высочайше утвержденный докладъ Сената 13 Ноября 1801 г. 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXVI № 20053.

торыхъ правительство могло ожидать поддержки уніи; монастыри, которые особенно были доступны воздѣйствію католицизма и могли дурно вліять на народъ, были подчинены Бѣлорусскому епископу, пріобрѣвшему довѣріе государыни, при чемъ въ самомъ законѣ была оговорка, достаточно разъясняющая цѣль закона, именно что подчиненіе монастырей уніатскому епископу нисколько не должно стѣснять народъ въ переходѣ его къ православію.

Таковъ, повидимому, смыслъ закона Екатерины. Но теперь для сохраненія этого смысла вслѣдствіе измѣнившагося положенія дѣлъ нужно было бы при исполненіи закона поступить нѣсколько иначе. Въ царствованіе Павла I уніаты были отданы въ полное распоряженіе католицизма, и онъ старался, конечно, не только укрѣпить унію, но и еще болѣе окатоличить уніатовъ. Поэтому возстановить полную самостоятельность управленія уніатскими дѣлами и тѣмъ хотя на первое время предохранить уніатовъ отъ большаго окатоличенія, чтобы впослѣдствіи уже постепенно сближать ихъ съ православіемъ,—такія мѣры едва-ли стали бы въ противорѣчіе съ духомъ закона Екатерины, который по буквѣ какъ будто и не одобрялъ ихъ. Что всѣ эти соображенія кромѣ того были бы справедливы и согласны съ интересами государства и самихъ уніатовъ, вполнѣ подтвердила дальнѣйшее теченіе церковной жизни уніатовъ. Черезъ нѣкоторое время оно привело правительство ко всѣмъ мѣрамъ, которыя оно считало пока несогласными съ законами.

Послѣдствія пренебреженія интересами уніатовъ при утвержденіи закона 13 Ноября 1801 года, конечно, не замедлили сказаться. Представитель уніатскаго духовенства архіепископъ Лисовскій въ связи съ дѣломъ Новаковскаго отправилъ отъ себя въ Петербургъ уполномоченнаго архипресвитера Красовскаго, который съ 1803 по 1804 годъ жилъ въ Петербургѣ. Красовскому была испрошена аудіенція у го-

сударя. Отъ Красовскаго государь услышалъ объ угнетенномъ положеніи уніатовъ. Кромѣ того, въ Петербургъ начали поступать и другія подобныя же жалобы отъ уніатовъ, подтверждаемыя донесеніями и мѣстныхъ властей. Во всемъ этомъ указывалось, что католики стараются сѣять вражду между православными и уніатами и, наприм., упорно распространяютъ слухъ, будто правительство желаетъ силою уничтожать уніатское исповѣданіе и соединять его съ православіемъ [1]). Вмѣстѣ съ этимъ доносилось, что католики совращаютъ въ свою вѣру не мало уніатовъ и вообще всячески тѣснятъ ихъ. Нѣкоторые приходы въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ оказались отказавшимися отъ уніатскаго обряда и, вопреки законамъ и каноническимъ правиламъ [2]), причислены уже къ римско-католической епархіи со всѣмъ ихъ имуществомъ [3]). Вѣроятно, съ цѣлью нѣсколько оправдаться въ глазахъ правительства въ приносимыхъ на католиковъ жа-

---

[1]) Примѣч. Почему католики занимались распространеніемъ подобнаго слуха, можно находить объясненіе въ Запискахъ Іосифа Сѣмашко. По словамъ Сѣмашко, около 1806 г. у правительства возникла мысль вернуть въ православіе и остальныхъ уніатовъ, при чемъ онъ не знаетъ, возникла ли эта мысль въ умѣ Голицына или Лисовскаго, но извѣстно только, что Лисовскій рѣшился быть орудіемъ этого дѣла и приготовилъ себя къ нему путешествіемъ въ Іерусалимъ. Но крайне преклонный возрастъ Лисовскаго, посягательство его жадныхъ родственниковъ на церковное достояніе, уронившее авторитетъ митрополита, а наконецъ и самая смерть Лисовскаго сдѣлали эту попытку неудачной и она принесла не пользу, а вредъ. Намѣреніе правительства огласилось и до 50000 уніатовъ въ 1807—1808 годахъ цѣлыми приходами совратились въ латинство, нужны были неоднократныя распоряженія правительства, чтобы пріостановить движеніе. (Записки Іосифа, митрополита Литовскаго, изданныя Академіей наукъ, т. I Спб. 1883 г. ч. 2).

[2]) Примѣч. Постановленіями Урбана VII и Бенедикта XIV подъ строгими наказаніями воспрещено было, какъ уніатскимъ епископамъ позволять мірянамъ и духовнымъ переходъ изъ уніатскаго обряда въ латинство, такъ равно и католическимъ епископамъ и ихъ оффиціаламъ принимать мірянъ и духовныхъ лицъ уніатовъ даже при согласіи на то уніатскихъ епископовъ. (Сенатскій указъ 25 Сентября 1806 года, т. XXIX № 22287 стр. 748).

[3]) Указъ объявленный Министромъ Внутр. Дѣлъ Бѣлорусскому губернатору. Февраля 1804 г., т. XXVIII № 21400.

лобахъ, католики вздумали даже обвинять нѣкоторыхъ уніатовъ въ хулѣ католическаго исповѣданія и въ обращеніи снова въ унію принявшихъ латинство. По поводу этого Римско-Католическая Коллегія назначила слѣдствіе и требовала содѣйствія отъ губернскаго правленія.

Достаточно установленная на основаніи всѣхъ этихъ фактовъ ненормальность положенія уніатовъ, конечно, не могла не побудить правительство къ принятію соотвѣтствующихъ мѣръ. Прежде всего на имя Бѣлорусскаго военнаго губернатора и Сестренцевича послѣдовалъ рядъ указовъ, въ которыхъ правительство обнаруживало ясное желаніе охранять уніатовъ отъ дальнѣйшаго окатоличенія и отъ разныхъ притѣсненій со стороны католицизма Указы вообще предписывали соблюдать, чтобы католики не дѣлали никакихъ притязаній къ уніатамъ и особенно воздерживались бы отъ разглашенія слуховъ объ уничтоженіи уніатскаго исповѣданія и разныхъ другихъ „наущеній и соблазновъ, общему порядку противныхъ“ [1]). Та же самая терпимость, какъ справедливо было сказано въ одномъ изъ указовъ, которая заставляетъ правительство не прикасаться къ убѣжденію совѣсти въ дѣлахъ вѣры, должна бы была послужить правиломъ духовнымъ католическимъ властямъ въ поведеніи ихъ съ уніатами и воспретить имъ всякое совращеніе народа изъ уніи въ обрядъ римско-католическій. Если вѣра господствующая не дозволяетъ себѣ никакихъ понудительныхъ средствъ, то кольми паче вѣра терпимая не можетъ ихъ употреблять“ [2]). Что же касается требованія Коллегіи содѣйствія по дѣламъ уніатовъ со стороны Губернскаго правленія, то правительство предписано не толь-

---

[1]) Указъ Сестренцевичу 6 Іюля 1803 г., т. XXVII № 20838; Указы Сестренцевичу и Бѣлорусскому губернатору 5 Мая 1803 г., №№ 20749 и 20748; Сенатскій указъ 21 Іюля 1810 г., т. XXXI № 24305.

[2]) Указъ Бѣлорусскому губернатору Михельсону 4 Іюля 1803 г., т. XXVII № 20837.

ко не оказывать содѣйствія въ этихъ неправильныхъ притязаніяхъ, но и всѣми мѣрами защищать уніатовъ въ притѣсненіяхъ, судахъ и слѣдствіяхъ, какія могутъ употреблять противъ нихъ мѣстныя католическія консисторіи. Вообще теперь во взглядѣ правительства на уніатовъ и на управленіе ими замѣчается уже значительная перемѣна сравнительно съ отношеніями къ этому вопросу прошлаго царствованія. „Сближеніе уніи съ православнымъ греческимъ исповѣданіемъ, заявляло теперь правительство, даетъ ей право на покровительство“ [1]). Вскорѣ правительство произвело и рядъ перемѣнъ въ управленіи уніатскими дѣлами. Для улучшенія положенія уніатовъ, какъ общую мѣру, правительство рѣшило преобразовать Римско-Католическую Коллегію „на такихъ правилахъ, кои бы цѣлости обоихъ исповѣданій было сколь возможно болѣе сообразны“ [2]). Указомъ Сенату 12 Іюля 1804 года къ числу членовъ, положенныхъ въ Коллегіи по закону 1801 года, присоединялись члены изъ уніатовъ: одинъ епископъ и 3 засѣдателя, избираемые епископами изъ среды духовенства 3 уніатскихъ епархій. Для сохраненія равенства голосовъ относительно членовъ католическаго исповѣданія уніатскимъ было предоставлено по дѣламъ своего исповѣданія имѣть по два голоса каждому. При обнаруженіи какихъ либо неудобствъ въ такомъ устройствѣ управленія уніатскіе члены получили право прямо отъ себя сдѣлать представленіе Сенату, который по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла долженъ былъ поднести докладъ Е. И. В. Вмѣстѣ съ этимъ Коллегіи вмѣнялось въ обязанность точно наблюдать, чтобы мѣстныя консисторіи поступали по правиламъ свойственнымъ каждому исповѣданію и ни подъ какимъ

---

[1]) Указъ Бѣлорусскому губернатору Михельсону 4 Іюля 1803 г., т. XXVII № 20837.

[2]) Указъ Бѣлорусскому губернатору 15-го Іюля 1804 года, томъ XXVIII № 21400.

видомъ не дозволяли бы духовенству одного исповѣданія обнаруживать притязанія къ вѣдомству другаго, особенно же стѣснять свободу совѣсти и дѣйствовать на нее какими-либо способами, противными общему порядку и терпимости [1]).

Но подобныя распоряженія, которыя, по замѣчанію архіепископа Лисовскаго, хотя и доставили Греко-уніатской церкви новое существованіе и возвысили ее на степень соотвѣтствующую съ достоинствомъ ея обряда, но всетаки они составляли лишь полумѣру, требующую дальнѣйшихъ улучшеній. Подъ этимъ вліяніемъ Лисовскій представилъ въ іюнѣ 1805 года записку Синодальному оберъ-прокурору кн. Голицыну, котораго просилъ довести ее и до свѣдѣнія Е. И. В. Въ запискѣ указывалось вообще на затруднительное положеніе Греко-уніатской церкви, описывались разныя притѣсненія уніатовъ со стороны римско-католиковъ, при чемъ Лисовскій разъяснялъ, что уніаты по своимъ обрядамъ и церковнымъ учрежденіямъ не отличаются отъ грековъ, и слѣдовательно стремленія обращать уніатовъ въ католицизмъ и подчинять ихъ римско-католическому управленію незаконны. Допущеніемъ въ Коллегію уніатскихъ членовъ католики были, конечно, недовольны и всячески принялись вымещать это на уніатахъ. Представители уніатовъ въ Коллегіи начали встрѣчать разныя затрудненія въ отправленіи своихъ обязанностей на благо Греко-уніатской церкви. Партіи католической содѣйствовалъ, кромѣ того, и назначенный въ Коллегію уніатскій епископъ Булгакъ, принадлежавшій къ базиліанамъ. Все это, конечно, должно было вредно отзываться и на общемъ управленіи греко-уніатскими дѣлами, и Лисовскій ходатайствовалъ о совершенномъ отдѣленіи этого управленія отъ римско-католическаго [2]). Государь принялъ во зниманіе

---

[1]) Указъ Сенату 12 Іюля 1804 г., т. XXVIII № 21393.

[2]) Записка Лисовскаго кн. Голицыну на французскомъ языкѣ помѣщена въ Приложеніи XXXI къ соч. „Римскій католицизмъ“ гр. Толстого т. II.

записку Лисовскаго и, „обращая вниманіе на множество дѣлъ накопившихся въ Католической Духовной Коллегіи, какъ было сказано въ указѣ 16-го Іюля 1805 года, призналъ за лучшій и удобнѣйшій способъ къ скорѣйшему оныхъ окончанію раздѣлить Коллегію на два Департамента". Первому было ввѣрено управленіе римско-католическими дѣлами, и онъ долженъ былъ состоять изъ духовенства католическаго, второму же съ членами изъ уніатовъ были поручены дѣла греко-уніатскія. Но несмотря на такую значительную перемѣну въ отношеніяхъ правительства къ вопросу объ уніатахъ, оно все еще, какъ будто, не рѣшалось отступить окончательно отъ направленія прежняго царствованія—видѣть общность между дѣлами уніатскими и католическими. „Для сужденія же по дѣламъ, тому и другому исповѣданію купно принадлежащимъ", указъ предписывалъ составлять изъ сихъ двухъ департаментовъ общее собраніе.

Вмѣстѣ съ просьбой раздѣленій управленія уніатскаго и католическаго Лисовскій ходатайствовалъ и о возстановленіи въ Россіи сана уніатскаго митрополита. Это ходатайство было начато вскорѣ послѣ смерти бывшаго митрополита Ростоцкаго и основывалось на постановленіи Замойскаго собора, утвержденнаго папой Бенедиктомъ XIII, по которому въ случаѣ смерти уніатскаго митрополита мѣсто его долженъ заступить архіепископъ Полоцкій. Но католики старались помѣшать возстановленію уніатской митрополіи и кричали, что званіе уніатскаго митрополита навсегда уничтожено въ Россіи и потому притязанія Лисовскаго идутъ противъ государственныхъ законовъ. Однако правительство уважило ходатайство Лисовскаго [1]). Сначала Лисовскому было предоставлено предсѣдательствованіе во Второмъ Департаментѣ Коллегіи, а затѣмъ 24 Іюля 1806 года, какъ свидѣтельствуютъ данныя

---

[1]) Указъ Сенату, 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXVIII № 21836.

изъ Архива св. Синода, Лисовскій былъ назначенъ митрополитомъ греко-уніатскихъ церквей въ Россіи [1]).

Добившись болѣе обширной власти по управленію греко-уніатскими дѣлами, Лисовскій старался уничтожить все, что введено было впослѣдствіи католицизмомъ и что не согласовалось съ условіями утвержденія уніи папами. Для этого ему приходилось бороться съ базиліанами, которые пользуясь Положеніемъ 13 Ноября 1801 года не поддавались его власти. Лисовскій возбудилъ вопросъ поднятый еще въ 1795 году объ уничтоженіи лишнихъ базиліанскихъ монастырей и стремился присвоенныя базиліанскими монастырями имѣнія и капиталы обратить на вопіющія нужды своей церкви. Еще въ 1802 году въ одномъ изъ базиліанскихъ монастырей Полоцкой епархіи былъ найденъ важный документъ, по которому польскій король Михаилъ завѣщалъ нѣсколько имѣній на содержаніе Соборной церкви съ ея штатомъ и Полоцкой семинаріи. На основаніи этого митрополитъ Лисовскій просилъ обратить Полоцкій Софійскій монастырь, состоящій при Полоцкомъ кафедральномъ соборѣ, на учрежденіе епархіальной семинаріи.

Прошеніе митрополита было уважено. 2-му Департаменту Коллегіи было поручено представить соображенія о числѣ семинаристовъ, о порядкѣ надзора за семинаріей и т. п. Полоцкимъ же архіепископомъ было предоставлено право избирать въ ректоры достойное лицо или требовать таковое отъ орденскаго начальника [2]). Устройствомъ Полоцкой семинаріи Лисовскій положилъ начало болѣе правильному образованію духовенства, такъ какъ другія уніатскія семинаріи были въ плачевномъ положеніи. Кромѣ того Лисовскій очень возставалъ противъ права ктиторства, не существовавшаго и

---

[1]) П. О. Бобровскій „Греко-уніатская церковь въ царствованіе Александра I-го“, гл. II.

[2]) Указъ Сенату 16 Декабря 1806 г., т. XXIX № 22397.

не существующаго въ Восточной церкви, но введеннаго въ унію католицизмомъ. Право это причиняло Лисовскому большія затрудненія. Ктиторы, наприм., возбуждали противъ Лисовскаго даже процессы за нарушеніе имъ ктиторскаго права при опредѣленіи священниковъ въ приходы [1]). Но относительно этого вопроса и многихъ другихъ правительство не поступало достаточно опредѣленно, какъ бы не убѣдившись еще вполнѣ въ совершенной раздѣльности уніатовъ и католиковъ, и потому ограничивалось больше полумѣрами, стараясь только ограничивать злоупотребленія ктиторовъ. Въ указѣ Сенату 16 Декабря 1806 года, п. 6 было повелѣно представлять на приходскія мѣста только такихъ лицъ, которые снабжены будутъ отъ своего епархіальнаго архіерея „надлежащимъ консенсомъ". Безъ этихъ „консенсовъ" священники не могли получать и посвященіе. А епархіальные епископы съ своей стороны обязывались давать эти „консенсы" только лицамъ признаннымъ свидѣтельствомъ консисторіи способными и достойными [2]). Въ февралѣ 1809 года по ходатайству Лисовскаго была возстановлена Литовская митрополичья епархія, при чемъ къ ней было присоединено и 300 церквей изъ Бржестской епархіи, къ которой была причислена бывшая Супральская епархія въ области Бѣлостокской [3]). Для управленія Литовской епархіей подъ вѣдомствомъ митрополита была учреждена въ Вильнѣ консисторія и суффраганъ. Болѣе же подробныя распоряженія по преобразованію этихъ епархій и установленію въ нихъ надлежащаго порядка соотвѣтственно прочимъ епархіямъ были возложены на 2 й Департаментъ Римско-Католической Кол-

---

[1]) Гр. Толстой. „Римскій католицизмъ", т. II гл. XIV и Бобровскій „Греко-уніатская церковь", гл. II.

[2]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXIX № 22397.

[3]) Примѣч. Супральская греко-уніатская епархія вошла въ составъ Россіи съ присоединеніемъ въ 1807 году Бѣлостокской области. Въ ней было до 70-ти уніатскихъ церквей и 3 монастыря.

легіи [1]). Такимъ образомъ теперь управленіе Греко-уніатской церковью въ Россіи было раздѣлено между 4-мя епархіями: Виленской митрополичьей, Полоцкой архіепископской и двумя епископствами Бржестскимъ и Луцкимъ.

Съ учрежденіемъ въ 1810 году Главнаго Управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій, по Манифесту 25-го Іюля 1810 года, къ кругу его вѣдомства были отнесены „всѣ предметы, относящіеся къ духовенству разныхъ иностранныхъ религій и исповѣданій, исключая судныхъ ихъ дѣлъ, которыя по прежнему должны поступать въ Сенатъ“ [2]). Въ августѣ того же года состоялось, какъ извѣстно, Высочайшее утвержденіе о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ по министерствамъ. На основаніи его относительно управленія римско-католическими и уніатскими дѣлами на Главное Управленіе были возложены: 1) представленія объ опредѣленіи епископовъ и другихъ духовныхъ чиновъ католическаго и уніатскаго исповѣданія, зависящихъ отъ Высочайшаго утвержденія, 2) назначеніе бенефицій, 3) дѣла объ утвержденіи начальниковъ монашескихъ орденовъ и начальника Главной семинаріи по указу 18 Іюля 1803 года, 4) дѣла о жалобахъ на епархіальныхъ архіереевъ, 5) отправленіе ревизоровъ, 6) главный надзоръ за духовными семинаріями въ охраненіи ихъ правилъ и 7) охраненіе духовныхъ имѣній и капиталовъ по регламентамъ [3]).

Послѣдовавшія затѣмъ распоряженія по католическимъ и уніатскимъ дѣламъ ближе разъясняютъ отношеніе къ нимъ новаго центральнаго учрежденія. Въ Октябрѣ 1810 г. Главному Управленію былъ порученъ надзоръ за Базиліанскими духовными училищами (ст. 2), оно же вѣдало вопросы объ

---

[1]) Указъ Сенату 14 Февраля 1809 года, т. XXX № 23482.

[2]) Манифестъ о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ на особыя управленія, т. XXXI № 24307.

[3]) 1-е Полн. Собран. Законовъ, т. XXXI № 24326.

упраздненіи уніатскихъ монастырей (ст. 6), на усмотрѣніе Главноуправляющаго было оставлено, отвести-ли помѣщеніе для суффрагана въ Виленскомъ Базиліанскомъ монастырѣ (ст. 7). Высочайшія повѣленія по дѣламъ иностранныхъ исповѣданій объявлялись теперь обыкновенно уже черезъ Главноуправляющаго [1]). Такъ въ ноябрѣ 1811 года Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ Главноуправляющему Высочайшее повелѣніе, чтобы Ямбургскій патеръ Венсъ, имѣющій пристрастіе къ карточной игрѣ, замѣненъ былъ другимъ „приличныхъ священнику качествъ", чтобы Духовная Коллегія распорядилась о надзорѣ за Венсомъ и чтобы особенно въ колоніи опредѣлялись лучшіе священники. О таковой монаршей волѣ Главноуправляющій предложилъ Коллегіи для надлежащаго исполненія [2]). Дѣла о разсмотрѣніи папскихъ буллъ и о допущеніи обнародованія ихъ въ Россіи, естественно, должны были производиться теперь въ Главномъ Управленіи. Въ январѣ 1817 года Главное Управленіе разсматривало, наприм., присланныя изъ Рима буллы о посвященіи католическихъ епископовъ. Послѣ того какъ оно не нашло въ нихъ ничего противнаго государственнымъ узаконеніямъ, указомъ Сенату было повелѣно сдѣлать распоряженіе о приведеніи ихъ въ надлежащее дѣйствіе [3]).

Учрежденіе Главнаго Управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій, казалось, должно было бы сдѣлать это управленіе достаточно твердымъ и согласнымъ съ государственными интересами. Но Главное Управленіе однако далеко не оправдывало возлагавшихся на него надеждъ. Причину этого прежде всего слѣдуетъ искать въ томъ, что поставленный

---

[1]) Указъ Сенату 2 Октября 1810 г., Полное Собраніе Законовъ, т. XXXI №№ 24366 и 24880; т. XXXIV № 26676, т. XXXIII №№ 25903 и 26043.

[2]) Указъ I-му Департаменту Коллегіи 17 Ноября 1811 года, объявленный главноуправляющимъ, т. XXXI № 24880.

[3]) Указъ Сенату 12 Января 1817 года, т. XXXIV № 26611.

во главѣ его кн. Голицынъ, какъ разъясняютъ историки, совершенно не удовлетворялъ своему назначенію [1]). „Главное Управленіе, по замѣчанію гр. Толстого, не имѣло даже первоначальныхъ понятій о католическихъ учрежденіяхъ и при разрѣшеніи частныхъ случаевъ требовало свѣдѣній изъ Коллегіи, не руководствовалось никакой общей мыслью или системой,—плодомъ изученія и опытности,—и потому сдѣлалось не высшимъ правительствомъ по этой части, какъ предполагалось при его основаніи, а агентомъ духовенства, защищавшаго его привиллегіи, утверждало обыкновенно то, что ему представляли, ходатайствовало о чемъ его просили, не принимая на себя никакой иниціативы, не исправляя недостатковъ, не устрояя своего вѣдомства“ [2]).

При такихъ условіяхъ Главное Управленіе должно было, конечно, играть въ руку іезуитамъ и приверженцамъ крайняго папизма и препятствовать полезной дѣятельности Сестренцевича. Дѣйствительно, митрополитъ, какъ показываетъ, наприм., Сенатскій указъ 20 Іюля 1816 года, встрѣчалъ затрудненія и даже оскорбленія со стороны нѣкоторыхъ членовъ и чиновниковъ коллегіи.

Въ 1816 году Главноуправляющій представилъ въ Государственный Совѣтъ дѣло объ оспариваніи 1-мъ Департаментомъ Коллегіи властей, данныхъ Сестренцевичу отъ Римскаго Двора и Высочайше утвержденныхъ. Однимъ изъ пред-

---

[1]) Примѣч. Главный руководитель іезуитовъ и тайный агентъ папы въ Россіи, повѣренный Сардинскаго короля при Русскомъ Дворѣ гр. Іосифъ де Местръ, въ одномъ изъ своихъ писемъ замѣчалъ о кн. Голицынѣ, что онъ „во всемъ томъ, что надлежало бы ему знать, чтобы насъ судить и управлять нами, смыслитъ столько же, сколько десятилѣтній ребенокъ“. (Ю. Самаринъ. Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, письмо IV). Сравн. гр. Толстой, Римскій католицизмъ, т. II гл. IX; П. Бобровскій „Греко-уніатская церковь въ царствованіе Александра I-го“ гл. II. Вообще историки неодобрительно отзываются о князѣ Голицынѣ, наприм., отзывъ о немъ Морошкина въ его сочиненіи „Іезуиты въ Россіи“, ч. 2 гл. IV. См. выше стр. 302.

[2]) Римскій Католицизмъ, т. II гл. IX стр. 167.

метовъ представленія Главноуправляющаго былъ вопросъ „о составѣ Римско-Католической Коллегіи и о предположеніи учредить вмѣсто нея митрополитанское правленіе“. При разсмотрѣніи этого вопроса въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 14 членовъ высказали мнѣніе о приведеніи Коллегіи въ то положеніе, которое ей предназначено въ 1801 г., 5 членовъ признали нужнымъ учредить митрополитанское правленіе, одинъ членъ полагалъ сдѣлать по этому предмету надлежащія перемѣны въ проектѣ образованія Главнаго Управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Кромѣ того, Главноуправляющій просилъ возвратить внесенный имъ въ Государственный Совѣтъ проектъ образованія Главнаго управленія для измѣненій и дополненій, какія онъ по опытамъ, „временемъ нынѣ пріобрѣтеннымъ“, найдетъ нужнымъ. Всѣ члены Государственнаго Совѣта согласились на это и одобрили также предложеніе учредить для этого особый комитетъ и опредѣлять въ него членовъ по Высочайшему назначенію. На подлинномъ мнѣніи 28 Іюня 1816 года Государь написалъ: „Быть по мнѣнію большинства голосовъ“ [1]). Такимъ образомъ за Римско-Католической Коллегіей было сохранено прежнее значеніе.

Въ томъ же году Коллегія встрѣтила сомнѣніе относительно выбора членовъ, отмѣняется-ли распоряженіемъ 17 Августа 1810 года о предметахъ, отдѣляемыхъ въ составъ Главнаго Управленія, право Коллегіи выбирать членовъ на основаніи Положенія 1801 г. (ст. 2). Сенатъ разъяснилъ, что хотя въ 1810 г. въ ст. 1-ю и включены представленія объ опредѣленіи епископовъ и другихъ духовныхъ чиновъ, отъ Высочайшаго утвержденія зависящихъ, но въ виду указа, по мнѣнію Государственнаго Совѣта состоявшагося 28 Іюня 1816 г.,

---

[1]) Сенатскій указъ 20 Іюля 1816 г. по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, т. XXXIII № 26364.

Коллегія въ выборѣ членовъ должна поступать на основаніи Положенія 1801 года ст. 2 [1]). Статьей этой на мѣста членовъ Коллегіи одного епископа и одного прелата инфулата Коллегіи предоставлялось избирать по два кандидата, а затѣмъ представлять о нихъ въ Сенатъ для поднесенія доклада на утвержденіе Е. И. В. Но этимъ указомъ Сенатъ все еще недостаточно разъяснилъ вопросъ о порядкѣ назначенія членовъ въ Коллегію. Мы видѣли, что всѣ дѣла, относящіяся до иностранныхъ исповѣданій, исключая судныхъ, были переданы въ вѣдомство Главнаго Управленія. Между тѣмъ по ст. 2-й Положенія 1801 года, подтвержденной въ 1816 году, въ вопросѣ объ утвержденіи членовъ Коллегіи имѣлось въ виду участіе Сената. На этой почвѣ вопросъ о порядкѣ опредѣленія членовъ въ Коллегію и былъ поднятъ снова въ 1817 г. Коллегія, по Положенію 1801 г., представила объ утвержденіи членовъ Сенату, но при разсмотрѣніи дѣла въ 3-мъ Департаментѣ Сената мнѣнія сенаторовъ оказались несогласны. Тоже самое послѣдовало и въ Общемъ Собраніи Сената. Тогда дѣло перешло въ Комитетъ министровъ, который призналъ, что представленія объ опредѣленіи епископовъ и другихъ духовныхъ чиновъ, зависящихъ отъ Высочайшаго утвержденія, входятъ въ обязанность именно Главнаго Управленія. Въ виду же того, что члены Коллегіи избираются изъ духовныхъ лицъ, и представленіе о нихъ должно происходить черезъ Главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій, Комитетъ министровъ полагалъ поручить министру юстиціи возвратить Коллегіи поступившее отъ нея въ Сенатъ представленіе. Положеніе Комитета было утверждено государемъ [2]). Въ маѣ того же года, основываясь на этомъ законѣ, Сенатъ отправилъ Коллегіи и Глав-

---

[1]) Сенатскій указъ 21 Августа 1816 года, т. XXXIII № 26408.

[2]) Сенатскій указъ 9 Января 1817 года съ изъясненіемъ Высочайше утвержденнаго положенія Комитета министровъ, т. XXXIV № 26606.

ноуправляющему указы, въ которыхъ говорилъ, что Коллегія „съ представленіями своими обо всѣхъ обстоятельствахъ касательно выбора кандидатовъ въ члены для присутствія въ оной должна относиться не въ Сенатъ, а къ Главноуправляющему и ожидать по онымъ надлежащаго разрѣшенія“ [1]).

Что управленіе римско-католическими дѣлами подъ надзоромъ новаго высшаго учрежденія шло не совсѣмъ правильно, показываетъ отчасти, наприм., дѣло о присылкѣ актовъ генеральныхъ визитъ. Еще по Регламенту 1798 года п. 16, какъ мы видѣли, визитаторы обязаны были составлять самую подробную опись генеральной визиты, при чемъ одинъ экземпляръ ея долженъ былъ оставаться въ монастырскомъ архивѣ, а другой идти къ епархіальному архіерею, который по повѣркѣ представлялъ его въ Римско-Католическій Департаментъ Юстицъ-Коллегіи. Положеніе 1801 года § 5-мъ, по разъясненію Сената, подтверждало это правило. Съ учрежденіемъ Главнаго Управленія, на основаніи п. 6 и 7, Высочайше утвержденнаго означенія предметовъ его вѣдомства описи генеральныхъ визитъ, естественно, должны были доходить и до Главнаго Управленія. Главное Управленіе и потребовало этого отъ Коллегіи, которая въ 1815 г., какъ доносила она въ своемъ рапортѣ Сенату, предписала объ этомъ провинціаламъ. Но дѣло тянулось и, повидимому, шло не тѣмъ путемъ, какъ слѣдовало. Тогда Главноуправляющій обратился въ Сенатъ съ просьбой подтвердить обоимъ департаментамъ Коллегіи о неупустительномъ требованіи черезъ епархіальныхъ архіереевъ присылки актовъ генеральныхъ визитъ и кромѣ того донесеній отъ архіереевъ о положеніи монастырей при всякомъ частномъ посѣщеніи ихъ самимъ архіереемъ или черезъ уполномоченнаго и провинціаломъ или консульторомъ и при каждой перемѣнѣ настоятелей. Коллегія

---

[1]) Указъ Сената 30 Мая 1817 года, № 26898.

же должна была по разсмотрѣніи описи визитъ одинъ экземпляръ ежегодно доставлять въ Главное Управленіе, сообщая ему и о всѣхъ происшествіяхъ достойныхъ вниманія и о своихъ предположеніяхъ относительно предметовъ порученныхъ вѣдѣнію Главнаго Управленія. Сенатъ сдѣлалъ предписаніе Коллегіи согласно представленію Главноуправляющаго и потребовалъ отъ нея отвѣтъ по этому дѣлу. Коллегія оправдывалась тѣмъ, что съ самаго учрежденія Коллегіи въ ней имѣлись отъ епархіальныхъ архіереевъ вѣдомости, заключающія въ себѣ такую же опись, какая предписана въ Регламентѣ. Но Сенатъ нашелъ это оправданіе не заслуживающимъ вниманія и вновь подтвердилъ, чтобы Коллегія поступала точно по Регламенту[1]).

Неправильное и далеко не вполнѣ согласное съ государственными интересами теченіе управленія римско-католическими дѣлами обнаруживалось и съ другихъ сторонъ: многіе изъ иностранныхъ духовныхъ лицъ, не знающіе ни русскаго ни польскаго языка и совершенно незнакомые съ государственными узаконеніями, добивались приходскихъ мѣстъ, а затѣмъ путемъ разныхъ домогательствъ получали званіе каноническовъ, избирались для присутствованія въ консисторіяхъ и оказывались даже въ числѣ засѣдателей Коллегіи. Сестренцевичъ хорошо видѣлъ весь вредъ отъ такого положенія дѣлъ и обращалъ на это вниманіе Главноуправляющаго, разъясняя, что это нарушаетъ прежніе указы о лицахъ избираемыхъ въ консисторіи и Коллегію. Митрополитъ просилъ кн. Голицына положить этому конецъ. По Всеподданнѣйшемъ докладѣ объ этомъ Главноуправляющій 20 Іюля 1815 года объявилъ Сенату Высочайшій указъ, чтобы впредь въ Коллегію были избираемы лица, знающіе русскій и польскій язы-

---

[1]) Сенатскіе указы 5 Февраля и 5 Октября 1817 г., т. XXXIV №№ 26660 и 27078-й.

ки и достаточно знакомые съ государственными узаконеніями [1]).

Такимъ положеніемъ дѣлъ, конечно, не могли не пользоваться въ своихъ интересахъ все еще сильные тогда по своему вліянію іезуиты, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ главнаго начальника новаго высшаго учрежденія по управленію дѣлами иностранныхъ исповѣданій они увидѣли покровителя своего ордена. По Акту Утвержденія Виленскаго университета въ 1803 году всѣ общественныя и частныя училища и пансіоны, существующія или впредь открываемыя въ Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ округа, подчинялись вѣдѣнію Университета [2]). Въ этомъ числѣ были, конечно, и училища іезуитскаго ордена, который, кромѣ того, долженъ былъ отпускать на содержаніе университета и часть своихъ средствъ. Поэтому, естественно, что іезуиты всячески пытались поколебать въ глазахъ правительства положеніе Виленскаго университета, къ которому благодаря Чарторижскому государь благоволилъ. Но не найдя другихъ средствъ избавиться отъ зависимости университета, іезуиты рѣшили хлопотать объ учрежденіи въ Россіи своего высшаго учебнаго заведенія на правахъ университета, которому были бы подчинены другія школы ихъ ордена. Ревностнымъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ іезуитовъ явился Сардинскій министръ графъ де-Местръ, который въ пяти письмахъ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому старался убѣдить русское правительство въ пользѣ іезуитскаго воспитанія сравнительно съ другими школами и въ необходимости возвести Полоцкій коллегіумъ на степень академіи съ правами, одинаковыми съ Виленскимъ университетомъ. Между прочимъ, гр. де-Местръ проводилъ ту мысль, что соревнованія между двумя систе-

---

[1]) Указъ Сенату, т. XXXIII № 25903.

[2]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXVII № 20701 ст. X.

мами воспитанія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ были бы полезны для государства, и притомъ опытъ этотъ ничего не стоилъ бы казнѣ [1]). Старанія іезуитовъ достигли цѣли. 12-го Января 1812 года послѣдовалъ указъ Сенату, которымъ „въ уваженіе представленнаго Намъ желанія Бѣлорусскаго дворянства и пользы для наукъ отъ соревнованія между нѣсколькими училищами равной степени“ Полоцкій іезуитскій коллегіумъ возводился на степень академіи съ присвоеніемъ ей преимуществъ, дарованныхъ университету. Академіи подчинялись всѣ учрежденныя и вновь учреждаемыя іезуитскія училища. По учебной части, какъ сама академія, такъ и подчиненныя ей училища, отдавались въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, а по другимъ частямъ всѣмъ этимъ учрежденіямъ предоставлялось по правиламъ ордена зависѣть „отъ духовной ихъ исповѣданія власти“. „Составленіе проекта устава академіи было поручено генералу іезуитскаго ордена, къ которому затѣмъ должно было перейти и ближайшее управленіе заведеніемъ. По начертаніи проекта его слѣдовало представить министерству народнаго просвѣщенія для поднесенія на усмотрѣніе Е. И. В. [2]). 1 Марта того же года въ ознаменованіе особаго благоволенія къ Полоцкому коллегіуму, „толикую пользу принесшему воспитаніемъ юношества“, академіи была дана Высочайшая грамота, въ которой говорилось, что академія „пребудетъ подъ непосредственнымъ Нашимъ покровительствомъ“, а затѣмъ въ грамотѣ нѣсколько подробнѣе разъяснялись права и планъ устройства новаго учебнаго заведенія [3]). Но этотъ значительный успѣхъ іезуитовъ въ Россіи былъ послѣднимъ, и Полоцкой академіи суждено было существовать недолго. Плоды іезуитской дѣятельности мало по малу стали обнаруживаться

---

[1]) Морошкинъ „Іезуиты въ Россіи“, ч. 2 гл. VIII.
[2]) 1-е Полное Собраніе Законовъ, т. XXXII № 24952.
[3]) Ibid., № 25019.

ужъ слишкомъ ясно и заставили правительство тщательнѣе, такъ сказать, пересмотрѣть вопросъ объ іезуитахъ. Мы уже замѣчали, что Александръ I-й не находился подъ такимъ вліяніемъ іезуитовъ, какъ Павелъ I. Поэтому стоило окружавшимъ его и пользующимся его довѣріемъ лицамъ получше вникнуть въ результаты благосклоннаго отношенія русскаго правительства къ іезуитамъ и безпристрастно изложить государю настоящее положеніе дѣла, и вопросъ объ іезуитскомъ орденѣ въ Россіи легко могъ получить другое направленіе. Такъ, повидимому, и случилось. Только какъ-будто теперь правительство обратило, наприм., вниманіе, что существовавшее при Петербургской католической церкви училище іезуиты превратили въ цѣлую коллегію, въ которую принимали юношество не только другихъ иностранныхъ исповѣданій, но и греко-россійскаго, при чемъ не ограничиваясь обученіемъ и воспитаніемъ, стали совращать его въ католицизмъ. Кромѣ того, свою миссіонерскую дѣятельность іезуиты распространили на нѣкоторые русскіе дома и многихъ, особенно женщинъ, сдѣлали послѣдователями католицизма,— словомъ, правительство увидѣло наконецъ, что іезуиты „возмнили потрясти господствующую въ царствѣ Нашемъ *православную греческую вѣру, на коей, какъ на твердомъ и непоколебимомъ камени почиваетъ тишина и благоденствіе* тмочисленнаго подъ скиптромъ Нашимъ народа“.

„Почитая священнымъ и благоразумнымъ правиломъ, сказано было по этому поводу въ указѣ Сенату, искоренять зло въ самомъ началѣ, чтобы не допустить его созрѣть и принести горькіе плоды“, было повелѣно немедленно выслать всѣхъ іезуитовъ изъ Петербурга съ воспрещеніемъ имъ въѣзда въ обѣ столицы, а Петербургскую католическую церковь привести въ положеніе, въ какомъ была она при Екатеринѣ II-й и до 1800 года [1]).

---

[1]) Указъ Сенату 20 Декабря 1815 года, т. XXXIII № 26036.

Одновременно съ этимъ послѣдовалъ указъ на имя Сестренцевича объ опредѣленіи въ Петербургскую церковь монаховъ изъ другихъ орденовъ кромѣ іезуитскаго [1]), а пока онъ могъ назначить къ ней находящихся въ Петербургѣ католическихъ священниковъ, чтобы служба въ церкви не прекращалась. Назначенные митрополитомъ священники и старосты должны были принять въ свое вѣдѣніе управленіе церковью. Духовнымъ заступающимъ мѣсто іезуитовъ, митрополитъ долженъ былъ строго подтвердить, чтобы они ни явно ни тайно не совращали никого изъ принадлежащихъ не только къ господствующей вѣрѣ, но и къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ [2]). Кромѣ того указомъ на имя министра народнаго просвѣщенія было повелѣно закрыть въ Петербургѣ іезуитское училище [3]), а указомъ на имя Управляющаго министерствомъ полиціи принять „въ его смотрѣніе" состоящій подъ управленіемъ іезуитовъ домъ и училище [4]). При удаленіи іезуитовъ изъ Петербурга положено было, какъ свидѣтельствуетъ всеподданнѣйшій докладъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, выслать ихъ и изъ предѣловъ Россіи, но государь остановилъ пока эту мѣру, чтобы найти прежде священниковъ, знающихъ иностранные языки, для замѣщенія ими іезуитовъ въ колоніяхъ и другихъ мѣстахъ.

Но удаленіемъ іезуитовъ изъ Петербурга и Москвы нельзя было ограничиться. Они продолжали дѣйствовать попрежнему въ другихъ мѣстахъ имперіи, о чемъ и поступали донесенія отъ мѣстныхъ властей. Наприм., въ Могилевской коллегіи они начали обращать въ католицизмъ обучавшееся у нихъ греко-россійское юношество. Чтобы прекратить эти совращенія послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ

---

[1]) 1-е Полное Собраніе Законовъ, т. XXXIII № 26033.
[2]) Указъ 23 Декабря 1815 года, ibid. № 26043.
[3]) Указъ 20 Декабря 1815 года, № 26034.
[4]) Указъ 20 Декабря 1815 года, № 26035.

обученіи въ Полоцкой академіи и подвѣдомственныхъ ей училищахъ однихъ только католиковъ. Тогда іезуиты принялись совращать православныхъ военно-служащихъ въ Витебскѣ. Пропаганда католицизма іезуитами была открыта также въ Саратовской губерніи и въ Сибири, гдѣ подъ предлогомъ исправленія требъ они посѣщали такія мѣста, въ которыхъ не было ни одного католика. Старанія привлекать въ свое исповѣданіе іезуиты распространяли и на уніатовъ, несмотря на запрещеніе папъ и русскихъ законовъ, которымъ они противопоставляли папскую буллу, разрѣшающую уніатамъ въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ихъ священника, принимать причастіе отъ римско-католическихъ. Но іезуиты, конечно, привлекали уніатовъ и тамъ, гдѣ были уніатскіе священники. Они не оставляли затѣмъ въ покоѣ и колонистовъ протестантскаго исповѣданія и посѣвали въ ихъ семействахъ безпорядки и несогласія. Не слѣдуетъ при этомъ думать, чтобы іезуиты въ своей миссіонерской дѣятельности пользовались средствами духовными, они не прочь были пускать въ ходъ и разнаго рода другіе способы, не останавливаясь даже и предъ насиліемъ [1]). Кромѣ того іезуиты, обладая большими средствами, слишкомъ притѣсняли подвластныхъ имъ въ Бѣлоруссіи крестьянъ, безъ всякаго отчета пользовались доходами Католической церкви въ Петербургѣ и даже обременили ее долгами и т. п. Принимая все это въ соображеніе, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія представилъ на благоусмотрѣніе государя цѣлый докладъ объ іезуитахъ. Въ немъ въ краткихъ чертахъ была указана исторія іезуитовъ въ Россіи, при чемъ въ виду терпимости Россіи

---

[1]) Примѣч. Іезуиты, наприм., захватили къ себѣ силою двухъ малолѣтнихъ еврейскихъ дѣтей и никакъ не хотѣли возвратить ихъ родителямъ. Чтобы отнять у нихъ дѣтей, какъ сказано въ указѣ 1801 года, потребна была вся сила губернскаго начальства. (Указъ 21 Августа 1801 года Римско-Католическому Департаменту Юстицъ-Коллегіи, т. XXVI № 19987).

къ обществу, „отверженному и папой, его верховнымъ начальникомъ [1]) и всѣми европейскими державами“, русское государство, замѣчаетъ кн. Голицынъ, могло по справедливости ожидать, что іезуиты будутъ вѣрными его монарху и не будутъ нарушать его законовъ. Но на дѣлѣ вышло иное. Чуждые благодарности іезуиты упорно противополагали законамъ собственныя правила и, называя себя миссіонерами, вопреки Регламенту 1769 года, дѣйствовали „посреди государства благоустроеннаго, какъ въ странѣ свѣтомъ христіанства не озаренной“. Всѣ дѣйствія іезуитовъ, какъ разъяснялъ теперь кн. Голицынъ, направлены къ собственнымъ ихъ выгодамъ и распространенію власти, и совѣсть ихъ при каждомъ противозаконномъ поступкѣ удобно находитъ оправданіе въ правилахъ ихъ ордена. Въ виду того, что іезуиты послѣ указа объ удаленіи ихъ изъ столицъ „показали себя еще виновнѣйшими, и что по собраннымъ справкамъ въ другихъ орденахъ найдется для колоній нужное число священниковъ, знающихъ иностранные языки, министръ ходатайствовалъ предъ государемъ, чтобы „іезуитовъ, какъ забывшихъ священный долгъ не только благодарности, но и под-

---

[1]) Примѣч. Вотъ какъ характеризовалъ іезуитовъ самъ папа Климентъ XIV, издавшій буллу объ уничтоженіи ихъ ордена: „Іезуиты съ самаго учрежденія ихъ общества занимались низкими происками, имѣли безпрерывныя несогласія и раздоры въ Европѣ, Азіи и Америкѣ, не только между собой, но и съ другими монашескими орденами, свѣтскимъ духовенствомъ, съ учебными заведеніями и даже дѣйствовали противъ правительства. Многіе роптали на ихъ ученіе противное добрымъ нравамъ и истинному благочестію. Всѣ вообще упрекали ихъ въ излишней склонности къ пріобрѣтенію благъ житейскихъ. Какія средства ни были употребляемы папами для прекращенія козней іезуитскаго общества, всѣ они остались совершенно недѣйствительными. Чѣмъ болѣе возрастало негодованіе противъ сего общества, тѣмъ опаснѣе дѣлались ропотъ и волненіе въ умахъ, тѣмъ болѣе разрывался союзъ любви христіанской, тѣмъ болѣе усиливался духъ возмущенія. Нѣкоторые католическіе государи, не видя другихъ способовъ отвратить угрожающую церкви пагубу, принуждены были изгнать іезуитовъ изъ своихъ областей“. (1-е Полное Собр. Закон., т. XXXVII № 28197).

даннической присяги и потому недостойныхъ пользоваться покровительствомъ россійскихъ законовъ, выслать подъ присмотромъ полиціи за предѣлы государства и впредь ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ не впускать въ Россію". Полоцкая Іезуитская академія съ подвѣдомственными ей училищами должна быть закрыта. Деньги, документы, церковная утварь и прочее движимое и недвижимое имѣніе іезуитовъ должны быть приняты немедленно штатными деканами или духовными визитаторами и депутатами съ городничими, земскими исправниками и стряпчими. Одни описи имущества іезуитовъ должны быть представлены въ Казенныя Палаты, а другія въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Недвижимыя имѣнія со всѣмъ къ нимъ принадлежащимъ должны быть поручены вѣдѣнію Казенныхъ Палатъ, но не причислять ихъ къ казеннымъ имѣніямъ, а считать особой статьей для римско-католическаго духовенства и богоугодныхъ предметовъ, донося по третямъ года объ управленіи этими имѣніями министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. На мѣстныхъ губернаторовъ возлагалось наблюденіе за немедленнымъ пріемомъ имущества и за высылкою іезуитовъ, при чемъ имъ предписывалось подробно доносить о всѣхъ высланныхъ министерству духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и министерству внутреннихъ дѣлъ. Іезуитамъ изъ уроженцевъ присоединенныхъ къ Россіи губерній не принявшіе никакихъ священныхъ степеней и находящіеся въ искусѣ, если бы пожелали выйти изъ ордена, то имъ не запрещалось остаться въ Россіи, чтобы возвратиться къ своимъ семействамъ и въ прежнее свое состояніе или вступить въ другой орденъ. Остаться въ Россіи могли и іезуиты, совершившіе всѣ обѣты своего ордена, и принявшіе какія-либо священыя званія, но они должны были испросить въ Римѣ разрѣшеніе на вступленіе въ другой орденъ или бѣлое духовенство. Свои желанія объ этомъ они обязы-

вались сейчасъ же заявить письменно правительству, которое должно было о нихъ сдѣлать сношеніе съ Римомъ. Всѣ эти лица, оставшіяся въ предѣлахъ Россіи не имѣли права называться іезуитами и лишались всѣхъ привиллегій этого ордена. 13 Марта 1820 г. на докладѣ министра государь написалъ „Быть по сему“ [1]). Въ 1821 г. въ іюлѣ и сентябрѣ состоялись Высочайшія повелѣнія о воспрещеніи вовсе въѣзда въ Россію іезуитамъ, принявшимъ какія-либо священныя степени [2]). Такимъ образомъ прекратилось наконецъ существованіе въ Россіи Іезуитскаго общества „непокорнаго государственнымъ узаконеніямъ и властямъ“ и причинявшаго многія затрудненія въ самомъ управленіи римско-католическими дѣлами.

Распоряженія Александра I о воспрещеніи всякаго доступа въ Россію іезуитамъ вполнѣ было признано и правительствомъ его преемника, которое старалось наблюдать, чтобы іезуиты опять какимъ-нибудь образомъ не проникли въ Россію. По поводу появленія въ Россіи подъ именемъ аббата одного католическаго священника уроженца Бѣлоруссіи, выѣхавшаго изъ Россіи въ качествѣ члена Іезуитскаго общества, всѣмъ заграничнымъ миссіямъ и консульствамъ было предписано при выдачѣ паспортовъ ѣдущимъ въ Россію духовнымъ лицамъ требовать отъ нихъ письменнаго заявленія, что они не принадлежатъ и не принадлежали къ іезуитскому ордену, и объ этихъ заявленіяхъ упоминать не только въ донесеніяхъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, но и въ самыхъ паспортахъ [3]).

Въ дополненіе къ докладу 13 Марта 1820 года послѣ-

---

[1]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXXVII № 28197.

[2]) Указъ 29 Ноября 1829 года, объявленный Вице-канцлеру Главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій. 2-е Полн. Собр. Законовъ, т. IV-й № 3308.

[3]) Ibid.

довали затѣмъ Высочайшія распоряженія, чтобы имѣнія, принадлежавшія іезуитамъ до удаленія ихъ, навсегда оставить въ казенномъ вѣдомствѣ. На основаніи этого при обсужденіи въ Комитетѣ министровъ записки министра духовныхъ дѣлъ объ учрежденіи въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ училищъ вмѣсто бывшихъ іезуитскихъ, о суммахъ на ихъ содержаніе и о распоряженіяхъ относительно долговъ, лежащихъ на іезуитахъ, Комитетъ призналъ необходимымъ назначить отъ казны суммы для содержанія духовенства при церквахъ и монастыряхъ, подлежавшихъ упраздненію послѣ изгнанія іезуитовъ, а также и на училища, учреждаемыя вмѣсто іезуитскихъ. Долги іезуитовъ разнымъ частнымъ лицамъ, какіе будутъ признаны правильными и дѣйствительными, Комитетъ полагалъ по общимъ правиламъ о казенныхъ долгахъ перевести на Коммиссію погашенія государственныхъ долговъ. По Высочайшемъ утвержденіи этого положенія Комитета министровъ всѣ недвижимыя имѣнія и капиталы іезуитскаго ордена какъ наличные, такъ и слѣдуемые ко взысканію, были переданы Министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Министерству финансовъ [1]).

Немного пользы принесло учрежденіе Главнаго Управленія и управленію греко-уніатскими дѣлами. Главноуправляющій мало обращалъ вниманія на интересы собственно уніатовъ, а склонялся на сторону базиліанъ, преслѣдовавшихъ цѣли римскаго католицизма. Защитникъ греческихъ обрядовъ въ уніи Лисовскій къ этому времени уже умеръ. Назначенный на его мѣсто митрополитъ Кохановичъ, старавшійся дѣйствовать въ духѣ Лисовскаго, также жилъ недолго. Черезъ нѣкоторое время, въ январѣ 1877 года, митрополитомъ былъ сдѣланъ епископъ Булгакъ, сторонникъ базиліанъ, ясно на-

---

[1]) Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ 7-го Января 1822 года, т. XXXVIII № 28862 и Сенатскій указъ 13 Апрѣля 1822 г. ibid., № 28999.

чавшій поддерживать интересы этого ордена. Въ 1815 году въ то время, когда митрополичья епархія послѣ смерти Кохановича была вакантной и находилась во временномъ завѣдываніи Полоцкаго архіепископа Красовскаго, изъ Литовской епархіи по докладу 3-го Департамента Сената, разсмотрѣнному въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ опредѣленъ засѣдатель во 2-й Департаментъ Римско-Католической Коллегіи [1]). Но по назначеніи митрополитомъ Іосафа Булгака, онъ убѣдилъ правительство, что теперь въ виду предсѣдательствованія его въ Коллегіи присутствіе отъ Литовской епархіи каноника или прелата излишне, а вмѣсто нихъ для лучшаго сохраненія равенства интересовъ слѣдуетъ допустить въ Коллегію представителя Базиліанскаго ордена. Указомъ Сенату 4 Января 1819 года и было повелѣно, чтобы 2-й Департаментъ избиралъ для присутствованія въ немъ на 3 года двухъ кандидатовъ изъ архимандритовъ Базиліанскаго ордена, изъ которыхъ одинъ получалъ Высочайшее утвержденіе наравнѣ съ членомъ инфулатомъ, положеннымъ въ 1-мъ Департаментѣ [2]). На другой день указомъ Сенату было повелѣно предсѣдателю 2-го Департамента уніатскому митрополиту производить жалованье одинаковое съ предсѣдателемъ 1-го Департамента, такъ какъ до сихъ поръ уніатскій митрополитъ получалъ лишь жалованье опредѣленное члену Коллегіи, епископу уніатскому [3]). Кромѣ того, митрополитъ Булгакъ и базиліане принялись хлопотать объ отмѣнѣ распоряженія, воспрещающаго базиліанамъ принимать къ себѣ римско-католиковъ. По поводу обращенія уніатовъ въ католицизмъ Сенатъ въ 1810 году предписалъ обоимъ департаментамъ Коллегіи о наблюденіи за подчиненнымъ духовенствомъ, чтобы оно не привлекало людей изъ одного исповѣ-

---

[1]) Указъ Сенату 29 Января 1815 года, т. XXXIII № 27620.
[2]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXXVI № 27620.
[3]) Ibid., № 27625.

данія въ другое, а желающимъ принять господствующую вѣру не причиняло никакихъ препятствій [1]). Основываясь на этомъ указѣ Сената, 2-й Департаментъ Коллегіи воспретилъ базиліанамъ допускать въ свой орденъ людей латинской вѣры. Вотъ это-то распоряженіе базиліане и находили очень неудобнымъ для себя. Въ лицѣ митрополита Булгака и Литовскаго провинціала Каминскаго они заявляли, что поддерживаніе силы этого распоряженія угрожаетъ даже самому существованію ордена. Такъ непрочно было само по себѣ положеніе главной опоры уніи, раздѣлявшей ее съ православіемъ, если бы унію искусственно не поддерживалъ самъ католицизмъ. Вмѣстѣ съ этимъ базиліане старались ограничить доступъ въ архіереи бѣлому духовенству и всячески притѣснять его. Насколько затруднительно было положеніе бѣлаго духовенства и въ какомъ направленіи вообще шло управленіе греко-уніатскими дѣлами, показываетъ, наприм., дѣло архіепископа Полоцкаго Красовскаго. Красовскій, будучи архіереемъ изъ бѣлаго духовенства, являлся представителемъ его интересовъ и вовсе не былъ склоненъ допускать порабощеніе уніатовъ католиками. Противъ Красовскаго оказался и самъ главноуправляющій, и дѣло о немъ, какъ замѣчаетъ Іосифъ Сѣмашко, ведено было съ такимъ пристрастіемъ и натяжками, что и самый неопытный увидѣлъ бы въ немъ интригу и явную несправедливость“ [2]). Достаточно хорошо очерчено положеніе церковныхъ дѣлъ уніатовъ и необходимость реформъ по ихъ управленію въ разныхъ протестахъ бѣлаго духовенства и особенно Брестскаго капитула. — Словомъ недостаточное сознаніе, что такое унія, и допущеніе подавленія интересовъ уніатовъ католицизмомъ и дѣйствовавшими въ его видахъ базиліанами, — на такихъ основаніяхъ шло управленіе греко-

---

[1]) Указъ Сената 21 Іюля 1810 года, т. XXXI № 24305.

[2]) Записки Іосифа Сѣмашко, т. I ч. 1.

уніатскими дѣлами подъ руководствомъ Главнаго Управленія. Вотъ что происходило, наприм., въ Римско Католической Коллегіи. Мы видѣли, что при образованіи особаго Уніатскаго департамента было признано однако необходимымъ по совокупнымъ дѣламъ того и другаго исповѣданія составлять общее собраніе обоихъ департаментовъ [1]). Этимъ обстоятельствомъ католицизмъ, конечно, сумѣлъ пользоваться въ своихъ интересахъ. По словамъ Іосифа Сѣмашко, со второй половины 1822 года сдѣлавшагося засѣдателемъ въ Уніатскомъ департаментѣ и сообщающаго свѣдѣнія по личному своему опыту, для рѣшенія дѣлъ общихъ обоимъ департаментамъ обыкновенно не считали нужнымъ приглашать члена Уніатскаго департамента, но прямо приносили имъ для подписи уже готовыя постановленія, составленныя въ Римско-Католической Коллегіи. Предсѣдатель же Уніатскаго департамента митрополитъ Булгакъ былъ обыкновенно на сторонѣ латинянъ [2]).

Такое положеніе дѣлъ къ концу царствованія Александра I-го заставило правительство болѣе вникнуть въ интересы уніатовъ и начать вводить въ управленіе ими другія начала. Для улучшенія положенія уніатовъ нельзя было прежде всего не заняться вопросомъ о базиліанскихъ монастыряхъ, которые разбогатѣли и усилились вслѣдствіе захватовъ имѣній и капиталовъ, завѣщанныхъ на приходскія церкви и семинаріи, старались угнетать бѣлое духовенство и вести унію къ соединенію съ католицизмомъ [3]). Въ виду подобна-

---

[1]) Указъ 16 Іюля 1805 года.

[2]) Записки Іосифа Сѣмашко, т. I ч. 1.

[3]) Въ дополненіе къ примѣчанію на стр. 176 о базиліанахъ можно здѣсь добавить, что Іосифъ Сѣмашко объ уніатскихъ монахахъ говоритъ, что они „изъ защитниковъ обряда и правъ своей церкви стали виновниками преступнаго на оныя посягательства и, подобно другимъ римскимъ монашескимъ орденамъ, орудіями папской власти“.... Кромѣ употребленія въ богослуженіи славянскаго языка базиліане, по замѣчанію Сѣмашко, почти ничего не оставили

го вліянія базиліанъ на уніатовъ русское правительство и прежде не разъ поднимало вопросъ о базиліанскихъ монастыряхъ. Такъ мы видѣли, что необходимость сократить ихъ число усматривала еще Екатерина II, которая въ 1795 году повелѣла мѣстному генералъ-губернатору собрать о монастыряхъ подробныя свѣдѣнія, а затѣмъ по соглашенію съ уніатскимъ архіепископомъ уничтожить монастыри, не приносящіе обществу никакой пользы [1]). Генералъ-губернаторъ предложилъ Губернскимъ правленіямъ доставить ему свѣдѣнія о состояніи базиліанскихъ монастырей, но дѣло о нихъ не было рѣшено въ царствованіе Екатерины. Поэтому 30-го Декабря 1797 года на имя новаго начальника края Беклешова послѣдовалъ рескриптъ, подтверждавшій распоряженіе 1795 года и повелѣвавшій приступить къ уменьшенію числа монастырей и размѣщенію монаховъ, начавъ съ монастыря Жидичинскаго въ Волынской губерніи [2]). Беклешовъ снесся по этому поводу съ архіепископомъ Лисовскимъ, но также не окончилъ дѣла о базиліанскихъ монастыряхъ. По вступленіи въ управленіе краемъ гр. Гудовича распоряженіе правительства оказалось все еще не исполненнымъ, а между тѣмъ Гудовичъ получалъ донесенія о разнаго рода притязаніяхъ и спорахъ, возникающихъ между православнымъ и уніатскимъ духовенствомъ. Для приведенія въ исполненіе Высочайшихъ указовъ Гудовичъ требовалъ рѣшить вопросъ объ уніатскимъ монастыряхъ отъ Луцкаго уніатскаго епископа, который однако отвѣтилъ, что дѣло объ уніатскихъ монастыряхъ поступило въ Сенатъ, а объ уничтоженіи нѣ-

---

изъ своего древняго греческаго обряда (Записка о положеніи Уніатской церкви въ Россіи и средствахъ возвратить оную на лоно Православной церкви, представленная Сѣмашко въ 1827 году директору департамента духовн. дѣлъ иностранныхъ исповѣданій). Записки т. I ч. 1. Сравн. стр. 26, 37 и указъ 16 Декабря 1806 г. 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXIX № 22337.

[1]) См. выше стр. 181.

[2]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXVIII № 21291.

которыхъ монастырей въ Волынской губерніи и о переводѣ монаховъ въ другіе монастыри долженъ распорядиться по сношенію съ нимъ президентъ Коллегіи Сестренцевичъ. Тогда Гудовичъ обратился къ митрополиту съ просьбой употребить ходатайство о скоромъ рѣшеніи дѣла или предписать епископу Луцкому исполнить требованія Гудовича по вопросу о монастыряхъ. Новый военный губернаторъ Розенбергъ снова долженъ былъ возбуждать вопросъ о базиліанскихъ монастыряхъ, такъ какъ правительственное распоряженіе все еще было не исполнено, да и отъ Сестренцевича Розенбергъ не нашелъ никакого отвѣта на отношеніе своего предшественника. Розенбергъ написалъ по поводу этого заступившему тогда Сестренцевича епископу Бениславскому, который сообщилъ ему, что Римско-Католическая Коллегія ожидаетъ отъ Луцкаго уніатскаго епископа требуемыхъ свѣдѣній о монастыряхъ. Тогда Розенбергъ обратился въ Сенатъ съ донесеніемъ о состояніи вопроса о базиліанскихъ монастыряхъ. Онъ представилъ Сенату подробное описаніе монастырей Волынской губерніи и пояснялъ, что изъ числа 22 мужскихъ и 4 женскихъ монастырей 11 вовсе не занимаются ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощью больныхъ и что въ большинствѣ монастырей не болѣе 5 и даже 2—3 монаховъ. Кромѣ того Розенбергъ доносилъ, что многіе монастыри, оставаясь при маломъ имѣніи, „ищутъ средства умножить его, заводятъ разные процессы и занимаются неприлично однѣми тяжбами. Вмѣстѣ съ этимъ монахи безпрестанно вступаютъ въ споры съ благочестивыми священниками, удаляютъ священниковъ отъ церквей, состоящихъ при монастыряхъ и посвященныхъ на благочестіе“, а въ одномъ селѣ, какъ открыло слѣдствіе, жители отторгнуты были отъ добровольно принятаго благочестія возмущеніемъ начальниковъ мѣстнаго Базиліанскаго монастыря и въ покояхъ одного изъ нихъ была „каплица совсѣмъ непристойно и единственно къ соблазну

прихожанъ, благочестіе исповѣдающихъ". На основаніи этого Розенбергъ полагалъ необходимымъ оставить лишь лучшіе изъ уніатскихъ монастырей, упразднивъ другіе, тѣмъ болѣе что 26 уніатскихъ монастырей въ одной Волынской губерніи не соразмѣрны съ числомъ уніатскихъ приходовъ. Черезъ это, по мнѣнію Розенберга, уніатскіе монастыри будутъ приведены въ лучшее состояніе, сдѣлаются болѣе годны приносить пользу обществу, содержа больницы или училища, и въ самимъ монастыряхъ явятся лучшій порядокъ и условія жизни. По разсмотрѣніи рапорта Розенберга Сенатъ въ маѣ 1804 года въ виду неисполненія указовъ объ уничтоженіи излишнихъ монастырей, „потому что уніатскіе духовные начальники не соотвѣтствовали въ полной мѣрѣ распоряженіямъ какъ предмѣстниковъ Розенберга, такъ и его собственнымъ", предписалъ Католической Коллегіи, чтобы посредствомъ уніатскихъ епархіальныхъ епископовъ и по сношенію съ начальниками мѣстныхъ губерній Коллегія немедленно учинила бы положеніе, какіе монастыри слѣдуетъ упразднить и какіе оставить. Мнѣніе Коллегіи должно было быть представлено затѣмъ на разсмотрѣніе Сената съ приложеніемъ обстоятельныхъ списковъ всѣхъ уніатскихъ монастырей. Такъ какъ при упраздненіи уніатскихъ монастырей возникалъ вопросъ и о состоящихъ при нихъ училищахъ, то Сенатъ распорядился дать знать о своемъ предписаніи Коллегіи министру народнаго просвѣщенія, которому слѣдовало распорядиться объ училищахъ вмѣстѣ съ Коллегіей [1]). Съ возникновеніемъ Главнаго Управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій вопросъ объ упраздненіи базиліанскихъ монастырей былъ переданъ въ вѣдомство новаго учрежденія [2]), но не смотря на это, дѣло не подвинулось впередъ. Въ

---

[1]) Указъ Сената 17 Мая 1804 года т. XXVIII № 21291.

[2]) Указъ Сенату 20 Октября 1810 года п. 6 т. XXXI № 24366.

1822 году 28 Сентября послѣдовало предложеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія 2-му департаменту Коллегіи, дополненное затѣмъ еще двумя другими [1]), изъ которыхъ видно, что со времени указа Сената 1804 года, т. е. въ теченіе 16 лѣтъ, Коллегія все еще не подготовила рѣшеніе вопроса объ уніатскихъ монастыряхъ. Такъ обнаруживались и съ этой стороны послѣдствія недостаточной опредѣленности въ управленіи уніатскими дѣлами. Сознаніе правительствомъ къ концу царствованія Александра I-го ненормальности положенія уніатовъ и вызвало распоряженія министра духовныхъ дѣлъ о возможно скоромъ окончаніи Коллегіей дѣла о преобразованіи базиліанскихъ монастырей. Въ предложеніи Коллегіи 28 Сентября кн. Голицынъ обращалъ вниманіе 2-го департамента, что своимъ главнымъ предметомъ департаментъ долженъ имѣть учрежденіе духовныхъ училищъ, которыхъ число и устройство далеко не соотвѣтствуютъ мѣрамъ правительства объ ихъ улучшеніи. Изъ фундушей Базиліанскаго ордена Коллегія должна была опредѣлить суммы на содержаніе семинарій въ епархіяхъ Луцкой, Брестской и Виленской (п. 1). Новиціаты Базиліанскаго ордена, также предназначенные преимущественно для дѣтей бѣлаго духовенства, по мнѣнію министра, удобнѣе и выгоднѣе было бы учредить въ одномъ мѣстѣ съ семинаріями, но Коллегія можетъ по уважительнымъ причинамъ опредѣлить для новиціатовъ и особые монастыри по одному въ каждой провинціи (п. 2). Для свѣтскихъ училищъ при базиліанскихъ монастыряхъ Коллегіи слѣдовало назначить извѣстную сумму, а изъ остальныхъ доходовъ монастырей „опредѣлять складку на Главную и епархіальныя семинаріи и въ составъ вспомога-

---

[1]) Предложенія кн. Голицына Римско-Католической Коллегіи 28 Сентября, 20 Ноября 1822 г. и 6-го Февраля 1823 г. напечатаны по Архиву св. Синода по 2-му департаменту Коллегіи въ сочиненіи П. Бобровскаго „Греко-уніатская церковь въ Россіи въ царствованіе Александра I-го“ гл. VII.

тельнаго капитала“ (п. 4). Что касается упраздненія монастырей, то ему преимущественно должны были подлежать монастыри, находящіеся среди селеній, возвратившихся къ православію, и особенно монастыри, церкви которыхъ обращены уже въ греко-россійскія; затѣмъ слѣдовало закрывать монастыри, бывшіе сначала православными или уніатскими приходами и не имѣющіе теперь никакихъ учебныхъ заведеній, потому что и уніатскіе митрополиты не разъ ходатайствовали о предоставленіи нѣкоторыхъ фундушей таковыхъ монастырей въ пользу бѣднаго духовенства (п. 5). Во всѣхъ остальныхъ монастыряхъ должно было назначить опредѣленное число монаховъ, соображаясь съ прямою надобностью, а не для размѣщенія только теперешнихъ базиліанъ, потому что для излишнихъ членовъ этого ордена могутъ быть предназначены временныя помѣщенія (п. 6). Два другія предложенія министра духовныхъ дѣлъ еще подробнѣе разъясняли нѣкоторые вопросы въ интересахъ ускоренія окончанія дѣла о монастыряхъ. Такимъ образомъ въ отношеніи правительства къ базиліанамъ замѣчалась перемѣна, но все еще недостаточно ясная, такъ какъ за базиліанами сохранялись права на воспитаніе и образованіе уніатскаго бѣлаго духовенства (сравн. п. 2). Вмѣстѣ съ этимъ правительство снова сдѣлало распоряженіе о воспрещеніи принимать въ Базиліанскій орденъ лицъ римско-католическаго исповѣданія [1]). Все это произвело большое волненіе среди базиліанъ, которые начали кричать о преслѣдованіяхъ базиліанъ въ Россіи, обращались съ просьбами къ государю и тайно отправили жалобу въ Римъ. Государь, хотя и не придалъ значенія этимъ просьбамъ, но базиліане все-таки сумѣли оттянуть рѣшеніе вопроса о своихъ монастыряхъ до слѣдующаго царствованія.

---

[1]) П. Бобровскій гл. VII стр. 245, 265. Сравн. гр. Толстой „Римскій-католицизмъ“ т. II гл. XIV.

Припоминая сказанное до сихъ поръ по вопросу объ отношеніи русской государственной власти къ церковнымъ дѣламъ иновѣрцевъ, мы видимъ широкую вѣротерпимость русскаго правительства относительно иностранныхъ исповѣданій. Эта вѣротерпимость достаточно обнаруживается и въ вопросѣ объ изслѣдованіи преступленій, къ которымъ такъ или иначе могли быть прикосновенны католическія и уніатскія духовныя лица. При рѣшеніи этого вопроса правительство основывалось на правилахъ, принятыхъ относительно греко-россійскаго духовенства.

По законамъ 3-го Ноября 1798 года и 11-го Декабря 1800 года, консисторіямъ было предоставлено на основаніи духовныхъ законовъ разбирать и судить всякія дѣла „кромѣ тяжебныхъ и уголовныхъ, до разбора гражданскихъ правительствъ относящихся“ [1]). Кромѣ того въ Пунктахъ 1800 года въ п. 4-мъ еще прибавлено, что обвиненныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ по окончаніи надъ ними суда духовнаго должно отсылать къ суду гражданскому, куда по общимъ государственнымъ узаконеніямъ слѣдуетъ. Точно также и законъ 14 Ноября 1801 года говорилъ, что римско-католическія консисторіи съ высшей инстанціей въ видѣ Римско-Католической Коллегіи оставлены для дѣлъ духовныхъ и церковныхъ, касающихся догматовъ вѣры, правилъ каноническихъ и не подлежащихъ суду міряпъ. „Духовный же судъ, изъ духовныхъ и мірскихъ особъ составляемый, относится на дѣла общія по законамъ гражданскимъ“ (§ 1). Но католицизмъ съ свойственнымъ ему упорнымъ стремленіемъ не допускать никакого участія мірянъ въ дѣлахъ духовенства старался по возможности обходить предписанія закона и ограничиваться своимъ собственнымъ судомъ надъ духовенствомъ. По поводу этого Сенатъ неоднократно разъяснялъ

---

[1]) Регламентъ 1798 г. ст. 4 и Пункты 1800 г. 11 Декабря п. 4.

вопросъ о подсудности католическаго духовенства по дѣламъ уголовнымъ. Такъ, наприм., въ 1806 году возникло дѣло о каноникѣ Шейнахѣ. Шейнахъ возбуждалъ крестьянъ къ неповиновенію помѣщику, говорилъ имъ „неприличныя и буйственныя слова и, видя неповиновеніе ихъ къ мятежническимъ его наставленіямъ, исключилъ ихъ отъ пріобщенія св. таинъ". Курляндское Губернское Правленіе сообщило Пильтенской Ландратской Коллегіи для изслѣдованія дѣла. Но Шейнахъ не только не хотѣлъ принять посланный къ нему Коллегіей вызовъ, но избилъ пристава Коллегіи, и сковавъ въ желѣзо, посадилъ въ погребъ. Тогда Ландратская Коллегія отправила Пильтенскаго манрихтера для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Но каноникъ и на этотъ разъ продолжалъ буйствовать и передъ зерцаломъ ругалъ непристойными словами манрихтера и Коллегію. Послѣ этого онъ былъ взятъ подъ караулъ, а Губернское Правленіе два раза требовало отъ Виленской консисторіи назначенія депутата для производства слѣдствія надъ Шейнахомъ. Но консисторія хотѣла признать это дѣло подсуднымъ себѣ, а отъ Коллегіи требовала лишь присылки депутата. По поводу этого мѣстный Военный губернаторъ сдѣлалъ донесеніе въ Сенатъ, и дѣйствія Виленской консисторіи были признаны неправильными. Сенатъ объяснилъ, что поступки Шейнаха, какъ влекущіе его къ суду гражданскому, должны быть изслѣдуемы на основаніи законовъ уголовнымъ порядкомъ при депутатѣ съ духовной стороны [1]).

Въ 1811 году по поводу поступившаго въ Сенатъ вслѣдствіе протеста прокурора Коллегіи дѣла о священникѣ Годлевскомъ, судившемся за укрывательство разбойника, указомъ 4 Сентября 1811 года было предписано Коллегіи, чтобы по выполненіи надъ Годлевскимъ наказанія, назначенна-

---

[1]) Сенатскій указъ 13 Декабря 1806 года т. XXIX № 22395.

ченнаго Виленской консисторіей, онъ былъ отосланъ къ гражданскому суду для поступленія съ нимъ по законамъ [1]). Но, не смотря на это, Коллегія старалась обходить эти требованія закона и вызывала со стороны Сената новыя подобныя же разъясненія закона. Вскорѣ послѣ указа Сената 4 Сентября 1811 года на разсмотрѣніе Виленской консисторіи поступило слѣдствіе, произведенное при депутатѣ съ духовной стороны, по дѣлу о священникѣ Конечномъ, приготовившемъ подложное свидѣтельство на отлучку отъ имени декана. Консисторія опредѣлила: назначить Конечному пятидневную епитимію, чтобы въ это время онъ былъ у исповѣди и св. Причащенія, запретить ему священнослуженіе до окончанія дѣла, а затѣмъ на основаніи закона 11 Декабря 1800 года для дальнѣйшаго продолженія дѣла препроводить его черезъ Гродненское Губернское Правленіе въ гражданскій судъ. По переходѣ этого дѣла въ I Департаментъ Коллегіи было признано, что это дѣло подлежитъ сужденію духовныхъ учрежденій. Наказаніе, опредѣленное консисторіей, было утверждено, а препровожденіе Конечнаго въ гражданскій судъ найдено ненужнымъ. Но прокуроръ не согласился съ Коллегіей и въ рапортѣ министру юстиціи выразилъ протестъ. Подобный же протестъ былъ поданъ прокуроромъ и по дѣлу 4 іеромонаховъ Дубенскаго Бернардинскаго монастыря, обвинявшихся въ составленіи разныхъ подложныхъ бумагъ отъ имени начальствующихъ лицъ. Іеромонахи были пойманы полицеймейстеромъ и по предписанію отъ начальства преданы имъ суду Луцкой консисторіи съ тѣмъ, чтобы по окончаніи духовнаго суда консисторія увѣдомила, куда будутъ отправлены подсудимые для производства надъ ними суда гражданскаго. По рѣшенію консисторіи 5-го Февраля 1810 года іеромонахи были приговорены къ заключенію въ

---

[1]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXXIII № 25930.

монастырѣ въ тюрьму на 5 недѣль, при чемъ одному изъ нихъ наказаніе это было увеличено на 2 недѣли за имѣніе у себя денегъ, вопреки орденскимъ правиламъ. По освобожденіи же они не могли быть допускаемы ни къ какимъ преимуществамъ и выборамъ по ордену и въ теченіе 3 лѣтъ должны были находиться каждый въ особомъ монастырѣ. Коллегія съ небольшимъ измѣненіемъ утвердила рѣшеніе консисторіи. Но прокуроръ нашелъ постановленіе Коллегіи противорѣчащимъ законамъ 11-го Декабря 1800 года п. 4-й и 1801 года ст. 1, а также указу Сената 4 Сентября 1811 г. Въ своемъ объясненіи на протестъ прокурора Коллегія доносила Сенату, что поступки всѣхъ этихъ духовныхъ лицъ вызваны лишь ихъ легкомысліемъ и никому не причинили вреда. Поэтому оба эти дѣла Коллегія не могла признать уголовными, не считаетъ ихъ подобными дѣлу Годлевскаго, а, согласно ст. 8 Положенія 1801 года, рѣшила ихъ по правиламъ церковнымъ, которыя къ тому же во всемъ согласуются и съ Воинскимъ Уставомъ гл. XXII-я [1]). Вмѣстѣ съ этимъ Коллегія просила Сенатъ принять во вниманіе, что преступники безъ пощады уже приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ, и кромѣ того, постановлено священника Конечнаго послѣ тюрьмы отдать подъ надзоръ надлежащаго начальства, а рѣшеніе о монахахъ опубликовать, и обо всемъ этомъ довести до свѣдѣнія свѣтскаго начальства и Главнаго Управленія. Разсужденія и дѣйствія Коллегіи, не считающей за уголовныя преступленія составленіе фальшивыхъ видовъ, похищеніе печати и самовольную отлучку, разрушающихъ общественный порядокъ, снова были признаны неправильными, и Сенатъ хотѣлъ было подвергнуть Коллегію выговору, но за послѣдовавшимъ тогда Всемилостивѣйшимъ манифе-

---

[1]) Воинскій Уставъ гл. XXII Арт. 201 и 202 въ толкованіи. 1-е Полн. Собраніе Законовъ, т. V № 3006.

стомъ выговоръ былъ отмѣненъ. Священникъ же и 4 іеромонаха бѣжали за границу и дѣло о нихъ вслѣдствіе побѣга и манифеста было постановлено производствомъ прекратить [1]).

Вмѣстѣ съ вопросомъ о подсудности правительство должно было обратить вниманіе и на порядокъ производства слѣдствій надъ католическимъ и уніатскимъ духовенствомъ. Иниціатива къ этому шла отъ мѣстныхъ губернскихъ властей въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ. Мѣстнымъ властямъ всего замѣтнѣе была крайняя медленность въ производствѣ слѣдствій, вредно отзывающаяся на изслѣдованіи преступленій. При необходимости начать слѣдствіе надъ духовными лицами, по представленію Городской или Земской полиціи сообщалось въ консисторіи о командированіи для этого депутатовъ, отправленіемъ которыхъ консисторіи не особенно спѣшили. На все это уходило не мало времени, и дѣла, требующія быстраго производства слѣдствія, долго оставались безъ изслѣдованія. Вслѣдствіе этого Минское Губернское Правленіе представило Сенату донесеніе и ходатайствовало объ измѣненіи порядка въ производствѣ слѣдствій надъ католическимъ и уніатскимъ духовенствомъ съ учрежденіемъ постоянныхъ депутатовъ отъ этого духовенства согласно правиламъ установленнымъ для духовенства православнаго, котораго въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ гораздо меньше, чѣмъ католическаго и уніатскаго. Сенатъ одобрилъ предложеніе Губернскаго Правленія и указомъ 15-го Мая 1807 года предписалъ Римско-Католической Коллегіи [2]), чтобы въ общемъ собраніи обоихъ департаментовъ она занялась обсужденіемъ вопроса о неудобствахъ назначенія депутатовъ по каждому дѣлу и выработала бы правила объ учре-

---

[1]) Сенатскій указъ 28 Августа 1815 года т. XXXIII № 25930.

[2]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXIX № 22528.

жденіи въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ постоянныхъ депутатовъ отъ католическаго и уніатскаго духовенства, сообразуясь съ распоряженіями на этотъ предметъ св. Синода и Сената [1]). Принимая во вниманіе правила объ

---

[1]) Примѣч. Сенатъ имѣлъ въ виду свой указъ, состоявшійся 26-го Сентября 1791 года на основаніи распоряженій св. Синода. Дѣлая справку о его происхожденіи, мы видимъ, что поводомъ къ этому указу послужили обстоятельства аналогичныя съ тѣми, которыя вызвали и указъ 15-го Мая 1807 года Поэтому при установившейся широкой вѣротерпимости въ Россіи распоряженія правительства 1791 года относительно православнаго духовенства были приняты какъ образецъ и для правилъ относительно духовенства католическаго и уніатскаго. Въ февралѣ 1791 года Ярославскій и Вологодскій генералъ-губернаторъ донесъ Сенату, что вслѣдствіе открывшихся на людей духовнаго чина показаній, по Учрежденію о управленіи губерній, подлежащихъ изслѣдованію городской и сельской полиціи, Ярославское Намѣстническое правленіе требовало отъ Ростовской консисторіи, чтобы обвиняемые священно и церковнослужители немедленно были присланы на мѣсто происшествія для изысканія истины по горячимъ слѣдамъ. Консисторія согласилась на это, но съ назначеніемъ отъ себя духовнаго депутата. По поводу этого генералъ-губернаторъ докладывалъ Сенату, что требованіе депутата по представленію городничаго или Нижняго Земскаго суда черезъ Намѣстническое правленіе, а затѣмъ сообщеніе правленія въ консисторію и отправленіе отъ нея депутата занимаетъ много времени, затрудняетъ производство слѣдствія и даетъ возможность скрывать слѣды преступленія. Въ виду этого генералъ-губернаторъ требовалъ отъ мѣстнаго архіерея предписанія по епархіи, чтобы въ случаѣ прибытія куда-либо Нижняго Суда для изслѣдованія дѣла, къ которому будутъ прикосновенны и люди духовнаго званія, люди эти безпрекословно являлись бы въ присутствіе Суда и давали бы нужныя свѣдѣнія и объясненія. Но архіерей нашелъ, что законы не даютъ генералъ-губернатору права предъявлять къ нему подобныя требованія и что на основаніи законовъ городничему и Земскому Суду должно быть предписано о требованіи отъ духовныхъ лицъ свидѣтельствъ и объясненій при духовныхъ депутатахъ (Сенатскій указъ 23 Мая 1810 года, т. XXXI № 24239). Такъ какъ вопросъ о духовныхъ депутатахъ не могъ быть достаточно рѣшенъ на основаніи Высочайшаго учрежденія о губерніяхъ, то генералъ-губернаторъ и представилъ все это на благоусмотрѣніе Сената. Разбирая смыслъ изданныхъ до сихъ поръ законовъ, Сенатъ принялъ во вниманіе, что Регламентъ Духовной Коллегіи 25 Янв. 1721 г. ч. III отд. 10, предоставляетъ Коллегіи въ случаѣ обиды епископа или другого духовнаго лица какой-либо сильной персоной, на которую слѣдуетъ жаловаться въ Юстицъ-Коллегіи или Сенатѣ, дать отъ себя въ помощь обидимому людей честныхъ и просить гдѣ надлежитъ управы. (1-е Полн. Собр. Законовъ, т. VI № 3718). Затѣмъ въ послѣдовавшихъ 15 Марта 1721 года Высочайшихъ резолюціяхъ на докладные пункты св. Синода постановлено, что въ случаѣ оговора духовныхъ лицъ „въ какомъ-нибудь партику-

учрежденіи депутатовъ отъ православнаго духовенства, Римско-Католическая Коллегія по вопросу о депутатахъ отъ католическаго и уніатскаго духовенства предложила предоставить епархіальнымъ начальникамъ въ епархіи, въ губернскомъ городѣ и повѣтахъ назначить по 2 депутата. Въ повѣтахъ могло быть одинъ или болѣе депутатовъ, смотря по числу церквей и разъѣздовъ. Въ повѣтахъ съ малымъ числомъ церквей латинскихъ или уніатскихъ католическіе и уніатскіе архіереи по соглашенію между собой могли назначать для обоихъ исповѣданій латинскихъ или уніатскихъ депутатовъ. Депутаты обязывались лично присутствовать при пер-

---

лярномъ злодѣяніи (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ), отсылать ихъ къ Синоду, „пока оные до гражданскаго суда приличны будутъ, а самимъ не брать въ Коллегіи или гдѣ индѣ и не держать и долженъ каждый челобитчикъ въ злодѣяніи на духовныхъ нигдѣ индѣ бить челомъ токмо въ Синодѣ". Высочайшія резолюціи поясняли, что это относится къ брани, бою, кражѣ и т. п. дѣламъ, а не къ тѣмъ дѣламъ, къ которымъ духовные сами себя „привязали, яко какая покупка, промыслы, откупы, торги и проч. (Высочайшія резолюціи, п. 3. Ibid., т. VI № 3761). На основаніи этого, разсуждалъ Сенатъ, „духовныя персоны и церковнаго причта люди судомъ и расправою должны быть вѣдомы въ духовныхъ правительствахъ", а если, по какимъ либо важнымъ дѣламъ они и подлежали бы отсылкѣ въ свѣтскія присутственныя мѣста, то это должно происходить при депутатахъ съ духовной стороны. Кромѣ того Учрежденія о губерніяхъ 7 Ноября 1775 года предписывали совершать слѣдствіе возможно скорѣе и устанавливали при этомъ кое-какія различія для лицъ разныхъ званій. Такъ по ст. 265-й гл. XIX Учрежд. о губерніяхъ, городничій по дѣламъ касающихся купцовъ или мѣщанъ, обязывался призывать члена Городоваго магистрата, который особо назначенъ для этой цѣли магистратомъ и всегда долженъ быть на лицо. (1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XX № 14392). Сообразно съ этимъ для раскрытія преступленій, въ которыхъ замѣшаны люди духовнаго званія, „яко свѣтскому суду безъ депутата отъ своей команды не подлежащіе", Сенатъ 10 Марта 1791 года опредѣлилъ предоставить св. Синоду распорядиться объ учрежденіи по городамъ и округамъ постоянныхъ депутатовъ отъ духовенства, которые не несли бы на себѣ другихъ обязанностей и могли бы сейчасъ же вмѣстѣ съ городничимъ или земскимъ исправникомъ являться на мѣсто происшествія. Синодъ съ своей стороны сдѣлалъ зависящее распоряженіе объ учрежденіи епархіальными архіереями по извѣстнымъ правиламъ должностей духовныхъ депутатовъ отъ православнаго духовенства, о чемъ Сенатъ 26 Сентября 1791 года и разослалъ куда слѣдуетъ свой указъ. (Томъ XXIII-й № 16986-й).

воначальномъ обслѣдованіи дѣла и всегда должны были быть готовы явиться по приглашенію городничаго или исправника, а затѣмъ доносить обо всемъ епархіальному архіерею. Депутатовъ слѣдовало назначать единственно изъ среды бѣлаго духовенства и только при маломъ числѣ церквей въ епархіи или повѣтѣ архіерей могъ посредствомъ провинціала опредѣлить депутата изъ монаховъ. Депутаты не должны были быть обременяемы другими должностями, затрудняющими исполненіе лежащихъ на нихъ обязанностей, но это не распространялось на декановъ, которые при назначеніи депутатами могли сохранять свою должность, потому что деканы не совпадаютъ съ понятіемъ о благочинныхъ въ Православной церкви, а имѣютъ лишь общій надзоръ въ деканствѣ за ввѣренными ихъ вѣдомству священниками. Время пребыванія въ должности депутата предоставлялось на усмотрѣніе архіерея, который при указаніи депутатомъ законныхъ причинъ могъ его уволить, а въ случаѣ неисправности во всякое время отрѣшить, замѣнивъ его другимъ лицомъ. Донося объ своихъ предположеніяхъ Сенату, Коллегія, ссылаясь между прочимъ на ст. 1 Положенія 1801 года, просила ходатайствовать передъ Е. И. В., чтобы по дѣламъ между свѣтскими и духовными о личныхъ ли ихъ претензіяхъ или о фундушевыхъ суммахъ и церковныхъ имѣніяхъ, которыя, производясь слѣдственнымъ порядкомъ, поступаютъ по апелляціи изъ Повѣтовыхъ судовъ въ Главные, эти суды приглашали духовныхъ депутатовъ. Депутаты же будутъ для этой цѣли назначаемы архіереями или избираемы кафедральными капитулами изъ прелатовъ или каноников, которые однако не будутъ обязаны находиться всегда въ губернскихъ городахъ, гдѣ Главные суды, но должны будутъ являться ко всякому дѣлу по предварительнымъ повѣсткамъ этихъ судовъ, а затѣмъ доносить обо всемъ своему епархіальному начальству. Указомъ 18 Октября 1810 года Сенатъ утвердилъ предло-

женія Коллегіи по вопросу объ учрежденіи духовныхъ депутатовъ и предписалъ ей привести ихъ въ исполненіе. Кромѣ того Коллегіи дано было знать, что назначенные депутаты могутъ присутствовать и по гражданскимъ касающимся духовныхъ имѣній дѣламъ, для которыхъ существующими узаконеніями присутствіе духовныхъ депутатовъ положено [1]).

Разсматривая распоряженія правительства Александра I по управленію католическими и уніатскими дѣлами, мы нерѣдко упоминали о министрѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, но до сихъ поръ еще не говорили прямо объ учрежденіи новаго министерства, сосредоточившаго въ себѣ высшее управленіе дѣлами всѣхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій, допущенныхъ въ Россіи. Чтобы лучше отмѣтить эту важную правительственную мѣру, мы и говоримъ о ней отдѣльно.

Учрежденное въ 1810 году Главное Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій подверглось преобразованію въ 1817 году и съ этого времени вошло въ составъ новаго высшаго государственнаго установленія. „Желая, дабы христіанское благочестіе, какъ сказано въ манифестѣ 24 Октября 1817 года, было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали Мы полезнымъ соединить дѣла по Министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составъ одного управленія подъ названіемъ Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія“ [2]). Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій при этой ре-

---

[1]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXXI № 24380.

Примѣч. Утвержденіе Сенатомъ предложенія Коллегіи о назначеніи въ нѣкоторыхъ случаяхъ одного депутата для католическаго и уніатскаго исповѣданія лишній разъ показываетъ, какъ мало вниманія обращало тогда правительство на интересы уніатовъ, недостаточно раздѣляя ихъ отъ католическихъ.

[2]) 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXXIV № 27106. Манифестъ объ учрежденіи министерства духовныхъ дѣлъ.

формѣ, не измѣняясь въ сущности, получило однако дальнѣйшее развитіе. По духовнымъ дѣламъ новое министерство должно было состоять въ сношеніи и опредѣленной связи: 1) со св. Синодомъ, 2) съ Коммиссіей Духовныхъ Училищъ, 3) съ Римско-Католической Духовной Коллегіей, 4) съ Юстицъ-Коллегіей Лифляндскихъ и Эстляндскихъ Дѣлъ и 5) со всѣми мѣстами и лицами отъ упомянутыхъ мѣстъ зависящими, (ч. I § 2 Учрежденія министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія). Для производства такихъ дѣлъ въ министерствѣ былъ учрежденъ особый Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ (ч. V гл. I § 3). Въ кругъ вѣдомства этого-то департамента и были включены духовныя дѣла всѣхъ религій, какъ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, такъ и прочихъ всякаго рода (ч. I гл. II § 4). Во главѣ департамента былъ поставленъ директоръ (гл. III § 6), а самый департаментъ раздѣлялся на 4 отдѣленія: къ 1-му относились дѣла по греко-россійскому исповѣданію, ко 2-му по римско-католическому, греко-уніатскому и армянскому, къ 3-му по всѣмъ протестантскимъ исповѣданіямъ и къ 4-му дѣла евреевъ, магометанъ и другихъ (§ 7). Второе отдѣленіе въ свою очередь раздѣлялось на три стола: Первый столъ занимался вопросами объ устройствѣ епархій, о постройкахъ и упраздненіи церквей и монастырей и о распредѣленіи ихъ фундушей, опредѣленіями и увольненіями по Высочайшимъ повелѣніямъ членовъ Римско-Католической Коллегіи, а также епархіальныхъ архіереевъ, коадъюторовъ, суффрагановъ, инфулатовъ (митрою удостоенныхъ) аббатовъ и архимандритовъ, отъ Высочайшаго утвержденія зависящихъ. Къ вѣдѣнію Перваго же стола относились: сношенія съ Римскимъ Дворомъ черезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и доставленіе духовнымъ особамъ буллъ и потребныхъ правъ, позволенія архіереямъ отлучаться въ другія епархіи и отпуски ихъ и другихъ духовныхъ по надобностямъ за-границу, опре-

дѣленія въ кафедральные капитулы прелатовъ и каноническовъ, утвержденія начальниковъ монашескихъ орденовъ и правящаго Главной Семинаріей, дѣла о наградахъ духовенства: знаками отличія и проч., и жалобы до духовной части относящіяся. Въ этотъ же столъ должны были поступать разныя статистическія свѣдѣнія: списки духовныхъ особъ, вѣдомости о церквахъ, монастыряхъ, монахахъ, объ учебныхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ, о духовныхъ имуществахъ и проч., и на немъ лежало собираніе свѣдѣній для составленія годоваго отчета (§ 12, 1—13). Второй столъ вѣдалъ свѣдѣніями изъ епархій о состояніи ихъ по освидѣтельствованію епархіальными архіереями церквей и монастырей, описями монастырей при генеральныхъ посѣщеніяхъ начальниками монашескихъ орденовъ и вообще дѣлами касающимися монашескихъ орденовъ, дѣлами по исполненію обязанностей, принятыхъ монашествующими въ разныхъ общеполезныхъ заведеніяхъ, дѣлами по свѣдѣніямъ, описямъ и отчетамъ при сдачѣ и пріемѣ монастырей настоятелями. Ко Второму же столу принадлежали дѣла по учебнымъ заведеніямъ, учрежденнымъ въ монастыряхъ для вступающихъ въ монашескіе ордена, дѣла по Главной и епархіальнымъ семинаріямъ, списки профессоровъ и учителей и вѣдомости объ учащихся въ семинаріяхъ, о складкахъ на духовныя и свѣтскія училища, дѣла объ устройствѣ больницъ и богадѣленъ и другихъ богоугодныхъ заведеній при церквакъ и монастыряхъ. Этотъ же столъ занимался еще дѣлами о снабженіи колоній священниками и о всемъ, что касается до богослуженія въ колоніяхъ, дѣлами объ опредѣленіи священниковъ въ разныя мѣста по требованію гражданскихъ и военныхъ начальствъ и по вызову въ случаѣ надобности духовныхъ лицъ изъ другихъ государствъ (1—13, § 13). Къ вѣдомству Третьяго стола были отнесены дѣла такъ или иначе касающіяся церковныхъ имуществъ, какъ-то: дѣла тяжебныя о духовнымъ имѣніяхъ, препровождаемыя изъ

Сената къ министру на заключеніе [1]), дѣла о продажѣ, замѣнѣ и всякой уступкѣ духовныхъ имуществъ, объ отдачѣ церквами или монастырями недвижимыхъ имѣній на извѣстный срокъ на частное содержаніе, объ отдачѣ того же вѣдомства земель подъ частныя строенія изъ платежа поземельныхъ денегъ, дѣла по жалобамъ на притязанія въ ущербъ церковной или монастырской собственности, о залогахъ, обезпечивающихъ капиталы, объ употребленіи церковныхъ и монастырскихъ доходовъ и сохраненіи остатковъ, наконецъ онъ же долженъ былъ получать свѣдѣнія о вкладахъ, вносимыхъ въ церкви и монастыри, и донесенія отъ ревизоровъ (1—9, § 14-й).

Разсмотрѣніе предметовъ вѣдомства всѣхъ трехъ столовъ показываетъ, что съ учрежденіемъ Министерства Духовныхъ Дѣлъ управленіе римско-католическими дѣлами было значительно развито въ смыслѣ выработки болѣе опредѣленныхъ правилъ и бо́льшей доступности для контроля правительственной власти. Римско-Католическая Духовная Коллегія, какъ гласилъ Особенный Наказъ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, по обоимъ департаментамъ состояла въ сношеніи съ министромъ только по правительственной части (Учрежденіе ч. II гл. I § 131). Прокуроръ Коллегіи обязанъ былъ подавать министру по оной части меморіи о рѣшенныхъ дѣлахъ и отвѣчать передъ нимъ въ немедленномъ и исправномъ ихъ доставленіи. Если же прокуроръ усмотритъ что-нибудь противное этому, и Коллегія не приметъ его предложенія, то онъ долженъ былъ представлять

---

[1]) Сравн. Общее Учрежденіе Министерствъ 25 Іюня 1811 года, ч. II § 240 (1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXXI № 24686) и Учрежденіе Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, ч. II § 137.

Примѣч. По Общему Учрежденію Министерствъ, тяжебныя дѣла, касающіяся государственныхъ имуществъ, должны были разрѣшаться неиначе, какъ по истребованіи заключенія министра, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ имущество.

свой протестъ министру (§ 131). По всѣмъ дѣламъ правительственной части, которыя изъ Коллегіи должны идти на разрѣшеніе въ Сенатъ, Коллегія должна была представлять министру, а онъ по своему усмотрѣнію вносить ихъ куда слѣдуетъ съ своимъ заключеніемъ. Въ дѣлахъ же по судной части Коллегія должна была относиться непосредственно къ Сенату и къ министру юстиціи (§ 132). Сношенія Министра съ Коллегіей происходили „предложеніями". При несогласіи съ рѣшеніемъ Коллегіи министръ предлагалъ ей къ исполненію свое мнѣніе. Если бы коллегія признала въ немъ „крайнія неудобства", то обязывалась скоро представлять о томъ министру, а затѣмъ поступать уже по его рѣшенію, не входя снова съ представленіемъ (§ 133) [1].

Заключеніе министра Сенатъ долженъ былъ требовать въ тяжебныхъ дѣлахъ, касающихся казеннаго имущества подвѣдомственнаго министерству, въ числѣ котораго подразумѣвалось и имущество церквей и монастырей всѣхъ вѣроисповѣданій, исключая греко-россійскаго. Подобныя дѣла греко-россійскаго исповѣданія подлежали разсмотрѣнію св. Синода (§ 137-й) [2]. Въ случаяхъ, которыя не подходятъ подъ особыя въ семъ Учрежденіи постановленныя правила, отношенія министра къ департаментамъ и прочимъ подвѣдомственнымъ ему мѣстамъ и лицамъ должны были опредѣляться Общимъ Учрежденіямъ Министерствъ (§ 138). По вопросу о назначеніи и увольненіи католическихъ духовныхъ лицъ Глава II отд. II Особен. Наказа Министру духовныхъ дѣлъ установляла, что католическій и уніатскій митрополиты опредѣляются непосредственно Высочайшею властью указами Сенату и предсѣдательствуютъ въ департаментахъ Коллегіи, каждый по своему исповѣданію (§ 141). Прочіе же члены Коллегіи должны увольняться и опредѣляться Высочайшими ука-

---

[1]) Сравн. Общее Учрежденіе Министерствъ, ч. II § 261.

[2]) Ibid., сравн. § 240.

зами Сенату по представленію отъ Коллегіи черезъ Министра на каждую ваканцію двухъ кандидатовъ (§ 142). Высочайшими же указами Сенату происходило опредѣленіе и увольненіе епархіальныхъ архіереевъ католическихъ, уніатскихъ и армянскихъ (§ 143). Епископы, коадъюторы, суффраганы, архимандриты должны были опредѣляться и увольняться Высочайшею властью по представленію епархіальнымъ архіереемъ черезъ министра на каждое мѣсто двухъ кандидатовъ (§ 144). На мѣста католическихъ и уніатскихъ прелатовъ и каноническовъ епархіальные архіереи должны были дѣлать представленіе черезъ министра для утвержденія ихъ Высочайшей властью. Что касается начальниковъ монашескихъ орденовъ, то по избраніи ихъ установленнымъ порядкомъ Коллегія должна была черезъ министра представлять о нихъ также на Высочайшее утвержденіе (§ 146). Начальникъ Главной Семинаріи по избраніи его предписаннымъ порядкомъ получалъ утвержденіе отъ министра (§ 147). Всѣ же прочія духовныя лица по епархіямъ въ своихъ назначеніяхъ зависѣли отъ усмотрѣнія епархіальнаго начальства или одобренія ктиторовъ (§ 148) [1].

Такимъ образомъ въ теченіе второй половины царствованія Александра I-го управленіе уніатскими дѣлами получило полную самостоятельность, а управленіе католическими дѣлами оказалось настолько выработаннымъ, что очень многія статьи Учрежденія Министерства Духовныхъ Дѣлъ вошли или цѣликомъ или нѣсколько распространенными въ XI т. Свода Законовъ ч. I изданія 1857 г. въ „Уставы духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій по управленію духовными дѣлами христіанъ римско-католическаго исповѣданія“. Такъ, напримѣръ, порядокъ, опредѣленія и увольненія членовъ Римско-Католической Духовной Коллегіи оста-

---

[1]) Учрежденіе Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. 1-е Полн. Собр. Законовъ, т. XXXIV № 27106.

лись такими же и въ Уставѣ 1857 года ст. 21, 34-я. Не измѣнился по уставу 1857 года и порядокъ отношеній министра къ Коллегіи въ случаѣ несогласія министра съ нею (ст. 72 т. XI ч. 1, Св. Зак. 1857 г.), вполнѣ подтверждены въ Уставѣ (ст. 73) и обязанности прокурора къ Коллегіи, установленныя Учрежденіемъ министерства духов. дѣлъ. Только въ томѣ XI ч. I Св. Зак. 1857 г. рѣчь идетъ уже, какъ увидимъ, не о министрѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а о министрѣ внутреннихъ дѣлъ.

Въ своихъ распоряженіяхъ по управленію римско-католическими дѣлами въ Россіи правительство Александра I-го, какъ мы видѣли, не пошло по пути, принятому Екатериной II, но выразило желаніе согласовать издаваемые имъ законы съ каноническими правилами Римской церкви. Однако невозможность достигнуть этого безъ ущерба для государственныхъ интересовъ Россіи и пожалуй для интересовъ самой католической церковной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ неуспѣвшія еще отжить традиціи направленія Екатерины, столь мудраго съ государственной точки зрѣнія, и нахожденіе еще въ живыхъ представителя того направленія, почтеннаго митрополита Сестренцевича,—все это не могло такъ или иначе не вліять на правительство и не склонять его къ мѣрамъ, которыя далеко не вполнѣ могутъ быть объясняемы желаніемъ согласоваться съ каноническими правилами. Само теченіе церковной жизни, какъ показало, наприм., дѣло Фальковскаго, вскорѣ же какъ-будто нѣсколько охладило правительство въ его желаніи и заставило его публично заявить, что выполненіе церковныхъ правилъ возможно лишь поскольку они сообразны съ государственными законами [1]). Спустя нѣкоторое время правительство Александра I учредило Главное Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій, а затѣмъ

---

[1]) Указъ Сената 17 Февраля 1804 г. См. выше стр. 297.

министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и ввѣрило имъ высшее управленіе католической церковной жизнью, на что едва-ли можно было найдти оправданіе въ правилахъ Римской церкви. Но кромѣ того въ это царствованіе окончательно упрочивается существованіе Римско-Католической Духовной Коллегіи, какъ центральнаго учрежденія по управленію римско-католическими дѣлами въ Россіи, а это опять таки не могло нравиться Риму и быть согласовано съ его церковными правилами.

По поводу учрежденія Римско-Католической Коллегіи католики прямо высказывали, наприм., что „Il est impossible d'imaginer rien de plus absurde, ni de plus outrageant pour les lois de l'Eglise, que ces statuts du collége ecclésiastique" [1]).

Но что касается отношенія правительства Александра I собственно къ вопросу, насколько должна простираться власть папы на католическую церковную жизнь въ Россіи, то въ этомъ оно не отступило отъ правилъ, установленныхъ со времени присоединенія Бѣлоруссіи. Полный правительственный контроль надъ сношеніями между заграничной духовной властью и русскими католиками былъ признанъ необходимымъ и теперь. Когда во время отпуска Лисовскаго, Коллегія донесла Сенату о назначеніи ею исправляющимъ должность Лисовскаго Высочайше утвержденнаго въ той епархіи суффраганомъ официала Кохановича и объ отношеніи митрополита къ папѣ по вопросу о его рукоположеніи въ санъ епископа [2]), то у Сената явилось сомнѣніе въ правильности дѣйствій митрополита. Сенатъ потребовалъ отъ Сестренцевича объясненій, имѣлъ-ли онъ Высочайшее дозволеніе для сно-

---

[1]) Vicissitudes de l'Eglise Catholique des deux rites en Pologne et en Russie. Paris 1845 г., т. I, ч. 2 стр. 298.

[2]) Примѣч. Этотъ случай посвященія уніатскаго епископа римско-католическимъ митрополитомъ опять можетъ свидѣтельствовать, какъ мало интересовалось въ то время правительство уніатскими дѣлами.

шенія съ папой о рукоположеніи Кохановича. Митрополитъ отвѣтилъ, что онъ лично просилъ вице-канцлера гр. Кочубея доложить Е. И. В. По разсмотрѣніи этого дѣда Сенатъ постановилъ, что въ виду закона 1798 года, разрѣшающаго сношенія съ заграничной духовной властью лишь съ дозволенія Верховнаго правительства, предписывается, чтобы митрополитъ въ случаѣ необходимости заграничной переписки относился къ Сенату для испрошенія на это Высочайшаго соизволенія [1]).

Но для облегченія сношеній русскихъ католиковъ съ папой и въ интересахъ лучшаго контроля надъ этими сношеніями, а также и для полученія болѣе вѣрныхъ свѣдѣній о положенія дѣлъ св. Престола, которое, какъ свидѣтельствуетъ исторія сношеній Россіи съ папой, могло имѣть немалое вліяніе на то или другое рѣшеніе и вопросовъ церковнаго управленія въ Россіи, Александръ I учредилъ при Римскомъ Дворѣ постояннаго представителя Россіи. Въ 1802 году генеральный консулъ въ Римѣ гр. Кассини былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Римскомъ Дворѣ. Въ рескриптѣ, данномъ по этому поводу гр. Кассини, указано, что вообще назначеніе его въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ вызвано „желаніемъ поддержать дружественныя связи, которыя еще ранѣе установились между Моей имперіей и Римскимъ Дворомъ“. Относительно духовныхъ дѣлъ рескриптъ говорилъ, что „между нами могутъ существовать сношенія только въ отношеніи къ подданнымъ Моей имперіи римско-католическаго исповѣданія. Мое попеченіе о нихъ заставляетъ меня видѣть съ удовольствіемъ, что теперь они найдутъ болѣе удобства для сношеній съ Римской церковью по дѣламъ вѣры и въ этомъ отношеніи они не будутъ встрѣчать препятствій, если только будутъ сообразоваться съ правилами, пред-

---

[1]) Сенатскій указъ 17 Сентября 1803 года, т. XXVII № 20939.

ныхъ лицъ, ни въ правахъ коллегій и корпорацій. Защитниками этихъ правъ, отчасти въ интересахъ частныхъ лицъ, отчасти въ интересахъ собственнаго авторитета выступили парламенты, желавшіе подчинить своему рѣшенію не только споры частно-правовые, но и публично-правовые; желаніе, легко осуществимое въ эпоху смутнаго раздѣленія этихъ правовыхъ сферъ. Парламентъ дѣйствуетъ на основаніи французскаго обычнаго права и права римскаго (raison écrite), столь богато разработаннаго въ отечествѣ Куяція и Потье. Король старается своими ордонансами, указами, создать самостоятельное, независимое королевское право, но Парламентъ ихъ признаетъ только тогда, если онъ ихъ внесъ въ свои реестры. Король и его органы стараются избавиться отъ этого судебнаго контроля, требуютъ исполненія всякаго королевскаго указа. Парламентъ упорствуетъ; торжествуетъ въ эпохи смутъ и королевскаго безсилія, но уступаетъ, если король имѣетъ достаточно силы и энергіи, чтобы принудить парламентъ къ регистраціи путемъ такъ наз. „lit de justice", или если онъ назначаетъ чрезвычайныя судилища, или чрезвычайныхъ коммиссаровъ, или наконецъ, съ помощью lettre de cachets устраняетъ наиболѣе упорныхъ противниковъ. Королевскіе юристы выработали теорію, которая должна была содѣйствовать королямъ въ борьбѣ съ парламентами и помочь ему эмансипировать администрацію. То была теорія о „justice rétenue" и о правѣ эвокаціи. Согласно этой теоріи король, какъ первоисточникъ всѣхъ судебныхъ должностей, сохранилъ въ своихъ рукахъ всѣ судебныя права, которыя онъ спеціально не передалъ въ руки парламента. Но и по отношенію къ делегированной части судебной власти онъ имѣетъ право надзора и право исключенія изъ ея сферы всѣхъ споровъ, которые, по его мнѣнію, не входятъ въ компетенцію парламентскаго судопроизводства. Пользуясь этими принципами, короли объявили всѣ споры и пререка-

нія, возникающія по поводу изданныхъ ими указовъ объектомъ justice réténue и передали рѣшеніе ихъ органамъ администраціи, рѣшая ихъ въ высшей инстанціи лично или при содѣйствіи своего государственнаго тайнаго совѣта. Борьба парламента и администраціи привела къ обособленію гражданскаго суда и управленія, къ созданію самостоятельной системы административныхъ должностей, но и къ созданію спеціальныхъ административныхъ судилищъ (cour des aides, des comptes, table de marbre). Но ни парламентскій судъ, ни юрисдикція спеціальныхъ административныхъ судилищъ, ни сложная полицейская арганизація, созданная сперва въ Парижѣ, и по его образцу въ другихъ городахъ, не обезпечили ни безопасности и правовой охраны гражданъ, ни упрочили благосостоянія Франціи. Французскіе государственные люди много занимались внутренней политикой, судьи и администраторы много спорили о правѣ, но политическія мѣры первыхъ оказались неудачными, а споры вторыхъ— безплодными. Въ государствѣ, гдѣ $^2/_3$ гражданъ misera plebs contribuens, не было почвы для систематической, послѣдовательной политики внутренняго управленія, а тѣмъ менѣе для развитія административнаго права.

§ 19. Мы остановились подробнѣе на Франціи, ибо она шла во главѣ политическаго развитія континентальной Европы и была первымъ изъ государствъ континента, которое сплотилось въ одно цѣлое на національныхъ основахъ.

Германія, какъ извѣстно, по своей раздробленности политической, юридической и духовно нравственной (со временъ реформаціи), явилась противоположностью Франціи.

До средины 17-го столѣтія осуществленіе права принимать мѣры для обезпеченія безопасности и для упроченія благостоянія, какъ источниковъ правильнаго снабженія земскихъ сословныхъ и государственныхъ кассъ матеріальными средствами, регулировалось въ Германіи договорами между

ландесгерами и земскими чинами. Въ предѣлахъ этихъ договоровъ (Landtagsabschied) должны были вращаться полицейскія распоряженія правительства. Но до Вестфальскаго мира (1648 г.), до установленія почти полной независимости территорій отъ центральной императорской власти, мѣстныя полицейскія распоряженія должны были руководствоваться и имперскими полицейскими законами, которые при Максиміанѣ I-мъ и Карлѣ V-мъ издавались въ немаломъ количествѣ и регулировали многія стороны нѣмецкой общественной жизни (университетскую жизнь, паспорты, цензуру, цеховую организацію, отношеніе прислуги къ хозяевамъ и т. д.).

Послѣ тридцатилѣтней войны, истощившей Германію до крайности, поколебавшей всѣ основы ея общественнаго строя, оставившей въ качествѣ долго-неизгладимыхъ слѣдовъ—огрубѣніе нравовъ, бѣдность, отсутствіе безопасности, ослабленіе правового чувства, мѣстные правители, добившіеся почти полной независимости, объявили право издавать административные законы и полицейскія распоряженія составною частью своего права верховенства (juris majestatis). Мѣстнымъ землевладѣльцамъ, городамъ, ихъ совѣтамъ и корпораціямъ, это право предоставлено въ ограниченномъ размѣрѣ и съ условіемъ правительственнаго надзора за его осуществленіемъ.

Полицейскія распоряженія городскихъ совѣтовъ и помѣщиковъ безъ санкціи государя не имѣли значенія. Къ концу 17 и началу 18 столѣтія земскіе чины отстраняются отъ всякаго участія въ законодательствѣ. Законодательная функція во всѣхъ областяхъ государственной жизни сосредоточивается въ рукахъ государя, и въ области управленія съ особенной рѣзкостью проводится начало: Suprema lex regis voluntas. Если въ эпоху силы земскихъ чиновъ проводилось различіе между закономъ, какъ договоромъ между сословіями и госу-

даремъ, и указомъ или распоряженіемъ государя, изданнымъ для исполненія договора, то это различіе теперь исчезаетъ. Законъ и указы—въ одинаковой степени всегда выраженіе обязательной воли государя. Почти единственнымъ источникомъ нормъ административнаго права эпохи просвѣщеннаго абсолютизма или полицейскаго государства являются—указы изъ кабинета (cabinetsorders). Удаленіе земскихъ чиновъ, сословныхъ представителей, отъ участія въ законодательствѣ имѣло не только значеніе въ формальной области административнаго права. Съ формальнымъ господствомъ правительственнаго административнаго права связано и расширеніе матеріальной области его примѣненія. Разъ земское право (Landesrecht) перестало быть неприкосновенной для государя сферой, то исчезли и всѣ преграды для правительственнаго вмѣшательства въ разнообразныя сферы жизни общества. Финансы и народное хозяйство, школа и церковь (какъ протестантская, такъ въ эпоху ослабленія папскаго авторитета—и католическая), нравы и внѣшній порядокъ, все, рѣшительно все, становится объектомъ государственной регламентаціи.

Главною же заботою была борьба съ бѣдностью низшихъ классовъ, но не въ интересахъ этихъ униженныхъ и оскорбленныхъ, а въ интересахъ фиска и политическаго могущества государства. Цѣль всѣхъ административныхъ мѣръ—обезпечить приростъ физически сильнаго и здороваго рабочаго населенія, платившаго налоги въ казну, дававшаго рекрутъ въ армію. Такова была цѣль какъ политики внутренней колонизаціи, такъ и законовъ о бѣдныхъ. Въ средніе вѣка забота о низшихъ классахъ, въ особенности о бѣдныхъ, убогихъ духомъ и тѣломъ, была дѣломъ церкви. Послѣ реформаціи, въ протестантскихъ государствахъ эта забота о бѣдныхъ перешла въ руки государственной свѣтской власти. Примѣру протестантскихъ государствъ (но съ меньшей по-

слѣдовательностью) послѣдовали католическія страны. На первыхъ порахъ государство исполнило эту задачу менѣе удачно и энергично, чѣмъ церковь (за исключеніемъ Англіи, гдѣ съ 16 столѣтія, и Швеціи, гдѣ съ 17 столѣтія—развилось законодательство о бѣдныхъ на принципѣ обязательной поддержки). Общество само по себѣ не имѣло ни малѣйшаго интереса въ обезпеченіи неимущихъ, оно требовало только безопасности для своихъ членовъ лично и для ихъ имуществъ. Насколько этой безопасности угрожаетъ классъ не имущихъ, настолько общество требуетъ вмѣшательства государственной власти, но не для того, чтобы обезпечить бѣднымъ возможность лучшаго существованія, а только для того, чтобы защитить имущихъ. Полицейское государство вводитъ заботу о бѣдныхъ въ составъ полиціи безопасности, борется только съ симптомами этой общественной болѣзни, а не стремится устранить ея причины. Тоже самое поверхностно-формальное отношеніе къ различнымъ вопросамъ государственной жизни имѣетъ мѣсто и во всѣхъ другихъ областяхъ управленія, въ борьбѣ съ печатнымъ словомъ, съ безнравственностью, съ дороговизною предметовъ первой необходимости и т. д.

§ 20. Убѣжденіе во всемогуществѣ государственной власти и въ необходимости ея вмѣшательства въ общественную жизнь получило очень рельефное выраженіе въ прусскомъ кодексѣ „Allgemeines Landocht“, выработанномъ юристами Фридриха Великаго и Фридриха Вельгельма II.

Въ 19 титулѣ, части 2-ой, мы встрѣчаемъ слѣдующіе параграфы:

§ 1. Государству надлежитъ заботиться о прокормленіи тѣхъ гражданъ, которые не въ состояніи сами собою добыть содержаніе и не могутъ получить онаго отъ частныхъ лицъ, обязанныхъ къ тому особенными законами.

§ 2. Тѣмъ, коимъ недостаетъ только въ средствахъ и воз-

можности для заработыванія пропитанія себѣ и своимъ родственникамъ, надлежитъ доставить работу, сообразно съ ихъ силами и способностями.

§ 3. Тѣ, кто благодаря лѣни, любви къ бездѣлію или другимъ неблаговиднымъ склонностямъ, не хотятъ воспользоваться возможностью для пріобрѣтенія себѣ средствъ къ жизни, должны быть принуждаемы къ полезному труду подъ надлежащимъ надзоромъ и подъ страхомъ наказанія.

§ 4. Государство вправѣ и обязано принимать мѣры, благодаря которымъ можетъ быть предупреждаема недостаточность гражданъ и которыми устраняется лишнее расточительство.

§ 7. Государство не должно терпѣть обстоятельствъ, содѣйствующихъ вредному тунеядству, въ особенности въ средѣ низшихъ классовъ населенія, ослабляющихъ стремленіе къ трудолюбію.

§ 10. И общины—городскія и сельскія—должны заботиться о содержаніи обѣднѣвшихъ своихъ членовъ и жителей.

§ 14. Главы корпорацій и начальства общинныя обязаны узнавать причины обѣдненія своихъ членовъ и доносить о таковыхъ правительству для своевременнаго устраненія зла.

Государственная власть, подавившая всѣ противодѣйствующія ей общественныя силы, въ большинствѣ европейскихъ государствъ достигла къ концу 17 столѣтія неограниченнаго всемогуства, и всѣ многоразличныя отрасли народной жизни находились подъ отеческимъ руководствомъ ея органовъ. Но высшая власть, ввѣрившая своимъ центральнымъ и мѣстнымъ органамъ опеку надъ подданными, не довѣряла добросовѣстности, честности, безкорыстію, безпристрастію должностныхъ лицъ, становившихся болѣе и болѣе чуждыми народу, презрительно относящихся къ его обыча-

ямъ и бывшихъ единственнымъ обладателемъ мудрости и тонкости писаннаго мѣстнаго и общаго (римскаго) права. Недовѣріе, проникавшее черезъ весь административный строй европейскаго полицейскаго государства, выразилось въ такъ наз. кабинетной юстиціи, въ организаціи должностей тайнаго надзора (фискалатъ) и въ коллегіальной формѣ учрежденій, не только судебныхъ, но и административныхъ, въ тайномъ, бумажномъ дѣлопроизводствѣ (многосложные и подробные протоколы имѣли цѣлью сохранить слѣды дѣятельности и мысли должностныхъ лицъ). Коллегіи стали господствующей формой административной организаціи во всей Европѣ, причемъ наиболѣе послѣдовательно и полно коллегіальная система была проведена въ Пруссіи (законодательство Фридриха Вильгельма I), Даніи и Швеціи (форма правленія 1634 и законодательство Карла XI).

Сосредоточеніе управленія (не только въ смыслѣ верховнаго направленія внутренней и внѣшней политики, но и въ смыслѣ непосредственнаго руководства) въ рукахъ законодателя и верховнаго судьи, не связаннаго никакими выше его стоящими нормами (основными законами) обусловливала отсутствіе всякихъ правовыхъ границъ для управленія. Какъ рѣшеніе встрѣчавшихся въ дѣлѣ управленія правовыхъ вопросовъ, такъ и вопросовъ о цѣлесообразности и благопристойности различныхъ мѣръ, принадлежало административнымъ учрежденіямъ. И вотъ здѣсь то коллегіальная форма организаціи, учрежденіе нѣсколькихъ инстанцій и сложная форма дѣлопроизводства служили какъ бы гарантіей (не абсолютной, а относительной) для безпристрастнаго и однообразнаго примѣненія административныхъ предписаній. Въ государствахъ, въ которыхъ система единоличнаго министерскаго управленія вытѣснила коллегіальную организацію, переходъ отъ полицейскаго государства къ правомѣрному былъ сопряженъ съ потрясеніемъ всего государственнаго строя

(Францiя); гдѣ коллегiи сохранились, тамъ установленiе закономѣрной формы управленiя встрѣтило подготовленную почву, на которой могла мирно развиться администрацiя новаго правоваго государства (Пруссiи и Швецiя).

ГЛАВА V-я.

Управленіе Царской Москвы.

§ 21. Конецъ 15-го и начало 16 столѣтій и для Россіи —начальный моментъ новой эры. Удѣльно-вѣчевая Русь окончательно сходитъ со сцены. Падаетъ Великій Новгородъ, падаетъ за нимъ и Псковъ, его братъ меньшой. Народоправства признаютъ государствованіе Великаго князя Московскаго. Новгородскіе послы назвали Іоанна III—государемъ. Какого государства хочетъ Великій Новгородъ? спросилъ Іоаннъ. Новгородцы испугались нечаянно сказаннаго слова „государство", которое, по объясненію царскихъ бояръ означало: „вѣчу и колоколу не быть, посаднику не быть, государство новгородское держать великому князю точно такъ же, какъ онъ держитъ государство въ Низовой землѣ, а управлять въ Новгородѣ его намѣстникамъ". Итакъ, согласно этой аутентической интерпретаціи государство есть единовластіе царя. „Господъ" могло быть нѣсколько, государь—только одинъ.— „Рядомъ съ расширеніемъ государства, говоритъ Костомаровъ, Иванъ хотѣлъ дать этому государству строго самодержавный строй, подавить въ немъ древніе признаки земской раздѣльности и свободы, какъ политической, такъ и частной, поставить власть монарха единымъ самостоятельнымъ двигателемъ всѣхъ силъ государства и обратить всѣхъ подвластныхъ въ рабовъ своихъ, начиная отъ близкихъ родственниковъ до послѣдняго земледѣльца. И въ этомъ Иванъ Васильевичъ положилъ твердыя основы, его преемникамъ остава-

лось дополнить и вести далѣе его дѣло". (Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, I, 1, 250).

Освобожденное отъ татарскаго ига Московское царство медіатизировало и послѣднихъ удѣльныхъ князей, большинство которыхъ уже давно превратилось въ подручниковъ великаго князя, слабѣя, благодаря безпрерывному дробленію удѣловъ по наслѣдству. Потомки нѣкогда самостоятельныхъ удѣльныхъ князей шли ко двору Великаго князя въ Москву и повергали къ его стопамъ не только себя, свою личность, но и свой удѣлъ, который причислялся къ вотчинѣ велико-княжеской. По мѣрѣ сосредоточенія высшихъ слоевъ населенія около престола и прикрѣпленія ихъ къ службѣ, отдѣльныя мѣстности становились безличными и весь народъ, жившій въ предѣлахъ самодержавства, представилъ собою безразличную массу работныхъ людей, холоповъ, сиротъ, богомольцевъ, надъ которыми стоитъ единодержавный глава—„царь" (само государство), который изначала, по словамъ Іоанна Грознаго, самъ владѣетъ всѣми царствами, а не какъ повелятъ ему работные. Никакія правды или грамоты Ярослава, никакая „пошлина", никакія крестныя цѣлованія вѣчу, никакіе договоры съ народомъ или князьями (послѣдніе договоры Великаго князя Московскаго съ его меньшими братьями 1504 и 1531 гг. имѣютъ не государственно-правовой характеръ, а чисто династическій) не ограничивали волю верховнаго законодателя и правителя. „Потому русскій царь-по словамъ Котошихина, пишется самодержецъ, что государство правитъ по своей воли. Въ его воли—что хочетъ, то учинить можетъ". Право теряетъ свою народную основу; его единственный источникъ—милость самодержца, который равно устанавливаетъ и формы управленія, и его матеріальный обликъ. Если въ управленіи сохраняется еще долго фактическое двоевластіе, если земщина ведетъ почти независимо свое дѣло отъ государева дѣла, которое вѣдаютъ

приказные, то тому причина—безсиліе центральной власти, странное на первый взглядъ при неограниченности самодержавія, но понятное, если припомнить урокъ исторіи, доказавшей на примѣрѣ Византіи и древнихъ восточныхъ деспотій, что безправіе всѣхъ подданныхъ лишаетъ властителя всякой нравственной силы и тѣмъ вмѣстѣ возможности дѣйствовать иначе, какъ путемъ непосредственнаго устрашенія.

Великій князь и Царь и его органы заботились почти исключительно о государевомъ дѣлѣ, о финансахъ, внѣшней политикѣ, ратномъ устройствѣ и о надзорѣ за благоустройствомъ въ сословіи вольныхъ людей. Всѣ начальники служилыхъ людей (вольныхъ) назначались правительствомъ, они и завѣдывали надзоромъ за благоустройствомъ въ этомъ классѣ. Въ мирное время, когда служилые люди жили въ областяхъ въ своихъ имѣніяхъ, благоустройство въ служилыхъ людяхъ и огражденіе ихъ личности составляло обязанность намѣстниковъ и городовыхъ воеводъ, а въ высшей инстанціи—разряднаго приказа (въ XVII ст.). Этотъ классъ образовался какъ извѣстно изъ древней княжеской дружины, которая ничего не имѣла общаго съ земскою общиною относительно внутренняго устройства, а посему земское выборное начало здѣсь не имѣло той силы, какою оно пользовалось въ общинѣ (ср. Шпилевскій: „О благоустройствѣ по Уложенію и современнымъ ему памятникамъ“—Временникъ общества исторіи и древностей Россійскихъ 1855 г. стр. 14). Общинами же крестьянъ черныхъ (казенныхъ) и бѣлыхъ (въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ) управляли выборные,—отчасти самостоятельно, отчасти подъ надзоромъ волостелей (правительственныхъ) и приказчиковъ или ключниковъ (частновладѣльческихъ слугъ). Общины посадскихъ людей различныхъ разрядовъ управлялись также выборными: старостами, сотскими и десятскими. Таковой же порядокъ управленія соблюдался и въ слободахъ служилыхъ людей (не вольныхъ, а тяглыхъ, „по при-

бору", стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей, ямщиковъ, плотниковъ). За порядкомъ службы этихъ такъ сказать административныхъ казенныхъ цеховъ наблюдали выборные сотскіе, пятидесятскіе, конечно не безъ всякаго контроля, со стороны недовѣрчиваго правительства, которое ставило своихъ головъ (стрѣлецкихъ), стройщиковъ, или надъ цѣлымъ городомъ съ слободами намѣстника или воеводу съ товарищи и дьяками. Итакъ, государевымъ дѣломъ управляли только казенные, приказные люди, земскимъ—выборные, подъ надзоромъ приказныхъ. Таково было общее правило, (по крайней мѣрѣ до 17 столѣтія), которое, впрочемъ, допускало исключенія, какъ по мѣсту, такъ и по времени. Окрайны вѣдались почти всегда и во всѣхъ отношеніяхъ государевыми, приказными людьми, а захолустья видали приказныхъ людей вѣроятно въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

§ 22. Изъ исторіи русскаго права извѣстны отъ времени до времени повторявшіяся попытки устранить корыстолюбивую приказную администрацію, (дѣйствовавшую такъ, какъ дѣйствовали всегда и вездѣ сатрапы за глазами государя), отъ всякаго участія въ дѣлахъ земскаго управленія, а иногда и отъ участія въ строеніи государева дѣла, завѣдываніи финансами. „И вниде въ слухъ царю, что многіе грады и волости пусты учинили намѣстники и волостели, изо многихъ лѣтъ презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы и много злокозненныхъ дѣлъ на нихъ учиниша... И какъ сойдутъ съ кормленія, и мужики многими иски отыскиваютъ.... И повелѣ государь въ градѣхъ и волостѣхъ разчинить старосты и сотскіе, пятидесятскіе и десяцкіе... чтобъ имъ разсуждати и промежь разбои и татьбы и всякія дѣла"... (цитировано по Татищеву—„Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", кн. V, стр. 439 и 441).

Грозный Іоаннъ, смертельный врагъ высшаго служилаго сословія, которое кормилось мѣстными должностями, все мѣст-

ное управленіе рѣшилъ передать въ руки выборныхъ представителей общинъ, излюбленныхъ головъ, которымъ онъ повелѣлъ „на посадѣ и въ станахъ и въ волостяхъ межъ себя управы чинить во всѣхъ земскихъ дѣлахъ". Компетенція ихъ обнимала и судъ, и финансы, и полицію. Намѣстники, волостели, и ихъ тіуны изчезли... не надолго. Скоро опять по домамъ служилыхъ приказныхъ кормленщиковъ и ихъ семействъ пошла радостная вѣсть: собирайтесь въ грады и станы и волости служить и кормиться!

„Временная замѣна приказныхъ земскими людьми была у московскихъ царей единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ сдержать приказное самовластіе и прекратить притѣсненія чинимыя народу недостойными царскими слугами". (Русь 1886 г. № 27, стр. 11 и 12, цитировано по Дитятину: „Къ Исторіи мѣстнаго управленія).

Но почему же государственной власти пришлось держаться этой странной политики поперемѣннаго устраненія своей же администраціи и возвращенія ея въ сферу мѣстнаго управленія? Почему ни приказные, ни земщина не оказались на высотѣ своего призванія? Московскій человѣкъ царскаго періода далъ бы одинъ отвѣтъ: правды не было ни въ тѣхъ, ни въ другихъ. Болѣе чѣмъ двухсотлѣтнее владычество татаръ, основанное на произволѣ, насиліи, грабительствѣ, отравило всю русскую жизнь. Менѣе выносливый и здоровый народъ не сохранилъ бы и тѣхъ слѣдовъ „людкости" и правды, которую спасъ изъ темныхъ вѣковъ татарщины русскій народъ—страдалецъ. Византійское вліяніе, проявившееся съ момента появленія около Іоанна III его греческой супруги Софіи Палеологъ, не могло излѣчить ранъ, нанесенныхъ татарами. Не даромъ лучшіе люди 16 вѣка—Берсень и Курбскій—приписывали смуты придворныя, столь гибельно отразившіяся на всей государственной жизни Москвы, укорененіе келейнаго управленія безъ совѣта бояръ—византійскому

вліянію. Все стремленіе къ административной централизаціи, выразившееся въ учрежденіи приказовъ, установленіи служебныхъ тяглъ, закрѣпощеніи отдѣльныхъ классовъ, бѣгствѣ мѣстныхъ жителей отъ общественныхъ должностей,—все напоминаетъ порядки Восточной Римской Имперіи, о которыхъ съ такимъ презрѣніемъ отозвался Петръ Великій.

Низведеніе государевыхъ слугъ на ступень царскихъ холоповъ, всѣхъ гражданъ и земскихъ мужей на ступень работныхъ сиротъ, привело къ тѣмъ же результатамъ, какъ и въ Византіи. Извѣстны слова св. митрополита Филиппа, сказанныя передъ алтаремъ Успенскаго собора: „Доколѣ въ русской землѣ будетъ господствовать беззаконіе? У всѣхъ народовъ, и у татаръ, и у язычниковъ есть законъ и правда, только на Руси нѣтъ. Во всемъ свѣтѣ есть защита отъ злыхъ и милосердіе, только на Руси не милуютъ невинныхъ и праведныхъ людей“.

Однако, нельзя сказать, чтобы государственная власть московскаго періода не старалась и не пыталась ввести начало законности въ государственную жизнь. Даже „неистовый кровопійца“ (по словамъ Карамзина), Іоаннъ IV стремился водворить въ своемъ государствѣ начало законности,— „само собою разумѣется, какъ онъ его—это начало, понималъ“ (Дитятинъ. Верховная власть въ Россіи, стр. 612).

Источниками законовъ или указовъ не были болѣе ни обычное право, ни договоры, а воля самодержца, выражавшаяся или въ Судебникахъ и Уложеніяхъ, или въ грамотахъ, указахъ, наказахъ. При отсутствіи границы между судомъ и управленіемъ въ эпоху Московскую, и административное право, насколько можно о немъ говорить, имѣетъ источники общіе съ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ. Только два законодательныхъ акта касаются спеціально административнаго права: Уставъ о градскомъ благочиніи и Уставъ новоторговый.

Судебникъ царя Іоанна Васильевича изданъ съ прямою цѣлью поставить администрацію и судъ на путь правды и законности*), обязать ихъ дѣйствовать точно въ кругу предоставленныхъ имъ дѣлъ, не отказывать въ разрѣшеніи дѣлъ, входящихъ въ ихъ компетенцію**), но и оградить должностныхъ лицъ отъ несправедливыхъ нареканій, опредѣлить ихъ права на кормленіе, наконецъ оградить жителей отъ вымогательствъ. То время не знало понятій „закономѣрность повиновенія" и „законная отвѣтственность" каждаго служащаго, оно стремилось обезпечить законность установленіемъ солидарной отвѣтственности низшихъ и высшихъ***). Эту же цѣль, водвореніе законности, (т. е. точнаго исполненія царской воли, чтобы отъ злоупотребленій властей жители врознь не разбрелись, города и села не пустовали и Его Царскаго Величества казнѣ убытку отъ тогобъ не было т. е. водвореніе законности не изъ-за закона, а изъ за практическихъ потребностей казны) служили и всѣ уставныя, губныя грамоты, наказы воеводамъ, пріемъ челобитень, установленіе взаимнаго коллегіальнаго надзора. Но цѣль не была ими достигнута. Неправда не искоренилась. „Вникните, говоритъ Дитятинъ (Верховная власть въ Россіи, стр. 613), въ эти

---

*) ... царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, съ своею братьею и съ бояры, сей Судебникъ уложилъ: какъ судити бояромъ и окольничимъ и дворецкимъ и казначеемъ, и дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, а по городамъ намѣстникамъ и по волостѣмъ и ихъ тіунамъ и всякимъ судьямъ".

**) Слово „приказъ" въ седьмой статьѣ Судебника означаетъ не „приказъ" въ болѣе позднемъ техническомъ смыслѣ, то есть не административное учрежденіе, а компетенцію должностного лица вообще.

***) „А которые люди учнутъ искати на намѣстникахъ, или на волостеляхъ и на ихъ людяхъ, по жалобницамъ, и которые намѣстники или волостели за своихъ людей, по жалобницамъ, не за всѣхъ учнутъ отвѣчати, а истцы учнутъ искати на намѣстникахъ или на волостеляхъ и на ихъ людяхъ всего своего иску по жалобницѣ и безъ тѣхъ людей, за которыхъ они не отвѣчаютъ, и по тѣмъ ихъ жалобницамъ судити во всемъ иску, по жалобницѣ и безъ тѣхъ людей, за которыхъ не отвѣчаютъ".

памятники, и вы увидите, что каждый изъ нихъ въ ихъ хронологической послѣдовательности борется съ началомъ, противоположнымъ началу законности,—съ произволомъ, беззаконіемъ въ дѣятельности тѣхъ правительственныхъ органовъ, въ назиданіе и руководство которымъ они издаются. Они только стремятся водворить начало законности въ сферѣ этихъ органовъ, направить ихъ дѣятельность на путь закона, заставить ихъ ходить („и они намѣстники ходятъ по сей нашей грамотѣ") по этому пути. Если сопоставить законодательные памятники начала московскаго государства съ памятниками конца его и мало того, если тѣ и другіе сравнить съ законодательными мѣрами XVIII столѣтія, то невольно придешь къ печальному заключенію: въ продолженіе четырехъ столѣтій обнаруживается одно и тоже стремленіе, одна и таже борьба законодателя—стремленіе водворить законность въ управленіи, борьба съ началомъ, противоположнымъ этой послѣдней".

Чѣмъ объяснить это грустное, донельзя грустное явленіе? Только одно объясненіе возможно! Въ самомъ народѣ исчезло правосознаніе. Каково общество, такова и администрація; она плоть отъ плоти послѣдняго, кровь отъ его крови! Правосознаніе, чувство правовое—способность къ борьбѣ за право, были уничтожены комбинированнымъ дѣйствіемъ татарщины и византійства. И татарскій ханъ, и византійскій императоръ смотрѣли на свою власть, какъ на самоцѣльное явленіе. Власть изъ за власти, все государство, весь народъ ради власти,—вотъ то антигосударственное, безнравственное начало, которое легло въ основу византійской государственной жизни, то начало, противъ котораго Великій царь-труженикъ Петръ I велъ свою отчаянную борьбу.

Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

§ 22. Смутное время, „великая разруха" поколебало всѣ основы государственной жизни. „Земля" спасла „государ-

ство" *). Эта страшная эпоха оставила слѣды, долго неизгладимыя, въ безпримѣрной расшатанности и огрубеніи нравовъ, въ особенности въ средѣ служилаго класса.

„Мы впали, говоритъ Авраамій Палицынъ, во всѣ злыя дѣла, въ лихвы и въ неправды. Всякъ отъ своего чину выше начаша всея дѣяти. Царемъ же играху, яко дѣтищемъ и выше мѣры своея жалованія хотяша". „Нравственная болѣзнь, пережитая русскимъ народомъ въ началѣ XVII в., замѣчаетъ Ланге (Древне-русское уголовное судопроизводство) сломила многое въ юридической жизни русскаго народа, отчего можно было ожидать въ будущемъ благопріятнаго роста и благотворной силы".

Посредствомъ неоднократно созываемыхъ (въ особенности въ царствованіе Михаила Федоровича) земскихъ соборовъ и благодаря безпрестаннымъ челобитіямъ истощенныхъ нищетою и грабительствомъ „людишекъ", „работныхъ людей", государственная власть узнала всю бездну беззаконія, на краю которой стояла Русь. Уложеніе 1649 г., подобно Судебнику 1551 года, должно было служить средствомъ для установленія законности въ управленіи.

„Извѣстно, сказано въ предисловіи къ первому полному собранію законовъ, что законы изображаютъ, такъ сказать, внутреннюю жизнь государства". И, дѣйствительно, внутренняя жизнь московскаго государства 17-го вѣка какъ въ зеркалѣ отражается въ Уложеніи. Самая обширная глава—десятая—посвящена указанію мѣръ борьбы съ язвами судебнаго и административнаго строя того времени, съ волокитою,

---

*) Въ одномъ изъ памятниковъ смутнаго времени, въ записи царя Василія Шуйскаго, 1606 г., встрѣчается новый терминъ, до того не бывшій въ употребленіи,—„правительство".

„И нынѣ мы, Великій Государь, будучи на престолѣ Россійскаго Царствія, хотимъ того, чтобы православное христіанство было нашимъ Царскимъ *добропасным правительствомъ* въ тишинѣ и въ покоѣ и благоденствѣ... (Собр. Госуд. Гр. и Дог. II, стр. 299).

неправосудіемъ, вымогательствомъ, кумовствомъ, лѣнью,—словомъ, съ стремленіемъ не ходитъ по правдѣ, не по царскимъ указамъ. Начала, провозглашаемыя въ Уложеніи, въ особенности въ введеніи къ нему, доказываютъ немалый прогрессъ въ сознаніи важнѣйшихъ условій правильной административной жизни. Уложеніе должно быть какъ бы основнымъ закономъ, замѣняющимъ усмотрѣніе, „чтобы то все Уложеніе впередъ было прочно и неподвижно". И въ Уложеніи встрѣчаются термины: „государственное" и „земское" дѣло. Но эти понятія не противоположныя, дуализма больше нѣтъ. И то и другое—„великое Царственное дѣло" („а для того Своего Государева и земскаго великаго Царственнаго дѣла указалъ Государь"....). Государево дѣло здѣсь не какая-нибудь „Опричнина", не Царское домоводство; подъ этимъ словомъ понимается Верховное и центральное управленіе (кромѣ того: финансовое управленіе въ мѣстности и все дворцовое вѣдомство), которымъ руководитъ Царь непосредственно при содѣйствіи своихъ государевыхъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, въ думѣ и въ приказахъ*). Земское дѣло (это мѣстное самоуправленіе—и судъ, за исключеніемъ регальныхъ, т. е. финансовыхъ дѣлъ) ввѣрено выборнымъ излюбленнымъ людямъ. Но оно не само по себѣ, какъ въ старину, оно входитъ въ составъ Великаго Царственнаго дѣла, какъ его органическая часть.

Уложеніе даже выставляетъ великій принципъ равенства

---

*) Что терминъ „государево дѣло" означалъ именно центральное управленіе, ясно видно изъ словъ указа 23 дек. 1649 г., № 21, I П. С. З. Ср. также № 114: Форму присяги разныхъ чиновниковъ. Бояре, окольничіе и думные дьяки присягаютъ: „всякія государевы и земскія дѣла дѣлати, и Ихъ Государевымъ землямъ всякаго добра хотѣти, безо всякія хитрости и самовольствомъ, мнѣ, безъ Государеваго вѣдома и мимо правды, никакихъ дѣлъ не дѣлати по сему крестному цѣлованію".

Чины дворцоваго управленія присягаютъ только въ вѣрномъ исполненіи государевыхъ дѣлъ; земское дѣло до нихъ не касается.

передъ закономъ: „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большого и до меньшаго чину, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равны“.

И съ точки зрѣнія матеріальной въ эпоху Уложенія расширяется компетенція и кругъ заботъ управленія, хотя попеченіе о благоустройствѣ не распространяется равномѣрно по всей территоріи, и вниманіе сосредоточивается на Бѣлокаменной столицѣ, да на городахъ по важнѣе.

§ 23. Въ 1649 году издается первый полицейскій уставъ: „Наказъ о градскомъ благочиніи“ (повторенный нѣсколько разъ въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, ср. П. С. З. №№ 407 и 600). Этотъ наказъ касается не только береженія отъ огня, но и отъ всякаго воровства (а подъ воровствомъ понималось: „бой, грабежъ, корчма, табакъ, и блядня“). Въ 1669 г. издается еще болѣе обширный уставъ не на Москву одну, а на всю Россію, настоящій уставъ о предупрежденіи преступленій, это такъ называемыя „Новоуказанныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ“. Въ то же царствованіе появляется и Новоторговый уставъ, памятникъ торговой политики въ духѣ меркантилизма, имѣвшій для Россіи тоже значеніе, которое имѣлъ знаменитый Навигаціонный актъ Кромвеля для Англіи или Продуктъ-Плакатъ для Швеціи. Цѣль его— пресѣчь подавляющее туземныхъ торговцевъ вліяніе иностранныхъ торговыхъ домовъ, англійскихъ и голландскихъ. Наконецъ, наканунѣ вступленія Россіи въ такъ называемую императорскую, петербургскую эпоху, незадолго до смерти послѣдняго московскаго царя, Ѳедора Алексѣевича, издается замѣчательный для того времени указъ 1682 г. объ организаціи призрѣнія бѣдныхъ въ Москвѣ. Однимъ словомъ, царское домоводство Іоанновъ и Васильевъ превращается въ полицейское государство, одинаково регламентирующее и государево дѣло въ приказахъ и воеводское управленіе и дѣятельность излюбленныхъ головъ и жизнь всѣхъ холоповъ и сиротъ Великаго государя.

Въ предисловіи къ своему „Уряднику“ или Новому Уложенію и устроенію чина Сокольничья пути (П. С. З. № 440) царь Алексѣй Михайловичъ излагаетъ всю квинтъ-эссенцію полицейскаго государства: „и по Его Государеву указу, никакой бы вещи безъ благочинія и безъ устроенія уряженнаго и не удивительнаго было; и чтобъ всякой вещи честь и чинъ и образецъ писаніемъ предложенъ былъ, потому хоть мала вещь, будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна; никто же зазритъ, никто же похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ. А честь, и чинъ, и образецъ всякой вещи, большой и малой, учиненъ потому— честь укрѣпляетъ и утверждаетъ крѣпость; урядство же уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе; стройство же предлагаетъ дѣло; безъ чести же малится и не славится умъ; безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возстановляетъ бездѣліе. Всякій же читатель почитай и разумѣвай, и узнавай, и насъ слагателя похваляй, а не осуждай“.

Здѣсь и мысли Домостроя и принципы Регламента Главному Магистрату!

§ 24. Несложный строй администраціи удѣльно-вѣчевой Руси въ эпоху Московскую принялъ форму сложнаго механизма безъ правильнаго сочетанія и уравновѣшиванія частей.

Московское государство, раздѣленное на города съ ихъ уѣздами (въ нѣкоторыхъ частяхъ на земли)*), управлялось подъ общимъ верховнымъ руководствомъ царя (при которомъ состоялъ совѣщательный органъ—государева дума) центральными учрежденіями, появившимися въ 16 столѣтіи,—приказами. Вокругъ немногихъ приказовъ, вѣдавшихъ дворцо-

*) Города раздѣлились на сотни, станы, слободы, погосты, уѣзды на волости въ гражд.-администр. отношеніи, на губы въ судебномъ и отчасти въ полицейскомъ. Наконецъ, образуется военное дѣленіе на разряды.

вое управленіе и приписанные къ нему города и уѣзды, по всей вѣроятности уже въ концѣ 15 столѣтія, постепенно группируются въ XVI столѣтіи приказы, вѣдавшіе или какую-либо отдѣльную, вновь пріобрѣтенную, область (наприм., Приказъ Казанскаго Дворца) или и отдѣльную часть общей государственной администраціи (Стрѣлецкій приказъ, Земскій Дворъ или приказъ, Холопій приказъ, Разбойный приказъ). Число приказовъ безпрерывно растетъ (хотя новыя учрежденія, однородныя съ приказами, не всегда имѣли названіе приказовъ) и во вторую половину 17-го столѣтія доходитъ до 50. Согласно преобладающему во всемъ московскомъ управленіи военно-фискальному и вотчинному характеру почти всѣ приказы вѣдали или финансы, или войско, или дворцовое управленіе (имѣя каждый свою спеціальную юрисдикцію). Три приказа вѣдали преимущественно судебныя дѣла, и только одинъ приказъ имѣлъ обще-административный характеръ, и то съ весьма ограниченной территоріальной компетенціей: Земскій приказъ. (Въ царствованіе Алексѣя Михайловяча учреждается органъ политической полиціи: приказъ Тайныхъ дѣлъ). И въ областныхъ приказахъ преобладаетъ финансовый и вотчинно-дворцовый характеръ.

Земскій приказъ завѣдывалъ полицейскими дѣлами въ самой Москвѣ и въ ея уѣздѣ. Подъ его надзоромъ находилась постройка и поправка общественныхъ зданій (впослѣдствіи это дѣло перешло въ руки Каменнаго приказа), предохраненіе отъ пожаровъ, содержаніе въ чистотѣ улицъ, ночные караулы по городу, сборъ городскихъ податей и наблюденіе за порядкомъ въ городѣ. Въ вѣдѣніи его состояли всѣ старосты, сотскіе и десятскіе разныхъ городскихъ общинъ, которыя доставляли въ Земскій приказъ свѣдѣнія о членахъ своихъ общинъ (сотенъ) и о пришлыхъ людяхъ, а также о томъ, кто у кого живетъ и имѣетъ ли законный видъ для прожитія. Здѣсь производили расправу съ людьми подозри-

тельными или безпокойными, на которыхъ была жалоба отъ домохозяевъ или старостъ и сотскихъ; здѣсь содержались пожарныя трубы, здѣсь же клеймились и выдавались торговыя вѣсы и мѣры. Начальниками земскаго приказа были два дворянина и дьякъ, при нихъ 40 человѣкъ подъячихъ и столько же рѣшеточныхъ приказчиковъ или надзирателей за ночными караулами въ Москвѣ.

„Возникли приказы, говоритъ Сергѣевичъ, (Лекціи по исторіи русскаго права, изд. 1890 г. стр. 394) безъ всякаго общаго учрежденія, а путемъ частныхъ приказовъ: какому-нибудь лицу, или нѣсколькимъ, поручается вѣдѣніе нѣкоторыхъ дѣлъ и приказывается имъ вѣдать эти дѣла; возникаетъ приказъ, который иногда называется даже именемъ человѣка, кому приказано (напримѣръ: приказъ или четь дьяка Варѳоломея).... Никакой опредѣленной системы не было проведено при учрежденіи приказовъ; находили нужнымъ приказать (поручить) извѣстному лицу что нибудь, и онъ становился во главѣ приказа“. Возникали новыя дѣла, требующія управленія,—они не распредѣляются между существующими органами, а создается сейчасъ же новый. Чѣмъ объяснить это отсутствіе систематичности, это стремленіе плодить все новые и новые органы центральнаго управленія, эту трату личныхъ административныхъ силъ? По нашему мнѣнію причина кроется отчасти въ общемъ характерѣ полицейскаго государства, отчасти въ характеристичномъ началѣ организаціи службы въ Москвѣ. Недовѣріе, отличительная черта всякаго полицейскаго государства, не допускало порученія немногимъ лицамъ обширнаго круга вѣдомства, а „мѣстничество“ побуждало къ созданію множества равноправныхъ учрежденій, куда можно было бы помѣстить считавшихся мѣстами служилыхъ, которые непремѣнно бы передрались и перессорились, если-бы ихъ посадили въ какое-нибудь общее центральное учрежденіе въ родѣ „Генеральной Директоріи

по дѣламъ военнымъ и доменамъ" въ Пруссіи эпохи Фридриха Вильгельма I*).

§ 25. Въ противоположность этому сложному механизму центральнаго управленія, мѣстное управленіе, земское дѣло (въ новомъ смыслѣ 17 столѣтія), было устроено довольно просто.

Какъ извѣстно изъ всякаго курса исторіи русскаго права органами правительства въ мѣстности были до 17 столѣтія: намѣстники и волостели, а съ начала 17 столѣтія воеводы съ товарищами и дьяками, къ которымъ въ концѣ московскаго періода при Федорѣ Алексѣевичѣ присоединились представители мѣстнаго дворянства (прототипъ мѣстныхъ дворянскихъ и ландратскихъ коллегій Петра Великаго). Воеводы вѣдали всѣ отрасли управленія и судъ (въ различныхъ размѣрахъ), начиная съ военнаго дѣла и кончая полиціей нравовъ. Средствомъ контроля надъ этими малыми царьками въ мѣстности были отчеты, обязательно ими представляемые въ Москву и допускаемыя въ обширномъ размѣрѣ челобитья мѣстныхъ жителей.

„Челобитныя, говоритъ Дитятинъ („Роль челобитій и земскихъ соборовъ"), затрагивали всѣ сферы внутренняго административнаго строя, всѣ стороны общественныхъ отношеній, которыя регулируются въ значительной степени подъ вліяніемъ челобитныхъ или лучше сказать тѣхъ предложеній и мѣръ, которые указывались московскому правительству въ этихъ челобитныхъ".

---

*) Не существуетъ ни одного наказа ни общаго, ни спеціальнаго—для приказовъ, который бы опредѣлилъ точно ихъ компетенцію, ихъ дѣлопроизводство. Въ П. С. З. напечатано только два указа царя Алексѣя Михайловича, регулирующіе время, въ теченіи котораго бояре и дьяки въ каждомъ приказѣ должны были работать. Это отсутствіе всякихъ организаціонныхъ законовъ для центральныхъ учрежденій и побудило Петра Великаго искать образцовъ для своихъ регламентовъ въ чужихъ краяхъ. Родная страна передала ему только одну безформенность.

Средствомъ борьбы съ стремленіемъ служилыхъ превратить должность исключительно въ источникъ наживы—была частая смѣна воеводъ. Воеводы, по общему правилу, должны были руководствоваться наказами, имъ данными (составлявшимися по однообразной, установившейся формѣ) и во второй половинѣ 17 столѣтія Уложеніемъ и новоуказанными статьями.

Кромѣ воеводъ и ихъ товарищей и дьяковъ, главныхъ представителей правительственной силы въ мѣстности, которая, впрочемъ, фактически не препятствовала непосредственному сношенію съ Москвою ни мѣстныхъ жителей, ни своихъ подчиненныхъ, государственная власть посылала въ мѣстности и спеціальныхъ комиссаровъ (особые сыщики по разбойнымъ дѣламъ, писцы посошнаго письма и сборщики по дѣламъ финансоваго управленія) и содержало рядъ низшихъ должностей въ помощь воеводамъ (доводчики, праветчики, становщики, слободчики, посельщики, прикащики, осадные головы, засѣчные головы, объѣзжіе, ямскіе и острожные головы).

Наконецъ, все болѣе и болѣе слабѣя и стушевываясь передъ беэпрерывно возраставшей въ значеніи воеводской должности, сохранилось вплоть до императовскаго періода и старое земское (въ строгомъ смыслѣ) мѣстное самоуправленіе, съ его органами—излюбленными выборными головами, цѣловальниками, судейками, сотскими, пятидесятскими, десятскими. Земщина вспыхнувъ еще разъ, въ послѣдній разъ, великой, непреодолимой силой въ эпоху критическую въ 1612—1613 гг., когда приказные люди „вверху“ превратились въ „перелетчиковъ“, просившихъ милости то у самозванцевъ, то у Поляковъ, спасла Россію, возстановила царскую власть, и возвратилась къ плугу, сохѣ, промысламъ и торгу, появлялась въ лицѣ выборныхъ, не по призыву вѣчеваго колокола, а по зову царя, на земскій соборъ, мирный, чинный, не на шумное вѣче. Тяглецы городскихъ и

сельскихъ общинъ предъявляли самыя скромныи требованія къ государству и его органамъ,—не мѣшали бы имъ только отправлять ихъ мелкія дѣлишки, спасли бы отъ душегубцевъ, разбойниковъ, не отягощали бы поборами непосильными, не заставили разбрестись врознь! Неувѣренность въ безопасности, постоянная боязнь тайныхъ враговъ, страхъ грозы, каждую минуту готовой ударить на него сверху, изъ приказа или изъ воеводской избы, подавляли въ „земцѣ“ — посадскомъ и сельскомъ—стремленіе къ улучшенію жизни, къ изящной обстановкѣ, къ правильному труду, къ умственной работѣ, а стремленіе къ дѣятельному участію въ дѣлахъ земскихъ въ старомъ смыслѣ—почти исчезло. Только былины, да пѣсни народныя сохранили смутныя воспоминанія о вѣчахъ, о земской силѣ. Когда въ Псковѣ, древнемъ свободолюбивомъ Псковѣ, Ордынъ Нащокинъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, старался организовать градское устроеніе на земскихъ началахъ, то лучшіе, богатѣйшіе псковичи возстали противъ этихъ нововведеній. Новое самоуправленіе, просуществовавъ безъ году недѣлю, и то безъ верховной санкціи, было отставлено и воевода возстановленъ въ полной своей неприкосновенности. Чтобы встрѣтить настоящее самоуправленіе, нужно было забраться или въ лѣса Костромскіе, Вологодскіе, Пермскіе, или къ раскольникамъ на Выгозеро!

Исчезли иммунитеты; была сдѣлана попытка подчинить все церковное управленіе и церковный судъ надзору и руководству свѣтскаго учрежденія, монастырскаго приказа.

§ 26. И съ матеріальной точки зрѣнія государственное управленіе расширилось, стало сложнѣе. Государственная власть съ XVI столѣтія принимаетъ нѣкоторыя мѣры для улучшенія быта несвободныхъ классовъ общества (Постановленія Царскаго Судебника относительно условій выхода изъ холопства, постановленія Уложенія 1649 г. о личныхъ правахъ холоповъ, объ условіяхъ отдачи въ кабалу—29 ст., XX

глава); все чаще и чаще встрѣчаются свидѣтельства о заботахъ правительства о путяхъ сообщенія (установленіе сборовъ въ пользу постройки мостовъ, опредѣленіе обязанностей землевладѣльцевъ относительно содержанія мостовъ и гатей и правъ ихъ относительно взиманія проѣзжихъ пошлинъ, о ширинѣ дорогъ большихъ и малыхъ, о проведеніи проселковъ, объ очищеніи и непрегражденіи русла судоходныхъ рѣкъ, наконецъ даже встрѣчаются попытки сооруженія каналовъ).

Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство заботится объ организаціи мѣръ для пересылки писемъ, посылокъ и провоза проѣзжающихъ; организуется на болѣе опредѣленныхъ основаніяхъ личная подвозная повинность, ямы; наконецъ,—настоящія почты (во второй половинѣ XVII столѣтія). Но и здѣсь, какъ и въ немногихъ распоряженіяхъ, касающихся улучшенія сельскаго хозяйства, рыбныхъ ловель, лѣснаго и горнаго хозяйства, господствуетъ узкая фискальная точка зрѣнія. На первомъ мѣстѣ—казенный интересъ (горныя промыслы составляли государеву регалію, только въ качествѣ исключенія частныя лица получали особенныя разрѣшенія на занятіе горнымъ дѣломъ). Фискальная точка зрѣнія, регализмъ, проникала и во всѣ мѣры, принимавшіяся въ пользу развитія ремеслъ, торговли и промышленности. Вся система закрѣпощенія отдѣльныхъ общинъ торговаго и ремесленнаго сословія къ тягламъ, установленная въ интересахъ фиска, препятствовала дѣятельному развитію торговли и промышленности и самодѣятельности этихъ общинъ. При томъ, область торговыхъ дѣйствій, предоставленная частнымъ лицамъ, принадлежащимъ къ торговому сословію, была не особенно широка и безпрестанно суживалась, благодаря увеличенію числа заповѣдныхъ товаровъ, торговля которыми сосредоточена въ рукахъ казны, или велась по ея порученію. Только торговля хлѣбомъ (послѣ 1660 г.) пользовалась сравнительною свобою ради предотвращенія дороговизны. Что же ка-

сается заботъ государственной власти объ умственномъ и нравственномъ развитіи населенія, то въ этомъ отношеніи Московское государство недалеко подвинулось впередъ сравнительно съ эпохой татарщины; оно даже отстало въ этомъ отношеніи отъ времени удѣльно-вѣчевого. Только вторая половина XVII столѣтія свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ пробужденіи стремленій къ борьбѣ съ грубостью нравовъ и умственнымъ невѣжествомъ; отчасти церковь, отчасти передовые люди (Ртищевъ и учрежденное имъ Андреевское братство) выступаютъ дѣятелями въ этой области. Но то, что сдѣлала Москва въ этомъ отношеніи, не выдерживаетъ сравненія съ результатами просвѣтительной дѣятельности Юго-западной Россіи, гдѣ развитіе „людскости“ и познаній было орудіемъ борьбы съ польчизною и католичествомъ.

ГЛАВА VI-я.

Реформы Петра Великаго и русская администрація 18 столѣтія.

§ 27. „Въ Россіи 17 вѣка, пишетъ академикъ Никитенко въ своемъ дневникѣ 1859 года по поводу появленія „Исторіи Петра Великаго“—Устрялова,—было великое броженіе разнородныхъ стихій—азіатскіе варварскіе нравы съ чертами русскаго добродушія и простоты; грубое и глубокое невѣжество, смущенное вторженіемъ иноземныхъ понятій; темные и безсознательные порывы къ чему-то лучшему. Литература и искусство, каковы бы они не были, законодательство и администрація сложившіяся не въ силу здравыхъ понятій о государственной безопасности и благоденствіи, а образовавшіяся въ видѣ накипей, выбрасываемыхъ изнутри на поверхность народной жизни случайными событіями и нуждами; церковь въ борьбѣ съ расколомъ и проч.. Все это въ концѣ 17 столѣтія составляло нашу нестройную, полудикую, мятежную и тревожную общественность съ уже явными въ ней признаками на неизбѣжный переворотъ“.

Петръ Великій въ своихъ реформахъ административнаго строя Россіи преслѣдовалъ преимущественно двѣ цѣли: 1) учрежденіе органовъ администраціи, центральныхъ и мѣстныхъ, съ точно опредѣленной, постоянной компетенціей, дѣйствующихъ не по усмотрѣнію, а по общимъ правиламъ, указаннымъ въ регламентахъ и инструкціяхъ, и 2) провести черезъ всю администрацію начало коллегіальности, (которое вмѣстѣ съ системой явнаго, прокурорскаго, и тайнаго, фи-

скальнаго, надзора) должно было обезпечить закономѣрность управленія.

Эти цѣли были имъ достигнуты настолько, насколько безпрерывныя войны, наполнявшія все его царствованіе, и пустившее глубокіе корни общее стремленіе къ беззаконію, безнравственность служилаго сословія и тупая пассивность тяглыхъ классовъ, тому не препятствовали" *).

Первая задача осуществилась благодаря слѣдующимъ мѣрамъ: раздѣленію Россіи на губерніи, провинціи и уѣзды (дѣленіе на доли было временное); учрежденію Сената, какъ верховнаго мѣста управленія, коллегій, главнаго магистрата съ подчиненными ему магистратами, должностей губернаторовъ, вице-губернаторовъ, измѣненію въ характерѣ должности воеводъ, учрежденію ландратовъ, и ландрихтеровъ, комендантовъ, коммиссаровъ, казначеевъ, полицеймейстеровъ въ Петербургѣ и Москвѣ и другихъ должностныхъ лицъ по спеціальнымъ отраслямъ администраціи. Петръ задумалъ отдѣлить судъ отъ администраціи; у губернаторовъ, воеводъ, должна была быть отнята судебная функція; для всей Россіи центральнымъ органамъ судебнаго управленія и высшей, подъ надзоромъ Сената, инстанціей должна была быть юстицъ-коллегіи (по вотчиннымъ дѣламъ—вотчинная коллегія). Но реформа отчасти осталась на бумагѣ (мѣстные органы администраціи не переставали вмѣшиваться въ судебныя дѣла), отчасти не бы-

---

*) Характеристикой нравственнаго уровня русскихъ сословій, служившихъ Петру личнымъ матеріаломъ для его реформъ, можетъ служить изреченіе одного дворянина 18 ст., который сказалъ, что девизомъ русскаго служилаго шляхетскаго (дворянскаго) сословія было: „лишь бы я былъ цѣлъ, да не дурно мнѣ было, а тамъ,—хоть волкъ траву ѣшь", а про весь народъ выразился: „народъ нашъ не вовсе трудолюбивъ, но паче лѣнивъ и нетрудолюбивъ, и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то, конечно и такіе, которые въ своемъ домѣ одинъ ржаной хлѣбъ ѣдятъ, не хотятъ получать черезъ свой трудъ ни чести, ни довольной пищи, кромѣ, что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ".—Съ этими словами всецѣло сходятся характеристики, данныя Посошковымъ и другими современниками.

ла проведена послѣдовательно: большинство коллегій получило свою спеціальную юрисдикцію.

Названія этихъ новыхъ должностей взяты отчасти изъ Курляндіи, Даніи, Пруссіи; но компетенція каждой изъ этихъ должностей пріурочена къ своеобразнымъ условіямъ русской жизни. Тоже нужно сказать и о регламентахъ и инструкціяхъ; они составлялись по образцамъ отчасти Шведскимъ, отчасти Прусскимъ и Датскимъ, но содержаніе ихъ не совпадаетъ ни съ шведскими, ни съ датскими, ни съ прусскими, за исключеніемъ немногихъ. Разсказъ, что, вся центральная и мѣстная администрація Петра Великаго есть сколокъ съ шведской, что всѣ регламенты и инструкціи—копіи съ шведскихъ, составленныя подъ диктовку шпіона Фика—басня и вымыселъ, повторяемая нашими историками и юристами до-нынѣ. Причина этимъ нелѣпымъ разсказамъ —полное незнаніе шведскихъ учрежденій и небрежное изученіе источниковъ: архивныхъ матеріаловъ или записокъ современниковъ.

Что касается стремленія Петра водворить или, вѣрнѣе сказать, возстановить на прочныхъ началахъ начало коллегіальности въ русскомъ управленіи, съ помощью его и при содѣйствіи тайнаго и открытаго надзора обезпечить господство закономѣрности, то оно проявлялось въ его мѣрахъ чуть ли не съ первыхъ шаговъ его реформаторской дѣятельности.

§ 28. Московскіе приказы, сохранившіеся въ теченіе первыхъ десятилѣтій Петровскаго царствованія, были почти всѣ упразднены; ихъ мѣста заняли коллегіи.

Слово „приказъ“, впрочемъ, не выходитъ изъ употребленія сразу. Не говоря уже о томъ, что при Петрѣ Великомъ сохранились нѣкоторые приказы, напримѣръ знаменитый Преображенскій приказъ,—еще при Аннѣ Іоанновнѣ учреждаются органы съ названіемъ приказовъ, напримѣръ: ко-

нюшенный приказъ въ 1731, судный и сыскной приказы въ Москвѣ.

Здѣсь въ этихъ новыхъ органахъ и коллегіяхъ сконцентрировалась вся иноземщина. Не то шведскія, не то нѣмецкія названія самыхъ органовъ, новый порядокъ дѣлопроизводства, новыя названія сложныхъ книгъ и журналовъ; все новое, все чужое, вплоть до исполинскихъ париковъ предсѣдателей и засѣдателей, до ихъ чопорныхъ титуловъ и кафтановъ иностраннаго покроя!

Какой смыслъ имѣла эта реформа? Неужели нашъ первый шкиперъ, нашъ царь кузнецъ, царь плотникъ, принимавшій доклады своихъ министровъ часто сидя на реѣ строющагося корабля, такъ прельстился западно-европейскою церемоніальностью, что въ титулахъ, въ оберткахъ бумаги, въ многословныхъ и многосложныхъ журналахъ и протоколахъ видѣлъ важное дѣло и ради формы внѣшней однимъ ударомъ уничтожилъ учрежденія, установившіяся въ теченіе 2 столѣтій?

Неужели тотъ великій человѣкъ, проницательности котораго такъ удивляешься, читая, напримѣръ, его письма изъ путешествій къ Меньшикову, Апраксину, Шафирову и др., неужели онъ поступилъ, какъ поступаетъ неудачникъ-гимназистъ на экзаменѣ: нужно рѣшить задачу, взялъ да и списалъ у ближайшаго сосѣда, безъ толку, безъ чувства, безъ разстановки? Дѣйствительно, многіе публицисты, какъ въ 18-мъ такъ и въ 19 столѣтіи, именно это и утверждали. Такъ, напримѣръ, Фридрихъ Великій въ сочиненіи: Considerations sur l'état de la Russie sous Pierre le Grand, написанномъ въ 1737, и напечатанномъ въ 1797 году, прямо упрекаетъ Петра въ безсмысленномъ, рабскомъ подражаніи Швеціи. И до него цѣлый рядъ иноземцевъ, авторовъ мемуаровъ, говорилъ тоже, русскіе писатели 18 столѣтія, напримѣръ князь Щербатовъ (но не Татищевъ!), біографы Петра во

Франціи, Германіи, Россіи всѣ повторяли тотъ же напѣвъ: „Шведскія учрежденія цѣликомъ перенесены въ Россію". Такова fable convenue, которую разсказываютъ въ различныхъ варіантахъ. Прибавляютъ къ этому, что Петръ даже не собственнымъ умомъ и дошелъ до этой мудрости; что въ Торгау, въ 1711 г., сошелся онъ съ Лейбницомъ и одного разговора съ философомъ было достаточно для того, чтобы убѣдить русскаго царя немедленно заняться списываніемъ съ шведскихъ образцовъ. Московскій профессоръ Герье доказалъ, что участіе Лейбница въ административныхъ реформахъ Петра—басня! Но упрекъ въ рабскомъ подражаніи Швеціи такъ и остался пятномъ на памяти Петра. Упрекъ оказывается несправедливымъ, если мы, на основаніи источниковъ, прослѣдимъ въ точности отдѣльныя стадіи реформы и тѣмъ вмѣстѣ выяснимъ ея смыслъ въ исторіи нашего административнаго права.

Полагаю, всякій, кто вспомнитъ то, что сказано выше о старыхъ московскихъ административныхъ порядкахъ,— согласится, что развивающаяся государственно-общественная жизнь въ концѣ 17-го столѣтія требовала энергичныхъ мѣропріятій для искорененія тѣхъ золъ, отъ которыхъ страдалъ народъ, на которыя онъ жаловался. Это признано даже главами такъ называемой школы славянофиловъ. Въ статьѣ „О старомъ и новомъ", Хомяковъ говоритъ слѣдующее:

„Между тѣмъ, когда всѣ обычаи старины, всѣ права и вольности городовъ и сословій были принесены въ жертву для составленія плотнаго тѣла государства; когда люди, охраненные вещественною властью, стали жить не другъ съ другомъ, а такъ сказать другъ подлѣ друга, язва безнравственности общественной распространялась безмѣрно, и всѣ худшія страсти человѣка развились на просторѣ: корыстолюбіе въ судьяхъ, которыхъ имя сдѣлалось притчею въ народѣ, честолюбіе зъ боярахъ, которые просились въ аристократію,

властолюбіе въ духовенствѣ, которое стремилось поставить папскій престолъ.

Явился Петръ и по какому-то странному инстинкту души великой, обнявъ однимъ взглядомъ всѣ болѣзни отечества, постигнувъ все прекрасное и святое значеніе слова: „государство“, онъ ударилъ по Россіи, какъ страшная, но благодѣтельная гроза. Ударъ по сословію судей—воровъ; ударъ по боярамъ, думающимъ о родахъ своихъ и забывающихъ родину; ударъ по монахамъ, ищущимъ душеспасенія въ келіяхъ и поборахъ по городамъ, а забывающихъ церковь и человѣчество и братство христіанское! За кого изъ нихъ заступится исторія“?

Организацію московской администраціи мы назвали походной организаціей управленія государства, поставленнаго въ необходимость отвоевывать свое единство и свою цѣльность. Подобно тому какъ въ походѣ главнокомандующій отдѣляетъ все новые и новые отряды для занятія той или другой позиціи, такъ и московское гасударство снаряжало все новые и новые органы для управленія той или другой вновь пріобрѣтенной или возсоединенной области, для рѣшенія той или другой спеціальной задачи. Въ походѣ начальнику отдѣльнаго отряда дается инструкція, въ предѣлахъ которой онъ дѣйствуетъ самостоятельно. Бояре въ приказахъ, воеводы въ уѣздахъ получали свой наказъ, а къ царю обращались только тогда, когда то или другое дѣло почему-либо „рѣшить было не мочно“.

Съ приближеніемъ конца великой сѣверной войны, когда завѣтная цѣль допетровской и петровской политики,—обладаніе морскимъ берегомъ,—была достигнута, эта походная организація государственнаго управленія не могла болѣе удовлетворить потребностямъ государства. Необходимо было систематизировать русскую администрацію, дать ей то, чего ей недоставало: строгую опредѣленность и постоянство ком-

петенціи ея органовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить начало закономѣрности вмѣсто начала усмотрѣнія.

§ 29. Едва ли вѣрно то, что нѣкоторые изъ нашихъ историковъ говорятъ о тенденціи административныхъ реформъ Петра, не обращая вниманія на его стремленіе положить въ основаніе русской администраціи начало законности.

Когда въ 1872 году праздновалось 200-лѣтіе рожденія Петра, двое изъ выдающихся русскихъ ученыхъ: Лешковъ и Бестужевъ-Рюминъ, высказали весьма односторонній взглядъ на административныя реформы Петра. Первый сказалъ: „Время Петра Великаго поэтому именно важно въ нашей исторіи, что представляетъ экспериментъ построенія права на началѣ пользы. Наше время тѣмъ отличается отъ прошедшаго, что силится всѣ явленія жизни подчинить идеѣ права. Не полиція служитъ у насъ душою гражданства по выраженію царя Петра, а право и правда, по ученію его современника, русскаго крестьянина, Посошкова". Сильный упрекъ, но вполнѣ несправедливый и болѣе подходящій къ презирающему всѣ права и интересы подданныхъ утилитаризму Московскаго времени, чѣмъ къ великому государственному дѣятелю, то и дѣло напоминающему въ указахъ своихъ о законѣ, правдѣ, правѣ. А профессоръ Бестужевъ Рюминъ, какъ бы повторяя слова князя Якова Долгорукова, утверждаетъ: „Забота о могуществѣ государства, объ его политическомъ значеніи была первой заботой Петра; все остальное было средствомъ къ достиженію этой высшей цѣли".

Вѣрнѣе оцѣнилъ стремленіе Петра одинъ изъ его державныхъ преемниковъ, императоръ Николай 1 ый. По разсказу Балугьянскаго, Николай Павловичъ 13 декабря 1825 г., наканунѣ оффиціальнаго восшествія на престолъ, сказалъ: „Я желаю положить въ основу государственнаго строя и управленія всю силу и прочность законовъ". При этомъ, выйдя въ другую комнату, онъ вынесъ бюстъ Петра Вели-

каго, поставилъ его на свой письменный столъ и съ большимъ воодушевленіемъ сказалъ: „вотъ образецъ, которому я намѣренъ слѣдовать во время моего царствованія“.

Развѣ упомянутые критики Петра никогда не читали указа Петра, гласящаго: „Какъ можетъ государство быть управляемо, когда указы не будутъ дѣйствительны? Презрѣніе указовъ равно измѣнѣ и еще хуже ея, ибо, заслышавъ объ измѣнѣ, всякъ остережется, и этого зла никто вскорѣ не почувствуетъ, но мало по малу все разорится.... Въ управленіи государствомъ важнѣе всего храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды“.

Средства, которыми надѣются достигнуть великой цѣли законности—различны въ различныя времена. Въ наше время видятъ эти средства или въ конституціонныхъ граматахъ, въ пресловутомъ раздѣленіи властей, или въ контролѣ суда надъ администраціей, въ организаціи административной юстиціи. 17-го и 18-го столѣтія видѣли это средство въ коллегіальной организаціи государственныхъ учрежденій. Съ коллегіями мы встрѣчаемся вездѣ, начиная съ сѣверной Швеціи и кончая южной Португаліей.

А на Руси? Развѣ коллегіальное начало было ей чуждо?

Развѣ мы не знаемъ изъ лѣтописей, что единоличное дѣйствіе князя считалось лишеннымъ нравственнаго авторитета, что согласіе старѣйшинъ его дружины считалось гарантіей правды и закономѣрности? Чѣмъ же была княжеская дума, если не коллегіей, кого посылали цари въ уѣздъ: одного воеводу?, нѣтъ воеводу съ товарищами. Кого послали, напримѣръ, въ Новгородъ и Псковъ послѣ ихъ покоренія? Не одного воеводу, а 4 и 3, для совмѣстнаго управленія

и взаимнаго контроля. Кто засѣдалъ въ приказахъ? Вѣдь не одинъ бояринъ, не одинъ дьякъ, а нѣсколько. Если это правда, что дѣйствіе сообща, міромъ, есть отличительная черта русскаго общественнаго строя, то она должна была проявляться и въ организаціи государственной жизни, въ организаціи управленія. Московскую политику упрекали въ искусственномъ разъединеніи людей и общинъ, въ томъ, что люди принуждались жить не другъ съ другомъ, а другъ подлѣ друга! Если это вѣрно, то развѣ стремленіе Петра къ соединенію людей для совмѣстнаго дѣйствія, проявившееся въ его учрежденіяхъ, начиная съ кумпанствъ, кончая коллегіями, не есть возстановленіе древняго русскаго начала? Вѣрно замѣчаніе незабвеннаго историка Соловьева, что учрежденія Петра „были школами для общаго дѣла". Смѣло можно сказать, что не чуждо было коллегіальное начало русской жизни, не списывать его пришлось съ иноземныхъ образцовъ, а лишь возстановить; оно и возстановлено, только въ иностранной одеждѣ, и возстановлено не по командѣ Лейбница, или другого иностранца, вслѣдствіе внезапнаго порыва энтузіазма: напротивъ, къ коллегіальности стремился Петръ, не знавши ни Лейбница, ни Фика, ни Любераса!

§ 30. Знаменитое первое путешествіе Петра повело его въ тѣ страны, въ которыхъ почти все управленіе находилось въ рукахъ коллегій, еще не успѣвшихъ подчиниться единоличной власти полновластныхъ министровъ, въ Пруссію,—Бранденбургъ, въ Саксонію, въ Ганноверъ и, наконецъ, въ Голландію съ ея вліятельными, почти неограниченно властвующими, совѣтами бургомистровъ и ратмановъ.

Во время этой поѣздки Петръ познакомился съ англичаниномъ Францисомъ-Ли и онъ по желанію царя въ 1699 году составилъ книгу, содержащую проектъ организаціи 6 коллегій, которымъ должно быть поручено дѣло народнаго образованія, поощренія и развитія торговли и мануфактуръ,

сельскаго хозяйства и религіозной пропаганды. Практическихъ послѣдствій эта работа англійскаго ученаго не имѣла, но она ясно доказываетъ, что вопросъ о реорганизаціи ад-административныхъ учрежденій занималъ Петра уже въ началѣ его царствованія.

Въ 1699 году, какъ извѣстно, учреждена Бурмистерская палата, по существу своей организаціи та же коллегія (не смотря на вліяніе инспектора ратуши, должности, получившей преобладающее значеніе въ самой коллегіи благодаря личности ее занимавшей, знаменитому Курбатову). Современные Петру публицисты, напр. авторъ извѣстныхъ, весьма цѣнныхъ записокъ, изданныхъ въ 1729 г., баронъ Ivan Netesuranoi (псевдонимъ) „Memoires du Règne de Pierre le Grand“ прямо называетъ ее коллегіей, считая ее первымъ звеномъ въ цѣпи коллегій появившихся впослѣдствіи. Извѣстно далѣе, что къ тому же времени относится замѣна боярской думы—министерской консиліей, дѣйствовавшей отъ имени царя и вмѣсто его во времена частыхъ его отлучекъ. Въ этомъ коллегіальномъ органѣ неоднократно проявлялись попытки болѣе вліятельныхъ членовъ забрать рѣшеніе дѣлъ исключительно въ свои руки, у другихъ членовъ наоборотъ, замѣчалась лѣнь высказать свое мнѣніе, желаніе отмолчаться, сложить отвѣтственность съ себя на плечи своихъ сотоварищей. И вотъ идутъ грозныя повелѣнія Петра къ князю Ромодановскому: не иначе рѣшенія чинить какъ посовѣтовавшись съ прочими (письмо изъ Люблина 23 мая 1707 г.), и полгода спустя, 7 октября, слѣдующее: „Sur, изволь объявить при съѣздѣ въ палатѣ всѣмъ министрамъ, которые въ консилію съѣзжаются, чтобы они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали и каждый бы министръ своею рукою подписывалъ, что зѣло нужно надобно и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли, ибо симъ всякаго глупость и добрость явлена будетъ“....

Можно было бы провести еще рядъ писемъ, въ которыхъ постоянно повторяется требованіе „дѣйствовать только съ общаго совѣта". Черезъ три года послѣ учрежденія бурмистерской палаты новая административная реформа доказываетъ, что царь неуклонно и послѣдовательно старается провести коллегіальное начало, на этотъ разъ въ мѣстномъ управленіи. Учреждаются дворянскія коллегіи при выводахъ, получившія впослѣдствіи названіе ландратскихъ коллегій.

Въ томъ же 1702 г. издается извѣстный манифестъ, въ которомъ иностранцы приглашаются вступать въ русскую службу, при чемъ имъ обѣщается, что они будутъ подсудны не обыкновеннымъ судамъ, а „особой военной коллегіи", которая должна рѣшать дѣла по общему (т. е. римскому праву) и естественному праву. Въ этомъ памятникѣ письменности петровскаго времени, вышедшемъ изъ подъ пера несчастнаго Паткуля, впервые употребляется слово „коллегія".

Эпоха 1702—1711 гг., т. е. эпоха отъ времени появленія этого манифеста до столь важнаго, по мнѣнію многихъ ученыхъ, свиданія Петра съ Лейбницомъ, сравнительно бѣдная въ отношеніи внутреннихъ реформъ, въ сущности была весьма важнымъ періодомъ. Припомните, что именно въ теченіе этого промежутка времени Петръ имѣлъ возможность близко ознакомиться съ чисто шведской организаціей мѣстнаго управленія—въ Финляндіи, и съ своеобразною смѣсью учрежденій погибшаго нѣмецкаго ордена съ шведскими нововведеніями въ Лифляндіи и Эстляндіи.

§ 31. Въ то время, когда реформы Карла XII еще не вторгнулись въ административный строй Швеціи,—шведское мѣстное управленіе во многихъ отношеніяхъ основывалось на началѣ коллегіальности. Провинціальные (т. н. лагманскіе) суды, Надворный Судъ въ Обо, уѣздные суды съ шеффенскими коллегіями изъ среды мѣстныхъ обывателей, магистраты, губернаторъ (Ландсгевдингъ), ограниченный въ своей

власти обязанностью совѣщанія съ ближайшими сотрудниками, мѣстнымъ казначеемъ, мѣстнымъ секретаремъ и камериромъ, все это сохранилось цѣликомъ въ Финляндіи. Если бы Петръ былъ дѣйствительно тѣмъ слѣпымъ подражателемъ, какимъ его любятъ выставлять, то почему же онъ не скопировалъ въ точности всю эту мѣстноадминистративную систему? Почему онъ ввелъ должности ландрихтеровъ и ландратовъ, компетенція которыхъ вовсе не совпадаетъ ни съ шведскими, ни съ балтійскими, ни съ прусскими и датскими органами того времени? Откуда взялось выборное начало? Вѣдь не изъ Швеціи! Тамъ всѣ мѣстныя должности были коронными. Что Петръ былъ знакомъ и близко знакомъ съ шведскими учрежденіями, это несомнѣнно. Свидѣтельства тому находятся въ Морскомъ Архивѣ, между прочимъ въ корреспонденціи графа Апраксина съ финляндскимъ губернаторомъ, граф. Дугласомъ. Къ этому нужно прибавить еще слѣдующее:

Въ 1710 году изъ шведскаго плѣна возвратился генералъ Адамъ Вейде, который, по словамъ царя и по свидѣтельству современниковъ, въ теченіе десятилѣтняго своего плѣна близко изучилъ шведскую центральную администрацію. Не отъ кого другого, какъ отъ него Петръ узналъ объ организаціи шведскаго государственнаго совѣта, получившаго особое образованіе во время отсутствія короля Карла XII. Но была ли та высшая коллегія, которая появилась въ Россіи годъ спустя послѣ возвращенія Вейде и Головина изъ шведскаго плѣна, было ли учрежденіе Сената въ 1711 году плодомъ ознакомленія Петра съ строемъ высшей администраціи Швеціи? Былъ ли Сенатъ сколкомъ съ шведскаго государственнаго совѣта? Въ этомъ да позволено будетъ усумниться!

Шведскій государственный совѣтъ (никогда оффиціально не носившій названія: „Сенатъ") получилъ прочную организацію въ началѣ 17 столѣтія; развился же онъ изъ періодически

созывавшихся собраній вельможъ свѣтскихъ и духовныхъ съ участіемъ лагмановъ, т. е. представителей отдѣльныхъ областей. Онъ былъ представителемъ интересовъ высшаго класса, ядромъ развившихся „господскихъ съѣздовъ", а послѣ усиленія крестьянскаго и городского сословій сдѣлался какъ бы частью общесословнаго представительства, риксдага. Форма правленія 1634 года расширила его компетенцію. Его согласіе было необходимо при изданіи новыхъ законовъ, при отмѣнѣ старыхъ, при рѣшеніи вопроса о войнѣ и мирѣ, даже созваніе риксдага не возможно было безъ его согласія. Государственный Совѣтъ связывалъ королевскую власть по рукамъ и по ногамъ. Государственныя коллегіи въ свою очередь были ничѣмъ инымъ, какъ только развѣтвленіемъ совѣта. Предсѣдатели коллегіи были вмѣстѣ съ тѣмъ первыми по вліянію членами совѣта. Благодаря связи съ коллегіями совѣтъ былъ не только законовѣщательнымъ органомъ, но и высшимъ органомъ управленія. Всѣ должностныя лица были отвѣтственны передъ нимъ. Но положеніе совѣта измѣнилось, сила его сократилась послѣ переворота, произведеннаго Карломъ XI.

Riksens Rad, государственный совѣтъ, получилъ названіе vare rad, нашъ совѣтъ; члены же его назывались kungliga rad, королевскіе совѣтники. Хотя предсѣдатели коллегій не перестали быть членами совѣта, тѣмъ не менѣе совѣтъ изъ высшаго органа управленія превратился въ органъ юстиціи; въ дѣла управленія онъ болѣе не вмѣшивался, въ законодательствѣ голоса болѣе не имѣлъ.

Согласно завѣщанію Карла XI совѣтъ впредь долженъ былъ состоять только изъ лицъ дворянскаго происхожденія; въ его составъ должны были входить маршалъ королевства, намѣстникъ стокгольмскій, всѣ президенты коллегій и 4 генералъ губернатора. Король долженъ былъ совѣщаться съ нимъ по всѣмъ дѣламъ внутренняго управленія и внѣшней

злая жена"? отвѣчаетъ цѣлымъ рядомъ выраженій въ родѣ: „душамъ пагуба, хоругвь адова, сатанинъ праздникъ, неумолимая скарпія, неудержимый аспидъ, око діаволово, непозлащенныя уста, вождь, воевода неправдамъ, злообразный скименъ (львенокъ), гостинница пагубная, торжище бѣсовское" и т. под. Указывалось и на другія, нелестныя для женщины, ея свойства, что она „прихирлива, льстива, крадлива, колдунья, еретица, медвѣдица, львица, змія, аспидъ и василискъ". Женщинѣ приписывалось, что она прельщаетъ мужчину „свѣтлымъ лицомъ, высокою выею, очами назирающи, ланитами склабящися, языкомъ поющимъ, гласомъ скверняющимъ, словесы чарующи, ризы повлачающи, ногами играющя". Византійскія воззрѣнія на женщину отразились на народныхъ на нее воззрѣніяхъ, сохранившихся до нашего времени (курица не птица, женщина не человѣкъ, дѣвки не—люди, козы не—скотина, женой и Адамъ изгнанъ изъ рая, женская беззлобность крокодилова слеза, женское сердце что ржа въ желѣзѣ, женское слово, что клей пристанетъ и мн. др.).

На встрѣчу византійскимъ идеямъ, принижающимъ женщину, шли *родовыя, патріархальныя понятія*, появившіяся на Руси уже въ началѣ ея исторической жизни. Славяне жили отдѣльными семьями, развившимися въ роды. Власть главы семьи или родоначальника была такою же всесильною, какъ власть римскаго главы семьи. Славянскій отецъ имѣлъ право жизни и смерти надъ всѣми членами семьи. Благословеніе и проклятіе родителей имѣли роковое значеніе для ихъ дѣтей. У славянъ также существовалъ культъ предковъ. Въ лицѣ домоваго чествовали основателя рода, устроителя домашняго очага. И до сихъ поръ еще сохранилась въ нашемъ крестьянскомъ быту эта вѣра въ домового и его вліяніе на благосостояніе всей семьи. Повсюду также въ употребленіи обычай поминать умершихъ на ихъ могилахъ и въ ихъ домахъ. Глава семьи владѣлъ всѣмъ ея имуществомъ и распо-

ряжался судьбой всѣхъ домочадцевъ. Отдѣльныя, независимыя семьи славянъ были расположены въ странѣ, покрытой непроходимыми болотами и густыми, дремучими лѣсами. Семьи помѣщались въ дворахъ, избахъ; ихъ хозяева постоянно ссорились съ своими сосѣдями. При такой враждѣ семей и родовъ, съ которой начинается русская исторія, браки могли заключаться только съ большими затрудненіями, посредствомъ „умыканья", которое со временемъ уступило мѣсто покупкѣ невѣсты. Слѣды того и другого способа заключенія брака сохраняются до сихъ поръ въ русскихъ свадебныхъ обычаяхъ у крестьянъ. Братъ невѣсты обыкновенно сторожитъ свою сестру отъ жениха, который долженъ её выкупить. Свадебныя свиты и до сихъ поръ бываютъ многочисленны и держутъ себя воинственно по отношенію другъ къ другу. На свадьбахъ принимается цѣлый рядъ предосторожностей противъ того, чтобы не испортилъ невѣсту кто-либо изъ враговъ ея семьи. Еще болѣе слѣдовъ покупки невѣсты ея женихомъ. Невѣста осматривается, какъ *товаръ* женихомъ („купцомъ") съ его родными. Если торгъ изъ за продажи приходитъ къ желательному соглашенію, дѣвушку просватываютъ („пропиваютъ"). Невѣста продавалась въ древности ея отцомъ противъ ея воли. Отсюда объясняются жалобы невѣсты на то, что ее повезутъ въ дальнюю сторону, къ чужому роду-племени, среди котораго ей придется жить, „выдаютъ за немилаго". При постоянныхъ усобицахъ между семьями мужчина иногда не имѣлъ возможности узнать свою невѣсту до свадьбы и, покорный волѣ родителя, женился на женщинѣ, которой *не вѣдалъ*. Отсюда названіе *невѣсты*, которая въ народѣ называется еще *суженой*, а женихъ *суженымъ* въ знакъ того, что на бракъ въ древности смотрѣли, какъ на *судъ божій*, проявленіе воли божества, которое чрезъ родителей соединяло ихъ дѣтей на всю жизнь. Женщина, попадавшая въ чужую семью, какъ жена, встрѣчала

въ ней общее враждебное отношеніе, при которомъ ея жизнь, конечно, была не красна. Тяжелое ея здѣсь положеніе выражается въ свадебныхъ пѣсняхъ, гдѣ всѣ родные мужа обзываются нелестными для нихъ эпитетами. Родители мужа—медвѣдь съ медвѣдицей. Отецъ мужа для нея—лютый свекоръ, мать мужа—лютая свекровь, сестры его—золовки—колотовки, крапива жгучая, братья мужа—„шипича колючая". Женщина съ выходомъ замужъ подпадала подъ власть мужа, которую онъ пріобрѣталъ надъ нею съ момента брака. Женихъ получалъ отъ отца невѣсты плеть („державу") и билъ ею новобрачную три раза въ знакъ своей надъ нею власти. Жена должна была въ первый разъ разуть своего мужа. Новобрачные называются княземъ и княгиней въ знакъ того, что они основатели новой семьи или рода. Жена поступаетъ въ собственность мужа, который, подгулявши на веселомъ пиру, „хвастаетъ молодой женой". Не только ея тѣло, но и ея душа, мысли и чувства во владѣніи мужа, который спѣшитъ оградить его тѣмъ, что удаляетъ жену отъ всякихъ соблазновъ и запираетъ ее въ *теремъ*, куда её влекли, внесенныя византизмомъ въ русскую жизнь, представленія о злой женѣ, мѣшающей благочестивой жизни мужчины. Теремомъ называлась особая пристройка въ дому, на верху или сзади дома, вдали отъ пріемныхъ комнатъ. Здѣсь женщина должна была проводить всю свою жизнь, посвящая свое время заботамъ о дѣтяхъ, хозяйствѣ и благочестію. Теремъ запирался хозяиномъ дома на ключъ, который постоянно хранился у него. Безъ разрѣшенія никто не могъ проникнуть въ теремъ. Затворничество русскихъ женщинъ въ теремахъ было доведено въ XVI в. до того, что мужъ никому не показывалъ свою жену; даже братья и другіе близкіе родственники не могли ее видѣть. Женщины никуда не выходили; даже въ церковь имъ позволялось ходить только въ большіе праздники и во время говѣнья. Если жена желала выйти въ го-

сти, она должна была спросить у мужа позволенія. Лишь особыя, дружелюбныя отношенія хозяина дома къ своимъ гостямъ иногда растворяли двери терема, изъ котораго выходила показаться имъ хозяйка дома—затворница. Хозяйка при этомъ кланялась гостямъ „малымъ обычаемъ", до пояса, а гости отвѣчали ей „большимъ обычаемъ", поклономъ въ землю. Взаимныя привѣтствія хозяйки и гостей сопровождались еще рядомъ другихъ обычаевъ, напоминающихъ утомительныя церемоніи китайскаго этикета. Дочери-дѣвицы никогда не выходили при чужихъ людяхъ и не показывались никогда мужчинамъ. Особенна строга была теремная жизнь женщинъ въ высшемъ классѣ русскаго общества, у знатныхъ бояръ и въ царской семьѣ. Котошихинъ описываетъ, какую печальную жизнь проводили въ терему русскія царевны, которыя, „какъ пустынницы видятъ мало людей, но всегда въ молитвѣ и постѣ пребываютъ и лица свои слезами умываютъ; замужъ за русскихъ князей и бояръ ихъ не выдаютъ, потому что они холопы и выходить за нихъ царевнѣ замужъ вѣчный для нея позоръ. За иностранныхъ же королевичей царевнъ также не выдаютъ за разницей вѣры, языка и обычаевъ". Отчужденіе ихъ отъ всего міра доходило до того, что даже врачъ не могъ видѣть лица больной царевны и долженъ былъ ощупывать пульсъ у нея чрезъ тонкую матерію. При замкнутой жизни въ терему женщинѣ оставалось, кромѣ обычныхъ, житейскихъ заботъ о дѣтяхъ и хозяйствѣ, думать лишь объ *идеалахъ иноческой жизни*, рекомендуемыхъ усиленно византизмомъ въ качествѣ единственныхъ правилъ поведенія для всѣхъ людей-христіанъ. И на самомъ дѣлѣ съ XI в. „иноческій образъ" становится высшею цѣлью жизни не только для княгинь, княженъ, но и для всѣхъ остальныхъ женщинъ наравнѣ съ князьями. Являются княгини-инокини, какъ на югѣ (Анна и Евпраксія Всеволодовны, сестры Владиміра Мономаха др.), такъ и на сѣверѣ Россіи (Марья, супруга суздальскаго князя Всеволо-

да Юрьевича и др.). Особенно стремились къ иноческой жизни вдовы, положеніе которыхъ въ древне-русской, патріархальной семьѣ было самое тяжелое.

Согласно съ монашескимъ идеаломъ для жизни женщины въ терему, вся она была устроена, какъ въ монастыряхъ. Въ *Домостроѣ* попа Сильвестра, составленіе котораго относится къ половинѣ XVI в., въ нѣсколькихъ отдѣлахъ (пяти) собраны правила всей домашней жизни. Вся она—безпрерывная молитва при всякомъ дѣлѣ, непрестанный подвигъ смиренія, молчанія и отказа отъ всѣхъ удовольствій, веселья, обычныхъ въ грѣховномъ міру. Жена по Домострою—только распорядительница по хозяйству и во всемъ должна отдавать отчетъ мужу, который „долженъ умѣть наказать её съ разсужденіемъ". Мужъ постоянно поучаетъ жену, какъ и что ей говорить и дѣлать, дома и внѣ его, а „жена должна во всемъ ему покорятися и *со страхомъ* внимати". Для внушенія ей страха Домострой позволяетъ мужу при случаѣ „постегать жену вѣжливенько и плетью, но наединѣ, а не предъ людьми, и поучивъ примолвити и пожаловати" жену. Это право мужа наказывать свою жену было вполнѣ неограниченнымъ и вошло на столько въ обычай на Руси, что большіе его остатки и до сихъ поръ сохраняются въ средѣ русскаго крестьянскаго населенія и, отчасти, въ мѣщанскомъ и купеческомъ сословіи. Въ народныхъ пословицахъ мужу вмѣняется даже бить жену и держать ее въ безусловномъ подчиненіи (бей шубу—будетъ теплѣе, а жену—будетъ умнѣе, жена безъ грозы хуже козы, жена безъ мужа всего хуже, жена мужемъ красна, жена мужу пластырь, мужъ женѣ пастырь, мужъ глава, а жена душа и мн. др).

Теремная жизнь русской женщины, оторванной отъ общества и обреченной на вѣчный затворъ въ терему и дѣятельность по Домострою, подѣйствовала чрезвычайно вредно на русскую женщину, повела за собою полный застой въ ея

умственной жизни, вызвала безпросвѣтное ея невѣжество и неизмѣримое суевѣріе рядомъ съ исключительнымъ развитіемъ однѣхъ особенностей ея пола и вообще физическихъ потребностей. Котошихинъ характеризуетъ такъ московскихъ женщинъ (XVI—XVII в.): „московскаго государства женскій полъ грамотѣ не ученые, и необычай тому есть, а природнымъ разумомъ простоваты и на отвѣты не смышлены и стыдливы". Котошихинъ объясняетъ отсутствіе у нихъ „разума и смѣлости" тѣмъ, что до замужества дѣвушки живутъ у отца „въ тайныхъ покояхъ" и никого не видятъ; да и послѣ замужества видятъ людей мало. Какъ вообще въ патріархальномъ быту, чадородіе считалось первымъ достоинствомъ жены; ея безплодіе—божескимъ наказаніемъ. Неплодные супруги давали обѣты, ѣздили по святымъ мѣстамъ, кормили нищихъ, прибѣгали къ ворожбѣ. Мужъ ненавидѣлъ безплодную жену, билъ и разводился съ нею и заключалъ ее въ монастырь. Особенно такіе разводы и насильственныя постриженія были въ обычаѣ среди царскаго семейства, гдѣ они сохранились почти до Петра I. И до сихъ поръ въ средѣ простаго народа женщина имѣетъ значеніе, какъ только мать и работница. Въ среднихъ и особенно высшихъ кругахъ допетровскаго общества женщина была тупымъ, забитымъ, раболѣпнымъ предъ мужемъ и обыкновенно тунеяднымъ существомъ, скоро старѣвшимъ отъ праздной и сытой жизни. Жена даже не обижалась, если её билъ мужъ, который доказывалъ этимъ свою къ ней любовь. Мужъ могъ распорядиться жизнью жены, которая почему-либо ему надоѣла, что сплошь и рядомъ встрѣчается до сихъ поръ въ крестьянскомъ быту, гдѣ мужъ нерѣдко загоняетъ въ гробъ жену жестокими истязаніями при полномъ равнодушіи, а иногда даже поощреніи своихъ сосѣдей—мужчинъ. Вся жизнь несчастной женщины въ низшихъ и среднихъ слояхъ русскаго общества съ незапамятныхъ временъ была и нерѣдко остается и теперь сплошнымъ

рядомъ всякихъ лишеній, мученій, истязаній, настоящимъ адомъ. Мужъ при малѣйшемъ сопротивленіи его волѣ „училъ“ жену плетью (дуракомъ), палками; стращалъ подозрѣваемую въ невѣрности жену адскими наказаніями, болѣе утонченными для женщинъ, нежели для мужчинъ. При такихъ условіяхъ семейной жизни бракъ былъ не высшимъ, нравственнымъ союзомъ, двухъ любящихъ другъ друга существъ, — мужчины и женщины, а лишь союзомъ господина съ рабой, которая боится и въ тоже время ненавидитъ своего мужа-деспота. Всѣ отношенія супруговъ были построены поэтому на недовѣріи, враждѣ другъ къ другу, лицемѣрномъ подчиненіи мужу со стороны жены, которая при первомъ же удобномъ случаѣ не задумывалась измѣнить своему законному супругу, повредить ему клеветой, доносомъ, волшебствомъ и чародѣйствомъ. Въ русскомъ обществѣ до Петра I царствовалъ страшный развратъ, который охватывалъ всѣ классы, не исключая духовенства и монашества, и наложилъ на цѣлые вѣка отпечатокъ на всѣ стороны общественной жизни (языкъ, нравы, воззрѣнія). Рабское, приниженное положеніе женщины въ обществѣ, состоявшемъ почти изъ однихъ мужчинъ, вызвало среди нихъ крайнюю грубость понятій и нравовъ. Во всѣхъ классахъ общества самыми любимыми удовольствіями были: страшное пьянство, травля дикихъ звѣрей, кулачные бои, кривлянья шутовъ и скомороховъ. Русское общество до Петра I не знало рыцарства съ его благороднымъ поклоненіемъ женщинѣ и взглядомъ на нее, какъ высшее, идеальное существо. Въ жизни общества господствовали одни матеріальные, чувственные интересы. Поэтому въ женщинѣ цѣнилась только одна физическая красота. На вкусъ нашихъ предковъ не трудно было угодить. Нужно было женщинѣ имѣть круглое и бѣлое лицо съ красными щеками, большія ноги и особенно солидную толщину, дородность. И теперь еще такой типъ женской красоты пользуется большой популярностью въ кресть-

янскомъ быту и особенно въ купечествѣ. Недостатокъ въ лицѣ румянца и бѣлизны вознаграждался искусственными румянами и бѣлилами, которыя были прежде вездѣ и остаются въ большомъ употребленіи и теперь во многихъ семействахъ не одного лишь крестьянскаго происхожденія. Съ такимъ типомъ женской красоты гармонировала и вся женская одежда русской женщины, которая одѣвалась въ пестрые и яркіе цвѣта и носила длинное до пятъ, просторное, безъ всякой таліи, платье. Такъ какъ для брака не требовалось согласія невѣсты, то браки въ допетровскомъ обществѣ и долго и послѣ Петра, нерѣдко и въ настоящее время устраивались *свахами*, при чемъ случалось, что вмѣсто одной дочери выдавали другую, которую родители потеряли надежду сбыть съ своихъ рукъ. Такъ женщина обращалась въ *вещь*, которою распоряжались произвольно сначала отецъ, а потомъ мужъ. Нерѣдко въ XVII стол. мужья закладывали женъ товарищамъ и даже продавали ихъ. Бывали случали, что выдавались замужъ за малолѣтнихъ взрослыя дѣвушки, которыя должны были до совершеннолѣтія своего мужа подчиняться грубому, необузданному произволу его отца. Не спрашивая о согласіи невѣсты, устраивалъ браки въ допетровскомъ обществѣ всякій домовладыка даже среди своихъ прислугъ. Великіе князья, цари выдавали замужъ придворныхъ дѣвицъ; тоже дѣлали вельможи и до отмѣны крѣпостнаго права всѣ русскіе помѣщики. Иногда само правительство устраивало гуртомъ браки „дѣвокъ и жонокъ“ въ видахъ умноженія народонаселенія. Такъ сложилась старинная пѣсня, гдѣ говорилось, что браки заключаются „по божьему велѣнію, по царскому уложенью, по господскому приказу, по мірскому приговору“. При всемъ деморализирующемъ вліяніи на положеніе женщины въ допетровской Руси патріархальныхъ и византійскихъ идей встрѣчались среди русскихъ женщинъ такія личности, которыя своимъ независимымъ и твердымъ, непреклоннымъ

ИСТОРИКО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ

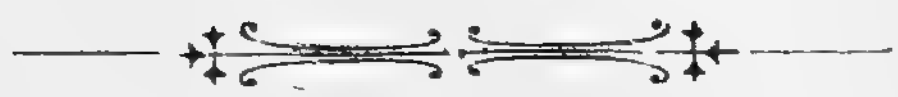
НАПРАВЛЕНІЕ

ВЪ

наукѣ Римскаго Права.

Рѣчь, произнесенная передъ защитою магистерской диссертаціи (Ученія пандектъ о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ, объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, и сочиненія римскихъ землемѣровъ) въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 27Ноября 1899 г.

В. Юшкевичемъ



ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1899.

Историко-аналитическое

НАПРАВЛЕНІЕ

ВЪ

наукѣ Римскаго Права.

Въ наукѣ всегда идутъ рука объ руку два теченія: одно изъ нихъ ставитъ себѣ задачею разработку матеріала по частямъ во всей полнотѣ ихъ и подробностяхъ, другое, опираясь на выводы, добытые путемъ такой разработки отдѣльныхъ вопросовъ, дѣлаетъ общія построенія и провозглашаетъ новыя направленія.

Оба теченія эти: созиданіе отдѣльныхъ частей научнаго зданія и составленіе ихъ по тому или иному плану естественно дополняютъ другъ друга, а потому и одинаково необходимы для хода развитія науки: безъ матеріала нельзя думать о зданіи, но и накопленіе матеріала, когда нѣтъ плана дальнѣйшей работы, лишено смысла.

Съ другой стороны оба эти теченія находятся въ состояніи постояннаго взаимодѣйствія: свойства матеріала опредѣляютъ общій планъ его составленія; а этотъ послѣдній опять отражается на работѣ по его дальнѣйшему заготовленію!

Исторія науки римскаго права убѣждаетъ насъ въ справедливости сказаннаго цѣлымъ рядомъ разительныхъ примѣровъ. Работы глоссаторовъ по собиранію историче-

скаго матеріала, сопоставленію параллельныхъ мѣстъ изъ Юстиніанова Свода и произведеній классиковъ, глубокая и всесторонняя историческая эрудиція Цазіуса, *) Альціата, Будэуса, гуманистовъ и современныхъ имъ правовѣдовъ, **) представителей французской исторической школы, ***) въ особенности-же—несравненнаго Куяція, несомнѣнно доставили тотъ матеріалъ, которымъ строила и на который опиралась новѣйшая германская историческая школа, устанавливая свои общія точки зрѣнія на способъ зарожденія права и указывая дальнѣйшіе пути для его изученія.

Съ другой стороны тѣ-же общія построенія исторической школы Савиньи дали снова толчекъ цѣлому ряду работъ, поставившихъ себѣ задачею проникнуть въ глубь подробностей множества видвинувшихся частныхъ вопросовъ. Заслуги Генеля, Дирксена, Гушке, Рудорфа, Блуме, Келлера и Брунса въ этомъ направленіи черезъ-чуръ хорошо извѣстны для того, чтобы являлось необходимымъ здѣсь о нихъ распространяться.

Въ новѣйшее время, какъ прямое послѣдствіе только что упомянутыхъ изслѣдованій и напряженной разработки отдѣльныхъ вопросовъ, въ наукѣ нашей опять появились новыя общія идеи, установилось новое направленіе.

Ближайшій толчекъ къ этому былъ данъ находкою, критическими изданіями и изслѣдованіями институцій Гая. Новый свѣтъ, который этотъ памятникъ проливалъ на римскій классическій (формулярный) процессъ, заставилъ нашихъ ученыхъ обратить свои взоры на эту заброшенную дотолѣ область, и въ итогѣ цѣлаго ряда прекрасныхъ трудовъ, предпринятыхъ именно въ этомъ направленіи, удалось возстановить римскій классическій процессъ съ значительною степенью полноты и точности.

---

*) Stintzing: „Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft“ I pg 155 слл. 162, 167 слл.

**) Ibidem, 175, 209.

***) Ibidem, 69, 367 слл.

Подъ вліяніемъ знакомства съ гражданскимъ классическимъ процессомъ Рима, въ свою очередь, на фонѣ Юстиніанова законодательства стали все яснѣе и яснѣе обрисовываться контуры матеріальнаго классическаго права: подъ рукою изслѣдователей совершенно естественно стали отдѣляться элементы классическаго права отъ постороннихъ примѣсей.

И вотъ начинается новая серія трудовъ, поставившихъ себѣ цѣлью, при помощи глубокаго и всесторонняго изученія древности, разложить Юстиніаново право на его составныя части: отдѣлить интерполяціи – вставки и измѣненія, сдѣланныя редакторами Юстиніана (Pernice, Gr. denwitz, Appléton) – возсоздать эдиктъ претора, возстановить изъ отрывковъ Юстиніанова Свода по возможности самыя сочиненія юристовъ, изъ которыхъ они взяты (Ленель), начертать даже систему римскаго классическаго права (Пернице), наконецъ свести правовыя ученія римскихъ юристовъ къ тѣмъ первоначальнымъ идеямъ, подъ вліяніемъ которыхъ они создались (сюда относятся труды Гепперта и проф. Соколовскаго).

Это современное направленіе въ нашей наукѣ, которое слѣдуетъ охарактеризовать историко-аналитическимъ, зародилось и развилось въ Германіи приблизительно за послѣдніе двадцать пять лѣтъ; главою и руководителемъ его по справедливости считаютъ нынѣ благополучно здравствующаго профессора Берлинскаго университета, глубоко почитаемаго наставника моего Альфреда Пернице.

Куда ведетъ насъ это направленіе, въ чемъ заключается его научное достоинство? Только люди поверхностные могутъ полагать, что направленіе это имѣетъ чисто-антикварное, археологическое значеніе. Законы цѣлесообразности черезъ-чуръ повелительно управляютъ человѣческими дѣяніями для того, чтобы можно было думать, что наука составляетъ исключеніе, что въ области ея возможно явленіе систематической затраты силъ, совершенно непропорціональной цѣли. И въ самомъ дѣлѣ смыслъ историко-аналитическаго направленія лежитъ несравненно глубже задачъ чисто-антикварнаго изслѣдованія:

Направленіе это ведетъ насъ по пути лучшаго, совершеннѣйшаго познанія римскаго права и приближаетъ насъ къ чисто исторической его оцѣнкѣ, какъ положительнаго произведенія римской исторіи и культуры, въ противоположность къ прежнему взгляду на римское право какъ на «начертаніе разума». *)

По странному, но нерѣдкому въ исторіи, случайному стеченію обстоятельствъ зарожденіе и развитіе новаго направленія по времени совпадаетъ съ зарожденіемъ и развитіемъ въ Германіи другого событія, одинаково клонящаго науку въ сторону чисто-историческаго познанія и оцѣнки римскаго права: я разумѣю подготовленіе и изданіе имперскаго уложенія 1896 года, которое нанесло рѣшительный ударъ размышленіямъ надъ римскимъ правомъ съ практическими цѣлями его примѣненія.

Будущее покажетъ, каковы будутъ для научной разработки римскаго права послѣдствія установленія на него повсемѣстно историческаго взгляда. Несомнѣнно однако, что этотъ взглядъ, насколько онъ проявился въ литературѣ уже теперь, заслуживаетъ со стороны русскихъ романистовъ серьезнаго вниманія. Римское право у насъ никогда не дѣйствовало, а всегда разсматривалось лишь какъ орудіе образованія юридической мысли, какъ образцовый матеріалъ для упражненія въ пріемахъ изслѣдованія права. Именно этимъ цѣлямъ въ высокой мѣрѣ служитъ современное историко-аналитическое направленіе.

Разработка римскаго права по его программѣ, доставляя намъ возможность заглянуть въ тайники сложной и порою удивительной механики его образованія, сумѣетъ дать намъ не одинъ полезный урокъ для настоящаго и будущаго!

Книга, удостоенная юридическимъ факультетомъ Императорскаго Московскаго Университета высокой чести стать предметомъ публичнаго обсужденія въ настоящемъ

---

*) Pernice: „Labeo", worwort, III.

собраніи, по характеру своему относится къ тому теченію въ наукѣ, которое стремится проникнуть въ глубь отдѣльнаго частнаго вопроса. По направленію своему она должна быть причислена къ произведеніямъ новѣйшей критико-аналитической школы Пернице. Задача ея— представить ученія пандектъ о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ и объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, не только на основаніи фрагментовъ пандектъ, но и того матеріала, который заключается въ сочиненіяхъ римскихъ землемѣровъ, и помощью этого послѣдняго проникнуть за завѣсу, накинутую на нихъ Юстиніановой компиляціей.

Избранная мною такимъ образомъ двойная тема: названныя ученія пандектъ съ одной стороны и сочиненія римскихъ землемѣровъ съ другой—въ обоихъ отношеніяхъ одна изъ наиболѣе живыхъ и наиболѣе обсуждавшихся за послѣднее время въ германской *) и италіанской **) литературѣ. И для р. сскаго читателя она должна будетъ показаться не безинтересною, хотя-бы уже только потому, что у насъ вовсе не существуетъ монографій, затрагивающихъ общіе вопросы воднаго права, между тѣмъ какъ потребность въ изслѣдованіяхъ именно изъ этой области все болѣе и болѣе сознается; на это указываетъ напр. недавно появившееся начало «очерковъ по водному праву» профессора Нефедьева. Исходныя точки моего изслѣдованія заключаются въ слѣдующемъ: ученія пандектъ о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ и объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, все еще не могутъ выйти изъ круга застарѣлыхъ контроверсъ и непримиримыхъ противорѣчій въ источникахъ; съ другой-же стороны сочиненія римскихъ землемѣровъ далеко еще не использованы надлежащимъ обра-

---

*) Подробныя указанія на германскую литературу см. во введеніи къ моей книгѣ, стр. 1, примѣч. 1-ое.

**) Италіанская литература: см. у Бруджи, Arch. giuridico XLI, fasc. 3—4, pg. 303 и G L. Andrich, ibidem LVI, fasc. 1—2.

зомъ для ихъ освѣщенія. Правда Agrimensores извѣстны давно, многія стороны ихъ богатаго и интереснаго содержанія уже обратили на себя вниманіе ученыхъ, *) но юридическій составъ агрименсоровъ до послѣдняго времени все какъ-то находился въ пренебреженіи **) Заслуга первыхъ серьезныхъ спеціальныхъ работъ изъ этой области принадлежитъ италіанскимъ юристамъ (къ голосу которыхъ нынѣ съ наступленіемъ въ Германіи реакціонной, безплодной для римскаго права эпохи, придется все чаще и чаще прислушиваться), въ особенности-же Падуанскому профессору Біаджіо Бруджи

Въ статьѣ своей, помѣщенной въ Archivio giuridico, т. XLII, онъ пытается дать общій обзоръ вопроса о значеніи сочиненій римскихъ землемѣровъ для юристовъ и указываетъ между прочимъ на рядъ интересныхъ данныхъ о намывѣ, въ особенности же по вопросу о юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ, содержащихся у землемѣровъ. Статья эта подала мнѣ мысль предпринять изслѣдованіе въ этомъ направленіи: использовать сочиненія землемѣровъ для означенныхъ ученій, самостоятельно и критически разобраться въ новомъ источникѣ, повѣрить нѣкоторые выводы, сдѣланные Бруджи и дать ученіямъ о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ и объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, новое, соотвѣтственное требованіямъ привходящаго матеріала, построеніе.

---

*) Такъ, напр., Cantor: Die römischen Agrimensoren, трактуетъ о математическомъ содержаніи землемѣровъ. Далѣе Stöber: Die röm. Grundsteuervermessungen n. d. lat. Text des gromat. Cod.... G. Rossi, Gróma e squadro ovvero storia dell' agrimensura italiana,—закватываютъ поземельно фискальное и технически-межевое содержаніе землемѣровъ.

**) См. нынѣ у Бруджи въ новомъ сочиненіи его: „Le dottrine" giurdiche degli agrimensori romani comparate-a quelle del digesto. Indroduzione, § 3 стр. 18—41.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея С. Шпилевскій.

1. Enrico Ferri. Das Verbrechen als sociale Erscheinung. Grundzüge der Kriminal-Sociologie. Leipzig 1896.

(*Окончаніе*).

Задача уголовнаго процесса, по мнѣнію г. Ферри, заключается прежде всего въ констатированіи наличности совершенія даннаго преступнаго дѣянія и въ установленіи причинной связи между даннымъ преступнымъ дѣяніемъ и даннымъ агентомъ. По установленіи этой связи, необходимо обратиться къ изученію характера и особенностей обвиняемаго (необходимость перенести центръ тяжести на изученіе личности обвиняемаго особенно оттѣняется г. Ферри) для того, чтобы опредѣлить его принадлежность къ той или иной категоріи и соотвѣтственно этому примѣнить къ нему ту или иную мѣру воздѣйствія. Для этого изученія необходимы компетентные органы, вооруженные соотвѣтственными познаніями. Современные судебные органы, по мнѣнію г. Ферри, для этого не пригодны; необходимо реформировать юридическое образованіе и подготовить компетентныхъ судей, вооруживъ ихъ познаніями по уголовной антропологіи, статистики и соціологіи „an Stelle des römischen Rechts, der Rechtsgeschichte, die nichts zur Kentnis und Beurtheilung des Verbrechers beitragen können“. Не пригоденъ для этой цѣли, по его мнѣнію, и судъ присяжныхъ; однако отрицательное отношеніе г. Ферри къ этому суду не распространяется до требованія его уничтоженія, а влечетъ за собою только требованіе его реорганизаціи (Ферри, надо замѣтить, защищаетъ сохраненіе этого суда для преступленій государственныхъ и преступленій противъ законовъ о печати).

Не оспаривая воззрѣній позитивной доктрины на задачи уголовнаго процесса, нельзя не замѣтить, что отрицательное отношеніе г. Ферри къ институту присяжныхъ засѣдателей не представляется

логичнымъ послѣдствіемъ защищаемыхъ имъ началъ. Что присяжные не въ состояніи разрѣшить труднаго и сложнаго вопроса о принадлежности даннаго агента къ той или иной категоріи преступниковъ—съ этимъ, пожалуй, и можно согласиться, но для констатированія наличности совершенія преступленія и установленія причинной связи между обвиняемымъ и учиненнымъ имъ злодѣяніемъ они представляются самыми компетентными и подходящими органами, такъ какъ для разрѣшенія этихъ задачъ необходимо знаніе жизни, необходима практическая житейская опытность, не могущая быть замѣненной теоретическими познаніями изъ области уголовной антропологіи, статистики и соціологіи. Не устраненіе суда присяжныхъ логическое послѣдствіе позитивной доктрины, а созданіе на ряду съ этимъ судомъ особыхъ органовъ, состоящихъ изъ спеціалистовъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе во всѣхъ вопросахъ, разрѣшеніе которыхъ требуетъ спеціальныхъ познаній, или, иными словами, усиленіе значенія экспертизы.

Изъ другихъ мѣръ, касающихся уголовнаго процесса, слѣдуетъ упомянуть о защитѣ г. Ферри средняго между оправдательнымъ и обвинительнымъ приговора (non liquet), о признаніи имъ необходимости пересмотра процесса, на случай обнаруженія обстоятельствъ, уличающихъ оправданнаго преступника, и необходимости устраненія монополіи обвиненія прокурорскимъ надзоромъ. Какъ бы не относиться ко всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ, непредставляющимся, кстати замѣтить, продуктомъ фантазіи, а заимствованнымъ изъ жизни, нельзя во всякомъ случаѣ не признать, что отъ всѣхъ этихъ мѣропріятій до отрицанія публичности, устности, гласности и непосредственности въ уголовномъ процессѣ, до защиты стараго инквизиціоннаго процесса очень и очень далеко; обвиненіе позитивистовъ-криминалистовъ въ стремленіи воскресить инквизиціонный процессъ, брошенное имъ въ лицо нѣкоторыми нашими и иностранными критиками, представляется поэтому ничѣмъ инымъ какъ продуктомъ пылкой неимѣющей подъ собою никакой почвы фантазіи; интересы личности, хотя бы и преступной, также дороги позитивистамъ, какъ и ихъ противникамъ. „So verlangen wir“, замѣчаетъ между прочимъ Ферри, „auch im Strafprocesse die

Wiederherstellung des Gleichgewichts zwischen den individuellen und den socialen Rechten, bei aller Schätzung der unverlierbaren Garantien der individuellen Freiheit (стр. 362).

Таковъ характеръ позитивной уголовно-правовой доктрины, защищаемой г. Ферри. Какъ бы не относиться къ отдѣльнымъ сторонамъ этой доктрины, нельзя не признать, что въ общемъ построеніе ея отличается стройностью, послѣдовательностью, цѣлостностью и солидностью. Покоящаяся на детерминистическихъ началахъ эта доктрина стремится къ раскрытію причинъ, обусловливающихъ собою преступную дѣятельность, и къ установленію, сообразно характеру этихъ причинъ, средствъ борьбы съ этой дѣятельностью. Включая такимъ образомъ въ область уголовно-правовыхъ изслѣдованій изученіе естественныхъ законовъ, управляющихъ ростомъ и развитіемъ преступленій, эта доктрина значительно расширяетъ объемъ науки уголовнаго права и возводитъ ее изъ чисто догматико-юридической дисциплины на степень одной изъ соціальныхъ наукъ. Она создаетъ прочныя устои для цѣлесообразнаго построенія мѣръ борьбы съ преступностью. Она намѣчаетъ путь, по которому должна быть направлена дѣятельность, имѣющая цѣлью защиту интересовъ общежитія отъ преступныхъ посягательствъ. Развитіе и восполненіе этой доктрины—дѣло будущаго. Многое, правда, уже сдѣлано въ этомъ отношеніи совокупными усиліями, главнымъ образомъ, французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ; многое предстоитъ еще сдѣлать. Быть можетъ, многія стороны этой доктрины видоизмѣнятся, восполнятся, разовьются, но основной ея характеръ останется драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ научныхъ изысканій XIX вѣка.

А. Піонтковскій.

---

2. D-r. H. Kurella. Naturgeschichte des Verbrechers, Stuttgart. 1893.

Dr. H. Kurella—одинъ изъ ревностныхъ послѣдователей ломброзовскихъ доктринъ и защитниковъ его теорій въ Германіи.

Принимая ломброзовскую гипотезу о существованіи типа прирожденнаго преступника и объ атавистическомъ его происхожденіи, онъ пытается въ названной работѣ обрисовать анатомическія, біологическія и психическія особенности этого типа. Какъ истый послѣдователь г. Ломброзо, онъ отодвигаетъ значеніе соціальныхъ факторовъ въ процессѣ образованія преступленій на задній планъ и находитъ, что первенствующая роль въ этомъ процессѣ принадлежитъ индивидуальнымъ факторамъ, т. е., анатомическимъ, біологическимъ и психическимъ особенностямъ преступниковъ; неблагопріятная наслѣдственность, придающая особый отпечатокъ физіо-психической организаціи преступника, а не тяжелыя условія внѣшней среды, по его мнѣнію, толкаютъ на путь преступленій. Преувеличивая такъ значеніе наслѣдственности, онъ однако не отрицаетъ, что образованіе этихъ передающихся наслѣдственно и приводящихъ къ преступленію физіо-психическихъ особенностей въ извѣстной степени обязано своимъ существованіемъ неблагопріятнымъ условіямъ внѣшней среды, но, къ сожалѣнію, эта идея не получаетъ у него должнаго развитія.

Крайне одностороннее воззрѣніе на процессъ развитія и образованія преступленій, умаленіе значенія условій внѣшней среды въ этомъ процессѣ, защита несостоятельной и оставляемой нынѣ теоріи Ломбразо о типѣ прирожденнаго преступника—все это производитъ крайне невыгодное впечатлѣніе и значительно умаляетъ значеніе труда г. Курелла, несмотря на то, что въ этомъ трудѣ содержатся и небезъинтересныя данныя, въ особенности, въ главѣ (четвертой), посвященной психологіи преступниковъ.

А. Піонтковскій.

---

3. Johannes Jaeger. Beiträge zur Lösung des Verbrecherproblems. Erlangen. 1895.

Названное сочиненіе г. Jaeger—а, тюремнаго духовника въ Erbrach-ѣ, посвящено критикѣ ломброзовской доктрины въ обри-

совкѣ г. Курелла, критическому розбору работы г. Курелла „Naturgeschichte des Verbrechers“. Авторъ послѣдовательно останавливается на анатомическихъ, біологическихъ и психическихъ особенностяхъ преступниковъ и обнаруживаетъ несостоятельность аргументаціи Курелла въ пользу существованія этихъ особенностей. Онъ горячо возстаетъ противъ воззрѣній г. Курелла, умаляющихъ значеніе соціальнаго фактора въ процессѣ образованія преступленій, и, вопреки этимъ воззрѣніямъ, выдвигаетъ значеніе этого фактора на первое мѣсто. Онъ говоритъ: „Auf das entschiedenste müssen wir indes die Darlegungen Kurellas bezüglich einer gegenseitigen Unabhängigkeit sozialer und wirtschaftlicher—ökonomischer—Notstände einerseits und der Kriminalität anderseits bestreiten. Wie sehr die Not den einzelnen depravirt, wie oft wirtschaftliches Zurückgehen, der Mangel an Subsistenzmitteln, die Sorge um das Fortkommen der Familie den bisher Unbestraften zu einer Rechtsverletzung treibt, die sich nachher so empfindlich rächt, davon kann jeder Richter, jeder Strafanstaltsbeamte ein Liedchen singen“ (стр. 26—27).

Отмѣчая шаткость воззрѣній г. Курелла, авторъ для подкрѣпленія своего отрицательнаго отношенія къ этимъ воззрѣніямъ ссылается на свой личный опытъ и собранныя имъ литературныя произведенія (въ стихотворной и прозаической формѣ) и письма преступниковъ, обрисовывающія ихъ внутренній міръ вовсе не въ такомъ неприглядномъ свѣтѣ, какъ это дѣлается г. Курелла, а, наоборотъ, показывающія, что и преступники не чужды нравственныхъ чувствъ, что они не глухи къ свѣтлому, чистому, хорошему, доброму. Возставая противъ односторонности воззрѣній г. Курелла, авторъ, однако, нерѣдко заходитъ слишкомъ далеко: онъ приписываетъ этимъ воззрѣніямъ такія послѣдствія, которыя логически и фактически съ ними вовсе невяжутся (онъ, напр., находитъ, что эти воззрѣнія гибельно дѣйствуютъ на массы, извращая ихъ взгляды на окружающее и чуть-ли не прививая имъ сознанія законности и правоты преступной дѣятельности).

Что касается собственныхъ воззрѣній автора, то они обрисовываются лишь въ общихъ чертахъ. Авторъ убѣжденный сторон-

никъ теоріи исправленія преступниковъ; однако онъ не признаетъ исправленія единственной цѣлью наказанія; на ряду съ исправленіемъ преступниковъ должно, по его мнѣнію, путемъ карательной дѣятельности стремиться къ воздаянію преступнику должнаго, къ искупленію имъ учиненнаго злодѣянія. Онъ, наконецъ, отрицаетъ, повидимому, совершенно необходимость при посредствѣ карательной дѣятельности позаботиться объ изоляціи преступниковъ изъ нѣдръ общежитія („Es ist ein unheilvoller Jrrtum", говоритъ онъ, „wenn man wähnt, den Verbrecher unschädlich zu machen, indem man ihn eliminirt, der einzige Rettung liegt darin, dass man ihn sich assimiliert, dass man ihn sich selbst und damit der Menschheit wiedergewinnt" стр. 185)

Нельзя сказать, чтобы эти воззрѣнія могли быть признаны правильными. Отрицать потребность и необходимость изоляціи преступниковъ—значитъ признавать возможность приспособленія всѣхъ преступниковъ къ условіямъ общежитія, а это противорѣчитъ и результатамъ непосредственнаго изученія характера и особенностей преступнаго люда, и результатамъ функціонированія современнаго карательнаго механизма. Стремиться же при посредствѣ карательной дѣятельности къ искупленію учиненнаго злодѣянія—значитъ навязывать этой дѣятельности такую задачу, которая съ ея соціальнымъ характеромъ ничего общаго не имѣетъ.

Несмотря, однако, на эти недостатки, трудъ г. Jaeger-а читается съ интересомъ и представляется не безполезнымъ: имъ подчеркивается значеніе соціальныхъ условій въ процессѣ развитія и образованія преступленій, имъ защищается необходимость преслѣдованія при посредствѣ карательной дѣятельности исправительныхъ задачъ, выдвигается на первый планъ самая симпатичная и благородная задача этой дѣятельности—приспособленіе преступнаго люда къ условіямъ общежитія.

А. Піонтковскій.

1. *В. Ф. Залѣскій*: „Власть и право". Философія объективнаго права. Казань. 1897. 297+XVII с.

Книгѣ г. Залѣскаго съ такимъ интереснымъ названіемъ предшествуетъ, какъ это бываетъ во всякихъ научныхъ трудахъ, предисловіе, въ которомъ авторъ объясняетъ мотивы, побудившіе его остановиться на этой важной темѣ. Но едва ли въ какой-либо ученой книгѣ можно встрѣтить такой любопытный мотивъ, съ какого начинается предисловіе въ сочиненіи Залѣскаго. „Преподавая по порученію Его Сіятельства, Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, съ 15 января 1895 г., Энциклопедію и Исторію философіи права въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, я, замѣчаетъ авторъ, не могъ не увлечься этими въ высшей степени интересными предметами и на лекціяхъ моихъ излагалъ нѣкоторые отдѣлы съ особенной полнотой". Такимъ образомъ, можно подумать, что не будь этого оффиціальнаго порученія г. Залѣскому, онъ, пожалуй, и не написалъ бы своей книги, и русская юридическая литература не имѣла бы его труда. На сколько она выиграла оттого, что теперь обладаетъ трудомъ г. Залѣскаго, это такой вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ лишь послѣ знакомства съ нимъ и изученія взглядовъ автора, которые онъ старается обосновать въ своей работѣ. Самъ г. Залѣскій, послѣ цитированнаго нами оффиціальнаго повода къ своимъ занятіямъ названными науками, объясняетъ читателю, что онъ намѣренъ изложить въ своей книгѣ вопросъ о сущности и происхожденіи права, его соотношеніи съ нравственностью и судьбахъ исторической школы. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью „характеризовать іерингoвское движеніе въ области философіи права" и показать смѣну теоріи исторической школы новой, утилитарно-эволюціонной теоріей права. Но чтобы выполнить эту цѣль, Залѣскій начинаетъ издалека, посвящая первую, вступительную часть своего сочиненія общему вопросу о происхожденіи и оцѣнкѣ ученія сначала утилитаристовъ (Г. Бентама и Д. С. Милля), а потомъ и представителей утилитарно-эволюціонной морали (Спенсера и Дарвина) и критикѣ взглядовъ неодарвинизма. Эта критика Залѣскаго, какъ и при-

чина, почему онъ обращается къ изложенію и разсмотрѣнію теоріи одного изъ современныхъ біологовъ, *Августа Вейсмана*, особенно интересны для насъ потому, что онѣ даютъ намъ возможность опредѣлить, къ какому лагерю ученыхъ юристовъ принадлежитъ казанскій философъ. Залѣскій считаетъ необходимымъ изучить новую біологическую теорію Вейсмана потому, что она отразилась въ области современной науки о нравственности и правѣ. Авторъ, слѣдовательно, сторонникъ взгляда, что въ науку права должны быть цѣликомъ перенесены всѣ выводы естественныхъ наукъ, особенно же біологіи.

Г. Залѣскій излагаетъ теорію Вейсмана довольно подробно, вдаваясь въ такія тонкости физіологическаго и біологическаго характера, которыя были бы вполнѣ умѣстны въ какомъ-либо сочиненіи по біологіи или вообще естествовѣдѣнію, но только не въ работѣ по общей теоріи права или его философіи. Вейсманъ доказываетъ, что пріобрѣтенныя индивидами при ихъ рожденіи свойства не передаются по наслѣдству и что поэтому единственнымъ факторомъ эволюціи является естественный отборъ. Но подобный выводъ грозитъ основамъ современной морали съ ея требованіями любви къ ближнему, милосердія, состраданія: при господствѣ естественнаго отбора индивидовъ въ ихъ жизни и развитіи борьба за существованіе играетъ первую роль въ процессѣ этого развитія, въ которомъ побѣдители наиболѣе сильные должны брать верхъ надъ побѣжденными, какъ наиболѣе слабыми, первые будутъ истреблять послѣднихъ, а не заботиться, какъ теперь, о больныхъ, порочныхъ людяхъ, уродахъ. Это противорѣчіе между моралью и законами природы было замѣчено многими извѣстными учеными (Гексли, Д. Морисономъ, Ф. Гальтономъ, Уоллесомъ и др.), которые предлагали для его разрѣшенія разныя мѣры для улучшенія человѣчества, какъ вида. Полнаго развитія эта идея въ духѣ взглядовъ Вейсмана достигаетъ у *Ф. Нитцше*. Его мораль „господъ“ въ противоположность современной „рабской“ нравственности провозглашаетъ необходимость совершенствованія человѣческаго рода путемъ порабощенія и уничтоженія слабыхъ со стороны сильныхъ, типомъ которыхъ у Нитцше является „сверхчеловѣкъ“ —

представитель особой, высшей расы людей, которая будетъ господствовать надъ Европой. Къ числу послѣдователей теорій Вейсмана принадлежатъ еще А. Тилле и Бенжаменъ Киддъ. Первый находитъ безразсуднымъ сохранить жизнь больнымъ, призрѣвать бѣдныхъ, поощрять размноженіе лѣнивыхъ и глупыхъ. Все это люди низшаго типа, которыхъ Тилле рекомендуетъ, однако, не уничтожать прямо, а лишь не давать имъ возможности производить потомства. Исходная точка взглядовъ Б. Кидда таже, что у Тилле, но только онъ приходитъ къ другимъ совершенно выводамъ. Киддъ признаетъ борьбу, соперничество необходимымъ условіемъ прогресса общества, въ которомъ интересы индивидуума и общества противоположны. Если же люди думаютъ не только о себѣ, но и о другихъ, работаютъ, страдаютъ и переносятъ ради нихъ всякія лишенія, то это дѣлается ими только въ силу религіозной санкціи поведенія. За изложеніемъ теорій Вейсмана и взглядовъ его послѣдователей у Залѣскаго слѣдуетъ критика ихъ авторомъ, который приводитъ доводы цѣлаго ряда ученыхъ натуралистовъ и Г. Спенсера и соглашается съ противниками Вейсмана, что его теорія опровергается многочисленными фактами относительно наслѣдованія пріобрѣтенныхъ свойствъ индивидами. Такимъ образомъ, замѣчаетъ Залѣскій, должны быть отвергнуты и различныя, основанныя на взглядахъ Вейсмана, теоріи новой морали и принята альтруистическая точка зрѣнія Спенсера на мораль общества, какъ драгоцѣнное наслѣдіе психическаго труда многихъ поколѣній въ теченіе многихъ десятковъ вѣковъ. Изъ всѣхъ взглядовъ Вейсмана Залѣскій признаетъ нѣкоторую основательность лишь за вредомъ „медицинскаго подбора“, сохраненія современной медициной слабыхъ и больныхъ людей, которые оставляютъ послѣ себя хилое, нездоровое потомство и ведутъ такимъ путемъ человѣчество къ неминуемому вырожденію. Нашъ авторъ думаетъ, что это зло можетъ быть устранено не проектируемыми ограниченіями браковъ между такими лицами, которыя могутъ только увеличить другое, неменьшее зло—число незаконныхъ рожденій. Лучше предоставить больнымъ и слабымъ свободу въ этомъ отношеніи, которая будетъ опредѣляться развитіемъ у нихъ альтруистическихъ началъ, любовью къ ближнему.

Какъ не интересны всѣ эти свѣдѣнія, какія Залѣскій сообщаетъ о теоріи Вейсмана и ея сторонникахъ, какъ и замѣчанія самого автора объ этой теоріи, все таки, мы сильно сомнѣваемся въ пользѣ всѣхъ этихъ данныхъ для обоснованія системы научной морали въ смыслѣ альтруизма. Для объясненія ея происхожденія и всего культурнаго значенія въ цивилизаціи общества автору слѣдовало бы не ограничиваться довольно спорными біологическими фактами, а обратиться къ исторіи нравственныхъ понятій въ связи съ разными историческими религіями. Б. Киддъ прекрасно понялъ и уяснилъ эту неразрывную связь морали съ религіей въ исторической жизни общества [1]), о которой Залѣскій не говоритъ ни слова. Мы не можемъ согласиться съ авторомъ и относительно того, какъ онъ понимаетъ идеи Нитцше, у котораго, по собственному сознанію Залѣскаго, нѣтъ прямыхъ указаній на знакомство съ теоріей Вейсмана. Нитцше „только предугадалъ вейсманизмъ", по словамъ Залѣскаго, и, значитъ, не можетъ быть причисленъ къ его послѣдователямъ. Конечно, нельзя отвергать связи взглядовъ Нитцше съ теоріей Дарвина, откуда имъ взята мысль о борьбѣ за существованіе, какъ главномъ факторѣ развитія общества. Но Залѣскій почему-то противополагаетъ моралистовъ, раздѣляющихъ теоріи Дарвина и Спенсера, вейсманизму, хотя и послѣдній также основывается на представленіи объ естественномъ подборѣ и борьбѣ за существованіе, какъ основныхъ условіяхъ общественнаго развитія. Собственно говоря, никто изъ современныхъ этиковъ не можетъ игнорировать теоріи Дарвина, выводы которой Г. Спенсеромъ освѣщаются болѣе правильнымъ образомъ, чѣмъ Вейсманомъ, Тилле, Нитцше и др. Борьба за существованіе, игравшая такую большую роль въ началѣ возникновенія обществъ, на болѣе высшихъ ступеняхъ ихъ развитія выражается въ болѣе мягкихъ формахъ соперничества, соревнованія людей въ разныхъ сферахъ ихъ дѣятельности, помогаетъ, а не препятствуетъ развитію природныхъ силъ личности и достиженію разнообразныхъ ея жизненныхъ цѣлей. У Нитцше борь-

---

[1]) См. нашу статью о сочиненіи Кидда: „Соціальная эволюція" въ 49—50 №№ Юр. Библіографіи Д. Ю. Лицея.

ба представляется необходимымъ средствомъ для побѣды сильныхъ надъ слабыми, но подъ „сверхъчеловѣкомъ“ онъ понимаетъ не миѳическое чудовище, олицетвореніе всесокрушающей и всепобѣждающей силы и несокрушимой мощи. Въ глазахъ Нитцше „сверхъчеловѣкъ“—типъ всесторонняго развитія человѣческой личности, свободной отъ безчисленныхъ препятствій, какими являются, по его мнѣнію, современная христіанская религія и мораль, наука, искусство, право и государство [1]). Такимъ образомъ, философскіе взгляды Нитцше далеки отъ одностороннихъ, біологическихъ воззрѣній Вейсмана и самого Залѣскаго, который оказывается только поверхностно знакомымъ съ ученіемъ Нитцше, какъ и Б. Кидда. Но ни тотъ, ни другой не сумѣли выяснить въ одностороннемъ увлеченіи одинъ сплошнымъ отрицаніемъ всей современной европейской цивилизаціи, а другой изслѣдованіемъ важной въ ней роли религіознаго элемента всего грандіознаго процесса возникновенія и развитія моральныхъ идей въ исторіи человѣчества, вершиной котораго является альтруистическая мораль. Въ этомъ эволюціонномъ процессѣ приняли участіе всѣ элементы соціальной жизни, какъ и данныя психической жизни человѣка, на которыя Залѣскій не обратилъ никакого вниманія. Поэтому его альтруистическая мораль является невѣдомо откуда, какъ Deus ex machina. Эта мораль, такъ мало обоснованная, едва ли въ состояніи внушить больнымъ и слабымъ мысль о самопожертвованіи, удержать ихъ отъ браковъ въ представленіи о томъ огромномъ вредѣ, какой они могутъ принести будущимъ поколѣніямъ еще болѣе слабымъ и больнымъ своимъ потомствомъ.

Вторая часть книги Залѣскаго—историко-критическая предназначена для того, чтобы выяснить читателю, какъ ученіе о правѣ исторической школы было замѣнено великимъ направленіемъ Р. ф. Іеринга въ наукѣ права. Залѣскій считаетъ излишнимъ касаться теорій естественнаго права подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ достаточно устарѣли и ихъ ошибочность въ наукѣ уже установлена.

---

[1]) См. подробное изложеніе и критику взглядовъ Нитцше въ моей книгѣ: „Графъ Л. Н. Толстой и Ф. Нитцше“. Ярославль. 1898.

Напрасно, однако, авторъ такъ рѣшительно и безапелляціонно вычеркиваетъ изъ современной философіи права естественную школу. Основной ея взглядъ на человѣческую природу, ея наклонности, особенно-же духовно-моральнаго характера не только „не устарѣлъ", а, напротивъ, еще болѣе окрѣпъ и получилъ право гражданства въ юриспруденціи въ послѣдующихъ направленіяхъ—исторической школѣ, органической и новѣйшей—реалистической.

Все ученіе исторической школы права трудно понять безъ предварительнаго изученія школы естественнаго права: первая явилась реакціей отвлеченному міровоззрѣнію послѣдней и въ тоже время не могла совсѣмъ отрѣшиться отъ этого міровоззрѣнія. Таковы, напр., были взгляды представителей исторической школы на право, какъ общую волю, и особенно основное ея воззрѣніе на народный духъ, какъ источникъ права. Самъ Залѣскій въ обозрѣніи учезія исторической школы и его критикѣ обращаетъ вниманіе на эти недостатки во взглядахъ Савиньи, Пухты и ихъ послѣдователей, хотя и не догадывается, что въ этомъ случаѣ историческая школа наслѣдовала цѣликомъ ихъ отъ естественной школы права. Даже все міровоззрѣніе реалистической школы права во главѣ съ Іерингомъ не могло бы возникнуть безъ твердаго установленія естественной школой упомянутаго взгляда на человѣческую природу, какъ источникъ права. Телеологическій характеръ воззрѣній Іеринга образовался тоже не безъ нѣкотораго вліянія отвлеченнаго міровоззрѣнія естественной школы права. Такимъ образомъ, многія важныя, положительныя и отрицательныя, стороны исторической и реалистической школы права находятся въ тѣсной связи съ ученіемъ естественной школы, на все важное значеніе которой въ опредѣленіи современной наукой права основныхъ юридическихъ понятій обращено теперь особенное вниманіе [1]). Пренебрегая безъ всякихъ основан'й естественной школой права, Залѣскій со-

---

[1]) Такъ Бергбомъ въ своей: „Iurisprudenz und Rechtsphilosophie" указываетъ на живучесть многихъ воззрѣній естественной школы въ современной наукѣ права, Новгородцевъ („Историческая школа права") даетъ правильную оцѣнку этого факта и проч.

всѣмъ забываетъ объ органической школѣ права, которая съиграла большую службу наукѣ права въ примиреніи крайностей взглядовъ естественной школы права и исторической. Органическая школа повліяла на построеніе теорій объ образованіи права многихъ послѣдующихъ послѣ Савиньи ученыхъ, присягающихъ во многомъ его взглядамъ (напр., Варнконига, Блюнчли и др.). Также реалистическая школа Іеринга исходитъ въ своихъ воззрѣніяхъ на право изъ изученія разнообразныхъ условій образованія права въ исторіи, на которыхъ долго останавливается органическая школа права. Но оставимъ перечисленіе того, чего нѣтъ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ книги Залѣскаго. Посмотримъ, что въ ней есть.

Въ этомъ отдѣлѣ насъ поражаютъ, прежде всего, удивительныя названія отдѣльныхъ главъ: авторъ, вѣроятно, ради оригинальности даетъ имъ такія заголовки: отъ „Призванія нашего времени", до „Духа римскаго права". („Wom Beruf unserer Zeit" до „Ceist des Romichen Rechts"), отъ „Духа римскаго права" до „Борьбы за право" и „Цѣли въ правѣ" („Ceist d. Rom. Rechts" до „Kampf um's Recht" и „Zweck im Recht"). Шестая глава носитъ названіе: „Борьба за право" и „Цѣль въ правѣ" („Kampf um's Recht" и „Zweck im Recht"). Три слѣдующія: Послѣ „Борьбы за право" и „Цѣли въ правѣ" („Kampf um's Recht" и Zweck" im Recht), причемъ въ 4-й главѣ прибавлено: „Сторонники исторической школы", къ 8-й: „Переходныя воззрѣнія", а въ 9-й идетъ рѣчь о противникахъ исторической школы и послѣдователяхъ Іеринга. Повидимому, всѣ эти названія имѣютъ своею цѣлью охарактеризовать ихъ содержаніе. На самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого резона соединять различіе направленій въ наукѣ права съ различіемъ названій сочиненій Савиньи и Іеринга, особенно же отдѣльныхъ трудовъ послѣдняго: всѣ послѣдніе связаны одними общими идеями, которыя намѣчены въ Ceist etc. и развиты болѣе подробно въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Іеринга („Kampf um's Recht" и „Zweck im Recht"). Вмѣсто такой характеристики отношенія взглядовъ Іеринга къ воззрѣніямъ Савиньи и систематическаго изложенія всего ученія о правѣ самого Іеринга по его главнымъ трудамъ Залѣскій втискиваетъ все изложеніе предмета,

правда, въ эффектныя, но только ничего невыражающія и даже запутывающія заголовки. Подъ названными, замысловатыми и витіеватыми, титулами разныхъ главъ скрывается въ сущности обычное и слишкомъ знакомое каждому спеціалисту изложеніе ученія Савиньи и Іеринга объ образованіи права и сторонникахъ и противникахъ того и другаго въ современной наукѣ права. Нужно признать, что Залѣскій исчерпываетъ всю литературу предмета по данному вопросу и только изложеніе его не вездѣ систематично. Такъ, невѣдомо почему, онъ выдѣляетъ изъ общаго ученія Іеринга, части котораго онъ заимствовалъ изъ его сочиненія „Kampf um's Recht", взгляды Іеринга на силу въ правѣ въ особую (10-ю) главу („Сила и право"). Конечно, вопросъ объ отношеніи силы къ праву имѣетъ глубокое теоретическое и еще болѣе практическое значеніе. Практику юристу важно усвоить опредѣленный взглядъ, знать, на сколько право обезпечивается въ общественной жизни силой. Онъ видитъ примѣры зависимости отъ нея права въ лицѣ и дѣятельности знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей (напр., покойнаго Бисмарка). Поэтому-то теоретикъ-юристъ и обязанъ установить принципіальное отношеніе силы къ праву, дать руководящій взглядъ для практиковъ-юристовъ. Нельзя сказать, однако, чтобы Залѣскій сдѣлалъ что-либо подобное въ разбираемой (10-й) главѣ. Онъ ограничивается, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ изложеніемъ ученія представителей того направленія въ современной наукѣ права, которые болѣе или менѣе стремятся отождествить право съ силой. Таковы были: Гарумъ, Стинцингъ, собравшій массу историческихъ фактовъ для доказательства своей мысли, что право опредѣляется всюду силой, хотя вопросъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и остается открытымъ у Стинцинга. Самъ Залѣскій замѣчаетъ по поводу его такой неопредѣленности въ своихъ взглядахъ, что рѣшеніе названнаго вопроса просто и близко: правовой порядокъ обыкновенно существуетъ потому, что онъ хорошъ для даннаго общества, которое можетъ развиваться только вслѣдствіе относительно хорошаго качества его законовъ. Но противъ такого „простого" рѣшенія вопроса говоритъ наличность въ исторіи государствъ, достигшихъ значительнаго развитія

и считающихъ свою жизнь цѣлыми вѣками, но въ тоже время обладающихъ далеко не „хорошимъ“ юридическимъ строемъ въ смыслѣ его полезности для общаго благосостоянія. Таковы были, напр., всѣ восточныя и даже античныя государства, гдѣ благодѣянія права и дѣятельности государственной власти были „полезны“ однимъ слоямъ общества, высшимъ его сословіямъ и вредны низшимъ, осужденнымъ на постоянную работу на пользу высшихъ классовъ, безъисходную нужду и безпросвѣтную жизнь. Да, и въ новое время очень долго государство вмѣстѣ съ правомъ служили исключительно сначала интересамъ высшихъ классовъ (феодальному дворянству и духовенству), а потомъ абсолютной королевской власти и только въ XIX столѣтіи на сцену выступили и интересы среднихъ и низшихъ классовъ населенія, на которые и обращено теперь особенное вниманіе права и государства.

А. Штурмъ выводитъ также право изъ силы, но потомъ отрекается отъ своего взгляда. Колебанія по данному вопросу замѣчаются и въ воззрѣніяхъ извѣстнаго нѣмецкаго энциклопедиста — А. Меркеля, который болѣе, все таки, склоняется къ мысли, что сила необходимый элементъ понятія права, не задаваясь только вопросомъ о томъ, какъ происходитъ этотъ элементъ. Неопредѣленность во взглядахъ на отношеніе права къ силѣ наблюдается у Гагенса, Лейтнера. А. Гейлингеръ и Ф. Герцфельдъ высказываются прямо и рѣшительно, что право немыслимо безъ принудительнаго его осуществленія. Наконецъ, къ тому же лагерю относится и японскій профессоръ, Гироюки Като, который проповѣдуетъ чистую теорію права, какъ только силы, раздѣляя вмѣстѣ съ остальными представителями этого направленія взглядъ Іеринга, что право сила, и государство единственный его творецъ, какъ и его теорію борьбы за право и ученіе объ интересѣ, какъ главномъ элементѣ права.

Въ слѣдующей (11-й) главѣ книги Залѣскаго совершенно неожиданно затрогивается интересный вопросъ о „сравнительно—этнографическомъ методѣ“. Очевидно, онъ смѣшиваетъ цѣлую науку — сравнительную исторію права съ методомъ, которымъ оперируетъ эта новая отрасль юриспруденціи, успѣвшая за короткое время

время своего существованія принести значительную пользу развитію всей науки права, начиная съ его общей теоріи. Это значеніе за „сравнительно-исторической методой“ (?) признаетъ и Залѣскій, который совершенно правильно замѣчаетъ, что „нужно изучать право у всѣхъ народовъ земного шара по возможности во всѣ времена и тогда только можно построить общую теорію права“. Залѣскій также вѣрно оцѣниваетъ роль науки (а не методы) сравнительной исторіи права, которая устранила односторонность въ изученіи права, внесенную въ науку о правѣ исторической школой, съ ея взглядомъ на необходимость изученія только національнаго права, какъ единственнаго источника права. Залѣскій касается мимоходомъ, существующихъ въ литературѣ, различныхъ мнѣній, споровъ о „сравнительно-этнографической методѣ“, обнаруживая при этомъ незнакомство съ взглядами на назначеніе самой науки сравнительной исторіи права. Залѣскій знаетъ лишь одни труды А. Поста, у котораго онъ заимствуетъ и названіе метода съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, не только неуясняющимъ понятія науки и ея метода, но еще болѣе вносящимъ путаницу въ понятіе науки сравнительной исторіи права. Дѣло въ томъ, что Постъ говоритъ о сравнительно-этнологической методѣ, посредствомъ которой въ противоположность историческому методу, имѣющему дѣло лишь съ историческими фактами, изслѣдуются у всѣхъ народовъ земли одни и тѣже, общіе имъ, этническіе факты питанія, размноженія и сношеній. Отсюда и названіе его методы сравнительно—этнологической. Терминъ же этнографическій указываетъ на предварительное собраніе и описаніе не только этническихъ, но и всякаго другого рода фактовъ, какъ матеріала для сравнительно-историческаго изслѣдованія права. Если бы Залѣскій уяснилъ себѣ это различіе между терминами „этнологическій и этнографическій“ въ примѣненіи къ изученію сравнительной исторіи права, особенно же, если бы онъ обратилъ вниманіе на то, что ни тотъ, ни другой терминъ не примѣнимы къ методу этой науки, который давно уже названъ видными ея представителями за границей (Фриманомъ, Мэномъ, Бернхофтомъ, Колеромъ и др.) и у насъ (Ковалевскимъ, Сергѣевичемъ, Коркуновымъ) сравнительно-

историческимъ методомъ, тогда Залѣскій не впалъ бы въ такую грубую ошибку, непростительную для ученаго и вдобавокъ профессора университета по энциклопедіи права. Я имѣю въ виду смѣшеніе Залѣскимъ метода науки съ самой наукой, благодаря которому отъ него ускользаетъ представленіе о предметѣ, задачахъ и содержаніи науки сравнительной исторіи права и онъ ограничивается вмѣсто изученія обширной ея литературы изложеніемъ взглядовъ одного А. Поста, дѣйствительно почти всю свою жизнь посвятившаго разработкѣ въ многочисленныхъ трудахъ вопросовъ первобытной исторіи права, но имѣвшаго неправильные взгляды на предметъ сравнительной исторіи права и методъ этой науки. А между тѣмъ, изъ этихъ взглядовъ Поста, ошибочно отождествлявшаго юриспруденцію съ естественными науками относительно законовъ существованія и развитія общества, Залѣскій выводитъ странное заключеніе. Онъ именно говоритъ, что для полученія результатовъ, достигнутыхъ теоріей и методикой Поста, не было необходимости въ особой сравнительно-этнографической методѣ (т. е., наукѣ сравнительной исторіи права) и, кромѣ того, не придаетъ этой наукѣ самостоятельнаго значенія, а видитъ въ ней одно „лишнее подтвержденіе теоріи Іеринга“, которая появилась, однако, позже возникновенія названной науки (во Франціи въ началѣ XIX стол.). Въ глазахъ Залѣскаго все достоинство теоріи Поста въ томъ, что она ни въ чемъ не противорѣчитъ современнымъ воззрѣніямъ на право, что очень сомнительно, но что не было нужды „прибѣгать къ трудностямъ сравнительно-этнографической методы, если и безъ ея примѣненія получились бы такіе результаты“. Такимъ образомъ, оказывается, что вся сравнительная юриспруденція возникла только въ виду желанія нѣкоторыхъ ученыхъ, вѣрнѣе, одного Поста дать общую теорію права, или же собрать какъ можно больше фактовъ изъ области правовой жизни у разныхъ народовъ. Бѣдная сравнительная юриспруденція! За тобой не признаютъ даже права на самостоятельное мѣсто въ ряду твоихъ сестеръ,—другихъ юридическихъ наукъ! Казанскій профессоръ, поддаваясь невольно вліянію восточныхъ вѣяній, не прочь отвѣтить отрицательно на вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли признать право гражданства за этой наукой,

но въ послѣднюю минуту воздерживается отъ такого безповоротнаго приговора, который спасаетъ и научную честь самого, нашего философа-профессора. Онъ снисходительно соглашается, что Постъ, какъ и другіе ученые, которые работаютъ въ этой области, сослужили большую службу наукѣ и предсказываетъ даже блестящую будущность „сравнительно-этнографической методѣ", ошибочно принимаемой имъ за науку. Залѣскій, очевидно, не знаетъ, что методъ и наука — двѣ различныя вещи, методъ — только средство, путь для изслѣдованія явленій, и что только Постъ называетъ методъ сравнительной исторіи права „сравнительно-этнологическимъ", а большинство ученыхъ обозначаютъ его гораздо правильнѣе, какъ сравнительно-историческій методъ. Но оставимъ на этотъ разъ казанскаго ученаго съ его допотопными представленіями о сравнительной юриспруденціи, о которой, повидимому, не подозрѣваютъ въ казанскомъ университетѣ, и пойдемъ далѣе въ обозрѣніи удивительнаго содержанія книги Залѣскаго.

Мы не обмолвились, назвавши этотъ трудъ удивительнымъ, потому что слѣдующая (12) глава вводитъ читателя въ „внѣгерманскую юридическую литературу" вопроса, раскрываетъ въ авторѣ великаго знатока всѣхъ европейскихъ языковъ и литературъ (?), которые, однако, не помогаютъ ему оріентироваться въ общихъ юридическихъ вопросахъ. Залѣскій дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе о причинахъ невниманія къ успѣхамъ и развитію нѣмецкой литературы со стороны французовъ и англичанъ. Лишь итальянцы и особенно русскіе ученые не отстаютъ отъ нѣмецкой науки и своевременно усваиваютъ всѣ ея результаты. Залѣскій только не говоритъ, на сколько такое различное отношеніе европейскихъ народовъ къ нѣмецкой юридической наукѣ отражается на самостоятельномъ развитіи своей собственной науки у каждаго изъ нихъ. Повидимому, нашъ авторъ вмѣняетъ русскимъ въ особую заслугу, что они „своевременно" усвояютъ всѣ нѣмецкія научныя теоріи и что въ Россіи имѣются видные представители направленія Іеринга. А тотъ фактъ, что во Франціи и Англіи неизвѣстны ни историческая школа, ни іерингoвское направленіе оказывается въ глазахъ Залѣскаго большимъ пробѣломъ въ наукѣ обѣихъ этихъ европейскихъ странъ. Однако, при ближайшемъ зна-

комствѣ съ французской юридической литературой оказывается, что ученые юристы во Франціи при всей своей косности и привязанности къ устарѣлой теоріи „соизволенія“ по вопросу объ обычномъ правѣ не такъ отстали отъ нѣмецкой науки, какъ увѣряетъ насъ Залѣскій. Кромѣ представителей этой упомянутой теоріи „соизволенія“ законодателя на существованіе обычнаго права рядомъ съ закономъ (Обри, Ро, Мурлона, Демоломба, Прадье-Фодере и др.), есть во Франціи ученые, которые проводятъ въ своихъ трудахъ взгляды исторической школы, хотя и не всегда отрѣшаются отъ прежнихъ научныхъ теорій. Таковъ, напр., Намюръ, который соединяетъ вѣодно теорію исторической школы объ обычномъ правѣ вмѣстѣ съ теоріей соизволенія законодателя. Но брюссельскій профессоръ Руссель, котораго Залѣскій принимаетъ за французскаго ученаго, вѣроятно, потому, что онъ пишетъ по французски, уже послѣдовательно проводитъ теорію исторической школы. Олевилль смотритъ на обычное право глазами Пухты. Точно также раздѣляютъ взгляды исторической школы: Броша-де-ля-Фрешеръ, Эмиль Аколла, Рогэнъ, Орбанъ. Нѣкоторые же французскіе ученые критикуютъ ученіе исторической школы и испытываютъ на себѣ вліяніе новыхъ теченій въ философіи права (Пренъ, Курсель Сенель, Тардъ). Вопреки увѣренію Залѣскаго, что въ Англіи нѣтъ самостоятельныхъ теорій въ области философіи права, такая теорія оказывается на лицо и, притомъ, имѣетъ довольно многочисленныхъ представителей. Я говорю о такъ называемой англійской „аналитической школѣ въ юриспруденціи“, основателемъ которой является Джонъ Юстинъ. Особенностью взглядовъ этой школы и всей англійской юридической литературы является, по словамъ самого Залѣскаго, „точка зрѣнія эмпирическаго утилитаризма (иногда съ теологической окраской) и пониманіе обычнаго права, какъ судебныхъ обычаевъ“. Залѣскій объясняетъ и то, какъ сложились эти особенности въ Англіи, классической сторонѣ эмпирическаго утилитаризма, гдѣ онъ зародился и вполнѣ развился. Таже особенность правообразованія въ Англіи, въ которой издавна играли выдающуюся роль мировые судьи, судебная практика, объясняетъ хорошо, почему обычное право понимается здѣсь

въ видѣ однихъ судебныхъ обычаевъ. Залѣскій перечисляетъ цѣлый рядъ англійскихъ ученыхъ, принадлежащихъ къ аналитической школѣ, кромѣ Д. Остина (Стефенъ, Брумъ, Эмосъ, Маркби, Голландъ, Гэрнъ). Среди англійскихъ ученыхъ есть нѣкоторые, высказывающіе взгляды, близкіе къ ученію исторической школы. Таковъ Джемсъ Лоримеръ, признающій за обычнымъ правомъ значеніе ранней формы права, которая существуетъ въ обществѣ и въ то время, когда появляется въ немъ законъ. Давидъ Ричи смотритъ на право даже съ точки зрѣнія эволюціонной философіи и, между прочимъ, указываетъ на недостатки эмпирическаго утилитаризма. Въ итальянской юридической литературѣ замѣчается вліяніе самыхъ разнообразныхъ философскихъ направленій. На ряду съ метафизиками (Бовіо), идеалистами (Ліои), эклектиками (Приско, Карле) есть въ Италіи сторонники исторической школы (Вадала Папале), критики ея воззрѣній (Бьяджіо Бруджи); особенно много среди итальянскихъ ученыхъ сторонниковъ эволюціонной теоріи (Пулья, Гвельфи, Мантіа, Ваккаро, Марасло). Что касается, наконецъ, Россіи, то здѣсь преобладаютъ среди ученыхъ воззрѣнія исторической школы, хотя въ тоже время не остались безъ вліянія и взгляды Іеринга. Залѣскій упоминаетъ о русскихъ ученыхъ, энциклопедистахъ-юристахъ, въ сочиненіяхъ которыхъ выразились всѣ эти взгляды нѣмецкой юриспруденціи. Такъ Ренненкампфъ и Коркуновъ оба оказываются сторонниками ученія Іеринга объ интересѣ, какъ основѣ права, хотя въ ихъ воззрѣніяхъ на этотъ счетъ и есть большая разница: первый видитъ въ правѣ охрану общественныхъ интересовъ, а второй ихъ разграниченіе. Оставляя безъ возраженія взглядъ Ренненкампфа, Залѣскій возражаетъ Коркунову, что самое разграниченіе служитъ охранѣ интересовъ, а мы прибавимъ, что то и другое нужно для самыхъ интересовъ, ихъ достиженія, удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Здѣсь и есть узелъ, центръ назначенія права, въ которомъ охрана, защита нужна лишь въ случаѣ его нарушенія, представляетъ собою, слѣдовательно, не существенный, а побочный, второстепенный элементъ въ понятіи права. Только съ точки зрѣнія на право, какъ нравственную норму, имѣющую дѣло съ удовлетвореніемъ человѣ-

ческихъ потребностей, понятенъ указанный Залѣскимъ фактъ, что есть интересы, которые охраняются помимо ихъ разграниченія правомъ съ другими интересами. Самое разграниченіе ихъ только внѣшняя форма, въ которой право выполняетъ свою важную роль въ общественной жизни, гдѣ задача права въ всестороннемъ развитіи интересовъ членовъ общества, а не въ одномъ только ихъ разграниченіи. Залѣскій останавливаетъ особенное вниманіе на воззрѣніяхъ М. Н. Капустина, высказанныхъ имъ въ „Догматикѣ права". Считая ихъ особенно прогрессивными, не смотря на то, что сочиненіе Капустина появилось назадъ тому 30 лѣтъ, Залѣскій излагаетъ его взгляды на право вообще и особенно обычное право болѣе подробно. Залѣскій выставляетъ въ доказательство своего мнѣнія представленіе Капустина о правѣ, какъ охранѣ интересовъ и въ тоже время этическомъ минимумѣ. Какъ совмѣстить оба эти различные моменты въ понятіи права, мы не можемъ понять; что нибудь одно: или въ правѣ все дѣло лишь въ томъ, чтобы охранить интересъ, удовлетвореніе котораго составляетъ содержаніе такой юридической нормы, или же послѣдняя, прежде всего, выраженіе морали, хотя бы и въ минимальныхъ размѣрахъ, и уже потомъ охрана осуществленія извѣстныхъ нравственныхъ требованій, выраженныхъ въ правѣ. Залѣскій еще упоминаетъ о русскихъ ученыхъ—сторонникахъ ученія Іеринга-Гамбаровѣ и особенно Муромцевѣ, взгляды котораго удостоиваются со стороны казанскаго профессора одной лишь огульной похвалы. Между тѣмъ, если бы Залѣскій повнимательнѣе прочелъ извѣстную брошюру Пахмана, о которой онъ самъ вслѣдъ затѣмъ говоритъ и даже излагаетъ ея содержаніе, то онъ отнесся бы нѣсколько иначе ко взглядамъ Муромцева. Именно Пахманъ совершенно справедливо указываетъ, что пониманіе Муромцевымъ права, какъ организованной и благопріятной защиты отношеній, мало выясняетъ это понятіе и даже запутываетъ пониманіе права. Не всегда право было благопріятной защитой отношеній людей, какъ на это указываютъ многочисленные факты, напр., изъ средневѣковой жизни европейскаго общества, въ которомъ еретики ничего не выигрывали отъ преслѣдованій католиковъ, дѣйствовавшихъ на основаніи права. Затѣмъ,

указанное понятіе права у Муромцева не охватываетъ международнаго права, въ которомъ такъ мало еще организаціи и защиты международныхъ интересовъ отъ насилія и произвола со стороны наиболѣе могущественныхъ государствъ. Затѣмъ, въ томъ же понятіи права у Муромцева нельзя найти основаній для различія между правомъ вещнымъ и обязательственнымъ, въ которыхъ одинаково охраняются отношенія людей при коренномъ различіи между этими группами правовыхъ отношеній. Справедливо также замѣчаетъ Пахманъ, что понятіе права нисколько не уясняется оттого, что въ него вводится вмѣсто термина „интересъ" другой терминъ „отношеніе": въ обществѣ есть много отношеній, которыя, однако, не входятъ въ область права. Таковы отношенія дружбы и пр. Совершенно неправильно также мнѣніе Муромцева, что все дѣло въ понятіи права указать на „защиту", какъ главный въ немъ элементъ: для своего возникновенія право нуждается только въ людяхъ, въ природѣ которыхъ оно и находитъ источникъ своего появленія и осуществленія въ общественныхъ отношеніяхъ. Лишь при ненормальномъ явленіи въ правѣ, его нарушеніи выступаетъ необходимость защиты права, принужденія, которое играетъ въ данномъ случаѣ благородную роль средства для достиженія важныхъ интересовъ личности, опредѣляемыхъ правомъ. Наконецъ, вопреки взгляду Залѣскаго, далеки отъ истины воззрѣнія Муромцева на отношеніе морали къ праву: къ области морали онъ относитъ совершенно вѣрно справедливость, но послѣднюю понимаетъ въ смыслѣ мнѣній „власть имущихъ" о томъ, что справедливо или нѣтъ. Если такъ понимать справедливость, то право изъ „организованной защиты отношеній" превратится въ защиту только отношеній, интересовъ представителей власти, которымъ нѣтъ нужды до нуждъ общества, его пониманія справедливости. Такъ слѣпо примыкая ко взглядамъ Муромцева, нашъ философъ нападаетъ на Пахмана, которому принадлежитъ прекрасный очеркъ состоянія юриспруденціи въ началѣ 80-хъ годовъ XIX ст. Залѣскій несогласенъ съ Пахманомъ, что нельзя опредѣлить право, какъ охрану интересовъ, а слѣдуетъ понимать его, какъ признаніе за человѣкомъ извѣстной мѣры свободы. Послѣднее понятіе права у

Пахмана дѣйствительно не совсѣмъ точно: свобода личности, ея развитіе въ обществѣ—главная цѣль дѣятельности права и государства, но самое право всегда совокупность нормъ, регулирующихъ отношенія людей въ обществѣ. Залѣскій упоминаетъ еще о воззрѣніяхъ на обычное право проф. Сергѣевича, который указываетъ на неправильность взгляда исторической школы права на народный духъ, какъ источникъ права вообще, а также и обычнаго, и въ заключеніе всей историко-критической части, изобилующей разными странными разсужденіями и курьезными взглядами, подводитъ имъ общій итогъ, говоритъ объ отношеніи реалистической школы права къ исторической, заслугахъ первой и устарѣлости и ошибочности ученія о правѣ послѣдней, замѣненнаго теперь утилитарно-эволюціонной теоріей права.

Въ послѣдней, критико-догматической части своего сочиненія Залѣскій сводитъ къ одному знаменателю весь матеріалъ первыхъ двухъ частей. Эта послѣдняя часть разбивается авторомъ на три особыхъ части, которыя всѣ имѣютъ своей главной задачей построить общую теорію права на утилитарно-эволюціонной почвѣ. Послѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній о правѣ и его формахъ, Залѣскій переходитъ къ вопросу объ обычномъ правѣ, разсматриваетъ разныя теоріи объ его происхожденіи, разрѣшаетъ попутно различныя, повидимому, неразрѣшимыя противорѣчія, чтобы придти потомъ къ тому, давно извѣстному взгляду, что народное правовое убѣжденіе необходимый признакъ обычнаго права, хотя содержаніе этого убѣжденія и не всегда опредѣленно, сознаніе юридической необходимости извѣстныхъ нормъ обычнаго права не всегда ясно. Народное убѣжденіе тоже, что убѣжденіе отдѣльныхъ членовъ народа. Залѣскій указываетъ на различные способы образованія обычнаго права, особенно же русскаго. Переходя къ закону, онъ даетъ общепринятое его опредѣленіе, обсуждаетъ вопросъ о соотношеніи между обычнымъ правомъ и закономъ, указываетъ на недостаточность многихъ обычаевъ и затѣмъ заявляетъ, что государство есть единственный творецъ и носитель права, которое создается властью. Такъ Залѣскій, сначала придававшій обычному праву самостоятельное значеніе въ образованіи права, теперь низводитъ его до

низшей, вспомогательной, второстепенной нормы, зависящей отъ воли законодателя. На его сторонѣ Залѣскій кладетъ всю мудрость правителей и ученыхъ помощниковъ; созданіе же „темной массой народа, бредущаго ощупью и наугадъ, приблизительно-цѣлесообразныхъ нормъ обычнаго права являетъ“ въ глазахъ нашего ученаго „зрѣлище грустное и жалкое, и иногда даже полное трагизма“. Покончивши такъ съ обычнымъ правомъ, о которомъ авторъ ранѣе толковалъ довольно много и, какъ оказывается, совсѣмъ напрасно, онъ также быстро разрѣшаетъ вопросъ объ отношеніи права къ морали, примыкаетъ рѣшительно тоже къ общепринятому представленію о правѣ, какъ этическомъ минимумѣ, но оставляя за нимъ принужденіе въ качествѣ существеннаго признака права, такъ что если въ немъ и остается что либо отъ морали, то этотъ минимумъ слишкомъ не замѣтенъ, микроскопиченъ. Залѣскій не можетъ понять, что право по своему происхожденію слишкомъ близко къ морали, въ которой нѣтъ мѣста какому-либо принужденію, и что только при осуществленіи права—въ случаѣ его нарушенія принужденіе является необходимымъ орудіемъ для возстановленія нарушеннаго юридическаго порядка. Въ послѣдней (16) главѣ Залѣскій увѣнчиваетъ все свое мозаичное зданіе, которое стоило ему такихъ большихъ хлопотъ по его устройству, черпаетъ основаніе для своей теоріи объективнаго права въ глубинѣ мірозданія и отъ „первобытной слизи“ постепенно поднимается по его лѣстницѣ отъ неорганическаго къ органическому и въ немъ къ человѣческимъ обществамъ, гдѣ начинаетъ изученіе „соціальныхъ императивовъ“ съ моды, затѣмъ идутъ обычаи, мораль и право (обычное право и законъ). А въ заключеніе своей „философіи объективнаго права“, на которой, какъ мы видѣли, осталось не немало таки слѣдовъ этой „первобытной слизи“, Залѣскій пророческимъ окомъ заглядываетъ и за „завѣсу будущаго“ и увѣренно предсказываетъ въ немъ сліяніе морали и права, предвѣстникомъ чего теперь, вѣроятно, служитъ совершившееся уже сліяніе у Залѣскаго обычнаго права съ закономъ.

В. Щегловъ.

---

1) Frédéric Lévy. Des Sentences indéterminées Paris. 1896.

Названная работа г. Lévy посвящена одному изъ волнующихъ современную уголовно-политическую мысль вопросовъ — вопросу о такъ называемыхъ неопредѣленныхъ приговорахъ.

Подъ „неопредѣленными приговорами" разумѣются такіе приговоры, въ которыхъ не опредѣляется продолжительности наказанія. Неопредѣленными приговорами создается особый видъ санкціи, при которомъ въ законѣ опредѣляется только родъ наказанія или даже и его maximum и minimum, но судъ освобождается отъ обязанности выбрать соотвѣтствующую штрафную единицу и опредѣлить ее въ своемъ обвинительномъ приговорѣ (эта единица устанавливается впослѣдствіи исполнительными органами). „C'est", замѣчаетъ справедливо о неопредѣленныхъ приговорахъ г. Леви, „donc la suppression du dosage judiciaire des peines, et c'est encore l'incertitude de la liberation. Dans la loi, ce sont des dispositions pénales dont le chiffre est absent". „Неопредѣленные приговоры" вносятъ въ организацію дѣла борьбы съ преступностью совершенно новыя начала, діаметрально противуположныя общепринятымъ. Путемъ „неопредѣленныхъ приговоровъ" сторонники ихъ думаютъ устранить изъ современной постановки дѣла борьбы съ преступностью рѣзко бьющіе въ глаза присущіе этой постановкѣ недостатки.

Изученіе вопроса о неопредѣленныхъ приговорахъ поэтому представляетъ живой интересъ.

Несмотря на существованіе спеціальной литературы этого вопроса, создавшейся въ послѣднее двадцатилѣтіе, работа г. Леви заслуживаетъ вниманія какъ первая попытка (хотя и не особенно удачная) набросать цѣльную картину развитія этого вопроса и по возможности всесторонне его освѣтить.

Трудъ г. Леви распадается на четыре главы. Первая носитъ заглавіе „неопредѣленные и опредѣленные приговоры", вторая — „неопредѣленные приговоры въ связи съ общими условіями реп-

рессіи", третья—„неопредѣленные приговоры и цѣль репрессіи", и четвертая—„организація системы неопредѣленныхъ приговоровъ".

Въ первой главѣ авторъ даетъ историческій очеркъ развитія идеи неопредѣленныхъ приговоровъ, останавливается на опредѣленіи ихъ природы и классификаціи ихъ формъ и пытается уяснить причины ихъ возникновенія, проводя паралель между ними и приговорами опредѣленными.

Родиной неопредѣленныхъ приговоровъ, по мнѣнію автора, является Америка. Еще въ 1870 году на конгрессѣ въ Цинцинати подымается, точно формулируется и обсуждается вопросъ объ этихъ приговорахъ, а съ 1876 года изъ области теоретическихъ разсужденій этотъ вопросъ переносится на практическую почву: неопредѣленные приговоры получаютъ примѣненіе въ такъ называемыхъ сѣверо-американскихъ исправительно-воспитательныхъ институтахъ [1]).

На европейской почвѣ этотъ вопросъ возникаетъ не столько подъ вліяніемъ Сѣверной Америки, сколько самостоятельно. Впервые онъ возбуждается на Стокгольмскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ M. Richard Vaux, а въ 1880 году появляется знаменитая работа Kraepelin-a (Die Abschaffung des Strafmasses), посвященная защитѣ идеи неопредѣленныхъ приговоровъ. Эта работа послужила толчкомъ къ разработкѣ этого вопроса въ литературѣ. Труды Листа и дѣятельность Международнаго союза криминалистовъ обратили всеобщее вниманіе на неопредѣленные приговоры и привели къ тому, что эти приговоры стали предметомъ всесторонняго обсужденія нетолько въ литературѣ, но и на ученыхъ съѣздахъ и конгрессахъ. Въ настоящее время существуетъ спеціальная литература, посвященная неопредѣленнымъ приговорамъ. Эта литература особенно развилась на Германской почвѣ. Въ Англіи и Франціи доминируетъ враждебное отношеніе къ неопредѣленнымъ приговорамъ. Объ итальянской литературѣ авторъ не упоминаетъ.

Между тѣмъ въ Итальянской литературѣ вопросъ о неопредѣлен-

---

[1]) См. Мою брошюру «Исправительно-воспитательные институты въ Сѣверной Америкѣ».

ныхъ приговорахъ не только не обходится молчаніемъ (труды Ферри, Гарофало), но онъ даже начерченъ на знамени итальянской позитивной школы уголовнаго права, и форма, въ которой онъ выражается, не представляетъ изъ себя ничего своеобразнаго. Жаль, что авторъ сократилъ свой и такъ достаточно краткій историческій очеркъ.

Обрисовавъ кратко историческій процессъ развитія идеи неопредѣленныхъ приговоровъ, авторъ останавливается на формахъ выраженія этой идеи и различается совершенно основательно два типа, двѣ формы неопредѣленныхъ приговоровъ: 1) абсолютно-неопредѣленную и 2) относительно-неопредѣленную.

Абсолютно-неопредѣленная форма имѣетъ мѣсто тогда, когда приговоръ ограничивается только признаніемъ обвиняемаго виновнымъ и заслуживающимъ наказанія, продолжительность же заключенія ставится всецѣло въ зависимость отъ юридической или пенитенціарной власти, имѣющей право во всякое время, по своему усмотрѣнію, освободить заключеннаго. При абсолютно-неопредѣленной формѣ никакихъ предѣловъ продолжительности заключенія въ обвинительномъ приговорѣ не устанавливается.

Основной характеръ относительно-неопредѣленной формы заключается въ томъ, что продолжительность наказанія ограничивается a priori опредѣленіемъ его maximum-а и minimum-а или только одного maximum-а (эти ограниченія могутъ быть установлены то закономъ, то судомъ, maximum можетъ быть опредѣленъ закономъ. minimum—судомъ). При относительно-неопредѣленной формѣ опредѣляются конечные моменты продолжительности заключенія, моментъ же дѣйствительнаго освобожденія заранѣе неопредѣляется, и установленіе этого момента предоставляется спеціально на то созданнымъ органамъ. Къ относительно-неопредѣленной формѣ слѣдуетъ отнести и тотъ случай, когда размѣръ наказанія, хотя и опредѣляется точно въ обвинительномъ приговорѣ, но въ тоже время предоставляется возможность сократить или продлить установленную въ приговорѣ продолжительность наказанія, а равно и всѣ тѣ случаи, когда допускается примѣненіе института условнаго освобожденія, такъ какъ съ примѣненіемъ этого института создается воз-

можность сокращенія опредѣленной въ судебномъ приговорѣ продолжительности наказанія, вслѣдствіе чего эта продолжительность пріобрѣтаетъ неопредѣленный характеръ, точно опредѣленнымъ становится только ея maximum.

Что же вызываетъ необходимость созданія неопредѣленныхъ приговоровъ въ той или иной ихъ формѣ? Эту необходимость авторъ видитъ въ недостаткахъ современныхъ способовъ опредѣленія продолжительности заключенія. Современный механизмъ опредѣленія продолжительности заключенія сводится, какъ извѣстно, къ слѣдующему: законодатель, руководствуясь соображеніями субъективнаго и объективнаго свойства, опредѣляетъ соотвѣтствующую данному случаю карательную величину въ ея maximum-ѣ и minimum-ѣ, судья въ этихъ установленныхъ законодателемъ предѣлахъ выбираетъ соотвѣтствующую данному случаю штрафную единицу.

При установленіи этого maximum-а и minimum-а оперируютъ съ абстрактными понятіями, оцѣниваютъ значеніе преступленія и наказанія по ихъ опредѣленіямъ. При выборѣ соотвѣтствующей штрафной единицы, за неимѣніемъ руководящаго начала, руководствуются обыкновенно прецедентами. Судебныя органы въ большинствѣ случаевъ не знаютъ характера того наказанія, которое они примѣняютъ (что̀ является результатомъ печальнаго отдѣленія юстиціи отъ тюремной администраціи). Они не въ состояніи при ихъ кратковременномъ и поверхностномъ соприкосновеніи съ обвиняемымъ изучить его характеръ и особенности и вслѣдствіе этого не въ состояніи установить необходимое для борьбы съ нимъ карательное средство.

Результатомъ такого положенія дѣла представляется назначеніе безполезнаго и по своимъ послѣдствіямъ вреднаго для дѣла борьбы съ преступностью краткосрочнаго заключенія. Результатомъ такого положенія дѣла представляется освобожденіе заключенныхъ по истеченіи указаннаго срока, хотя бы это освобожденіе являлось крайне опаснымъ для интересовъ общежитія.

Съ ужасомъ поэтому приходится директору карательнаго учрежденія ждать момента освобожденія нѣкоторыхъ тюремныхъ сидѣльцевъ: ему хорошо извѣстна опасность, связанная съ этимъ освобожденіемъ.

Устранить эти печальныя послѣдствія возможно только, передавъ дѣло опредѣленія размѣра наказанія въ руки органовъ близко соприкасающихся съ тюремными сидѣльцами, знающихъ ихъ и могущихъ судить о нихъ. Только съ проникновеніемъ въ карательныя системы идеи неопредѣленныхъ приговоровъ дѣло борьбы съ преступностью можетъ стать дѣломъ цѣлесообразнымъ. Современное же наказаніе, заключаетъ первую главу своего труда г. Леви, излагающій вполнѣ объективно выше указанныя соображенія, говорящія въ пользу неопредѣленныхъ приговоровъ, „n'est ni suffisamment protectrice, ni utilisable; elle ne le sera que si elle ist indefinie (34-я стр.).

Вторая глава труда г. Леви носитъ заглавіе „неопредѣленные приговоры и общія условія репрессіи". Она въ свою очередь распадается на нѣсколько параграфовъ, въ которыхъ авторъ, кромѣ обсужденія значенія неопредѣленныхъ приговоровъ съ эволюціонной точки зрѣнія, значенія ихъ для дѣла общей превенціи, обрисовки роли законодателя и судьи при господствѣ системы неопредѣленныхъ приговоровъ, особенное вниманіе удѣляетъ значенію неопредѣленныхъ приговоровъ для индивидуальной свободы.

Эволюція наказанія, по видимому, ведетъ, думаетъ авторъ, къ развитію идеи неопредѣленности. Эта идея уже рѣзко обрисовывается въ области церковнаго права. „Nous trouvous égalament", замѣчаетъ г. Леви, „des sentences imprécises, donc des peines indéfinies, dans l'histoire. C'est la precédure des juridictions ecclésiastiques". Въ церковныхъ судахъ произносились рѣшенія, осуждавшія виновнаго оставаться въ тюрьмѣ „jusqu'à ce qu'il soit amendé et fasse pénitence" (138 стр.). Историческій процессъ развитія карательныхъ системъ въ текущемъ столѣтіи, въ свою очередь, замѣтно подчеркиваетъ идею неопредѣленности наказанія. Законъ 2 мая 1895 относительно релегаціи рецидивистовъ, извѣстный многимъ современнымъ законодательствамъ институтъ условнаго освобожденія, принятый способъ опредѣленія продолжительности пребыванія въ исправительно-воспитательныхъ учрежденіяхъ—вотъ примѣры проникновенія въ карательныя системы идеи неопредѣленности.

Проникновеніе этой идеи не можетъ, по мнѣнію автора, отразиться вредно на дѣлѣ общей въ превенціи. Необходимость опредѣленныхъ наказаній для этого дѣла не доказана; успѣхъ этого дѣла скорѣе обусловливается быстротой и неотвратимостью преслѣдованія и осужденія, чѣмъ опредѣленностью и строгостью наказаній.

Точно также проникновеніе этой идеи не находится ни въ какомъ противорѣчіи съ живущей въ обществѣ потребностью преслѣдовать преступниковъ. Для удовлетворенія этой потребности достаточно обнаружить преступника и покарать его. „Mais", замѣчаетъ г. Леви, „il semble que la sentence indeterminée puisse répondre à cette condition et ne comromettre rien" (стр. 57-я).

Но, быть можетъ, проникновеніе этой идеи отражается вредно на индивидуальной свободѣ? Неопредѣленные приговоры не подавляютъ ли гарантій, охраняющихъ свободу всѣхъ гражданъ?

Существенной гарантіей индивидуальной свободы, несомнѣнно, представляется судебный приговоръ. Необходимо, чтобы никто не могъ быть лишенъ свободы и принадлежащихъ ему правъ иначе, какъ по суду.

Съ принятіемъ неопредѣленныхъ приговоровъ эта существенная гарантія не уничтожается. Съ введеніемъ этихъ приговоровъ, опредѣлять преступленія остается по прежнему дѣломъ законодателя, судить—дѣломъ суда. Справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Леви: „Seul, le législateur continuera à définir les actes prohibés, et le pouvoir de condamner reste au seul Juge. Comme aujourdhui, il appliquera la loi, prononcera sur la culpabilte et décidera de l'acqmittement ou de la condamnation. Jl ne saurait être question de détention arbitraire (стр. 65-я). Такимъ образомъ, и рѣчи быть не можетъ о какой бы то нибыло опасности для свободы гражданъ, связанной, будто, съ принятіемъ неопредѣленныхъ приговоровъ.

Быть можетъ, однако, съ принятіемъ этихъ приговоровъ связывается опасность, если не для свободы гражданъ вообще, то для свободы осужденныхъ? Быть можетъ, съ принятіемъ этихъ приговоровъ, осужденные подпадаютъ подъ власть незнающаго никакихъ границъ произвола?

Противники неопредѣленныхъ приговоровъ на эти вопросы отвѣчаютъ утвердительно. Съ принятіемъ неопредѣленныхъ приговоровъ окончательное рѣшеніе о судьбѣ человѣка, по ихъ мнѣнію, передается въ руки администраціи, директора тюрьмы и, даже болѣе, въ руки тюремнаго надзирателя.

Не отрицая возможности такой опасности для свободы осужденныхъ, г. Леви находитъ однако, что высказываемыя опасенія въ этомъ отношеніи крайне преувеличены. О такой опасности, по его мнѣнію, можетъ быть рѣчь, если неопредѣленные приговоры выражаются въ абсолютно неопредѣленной формѣ. Если же они выражаются въ относительно-неопредѣленной формѣ, если они примѣняются къ опредѣленной категоріи преступниковъ, эта опасность сводится къ нулю. Да и наконецъ, устраненіе этой опасности всегда возможно путемъ соотвѣтствующей организаціи тюремной администраціи.

Въ разсматриваемой нами главѣ г. Леви останавливается на роли законодателя и судьи при господствѣ системы неопредѣленныхъ приговоровъ.

Роль законодателя при системѣ неопредѣленныхъ приговоровъ въ ихъ относительно-неопредѣленной формѣ сводится, кромѣ установленія признаковъ преступленія, къ опредѣленію maximum-а и minimum-а или одного только maximum-а наказанія, могущаго примѣняться вообще или въ данномъ конкретномъ случаѣ. Роль эта слѣдовательно, можно сказать, не измѣняется сравнительно съ той ролью, которая выпадаетъ на долю законодателя при господствующей въ настоящее время относительно-опредѣленной санкціи.

При системѣ неопредѣленныхъ приговоровъ въ ихъ абсолютно-неопредѣленной формѣ роль законодателя, по мнѣнію Леви, должна состоять въ „à définir les actes délictueux, à les prohiber et à organiser la répression“ (81 стр.). Съ неопредѣленными приговорами въ ихъ обсолютно-неопредѣленной формѣ связывается, по мнѣнію г. Леви, нежелательное устраненіе подраздѣленія преступныхъ дѣяній на виды по ихъ тяжести.

Это замѣчаніе г. Леви врядъ ли основательно. Съ господствомъ неопредѣленныхъ приговоровъ связывается только упрощеніе, а не

окончательное устраненіе подраздѣленій преступныхъ дѣяній по ихъ тяжести.

Что касается роли судьи при господствѣ системы неопредѣленныхъ приговоровъ, то она значительно видоизмѣняется. Дѣятельности судьи ограничивается констатированіемъ наличности совершенія преступнаго дѣянія и признанія подсудимаго виновнымъ. Вмѣсто опредѣленія въ судебномъ приговорѣ размѣра причитающагося осужденному наказаніе, судья, въ качествѣ члена спеціальной комиссіи, занимается разрѣшеніемъ вопроса объ освобожденіи осужденнаго изъ карательнаго учрежденія.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе второй главы труда г. Леви.

Въ третьей главѣ своего труда г. Леви занимается уясненіемъ значенія неопредѣленныхъ приговоровъ съ точки зрѣнія задачъ карательной дѣятельности.

Онъ останавливается прежде всего на отношеніи неопредѣленныхъ приговоровъ къ идеи возмездія и находитъ, что какъ опредѣленность, такъ и неопредѣленность одинаково уживаются съ этой идеей, но въ томъ и другомъ случаѣ реализація этой идеи заставляетъ желать очень многаго. Во всякомъ случаѣ неопредѣленные приговоры изобрѣтены не для реализаціи идеи возмездія. Они являются логическимъ послѣдствіемъ идеи цѣлесообразности въ наказаніи. „L'indetermination dans la durée du traitement se justifie pleinement par le but meme de la répression: garder indéfiniment les incorrigibles, libérer les amandables" (10 стр.). Неопредѣленные приговоры особенно соотвѣтствуютъ исправительнымъ тенденціямъ въ карательной дѣятельности, хотя въ тоже время и примѣненіе ихъ въ борьбѣ съ неисправимыми преступниками, по мнѣнію г. Леви, логично.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Піонтковскій.

Н. П. Дружининъ: „Общепонятное законовѣдѣніе“ Научно-практическое пособіе. Москва 1898. 262 стр.

Въ предисловіи къ своей книгѣ авторъ указываетъ на всю необходимость юридическихъ знаній для русскаго общества, сознанную хорошо еще въ прошломъ вѣкѣ (Екатериной II). Особенно важно пріобрѣтеніе свѣдѣній о правѣ, законахъ для народной массы, призванной послѣ 1861 г. къ гражданской жизни наравнѣ съ остальными сословіями русскаго народа. Ученые, публицисты, русская печать указываютъ давно уже на то, на сколько является настоятельной потребностью текущаго времени включеніе науки права въ систему общаго образованія. „Одну изъ слабыхъ сторонъ нашей образованности составляетъ, замѣчаетъ проф. Карѣевъ, отсутствіе науки права въ совокупности знаній, обращающихся въ нашей интелигенціи“. Карѣевъ отмѣчаетъ вообще низкій уровень законности и правоваго сознанія въ нашемъ обществѣ и рекомендуетъ для пополненія этого пробѣла знакомство съ общей теоріей права, излагаемой въ университетахъ въ курсахъ энциклопедіи права. Оно должно составить предметъ преподаванія не только въ среднихъ, но даже и низшихъ школахъ. Такъ преподаванію и особенно популяризаціи права предстоитъ, по словамъ г. Дружинина, у насъ широкое развитіе. И авторъ разбираемой нами книги рѣшился самъ помочь въ ощущаемой всѣми нуждѣ въ научно—популярныхъ юридическихъ пособіяхъ и предлагаетъ читателямъ „краткое, но цѣльное общее пособіе по законовѣдѣнію, родъ *популярной юридической энциклопедіи*“.

Однако, эта энциклопедія составлена Дружининымъ по особой системѣ, отличной отъ общепринятой. Нашъ авторъ выходитъ изъ вполнѣ вѣрнаго представленія о задачахъ, которыя долженъ преслѣдовать авторъ подобной книги—руководства по общей теоріи права. Въ немъ должны заключаться свѣдѣнія о важнѣйшихъ общихъ постановленіяхъ, дѣйствующихъ законахъ при извѣстномъ теоретическомъ освѣщеніи. Право должно быть представлено здѣсь, какъ нѣчто цѣльное, объяснены его общія основы. Отсюда необходимость въ строгой системѣ изложенія предмета, внутренняя

связь между всѣми юридическими понятіями. Посмотримъ теперь, въ какой степени удовлетворяетъ выставленнымъ Дружининымъ требованіямъ его же книжка.

На первомъ планѣ въ ней стоитъ отдѣлъ общаго характера, озаглавленный: „населеніе, законъ и власть". Здѣсь указаны элементы государства, по словамъ Дружинина. Вторая часть содержитъ „важнѣйшіе общіе законы:" гражданскіе, законы о паспортахъ, о печати и народномъ образованіи, торговлѣ и промышленности, общественной безопасности, государственномъ благоустройствѣ и народномъ благосостояніи. Этимъ исчерпывается вопросъ о *задачахъ* государства, дополненіемъ къ которому является изложеніе постановленій о *средствахъ* выполненія этихъ задачъ — законы о податяхъ, пошлинахъ, сборахъ и повинностяхъ. Здѣсь-же помѣщены, вѣроятно, тоже причисляемые авторомъ къ средствамъ для осуществленія задачъ государства, законы о воинской повинности. Третья часть посвящена государственному устройству и управленію. Здѣсь даны понятія о видахъ и родахъ органовъ управленія и ихъ составѣ и послѣ классификаціи учрежденій на первомъ планѣ поставлены низшія, крестьянскія учрежденія, за которыми слѣдуютъ уѣздныя и губернскія учрежденія, вѣдающія крестьянскія дѣла, земскія и городскія общественныя учрежденія, правительственныя губернскія учрежденія и, наконецъ, центральныя (министерства) и высшія (государственный совѣтъ, сенатъ и комитетъ министровъ). Въ заключеніе третьяго отдѣла говорится о верховной власти въ Россіи. Въ 4-й части идетъ рѣчь объ уголовной охранѣ законовъ, въ 5-й — о судебной охранѣ правъ. При чемъ, въ первой послѣ общихъ понятій о преступленіи и наказаніи г. Дружининъ разсматриваетъ отдѣльные виды преступленій и наказаній. А въ послѣдней части своей книги онъ также даетъ сначала общія понятія о судебныхъ дѣлахъ и судебной власти. Такова система популярной юридической энциклопедіи права г. Дружинина. При самомъ поверхностномъ ея обозрѣніи становятся замѣтными своеобразныя отклоненія автора отъ установившагося въ наукѣ права способа изложенія всего ея разнообразнаго матеріала, особенно общей ея части. Въ книгѣ Дружинина мы не

находимъ совсѣмъ отдѣла или, по крайней мѣрѣ, хоть, одной главы, гдѣ-бы разсматривалось общее понятіе о правѣ—этотъ коренной вопросъ энциклопедіи права. Всѣ остальныя общія юридическія понятія представляются разбросанными по разнообразнымъ отдѣламъ. Ихъ расположеніе и взаимное отношеніе опредѣляются не внутреннею связью, требованіями дѣйствительный научной системы, необходимость которой авторъ признаетъ въ своей книгѣ, а чисто случайными, внѣшними соображеніями. Такъ законы гражданскіе помѣщены вслѣдъ за законами о состояніяхъ, потому что они имѣютъ съ ними существенную связь, которую, несомнѣнно, нельзя отвергать и по отношенію къ уголовнымъ законамъ и еще болѣе законамъ о печати, торговлѣ, промышленности и. т. д. Законы о паспортахъ излагаются прежде законовъ о печати на томъ только основаніи, что свобода передвиженія очень важное право. А общественная безопасность и народное благосостояніе развѣ менѣе важны для гражданъ? Этого-же рода законы отодвинуты г. Дружининымъ далѣе законовъ о торговлѣ и промышленности. Всѣ перечисленные законы и въ томъ числѣ гражданскіе (изъ семейнаго и имущественнаго права) и даже законы о паспортахъ отнесены авторомъ къ задачамъ государства. Поэтому за ихъ изложеніемъ слѣдуетъ у него законы о податяхъ, пошлинахъ и т. д. Но почему тутъ-же прибавлены и законы о воинской повинности, Дружининъ не объясняетъ. Классификація учрежденій въ государствѣ очень запутана у Дружинина, который собралъ у себя всѣ способы распредѣленія государственныхъ учрежденій, существующіе въ литературѣ по этому вопросу, но не позаботился предварительно отнестись критически къ взглядамъ разныхъ ученыхъ и установить болѣе правильную классификацію учрежденій. Такъ, кромѣ основнаго ихъ раздѣленія на высшія и подзаконныя, у нашего автора мы встрѣчаемъ еще подраздѣленіе всѣхъ учрежденій на правительственныя, общественныя и сословныя, и еще болѣе мелкое различіе между разными видами правительственныхъ учрежденій—высшими, центральными и мѣстными. Въ этой сложной классификаціи одинъ и тотъ-же терминъ—высшій примѣняется и къ самому крупному подраздѣленію учрежденій и наиболѣе мелкому.

А затѣмъ коренное раздѣленіе ихъ на высшія и подзаконныя можетъ навести простодушнаго читателя книжки Дружинина на мысль, что перваго рода учрежденія не „подзаконныя“, значитъ могутъ дѣлать, что имъ угодно въ государствѣ. На самомъ-же дѣлѣ рѣчь идетъ на этотъ разъ только о противопоставленіи учрежденій по степени власти и подчиненности. Но тогда можно только говорить о различіи между высшими и низшими учрежденіями, что и дѣлаетъ въ текстѣ книги Дружининъ, который почему-то въ введеніи упоминаетъ вмѣсто этого только о высшихъ и подзаконныхъ учрежденіяхъ. Въ классификаціи учрежденій у Дружинина нѣтъ ни слова объ органахъ самоуправленія, которые существуютъ на Западѣ Европы и у насъ рядомъ съ правительственными мѣстными учрежденіями. Въ то же время авторъ говоритъ о земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, называя ихъ общественными,—терминъ, менѣе употребляемый по отношенію къ органамъ самоуправленія, нежели это послѣднее ихъ названіе и не такъ точный, какъ это слово, обозначающее ихъ функціи въ государственной жизни. Но оставимъ систему книги Дружинина съ разными ея погрѣшностями, особенно неумѣстными въ популярномъ руководствѣ по наукѣ права. Посмотримъ, даетъ-ли его авторъ достаточно точныя и ясныя юридическія понятія, которыхъ читатель въ правѣ ожидать отъ книги съ такимъ руководящимъ характеромъ по юриспруденціи.

Дружининъ даетъ въ первой главѣ опредѣленія закона и власти, государства, гражданина и этимъ исчерпываются у него всѣ общія юридическія понятія, обыкновенно помѣщаемыя въ первомъ отдѣлѣ по энциклопедіи права (общее ученіе о правѣ). Дружининъ вовсе не опредѣляетъ, что такое право, такъ что невольно приходитъ на умъ, что онъ отождествляетъ право съ закономъ, хотя послѣдній только одна изъ формъ права, стоящая рядомъ съ первоначально важнѣйшей его формой—обычнымъ правомъ. Далѣе и тѣ общія понятія, какія мы находимъ у Дружинина, не отличаются необходимою точностью и опредѣленностью. Государство у него болѣе или менѣе обширное общество людей, живущихъ на извѣстной территоріи. О власти, какъ не-

обходимомъ элементѣ въ понятіи государства, Дружининъ не упоминаетъ. Только потомъ онъ замѣчаетъ, что „власти—тѣже граждане“, облеченные особыми правами для управленія государственными дѣлами. Но здѣсь уже говорится не объ общемъ понятіи государственной власти, а объ ея субъектахъ и ихъ публичныхъ правахъ. Власти обязаны, говоритъ нашъ энциклопедистъ, подчиняться законамъ наравнѣ со всѣми гражданами и руководствоваться въ своей дѣятельности тоже одними законами: безъ закона нѣтъ ни правъ, ни обязанностей. Совершенно соглашаясь съ такимъ пониманіемъ всей важности закона въ жизни государства, мы должны въ тоже время замѣтить, что о неразрывной связи между правами и обязанностями говорятъ обыкновенно вообще по отношенію къ праву. Г. Дружининъ, забывая дать общее его понятіе, упустилъ и сообщить своимъ читателямъ такія тѣсно связанныя съ его опредѣленіемъ понятія, какъ—юридическое отношеніе, субъектъ и объектъ права и субъективное и объективное право и т. д. Всѣ эти общія основныя понятія въ наукѣ правѣ отсутствуютъ въ популярной юридической энциклопедіи Дружинина.

Гораздо болѣе общихъ понятій авторъ даетъ изъ области другихъ юридическихъ наукъ—государственнаго, финансоваго, административнаго, уголовнаго и процессуальнаго права. Эти понятія, совершенно правильно опредѣляемыя г. Дружининымъ, помѣщены въ началѣ каждаго соотвѣтствующаго отдѣла. Все важное значеніе его книги не столько въ этихъ юридическихъ понятіяхъ, сколько въ изложеніи обширнаго матеріала—всѣхъ положеній дѣйствующаго въ Россіи гражданскаго, государственнаго, финансоваго, уголовнаго и процессуальнаго права. Поэтому авторъ называетъ свою книгу „научно—практическимъ пособіемъ“ къ изученію роднаго права. Такой исключительно практическій характеръ руководства Дружинина виденъ изъ цѣлой массы приложеній къ его книгѣ, состоящихъ изъ образцовъ и формъ всякаго рода дѣловыхъ бумагъ: прошеній, заявленій, жалобъ, договоровъ, завѣщаній, приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ и т. п. Издавая свою книгу, авторъ имѣлъ намѣреніе помочь, главнымъ образомъ, сельскому малограмотному населенію, обреченному на

безсиліе въ защитѣ своихъ правъ, совершенно имъ неизвѣстныхъ. Мы можемъ сказать, что г. Дружинину этотъ опытъ удался вполнѣ. На самомъ дѣлѣ всѣ нужныя практическія свѣдѣнія при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ въ юридической жизни крестьянскаго населенія они могутъ найти въ пособіи Дружинина, которое принесетъ немалую пользу и при распространеніи его въ средѣ городскаго населенія и даже такъ называемомъ образованномъ его классѣ, обладающемъ обыкновенно смутными представленіями въ области права. Къ числу положительныхъ достоинствъ книги Дружинина относится еще общедоступное, ясное изложеніе всего содержанія, самыхъ различныхъ юридическихъ понятій и снабженіе книги спискомъ научныхъ и практическихъ пособій, которыя могутъ оказаться нужными при болѣе обстоятельномъ знакомствѣ съ разными вопросами права.

В. Щегловъ.

Викторъ Шарбонелъ: „Жажда жизни". Философско-нравственное разсужденіе. Спб. 1898 г. 260.

Викторъ Шарбонель-одинъ изъ современныхъ французкихъ ученыхъ литераторовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ философовъ, на которыхъ можно смотрѣть, какъ на вѣрныхъ послѣдователей ученія графа Л. Н. Толстаго. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ всего глубоко поучительнаго для каждаго мыслящаго читателя содержанія книги Шарбонеля, который дѣлаетъ, подобно Толстому, попытку найти въ внутренней жизни человѣческой души, нравственно-религіозныхъ идеалахъ современныхъ поколѣній исходъ изъ невыносимаго состоянія „конца вѣка". Внѣшнія силы нахлынули, осквернили и завладѣли, говоритъ Шарбонель, священнымъ убѣжищемъ нашей души. Святѣйшіе законы и обычаи становятся закономъ нашей воли. Условная мораль дѣлается нашею моралью. Рѣдко мы сознаемъ пагубность вліянія на насъ народной толпы и образованныхъ лицемѣровъ, прибѣгаемъ къ благороднымъ традиціямъ и священнымъ воспоминаніямъ, касающимся семейства, страны, религіи. Въ извѣстное время дня на насъ нападаетъ тоска; мы

начинаемъ вдумываться, находимъ, что въ жизни, поставленной въ зависимость отъ внѣшнихъ вліяній, быть самимъ собою и управляться собственной волей не имѣетъ смысла. Слова—домъ, добродѣтель, честь, преданность возбуждаютъ волю до крайнихъ предѣловъ—до героизма. Инстинктъ нравственной доброты, живущій въ насъ, является какъ-бы результатомъ жизни человѣчества, направленной къ добру. Но едва мы проявляемъ желаніе свободной, самостоятельной жизни, какъ снова подпадаемъ подъ гнётъ и примиряемся съ этой участью. Поэтому Шарбонель совѣтуетъ бороться, защищаться отъ внѣшнихъ препятствій. Не слѣдуетъ засыпать надъ выполненной задачей, но постоянно оживлять порывы души, безпрестанно возносить свои стремленія до возможной степени нравственнаго идеала къ вѣчнымъ предметамъ, которые могутъ заставить насъ забыть суетность преходящихъ вещей. Шарбонель сравниваетъ жизнь современныхъ поколѣній съ механической работой поденщицъ - кружевницъ города Брюгге: мы выполняемъ трудъ жизни, какъ онѣ выполняютъ трудъ искусства. Мы сплетаемъ свои дни добрыхъ дѣйствій. Какъ кружевницамъ въ своихъ кружевахъ, такъ и намъ удается иногда включать въ рядъ нашихъ разнообразныхъ стремленій какую—нибудь красоту, которая, однако, идетъ не отъ насъ, не составляетъ сіянія нашей души.

И такъ, наша жизнь, есть ничто, если мы не живемъ собственной жизнью и если принципъ не лежитъ въ насъ. Нравственная жизнь заключается не во внѣшнемъ порядкѣ нашихъ дѣйствій или манерахъ держать себя въ свѣтѣ. Быть приличнымъ, корректнымъ, комильфотнымъ не значитъ имѣть нравственное достоинство. Люди—фарисеи не обладаютъ ни истиннымъ благочестіемъ, ни настоящей добродѣтелью. Жизнь—это вѣчное завоеваніе истины, долга искренностью совѣсти. Болѣзнь нашего времени—разсчитывать больше на дѣйствія, какъ результатъ нашихъ знаній, а не нашей собственной энергіи, болѣе на умственную воспріимчивость, чѣмъ на моральную дѣятельность. Сначала заботятся объ образованіи, идеяхъ, потомъ о воспитаніи и жизни. Забыта совсѣмъ истина, что надо добиваться правды всей душею и что только одно сердце

способно понимать жизнь. Такъ, заключаетъ Шарбонель, внѣшняя сила насъ просвѣщаетъ, ведетъ, но никогда не создаетъ въ насъ жизни. Мудрость учитель совѣсти—только свѣтъ, который блеститъ предъ нами на нашемъ трудномъ пути. Жизнь заключается въ насъ самихъ, таится въ глубинѣ нашей души. „Душа надобна“ говоритъ Акимъ у графа Толстого. Имѣть душу, раскрыть ее и укрѣпить—это первый законъ для того, кто хочетъ жить. Всякая жизнь зарождается изъ таинственнаго союза и взаимнаго проникновенія Бога и нашей души. Она—совокупность стремленій къ идеалу, высшей добротѣ, безконечному улучшенію, которая направляется чувствомъ абсолютной зависимости отъ высшей воли, выраженной въ нравственныхъ принципахъ и законахъ жизни. Многіе факты нашей жизни убѣждаютъ въ присутствіи въ насъ такой души, которая проявляетъ свое присутствіе въ подвигахъ самопожертвованія, вдохновляетъ насъ и заставляетъ дѣйствовать. Душа проявила свое присутствіе какъ бы съ содраганіемъ въ геніальныхъ, сильныхъ историческихъ людяхъ—Сократѣ, Платонѣ, въ наше время графѣ Л. Толстомъ. „Спасеніе въ васъ“ сказалъ онъ. Будемъ же жить въ себѣ, своимъ внутреннимъ міромъ.

„Бдительность совѣсти“—таково названіе слѣдующей, второй главы книги Шарбонеля, который здѣсь доказываетъ. что мы должны въ своей жизни прислушиваться къ голосу своей совѣсти. Она необходима для нашей духовной жизни. Мы можемъ услышать благородные призывы къ добру и долгу, но лучше всего довѣрять своему личному сужденію. Шарбонель сѣтуетъ на то, что люди какъ бы сговорились тайно не высказывать ни въ своихъ отношеніяхъ, ни въ разговорахъ какого—либо нравственнаго безпокойства. Надъ всякимъ проповѣдникомъ строгой нравственности тяготѣетъ общее презрѣніе. Похвала и порицаніе выслушиваются съ улыбкой презрѣнія. Шарбонель считаетъ совершенно излишнимъ являться всюду мстителемъ оскорбленной нравственности, защитникомъ попранныхъ правъ цѣлаго человѣчества, строгимъ и сварливымъ ревнителемъ принциповъ. Нахмуренныя фигуры пуританъ и проповѣдниковъ приносятъ мало пользы добродѣтели, обладающей чарами нѣжности и граціи. Но нѣтъ нужды въ такихъ

крикахъ и вызывающемъ поведеніи. Нужно быть лишь высоко нравственными въ нашихъ желаніяхъ, стремленіяхъ и мысляхъ и мужественно исполнять свой долгъ, если наступитъ время протестовать, защищаться отъ дурныхъ словъ или поступковъ. Шарбонель настаиваетъ на необходимости нравственнаго общенія между людьми съ сходными возрѣніями: такое постоянное общеніе — самое могущественное средство для жизненности совѣсти. Мы можемъ найти братскія души въ числѣ лицъ нашего дома, общества, религіи. Намъ нужна дружба, но не та, которая даетъ только забвеніе отъ труда и ежедневной борьбы, а такая дружба, которая поддерживаетъ и возвышаетъ нашу совѣсть олицетвореніемъ высокихъ словъ: добро, долгъ, честность, искренность, трудъ, безкорыстіе, любовь. Для насъ важнѣе, изучая себя, отдаваться порыву нашихъ духовныхъ силъ, чѣмъ слѣдовать постороннему вліянію. Истинное нравственное величіе заключается въ величіи нашей совѣсти. Но желаніе и пробужденіе безсмертнаго въ глубинѣ совѣсти должны близко соприкасаться съ дѣйствительной жизнью. Призывая всѣхъ людей къ внутренней жизни, Шарбонель указываетъ и на необходимыя условія ея пробужденія въ человѣкѣ. Это, прежде всего, молчаніе и созерцаніе, нужныя людямъ среди пустыхъ волненій и шума, производимаго ихъ гордостью, жадностью и ссорами. Излишняя откровенность, многоглаголаніе вредны для нашей нравственной жизни. Нашъ духовный видъ отвлекается заботой о секретахъ, чтобы ими заинтересовать постороннихъ. Нашей главной задачей становится придать объективную красоту внѣшней сторонѣ нашего существа. Таинственная, глубокая природа человѣка скрывается обыденнымъ легкимъ тщеславіемъ. При молчаливомъ размышленіи энергія сосредоточивается и напрягается посредствомъ дѣятельныхъ рѣшеній. Мотивы дѣйствія обсуждаются добросовѣстнѣе, глубже проникаютъ въ свободный разумъ и болѣе возбуждаютъ волю. Всѣ храбрые, стойкіе, дѣятельные люди какъ въ публичной, такъ и въ частной жизни молчаливы. Наоборотъ, слово ослабляетъ и уничтожаетъ нашу энергію, поддерживаетъ нашу гордость предъ вульгарными людьми и гнететъ насъ при воспоминаніи, что мы наговорили такъ

много. Это воспоминаніе можетъ ослабить, извратить состояніе нашей души. Мнѣніе другихъ пріобрѣтаетъ надъ нами свою тиранническую власть. Свѣтскіе люди ощущаютъ странную робость передъ молчаніемъ, выказывающимъ духовную сторону человѣка. Оно кажется имъ опаснымъ при чужихъ и случайныхъ друзьяхъ, которыхъ они не любятъ и не желаютъ узнать ближе. Если-бы даже намъ пришлось вслѣдствіе разныхъ причинъ принимать извѣстное участіе въ комедіи свѣтскихъ салоновъ, гдѣ всѣ стараются ошеломить слушателей своей пустой болтовней, подчинимся и мы ограниченному закону болтовни и если не можемъ молчать, то будемъ, по крайней мѣрѣ, сдержанны, удовольствуемся условными, вульгарными словами, потомъ обратимся къ нашимъ интимнымъ мыслямъ. Мы можемъ возвыситься надъ всѣми пышными бездѣльниками, волнующими окружающихъ насъ, смотрѣть съ нравственной высоты на ничтожество личностей, съ которыми намъ приходится соприкасаться вслѣдствіе различныхъ странностей, общественныхъ обязанностей и условій жизни, можемъ, не бывая въ свѣтѣ, не спускаться до его уровня, никогда не принадлежать къ нему. Тотъ, кто чувствуетъ пустоту человѣческаго слова, ничтожество разговоровъ ограниченныхъ и скучныхъ людей, долженъ радоваться. Это доказываетъ, что его душа бодрствуетъ, сохранила всю свою чистую энергію. Если намъ дано нравственное счастье обмѣняться сочувственнымъ взглядомъ съ друзьями, которыхъ ожидало наше сердце, будемъ оставаться посреди свѣтской лжи и пустоты вдали отъ неискренняго свѣтскаго разговора. Нетронутая почва семейныхъ привязанностей можетъ дать намъ истинныхъ друзей въ отцѣ, матери, братьяхъ, сестрахъ. Самые милые, интимные разговоры ведутся всегда дома, гдѣ всякій чувствуетъ и высказывается именно такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Но если мы осуждены на одиночество въ родномъ домѣ, гдѣ часто бываютъ хороши другъ съ другомъ безъ дружбы, постараемся найти родственныхъ, симпатичныхъ намъ людей на сторонѣ. Тогда мы мало по малу отстанемъ отъ пустого, болтливаго свѣта, оставимъ далеко за собой его жалкія тревоги. Но, помимо бесѣдъ съ нашими друзьями, намъ нужно и одиночество,

бесѣда съ самимъ собою, вдали отъ всякаго шума. Душа человѣка нуждается во внимательныхъ остановкахъ во тьмѣ, одиночествѣ для того, чтобы заглянуть на низшій горизонтъ ежедневныхъ заботъ, не отвлекаться шумомъ отъ пути. Спасеніе въ насъ самихъ, въ совѣсти, нравственномъ законѣ, высшихъ стремленіяхъ къ идеалу, которымъ мы должны слѣдовать въ нашей жизни. Доктрины философовъ, откровенія пророковъ, нравственныя правила и всякаго рода соціальныя учрежденія не помогутъ намъ отыскать правильный путь въ жизни. Добро и нравственный прогрессъ являются въ ней вслѣдствіе пробужденія и развитія внутренняго духа.

Шарбонель представляетъ въ видѣ своего разговора съ прекрасной, чистой, жаждущей жизни, но уже испытавшей разочарованіе душой свои глубокія по нравственному смыслу разсужденія о роли страданій въ жизни. Такую душу, которую страданія взволновали, омрачили, подавили въ ней волю, Шарбонель утѣшаетъ внушеніемъ, что на физическія страданія, и часто самыя ужасныя, осуждены всѣ живыя существа въ этомъ мірѣ. Еще мучительнѣе, тяжелѣе страданія въ умственной и нравственной области. Мы даже не знаемъ цѣли жизни, не смотря на то, что принуждены и хотимъ жить. Это неопредѣленность печалитъ нашу душу и приводитъ ее въ отчаяніе. А если мы и подумаемъ, что нашли истинную цѣль жизни, предъ нами тотчасъ проходитъ толпа пошлыхъ людей, занятыхъ своими интересами и удовольствіями. Эти люди не испытываютъ большаго безпокойства. Мало по малу и мы поддаемся вульгарной низости практическихъ людей, начинаемъ принадлежать къ стаду, управляемому лицемѣрнымъ соглашеніемъ, свѣтскою ложью. Наше ограниченное существо никогда не въ состояніи достигнуть, схватить и овладѣть безконечною мечтою — дружбой, любовью, восторгами. Предметы нашей любви, дружбы и восторговъ всегда далеки отъ насъ. Осужденные на вѣчное и неудовлетворенное желаніе, мы чувствуемъ себя несчастными. Въ нашемъ жалкомъ человѣчествѣ зло бываетъ близко отъ добра. Справедливы слова Паскаля, что человѣкъ есть въ одно и тоже время слава и мерзость вселенной. Изъ одного и того-же человѣ-

ческаго отростка выходятъ герои, разбойники, святые и порочные, дѣвственницы и развратныя женщины. Въ человѣческомъ сердцѣ смѣшиваются благородныя мысли и преступные разсчеты, высокія желанія и свирѣпыя страсти, величіе и безчестіе. Сколько безобразія и низости въ окружающемъ насъ стадѣ людей. Проявленіе животнаго чувства замѣчается во всѣхъ движеніяхъ и поступкахъ. Ужасы звѣрства и физической боли могутъ въ каждую минуту развиться и охватить наше существо. Мы по природѣ братья самихъ предосудительныхъ людей и подвергаемся риску сдѣлаться похожими на нихъ. Хотя нравственный законъ регулируетъ человѣческую жизнь, но противъ этого закона постоянно возстаютъ страсти и вообще зло,—мелочность, глупая скупость, посредственность, подлость, слабость. Жизнь души—жестокая борьба страданія, мужественная внутренняя работа и преодолѣніе самыхъ тяжелыхъ препятствій. Дѣйствительная наша судьба—нищета, печаль, болѣзнь и смерть и въ связи съ этимъ вѣчная и ужасная реакція нашей жизни. Указывая на возможный выходъ изъ этого ужаснаго положенія, Шарбонель осуждаетъ всякія „подлыя увертки“ отъ разрѣшенія великаго вопроса о смыслѣ жизни и убѣждаетъ смотрѣть въ лицо страданію которое при всемъ его давленіи на нашу внутреннюю энергію и наши дѣйствія не служитъ причиною нашего упадка, а напротивъ составляетъ необходимое условіе жизни. Физическія страданія, даютъ познать цѣну жизни и наслаждаться ею, чувствомъ здоровья и благосостоянія. Страданія тѣла возбуждаютъ въ немъ энергію и вызываютъ въ другихъ благородное чувство состраданія что вызываетъ общеніе между людьми, солидарность между ними. Законъ нашей умственной жизненности лежитъ въ вѣчномъ безпокойствѣ, постоянномъ исканіи и въ прогрессивномъ завоеваніи истины. Умственная жизнь наша состоитъ въ пытливости, трудѣ и усиліи. Безъ страданія мы могли-бы любить только по инстинкту: порывисто, слѣпо, раздражительно. Черезъ страданіе мы научаемся любить разсудительно. Нравственное страданіе въ нашей природѣ. Нравственность вырабатывается въ нашемъ сознаніи борьбою. Мы должны свободно и храбро завоевывать добродѣтель. Наша жизнь ограниченна; сознаніе этой огра-

ниченности для насъ тягостно. Но это служитъ доказательствомъ, что мы устремляемъ наши взоры дальше, къ улучшенію, идеалу. Каждое проявленіе дѣятельности вкладываетъ въ наше существо новое улучшеніе и радость. Жить широко и развиваться, постоянно стремиться къ добру и совершенству жизни, это доставляетъ безконечную отраду и составляетъ счастье. Хорошо жить— значитъ быть счастливымъ. Шарбонель выражаетъ твердую увѣренность, что настанетъ другая жизнь, въ которой найдется оправданіе для того жестокаго положенія, въ которомъ мы находимся. Жизнь могла-бы быть дурною, невыносимою, если-бы послѣ мрачныхъ страданій она оканчивалась полною и вѣчною смертью, погруженіемъ въ ничтожество. Придетъ великое завтра нашей ночи тайны и страданій съ неизмѣримою радостью на землѣ.—

„Погрузи сосудъ твой въ глубину воды", говоритъ Шарбонель устами мудреца—старика всякому, кто вздумалъ бы постигнуть красоту міра вдали отъ него. Тотъ, кто влагаетъ красоту и величіе въ малѣйшую капельку воды, не позволяетъ никому эгоистично и спокойно уединиться для счастливаго созерцанія своего перламутрозаго сосуда, но повелѣваетъ не бояться движенія волнъ, яростныхъ, буйныхъ толчковъ, всѣхъ опасностей и страданій, быть въ общеніи жизни и мужественно встрѣчать мученическое испытаніе. Представляя въ живыхъ образахъ мѣста успокоенія разныхъ людей, знатныхъ, простыхъ, друзей и родныхъ, Шарбонель ободряетъ живущихъ напоминаніемъ о „мирѣ и блаженствѣ счастливыхъ умершихъ". Ясное спокойствіе разольется тогда въ нашей жизни, полной неизвѣстности, и это чувство будетъ лучшей поддержкой въ усталости и трудахъ, которые приноситъ съ собою каждый день.

Послѣднія четыре главы своей книги Шарбонель посвящаетъ вопросу о религіи и ея идеалѣ. Шарбонель констатируетъ разнообразныя и далекія отъ истины представленія людей о религіи. Она не механическое собраніе церковныхъ обрядовъ, набожныхъ жестовъ, благочестивыхъ молитвъ. Точно также нельзя назвать религіей кодексъ хорошаго поведенія, умѣнья прекрасно держать себя въ обществѣ, видѣть въ ней только блюстительницу нравовъ. Иные

видятъ въ религіи поводъ раздѣлять людей по церквамъ и приходамъ; для нѣкоторыхъ религія прочная броня, составленная изъ традицій, предразсудковъ и административныхъ распоряженій. Конечно, замѣчаетъ Шарбонель, обрядъ, нравственныя правила, духъ защиты, общественное устройство и политическая власть, догматическій авторитетъ и умственное владычество составляютъ элементы всякой религіозной формы. Но все это не содержитъ истинной, глубокой религіи души. Внѣшняя природа держитъ человѣка въ подчиненіи своимъ силамъ, ограничиваетъ его свободу различными необходимостями и роковыми опредѣленіями, разбиваетъ существованіе жестокими столкновеніями. Ужасные уроки смерти ежечасно готовы напомнить человѣку объ его безжалостномъ рабствѣ. Вслѣдствіе сознанія этой зависимости и страха предъ природой и вѣры въ Бога,—Владыку міра человѣкъ существо религіозное. Шарбонель прекрасно выясняетъ, какъ образуется религія въ человѣкѣ, который начинаетъ съ сознанія своей зависимости отъ природы. Но онъ не даетъ ея силамъ раздавить себя. Унего есть склонности, стремленія, которыя онъ противопоставляетъ роковому ходу вещей, потребность относительнаго освобожденія, способность понимать матеріальный міръ, властвовать и управлять имъ. Затѣмъ человѣкъ отдѣляетъ отъ безсознательной массы вещей Божество, пребывающее на небѣ Съ тѣхъ поръ онъ считаетъ себя вправѣ бороться съ природой попробовать подчинить ее своей волѣ посредствомъ науки. Божество въ глазахъ человѣка является въ роли могущественной силы, участвующей въ правильномъ ходѣ вещей, распредѣленіи добра и зла. Скоро человѣкъ признаетъ за Божествомъ силу измѣнять явленія природы ради нуждъ человѣка. Понятіе о божественномъ становится понятіемъ о безконечномъ, которое получаетъ надъ нами таинственную власть. Человѣкъ старается проникнуть въ тайну, становится существомъ, желающимъ свободно дѣйствовать. Такъ основными элементами религіи въ насъ является чувство физической зависимости отъ природы, замѣняющееся чувствомъ психической и нравственной зависимости отъ Бога и внутренняя мольба нашей души о нашемъ нравственномъ освобожденіи во имя справедливости и доброты. Это понятіе о религіи, осно-

ванное на психологіи религіознаго акта, не противорѣчитъ самымъ обширнымъ даннымъ, представляемымъ откровеніемъ и богословіемъ. Шарбонель связываетъ съ понятіемъ религіи и идеальныя представленія людей въ области ихъ нравственной и вообще общественной жизни. Понятіе идеала также неопредѣленно, какъ и многія другія общія понятія. Шарбонель поэтому устанавливаетъ эти понятія, предварительно указавши на житейское, жалкое представленіе объ идеалѣ финансиста, бюрократа и под. Нынѣ помѣщаютъ идеалъ въ мірѣ призраковъ и химеръ, когда на самомъ дѣлѣ идеалъ—реальное явленіе въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ осуществиться; онъ устанавливается каждымъ существомъ сообразно силамъ своей природы, ихъ возможному совершенству. Идеалъ—не утопія. Чтобы постепенно подыматься до идеала, намъ слѣдуетъ побѣждать препятствія на пути къ его достиженію. Мы должны завоевывать свой идеалъ шагъ за шагомъ. Идеалъ заключаетъ въ себѣ представленіе о безконечномъ совершенствѣ—нравственномъ, умственномъ и эстетическомъ. Шарбонель констатируетъ паденіе въ современномъ обществѣ религіозныхъ вѣрованій и идеаловъ. Неумолимая критика проникла до основаній увѣренности и каждый день она пробиваетъ новую брешь во всѣхъ системахъ догматизма. Вѣра затронута въ самомъ источникѣ, самой глубинѣ нашей разумной жизни. Нѣтъ болѣе догматовъ, но нѣтъ и истинъ. Нѣтъ храмовъ, боговъ, но нѣтъ и академій и портиковъ мудрецовъ. Нѣтъ высшей, прочной доктрины, на которой могъ-бы основываться великій нравственный авторитетъ. Новое поколѣніе, покинувъ священные храмы вѣры и молитвы, не видитъ ясныхъ храмовъ мудрости. Въ этомъ и заключается громадное горе людей безъ вѣры, которые въ тоже время и люди безъ мысли. Но появились нѣкоторые молодые люди, которые хотятъ жить, защищаться отъ печальнаго разочарованія, ужаса высшихъ отрицаній. Вотъ такимъ-то людямъ Шарбонель и предлагаетъ свою „религію идеала“. Она состоитъ въ чувствѣ зависимости отъ загробнаго, идеальнаго міра, полнаго порядка и гармоніи. Сильная вѣра въ прогрессивный порядокъ освобождаетъ и возвышаетъ человѣка. Въ глазахъ его всякія страданія, даже самая страшная смерть не пред-

ставляетъ собою ужаса. Вся современная наука—только открытіе идеальнаго міра нашего разума. Наука идеалистична въ самомъ своемъ принципѣ: она исходитъ изъ понятія о томъ, что должно быть, чтобы найти конкретное представленіе въ томъ, что есть. Знаніе имѣетъ своимъ предметомъ твореніе, систематическое строеніе міра посредствомъ разума при управляющемъ свѣтѣ идеала. Наука—прогрессивное и относительное завоеваніе истины. Въ наукѣ идеалъ освобождаетъ человѣческій разумъ. Современный ученый чувствуетъ себя предъ болѣе обширной тайной, чѣмъ горизонты, которыми ограничивалось созерцаніе халдейскихъ пастуховъ. Сіяніе нравственнаго идеала одушевляетъ насъ жаромъ и энергіей къ добру. Вѣра въ этотъ идеалъ освобождаетъ и спасаетъ, потому что она внушаетъ любовь къ добру. Шарбонель высказываетъ глубокую вѣру въ возвышенное значеніе въ жизни науки, искусства, морали, въ которыхъ онъ видитъ доказательства стремленій человѣка къ идеалу и вмѣстѣ съ тѣмъ молитву и поклоненіе. Ученые, художники, герои—высшіе жрецы этого культа, безпрестанно приближающіеся къ идеальному существу, обладающему всѣми совершенствами. Религія идеала—безпокойное исканіе Бога въ области науки, искусства, морали и пр. Только эта религія—истинная религія, которая имѣетъ свое исполненіе и особую молитву „невѣдомому Богу". Ею Шарбонель заканчиваетъ свою крайне интересную книгу, гдѣ затрогиваются самые жгучіе вопросы современной общественной жизни. Шарбонель не разрѣшаетъ ихъ вполнѣ; его книга можетъ показаться даже какимъ-то мистическимъ разсужденіемъ на разныя высокія темы. Но за то эти темы обрисованы здѣсь въ такомъ освѣщеніи и полнотѣ, что читаешь книгу съ начала до конца съ постоянно усиливающимся интересомъ и вниманіемъ и убѣждаешься самъ въ необходимости „жажды жизни", свободной отъ всего случайнаго, жалкаго, тормозящаго осуществленіе высшихъ идеаловъ человѣческой жизни и дѣятельности.

В. Щегловъ.

S0041289
СФ СПбГУ